

Марк Твен. Принц и нищий

Mark Twain. The Prince and the Pauper

A TALE FOR YOUNG PEOPLE OF ALL AGES

Повесть для молодых людей всех возрастов

Метод чтения Ильи Франка

Книгу адаптировали Андрей Бессонов и Алексей Попович

Под редакцией Ильи Франка

PREFACE (Предисловие)

I will set down a tale (я изложу историю; *to set down* — *класть*) as it was told to me by one (как она была рассказана мне одним (человеком), who had it of his father (кто услышал ее от своего отца; *to have* — *иметь, получать*), which latter (которую последний /т.е. отец/) had it of his father (получил ее от своего отца), this last (этот последний) having in like manner had it of his father (в такой же манере получивший ее от своего отца) — and so on (и так далее), back and still back (назад и еще назад /в историю/), three hundred years and more (триста лет и больше), the fathers were transmitting it to the sons and so preserving it (отцы передавали ее сыновьям и таким образом сохраняли ее). It may be history, it may be only legend, a tradition (это может быть история, это может быть лишь легенда, традиция). It may have happened, it may not have happened: but it could have happened (это могло произойти, могло не произойти: но это могло произойти; *to happen* — *случаться*). It may be that the wise and the learned believed it in the old days (может быть, что мудрые и ученые верили в нее в старые дни = давние времена); it may be that only the

unlearned and the simple loved it and credited it (может быть, что только неученые и простые = простаки любили ее и верили в нее).

transmit [trænz`mɪt], tradition [trə`dɪʃ(ə)n], learned [ˈlɜ:nɪd]

I will set down a tale as it was told to me by one who had it of his father, which latter had it of his father, this last having in like manner had it of his father — and so on, back and still back, three hundred years and more, the fathers transmitting it to the sons and so preserving it.

It may be history, it may be only legend, a tradition. It may have happened, it may not have happened: but it could have happened. It may be that the wise and the learned believed it in the old days; it may be that only the unlearned and the simple loved it and credited it.

CHAPTER I (Глава первая)

The Birth of the Prince and the Pauper (Рождение Принца и Нищего)

IN the ancient city of London (в древнем городе Лондоне), on a certain autumn day (в один осенний день; *certain* — *некоторый, определенный*) in the second quarter of the sixteenth century (во второй четверти шестнадцатого века), a boy was born to a poor family of the name of Canty (мальчик был рожден в бедной семье по фамилии Кэнти), who did not want him (которая не хотела его). On the same day another English child (в тот же день другой английский ребенок) was born to a rich family of the name of Tudor (родился в богатой семье по фамилии Тюдор), who did want him (которая хотела его). All England wanted him too (вся Англия хотела его тоже). England had so longed for him (так хотела его; *to long for smth* — *страстно желать чего-либо*), and hoped for him (надеялась на него), and prayed God for him (и молила Бога за него),

that (что), now that he was really come (сейчас, когда он действительно пришел), the people went nearly mad for joy (люди почти сошли с ума от радости; *to go mad* — *сойти с ума*).

Mere acquaintances (едва знакомые люди; *acquaintance* — *знакомство, знакомый*) hugged and kissed each other and cried (обнимали и целовали друг друга и плакали). Everybody took a holiday (каждый взял выходной; *to take* — *брать*), and high and low (и высокий и низкий), rich and poor (богатый и бедный), feasted and danced and sang (пировали и танцевали и пели), and got very mellow (и стали очень добродушными); and they kept this up for days and nights together (и они продолжали это день и ночь вместе: «в течение дней и ночей»; *to keep up* — *не прекращать, не меняться*). By day (днем), London was a sight to see (был зрелищем (которое стоит) увидеть), with gay banners (с веселыми стягами) waving from every balcony and housetop (развешивающимися с каждого балкона и кровли; *house* — *дом; top* — *верхушка, вершина*), and splendid pageants marching along (и прекрасными процессиями марширующими; *along* — *вдоль, мимо*).

By night (ночью), it was again a sight to see (он был опять зрелищем (которое стоит) увидеть), with its great bonfires at every corner (со своими огромными кострами на каждом углу), and its troops of revelers making merry around them (и его ватагами гуляк, веселившимися вокруг них; *to make* — *делать, merry* — *веселый*).

There was no talk (не было никаких разговоров) in all England but of (во всей Англии кроме (как) о) the new baby (новом = новорожденном младенце), Edward Tudor (Эдварде Тюдоре), Prince of Wales (принце Уэльском), who lay (лежал, *to lie* — *лежать*) lapped (завернутый) in silks and satins (в шелка и атласы = в шелк и атлас), unconscious (не ведающий: «бессознательный») of all this fuss (обо всей этой суете), and not knowing (и не знающий) that great lords and ladies (что великие лорды и леди) were tending him (нянчили его) and watching over him (и смотрели за ним) — and not caring (и не имея до этого никакого дела: «не заботясь»), either (также).

But there was no talk about the other baby (но не было разговоров о другом малыше), Tom Canty (Томе Кэнти), lapped in his poor rags (завернутом в свои бедные лохмотья), except among the family of paupers (кроме (как) в семье бедняков; *among* — *среди*) whom he had just come to trouble with his presence (кого = которых он только что пришел беспокоить своим присутствием).

trouble [trAbɪ], certain [ˈsə:t(ə)n], quarter [ˈkwɔ:tə], acquaintance [əˈkweɪntəns]

IN the ancient city of London, on a certain autumn day in the second quarter of the sixteenth century, a boy was born to a poor family of the name of Canty, who did not want him.

On the same day another English child was born to a rich family of the name of Tudor, who did want him. All England wanted him too. England had so longed for him, and hoped for him, and prayed God for him, that, now that he was really come, the people went nearly mad for joy.

Mere acquaintances hugged and kissed each other and cried. Everybody took a holiday, and high and low, rich and poor, feasted and danced and sang, and got very mellow; and they kept this up for days and nights together. By day, London was a sight to see, with gay banners waving from every balcony and housetop, and splendid pageants marching along.

By night, it was again a sight to see, with its great bonfires at every corner, and its troops of revelers making merry around them.

There was no talk in all England but of the new baby, Edward Tudor, Prince of Wales, who lay lapped in silks and satins, unconscious of all this fuss, and not knowing that great lords and ladies were tending him and watching over him — and not caring, either.

But there was no talk about the other baby, Tom Canty, lapped in his poor rags, except among the family of paupers whom he had just come to trouble with his presence.

CHAPTER II (Глава вторая)

Tom's Early Life (Ранняя жизнь Тома)

LET us skip a number of years (позволим нам перепрыгнуть = давайте пропустим некоторое число = несколько лет).

London was fifteen hundred years old (Лондону было полторы тысячи: «15 сотен» лет), and was a great town (и был огромным городом) — for that day (для того дня = времени). It had a hundred thousand inhabitants (он имел сотню тысяч жителей) — some think double as many (некоторые думают (что) в два раза больше: «дважды так много»). The streets (улицы) were very narrow (были очень узкие), and crooked (и кривые), and dirty (и грязные), especially in the part where (особенно в той части где) Tom Canty lived (жил Том Кэнти), which was not far from (что было не далеко от) London Bridge (Лондонского моста).

The houses were of wood (дома были из дерева), with the second story projecting over the first (со вторым этажом, выступавшим над первым), and the third sticking its elbows out beyond the second (и третьим, выставлявшим свои локти над вторым; *beyond* — вне, за пределами). The higher the houses grew (чем выше дома становились; *to grow* — расти), the broader (тем шире) they grew (они становились). They were skeletons of strong crisscross beams (они были скелетами из крепких крест-накрест балок), with solid material between (с твердым материалом между /ними/), coated with plaster (покрытых штукатуркой). The beams were painted red (балки были покрашены красным) or blue (или синим) or black (или черным), according to the owner's taste (в соответствии со вкусом хозяина; *owner* — владелец; *to own* — владеть), and this gave the houses a very picturesque look (и это придавало домам очень живописный вид). The windows were small (окна были маленькие), glazed with little diamond-shaped panes (застекленные маленькими ромбовидными

стеклами; *diamond* — бриллиант, ромб; *shape* — форма) and they opened outward (и они открывались вперед = наружу), on hinges (на петлях), like doors (как двери).

The house which Tom's father lived in (дом, в котором жил отец Тома) was in a foul little pocket (был в вонючем маленьком закоулке: «кармане») called Offal Court (называвшемся Тупиком Отбросов; *court* — двор), out of Pudding Lane (рядом с (улицей) Пудинг-лейн; *out* — из). It was small, decayed (он был маленький, обветшалый; *to decay* — разлагаться, приходить в упадок), and rickety (и расшатанный), but it was packed full (но он был набит полностью) of wretchedly poor families (жалкими: «/самым/ жалким образом» бедными семьями = бедными до убожества семьями). Canty's tribe occupied (род Кэнти занимал; *tribe* — племя) a room on the third floor (комнату на четвертом: «третьем» этаже). The mother and father had a sort of bedstead (мать и отец имели подобие кровати) in the corner (в углу); but Tom (но Том), his grandmother (его бабушка), and his two sisters, Bet and Nan (и его две сестры, Бет и Нэн), were not restricted (не были ограничены) — they had all the floor to themselves (весь пол для себя), and might sleep where they chose (и могли спать где они выбирали = где хотели; *to chose* — выбирать). There were the remains of a blanket or two (были остатки одеяла или двух = нескольких одеял), and some bundles of ancient and dirty straw (и несколько охапок древней и грязной соломы), but these could not rightly be called beds (но эти = они не могли быть правильно быть названы кроватями), for they were not organized (так как они не были организованы = устроены); they were kicked into a general pile (они /небрежно/ складывались в общую кучу; *to kick* — пинать) mornings (по утрам: «утра»), and selections were made from the mass at night (и выбор делался из этой массы по вечерам).

especially [ɪs`peʃəli], material [mə`tɪəriəl], ancient [`eɪnSənt]

LET us skip a number of years.

London was fifteen hundred years old, and was a great town — for that day. It had a hundred thousand inhabitants — some think double as many. The streets were very narrow, and crooked, and dirty, especially in the part where Tom Canty lived, which was not far from London Bridge.

The houses were of wood, with the second story projecting over the first, and the third sticking its elbows out beyond the second. The higher the houses grew, the broader they grew. They were skeletons of strong crisscross beams, with solid material between, coated with plaster. The beams were painted red or blue or black, according to the owner's taste, and this gave the houses a very picturesque look. The windows were small, glazed with little diamond-shaped panes, and they opened outward, on hinges, like doors.

The house which Tom's father lived in was up a foul little pocket called Offal Court, out of Pudding Lane. It was small, decayed, and rickety, but it was packed full of wretchedly poor families. Canty's tribe occupied a room on the third floor. The mother and father had a sort of bedstead in the corner; but Tom, his grandmother, and his two sisters, Bet and Nan, were not restricted — they had all the floor to themselves, and might sleep where they chose. There were the remains of a blanket or two, and some bundles of ancient and dirty straw, but these could not rightly be called beds, for they were not organized; they were kicked into a general pile mornings, and selections made from the mass at night.

Bet and Nan were fifteen years old twins (Бет и Нэн были пятнадцатилетние двойняшки; *year* — год; *old* — старый). They were good-hearted girls (они были добросердечные девушки; *heart* — сердце), unclean (нечистые), clothed in rags (одетые в лохмотья), and profoundly ignorant (и глубоко невежественные). Their mother was like them (их мать была, как они). But the father and the grandmother were a couple of fiends (но отец и бабушка были парой дьяволов). They got drunk (они напивались; *to get* — становиться; *drunk* — пьяный) whenever they could (когда только они могли); then they

fought (затем они дрались; *to fight*) each other (друг с другом) or anybody else (или с кем угодно еще) who came in the way (кто попадался им на пути); they cursed and swore always (они ругались и сквернословили всегда; *to swear* — *ругаться; клясться*), drunk or sober (пьяные или трезвые); John Canty was a thief (Джон Кэнти был вор), and his mother a beggar (а его мать попрошайка). They made beggars of the children (они сделали попрошаек из детей), but failed (но не смогли; *to fail* — *потерпеть неудачу, провалиться, не смочь*) to make thieves of them (сделать воров из них). Among (среди), but not of (но не из /числа/), the dreadful rabble (страшного сброда) that inhabited the house (который населял этот дом), was a good old priest (был добрый старый священник) whom the king (которого король) had turned out of house and home (выбросил из дома) with a pension of a few farthings (с пенсией (в размере) нескольких фартингов), and he used to get (и он усаживал; *used to do smth* — *когда-то давно делать что-то*) the children aside (детей рядом) and teach them right ways (и учил их правильным путям = добру) secretly (втайне). Father Andrew also taught Tom a little Latin (отец Эндрю также учил Тома немного латинскому языку), and how to read and write (и как читать и писать); and would have done the same for the girls (и сделал бы то же и для девочек), but they were afraid of the jeers (но они боялись насмешек; *afraid* — *испуганный*) of their friends (их друзей), who could not have endured (которые не могли бы вынести) such a queer accomplishment in them (такое странное достижение у них).

clothe [klɔʊð], thief [θi:f], endure [ɪn`djuə]

Bet and Nan were fifteen years old twins. They were good-hearted girls, unclean, clothed in rags, and profoundly ignorant. Their mother was like them. But the father and the grandmother were a couple of fiends. They got drunk whenever they could; then they fought each other or anybody else who

came in the way; they cursed and swore always, drunk or sober; John Canty was a thief, and his mother a beggar.

They made beggars of the children, but failed to make thieves of them.

Among, but not of, the dreadful rabble that inhabited the house, was a good old priest whom the king had turned out of house and home with a pension of a few farthings, and he used to get the children aside and teach them right ways secretly. Father Andrew also taught Tom a little Latin, and how to read and write; and would have done the same for the girls, but they were afraid of the jeers of their friends, who could not have endured such a queer accomplishment in them.

All Offal Court was just such another hive (весь Тупик отбросов был прямо такой же улей = скопище людей) as Canty's house (как дом Кэнти).

Drunkenness, riot, and brawling (пьянство, буйство и ссоры) were the order there (были порядком = обычным делом там), every night and nearly all night long (каждую ночь и почти всю ночь длиной = все ночи напролет). Broken heads were as common as hunger (разбитые головы были так же обычны, как голод; *to break* — ломать, разбивать) in that place (в этом месте). Yet (и все же) little Tom was not unhappy (маленький Том не был несчастлив). He had a hard time of it (он переживал тяжелое время от этого = ему приходилось трудно), but did not know it (но не знал этого). It was the sort of time that all the Offal Court boys had (то же было у всех мальчиков из Тупика отбросов: «это была разновидность времени, которое переживали все...»), therefore he supposed it was the correct and comfortable thing (поэтому он предполагал, (что) это было правильно и удобно: «правильная и удобная вещь»). When he came home empty-handed at night (когда он приходил домой с пустыми руками: «пусторукий» ночью), he knew his father would curse him (он знал (что) его отец будет его ругать) and thrash him first (и побьет сначала), and that when he was done (и что когда он закончит; *to be done* — закончить с чем-либо) the awful grandmother would do it all over again (ужасная бабушка сделает это все

снова) and improve on it (и улучшит это = добавит еще); and that away in the night (и что глубоко ночью; *away* — *прочь*) his starving mother (его голодающая мать) would slip to him stealthily (проберется к нему украдкой) with any miserable scrap of crust (со сколькими-нибудь жалкими остатками от хлеба; *crust* — *корка /хлеба/, сухарь, черствый хлеб*) she had been able to save for him (/которые/ она смогла припасти для него; *able* — *способный*) by going hungry herself (становясь голодной сама), notwithstanding (несмотря на то, что) she was often caught in that sort of treason (часто попадалась на таком предательстве; *to catch* — *ловить*; *sort* — *разновидность*) and soundly beaten (и (была) сильно бита; *to beat* — *бить*) for it (за это) by her husband (ее мужем).

No (нет), Tom's life went along well enough (жизнь Тома шла хорошо вполне), especially in summer (особенно летом). He only begged just enough to save himself (он выпрашивал лишь на то, чтобы сохранить себя = выжить; *only* — *только*; *enough* — *достаточно*), for the laws against mendicancy were stringent (ибо законы против попрошайничества были строги), and the penalties heavy (а наказания тяжелы); so he put in a good deal of his time (так что он потратил уйму своего времени; *put* — *класть*; *deal* — *доля, количество*) listening to good Father Andrew's charming old tales and legends (слушая чарующие старые сказки и легенды отца Эндрю) about giants and fairies (о великанах и феях), dwarfs and genii (карликах и джиннах), and enchanted castles, and gorgeous kings and princes (и заколдованных замках, и прекрасных королях и принцах). His head grew to be full of these wonderful things (его голова наполнилась: «стала быть полной» этими прекрасными вещами), and many nights as he lay in the dark (и многими ночами пока он лежал в темноте; *to lie* — *лежать*) on his scant and offensive straw (на своей скудной и колкой соломе), tired, hungry (усталый, голодный), and smarting from a thrashing (и испытывающий боль от побоев), he unleashed his imagination (он отпустил на волю свое воображение; *leash* — *поводок, цепь*) and soon forgot his aches and pains (и скоро забывал свои боли и страдания) in delicious picturings to himself (в сладостном

воображении себе) of the charmed life of a petted prince in a regal palace (восхитительной жизни изнеженного принца в королевском дворце; *to pet* — баловать, ласкать). One desire (одно желание) came in time to haunt him day and night (преследовала его днем и ночью); it was to see a real prince (это было увидеть настоящего принца), with his own eyes (своими собственными глазами). He spoke of it once to some of his Offal Court comrades (он говорил об этом однажды некоторым своим товарищам из Тупика отбросов); but they jeered him and scoffed him so unmercifully (но они высмеяли и задразнили его столь безжалостно) that he was glad to keep his dream to himself (что он был рад сохранить свою мечту при себе) after that (после этого).

He often read the priest's old books (он часто читал старые книги священника) and got him to explain and enlarge upon them (и упрасивал его объяснять и дополнять их). His dreamings and readings worked certain changes (его мечтания и чтение выработали определенные изменения) in him by and by (в нем постепенно). His dream-people were so fine (люди из его мечтаний были столь прекрасными; *people* — люди) that he grew to lament (что он стал тяготиться; *to lament* — жаловаться) his shabby clothing and his dirt (своей ветхой одеждой и своей грязью), and to wish to be clean and better clad (и желать быть чистым и лучше одетым). He went on playing (он продолжал играть; *to go on* — продолжать) in the mud just the same (в грязи, как прежде/все равно: «прямо так же»), and enjoying it, too (и наслаждаться этим тоже); but instead of splashing around (но вместо (того, чтобы) плескаться; *around* — вокруг) in the Thames solely for the fun of it (в Темзе только ради веселья от этого), he began to find an added value in it (он начал находить дополнительную ценность в этом; *to add* — добавлять) because of the washings and cleansings it afforded (из-за мытья и очищения, (которое) оно предоставляло).

comfortable [ˈkʌmfətəb(ə)l], enough [ɪˈnʌf], ache [eɪk], Thames [temz]

All Offal Court was just such another hive as Canty's house. Drunkenness, riot, and brawling were the order there, every night and nearly all night long. Broken heads were as common as hunger in that place. Yet little Tom was not unhappy. He had a hard time of it, but did not know it. It was the sort of time that all the Offal Court boys had, therefore he supposed it was the correct and comfortable thing. When he came home empty-handed at night, he knew his father would curse him and thrash him first, and that when he was done the awful grandmother would do it all over again and improve on it; and that away in the night his starving mother would slip to him stealthily with any miserable scrap of crust she had been able to save for him by going hungry herself, notwithstanding she was often caught in that sort of treason and soundly beaten for it by her husband.

No, Tom's life went along well enough, especially in summer. He only begged just enough to save himself, for the laws against mendicancy were stringent, and the penalties heavy; so he put in a good deal of his time listening to good Father Andrew's charming old tales and legends about giants and fairies, dwarfs and genii, and enchanted castles, and gorgeous kings and princes. His head grew to be full of these wonderful things, and many a night as he lay in the dark on his scant and offensive straw, tired, hungry, and smarting from a thrashing, he unleashed his imagination and soon forgot his aches and pains in delicious picturings to himself of the charmed life of a petted prince in a regal palace. One desire came in time to haunt him day and night; it was to see a real prince, with his own eyes. He spoke of it once to some of his Offal Court comrades; but they jeered him and scoffed him so unmercifully that he was glad to keep his dream to himself after that.

He often read the priest's old books and got him to explain and enlarge upon them. His dreamings and readings worked certain changes in him by and by. His dream-people were so fine that he grew to lament his shabby clothing and his dirt, and to wish to be clean and better clad. He went on playing in the mud just the same, and enjoying it, too; but instead of splashing around in the

Thames solely for the fun of it, he began to find an added value in it because of the washings and cleansings it afforded.

Tom could always find something going on (Том мог всегда найти что-нибудь происходящее; *to go on* — *происходить, продолжаться*) around the Maypole in Cheapside (вокруг майского шеста в Чипсайде), and at the fairs (и на ярмарках); and now and then he and the rest of London (и время от времени: «теперь и тогда» он и остальные лондонцы: «из Лондона») had a chance to see a military parade (имели шанс увидеть военный парад) when some famous unfortunate (когда какой-нибудь известный неудачник) was carried prisoner to the Tower (перевозился, (как) заключенный, в Тауэр; *to carry* — *нести*), by land or boat (по земле или в лодке). One summer's day he saw (в один летний день он видел) poor Anne Askew and three men burned at the stake (бедную Анну Эскью и трех человек, сожженных на костре; *stake* — *здесь: столб, к которому привязывали сжигаемого*) in Smithfield (в Смитфилде), and heard an ex-bishop preach a sermon (и слышал (как) бывший епископ читал проповедь; *to preach* — *проповедовать*) to them (им) which did not interest him (что не заинтересовало его). Yes, Tom's life was varied (да, жизнь Тома была разнообразная) and pleasant enough (и довольно приятная), on the whole (в целом).

By and by Tom's reading and dreaming about princely life (тем временем чтение и мечтание Тома о роскошной, царской жизни) wrought such a strong effect upon him (оказала такое сильное воздействие на него; *wrought* — *устаревшее прошедшее время от work*) that he began to act the prince, unconsciously (что он начал играть принца, бессознательно). His speech and manners became curiously ceremonious and courtly (его речь и манеры стали странно церемонны и учтивы), to the vast admiration and amusement of his intimates (к широкому = большому восхищению и забаве его закадычных друзей). But Tom's influence (но влияние Тома) among these young people (среди этих молодых людей) began to grow now, day by day (начало расти теперь день ото

дня); and in time (и со временем) he came to be looked up to by them with a sort of wondering awe (на него стали смотреть с чем-то вроде удивленного благоговения), as a superior being (как на высшее существо). He seemed to know (он, казалось, знает; *to seem* — *казаться*) so much (так много)! and he could do such marvellous things (и он мог делать такие удивительные вещи)! and withal (и к тому же), he was so deep and wise (он был такой глубокий = загадочный и мудрый)! Tom's remarks and Tom's performances (высказывания и поступки Тома; *remark* — *замечание*; *performance* — *исполнение*) were reported (пересказывались) by the boys to their elders (мальчиками их старшим); and these, also (и эти тоже), presently began to discuss Tom Canty (теперь начали обсуждать Тома Кэнти), and to regard him (и рассматривать его) as a most gifted and extraordinary creature (как самое = в высшей степени одаренное и необыкновенное существо). Full-grown people (взрослые: «полностью выросшие» люди) brought their perplexities (шли со своими трудностями: «приносили свои проблемы») to Tom for solution (к Тому за решением), and were often astonished (и бывали часто поражены) at the wit and wisdom (остроумию и мудрости) of his decisions (его решений). In fact (на самом деле), he became a hero to all who knew him (он стал героем для всех, кто знал его) except his own family (кроме его собственной семьи) — these only saw nothing in him (эти только = только они (не) видели ничего в нем). Privately (про себя: «частно»), after a while (спустя некоторое время), Tom organized a royal court (Том организовал = придумал королевский двор)! He was the prince (он был принцем); his special comrades were guards (его лучшие товарищи были стражниками), chamberlains (камергерами), equerries (конюшими), lords and ladies in waiting (лордами и леди при дворе; *waiting* — *ожидание*), and the royal family (и королевской семьей). Daily the mock prince (ежедневно мнимый принц) was received (бывал принят) with elaborate ceremonials (с тщательно разработанным церемониалом) borrowed (заимствованным) by Tom from his romantic readings (Томом из своего романтического чтения); daily the great affairs of the mimic kingdom

(ежедневно великие = важные дела притворного = вымышленного королевства) were discussed in the royal council (бывали обсуждаемы в королевском совете), and daily his mimic highness (и ежедневно его мнимое высочество) issued decrees (издавало декреты) to his imaginary armies (своим воображаемым армиям), navies, and viceroyalties (флотам и заморским владениям).

unfortunate [An`f0:tSənət], unconsciously [An`k0nSəsli], creature [ˈkri:tSə]

Tom could always find something going on around the Maypole in Cheapside, and at the fairs; and now and then he and the rest of London had a chance to see a military parade when some famous unfortunate was carried prisoner to the Tower, by land or boat. One summer's day he saw poor Anne Askew and three men burned at the stake in Smithfield, and heard an ex-bishop preach a sermon to them which did not interest him. Yes, Tom's life was varied and pleasant enough, on the whole.

By and by Tom's reading and dreaming about princely life wrought such a strong effect upon him that he began to act the prince, unconsciously. His speech and manners became curiously ceremonious and courtly, to the vast admiration and amusement of his intimates. But Tom's influence among these young people began to grow now, day by day; and in time he came to be looked up to by them with a sort of wondering awe, as a superior being. He seemed to know so much! and he could do such marvellous things! and withal, he was so deep and wise! Tom's remarks and Tom's performances were reported by the boys to their elders; and these, also, presently began to discuss Tom Canty, and to regard him as a most gifted and extraordinary creature. Full-grown people brought their perplexities to Tom for solution, and were often astonished at the wit and wisdom of his decisions. In fact, he was become a hero to all who knew him except his own family — these only saw nothing in him.

Privately, after a while, Tom organized a royal court! He was the prince; his special comrades were guards, chamberlains, equerries, lords and ladies in waiting, and the royal family. Daily the mock prince was received with elaborate ceremonials borrowed by Tom from his romantic readings; daily the great affairs of the mimic kingdom were discussed in the royal council, and daily his mimic highness issued decrees to his imaginary armies, navies, and viceroyalties.

After which he would go forth in his rags (после чего он шел дальше в своих лохмотьях) and beg a few farthings (и выпрашивал несколько фартингов), eat his poor crust (сухари), take his customary cuffs and abuse (принимал обычные затрещины и брань), and then stretch himself upon (и затем растягивался на) his handful of foul straw (своем клочке грязной соломы), and resume his empty grandeurs (возобновлял свои пустые великолепия) in his dreams (в своих мечтах).

And still his desire to look just once upon a real prince (и все же его желание взглянуть лишь один раз на настоящего принца), in the flesh (во плоти), grew upon him (усиливалось в нем; *to grow* — *расти*), day by day (день ото дня), and week by week (и с каждой неделей), until at last it absorbed (пока наконец оно (не) вобрало в себя) all other desires (все прочие желания), and became the one passion of his life (и стало одной-единственной страстью его жизни; *to become* — *становиться*).

One January day (в один январский день), on his usual begging tour (на своем обычном нищенском обходе = ходя и прося милостыню), he tramped despondently up and down (он бродил уныло по: «вверх и вниз») the region round about Mincing Lane and Little East Cheap (району около Минсинг-лейн и Литтл-Ист-Чип), hour after hour (один час за другим: «час после часа»), barefooted (босой) and cold (замерзший), looking in at cook-shop windows (заглядывая в окна харчевен) and longing for (и страстно желая) the dreadful pork-pies (страшных пирогов со свиной; *pork* — *свинина*) and other deadly

inventions (и других смертоносных изделий: «изобретений») displayed there (выставленных там) — for to him these were dainties (ибо для него они были деликатесами) fit for the angels (созданными для ангелов); that is, judging by the smell (то есть, судя по запаху), they were (они были /такими/) — for it had never been his good luck to own and eat one (потому что ему никогда не удавалось попробовать ни один из них: «это никогда не было его удачей обладать одним (из них) и съесть один /из них/). There was a cold drizzle of rain (была холодная морось дождя); the atmosphere was murky (атмосфера была мрачная); it was a melancholy day (это был унылый день). At night Tom reached home so wet (ночью Том добрался домой такой промокший; *to reach* — *достигать*) and tired and hungry (и усталый и голодный) that it was not possible for his father and grandmother to observe his forlorn condition and not be moved (что не было возможно его отцу и бабушке видеть его жалкое состояние и не быть тронутыми) — after their fashion (на свой лад); wherefore they gave him a brisk cuffing (с каковой целью они задали ему хорошую взбучку) at once (сразу) and sent him to bed (и послали его в постель). For a long time his pain and hunger (долгое время его боль и голод), and the swearing and fighting (и ругань и побои) going on in the building (происходящие в здании), kept him awake (не позволяли ему заснуть; *to keep* — *хранить*; *awake* — *бодрствующий*); but at last his thoughts drifted (но наконец его мечты отошли; *to drift* — *дрейфовать*) away to far, romantic lands (прочь к далеким, романтическим землям), and he fell asleep (и он заснул; *to fall* — *падать*; *asleep* — *спящий*) in the company of jeweled and gilded princelings (в компании украшенных камнями и золотом маленьких принцев; *to jewel* — *украшать драгоценными камнями*; *to gild* — *золотить*) who lived in vast palaces (которые жили в огромных дворцах), and had servants salaaming before them (и имели слуг, поклоняющихся перед ними: «делающих селям») or flying to execute their orders (или несущихся исполнить их приказы). And then, as usual (и потом, как обычно), he dreamed that he was a princeling himself (он мечтал, что он был принц сам).

All night long the glories of his royal estate (всю ночь великолепие его королевского достоинства) shone upon him (светило на него; *to shine* — сиять); he moved among great lords and ladies (он двигался среди великих господ и дам), in a blaze of light (в лучах света), breathing perfumes (вдыхая ароматы), drinking (наслаждаясь: «упиваясь») in delicious music (преlestной музыкой), and answering the reverent obeisances (и отвечая на почтительные поклоны) of the glittering throng (сверкающей толпы) as it parted (/по мере того/ как она расступалась: «разделялась») to make way for him (чтобы освободить путь для него), with his smile (с его улыбкой), and there a nod (а кое-где: «там» кивком) of his princely head (его царственной головы). And when he awoke (а когда он проснулся; *to awake* — просыпаться) in the morning (утром) and looked upon the wretchedness (и взглянул на убожество) about him (вокруг него), his dream had had its usual effect (его мечта оказала свое обычное действие) — it had intensified the sordidness (она усилила убожество) of his surroundings (его окружения) a thousandfold (в тысячу раз). Then came bitterness (тогда пришла горечь), and heartbreak (и печаль), and tears (и слезы).

grandeur [ˈgrændʒə], princeling [ˈprɪnsliŋ], perfume [ˈpɜːfjuːm]

After which he would go forth in his rags and beg a few farthings, eat his poor crust, take his customary cuffs and abuse, and then stretch himself upon his handful of foul straw, and resume his empty grandeurs in his dreams.

And still his desire to look just once upon a real prince, in the flesh, grew upon him, day by day, and week by week, until at last it absorbed all other desires, and became the one passion of his life.

One January day, on his usual begging tour, he tramped despondently up and down the region round about Mincing Lane and Little East Cheap, hour after hour, barefooted and cold, looking in at cook-shop windows and longing for the dreadful pork-pies and other deadly inventions displayed there — for to

him these were dainties fit for the angels; that is, judging by the smell, they were — for it had never been his good luck to own and eat one. There was a cold drizzle of rain; the atmosphere was murky; it was a melancholy day. At night Tom reached home so wet and tired and hungry that it was not possible for his father and grandmother to observe his forlorn condition and not be moved — after their fashion; wherefore they gave him a brisk cuffing at once and sent him to bed. For a long time his pain and hunger, and the swearing and fighting going on in the building, kept him awake; but at last his thoughts drifted away to far, romantic lands, and he fell asleep in the company of jeweled and gilded princelings who lived in vast palaces, and had servants salaaming before them or flying to execute their orders. And then, as usual, he dreamed that he was a princeling himself.

All night long the glories of his royal estate shone upon him; he moved among great lords and ladies, in a blaze of light, breathing perfumes, drinking in delicious music, and answering the reverent obeisances of the glittering throng as it parted to make way for him, with here a smile, and there a nod of his princely head.

And when he awoke in the morning and looked upon the wretchedness about him, his dream had had its usual effect — it had intensified the sordidness of his surroundings a thousandfold. Then came bitterness, and heartbreak, and tears.

CHAPTER III (Глава третья)

Tom's Meeting with the Prince (Встреча Тома с принцем)

TOM got up hungry (Том встал голодный), and sauntered hungry away (и поплелся голодный прочь), but with his thoughts (но с мыслями) busy with the shadowy splendors (занятыми призрачным великолепием) of his night's dreams

(его ночных мечтаний). He wandered (он бродил) here and there in the city (там и сям: «здесь и там» в городе), hardly noticing (едва замечая) where he was going (где он шел; *to go* — *идти*), or what was happening (или что происходило; *to happen* — *случаться*) around him (вокруг него). People jostled him (люди толкали его) and some gave him rough speech (а некоторые осыпали его бранью: «давали ему грубую речь»); but it was all lost on the musing boy (но все терялось на задумчивом мальчике = он не обращал внимания). By and by (постепенно) he found himself (он очутился: «нашел себя») at Temple Bar (у Темпл-Бар [ворота перед Темплом — школой юристов]), the farthest from home (дальше всего от дома) he had ever traveled in that direction (/куда/ он когда-либо заходил в этом направлении). He stopped and considered a moment (он остановился и поразмыслил минутку), then fell into his imaginings (затем провалился в свое воображение) again (снова), and passed on outside the walls of London (и прошел дальше за стены Лондона). The Strand had ceased to be (Стрэнд уже не был: «прекратил быть») a country-road then (проселочной дорогой к тому времени: «тогда»), and regarded itself (и рассматривал = считал себя) as a street (как улицу), but by a strained construction (но лишь из-за прямой застройки); for, though there was a tolerably compact row of houses (потому что, хотя был терпимо = довольно компактный ряд домов) on one side of it (на одной стороне ее), there were only some scattering great buildings (были только разбросанные = отдельные огромные здания) on the other (на другой /стороне/), these being palaces of rich nobles (эти бывшие = которые были дворцами богатых дворян; *noble* — *благородный*), with ample (с обширными) and beautiful gardens (и прекрасными садами) stretching to (тянущимися к) the river-grounds (землям) that are now closely packed with grim acres of brick and stone (которые сейчас плотно забиты угрюмыми кучами кирпича и камня; *acre* — *акр (единица площади; = 0,4 га; = 4047 кв.м)*). Tom discovered Charing Village presently (Том обнаружил Чэринг Вилледж вскоре), and rested himself (и остановился отдохнуть) at the beautiful cross (у красивого креста) built there by a bereaved king (поставленного там

овдовевшим королем; *to build* — *строить*; *to bereave* — *лишать, отнимать, отбирать*) of earlier days (прежних дней); then idled down (затем погулялся вниз по; *to idle* — *бездельничать*) a quiet (тихой), lovely road (приятного вида дороге), past the great cardinal's stately palace (мимо огромного величественного дворца кардинала), toward (к) a far more mighty and majestic palace (намного более могучему и величественному дворцу) beyond (дальше, за ним) — Westminster (Вестминстеру). Tom stared (Том уставился) in glad wonder at the vast pile of masonry (в радостном удивлении на огромную грудку камней), the wide-spreading wings (/на/ широко распротершиеся крылья), the frowning bastions and turrets (/на/ грозные: «хмурящиеся» бастионы и башенки; *to frown* — *хмуриться*), the huge stone gateways (/на/ огромные каменные ворота), with its gilded bars (с его золочеными решетками) and its magnificent array of colossal granite lions, and the other signs and symbols of English royalty (и его блистательным рядом колоссальных гранитных львов, и другие знаки и символы английской королевской власти). Was the desire of his soul to be satisfied at last (суждено ли было желанию его души: «было ли желание его души» быть удовлетворенным в конце концов)? Here, indeed (здесь, в самом деле), was a king's palace (был королевский дворец). Might he not hope (не мог (ли) он надеяться) to see a prince now (увидеть принца теперь) — a prince of flesh and blood (принца из плоти и крови), if Heaven were willing (если небеса пожелали бы; *willing* — *желающий*)?

At each side of the gilded gate stood a living statue (с каждой стороны золоченых ворот стояла живая статуя), that is to say (то есть: «то есть чтобы сказать»), an erect and stately and motionless man-at-arms (вытянувшийся и статный и бездвижный воин), clad from head to heel in shining steel armor (одетый с головы до пят в блестящую стальную броню; *heel* — *каблуки*). At a respectful distance (на почтительном расстоянии) were many country-folk (было много деревенского люда; *country* — *страна, деревня*; *folk* — *народ, люди*), and people from the city (и людей из города), waiting for (ожидающих) any glimpse of royalty that might offer (любого проблеска = появления члена

королевской фамилии, который мог бы представиться). Splendid carriages (великолепные экипажи), with splendid people in them (с великолепными людьми в них) and splendid servants outside (и великолепными слугами снаружи), were arriving and departing (прибывали и отъезжали) by several other noble gateways (через несколько других благородных = предназначенных для дворян ворот) that pierced the royal inclosure (которые пронизывали королевскую ограду).

rough [rʌf], satisfy [ˈsætɪsfaɪ], inclosure [ɪnˈklɒʒə]

TOM got up hungry, and sauntered hungry away, but with his thoughts busy with the shadowy splendors of his night's dreams. He wandered here and there in the city, hardly noticing where he was going, or what was happening around him. People jostled him and some gave him rough speech; but it was all lost on the musing boy. By and by he found himself at Temple Bar, the farthest from home he had ever traveled in that direction. He stopped and considered a moment, then fell into his imaginings again, and passed on outside the walls of London. The Strand had ceased to be a country-road then, and regarded itself as a street, but by a strained construction; for, though there was a tolerably compact row of houses on one side of it, there were only some scattering great buildings on the other, these being palaces of rich nobles, with ample and beautiful grounds stretching to the river — grounds that are now closely packed with grim acres of brick and stone.

Tom discovered Charing Village presently, and rested himself at the beautiful cross built there by a bereaved king of earlier days; then idled down a quiet, lovely road, past the great cardinal's stately palace, toward a far more mighty and majestic palace beyond — Westminster. Tom stared in glad wonder at the vast pile of masonry, the wide-spreading wings, the frowning bastions and turrets, the huge stone gateways, with its gilded bars and its magnificent array of colossal granite lions, and the other signs and symbols of English royalty.

Was the desire of his soul to be satisfied at last? Here, indeed, was a king's palace. Might he not hope to see a prince now — a prince of flesh and blood, if Heaven were willing?

At each side of the gilded gate stood a living statue, that is to say, an erect and stately and motionless man-at-arms, clad from head to heel in shining steel armor. At a respectful distance were many country-folk, and people from the city, waiting for any chance glimpse of royalty that might offer. Splendid carriages, with splendid people in them and splendid servants outside, were arriving and departing by several other noble gateways that pierced the royal inclosure.

Poor little Tom (бедный маленький Том), in his rags (в его лохмотьях), approached (подошел), and was moving slowly and timidly past the sentinels (и двигался медленно и несмело мимо часовых), with a beating heart (с бьющимся сердцем) and a rising hope (и поднимающейся = растущей надеждой), when all at once (как вдруг: «когда совсем внезапно») he caught sight through the golden bars of a spectacle (увидел через золотые прутья зрелище; *to catch sight of smth — увидеть: «поймать вид чего-то»*) that almost made him shout for joy (который почти заставил его кричать от радости). Within (за оградой: «внутри») was a comely boy (был миловидный мальчик), tanned and brown with sturdy outdoors sports and exercises (загорелый и смуглый от здоровых спортивных занятий и упражнений на воздухе; *sturdy — сильный, крепкий*), whose clothing was all of lovely silks and satins (чья одежда была вся из чудесных шелков и атласов), shining with jewels (сверкающая драгоценными камнями); at his hip a little jeweled sword and dagger (на его бедре маленький украшенный драгоценностями меч и кинжал); dainty buskins (изящные башмаки; *buskins — высокие башмаки со шнуровкой на толстой подошве*) on his feet (на его ногах), with red heels (с красными каблуками); and on his head a jaunty crimson cap (а на его голове щегольская алая шапочка), with drooping plumes fastened with a great sparkling gem (с ниспадающими

перьями, скрепленными крупным сверкающим самоцветом). Several gorgeous gentlemen (несколько пышно разодетых: «роскошных» джентльменов) stood near (стояли рядом) — his servants (его слуги), without a doubt (без сомнения). Oh! he was a prince (он был принцем) — a prince, a living prince, a real prince (принцем, живым принцем, настоящим принцем) — without the shadow of a question (без тени сомнения: «вопроса»); and the prayer of the pauper boy's heart (и молитва сердца бедного мальчика) was answered at last (нашла отклик: «получила ответ» в конце концов).

Tom's breath (дыхание Тома) came quick and short with excitement (прерывалось от возбуждения; *to come quick and short* — прерываться /о дыхании/), and his eyes grew big with wonder and delight (и его глаза стали большими от удивления и восторга). Everything gave way in his mind instantly to one desire (все уступило: «дало дорогу» в его уме немедленно одному желанию): that was to get close to the prince (это было подобраться к принцу), and have a good, devouring look at him (и взглянуть хорошим, пожирающим взглядом на него = хорошенько, тщательно рассмотреть его; *to have a look* — взглянуть; *оглядеть*). Before he knew what he was about (не сознавая: «прежде чем он узнал», что он делает; *to be about to do something* — собираться сделать что-то), he had his face against the gate-bars (он прижался лицом к решетке ворот; *against* — против). The next instant (в следующий момент) one of the soldiers snatched him rudely away (один из солдат схватил = оттащил его грубо прочь), and sent him spinning (и бросил его крутящимся; *to send* — посылать; *to spin* — крутить(ся)) among the gaping crowd (среди зевающей толпы) of country gawks (деревенских зевак) and London idlers (и лондонских бездельников). The soldier said (солдат сказал; *to say* — сказать):

'Mind thy manners, thou young beggar!' (Следи за манерами, ты, молодой попрошайка; *thy* — твой (устар.), *thou* — ты (устар.))

The crowd jeered (толпа глумилась) and laughed (и смеялась); but the young prince sprang to the gate (но молодой принц прыгнул к воротам; *to spring* — прыгать) with his face flushed (с лицом пылающим), and his eyes flashing with

indignation (и глазами, сверкающими от негодования), and cried out (и выкрикнул):

'How dar'st thou use a poor lad like that (как смеешь ты обращаться с бедным парнем так; *dar'st = darest — смеешь (устар.)*; *to dare — сметь*)! How dar'st thou use the king my father's meanest subject so (как смеешь ты обращаться с короля, моего отца наименьшим подданным так)! Open the gates, and let him in (открой ворота ипусти его внутрь)!

You should have seen (вам следовало видеть /как/) that fickle crowd (эта переменчивая толпа) snatch off their hats then (сняла шляпы тогда). You should have heard them cheer (вам следовало слышать, (как) они одобрительно кричали), and shout (и кричали), 'Long live the Prince of Wales!' (да здравствует: «да долго живет» принц Уэльский).

gorgeous [ˈgɔːGəs], excitement [ɪkˈsaɪtmənt], Wales [weɪlz]

Poor little Tom, in his rags, approached, and was moving slowly and timidly past the sentinels, with a beating heart and a rising hope, when all at once he caught sight through the golden bars of a spectacle that almost made him shout for joy. Within was a comely boy, tanned and brown with sturdy outdoors sports and exercises, whose clothing was all of lovely silks and satins, shining with jewels; at his hip a little jeweled sword and dagger; dainty buskins on his feet, with red heels; and on his head a jaunty crimson cap, with drooping plumes fastened with a great sparkling gem. Several gorgeous gentlemen stood near — his servants, without a doubt. Oh! he was a prince — a prince, a living prince, a real prince — without the shadow of a question; and the prayer of the pauper boy's heart was answered at last.

Tom's breath came quick and short with excitement, and his eyes grew big with wonder and delight. Everything gave way in his mind instantly to one desire: that was to get close to the prince, and have a good, devouring look at him. Before he knew what he was about, he had his face against the gate-bars.

The next instant one of the soldiers snatched him rudely away, and sent him spinning among the gaping crowd of country gawks and London idlers. The soldier said:

'Mind thy manners, thou young beggar!'

The crowd jeered and laughed; but the young prince sprang to the gate with his face flushed, and his eyes flashing with indignation, and cried out:

'How dar'st thou use a poor lad like that! How dar'st thou use the king my father's meanest subject so! Open the gates, and let him in!'

You should have seen that fickle crowd snatch off their hats then. You should have heard them cheer, and shout, 'Long live the Prince of Wales!'

The soldiers presented arms with their halberds (солдаты отдали честь своими алебардами; *to present* — преподносить ч-л., зд. — салютовать, отдавать честь), opened the gates (открыли ворота), and presented again as the little Prince of Poverty passed in (и отдали честь снова, когда маленький Принц Бедности проходил внутрь), in his fluttering rags (в своем развевающимся тряпье), to join hands with the Prince of Limitless Plenty (чтобы соединить руки с Принцем Безграничного Изобилия). Edward Tudor said (Эдуард Тюдор сказал):

'Thou (ты (*устар.*)) lookest tired and hungry (выглядишь усталым и голодным; *lookest* — выглядишь — *устар. вместо look*); thou'st been treated ill (с тобой обращались плохо; *to treat smb* — обращаться с кем-то). Come with me (иди со мной).'

Half a dozen attendants (полдюжины слуг) sprang forward to — I don't know what (прыгнул вперед чтобы — я не знаю что); interfere, no doubt (вмешаться, без сомнения: «никакого сомнения»). But they were waved aside (но они были отстранены; *to wave* — махать; *aside* — в сторону) with a right royal gesture (совершенно королевским жестом), and they stopped stock still (и они застыли на месте; *stock* — пень, бревно; *still* — неподвижный) where they were (где они были) like so many statues (как много статуй). Edward took Tom to a rich

apartment in the palace (Эдуард отвел: «взял» Тома в богатую комнату во дворце), which he called his cabinet (которую он называл своим кабинетом). By his command (по его приказу) a repast was brought (яства были принесены) such as Tom had never encountered before (такие, каких Том никогда не встречал ранее) except in books (кроме как в книгах). The prince (принц), with princely delicacy (с подобающей принцу деликатностью) and breeding (любезностью), sent away the servants (отослал слуг), so that his humble guest (чтобы его скромный = простой гость) might not be embarrassed (не мог быть смущен; *to embarrass* — *смущать*) by their critical presence (их критическим присутствием); then he sat near by, and asked questions while Tom ate (затем он сел рядом и задавал вопросы, пока Том ел).

'What is thy name, lad (как тебя зовут: «какое есть твое имя», парень; *thy* — *твой* (устар.))?'

'Tom Canty, an it please thee, sir (Том Кэнти с вашего позволения, сэр; *to please* — *радовать, доставлять удовольствие*).'

"Tis an odd one (это странное имя: «одно»). Where dost live (где ты живешь; *dost* — *делаешь* (устар.) вместо *do*)?'

'In the city, please thee, sir (в городе, с вашего позволения, сэр). Offal Court, out of Pudding Lane (Тупик Отбросов, рядом с улицей Пудинг-лейн).'

'Offal Court (Тупик Отбросов)! Truly (истинно), 'tis another odd one (это еще одно странное название: «одно»). Hast (у тебя есть: «имеешь ли ты» (устар.)) parents (родители)?'

'Parents have I, sir, and a grandam likewise (родители есть у меня, сэр, и бабушка тоже) that is but indifferently precious to me (которая лишь безразлично дорога мне = которую я не слишком люблю), God forgive me if it be offense to say it (Бог да простит меня если будет оскорбительным: «оскорблением» сказать это) — also twin sisters (также сестры-двойняшки), Nan and Bet (Нэн и Бет).'

'Then is thy grandam not overkind (тогда твоя бабушка не чересчур добра) to thee (к тебе), I take it (как я понимаю: «я принимаю это»).'

'Neither to any other is she, so please your worship (и ни к кому другому она (не добра), да будет угодно вашей милости). She hath a wicked heart (она имеет злое сердце), and worketh evil all her days (и творит зло все свои дни; *worketh* — *делает* (*устар.*) вместо *works*).'

'Doth she mistreat thee (она плохо обращается с тобой; *to mistreat* — *плохо обращаться /с кем-либо/; to treat* — *обращаться /с кем-либо/*)?'

'There be times that she stayeth her hand (бывают случаи: «разы» когда она удерживает свою руку; *to stay* — *оставаться; сдерживать*), being asleep (во сне: «будучи спящей») or overcome with drink (или спьяну: «одоленная выпивкой»); but when she hath her judgment clear again (но когда ее ум: «суждение» ясен вновь; *hath* (*устар.*) = *has* — *имеет*), she maketh it up to me with goodly beatings (она восполняет это мне хорошими побоями).'

A fierce look came into the little prince's eyes, and he cried out (гневный взгляд пришел в глаза маленького принца и он выкрикнул):

'What (что)! Beatings (побои)?'

'O, indeed (о, в самом деле), yes (да), please you, sir (с вашего позволения, сэр).'

'*Beatings* (побои)! — and thou so frail and little (и ты, такой хрупкий и маленький). Hark ye (слушай, ты; *ye* вместо *you*): before the night come (прежде (чем) ночь придет), she shall hie her (она поспешит, поторопит себя = ее доставят) to the Tower (в Тауэр). The king my father — (король, мой отец)'

'In sooth (в истине = поистине), you forget, sir (вы забываете, сэр), her low degree (ее низкое звание: «степень»). The Tower is for the great alone (Тауэр для знатных только).'

'True, indeed (верно, действительно). I had not thought of that (я не подумал об этом). I will consider of her punishment (я подумаю о ее наказании). Is thy father kind to thee (твой отец добр к тебе)?'

'Not more than Gammer Canty, sir (не больше старухи Кэнти, сэр).'

'Fathers be alike, mayhap (отцы одинаковы, возможно (*устар.*)). Mine hath not a doll's temper (мой не имеет кукольного = мягкого характера; *hath* — *вместо*

has). He smiteth with a heavy hand (бьет тяжелой рукой; *smiteth* вместо *smites*; *to smite* — бить), yet spareth me (но щадит меня; *to spare* — щадить, экономить); he spareth me not always with his tongue, though, sooth to say (он не всегда щадит меня своим языком, однако, правду говоря = ругает). How doth thy mother use thee (как твоя мать обращается с тобой)?'

'She is good, sir (она добра, сэ), and giveth me neither sorrow nor pain (и не дает = причиняет мне ни скорби, ни боли) of any sort (какого-либо рода). And Nan and Bet are like to her in this (и Нэн и Бет похожи на нее в этом).'

'How old be these (сколько им лет)?'

'Fifteen, an it please you, sir (пятнадцать, с вашего позволения, сэ).'

'The Lady Elizabeth, my sister, is fourteen (леди Элизабет, моей сестре, 14) and the Lady Jane Grey, my cousin (а леди Джейн Грей, моя кузина), is of mine own age (моего возраста), and comely and gracious withal (и милостивая и грациозная к тому же); but my sister the Lady Mary, with her gloomy mien and — (но моя сестра леди Мэри, со своей мрачной миной и) Look you (слушай: «смотри ты»): do thy sisters forbid (запрещают ли твои сестры) their servants (своим слугам) to smile (улыбаться), lest the sin destroy their souls (чтобы грех не разрушил их души; *lest* — чтобы не)?'

'They (они)? Oh, dost think, sir (о, думаешь ли ты, сэ), that *they* have servants (что у них есть слуги)?'

The little prince contemplated (маленький принц разглядывал) the little pauper (маленького нищего) gravely (серьезно) a moment (минутку), then said (затем сказал):

'And prithee (а прошу /сказать/), why not (почему нет)? Who helpeth them undress at night (кто помогает им раздеваться вечером: «ночью»)? who attireth them when they rise (кто наряжает их, когда они встают)?'

'None (никто) о, sir (о, сэ). Wouldst have them (хотели бы вы (чтобы они) = знайте, что они) take off their garment (снимают свою одежду), and sleep without (и спят без /одежды/) — like the beasts (как звери)?'

'Their garment (свою одежду)! Have they but one (неужели у них только одно /платье/)?)'

'Ah, good your worship (ах, ваша милость), what would they do with more (что бы они делали с большим (количеством одежды); *more* — *больше*)? Truly (истинно), they have not two bodies each (они не имеют по два тела каждая).'

interfere [ɪntə`fiə], encounter [ɪn`kauntə], precious [ˈpreʃəs]

The soldiers presented arms with their halberds, opened the gates, and presented again as the little Prince of Poverty passed in, in his fluttering rags, to join hands with the Prince of Limitless Plenty. Edward Tudor said:

'Thou lookest tired and hungry; thou'st been treated ill. Come with me.'

Half a dozen attendants sprang forward to — I don't know what; interfere, no doubt. But they were waved aside with a right royal gesture, and they stopped stock still where they were like so many statues. Edward took Tom to a rich apartment in the palace, which he called his cabinet. By his command a repast was brought such as Tom had never encountered before except in books. The prince, with princely delicacy and breeding, sent away the servants, so that his humble guest might not be embarrassed by their critical presence; then he sat near by, and asked questions while Tom ate.

'What is thy name, lad?'

'Tom Cauty, an it please thee, sir.'

'Tis an odd one. Where dost live?'

'In the city, please thee, sir. Offal Court, out of Pudding Lane.'

'Offal Court! Truly, 'tis another odd one. Hast parents?'

'Parents have I, sir, and a grandam likewise that is but indifferently precious to me, God forgive me if it be offense to say it — also twin sisters, Nan and Bet.'

'Then is thy grandam not overkind to thee, I take it.'

'Neither to any other is she, so please your worship. She hath a wicked heart, and worketh evil all her days.'

'Doth she mistreat thee?'

'There be times that she stayeth her hand, being asleep or overcome with drink; but when she hath her judgment clear again, she maketh it up to me with goodly beatings.'

A fierce look came into the little prince's eyes, and he cried out:

'What! Beatings?'

'O, indeed, yes, please you, sir.'

'*Beatings!* — and thou so frail and little. Hark ye: before the night come, she shall hie her to the Tower. The king my father —'

'In sooth, you forget, sir, her low degree. The Tower is for the great alone.'

'True, indeed. I had not thought of that. I will consider of her punishment. Is thy father kind to thee?'

'Not more than Gammer Canty, sir.'

'Fathers be alike, mayhap. Mine hath not a doll's temper. He smiteth with a heavy hand, yet spareth me; he spareth me not always with his tongue, though, sooth to say. How doth thy mother use thee?'

'She is good, sir, and giveth me neither sorrow nor pain of any sort. And Nan and Bet are like to her in this.'

'How old be these?'

'Fifteen, an it please you, sir.'

'The Lady Elizabeth, my sister, is fourteen and the Lady Jane Grey, my cousin, is of mine own age, and comely and gracious withal; but my sister the Lady Mary, with her gloomy mien and — Look you: do thy sisters forbid their servants to smile, lest the sin destroy their souls?'

'They? Oh, dost think, sir, that *they* have servants?'

The little prince contemplated the little pauper gravely a moment, then said:

'And prithe, why not? Who helpeth them undress at night? who attireth them when they rise?'

'None, sir. Wouldst have them take off their garment, and sleep without — like the beasts?'

'Their garment! Have they but one?'

'Ah, good your worship, what would they do with more? Truly, they have not two bodies each.'

'It is a quaint and marvelous thought (это странная и удивительная мысль)! Thy pardon (прости: «твое прощение»), I had not meant (я не имел в виду = не хотел) to laugh (смеяться). But thy good Nan and thy Bet shall have raiment (но твои добрые Нэн и твоя Бет будут иметь одеяния) and lackeys (и лакеев) enow (достаточно; вместо *enough*), and that soon, too (и это будет скоро; *soon* — скоро; *too* — тоже): my cofferer shall look to it (мой казначей присмотрит за этим). No, thank me not (нет, не благодари меня); 'tis nothing (это ничего; *'tis = it is* — это есть). Thou speakest well (ты говоришь хорошо); thou hast an easy grace in it (ты обладаешь легким = природным изяществом в этом). Art learned (ты обучен наукам; *art* — ты есть, устар. вместо *are*)?'

'I know not if I am or not, sir (я не знаю, так это или нет). The good priest (добрый священник) that is called Father Andrew (которого зовут отец Эндрю) taught me (научил меня), of his kindness (по своей доброте), from his books (по своим книгам: «из своих книг»).'

'Know'st thou the Latin (знаешь ли ты латынь)?'

'But scantily, sir (только немного, сэръ), I doubt (я сомневаюсь).'

'Learn it, lad (выучи ее, паренек): 'tis hard (это тяжело) only at first (только поначалу). The Greek is harder (греческий сложнее); but neither these nor any tongues else, I think (но ни эти, ни какие другие языки, я думаю), are hard to the Lady Elizabeth and my cousin (/не/ сложны для леди Элизабет и моей кузины). Thou shouldst (тебе стоит) hear those damsels (услышать этих девиц) at it (при этом = как они говорят)! But tell me of thy Offal Court (но расскажи мне о своем Тупике Отбросов). Hast thou a pleasant life there (ведешь ли ты приятную жизнь там)?'

'In truth, yes (поистине, да), so please you, sir (с вашего позволения, сэ́р), save when one is hungry (кроме как когда голодаешь). There be Punch-and-Judy shows (там бывают представления с Панчем и Джуди), and monkeys (и обезьянками) — oh, such antic creatures (о, такие потешные твари)! and so bravely dressed (и так смело = пестро одеты)! — and there be plays (и бывают пьесы) wherein they that play (где те, которые играют) do shout and fight (кричат и дерутся) till all are slain (пока все /не/ бывают убиты), and 'tis so fine to see (и это так прекрасно видеть), and costeth but a farthing (и стоит только фардинг) — albeit 'tis main hard to get the farthing (хотя обычно тяжело раздобыть фардинг), please your worship (да будет угодно вашему величеству).'

'Tell me more (расскажи мне еще: «больше»).'

'We lads of Offal Court do strive (мы, мальчишки из Тупика Отбросов) do strive against each other with the cudgel (соревнуемся друг с другом: «друг против друга» на палках), like to the fashion of the 'prentices, sometimes (как подмастерья, иногда; *fashion* — образец, мода; *apprentice* — подмастерье).'

The prince's eyes flashed (глаза принца вспыхнули). Said he (сказал он):

'Marry (Матерь Божья), that would I not mislike (это я бы не прочь; *to mislike* — не любить). Tell me more (расскажи мне еще).'

'We strive in races, sir (мы соревнуемся в беге, сэ́р), to see who of us shall be fleetest (что увидать = узнать, кто из нас будет самый быстрый).'

'That would I like also (это бы мне понравилось тоже). Speak on (говори дальше).'

'In summer, sir (летом, сэ́р), we wade (мы переходим вброд) and swim in the canals (и плаваем в канавах) and in the river (и в реке), and each doth duck his neighbor (и каждый окунает своего соседа; *doth* — устар. вместо *does*; *to duck* — нырять; *окунуть*), and spatter him with water (и забрызгивает его водой), and dive and shout and tumble and — (и ныряет, и кричит, и бултыхается, и).'

"'Twould be worth my father's kingdom (это стоило бы королевства моего отца) but to enjoy it once (только чтобы насладиться этим однажды)! Prithee go on (пожалуйста, продолжай).'

'We dance and sing (мы пляшем и поем) about the Maypole in Cheapside (вокруг майского шеста в Чипсайте); we play in the sand (мы играем в песке), each covering his neighbor up (закапывая своих товарищей: «каждый покрывая своего соседа доверху»); and times we make mud pastry (и временами мы лепим пироги из грязи; *mud* — *грязь*) — oh, the lovely mud (о, эта прекрасная грязь), it hath not its like for delightfulness in all the world (ей нет равных по прелести во всем мире)! — we do fairly wallow in the mud, sir (мы изрядно валяемся в грязи, сэръ), saving your worship's presence (не в обиду вам сказать: «щадя присутствие вашей милости).'

'Oh, prithee (о, пожалуйста; *устар. вместо please*), say no more (не говори больше), 'tis glorious (это восхитительно)! If that I could but clothe me in raiment like to thine (если бы я мог только облечь себя в одежду, подобную твоей), and strip my feet (и разуть мои ноги), and revel in the mud once (и насладиться в грязи один раз: «однажды»), just once (только разок), with none to rebuke me or forbid (чтобы никто меня не отчитывал и не запрещал (мне): «с никем чтобы отчитывать...»), meseemeth (мне кажется — *устар.*) I could forego the crown (я мог бы отказаться от короны)!

laugh [la:f], doubt [daʊt], revel [revl], rebuke [ri`bju:k]

'It is a quaint and marvelous thought! Thy pardon, I had not meant to laugh. But thy good Nan and thy Bet shall have raiment and lackeys enow, and that soon, too: my cofferer shall look to it. No, thank me not; 'tis nothing. Thou speakest well; thou hast an easy grace in it. Art learned?'

'I know not if I am or not, sir. The good priest that is called Father Andrew taught me, of his kindness, from his books.'

'Know'st thou the Latin?'

'But scantily, sir, I doubt.'

'Learn it, lad: 'tis hard only at first. The Greek is harder; but neither these nor any tongues else, I think, are hard to the Lady Elizabeth and my cousin. Thou shouldst hear those damsels at it! But tell me of thy Offal Court. Hast thou a pleasant life there?'

'In truth, yes, so please you, sir, save when one is hungry. There be Punch-and-Judy shows, and monkeys — oh, such antic creatures! and so bravely dressed! — and there be plays wherein they that play do shout and fight till all are slain, and 'tis so fine to see, and costeth but a farthing — albeit 'tis main hard to get the farthing, please your worship.'

'Tell me more.'

'We lads of Offal Court do strive against each other with the cudgel, like to the fashion of the 'prentices, sometimes.'

The prince's eyes flashed. Said he:

'Marry, that would I not mislike. Tell me more.'

'We strive in races, sir, to see who of us shall be fleetest.'

'That would I like also. Speak on.'

'In summer, sir, we wade and swim in the canals and in the river, and each doth duck his neighbor, and spatter him with water, and dive and shout and tumble and —'

'Twould be worth my father's kingdom but to enjoy it once! Prithee go on.'

'We dance and sing about the Maypole in Cheapside; we play in the sand, each covering his neighbor up; and times we make mud pastry — oh, the lovely mud, it hath not its like for delightfulness in all the world! — we do fairly wallow in the mud, sir, saving your worship's presence.'

'Oh, prithee, say no more, 'tis glorious! If that I could but clothe me in raiment like to thine, and strip my feet, and revel in the mud once, just once, with none to rebuke me or forbid, meseemeth I could forego the crown!'

'And if that I could clothe me once (а если бы я мог облачить себя один раз), sweet sir (милый сир), as thou art clad (как вы одеты) — just once (только разок) —'

'Oho (ого), wouldst like it (тебе бы это понравилось)? Then so shall it be (тогда так и будет). Doff thy rags (снимай твои лохмотья), and don (и надевай) these splendors (эти красоты), lad (парень)! It is a brief happiness (это короткое счастье), but will be not less keen for that (но (оно) не будет менее острым от этого). We will have it while we may (мы будем обладать им, пока можем), and change again (и поменяемся снова) before any come to molest (прежде чем кто-нибудь придет = начнет приставать/досаждать).'

A few minutes later (несколькими минутами позже) the little Prince of Wales was garlanded (маленький принц Уэльский был облачен) with Tom's fluttering odds and ends (в развевающееся тряпье Тома), and the little Prince of Pauperdom (а маленький принц Царства бедноты) was tricked out (был выряжен) in the gaudy plumage of royalty (в яркий наряд члена королевской фамилии). The two went (двое пошли) and stood side by side (и встали бок о бок) before a great mirror (перед большим зеркалом), and lo (и глянь-ка), a miracle (чудо): there did not seem to have been any change made (казалось, не произошло никакой перемены)! They stared at each other (они уставились друг на друга), then at the glass (потом на зеркало), then at each other again (потом друг на друга снова). At last the puzzled princeling said (наконец озадаченный принц сказал):

'What dost thou make of this? (что ты об этом думаешь: «что ты делаешь из этого»).'

'Ah, good your worship (ах, ваша милость), require me not to answer (не требуйте, чтобы я отвечал). It is not meet (это неподобающе) that one of my degree (чтобы человек моего звания) should utter the thing (произнес это: «эту вещь»).'

'Then will I utter it (тогда желаю я произнести это). Thou hast the same hair (ты имеешь такие же волосы), the same eyes (такие же глаза), the same voice and

manner (такой же голос и манеры), the same form and stature (такую же фигуру и стать), the same face and countenance (такие же черты и выражение лица; *face* — лицо; *countenance* — выражение лица), that I bear (которые я имею: «ношу»). Fared we forth naked (если бы мы вышли нагишом), there is none could say (нет никого (кто) мог бы сказать) which was you (который ты), and which the Prince of Wales (и который — принц Уэльский). And, now that I am clothed as thou wert clothed (и, раз теперь я одет, как ты был одет), it seemeth I should be able the more nearly to feel (кажется, я должен быть способным еще ближе = лучше почувствовать) as thou didst (как ты сделал = что ты почувствовал) when the brute soldier (когда тот грубый солдат) — Hark ye (взгляни-ка), is not this a bruise (не синяк ли это) upon your hand (на твоей руке)?'

'Yes (да); but it is a slight thing (но это мелочь: «незначительная вещь»), and your worship knoweth that the poor man-at-arms — (и ваша милость знает, что бедный военный)'

'Peace (замолчи; *peace* — мир, спокойствие, тишина)! It was a shameful thing (это была постыдная вещь) and a cruel (и жестокая)!' cried the little prince (вскричал маленький принц), stamping his bare foot (топнув босой ногой). 'If the king (если король) — Stir not a step (не делай ни шага) till I come again (пока я (не) вернусь: «приду снова»)! It is a command (это приказ)!'

In a moment (в одно мгновение) he had snatched up (он схватил) and put away (убрал) an article of national importance (предмет национальной важности) that lay upon a table (который лежал на столе), and was out at the door (и вылетел: «был наружу» в дверь) and flying through the palace grounds in his bannered rags (и (был) летящий через по дворцовому парку в развевающихся лохмотьях; *ground* — земля), with a hot face (с разгоряченным лицом) and glowing eyes (и горящими глазами). As soon as (как только) he reached the great gate (он достиг больших ворот), he seized the bars (он вцепился в прутья), and tried to shake them (и попытался трясти их), shouting (крича): 'Open (откройте)! Unbar the gates (отопните ворота)!'

The soldier that had maltreated Tom (солдат, который плохо обошелся с Томом) obeyed promptly (повиновался быстро); and as the prince burst through the portal (и когда принц прорвался через главный вход; *burst* — *взрывать(ся)*), half smothered with royal wrath (задыхаясь: «наполовину задушенный» от королевского гнева), the soldier fetched him a sounding box on the ear (солдат вклеил ему хорошую оплеуху; *to fetch* — *принести, раздобыть*; *box* — удар; *ear* — ухо) that sent him whirling (от которой он покати́лся кубарем: «которая послала его катящимся) to the roadway (к дороге), and said (и сказал):

'Take that (получи: «возьми это»), thou beggar's spawn (ты, нищенское отродье) for what thou got'st me from his Highness (за то, что ты дал мне от Его Высочества = за то, что досталось мне по твоей милости от Его Высочества)!' The crowd roared with laughter (толпа взревела от смеха). The prince picked himself out of the mud (принц вытащил себя = поднялся из грязи), and made fiercely at the sentry (и направился яростно к часовому), shouting (крича):

'I am the Prince of Wales (я принц Уэльский), my person is sacred (моя особа священна); and thou shalt hang (и ты будешь висеть = тебя повесят) for laying thy hand upon me (за (то, что) ты положил твою руку на меня = ударил меня)!' The soldier brought his halberd to a present-arms (солдат отдал честь алебардой) and said mockingly (и сказал насмешливо):

'I salute your gracious Highness (я приветствую Ваше благородное Высочество).' Then angrily (затем сердито), 'Be off (пошел вон: «будь прочь»), thou crazy rubbish (ты, безумный подонок; *rubbish* — *мусор, отребье*)!' Here the jeering crowd (вот смеющаяся толпа) closed around (столпилась вокруг) the poor little prince (бедного маленького принца), and hustled him far down the road (и толкала его прочь по дороге), hooting him (улюлюкая ему), and shouting (и крича). 'Way for his royal Highness (дорогу Его королевскому Высочеству)! way for the Prince of Wales (дорогу принцу Уэльскому)!'

plumage [ˈpluːmɪdʒ], countenance [ˈkauntənəns], importance [ɪmˈpɔːtəns]

'And if that I could clothe me once, sweet sir, as thou art clad — just once —'

'Oho, wouldst like it? Then so shall it be. Doff thy rags, and don these splendors, lad! It is a brief happiness, but will be not less keen for that. We will have it while we may, and change again before any come to molest.'

A few minutes later the little Prince of Wales was garlanded with Tom's fluttering odds and ends, and the little Prince of Pauperdom was tricked out in the gaudy plumage of royalty. The two went and stood side by side before a great mirror, and lo, a miracle: there did not seem to have been any change made! They stared at each other, then at the glass, then at each other again. At last the puzzled princeling said:

'What dost thou make of this?'

'Ah, good your worship, require me not to answer. It is not meet that one of my degree should utter the thing.'

'Then will I utter it. Thou hast the same hair, the same eyes, the same voice and manner, the same form and stature, the same face and countenance, that I bear. Fared we forth naked, there is none could say which was you, and which the Prince of Wales. And, now that I am clothed as thou wert clothed, it seemeth I should be able the more nearly to feel as thou didst when the brute soldier — Hark ye, is not this a bruise upon your hand?'

'Yes; but it is a slight thing, and your worship knoweth that the poor man-at-arms —'

'Peace! It was a shameful thing and a cruel!' cried the little prince, stamping his bare foot. 'If the king — Stir not a step till I come again! It is a command!' In a moment he had snatched up and put away an article of national importance that lay upon a table, and was out at the door and flying through the palace grounds in his bannered rags, with a hot face and glowing eyes. As soon as he reached the great gate, he seized the bars, and tried to shake them, shouting: 'Open! Unbar the gates!'

The soldier that had maltreated Tom obeyed promptly; and as the prince burst through the portal, half smothered with royal wrath, the soldier fetched him a sounding box on the ear that sent him whirling to the roadway, and said:

'Take that, thou beggar's spawn for what thou got'st me from his Highness!'

The crowd roared with laughter. The prince picked himself out of the mud, and made fiercely at the sentry, shouting:

'I am the Prince of Wales, my person is sacred; and thou shalt hang for laying thy hand upon me!'

The soldier brought his halberd to a present-arms and said mockingly:

'I salute your gracious Highness.' Then angrily, 'Be off, thou crazy rubbish!'

Here the jeering crowd closed around the poor little prince, and hustled him far down the road, hooting him, and shouting. 'Way for his royal Highness! way for the Prince of Wales!'

CHAPTER IV (Глава четвертая)

The Prince's Troubles Begin (Беды принца начинаются)

AFTER hours of persistent pursuit and persecution (спустя часы постоянного преследования и травли), the little prince was at last deserted by the rabble (маленький принц был наконец оставлен толпой) and left to himself (и оставлен в покое: «оставлен самому себе»). As long as he had been able to rage (пока он был способен яриться, сердиться) against the mob (против черни), and threaten it royally (и угрожать ей по-королевски), and royally utter commands that were good stuff to laugh at (и по-королевски отдавать приказы, которые были хорошей вещью (чтобы) посмеяться = над которыми можно было хорошо посмеяться), he was very entertaining (он был интересен: «очень развлекающий»); but when weariness (но когда усталость) finally forced him

(наконец заставила его) to be silent (замолкнуть: «быть безмолвным»), he was no longer of use to his tormentors (он уже не был больше полезен = интересен своим мучителям), and they sought amusement (и они искали = отправились искать развлечений; *to seek* — *искать*) elsewhere (где-нибудь в другом месте). He looked about him now (он осмотрелся вокруг себя теперь), but could not recognize the locality (но не мог узнать местность). He was within (он был внутри = в пределах) the city of London (города Лондона) — that was all he knew (это было все (что) он знал). He moved on (он двинулся дальше), aimlessly (бесцельно), and in a little while (и через некоторое время) the houses thinned (дома стали редеть; *thin* — *тонкий; разреженный*), and the passers-by were infrequent (и прохожие были нечастыми = попадались редко). He bathed (он омыл) his bleeding feet (свои кровоточащие ноги) in the brook (в ручье) which flowed then where Farringdon Street now is (который протекал тогда (там), где сейчас улица Фэррингдон-стрит); rested (отдохнул) a few moments (несколько секунд), then passed on (затем пошел дальше), and presently came upon a great space (и наконец вышел на большое пространство = пустырь) with only a few scattered houses in it (с только несколькими разбросанными домами на нем), and a prodigious church (и громадной церковью). He recognized this church (он узнал эту церковь). Scaffoldings (леса) were about, everywhere (были вокруг, повсюду), and swarms of workmen (и толпы рабочих); for it was undergoing elaborate repairs (так как она реставрировалась: «подвергалась тщательному ремонту»; *to undergo* — *подвергаться; elaborate* — *тщательный; repair* — *ремонт*). The prince took heart at once (принц воспрял духом: «взял сердце» сразу) — he felt that his troubles (он чувствовал, что его муки) were at an end now (подходили к концу сейчас). He said to himself (он сказал себе), 'It is the ancient Grey Friars' church (это древняя церковь Серых Братьев), which the king my father (которую король, мой отец) hath taken from the monks (отобрал у монахов) and given for a home forever for poor and forsaken children (и отдал под дом навсегда для бедных и брошенных детей), and new-named it Christ's church (и переименовал ее в Церковь

Христа). Right gladly (с радостью) will they serve (обслужат они) the son of him who hath done so generously by them (сына того: «его», который так щедро обошелся с ними) — and the more that (и тем более что) that son is himself as poor and as forlorn (этот сын сам так же беден и покинут) as any that be sheltered here this day (как любой, кто будет укрыт здесь в этот день), or ever shall be (или когда-нибудь потом).'

He was soon in the midst (он оказался скоро посреди) of a crowd of boys (толпы мальчишек) who were running, jumping (которые бегали, прыгали), playing at ball and leap-frog (играли в мяч и чехарду; *to leap* — скакать; *frog* — лягушка) and otherwise disporting themselves (и /всячески/ иначе резвились), and right noisily (и весьма шумно), too (к тому же: «тоже»). They were all dressed alike (они были все одеты одинаково), and in the fashion (и по моде) which in that day prevailed (которая в то время преобладала) among serving-men (среди слуг) and 'prentices' (и подмастерьев) — that is to say (то есть), each had on the crown of his head (каждый имел на своей макушке) a flat black cap about the size of a saucer (плоскую черную шапочку размером с блюдце), which was not useful as a covering (которая не была полезна в качестве покрытия /головы/), it being of such scanty dimensions (так как она была такого маленького размера), neither was it ornamental (и не служила украшением; *ornamental* — декоративный); from beneath it (из-под нее) the hair fell (волосы ниспадали), unparted (без пробора: «неразделенные»), to the middle of the forehead (на середину лба), and was cropped (и были собраны в пучок) straight around (вокруг); a clerical band at the neck (священническая лента на шее); a blue gown (синее платье) that fitted closely (которое облегло тело: «подходило близко, тесно») and hung as low as the knees (и свисало до коленей: «так низко как колени») or lower (или ниже); full sleeves (полные, широкие рукава); a broad red belt (широкий красный пояс); bright yellow stockings (яркие желтые чулки), gartered above the knees (подвязанные над коленями); low shoes (низкие башмаки) with large metal buckles (с большими металлическими

пряжками). It was a sufficiently ugly costume (это был достаточно уродливый костюм).

pursuit [pə`sju:t], elaborate [ɪ`læbərət], sufficiently [sə`fɪsəntli]

AFTER hours of persistent pursuit and persecution, the little prince was at last deserted by the rabble and left to himself. As long as he had been able to rage against the mob, and threaten it royally, and royally utter commands that were good stuff to laugh at, he was very entertaining; but when weariness finally forced him to be silent, he was no longer of use to his tormentors, and they sought amusement elsewhere. He looked about him now, but could not recognize the locality. He was within the city of London — that was all he knew. He moved on, aimlessly, and in a little while the houses thinned, and the passers-by were infrequent. He bathed his bleeding feet in the brook which flowed then where Farringdon Street now is; rested a few moments, then passed on, and presently came upon a great space with only a few scattered houses in it, and a prodigious church. He recognized this church. Scaffoldings were about, everywhere, and swarms of workmen; for it was undergoing elaborate repairs. The prince took heart at once — he felt that his troubles were at an end now. He said to himself, 'It is the ancient Grey Friars' church, which the king my father hath taken from the monks and given for a home forever for poor and forsaken children, and new-named it Christ's church. Right gladly will they serve the son of him who hath done so generously by them — and the more that that son is himself as poor and as forlorn as any that be sheltered here this day, or ever shall be.'

He was soon in the midst of a crowd of boys who were running, jumping, playing at ball and leap-frog and otherwise disporting themselves, and right noisily, too. They were all dressed alike, and in the fashion which in that day prevailed among serving-men and 'prentices' — that is to say, each had on the crown of his head a flat black cap about the size of a saucer, which was not

useful as a covering, it being of such scanty dimensions, neither was it ornamental; from beneath it the hair fell, unparted, to the middle of the forehead, and was cropped straight around; a clerical band at the neck; a blue gown that fitted closely and hung as low as the knees or lower; full sleeves; a broad red belt; bright yellow stockings, gartered above the knees; low shoes with large metal buckles. It was a sufficiently ugly costume.

The boys stopped their play and flocked about the prince (мальчики прекратили свою игру и столпились вокруг принца), who said with native dignity (который сказал с врожденным чувством собственного достоинства):

'Good lads (добрые ребята), say to your master (скажите своему хозяину) that Edward Prince of Wales (что Эдуард, принц Уэльский) desireth speech with him (желает речь = переговорить с ним; *desireth* (устар.) = *desires*; *to desire* — *желать*).'

A great shout went up at this (большой крик поднялся при этом), and one rude fellow said (и один грубый парень сказал):

'Marry (ого), art thou his grace's messenger (ты посол Его Милости), beggar (попрошайка)?' The prince's face flushed with anger (лицо принца вспыхнуло гневом), and his ready hand flew to his hip (и его готовая рука взлетела к его бедру), but there was nothing there (но там ничего не было). There was a storm of laughter (была = раздалась буря смеха), and one boy said (и один мальчик сказал):

'Didst mark that (ты заметил это; *didst* — *ты сделал*, *устар. вместо did*)? He fancied (он притворился) he had a sword (/будто/ у него меч) — belike (как будто) he is the prince himself (он есть сам принц).'

This sally (эта фраза) brought more laughter (вызвала (еще) больше смеха).

Poor Edward drew himself up proudly (бедный Эдвард выпрямился горделиво; *to draw up* — *выпрямиться*) and said (и сказал):

'I am the prince (я принц); and it ill beseemeth you (и это плохо подобает = не подобает вам) that feed upon the king my father's bounty (которые питаются от

щедрот короля, моего отца; *bounty* — *щедрость*) to use me so (обращаться со мною так).'

This was vastly enjoyed (это всем: «широко» понравилось; *to enjoy* — *наслаждаться*), as the laughter testified (как смех свидетельствовал). The youth who had first spoken (юноша, который в начале говорил) shouted to his comrades (крикнул своим товарищам):

'Но (эй), swine (свиньи), slaves (рабы), pensioners of his grace's princely father (нахлебники высокородного отца его милости), where be your manners (где же ваши манеры; *be вместо are*)? Down on your marrow bones (на колени: «вниз на ваши кости»), all of ye (все вы: «все из вас»), and do reverence to his kingly port and royal rags (и воздайте почести его королевскому званию и королевским лохмотьям)!'

With boisterous mirth (с буйным весельем) they dropped upon their knees (они рухнули на колени) in a body (в одном теле = все как один) and did mock homage (и воздали шутовские почести) to their prey (своей жертве). The prince spurned (принц отпихнул) the nearest boy with his foot (ближайшего мальчугана ногой), and said fiercely (и сказал яростно):

'Take thou that (вот тебе), till the morrow come (пока утро (не) придет) and I build thee a gibbet (и я (не) построю тебе виселицу)!'

Ah, but this was not a joke (ах, но это не была шутка) — this was going beyond fun (это переходило границы веселья). The laughter ceased on the instant (смех умолк сразу) and fury took its place (и ярость заняла его место). A dozen shouted (дюжина (человек) прокричала):

'Hale him forth (тащи его)! To the horse-pond, to the horse-pond (к лошадиному пруду)! Where be the dogs (где собаки)? Но, there, Lion (взять, Лев)! ho, Fangs (взять, Клыкастый; *fang* — *клык*)!'

Then followed such a thing (затем последовала такая вещь) as England had never seen before (какую Англия никогда не видела прежде) — the sacred person of the heir to the throne (священная особа наследника престола) rudely buffeted (жестоко схваченная) by plebeian hands (плебейскими руками), and

set upon (и атакованная) and torn by dogs (и искусанная собаками; *to tear* — *рвать*).

As night drew to a close that day (когда ночь приближалась к концу в тот день), the prince found himself (принц оказался: «нашел себя») far down (глубоко) in the close-built (в тесно застроенной) portion of the city (части города). His body was bruised (его тело было в синяках; *bruise* — *синяк*; *to bruise* — *ставит синяки*), his hands were bleeding (его руки кровоточили), and his rags were all besmirched with mud (а его лохмотья были все измазаны в грязи). He wandered on and on (он брел (все) дальше и дальше), and grew more and more bewildered (и становился (все) больше и больше сбит с толку), and so tired and faint (и такой усталый и слабый) he could hardly drag one foot after the other (/что/ он едва мог переставлять одну ногу за другой). He had ceased to ask questions (он перестал задавать вопросы; *to ask* — (*с*)*просить*) of any one (кому-либо), since they brought him only insult (так как они приносили ему лишь оскорбления/унижения) instead of information (вместо информации). He kept muttering (он продолжал бормотать) to himself (себе под нос: «к себе»), 'Offal Court (Тупик Отбросов) — that is the name (это то самое имя = вот как это место называется); if I can but find it (если я смогу только найти его) before my strength is wholly spent (прежде чем мои силы полностью иссякнут: «будут потрачены») and I drop (и я упаду), then am I saved (тогда я спасен) — for his people will take me to the palace (ибо его люди = родные отведут меня во дворец) and prove that I am none of theirs (и докажут, что я не из их /числа/), but the true prince (но истинный принц), and I shall have mine own again (и я получу свое собственное опять = обратно).' And now and then his mind reverted (и сейчас и тогда = все время его мысли возвращались; *mind* — *сознание*) to his treatment (к обращению с ним = к тому, как с ним обращались) by those rude Christ's Hospital boys (этими грубыми мальчишками из Дома Христа), and he said (и он сказал), 'When I am king (когда я стану королем), they shall not have bread and shelter only (они будут иметь не только хлеб и кров; *only* — *только*), but also teachings out of books (он также учение из книг); for a full

belly (так как полный живот) is little worth (немногого стоит) where the mind is starved (где = если ум голодает), and the heart (как и сердце). I will keep this diligently in my remembrance (я буду хранить это прилежно в моей памяти), that this day's lesson be not lost upon me (чтобы урок этого дня не был потерян = потрачен зря на меня; *to lose* — *терять*), and my people suffer thereby (и мои люди (бы не) страдали от этого); for learning softeneth the heart and breedeth gentleness and charity (ибо учение смягчает сердце и сеет доброту и милосердие; *softeneth u breedeth* — *устар. вместо softens u breeds; to breed* — *разводить, вскармливать*)'.

native [ˈneɪtɪv], reverence [ˈrevərəns], instead [ɪnˈsted]

The boys stopped their play and flocked about the prince, who said with native dignity:

'Good lads, say to your master that Edward Prince of Wales desireth speech with him.'

A great shout went up at this, and one rude fellow said:

'Marry, art thou his grace's messenger, beggar?' The prince's face flushed with anger, and his ready hand flew to his hip, but there was nothing there.

There was a storm of laughter, and one boy said:

'Didst mark that? He fancied he had a sword — belike he is the prince himself.'

This sally brought more laughter. Poor Edward drew himself up proudly and said:

'I am the prince; and it ill beseemeth you that feed upon the king my father's bounty to use me so.'

This was vastly enjoyed, as the laughter testified. The youth who had first spoken shouted to his comrades:

'Ho, swine, slaves, pensioners of his grace's princely father, where be your manners? Down on your marrow bones, all of ye, and do reverence to his kingly port and royal rags!'

With boisterous mirth they dropped upon their knees in a body and did mock homage to their prey. The prince spurned the nearest boy with his foot, and said fiercely:

'Take thou that, till the morrow come and I build thee a gibbet!'

Ah, but this was not a joke — this was going beyond fun. The laughter ceased on the instant and fury took its place. A dozen shouted:

'Hale him forth! To the horse-pond, to the horse-pond! Where be the dogs? Ho, there, Lion! ho, Fangs!'

Then followed such a thing as England had never seen before — the sacred person of the heir to the throne rudely buffeted by plebeian hands, and set upon and torn by dogs.

As night drew to a close that day, the prince found himself far down in the close-built portion of the city. His body was bruised, his hands were bleeding, and his rags were all besmirched with mud. He wandered on and on, and grew more and more bewildered, and so tired and faint he could hardly drag one foot after the other. He had ceased to ask questions of any one, since they brought him only insult instead of information. He kept muttering to himself, 'Offal Court — that is the name; if I can but find it before my strength is wholly spent and I drop, then am I saved — for his people will take me to the palace and prove that I am none of theirs, but the true prince, and I shall have mine own again.' And now and then his mind reverted to his treatment by those rude Christ's Hospital boys, and he said, 'When I am king, they shall not have bread and shelter only, but also teachings out of books; for a full belly is little worth where the mind is starved, and the heart. I will keep this diligently in my remembrance, that this day's lesson be not lost upon me, and my people suffer thereby; for learning softeneth the heart and breedeth gentleness and charity.'

The lights began to twinkle (огни начали мигать; *to begin* — *начинать*), it came on to rain (полил дождь; *to come* — *приходить*), the wind rose (ветер поднялся; *to rise* — *подниматься*), and a raw and gusty night set in (и промозглая и ветреная ночь наступила; *to set in* — *начинаться, наступать*; *gust* — *порыв ветра*). The houseless prince (лишенный крова принц), the homeless heir to the throne of England (бездомный наследник престола Англии), still moved on (все еще двигался дальше), drifting deeper into the maze of squalid alleys (забредая глубже в лабиринт убогих переулков) where the swarming hives (где кишачищие ульи) of poverty and misery (бедности и горя) were massed together (были собраны вместе).

Suddenly a great drunken ruffian (вдруг большой пьяный хулиган/негодяй) collared him (схватил его за воротник; *collar* — *воротник*) and said (и сказал): 'Out to this time of night again (на улице: «снаружи» до этого часа снова), and hast not brought a farthing home (и не принес ни фартинга домой), I warrant me (ручаюсь)! If it be so (если это так), an' I do not break all the bones in thy lean body (и я не переломаю все кости в твоём тощем теле), then am I not John Canty, but some other (тогда я не Джон Кэнти, а кто-то другой).'

The prince twisted himself loose (принц вывернулся; *loose* — *свободный*), unconsciously brushed his profaned shoulder (неосознанно потер свое оскверненное плечо), and eagerly said (и сказал с чувством):

'Oh, art his father (о, ты его отец), truly (истинно)? Sweet heaven grant it be so (дай Бог: «небеса да дадут» чтобы это было так) — then wilt thou fetch him away (тогда уведешь ты его прочь) and restore me (и вернешь (на место) меня)!'

'His father (его отец)? I know not what thou mean'st (я не знаю, что ты имеешь в виду); I but know I am *thy* father (я только знаю /что/ я твой отец), as thou shalt soon have cause to (как тебе вскоре представится случай) —'

'Oh, jest not (о, не шути — *устар. вместо don't jest*), palter not (не лукавь; *to palter* — *изворачиваться; ухищряться; кривить душой; плутовать*,

хитрить), delay not (не медли)! — I am worn (я измотан; *to wear* — *носить (одежду); снашиваться; изнурять*), I am wounded (я изранен), I can bear no more (я не могу вынести больше). Take me to the king my father (возьми = отведи меня к королю, моему отцу), and he will make thee rich beyond thy wildest dreams (и он сделает тебя богатым, как ты не смел и мечтать: «за пределами твоих самых необузданных мечтаний»; *wild* — *дикий*). Believe me, man (поверь мне, (добрый) человек), believe me (поверь мне)! I speak no lie (я не говорю ложь), but only the truth (но только правду)! — put forth thy hand (протяни свою руку) and save me (и спаси меня)! I am indeed the Prince of Wales (я действительно принц Уэльский)!

The man stared down (человек уставился вниз), stupefied (ошеломленный; *to stupefy* — *притуплять; ошеломлять*), upon the lad (на паренька), then shook his head and muttered (затем покачал головой и пробормотал; *to shake* — *трясти*):

'Gone stark mad as any Tom o' Bedlam (сошел совсем с ума, как какой-нибудь Том из Бедлама; *to go mad* — *сойти с ума*)!' — then collared him once more (затем схватил его за воротник еще раз), and said with a coarse laugh (и сказал с грубым смехом) and an oath (и проклятьем), 'But mad or no mad (но безумен ты или не безумен), I and thy Gammer Canty (я и твоя бабка Кэнти) will soon find where the soft places in thy bones lie (пересчитаем тебе ребра: «скоро найдем, где мягкие места в твоих костях лежат»), or I'm no true man (или я не честный человек)!

With this (с этим = на этом) he dragged (он потащил) the frantic and struggling prince away (обезумевшего и борящегося принца прочь), and disappeared up a front court (и исчез в переднем дворе) followed by a delighted and noisy swarm of human vermin (провожаемый веселящейся и шумной толпой сброда: «человеческих паразитов»; *vermin* — *паразиты (насекомые); вредители*).

misery [ˈmɪzəri], loose [lu:s], wound [wʌnd], stupefy [ˈstju:pɪfaɪ]

The lights began to twinkle, it came on to rain, the wind rose, and a raw and gusty night set in. The houseless prince, the homeless heir to the throne of England, still moved on, drifting deeper into the maze of squalid alleys where the swarming hives of poverty and misery were massed together.

Suddenly a great drunken ruffian collared him and said:

'Out to this time of night again, and hast not brought a farthing home, I warrant me! If it be so, an' I do not break all the bones in thy lean body, then am I not John Canty, but some other.'

The prince twisted himself loose, unconsciously brushed his profaned shoulder, and eagerly said:

'Oh, art his father, truly? Sweet heaven grant it be so — then wilt thou fetch him away and restore me!'

'His father? I know not what thou mean'st; I but know I am *thy* father, as thou shalt soon have cause to —'

'Oh, jest not, palter not, delay not! — I am worn, I am wounded, I can bear no more. Take me to the king my father, and he will make thee rich beyond thy wildest dreams. Believe me, man, believe me! I speak no lie, but only the truth! — put forth thy hand and save me! I am indeed the Prince of Wales!'

The man stared down, stupefied, upon the lad, then shook his head and muttered:

'Gone stark mad as any Tom o' Bedlam!' — then collared him once more, and said with a coarse laugh and an oath, 'But mad or no mad, I and thy Gammer Canty will soon find where the soft places in thy bones lie, or I'm no true man!'

With this he dragged the frantic and struggling prince away, and disappeared up a front court followed by a delighted and noisy swarm of human vermin.

CHAPTER V (Глава пятая)

Tom as a Patrician (Том как патриций)

TOM CANTY, left alone (Том Кэнти, оставленный в одиночестве; *to leave* — *оставлять*) in the prince's cabinet (в комнате принца), made good use (хорошо воспользовался: «извлек хорошую пользу») of his opportunity (из своей возможности). He turned himself this way and that (он поворачивался и так и эдак: «этим путем и тем») before the great mirror (перед большим зеркалом), admiring his finery (любясь своим изящным видом; *fine* — *тонкий, изящный*); then walked away (затем отошел прочь), imitating the prince's high-bred carriage (подражая породистой осанке принца), and still observing results in the glass (и все еще наблюдая результаты в зеркале). Next he drew the beautiful sword (затем он вытащил прекрасный меч; *to draw* — *тащить*), and bowed (и поклонился), kissing the blade (целуя лезвие), and laying it across his breast (и кладя его себе поперек груди), as he had seen a noble knight do (как он видел, как делает благородный рыцарь), by way of salute to the lieutenant of the Tower (салютуя коменданту Тауэра), five or six weeks before (пять или шесть недель назад), when delivering the great lords (при доставке великих лордов) of Norfolk and Surrey (Норфолка и Суррея) into his hands for captivity (в его руки для заключения). Tom played with the jeweled dagger (Том поиграл с украшенным драгоценными камнями мечом) that hung upon his thigh (который висел на его бедре); he examined (он осмотрел) the costly and exquisite (дорогие и изысканные) ornaments of the room (украшения комнаты); he tried each of the sumptuous chairs (он посидел на каждом из роскошных стульев; *to try* — *попробовать*), and thought how proud he would be (и подумал, как горд он был бы) if the Offal Court herd could only peep in (если бы только сброд из Тупика Отбросов мог заглянуть внутрь) and see him in his grandeur (и увидеть его в его величии). He wondered (он размышлял, интересовался) if they would believe the marvelous tale (поверят ли они прекрасной сказке) he should tell when he got home (которую он расскажет, когда вернется домой), or if they would shake their heads (или они покачают

головой), and say his overtaxed imagination (и скажут (что) его перегруженное воображение) had at last upset his reason (в конце концов лишило его рассудка; *to upset* — опрокидывать, переворачивать; расстраивать, нарушать).

At the end of half an hour (к концу получаса) it suddenly occurred to him (неожиданно пришло ему в голову) that the prince was gone a long time (что принц уже давно ушел); then right away (тогда сразу же) he began to feel lonely (он начал чувствовать (себя) одиноким); very soon he fell to listening and longing (очень скоро он принялся прислушиваться и тосковать), and ceased to toy (и прекратил играть, забавляться) with the pretty things about him (с прелестными вещами вокруг него); he grew uneasy (он стал беспокойным; *to grow* — расти; становиться), then restless (затем беспокойным), then distressed (затем несчастным = в панике; *to distress* — причинять страдание, горе; мучить, терзать). Suppose some one should come (предположим (что) кто-то придет), and catch him in the prince's clothes (и поймают его в одежде принца), and the prince not there to explain (а принца нет, чтобы объяснить). Might they not hang him at once (не могут ли его повесить сразу), and inquire into his case afterward (а расследовать его дело потом)? He had heard that the great were prompt about small matters (он слышал, что великие скоры в незначительных вещах = быстро принимают решения). His fears rose (его страхи становились; *to rise* — подниматься) higher and higher (больше и больше: «выше и выше»; *high* — высокий); and trembling (и дрожа) he softly opened the door to the ante-chamber (он тихо открыл дверь в переднюю комнату/в прихожую), resolved to fly and seek the prince (решившись полететь = устремиться и искать принца), and through him (и через него), protection and release (защиты и освобождения). Six gorgeous gentlemen-servants (шесть великолепно (одетых) джентельменов-слуг) and two young pages of high degree (и два молодых пажа высокого звания), clothed like butterflies (одетые, как бабочки), sprung to their feet (вскочили на ноги; *to spring* — прыгнуть, вскочить), and bowed low before him (и склонились низко перед ним). He

stepped quickly back (он отступил быстро назад), and shut the door (и захлопнул дверь; *to shut* — *закрывать*).

observe [əb`zə:v], lieutenant [lef`tenənt], distress [dɪs`tres] bow [bau]

TOM CANTY, left alone in the prince's cabinet, made good use of his opportunity. He turned himself this way and that before the great mirror, admiring his finery; then walked away, imitating the prince's high-bred carriage, and still observing results in the glass. Next he drew the beautiful sword, and bowed, kissing the blade, and laying it across his breast, as he had seen a noble knight do, by way of salute to the lieutenant of the Tower, five or six weeks before, when delivering the great lords of Norfolk and Surrey into his hands for captivity. Tom played with the jeweled dagger that hung upon his thigh; he examined the costly and exquisite ornaments of the room; he tried each of the sumptuous chairs, and thought how proud he would be if the Offal Court herd could only peep in and see him in his grandeur. He wondered if they would believe the marvelous tale he should tell when he got home, or if they would shake their heads, and say his overtaxed imagination had at last upset his reason.

At the end of half an hour it suddenly occurred to him that the prince was gone a long time; then right away he began to feel lonely; very soon he fell to listening and longing, and ceased to toy with the pretty things about him; he grew uneasy, then restless, then distressed. Suppose some one should come, and catch him in the prince's clothes, and the prince not there to explain. Might they not hang him at once, and inquire into his case afterward? He had heard that the great were prompt about small matters. His fears rose higher and higher; and trembling he softly opened the door to the ante-chamber, resolved to fly and seek the prince, and through him, protection and release. Six gorgeous gentlemen-servants and two young pages of high degree, clothed

like butterflies, sprung to their feet, and bowed low before him. He stepped quickly back, and shut the door.

He said (он сказал):

'Oh, they mock at me (о, они смеются надо мной)! They will go and tell (они пойдут и расскажут). Oh! why came I here (о! почему пришел я сюда) to cast away my life (отдать свою жизнь; *to cast* — *кидать*)?'

He walked up and down the floor (он ходил из угла в угол; *floor* — *пол*), filled with nameless fears (наполненный безымянными страхами; *to fill* — *наполнять*), listening (прислушиваясь), starting at every trifling sound (вздрагивая при каждом мельчайшем шорохе). Presently the door swung open (вдруг дверь раскрылась; *to swing* — *качаться*; *open* — *открытый*), and a silken page said (и шелковый = одетый в шелка паж сказал):

'The Lady Jane Grey (леди Джейн Грей).'

The door closed (дверь закрылась), and a sweet young girl (и прелестная молодая девушка), richly clad (богато одетая), bounded toward him (подскочила к нему).

But she stopped suddenly (но она остановилась внезапно), and said in a distressed voice (и сказала огорченным голосом):

'Oh, what aileth thee (о, что беспокоит тебя; *aileth* — *устар. вместо ails*; *to ail* — *беспокоить*), my lord (мой господин)?'

Tom's breath was nearly failing him (дыхание Тома почти отказало ему); but he made shift (но он сделал усилие) to stammer out (произнести, запинаясь):

'Ah, be merciful (ах, будь милосердной), thou (ты)! In sooth I am no lord (поистине, я не господин), but only poor Tom Cauty of Offal Court in the city (но лишь бедный Том Кэнти из Тупика отбросов в городе). Prithee let me see the prince (пожалуйста, позвольте мне увидеть принца), and he will of his grace restore (и он вернет из своей милости) to me my rags (мне мои лохмотья), and let me hence (и позволит мне /уйти/ отсюда) unhurt (невредимым; *to hurt* —

причинить боль; ранить; ушибить). Oh, be thou merciful (о, будь ты милостива), and save me (и спаси меня)!

By this time the boy was on his knees (к этому времени мальчик был = стоял на коленях), and supplicating with his eyes (и умолял глазами) and uplifted hands (и поднятыми вверх руками; *to uplift* — *поднимать, вздымать*) as well as with his tongue (так же, как и языком = словами). The young girl seemed horror-stricken (молодая девушка казалась объята ужасом; *horror* — *ужас; to strike* — *бить, поражать*). She cried out (она вскричала):

'Oh, my lord (о, мой господин), on thy knees (на коленях)? and to me (и ко мне)!'

Then she fled away (затем она убежала; *to flee* — *убегать*) in fright (в испуге); and Tom, smitten with despair (а Том, охваченный отчаянием; *to smite* — *охватить, сразить*), sank down (опустился; *to sink* — *погружаться, тонуть*), murmuring (бормоча):

'There is no help (нет никакой помощи), there is no hope (нет никакой надежды). Now will they come and take me (теперь они придут и схватят меня).'

Whilst he lay there (пока он лежал там; *to lie* — *лежать*) benumbed with terror (оцепеневший от ужаса), dreadful tidings (страшные известия) were speeding through the palace (распространялись по дворцу). The whisper (шепот), for it was whispered always (так как это всегда передавалось шепотом: «было прошептано всегда»), flew from menial to menial (пронесся от слуги к слуге), from lord to lady (от господ к дамам), down all the long corridors (по всем коридорам), from story to story (с этажа на этаж), from saloon to saloon (из залы в залу), 'The prince hath gone mad (принц сошел с ума), the prince hath gone mad!' Soon every saloon, every marble hall (скоро каждая зала, мраморный холл), had its groups of glittering lords and ladies (имела свои группы блистательных господ и дам), and other groups of dazzling lesser folk (и другие группы ослепительных людей более низкого звания; *lesser* — *меньший*), talking earnestly together in whispers (говорящих серьезно вместе шепотом),

and every face had in it dismay (и каждое лицо имело /выражение/ испуга). Presently (через некоторое время) a splendid official (величественный чиновник) came marching by these groups (прошел мимо этих групп), making solemn proclamation (делая торжественное объявление):

'IN THE NAME OF THE KING (именем короля)

Let none listen to this false (пусть никто не слушает эту лживую) and foolish matter (и глупую весть), upon pain of death (под страхом смерти; *pain* — боль), nor discuss the same (и не обсуждает ее; *same* — то(т) же), nor carry it abroad (и не выносит за пределы /дворца/). In the name of the king (именем короля)!

The whisperings ceased (шепот прекратился) as suddenly (так внезапно) as if the whisperers had been stricken dumb (как будто шептавшие внезапно онемели).

Soon there was a general buzz (вскоре раздалось всеобщий гул /голосов/) along the corridors (вдоль коридоров), of (о) 'The prince (принц)! See, the prince comes (смотрите, принц идет)!'

tongue [tʌŋ], benumb [bɪˈnʌm], death [deθ]

He said:

'Oh, they mock at me! They will go and tell. Oh! why came I here to cast away my life?'

He walked up and down the floor, filled with nameless fears, listening, starting at every trifling sound. Presently the door swung open, and a silken page said:

'The Lady Jane Grey.'

The door closed, and a sweet young girl, richly clad, bounded toward him.

But she stopped suddenly, and said in a distressed voice:

'Oh, what aileth thee, my lord?'

Tom's breath was nearly failing him; but he made shift to stammer out:

'Ah, be merciful, thou! In sooth I am no lord, but only poor Tom Canty of Offal Court in the city. Prithee let me see the prince, and he will of his grace restore to me my rags, and let me hence unhurt. Oh, be thou merciful, and save me!'

By this time the boy was on his knees, and supplicating with his eyes and uplifted hands as well as with his tongue. The young girl seemed horror-stricken. She cried out:

'Oh, my lord, on thy knees? and to *me!*'

Then she fled away in fright; and Tom, smitten with despair, sank down, murmuring:

'There is no help, there is no hope. Now will they come and take me.'

Whilst he lay there benumbed with terror, dreadful tidings were speeding through the palace. The whisper, for it was whispered always, flew from menial to menial, from lord to lady, down all the long corridors, from story to story, from saloon to saloon, 'The prince hath gone mad, the prince hath gone mad!' Soon every saloon, every marble hall, had its groups of glittering lords and ladies, and other groups of dazzling lesser folk, talking earnestly together in whispers, and every face had in it dismay. Presently a splendid official came marching by these groups, making solemn proclamation:

'IN THE NAME OF THE KING

Let none list to this false and foolish matter, upon pain of death, nor discuss the same, nor carry it abroad. In the name of the king!'

The whisperings ceased as suddenly as if the whisperers had been stricken dumb.

Soon there was a general buzz along the corridors, of 'The prince! See, the prince comes!'

Poor Tom came slowly walking past (бедный Том прошел медленно мимо) the low-bowing (низко-кланявшихся) groups (групп /людей/), trying to bow in return (пытаясь кланяться в ответ), and meekly gazing upon (и

кротко/смиренно смотря на) his strange surroundings (свое странное окружение) with bewildered and pathetic eyes (растерянными и жалкими/грустными глазами). Great nobles walked upon each side of him (вельможи шли с обеих сторон от него), making him lean upon them (заставляя его опираться на них), and so steady his steps (и так придавая устойчивость его шагам). Behind him followed (позади него следовали) the court physicians (придворные врачи) and some servants (и несколько слуг).

Presently Tom found himself in a noble apartment of the palace (через некоторое время Том оказался в благородных апартаментах дворца), and heard the door close (и услышал, как дверь закрывалась) behind him (за ним). Around him (вокруг него) stood those who had come with him (стояли те, кто пришел с ним).

Before him (перед ним), at a little distance (на небольшом расстоянии) reclined (полулежал) a very large and very fat man (очень большой и очень толстый человек), with a wide, pulpy face (с широким, мясистым лицом), and a stern expression (и суровым выражением /лица/). His large head was very gray (его большая голова была очень седой; *gray* — *серый; седой*); and his whiskers (и его бакенбарды), which he wore only around his face (которые он носил только вокруг своего лица), like a frame (как рамку), were gray also (были седыми также). His clothing was of rich stuff (его одежда была из дорогого материала), but old (но старая), and slightly frayed (и немного потертая) in places (местами). One of his swollen legs (одна раздутых ног) had a pillow under it (имела подушку под собой), and was wrapped in bandages (и была обернута в бинты). There was silence now (настала тишина теперь); and there was no head there (и не было (ни одной) головы там) but was bent in reverence (которая не была бы почтительно склонена), except this man's (кроме (головы) этого человека). This stern-countenanced invalid (этот инвалид с суровым выражением лица; *countenance* — *выражение /лица, глаз/*) was the dread Henry VIII (был грозный Генрих Восьмой). He said (он произнес) — and his face

grew gentle (и его лицо стало мягким) as he began to speak (когда он начал говорить):

'How now (как так), my lord Edward (милорд Эдуард), my prince (мой принц)? Hast been minded to cozen me (ты был настроен = собирался морочить меня), the good king thy father (доброго короля, твоего отца), who loveth thee (который любит тебя), and kindly useth thee (и по-доброму обращается с тобой), with a sorry jest (мрачной шуткой)?'

Poor Tom was listening (бедный Том слушал), as well as (насколько) his dazed faculties (его потрясенные чувства) would let him (позволяли ему), to the beginning (начало) of this speech (этой речи); but when the words (но когда слова) 'me the good king (меня, доброго короля)' fell upon his ear (достигли его ушей; *to fall* — *падать*), his face blanched (его лицо побледнело), and he dropped as instantly upon his knees (и он упал так внезапно на колени) as if (как если бы) a shot (выстрел) had brought him there (заставил его сделать это: «принес его туда»; *to bring* — *приносить*). Lifting up his hands (воздымая руки), he exclaimed (он воскликнул):

'Thou the king (ты король)? Then am I undone indeed (тогда я погиб вправду)!' This speech seemed to stun the king (эти слова, казалось, оглушили короля; *speech* — *речь*). His eyes wandered (его глаза блуждали) from face to face aimlessly (от лица к лицу бесцельно), then rested (затем остановились), bewildered (удивленные), upon the boy before him (на мальчике перед ним). Then he said in a tone of deep disappointment (затем он произнес тоном глубокого разочарования):

'Alack (увы — *устар. вместо alas*), I had believed (я верил /что/) the rumor disproportioned (слухи не соответствовали) to the truth (правде); but I fear me (но я боюсь) 'tis not so (/что/ это не так; *'tis = it is*).! He breathed a heavy sigh (он тяжело вздохнул; *to breathe* — *дышать*; *sigh* — *вздох*), and said in a gentle voice (и сказал мягким голосом), 'Come to thy father, child (иди к своему отцу, дитя); thou art not well (ты нездоров)'

strange [streɪnG], slightly [ˈslaɪtli], countenance [ˈkauntɒnəns], cozen [kɔzn], alas [qˈlʌs], sigh [saɪ]

Poor Tom came slowly walking past the low-bowing groups, trying to bow in return, and meekly gazing upon his strange surroundings with bewildered and pathetic eyes. Great nobles walked upon each side of him, making him lean upon them, and so steady his steps. Behind him followed the court physicians and some servants.

Presently Tom found himself in a noble apartment of the palace, and heard the door close behind him. Around him stood those who had come with him. Before him, at a little distance, reclined a very large and very fat man, with a wide, pulpy face, and a stern expression. His large head was very gray; and his whiskers, which he wore only around his face, like a frame, were gray also. His clothing was of rich stuff, but old, and slightly frayed in places. One of his swollen legs had a pillow under it, and was wrapped in bandages. There was silence now; and there was no head there but was bent in reverence, except this man's. This stern-countenanced invalid was the dread Henry VIII. He said — and his face grew gentle as he began to speak:

'How now, my lord Edward, my prince? Hast been minded to cozen me, the good king thy father, who loveth thee, and kindly useth thee, with a sorry jest?'

Poor Tom was listening, as well as his dazed faculties would let him, to the beginning of this speech; but when the words 'me the good king' fell upon his ear, his face blanched, and he dropped as instantly upon his knees as if a shot had brought him there. Lifting up his hands, he exclaimed:

'Thou the king? Then am I undone indeed!'

This speech seemed to stun the king. His eyes wandered from face to face aimlessly, then rested, bewildered, upon the boy before him. Then he said in a tone of deep disappointment:

'Alack, I had believed the rumor disproportioned to the truth; but I fear me 'tis not so.' He breathed a heavy sigh, and said in a gentle voice, 'Come to thy father, child; thou art not well.'

Tom was assisted to his feet (Тому помогли встать: «на ноги»), and approached (и /его/ подвели к) the Majesty of England (его английскому Величеству), humble and trembling (покорного и дрожащего). The king took the frightened face (король взял испуганное лицо) between his hands (в руки: «между руками»), and gazed earnestly and lovingly into it awhile (и всматривался серьезно и с любовью в него какое-то время), as if seeking (как будто ища) some grateful sign (какого-то живительный знак) of returning reason there (возвращающегося рассудка там = в нем), then pressed (затем прижал) the curly head against his breast (кудрявую голову к груди), and patted it tenderly (и потрепал ее нежно). Presently he said (затем он сказал):

'Dost thou know thy father, child (ты знаешь своего отца, дитя)? Break not (не разбивай — *устар. вместо don't break*) mine old heart (мое старое сердце; *mine — здесь: устар. вместо my*); say thou know'st me (скажи, (что) ты знаешь меня). Thou dost know me (ты ведь знаешь меня), dost thou not (разве нет)?' 'Yeа (да); thou art my dread lord the king (ты мой грозный господин король), whom God preserve (которого Господь да хранит).'

'True, true (верно, верно) — that is well (это хорошо) — be comforted (будь спокоен), tremble not so (не дрожи так; *устар. вместо don't tremble*); there is none here (здесь нет никого) who would hurt thee (кто бы обидел тебя); there is none here but loves thee (здесь нет никого, кроме /тех, кто/ любит тебя). Thou art better now (тебе лучше сейчас); thy ill dream passeth (твой злой сон проходит) — is't not so (разве не так; is't = is it)? And thou knowest thyself now also (и ты знаешь сам теперь тоже) — is't not so (разве не так)? Thou wilt not miscall thyself again (ты не будешь неправильно называть себя снова), as they say thou didst a little while ago (как, говорят, ты делал недавно)?'

'I pray thee of thy grace (я молю тебя из твоей милости) believe me (поверь мне), I did but speak the truth (я только сказал правду), most dread lord (суровейший господин); for I am the meanest (ибо я самый низкий) among thy subjects (среди твоих подданных), being a pauper born (будучи бедняком рожден), and 'tis by a sore mischance and accident (и по злему несчастью и случайности) I am here (я здесь), albeit I was therein nothing blameful (хотя я в этом неповинен; *to blame* — *винить*). I am but young to die (я слишком молод, чтобы умереть), and thou canst save me with one little word (и ты можешь спасти меня одним маленьким словом). Oh, speak it, sir (о, произнесите его, сэръ)!

'Die (умереть)? Talk not so (не говори так; *устар. вместо don't talk*), sweet prince (милый принц) — peace (тише), peace, to thy troubled heart (твоему встревоженному сердцу) — thou shalt not die (ты не умрешь)!

Tom dropped upon his knees (Том рухнул на колени) with a glad cry (с радостным криком):

'God requite (Господь да вознаградит) thy mercy (твое милосердие), oh my king (о мой король), and save thee long to bless thy land (и да спасает тебя долго, чтобы благословить твою землю)!' Then springing up (затем, вскочив), he turned a joyful face toward the two lords (он повернул = обернулся радостным лицом к двум лордам) in waiting (ожидавших), and exclaimed (и воскликнул), 'Thou heard'st it (ты слышал это)! I am not to die (мне не суждено умереть): the king hath said it (король сказал это)!' There was no movement (не было никакого движения), save that all bowed (кроме того что все поклонились) with grave respect (с мрачным почтением); but no one spoke (но никто не говорил = не произнес ни слова). He hesitated (он колебался), a little confused (немного смущенный), then turned timidly toward the king (затем повернулся смиренно к королю), saying (говоря), 'I may go now (я могу уйти теперь)?' 'Go (уйти)? Surely (конечно), if thou desirest (если ты желаешь). But why not tarry (но почему не помедлить) yet a little (еще немного)? Whither (куда — *устар.*) wouldst go (хочешь ты идти)?'

Tom dropped his eyes (Том опустил глаза), and answered humbly (и ответил смиренно):

'Peradventure (возможно — *устар.*) I mistook (я совершил ошибку; *to mistake*); but I did think me free (но я считал себя свободным; *think* — *думать*), and so was I moved (и поэтому я направился) to seek again the kennel (снова разыскать конуру, хижину) where I was born and bred to misery (где я был рожден и воспитан для нищеты; *to breed* — *выводить, разводить /животных/; вскармливать; воспитывать, обучать*), yet which harboreth (но которая дает кров; *harboreth* = *harbors*; *to harbour* — *давать гавань*) my mother and my sisters (моей матери и моим сестрам), and so is home to me (и поэтому является домом для меня); whereas these pomps and splendors (в отличие от этого великолепия и красоты) whereunto I am not used (к которым я не привычен) — oh, please you, sir, to let me go (о, умоляю вас, сэр, позволить мне уйти)!'

The king was silent and thoughtful awhile (король был молчалив и задумчив некоторое время), and his face betrayed (и его лицо выдавало) a growing distress and uneasiness (растущее горе и тревогу). Presently he said (потом он сказал), with something of hope (с чем-то вроде надежды) in his voice (в голосе):

'Perchance (быть может) he is but mad upon this one strain (он всего лишь помешался на этой одной мысли) and hath his wits unmarred (и имеет свой разум неповрежденный; *to mar* — *искажать, портить, ухудшать*) as toucheth (в том, что касается) other matter (других вещей). God send it (дай Бог) may be so (чтобы могло быть так)! We will make trial (мы проведем испытание).'

Then he asked Tom a question in Latin (затем он задал Тому вопрос по-латыни), and Tom answered him lamely (и Том ответил ему, запинаясь) in the same tongue (на этом же языке). The King was delighted (король был обрадован), and showed it (и выказал это). The lords and doctors manifested

(лорды и доктора продемонстрировали) their gratification (свое удовлетворение) also (также).

comfort [ˈkʌmfət], Latin [ˈlætɪn], question [ˈkwɛstʃən]

Tom was assisted to his feet, and approached the Majesty of England, humble and trembling. The king took the frightened face between his hands, and gazed earnestly and lovingly into it awhile, as if seeking some grateful sign of returning reason there, then pressed the curly head against his breast, and patted it tenderly. Presently he said:

'Dost thou know thy father, child? Break not mine old heart; say thou know'st me. Thou dost know me, dost thou not?'

'Yea; thou art my dread lord the king, whom God preserve.'

'True, true — that is well — be comforted, tremble not so; there is none here who would hurt thee; there is none here but loves thee. Thou art better now; thy ill dream passeth — is't not so? And thou knowest thyself now also — is't not so? Thou wilt not miscall thyself again, as they say thou didst a little while agoe?'

'I pray thee of thy grace believe me, I did but speak the truth, most dread lord; for I am the meanest among thy subjects, being a pauper born, and 'tis by a sore mischance and accident I am here, albeit I was therein nothing blameful. I am but young to die, and thou canst save me with one little word. Oh, speak it, sir!'

'Die? Talk not so, sweet prince — peace, peace, to thy troubled heart — thou shalt not die!'

Tom dropped upon his knees with a glad cry:

'God requite thy mercy, oh my king, and save thee long to bless thy land!'

Then springing up, he turned a joyful face toward the two lords in waiting, and exclaimed, 'Thou heard'st it! I am not to die: the king hath said it!' There was no movement, save that all bowed with grave respect; but no one spoke.

He hesitated, a little confused, then turned timidly toward the king, saying, 'I may go now?'

'Go? Surely, if thou desirest. But why not tarry yet a little? Whither wouldst go?'

Tom dropped his eyes, and answered humbly:

'Peradventure I mistook; but I did think me free, and so was I moved to seek again the kennel where I was born and bred to misery, yet which harboreth my mother and my sisters, and so is home to me; whereas these pomps and splendors whereunto I am not used — oh, please you, sir, to let me go!'

The king was silent and thoughtful awhile, and his face betrayed a growing distress and uneasiness. Presently he said, with something of hope in his voice:

'Perchance he is but mad upon this one strain and hath his wits unmarred as toucheth other matter. God send it may be so! We will make trial.'

Then he asked Tom a question in Latin, and Tom answered him lamely in the same tongue. The King was delighted, and showed it. The lords and doctors manifested their gratification also.

The king said (король сказал):

"Twas not according to his schooling and ability (это не соответствовало его учености и способностям), but sheweth (но показывает; *устар. от to show — показывать*) that his mind is but diseased (что его разум только болен), not stricken fatally (не поврежден безвозвратно, фатально). How say you, sir (как = что скажете вы, сэр)?"

The physician addressed (врач, к которому был адресован вопрос) bowed low (поклонился низко), and replied (и ответил; *to reply — отвечать*):

'It jumpeth with mine own conviction (это соответствует моему личному убеждению), sire (сир), that thou hast divined aright (что вы предугадали правильно).'

The king looked pleased (король выглядел удовлетворенным) with this encouragement (этим ободрением), coming as it did from so excellent authority

(исходящим от такого прекрасного авторитета), and continued with good heart (и продолжил в хорошем настроении: «с хорошим сердцем»):

'Now mark ye all (сейчас заметьте вы все): we will try him further (мы испытаем его дальше).'

He put a question to Tom in French (он задал вопрос Тому на французском). Tom stood silent a moment (Том стоял молча одно мгновение), embarrassed (смущенный /тем, что/) by having so many eyes centered upon him (столько глаз уставилось на него), then said diffidently (затем сказал неуверенно):

'I have no knowledge (я не имею знания) of this tongue (этого языка), so please your majesty (ваше величество).'

The king fell back (король откинулся) upon his couch (на свое ложе). The attendants flew to his assistance (слуги кинулись ему на помощь; *to fly* — *летать*); but he put them aside (но он отстранил их), and said (и сказал): 'Trouble me not (не беспокойте меня; *устар. вместо don't trouble*) — it is nothing but (это ничто (другое), как) a scurvy faintness (жалкая слабость). Raise me (поднимите меня)! There (вот), 'tis sufficient (это достаточно). Come hither (поди сюда — *устар.*), child (дитя); there (так), rest thy poor troubled head (положи свою беспокойную голову; *to rest* — *отдыхать, давать отдых*) upon thy father's heart (на сердце твоего отца), and be at peace (и успокойся). Thou'lt soon be well (ты скоро поправишься); 'tis but a passing fantasy (это только проходящая = временная фантазия). Fear thou not (не страшись); thou'lt soon be well (ты скоро поправишься).'

Then he turned toward the company (затем он повернулся к собравшимся); his gentle manner changed (его мягкая манера изменилась), and baleful lightnings (и зловещие молнии) began to play (начали играть = сверкать) from his eyes (из его глаз). He said (он сказал): 'List ye all (слушайте вы все)! This my son is mad (этот мой сын безумен); but it is not permanent (но это не навсегда: «постоянно»). Overstudy hath done this (избыток учения сделал это), and somewhat too much of confinement (и в каком-то смысле слишком много ограничения свободы). Away with his books and teachers (прочь = довольно его книг и учителей)! see ye to it (посмотрите

= проследите вы за этим). Pleasure him with sports (радуйте его приятным времяпровождением/забавами; *pleasure* — удовольствие; *to pleasure* — доставлять удовольствие), beguile him in wholesome ways (развлекайте его здоровыми способами), so that his health come again (чтобы его здоровье вернулось). 'He raised himself higher still (он поднялся еще выше) and went on with energy (и продолжал с энергией). 'He is mad (он безумен); but he is my son (но он мой сын), and England's heir (и английский наследник); and, mad or sane (и, безумный или в здравом уме; *sane* — психически здоровый), still shall he reign (все равно будет он править)! And hear ye further (и слушайте вы дальше), and proclaim it (и объявите об этом); whoso speaketh of this his distemper (кто бы ни заговорил о его душевном расстройстве) worketh against the peace and order («работает» = действует против мира и порядка) of these realms (этого королевства), and shall to the gallows (и отправится на виселицу)!... Give me to drink (дайте мне выпить) — I burn (я горю): This sorrow (эта печаль) sappeth my strength (истощает мои силы; *to sap* — истощать, сушить)... There (так), take away the cup (унесите кубок)... Support me (поддержите меня). There, that is well (так, это хорошо). Mad, is he (безумен он)? Were he (будь он хоть) a thousand times mad (тысячу раз безумен), yet is he Prince of Wales (все же он принц Уэльский), and I the king will confirm it (и я, король, подтверждаю это). This very morrow (уже завтра) shall he be installed (будет он помазан) in his princely dignity (в своем княжеском достоинстве) in due and ancient form (по должной и древней форме). Take instant order for it (примите немедленно приказ об этом; *instant* — немедленный, мгновенный), my Lord Hertford (милорд Хартфорд).'

One of the nobles knelt (один из дворян стал на колени; *to kneel* — преклонять колени) at the royal couch (у королевского ложа), and said (и сказал): 'The king's majesty (/ваше/ королевское величество) knoweth that the Hereditary Great Marshal of England (знает, что Наследный Гофмаршал Англии) lieth attainted in the Tower (лежит = находится лишенный всех прав в Тауэре). It

were not meet (это не было бы подходяще) that one attained (чтобы арестованный человек) —'

'Peace (замолчи)! Insult not mine ears (не оскорбляй мои уши; *устар. вместо don't insult; ты*) with his hated name (его ненавистным именем). Is this man to live forever (этот человек будет жить вечно)? Am I to be balked (должен ли я быть ограничен) of my will (в моей воле)? Is the prince to tarry uninstalled (должен ли принц медлить не возведенным на престол; *to install — возвести на трон; установить*), because, forsooth (потому что воистину), the realm lacketh (королевству недостает) an earl marshal (главного церемониймейстера; *earl — граф*) free of treasonable taint (не запятнанного изменой: «свободного от предательского пятна, позора») to invest him with his honors (чтобы наделить его почестями)? No, by the splendor of God (но, (клянусь) величием Бога)! Warn my parliament (предупреди мой парламент = дай знать) to bring me Norfolk's doom (принести мне приговор Норфолку) before the sun rise again (прежде чем солнце снова встанет), else shall they answer for it grievously (иначе придется им ответить за это мучительно; *to grieve — горевать, убиваться*)!

physician [fi`ziS(ə)n], heir [eə], earl [q:l], grievously [`gri:vəʃli]

The king said:

'Twas not according to his schooling and ability, but sheweth that his mind is but diseased, not stricken fatally. How say you, sir?'

The physician addressed bowed low, and replied:

'It jumpeth with mine own conviction, sire, that thou hast divined aright.'

The king looked pleased with this encouragement, coming as it did from so excellent authority, and continued with good heart:

'Now mark ye all: we will try him further.'

He put a question to Tom in French. Tom stood silent a moment, embarrassed by having so many eyes centered upon him, then said diffidently:

'I have no knowledge of this tongue, so please your majesty.'

The king fell back upon his couch. The attendants flew to his assistance; but he put them aside, and said:

'Trouble me not — it is nothing but a scurvy faintness. Raise me! there, 'tis sufficient. Come hither, child; there, rest thy poor troubled head upon thy father's heart, and be at peace. Thou'lt soon be well; 'tis but a passing fantasy. Fear thou not; thou'lt soon be well.' Then he turned toward the company; his gentle manner changed, and baleful lightnings began to play from his eyes. He said:

'List ye all! This my son is mad; but it is not permanent. Overstudy hath done this, and somewhat too much of confinement. Away with his books and teachers! see ye to it. Pleasure him with sports, beguile him in wholesome ways, so that his health come again.' He raised himself higher still and went on with energy. 'He is mad; but he is my son, and England's heir; and, mad or sane, still shall he reign! And hear ye further, and proclaim it; whoso speaketh of this his distemper worketh against the peace and order of these realms, and shall to the gallows!... Give me to drink — I burn: This sorrow sappeth my strength... There, take away the cup... Support me. There, that is well. Mad, is he? Were he a thousand times mad, yet is he Prince of Wales, and I the king will confirm it. This very morrow shall he be installed in his princely dignity in due and ancient form. Take instant order for it, my Lord Hertford.'

One of the nobles knelt at the royal couch, and said:

'The king's majesty knoweth that the Hereditary Great Marshal of England lieth attainted in the Tower. It were not meet that one attainted —'

'Peace! Insult not mine ears with his hated name. Is this man to live forever? Am I to be balked of my will? Is the prince to tarry uninstalled, because, forsooth, the realm lacketh an earl marshal free of treasonable taint to invest him with his honors? No, by the splendor of God! Warn my parliament to

bring me Norfolk's doom before the sun rise again, else shall they answer for it grievously!

Lord Hertford said (лорд Хартфорд сказал):

'The king's will is law (воля короля закон)'; and, rising (и, встав), returned to his former place (вернулся на свое прежнее место).

Gradually (постепенно) the wrath faded out (гнев исчез; *to fade out* — *исчезать*; *to fade* — *вянуть, увядать*) of the old king's face (с лица старого короля), and he said (и он сказал):

'Kiss me (поцелуй меня), my prince (мой принц). There (так)... what fearest thou (чего боишься ты)? Am I not thy loving father (неужели я не твой любящий отец)?'

'Thou art good to me that am unworthy (ты добр ко мне, кто (т.е. я) недостойн), O mighty and gracious lord (о могущественный и милосердный лорд); that in truth I know (это поистине я знаю). But (но) — but — it grieveth me (печалит меня) to think of him that is to die (думать о том, кому суждено умереть), and (и) —'

'Ah, 'tis like thee, 'tis like thee (а, это похоже на тебя: «это есть как ты»)! I know thy heart is still the same (я знаю, твое сердце все еще такое же /как раньше/), even though thy mind hath suffered hurt (хотя твой разум и перенес ущерб; *to suffer* — *страдать, переносить*), for thou wert ever (ибо ты всегда был) of a gentle spirit (нежного нрава). But this duke (но этот герцог) standeth between thee and thine honors (стоит между тобой и твоими высокими почестями): I will have another in his stead (я назначу другого вместо него: «в его месте») that shall bring no taint to his great office (который не запятнает свою высокую службу: «не принесет никакого пятна»). Comfort thee (успокойся), my prince (мой принц): trouble not thy poor head with this matter (не мучай свою бедную голову этим делом).'

'But is it not I that speed him hence (но разве не я ускоряю его /путь/ отсюда), my liege (мой сеньор; *liege* — *вассал, ленник; сеньор*)? How long might he not live (как долго мог бы он прожить), but for me (если бы не я)?'

'Take no thought of him (не бери никакой мысли = не думай о нем), my prince (мой принц): he is not worthy (он не стоит /того/). Kiss me once again (поцелуй меня еще раз), and go to thy trifles (и иди к своим пустякам) and amusements (и забавам); for my malady distresseth me (ибо моя болезнь причиняет мне страдания). I am aweary (я утомлен), and would rest (и хотел бы отдохнуть). Go with thine uncle Hertford and thy people (иди с твоим дядей Хартфордом и твоими людьми = слугами), and come again (и приходи снова) when my body is refreshed (когда мое тело будет освеженным, отдохнувшим).'

Tom, heavy-hearted (Том, с тяжелым сердцем), was conducted from the presence (был уведен от короля; *presence* — *присутствие; Presence* — *король*), for this last sentence (ибо его последняя фраза) was a death-blow (была смертельным ударом) to the hope he had cherished (по надежде, которую он лелеял) that now he would be set free (что теперь он будет отпущен на свободу). Once more he heard the buzz of low voices exclaiming (снова он слышал гул тихих голосов, восклицающих), 'The prince, the prince comes (принц, принц идет)!'.

His spirits sank lower and lower (его дух падал (все) ниже и ниже) as he moved between the glittering files (пока он двигался между блистающими рядами) of bowing courtiers (кланяющихся придворных); for he recognized that he was indeed a captive now (ибо он узнал, что он был действительно пленником сейчас), and might remain forever shut up (и мог остаться навсегда запертым) in this gilded cage (в этой золоченой клетке), a forlorn and friendless prince (одинокий и лишенный друзей принц), except God in his mercy (разве что Бог в Своем милосердии) take pity on him (сжалится над ним) and set him free (и отпустит его на свободу; *to set* — *устанавливать, делать*).

And, turn where he would (и куда бы он ни повернул), he seemed to see (он, казалось, видел) floating in the air the severed head (парящую в воздухе отрубленную голову; *to sever* — *отделять, разделять; отрубать*) and the

remembered face (и вспомнившееся /ему/ лицо) of the great Duke of Norfolk (великого герцога Норфолкского), the eyes fixed on him reproachfully (с глазами, устремленными на него укоризненно; *reproach* — *упрек*).

His old dreams had been so pleasant (его старые мечты были такими приятными); but this reality was so dreary (но эта реальность была так безотраднa)!

unworthy [An`wə:ðɪ], might [maɪt], severed [ˈsevəd], reproach [rɪ`prəʊtʃ], liege [li:G]

Lord Hertford said:

'The king's will is law'; and, rising, returned to his former place.

Gradually the wrath faded out of the old king's face, and he said:

'Kiss me, my prince. There... what fearest thou? Am I not thy loving father?'

'Thou art good to me that am unworthy, O mighty and gracious lord; that in truth I know. But — but — it grieveth me to think of him that is to die, and —

'Ah, 'tis like thee, 'tis like thee! I know thy heart is still the same, even though thy mind hath suffered hurt, for thou wert ever of a gentle spirit. But this duke standeth between thee and thine honors: I will have another in his stead that shall bring no taint to his great office. Comfort thee, my prince: trouble not thy poor head with this matter.'

'But is it not I that speed him hence, my liege? How long might he not live, but for me?'

'Take no thought of him, my prince: he is not worthy. Kiss me once again, and go to thy trifles and amusements; for my malady distresseth me. I am weary, and would rest. Go with thine uncle Hertford and thy people, and come again when my body is refreshed.'

Tom, heavy-hearted, was conducted from the presence, for this last sentence was a death-blow to the hope he had cherished that now he would be set free.

Once more he heard the buzz of low voices exclaiming, 'The prince, the prince comes!'

His spirits sank lower and lower as he moved between the glittering files of bowing courtiers; for he recognized that he was indeed a captive now, and might remain forever shut up in this gilded cage, a forlorn and friendless prince, except God in his mercy take pity on him and set him free.

And, turn where he would, he seemed to see floating in the air the severed head and the remembered face of the great Duke of Norfolk, the eyes fixed on him reproachfully.

His old dreams had been so pleasant; but this reality was so dreary!

CHAPTER VI (Глава шестая)

Tom Recieves Instructions (Том получает инструкции)

TOM was conducted to the principal apartment (Том был отведен в главной зал) of a noble suite (из блистательной анфилады комнат), and made to sit down (и усажен; *to make* — *делать, заставлять*) — a thing which he was loath to do (вещь, которую = чего он не хотел делать; *loath* — *нежелающий*), since there were elderly men (так как были пожилые люди) and men of high degree (и люди высокого положения; *degree* — *степень*) about him (вокруг него). He begged them (он попросил их) to be seated, also (сесть также: «быть сидящими»), but they only bowed their thanks (но они только поклонились (в знак) своей благодарности) or murmured them (или прошептали их = слова благодарности), and remained standing (и остались стоять: «стоящими»). He would have insisted (он бы настаивал), but his 'uncle,' (но его «дядя») the Earl of Hertford (граф Хартфорд), whispered in his ear (прошептал ему на ухо):

'Prithee, insist not (пожалуйста, не настаивай), my lord (милорд); it is not meet (это не подходяще) that they sit in thy presence (чтобы они сидели в твоём присутствии).'

The Lord St. John was announced (лорд Сент-Джон был объявлен = вошел в залу), and, after making obeisance to Tom (и, выразив почтение Тому), he said (он сказал):

'I come upon the king's errand (я прихожу по поручению короля), concerning a matter (касающемся дела) which requireth privacy (которое требует секретности; *requireth* устар. вместо *requires* от *to require* — *требовать*).

Will it please your royal highness (порадует ли ваше королевское Высочество = извольте) to dismiss all that attend you here (отпустить всех, кто прислуживает вам здесь), save my lord the Earl of Hertford (кроме милорда графа Хартфорда)?'

Observing that (заметив, что) Tom did not seem to know (Том, кажется, не знал) how to proceed (как продолжать), Hertford whispered him (Хартфорд прошептал ему) to make a sign with his hand (подать знак рукой) and not trouble himself to speak (и не утруждать себя разговором) unless he chose (если ему этого не хочется: «если только он не выбрал бы»; *to choose* — *выбрать*).

When the waiting gentlemen had retired (когда прислуживавшие джентльмены удалились), Lord St. John said (лорд Сент-Джон сказал):

'His majesty commandeth (Его Величество приказывает), that for due and weighty reasons of state (что из надлежащих и веских соображений (в интересах) государства), the prince's grace (его милость принц) shall hide (должен скрывать) his infirmity (свой недуг) in all ways that be within his power (всеми способами, которые в его силах), till it be passed (пока он не пройдет) and he be as he was before (и он станет, каким он был прежде). To wit (то есть), that he shall deny to none (что он не станет отрицать ни перед кем) that he is the true prince (что он есть истинный принц), and heir to England's greatness (и наследник величия Англии); that he shall uphold his princely dignity (что он станет поддерживать свое достоинство принца), and shall receive (и получит),

without word or sign of protest (без слов либо знака протеста), that reverence and observance (то почтение и любезность) which unto it do appertain (которые ему подобают) of right and ancient usage (по правильному и древнему обычаю), that he shall cease to speak to any (что он прекратит говорить кому бы то ни было) of that lowly birth and life (о том низком рождении и жизни) his malady hath conjured (которые его болезнь вызвала) out of the unwholesome imaginings (из нездоровых фантазий) of o'erwrought fancy (разыгравшегося воображения; *wrought* — выделанный; возбужденный, взволнованный, нервный, взвинченный); that he shall strive with diligence (что он будет стремиться с усердием) to bring unto his memory again (восстановить в своей памяти снова) those faces (те лица) which he was wont to know (которые он раньше знал; *to be wont to do sth.* — иметь обыкновение делать что-то) — and where he faileth (а где он ошибется) he shall hold his peace (он будет сохранять спокойствие; *to hold* — держать), neither betraying (не выдавая) by semblance of surprise (подобием удивления), or other sign (или другого знака), that he hath forgot (что он забыл; *to forget* — забывать); that upon occasions of state (что в случаях государственной важности), whensoever any matter shall perplex him (когда бы ни поставило его в тупик что-либо) as to the thing he should do (по поводу того, что он должен сделать) or the utterance he should make (или слов, которые он должен произнести; *utterance* — высказывание), he shall show naught of unrest (он не выкажет ни капли беспокойства; *naught* — ничего, ноль) to the curious that look on (любопытным, которые смотрят), but take advice in that matter (но примет совет по этому делу) of the Lord Hertford (от лорда Хартфорда), or my humble self (или /от/ меня самого, смиренного = ничтожного), which are commanded (которые приставлены; *to command* — отдавать приказ) of the king (королем: «от короля») to be upon this service (быть на этой службе) and close at call (и в распоряжении: «близко при вызове»), till this commandment be dissolved (пока это распоряжение не будет аннулировано). Thus saith the king's majesty (так говорит королевское величество), who sendeth greeting (который посылает приветствие) to your

royal highness (вашему королевскому высочеству) and prayeth (и молится) that God will of His mercy quickly heal you (что Господь по Своей милости быстро исцелит вас) and have you now and ever in His holy keeping (и будет держать вас ныне и присно под Своим святым покровительством).'

sincere [sɪn`siə], require [rɪ`kwaɪə], curious [ˈkjʊəriəs]

TOM was conducted to the principal apartment of a noble suite, and made to sit down — a thing which he was loath to do, since there were elderly men and men of high degree about him. He begged them to be seated, also, but they only bowed their thanks or murmured them, and remained standing. He would have insisted, but his 'uncle,' the Earl of Hertford, whispered in his ear: 'Prithee, insist not, my lord; it is not meet that they sit in thy presence.'
The Lord St. John was announced, and, after making obeisance to Tom, he said:

'I come upon the king's errand, concerning a matter which requireth privacy. Will it please your royal highness to dismiss all that attend you here, save my lord the Earl of Hertford?'

Observing that Tom did not seem to know how to proceed, Hertford whispered him to make a sign with his hand and not trouble himself to speak unless he chose. When the waiting gentlemen had retired, Lord St. John said: 'His majesty commandeth, that for due and weighty reasons of state, the prince's grace shall hide his infirmity in all ways that be within his power, till it be passed and he be as he was before. To wit, that he shall deny to none that he is the true prince, and heir to England's greatness; that he shall uphold his princely dignity, and shall receive, without word or sign of protest, that reverence and observance which unto it do appertain of right and ancient usage; that he shall cease to speak to any of that lowly birth and life his malady hath conjured out of the unwholesome imaginings of o'erwrought fancy; that he shall strive with diligence to bring unto his memory again those

faces which he was wont to know — and where he faileth he shall hold his peace, neither betraying by semblance of surprise, or other sign, that he hath forgot; that upon occasions of state, whensoever any matter shall perplex him as to the thing he should do or the utterance he should make, he shall show naught of unrest to the curious that look on, but take advice in that matter of the Lord Hertford, or my humble self, which are commanded of the king to be upon this service and close at call, till this commandment be dissolved. Thus saith the king's majesty, who sendeth greeting to your royal highness and prayeth that God will of His mercy quickly heal you and have you now and ever in His holy keeping.'

Lord St. John made reverence (лорд Сент-Джон поклонился) and stood aside (и встал в стороне). Tom replied, resignedly (Том ответил покорно):

'The king hath said it (король сказал это). None may palter with the king's command (никто не может шутить с приказом короля; *to palter* — *плутовать*), or fit it to his ease (или приспособлять его под себя: «к своему удобству»), where it doth chafe (где = в случае если он [приказ] вызывает неудобство: «раздражение»), with deft evasions (ловкими увертками). The king shall be obeyed (королю должно повиноваться).'

Lord Hertford said (лорд Хартфорд сказал):

'Touching the king's majesty's ordainment (касательно приказаний его величества короля; *to touch* — *касаться*) concerning books (относительно книг) and such like serious matters (и тому подобных серьезных вещей), it may peradventure please your highness (это может порадовать ваше высочество; *peradventure* — *возможно*) to ease your time (развлечься: «облегчить свое время») with lightsome entertainment (легким увеселением), lest you go wearied to the banquet (чтобы вы не пошли измученным на пир) and suffer harm (и не потерпели ущерба) thereby (вследствие этого).'

Tom's face showed inquiring surprise (лицо Тома выразило вопрошающее удивление); and a blush followed (и румянец последовал = и затем он

покраснел) when he saw Lord St. John's eyes (когда он увидел глаза лорда Сент-Джона) bent sorrowfully upon him (опущенные печально на него; *to bend* — *гнуть, склонить*; *sorrow* — *печаль, скорбь*). His lordship said (его светлость сказал):

'Thy memory still wrongeth thee (твоя память все еще подводит тебя), and thou hast shown surprise (и ты выказал удивление) — but suffer it not to trouble thee (но пусть это тебя не угнетает), for 'tis a matter that will not bide (ибо это вещь, которая не останется; *to bide* — *ждать, выжидать*; *устар. (временно) жить, проживать, находиться*), but depart with thy mending malady (но уйдет с твоей излечивающейся болезнью). My Lord of Hertford speaketh of the city's banquet (милорд Хартфорд говорит о городском банкете) which the king's majesty did promise (который, как пообещал его величество король) two months flown (два месяца назад; *flown* — *улетевший от to fly* — *летать*), your highness should attend (ваше высочество должно посетить). Thou recallest it now (ты вспоминаешь это теперь; *to recall* — *вспоминать*)?'

'It grieves me to confess (это огорчает меня признаться = мне печально признаться /в том, что/) it had indeed escaped me (это действительно вылетело у меня из головы: «убежало от меня»; *to escape* — *убегать, спасаться*),' said Tom, in a hesitating voice (сказал Том нерешительным голосом); and blushed again (и покраснел снова).

At that moment the Lady Elizabeth and the Lady Jane Grey were announced (в этот момент леди Элизабет и леди Джейн Грей были объявлены = о них доложили). The two lords exchanged significant glances (два лорда обменялись многозначительными взглядами), and Hertford stepped quickly toward the door (и Хартфорд шагнул быстро к двери). As the young girls passed him (когда молодые девушки проходили мимо него), he said in a low voice (он сказал тихим голосом):

'I pray ye, ladies (я прошу вас, леди), seem not to observe his humors (делайте вид, что не замечаете: «кажитесь не замечать» его чудачества), nor show surprise (и не выказывайте удивления) when his memory doth lapse (когда его

память изменяет ему; *to lapse* — *пасть, деградировать*) — it will grieve you to note (вам будет печально заметить: «это опечалит вас заметить») how it doth stick (как она застрекает; *doth* — *устар. вместо does* — *делает* — *от to do* — *делать*) at every trifle (на любом пустяке).'

Meanwhile Lord St. John was saying in Tom's ear (тем временем лорд Сент-Джон говорил Тому на ухо):

'Please you, sir (пожалуйста, сэр), keep diligently in mind (держи старательно в уме = помни хорошенько) his majesty's desire (желание его величества).

Remember all thou canst (вспоминай все (что) ты можешь; *canst* — *можешь*; *устар. вместо can*) — *seem* to remember all else (сделай вид, что помнишь все остальное). Let them not perceive (не дай им понять) that thou art much changed (что ты сильно изменился) from thy wont (от твоего обыкновения = по сравнению с тем, какой ты обычно), for thou knowest (ибо ты знаешь) how tenderly thy old playfellows bear thee in their hearts (как нежно твои старые товарищи по играм носят тебя в своих сердцах; *to bear* — *носить*) and how 'twould grieve them (и как это опечалило бы их; *'twould* = *it would*). Art willing, sir (хочешь ли, сэр), that I remain (чтобы я остался)? — and thine uncle (и твой дядя)?'

Tom signified assent (Том обозначил = выразил согласие) with a gesture (жестом) and a murmured word (и пробормоченным словом), for he was already learning (ибо он уже учился), and in his simple heart was resolved (и в своем простом сердце был решительно настроен; *to resolve* — *решать(ся)*) to acquit himself as best he might (вести себя так, как он мог всего лучше) according to the king's command (согласно приказанию короля).

In spite of every precaution (несмотря на каждую предосторожность), the conversation among the young people (беседа между молодыми людьми) became a little embarrassing (становилась немного сбивающей с толку) at times (временами). More than once (больше, чем однажды = несколько раз), in truth (по правде говоря), Tom was near to breaking down (Том был близок к /тому, чтобы/ расплакаться; *to break down* — *разрушать, разбивать на кусочки; не*

выдержать, потерять самообладание); and confessing himself (и признать себя) unequal to his tremendous part (неравным = неподходящим для своей гигантской = сложной роли); but the tact of the Princess Elizabeth (но такт принцессы Элизабет) saved him (щадил его), or a word from one or the other of the vigilant lords (или слово от одного или другого = от одного из двух бдительных лордов), thrown in (подброшенное в (разговор); *to throw* — *бросать*) apparently by chance (по-видимому, случайно), had the same happy effect (имело = оказывало такой же положительный эффект). Once the little Lady Jane turned to Tom (однажды маленькая леди Джейн повернулась к Тому) and dismayed him with this question (и испугала/привела в смятение его этим вопросом; *dismay* — *испуг, беспокойство, волнение, смятение*):

'Hast paid thy duty (ты отдал долг) to the queen's majesty today (/ее/ королевскому величеству сегодня), my lord (милорд)?'

Tom hesitated (Том колебался), looked distressed (выглядев сокрушенным), and was about to stammer out something at hazard (и был готов пробормотать что-нибудь наобум; *hazard* — *случай; риск*) when Lord St. John took the word (когда лорд Сент-Джон взял слово) and answered for him (и ответил за него) with the easy grace of a courtier (с легкой грацией придворного) accustomed to encounter delicate difficulties (привыкшего встречать деликатные затруднения) and to be ready for them (и быть готовым к ним):

'He hath indeed (он сделал это действительно), madam (мадам), and she did greatly hearten him (и она очень приободрила его), as touching his majesty's condition (касательно состояния его величества); is it not so, your highness (не так ли это, ваше высочество)?'

resignedly [rɪˈzaɪnɪdli], dismay [dɪzˈmeɪ], hazard [ˈhæzəd], gesture [ˈdʒestʃə], courtier [ˈkɔːtɪə]

Lord St. John made reverence and stood aside. Tom replied, resignedly:

'The king hath said it. None may palter with the king's command, or fit it to his ease, where it doth chafe, with deft evasions. The king shall be obeyed.'

Lord Hertford said:

'Touching the king's majesty's ordainment concerning books and such like serious matters, it may peradventure please your highness to ease your time with lightsome entertainment, lest you go wearied to the banquet and suffer harm thereby.'

Tom's face showed inquiring surprise; and a blush followed when he saw Lord St. John's eyes bent sorrowfully upon him. His lordship said:

'Thy memory still wrongeth thee, and thou hast shown surprise — but suffer it not to trouble thee, for 'tis a matter that will not bide, but depart with thy mending malady. My Lord of Hertford speaketh of the city's banquet which the king's majesty did promise two months flown, your highness should attend. Thou recallest it now?'

'It grieves me to confess it had indeed escaped me,' said Tom, in a hesitating voice; and blushed again.

At that moment the Lady Elizabeth and the Lady Jane Grey were announced. The two lords exchanged significant glances, and Hertford stepped quickly toward the door. As the young girls passed him, he said in a low voice:

'I pray ye, ladies, seem not to observe his humors, nor show surprise when his memory doth lapse — it will grieve you to note how it doth stick at every trifle.'

Meanwhile Lord St. John was saying in Tom's ear:

'Please you, sir, keep diligently in mind his majesty's desire. Remember all thou canst — *seem* to remember all else. Let them not perceive that thou art much changed from thy wont, for thou knowest how tenderly thy old playfellows bear thee in their hearts and how 'twould grieve them. Art willing, sir, that I remain? — and thine uncle?'

Tom signified assent with a gesture and a murmured word, for he was already learning, and in his simple heart was resolved to acquit himself as best he might according to the king's command.

In spite of every precaution, the conversation among the young people became a little embarrassing at times. More than once, in truth, Tom was near to breaking down and confessing himself unequal to his tremendous part; but the tact of the Princess Elizabeth saved him, or a word from one or the other of the vigilant lords, thrown in apparently by chance, had the same happy effect. Once the little Lady Jane turned to Tom and dismayed him with this question:

'Hast paid thy duty to the queen's majesty today, my lord?'

Tom hesitated, looked distressed, and was about to stammer out something at hazard when Lord St. John took the word and answered for him with the easy grace of a courtier accustomed to encounter delicate difficulties and to be ready for them:

'He hath indeed, madam, and she did greatly hearten him, as touching his majesty's condition; is it not so, your highness?'

Tom mumbled something that stood for assent (Том пробурчал что-то, что заменяло согласие), but felt that he was getting upon dangerous ground (но почувствовал, что он ступает на опасную территорию; *danger* — *опасность*). Somewhat later (несколько позже) it was mentioned (было упомянуто) that Tom was to study no more at present (что Том не должен был больше учиться в настоящее время), whereupon her little ladyship exclaimed (на что ее маленькая милость воскликнула):

"Tis a pity (как жаль: «это жалость»), 'tis such a pity (это так жаль)! Thou were proceeding bravely (ты продвигался прекрасно). But bide thy time in patience (но проведи свое время в терпении = потерпи); it will not be for long (это будет ненадолго). Thou'lt yet be graced with learning like thy father (ты еще будешь благословлен учением, как твой отец), and make thy tongue (и

сделаешь свой язык) master of as many languages as his (властелином столько же языков, что и его), good my prince (мой добрый принц).'

'My father (мой отец)!' cried Tom (вскричал Том), off his guard (забывшись) for the moment (на секунду). 'I trow (я полагаю — устар., /что/) he cannot speak his own (он не может говорить на своем собственном /языке/) so that any but the swine (так, чтобы кто-нибудь, кроме свиней) that wallow in the sties (которые валяются в хлевах) may tell (мог бы разобрать) his meaning (его смысл = что он хочет сказать); and as for learning of any sort soever (а что до какого бы то ни было учения) —'

He looked up (он посмотрел вверх = поднял взгляд) and encountered a solemn warning (и встретил = увидел мрачное предостережение) in my Lord St. John's eyes (в глазах милорда Сент-Джона).

He stopped, blushed (он осекся, покраснел), then continued low and sadly (затем продолжил тихо и грустно): 'Ah (ах), my malady persecuteth me again (моя болезнь преследует меня снова), and my mind wandereth (и мой ум блуждает). I meant the king's grace no irreverence (я не имел в виду никакой непочтительности по отношению к его милости королю).'

'We know it, sir (мы знаем это, сэр),' said the Princess Elizabeth (сказала принцесса Элизабет), taking her 'brother's' hand (беря руку ее «брата») between her two palms (между двумя своими ладонями = в руки), respectfully but caressingly (почтительно, но ласково); 'trouble not thyself as to that (не мучай себя насчет этого). The fault is none of thine (эта вина совсем не твоя = здесь нет твоей вины), but thy distemper's (но [это вина] твоего душевного расстройства).'

'Thou'rt a gentle comforter (ты нежная утешительница), sweet lady (милая леди),' said Tom, gratefully (сказал Том с благодарностью), 'and my heart moveth me to thank thee for't (и мое сердце понуждает меня благодарить тебя за это), and I may be so bold (если я могу быть таким отважным = осмелиться).'

Once the giddy little Lady Jane (однажды легкомысленная маленькая леди Джейн) fired a simple Greek phrase at Tom (выпалила простую греческую фразу Тому). The Princess Elizabeth's quick eye (быстрый глаз принцессы Элизабет) saw by the serene blankness (увидел по безмятежной пустоте) of the target's front (на лице цели = жертвы [Тома]) that the shaft was overshot (что стрела пролетела мимо цели); so she tranquilly (так что она спокойно) delivered a return volley (выпустила ответный залп) of sounding Greek (звучного греческого) on Tom's behalf (от лица Тома), and then straightway changed the talk (и затем сразу же перевела разговор) to other matters (на другие темы).

Time wore on pleasantly (время протекало приятно; *to wear on* — *проходить, тянуться: «нести дальше»*), and likewise smoothly (и так же легко), on the whole (в целом). Snags and sand-bars (коряги и отмели) grew less and less frequent (становились все менее и менее частыми), and Tom grew more and more at his ease (а Том все лучше осваивался; *to be at one's ease* — *чувствовать себя удобно*), seeing that all were so lovingly bent upon helping him (видя, что все были так любяще склонны к тому, чтобы помогать ему) and overlooking his mistakes (и закрывать глаза на его промахи; *to overlook* — *обозревать; смотреть сверху или поверх чего-либо; не заметить, просмотреть, пропустить; не обратить внимания*). When it came out (когда обнаружилось) that the little ladies were to accompany him (что маленькие леди должны были сопровождать его) to the Lord Mayor's banquet in the evening (на пир у лорд-мэра вечером), his heart gave a bound of relief and delight (его сердце подскочило от облегчения и радости; *bound* — *прыжок, сильный удар сердца*), for he felt (ибо он почувствовал) that he should not be friendless now (что он не будет без друзей теперь), among that multitude of strangers (посреди этого множества незнакомцев), whereas, an hour earlier (тогда как часом ранее), the idea of their going with him (мысль о том, что они пойдут с ним) would have been an insupportable terror to him (была бы нестерпимым ужасом для него; *to support* — *поддерживать*).

Tom's guardian angels (ангелы-хранители Тома), the two lords (два лорда), had had less comfort in the interview (получали меньше удобства = удовольствия в беседе) than the other parties to it (чем другие участники ее). They felt much as if they were piloting a great ship through a dangerous channel (они чувствовали себя так, будто вели огромный корабль через опасный канал); they were on the alert constantly (они были начеку постоянно), and found their office no child's play (и находили, что их служба вовсе не детская игра). Wherefore (по какой причине), at last (наконец), when the ladies' visit was drawing to a close (когда визит леди близился к концу) and the Lord Guilford Dudley was announced (и было доложено о лорде Гилфорде Дадли), they not only felt that their charge had been sufficiently taxed (они не только чувствовали, что их силы были достаточно напряжены; *charge* — обязанности, ответственность, попечение) for the present (на сей раз), but also that they themselves were not in the best condition (но также что они сами были не в лучшем состоянии) to take their ship back (чтобы привести свой корабль обратно) and make their anxious voyage (и совершить свое тревожное путешествие) all over again (по второму разу). So they respectfully advised Tom (так что они почтительно посоветовали Тому) to excuse himself (извиниться), which he was very glad to do (что он был очень рад сделать), although a slight shade of disappointment (хотя легкая тень разочарования) might have been observed (могла быть замечена) upon my Lady Jane's face (на лице миледи Джейн) when she heard the splendid stripling denied admittance (когда она услышала (о том, что) прекрасному юноше отказано в посещении; *stripling* — подросток, юноша).

dangerous [ˈdeɪnɡərəs], banquet [ˈbæŋkwɪt], anxious [ˈæŋksəs]

Tom mumbled something that stood for assent, but felt that he was getting upon dangerous ground. Somewhat later it was mentioned that Tom was to study no more at present, whereupon her little ladyship exclaimed:

'Tis a pity, 'tis such a pity! Thou were proceeding bravely. But bide thy time in patience; it will not be for long. Thou'lt yet be graced with learning like thy father, and make thy tongue master of as many languages as his, good my prince.'

'My father!' cried Tom, off his guard for the moment. 'I trow he cannot speak his own so that any but the swine that wallow in the sties may tell his meaning; and as for learning of any sort soever —'

He looked up and encountered a solemn warning in my Lord St. John's eyes. He stopped, blushed, then continued low and sadly: 'Ah, my malady persecuteth me again, and my mind wandereth. I meant the king's grace no irreverence.'

'We know it, sir,' said the Princess Elizabeth, taking her 'brother's' hand between her two palms, respectfully but caressingly; 'trouble not thyself as to that. The fault is none of thine, but thy distemper's.'

'Thou'rt a gentle comforter, sweet lady,' said Tom, gratefully, 'and my heart moveth me to thank thee for't, and I may be so bold.'

Once the giddy little Lady Jane fired a simple Greek phrase at Tom. The Princess Elizabeth's quick eye saw by the serene blankness of the target's front that the shaft was overshot; so she tranquilly delivered a return volley of sounding Greek on Tom's behalf, and then straightway changed the talk to other matters.

Time wore on pleasantly, and likewise smoothly, on the whole. Snags and sand-bars grew less and less frequent, and Tom grew more and more at his ease, seeing that all were so lovingly bent upon helping him and overlooking his mistakes. When it came out that the little ladies were to accompany him to the Lord Mayor's banquet in the evening, his heart gave a bound of relief and delight, for he felt that he should not be friendless now, among that multitude of strangers, whereas, an hour earlier, the idea of their going with him would have been an insupportable terror to him.

Tom's guardian angels, the two lords, had had less comfort in the interview than the other parties to it. They felt much as if they were piloting a great ship through a dangerous channel; they were on the alert constantly, and found their office no child's play. Wherefore, at last, when the ladies' visit was drawing to a close and the Lord Guilford Dudley was announced, they not only felt that their charge had been sufficiently taxed for the present, but also that they themselves were not in the best condition to take their ship back and make their anxious voyage all over again. So they respectfully advised Tom to excuse himself, which he was very glad to do, although a slight shade of disappointment might have been observed upon my Lady Jane's face when she heard the splendid stripling denied admittance.

There was a pause now (теперь настала пауза), a sort of waiting silence (что-то вроде ожидающего молчания) which Tom could not understand (которое Том не мог понять). He glanced at Lord Hertford (он взглянул на лорда Хартфорда), who gave him a sign (который подал ему знак) — but he failed to understand that also (но он не смог понять его тоже; *to fail* — не суметь что-то сделать, провалиться). The ready Elizabeth came to the rescue (готовая Элизабет пришла на помощь) with her usual easy grace (со своим обычным тактом). She made reverence and said (она поклонилась и сказала):

'Have we leave (имеем ли мы позволение) of the prince's grace my brother (от его милости принца, нашего брата) to go (идти)?'

Tom said (Том сказал):

'Indeed (действительно), your ladyships can have (ваши милости могут получить) whatsoever of me they will (что угодно от меня, что они захотят = все, что они хотят от меня), for the asking (за просьбу); yet would I rather give them any other thing (и все же скорее я дал бы им любую другую вещь) that in my poor power lieth (которая будет в моих слабых силах; *lieth* — устар. вместо *lies om to lie* — лежать) than leave to take the light and blessing of their presence hence (чем позволение забрать свет и благословение их присутствия

отсюда = позволение уйти). Give ye good den (дайте вам хорошее укрытие = прощайте), and God be with ye (и Господь да пребудет с вами; *ye* — *устар.* *вместо you*)! Then he smiled inwardly (затем он улыбнулся внутренне) at the thought (при мысли), 'tis not for naught (не напрасно; *naught* — *ничто*) I have dwelt (я жил; *to dwell* — *проживать*) but among princes in my reading (только среди принцев в моем чтении), and taught my tongue some slight trick (и научил свой язык некоторым тонким трюкам) of their broidered and gracious speech (их цветистой и любезной речи) withal (этим = таким образом)!

When the illustrious maidens were gone (когда блистательные девушки ушли), Tom turned wearily to his keepers and said (Том повернулся устало к своим стражам и сказал):

'May it please your lordships (будут ли так любезны ваши светлости) to grant me leave (дать мне позволение) to go into some corner (пойти в какой-нибудь уголок) and rest me (и отдохнуть: «упокоить меня»)!

Lord Hertford said (лорд Хартфорд сказал):

'So please your highness (как угодно вашему высочеству), it is for you to command (это вам пристало приказывать: «это есть для вас приказывать»), it is for us to obey (а нам пристало повиноваться). That thou shouldst rest (чтобы ты отдохнул), is indeed a needful thing (есть действительно надобная вещь), since thou must journey to the city presently (ибо ты должен отправиться в город вскоре).'

He touched a bell (он тронул колокольчик) and a page appeared (и появился паж), who was ordered (которому было приказано) to desire the presence of Sir William Herbert (желать присутствия = просить сэра Уильяма Герберта). This gentleman came straightway (этот джентльмен пришел тотчас), and conducted Tom to an inner apartment (и провел Тома во внутренние покои). Tom's first movement there (первым движением Тома там) was to reach (было потянуться) for a cup of water (за кружкой воды); but a silk-and-velvet servitor (но слуга, одетый в шелк и бархат) seized it (схватил ее), dropped upon one knee (рухнул

на одно колено), and offered it to him (и предложил ее ему) on a golden salver (на золотом подносе).

Next (затем), the tired captive sat down (усталый пленник сел; *to sit* — *сидеть*; *to sit down* = *садиться*: «сесть вниз») and was going to take off his buskins (и собирался снять свои башмаки), timidly asking leave with his eye (робко прося разрешения взглядом: «глазом»), but another silk-and-velvet discomfoter (но другой шелково-бархатный нарушитель спокойствия) went down upon his knees (опустился на колени) and took the office (и взял на себя это дело: «обязанность») from him (от него). He made two or three further efforts (он сделал еще два или три дальнейших усилия) to help himself (помочь себе = справиться самостоятельно), but being promptly forestalled each time (но будучи быстро опережен каждый раз), he finally gave up (он наконец сдался; *to give up* — *сдаваться*), with a sigh of resignation (со вздохом покорности) and a murmured (и сказанными под нос словами; *to murmur* — *бормотать*) 'Beshrew me (будь я проклят; *to beshrew* — *проклинать*), but I marvel they (но я удивляюсь (что) они) do not require to breathe for me also (не требуют дышать за меня также)!' Slipped (в шлепанцах; *slippers* — *шлепанцы*), and wrapped in a sumptuous robe (и закутанный в роскошное платье), he laid himself down at last to rest (он улегся наконец, чтобы отдохнуть; *to lay down* — *класть, ложиться*), but not to sleep (но не чтобы спать), for his head was too full of thoughts (так как его голова была слишком полна мыслями) and the room too full of people (а комната слишком полна людей). He could not dismiss the former (он не мог отогнать первые [*т.е. мысли*]), so they stayed (так что они остались); he did not know enough to dismiss the latter (он не умел достаточно, чтобы распустить последних [*т.е. людей*]), so they stayed also (так что они остались тоже), to his vast regret (к его большому сожалению) — and theirs (и их /сожалению/).

rescue [ˈreskjʊ:], inwardly [ˈɪnwədli], gracious [ˈɡreɪʃəs]

There was a pause now, a sort of waiting silence which Tom could not understand. He glanced at Lord Hertford, who gave him a sign — but he failed to understand that also. The ready Elizabeth came to the rescue with her usual easy grace. She made reverence and said:

'Have we leave of the prince's grace my brother to go?'

Tom said:

'Indeed, your ladyships can have whatsoever of me they will, for the asking; yet would I rather give them any other thing that in my poor power lieth, than leave to take the light and blessing of their presence hence. Give ye good den, and God be with ye!' Then he smiled inwardly at the thought, 'tis not for naught I have dwelt but among princes in my reading, and taught my tongue some slight trick of their broidered and gracious speech withal!'

When the illustrious maidens were gone, Tom turned wearily to his keepers and said:

'May it please your lordships to grant me leave to go into some corner and rest me!'

Lord Hertford said:

'So please your highness, it is for you to command, it is for us to obey. That thou shouldst rest, is indeed a needful thing, since thou must journey to the city presently.'

He touched a bell and a page appeared, who was ordered to desire the presence of Sir William Herbert. This gentleman came straightway, and conducted Tom to an inner apartment. Tom's first movement there was to reach for a cup of water; but a silk-and-velvet servitor seized it, dropped upon one knee, and offered it to him on a golden salver.

Next, the tired captive sat down and was going to take off his buskins, timidly asking leave with his eye, but another silk-and-velvet discomforter went down upon his knees and took the office from him. He made two or three further efforts to help himself, but being promptly forestalled each time, he finally gave up, with a sigh of resignation and a murmured 'Beshrew me, but I

marvel they do not require to breathe for me also!' Slipped, and wrapped in a sumptuous robe, he laid himself down at last to rest, but not to sleep, for his head was too full of thoughts and the room too full of people. He could not dismiss the former, so they stayed; he did not know enough to dismiss the latter, so they stayed also, to his vast regret — and theirs.

Tom's departure (уход Тома) had left his two noble guardians alone (оставил его двух благородных стражей одних). They mused awhile (они находились в задумчивости некоторое время), with much headshaking (с покачиваниями головой; *to shake* — *трясти*) and walking the floor (и ходьбой туда-сюда; *floor* — *пол*), then Lord St. John said (затем лорд Сент-Джон сказал):

'Plainly (итак, по совести; *plain* — *плоский, ровный; очевидный, явный, ясный*), what dost thou think (что ты думаешь)?'

'Plainly, then, this (откровенно, значит, вот что). The king is near his end (король близок к концу), my nephew is mad (мой племянник безумен), mad will mount the throne (безумным взойдет на трон; *to mount* — *вскарабкаться, забраться*), and mad remain (и безумным останется). God protect England (защити Бог Англию), since she will need it (ибо она будет нуждаться в этом; *to need* — *нуждаться*)!'

'Verily it promiseth so (истинно это обещает (быть) так; *to promise* — *обещать*), indeed (действительно). But (но)... have you no misgivings (не имеешь ли ты дурных предчувствий) as to... as to... (касательно... касательно...)'

The speaker hesitated (говорящий запнулся), and finally stopped (и наконец остановился = замолк). He evidently felt (он, очевидно, почувствовал; *to feel* — *чувствовать*) that he was upon delicate ground (что он ступил на деликатную территорию). Lord Hertford stopped before him (лорд Хартфорд остановился перед ним), looked into his face with a clear, frank eye (посмотрел ему в лицо ясным, прямым взглядом: «глазом»), and said (и сказал):

'Speak on (говори дальше = продолжай) — there is none to hear but me (некому слышать, кроме меня). Misgivings as to what (предчувствий касательно чего)?'

'I am loath (мне не хочется: «я есть нежелающий») to word the thing that is in my mind (высказать вещь, которая у меня на уме), and thou so near to him in blood (а ты так близок ему по крови), my lord (милорд). But craving pardon (но будучи жаждущим прощения) if I do offend (если я все-таки нанесу оскорбление; *to offend* — обидеть, оскорбить), seemeth it not strange (не кажется ли странным) that madness could so change his port and manner (что безумие могло бы так изменить его поведку и манеру держаться)! — not but that his port and speech are princely still (не то что бы его манера и речь не были все еще достойны принца), but that they *differ* in one unweighty trifle or another (но что они отличаются в том или ином незначительном пустяке), from what his custom was aforetime (от /того/, каким его обыкновение было раньше). Seemeth it not strange (не кажется ли это странным) that madness should filch from his memory (чтобы его безумие похитило = стерло из его памяти) his father's very lineaments (самые черты (лица) его отца); the customs and observances (обычай и знаки внимания) that are his due (которые ему подобают) from such as be about him (от тех кто суть вокруг него = окружают его); and, leaving him his Latin (и, оставив ему его латынь), strip him of his Greek and French (лишило его его греческого и французского)? My lord (милорд), be not offended (не обижайся = не будь оскорблен), but ease my mind of its disquiet (но облегчи мой разум от его беспокойства) and receive my grateful thanks (и прими мои благодарности; *grateful* — благодарный; *thanks* — благодарность). It haunteth me (это преследует меня = мысль), his saying he was not the prince (его слова, что он не принц), and so (и так) —'

'Peace, my lord (замолчи, милорд), thou utterest treason (ты произносишь крамолу: «измену»)! Hast forgot the king's command (ты забыл приказание короля)? Remember I am party to thy crime (помни, что я соучастник твоего преступления), if I but listen (/даже/ если я только послушаю).'

St. John paled (Сент-Джон побледнел), and hastened to say (и поспешил сказать = поспешно сказал):

'I was in fault (я был виновен; *fault* — вина), I do confess it (я действительно признаю это). Betray me not (не выдавай меня), grant me this grace out of thy courtesy (даруй мне эту милость из твоей любезности), and I will neither think nor speak of this thing more (и я не буду ни думать, ни говорить об этой вещи больше). Deal not hardly with me, sir (не поступай со мной жестоко), else am I ruined (иначе я погиб).'

'I am content (я удовлетворен), my lord (милорд). So thou offend not again (так что ты не совершай проступка снова), here or in the ears of others (здесь или перед другими: «в ушах других»), it shall be as though thou hadst not spoken (будет так, как если бы ты не говорил). But thou needst not have misgivings (но тебе не нужно иметь подозрений). He is my sister's son (он сын моей сестры); are not his voice, his face, his form, familiar to me from his cradle (разве его голос, его лицо, его облик не знакомы мне с его колыбели = с тех пор, как он был младенцем)? Madness can do all the odd conflicting things thou seest in him (безумие может совершить все странные противоречивые вещи, (которые) ты видишь в нем), and more (и (даже) больше). Dost not recall (не вспоминаешь ли ты) how that the old Baron Marley (как старый барон Марли), being mad (будучи сумасшедшим), forgot the favor of his own countenance (забыл внешность своего лица) that he had known for sixty years (которую он знал 60 лет), and held it was another's (и полагал: «держал» (что) оно было чужим/принадлежало другому; *to hold* — *держат*); nay (нет — *устар.*), even claimed (даже утверждал) he was the son of Mary Magdalene (что он сын Марии Магдалины), and that his head was made of Spanish glass (и что его голова сделана из испанского стекла); and sooth to say (и, по правде сказать), he suffered none to touch it (он не выносил, чтобы кто-либо к ней прикасался; *to suffer* — *страдать, переносить*), lest by mischance some heedless hand might shiver it (чтобы по случайности какая-нибудь неосторожная рука не могла разбить ее вдребезги; *lest* — *чтобы не*; *mischance* — *несчастный случай*);

shiver — дрожать, разбивать вдребезги). Give thy misgivings easement (дай своим подозрениям облегчение = не мучай себя подозрениями), good my lord (мой добрый лорд). This is the very prince (это настоящий принц), I know him well (я знаю его хорошо) — and soon will be thy king (и скоро будет твоим королем); it may advantage thee (это может принести тебе пользу) to bear this in mind (носить это в уме = держать в голове) and more dwell upon it than the other (и больше задерживаться (мыслями) на этом, чем на другом; *to dwell* — останавливаться, задерживаться, жить, обитать).'

After some further talk (после дальнейшего разговора), in which the Lord St. John covered up his mistake (в котором лорд Сент-Джон покрыл свою ошибку = вину) as well as he could (так хорошо, как он (только) мог) by repeated protests (повторенными = частыми заявлениями) that his faith was thoroughly grounded now (что его вера была основательна укоренена = упрочена), and could not be assailed by doubts again (и не могла быть атакована сомнениями снова; *to assail* — нападать), the Lord Hertford relieved his fellow-keeper (лорд Хартфорд отпустил своего товарища-хранителя), and sat down to keep watch and ward alone (и сел сторожить: «держат наблюдение и опеку» один). He was soon deep in meditation (он погрузился скоро глубоко в раздумья). And evidently the longer he thought (и, очевидно, чем дольше он думал; *to think* — думать), the more he was bothered (тем больше он был обеспокоен). By and by he began to pace the floor and mutter (вскоре он начал измерять шагами пол и бормотать; *to begin* — начинать; *to pace* — шагать).

'Tush, he *must* be the prince (тьфу, он должен быть принцем = он наверняка принц)! Will any he in all the land maintain there can be two (будет ли кто-либо в стране утверждать, что могут быть двое; *to maintain* — поддерживать, утверждать), not of one blood and birth (не от одной крови и рождения = не родственники), so marvelously twinned (так чудесно похожие; *twin* — близнецы)? And even were it so (и даже будь это так), 'twere yet a stranger miracle that chance should cast the one into the other's place (это было бы еще более странным чудом, чтобы случай поставил одного на место другого; 'twere = it

were; stranger — более странный; to cast — бросать). Nay, 'tis folly, folly, folly (нет, это чушь, чушь, чушь)!

Presently he said (спустя некоторое время он сказал):

'Now were he impostor (так, будь он самозванцем) and called himself prince (и называл бы себя принцем), look you *that* would be natural (глянь-ка, это было бы естественно); that would be reasonable (это было бы логично). But lived ever an impostor yet (но жил ли когда-нибудь еще самозванец), who, being called prince by the king (который, будучи назван принцем королем), prince by the court (принцем — двором), prince by all (принцем — всеми), *denied* his dignity (отрицал бы свое высокое положение) and pleaded against his exaltation (умолял бы /отказать ему в/ возвеличивании; *against — против*)? No (нет)! By the soul of St. Swithin, no (/клянусь/ душой св. Свити́на, нет)! This is the true prince, gone mad (это истинный принц, сошедший с ума = ставший безумным; *to go — идти, становиться*)!

treason [ˈtriːzən], advantage [ədˈvɑːntɪdʒ], thought [θɔ:t]

Tom's departure had left his two noble guardians alone. They mused awhile, with much headshaking and walking the floor, then Lord St. John said:

'Plainly, what dost thou think?'

'Plainly, then, this. The king is near his end, my nephew is mad, mad will mount the throne, and mad remain. God protect England, since she will need it!'

'Verily it promiseth so, indeed. But... have you no misgivings as to... as to...'

The speaker hesitated, and finally stopped. He evidently felt that he was upon delicate ground. Lord Hertford stopped before him, looked into his face with a clear, frank eye, and said:

'Speak on — there is none to hear but me. Misgivings as to what?'

'I am loath to word the thing that is in my mind, and thou so near to him in blood, my lord. But craving pardon if I do offend, seemeth it not strange that

madness could so change his port and manner! — not but that his port and speech are princely still, but that they *differ* in one unweighty trifle or another, from what his custom was aforetime. Seemeth it not strange that madness should filch from his memory his father's very lineaments; the customs and observances that are his due from such as be about him; and, leaving him his Latin, strip him of his Greek and French? My lord, be not offended, but ease my mind of its disquiet and receive my grateful thanks. It haunteth me, his saying he was not the prince, and so —'

'Peace, my lord, thou utterest treason! Hast forgot the king's command? Remember I am party to thy crime, if I but listen.'

St. John paled, and hastened to say:

'I was in fault, I do confess it. Betray me not, grant me this grace out of thy courtesy, and I will neither think nor speak of this thing more. Deal not hardly with me, sir, else am I ruined.'

'I am content, my lord. So thou offend not again, here or in the ears of others, it shall be as though thou hadst not spoken. But thou needst not have misgivings. He is my sister's son; are not his voice, his face, his form, familiar to me from his cradle? Madness can do all the odd conflicting things thou seest in him, and more. Dost not recall how that the old Baron Marley, being mad, forgot the favor of his own countenance that he had known for sixty years, and held it was another's; nay, even claimed he was the son of Mary Magdalene, and that his head was made of Spanish glass; and sooth to say, he suffered none to touch it, lest by mischance some heedless hand might shiver it. Give thy misgivings easement, good my lord. This is the very prince, I know him well — and soon will be thy king; it may advantage thee to bear this in mind and more dwell upon it than the other.'

After some further talk, in which the Lord St. John covered up his mistake as well as he could by repeated protests that his faith was thoroughly grounded now, and could not be assailed by doubts again, the Lord Hertford relieved his fellow-keeper, and sat down to keep watch and ward alone. He was soon

deep in meditation. And evidently the longer he thought, the more he was bothered. By and by he began to pace the floor and mutter.

'Tush, he *must* be the prince! Will any he in all the land maintain there can be two, not of one blood and birth, so marvelously twinned? And even were it so, 'twere yet a stranger miracle that chance should cast the one into the other's place. Nay, 'tis folly, folly, folly!'

Presently he said:

'Now were he impostor and called himself prince, look you *that* would be natural; that would be reasonable. But lived ever an impostor yet, who, being called prince by the king, prince by the court, prince by all, *denied* his dignity and pleaded against his exaltation? No! By the soul of St. Swithin, no! This is the true prince, gone mad!'

CHAPTER VII (Глава седьмая)

Tom's First Royal Dinner (Первый королевский ужин Тома)

SOMEWHAT after one in the afternoon (вскоре после часа дня), Tom resignedly underwent the ordeal of being dressed for dinner (Том покорно прошел испытание одеванием к ужину). He found himself as finely clothed as before (он нашел себя столь же прекрасно одетым, как прежде), but everything different (но все другое), everything changed (все измененное), from his ruff to his stockings (от рюша до чулок). He was presently conducted with much state to a spacious and ornate apartment (его вскоре отвели с большой торжественностью в просторную и изысканно украшенную комнату), where a table was already set for one (где уже был накрыт стол на одного; *to set* — *устанавливать*). Its furniture (ее мебель = мебель в этой комнате) was all of massy gold (была вся из массивного золота), and beautified with designs (и украшена узорами) which well-nigh made it priceless (которые почти делали ее бесценной; *nigh* —

близко, устар.), since they were the work of Benvenuto (так как они были работой Бенвенуто). The room was half filled (комната была наполовину заполнена) with noble servitors (благородными = вельможными слугами). A chaplain said grace (капеллан прочитал молитву), and Tom was about to fall to (и Том был готов приняться за дело), for hunger had long been constitutional with him (ибо голод долго был неотъемлемой частью его), but was interrupted by my lord the Earl of Berkeley (но был остановлен милордом графом Беркли; *to interrupt* — прерывать, мешать, вмешиваться), who fastened a napkin about his neck (который повязал салфетку вокруг его шеи); for the great post of Diaperers to the Prince of Wales (ибо высокий пост Подвязывателей салфеток Принцу Уэльскому; *diaper* — салфетка) was hereditary in this nobleman's family (был наследственным в семье этого дворянина). Tom's cupbearer was present (виночерпий Тома был рядом; *present* — присутствующий), and forestalled all his attempts to help himself to wine (и предупреждал все его попытки налить себе самому вина). The Taster (отведыватель; *to taste* — пробовать еду, напитки) to his Highness the Prince of Wales (Его Высочеству Принцу Уэльскому) was there also (был там тоже), prepared to taste any suspicious dish (готовый попробовать любое подозрительное блюдо) upon requirement (по требованию; *to require* — требовать), and run the risk of being poisoned (и рискнуть быть отравленным; *to run* — бежать, управлять; *to poison* — отравить). He was only an ornamental appendage at this time (он был только декоративным придатком в то время), and was seldom called to exercise his function (и редко призывался исполнять свои обязанности); but there had been times (но бывали времена), not many generations past (не много поколений назад), when the office of taster (когда должность отведывателя) had its perils (имела свои опасности), and was not a grandeur to be desired (и не была желательным высоким положением; *to desire* — желать). Why they did not use a dog or a plumber seems strange (почему они не использовали собаку или паяльщика/водопроводчика кажется странным); but all the ways of royalty (но все пути королевской власти) are strange (странны). My Lord d'Arcy, First

Groom of the Chamber (милорд д'Арси, первый камердинер), was there (был там), to do goodness knows what (чтобы делать Бог знает что); but there he was (но там он был) — let that suffice (и этого достаточно). The Lord Chief Butler (главный дворецкий) was there (был там), and stood behind Tom's chair overseeing the solemnities (и стоял за стулом Тома, наблюдая за церемониалом), under command of the Lord Great Steward and the Lord Head Cook (под началом лорда главного распорядителя и лорда главного повара), who stood near (которые стояли поблизости). Tom had three hundred and eighty-four servants besides these (у Тома было 384 слуги кроме этих); but they were not all in that room, of course (но они были не все в той комнате, конечно), nor the quarter of them (и даже не четверть их); neither was Tom aware yet that they existed (и Том даже не знал еще, что они существовали). All those that were present (все те, которые присутствовали) had been well drilled within the hour (были натренированы в течение часа) to remember that the prince was temporarily out of his head (помнить, что принц был временно не в ладах с головой: «из своей головы»), and to be careful to show no surprise at his vagaries (и постараться не выказывать никакого удивления его выходками; *careful* — *осторожный*). These 'vagaries' were soon on exhibition before them (эти выходки скоро стали им видны: «напоказ перед ними»; *exhibition* — *выставка; проявление*); but they only moved their compassion and their sorrow (но они вызвали только их сострадание и печаль; *to move* — *двигать, побуждать, растрогать*), not their mirth (не веселье). It was a heavy affliction to them (это было тяжелым горем для них) to see the beloved prince so stricken (видеть возлюбленного принца таким больным; *to strike* — *ударять, поражать*).

present [ˈprezənt], exhibition [egzɪˈbɪʃ(ə)n], beloved [bɪˈlʌvd]

SOMEWHAT after one in the afternoon, Tom resignedly underwent the ordeal of being dressed for dinner. He found himself as finely clothed as

before, but everything different, everything changed, from his ruff to his stockings. He was presently conducted with much state to a spacious and ornate apartment, where a table was already set for one. Its furniture was all of massy gold, and beautified with designs which well-nigh made it priceless, since they were the work of Benvenuto. The room was half filled with noble servitors. A chaplain said grace, and Tom was about to fall to, for hunger had long been constitutional with him, but was interrupted by my lord the Earl of Berkeley, who fastened a napkin about his neck; for the great post of Diaperers to the Prince of Wales was hereditary in this nobleman's family. Tom's cupbearer was present, and forestalled all his attempts to help himself to wine. The Taster to his Highness the Prince of Wales was there also, prepared to taste any suspicious dish upon requirement, and run the risk of being poisoned. He was only an ornamental appendage at this time, and was seldom called to exercise his function; but there had been times, not many generations past, when the office of taster had its perils, and was not a grandeur to be desired. Why they did not use a dog or a plumber seems strange; but all the ways of royalty are strange. My Lord d'Arcy, First Groom of the Chamber, was there, to do goodness knows what; but there he was — let that suffice. The Lord Chief Butler was there, and stood behind Tom's chair overseeing the solemnities, under command of the Lord Great Steward and the Lord Head Cook, who stood near. Tom had three hundred and eighty-four servants besides these; but they were not all in that room, of course, nor the quarter of them; neither was Tom aware yet that they existed. All those that were present had been well drilled within the hour to remember that the prince was temporarily out of his head, and to be careful to show no surprise at his vagaries. These 'vagaries' were soon on exhibition before them; but they only moved their compassion and their sorrow, not their mirth. It was a heavy affliction to them to see the beloved prince so stricken.

Poor Tom ate with his fingers mainly (бедный Том ел пальцами в основном); but no one smiled at it (но никто не улыбался этому), or even seemed to observe it (и даже не подавал вида, что замечает это). He inspected his napkin curiously and with deep interest (он рассмотрел свою салфетку любопытно и с глубоким интересом), for it was of a very dainty and beautiful fabric (потому что она была из очень тонкой и красивой ткани), then said with simplicity (затем сказал простодушно):

'Prithee, take it away, lest in mine unheedfulness it be soiled (пожалуйста, унесите ее прочь, чтобы по моей неловкости она не была испачкана).'

The Hereditary Diaperer (наследный Подвязыватель салфеток) took it away with reverent manner (унес ее в почтительной манере), and without word or protest of any sort (и без единого возражения: «слова протеста»; *of any sort* — *любого рода*).

Tom examined the turnips and the lettuce with interest (Том осмотрел репу и латук с интересом), and asked what they were (и спросил, что это такое), and if they were to be eaten (и должны ли они были быть съедены = можно ли их есть); for it was only recently that men had begun to raise these things in England (ибо только недавно люди начали выращивать эти вещи в Англии) in place of importing them (вместо того, чтобы импортировать их) as luxuries from Holland (как товары роскоши из Голландии). His question was answered with grave respect (на его вопрос ответили с глубоким уважением; *grave* — *серьезный, важный*), and no surprise manifested (и без проявления какого-либо удивления). When he had finished his dessert (когда он закончил десерт), he filled his pockets with nuts (он наполнил карманы орехами); but nobody appeared to be aware of it (но никто не подал вида, что заметил это; *to be aware of* — *быть осведомленным о*), or disturbed by it (или был покороблен этим). But the next moment he was himself disturbed by it (но в следующее мгновение он сам пришел в замешательство из-за этого), and showed discomposure (и выказал волнение); for this was the only service he had been permitted to do with his own hands (ибо это была единственная вещь, которую ему позволили

сделать своими собственными руками; *service* — служба, услуга) during the meal (во время еды), and he did not doubt that he had done (и он не сомневался, что сделал) a most improper and unprincely thing (совершенно неприличную и неподобающую принцу вещь). At that moment the muscles of his nose began to twitch (в этот момент мускулы его носа начали подергиваться), and the end of that organ to lift and wrinkle (а кончик этого органа — подниматься и морщиться). This continued (это продолжалось), and Tom began to evince a growing distress (и Том начал выказывать растущее страдание). He looked appealingly, first at one and then another of the lords about him (он взглянул умоляюще сперва на одного, а затем на другого из лордов вокруг него), and tears came into his eyes (и слезы навернулись у него на глазах; *to come* — *приходить*). They sprang forward with dismay in their faces (они бросились вперед со смятением на лицах; *to spring* — *брызгать, вскакивать*), and begged to know his trouble (и умоляли (о том чтобы) узнать его беду). Tom said with genuine anguish (Том сказал с неподдельной мукой):

'I crave your indulgence (я умоляю о прощении); my nose itcheth cruelly (мой нос жестоко чешется; *to itch* — *чесаться*). What is the custom and usage (какова традиция и обычай) in this emergence (в таком крайнем случае)? Prithee speed (пожалуйста, поспешите), for 'tis but a little time that I can bear it (ибо лишь недолгое время я могу выносить это).'

None smiled (никто не улыбнулся); but all were sore perplexed (но все были сильно озадачены), and looked one to the other in deep tribulation (и смотрели один на другого в глубоком несчастье) for counsel (за советом = ища совета). But, behold (но смотри), here was a dead wall (здесь была глухая: «мертвая» стена), and nothing in English history to tell how to get over it (и (не было) ничего в английской истории, что могло бы рассказать, как справиться с этим). The Master of Ceremonies was not present (церемониймейстер не присутствовал); there was no one (не было никого) who felt safe to venture upon this uncharted sea (кто бы решился отправиться по этому не отмеченному на карте морю; *to feel* — *чувствовать*; *safe* — *находящийся в безопасности*; *to*

venture — *отважиться*), or risk the attempt (или *рискнуть* попробовать; *attempt* — *попытка*) to solve this solemn problem (решить эту важную проблему). Alas (увы)! there was no Hereditary Scratcher (не было наследственного чесальщика; *to scratch* — *чесать, царапать*). Meantime (тем временем) the tears had overflowed their banks (слезы вышли из берегов; *to overflow* — *течь через края*), and begun to trickle down Tom's cheeks (и начали стекать вниз по щекам Тома). His twitching nose (его дергающийся нос) was pleading more urgently than ever for relief (требовал более срочно, чем когда-либо, облегчения). At last nature broke down the barriers of etiquette (наконец природа сломала барьеры этикета; *to break down* — *ломать(ся)*); Tom lifted up an inward prayer for pardon if he was doing wrong (Том вознес внутреннюю молитву о прощении, если он поступал неправильно), and brought relief to the burdened hearts of his court (и принес облегчение отягощенным сердцам своего двора) by scratching his nose himself (почесав свой нос сам).

hereditary [hɪˈredɪtəri], luxury [ˈlʌksəri], venture [ˈventʃə]

Poor Tom ate with his fingers mainly; but no one smiled at it, or even seemed to observe it. He inspected his napkin curiously and with deep interest, for it was of a very dainty and beautiful fabric, then said with simplicity:

'Prithee, take it away, lest in mine unheedfulness it be soiled.'

The Hereditary Diaperer took it away with reverent manner, and without word or protest of any sort.

Tom examined the turnips and the lettuce with interest, and asked what they were, and if they were to be eaten; for it was only recently that men had begun to raise these things in England in place of importing them as luxuries from Holland. His question was answered with grave respect, and no surprise manifested. When he had finished his dessert, he filled his pockets with nuts; but nobody appeared to be aware of it, or disturbed by it. But the next moment he was himself disturbed by it, and showed discomposure; for this

was the only service he had been permitted to do with his own hands during the meal, and he did not doubt that he had done a most improper and unprincely thing. At that moment the muscles of his nose began to twitch, and the end of that organ to lift and wrinkle. This continued, and Tom began to evince a growing distress. He looked appealingly, first at one and then another of the lords about him, and tears came into his eyes. They sprang forward with dismay in their faces, and begged to know his trouble. Tom said with genuine anguish:

'I crave your indulgence; my nose itcheth cruelly. What is the custom and usage in this emergence? Prithee speed, for 'tis but a little time that I can bear it.'

None smiled; but all were sore perplexed, and looked one to the other in deep tribulation for counsel. But, behold, here was a dead wall, and nothing in English history to tell how to get over it. The Master of Ceremonies was not present; there was no one who felt safe to venture upon this uncharted sea, or risk the attempt to solve this solemn problem. Alas! there was no Hereditary Scratcher. Meantime the tears had overflowed their banks, and begun to trickle down Tom's cheeks. His twitching nose was pleading more urgently than ever for relief. At last nature broke down the barriers of etiquette; Tom lifted up an inward prayer for pardon if he was doing wrong, and brought relief to the burdened hearts of his court by scratching his nose himself.

His meal being ended (когда его трапеза окончилась: «его трапеза будучи оконченной»), a lord came and held before him a broad, shallow, golden dish with fragrant rose-water in it (один лорд подошел и держал перед ним = поднес ему широкое, плоское золотое блюдо с благоухающей розовой водой в нем), to cleanse his mouth and fingers with (чтобы очистить его рот и пальцы (ею); *with* — с); and my lord the Hereditary Diaperer stood by with a napkin for his use (а милорд Повязыватель салфеток стоял рядом с салфеткой для его использования = чтобы он мог ей воспользоваться). Tom gazed at the dish a

puzzled moment or two (Том смотрел на блюдо в замешательстве минуту-другую: «один или два смущенных момента»), then raised it to his lips (затем поднял его к своим губам), and gravely took a draught (и серьезно сделал глоток; *to take* — *брать*). Then he returned it to the waiting lord, and said (затем он вернул его прислуживающему лорду и сказал):

'Nay, it likes me not, my lord (нет, это мне не нравится, милорд); it hath a pretty flavor (она имеет приятный аромат), but it wanteth strength (но ей недостает силы = насыщенности).'

This new eccentricity (эта новая эксцентричная выходка) of the prince's ruined mind (поврежденного разума принца) made all the hearts about him ache (заставило все сердца вокруг него заболеть); but the sad sight moved none to merriment (но это грустное зрелище ни в ком не вызвало веселья).

Tom's next unconscious blunder (следующим невольным: «бессознательным» промахом Тома) was to get up and leave the table (было встать и покинуть стол) just when the chaplain had taken his stand behind his chair (как раз когда капеллан занял свое место за его стулом) and with uplifted hands (и с поднятыми руками) and closed uplifted eyes (и закрытыми поднятыми глазами), was in the act of beginning the blessing (был в начале благодарственной молитвы). Still nobody seemed to perceive (все же никто, казалось, не заметил) that the prince had done a thing unusual (что принц сделал что-то необычное).

By his own request (по его собственной просьбе), our small friend was now conducted to his private cabinet (нашего маленького друга затем отвели в его личный кабинет), and left there alone to his own devices (и оставили там одного забавляться; *device* — *прибор; затея*). Hanging upon hooks (висевшие на крюках) in the oaken wainscoting (на дубовых деревянных панелях) were the several pieces (были несколько элементов) of a suit of shining steel armor (сияющей стальной брони; *suit* — *костюм*), covered all over with beautiful designs exquisitely inlaid in gold (покрытые целиком прекрасными узорами, искусно выложенные золотом). This martial panoply (эти военные доспехи)

belonged to the true prince (принадлежали настоящему принцу) — a recent present from Madam Parr, the queen (недавний подарок от мадам Парр, королевы). Tom put on the greaves (Том надел наголенники; *to put on* — *надевать*), the gauntlets (латные рукавицы), the plumed helmet (шлем с плюмажем; *plume* — *перо, плюмаж*), and such other pieces as he could don without assistance (и подобные прочие детали, которые он мог надеть без /посторонней/ помощи; *to don* — *надевать* /устар./), and for a while was minded (и некоторое время был настроен) to call for help (попросить о помощи; *to call* — *звать*) and complete the matter (и довести дело до конца), but bethought him of the nuts he had brought away from dinner (но напомнил себе = вспомнил об орехах, которые он унес с ужина; *to bethink* — *напоминать, вспоминать*; *to bring* — *приносить*), and the joy it would be to eat them (и о радости, которая была бы съесть их) with no crowd to eye him (без толпы, (которая бы) глазела на него), and no Grand Hereditaries to pester him with undesired services (и без великих наследников, (которые бы) докучали ему непрошенными услугами); so he restored the pretty things to their several places (так что он поставил эти красивые вещи обратно на их места; *to restore* — *восстанавливать*; *several* — *несколько*), and soon was cracking nuts (и скоро щелкал орехи), and feeling almost naturally happy for the first time (и чувствовал себя почти естественно = по-настоящему счастливым в первый раз) since God for his sins had made him a prince (с тех пор как Бог за его грехи сделал его принцем). When the nuts were all gone (когда все орехи кончились; *to go* — *идти, уходить, исчезать*), he stumbled upon some inviting books (он наткнулся на некоторые книги с привлекательными названиями: «приглашающие книги»; *to invite* — *приглашать*) in a closet (в шкафу), among them one about the etiquette of the English court (среди них одна об этикете английского двора). This was a prize (это была удачная находка). He lay down upon a sumptuous divan (он лег на роскошный диван; *to lie down* — *ложиться*), and proceeded to instruct himself with honest zeal (и принялся

обучать себя с честным рвением). Let us leave him there for the present (оставим его там пока).

wainscoting [ˈweɪnskətɪŋ], unusual [Anˈjuːʒuəl], proceed [prəˈsiːd]

His meal being ended, a lord came and held before him a broad, shallow, golden dish with fragrant rose-water in it, to cleanse his mouth and fingers with; and my lord the Hereditary Diaperer stood by with a napkin for his use. Tom gazed at the dish a puzzled moment or two, then raised it to his lips, and gravely took a draught. Then he returned it to the waiting lord, and said: 'Nay, it likes me not, my lord; it hath a pretty flavor, but it wanteth strength.' This new eccentricity of the prince's ruined mind made all the hearts about him ache; but the sad sight moved none to merriment.

Tom's next unconscious blunder was to get up and leave the table just when the chaplain had taken his stand behind his chair and with uplifted hands and closed uplifted eyes, was in the act of beginning the blessing. Still nobody seemed to perceive that the prince had done a thing unusual.

By his own request, our small friend was now conducted to his private cabinet, and left there alone to his own devices. Hanging upon hooks in the oaken wainscoting were the several pieces of a suit of shining steel armor, covered all over with beautiful designs exquisitely inlaid in gold. This martial panoply belonged to the true prince — a recent present from Madam Parr, the queen. Tom put on the greaves, the gauntlets, the plumed helmet, and such other pieces as he could don without assistance, and for a while was minded to call for help and complete the matter, but bethought him of the nuts he had brought away from dinner, and the joy it would be to eat them with no crowd to eye him, and no Grand Hereditaries to pester him with undesired services; so he restored the pretty things to their several places, and soon was cracking nuts, and feeling almost naturally happy for the first time since God for his sins had made him a prince. When the nuts were all gone, he

stumbled upon some inviting books in a closet, among them one about the etiquette of the English court. This was a prize. He lay down upon a sumptuous divan, and proceeded to instruct himself with honest zeal. Let us leave him there for the present.

CHAPTER VIII (Глава восьмая)

The Question of the Seal (Вопрос о Печати)

ABOUT five o'clock Henry VIII awoke out of an unrefreshing nap (около пяти часов Генрих Восьмой очнулся от неосвежающей дремоты; *to awake* — *проснуться, разбудить*), and muttered to himself (и пробормотал себе), 'Troublous dreams (тревожные сны), troublous dreams! Mine end is now at hand (моя кончина теперь недалеко: «на руке»; *mine вместо ты* — *мой*); so say these warnings (так говорят эти предупреждения), and my failing pulses do confirm it (и мой слабеющий пульс действительно подтверждает это).'

Presently a wicked light flamed up in his eye, and he muttered (затем нехороший огонек загорелся в его глазу, и он пробормотал), 'Yet will not I die till *he* go before (все же я не умру пока он не уйдет = умрет прежде).'

His attendants perceiving that he was awake (его слуги, видя, что он был проснувшимся, бодрствующим), one of them asked his pleasure concerning the Lord Chancellor (один из них попросил (о его) дозволения относительно лорд-канцлера), who was waiting without (который ждал снаружи; *without* — *снаружи, устар.*).

'Admit him, admit him (допустите его, допустите его)!' exclaimed the king eagerly (воскликнул король нетерпеливо).

The Lord Chancellor entered (лорд-канцлер вошел), and knelt by the king's couch (и преклонил колени у ложа короля; *to kneel* — *становиться на колени*), saying (говоря):

'I have given order (я отдал приказ), and, according to the king's command (и, согласно приказанию короля), the peers of the realm (пэры королевства), in their robes (в своих одеяниях), do now stand at the bar of the House (стоят сейчас у ворот Суда), where, having confirmed the Duke of Norfolk's doom (где, подтвердив приговор герцога Норфолкского), they humbly wait his majesty's further pleasure in the matter (они смиренно ожидают дальнейших пожеланий Его Величества по этому вопросу; *matter* — дело).'

The king's face lit up with a fierce joy (лицо короля загорелось свирепой радостью; *to light up* — загореться). Said he (сказал он):

'Lift me up (поднимите меня)! In mine own person (лично: «в моей собственной персоне») will I go before my Parliament (предстану я перед моим Парламентом), and with mine own hand (и моей собственной рукой) will I seal the warrant (скреплю я печатью документ, предписание) that rids me of — (который избавляет меня от)'

His voice failed (его голос изменил ему); an ashen pallor (пепельная бледность) swept the flush from his cheeks (стерла румянец с его щек; *to sweep*); and the attendants eased him back (и слуги уложили его обратно; *to ease* — устраиваться, осторожно опускаться) upon his pillows (на его подушки), and hurriedly assisted him with restoratives (и поспешно помогли ему укрепляющими снадобьями). Presently he said sorrowfully (вскоре он сказал с грустью):

'Alack (увы; устар. вместо *alas*), how have I longed for this sweet hour (как я ждал этого сладкого часа; *to long for* — страстно желать)! and lo (и взгляните; устар.), too late it cometh (слишком поздно он приходит), and I am robbed of this so coveted chance (и я лишен этого желанного шанса; *to rob* — грабить). But speed ye, speed ye (но поторопитесь; *ye* — вы)! let others do this happy office sith 'tis denied to me (пусть другие выполняют эту счастливую работу, раз она отказана мне; *sith* — устар. вместо *since*; *to deny* — отрицать, отказывать). I put my Great Seal in commission (я даю мою Великую Печать комиссии): choose thou the lords that shall compose it (выбери

ты лордов, которые составят составят его /приказ/), and get ye to your work (и принимайся за работу). Speed ye, man (поторопись, вассал)! Before the sun shall rise and set again (прежде чем солнце встанет и зайдет снова), bring me his head that I may see it (принесите мне его голову, чтобы я мог увидеть ее). 'According to the king's command, so shall it be (согласно приказанию короля, так и будет). Will't please your majesty to order that the Seal be now restored to me (будет ли так любезно ваше величество приказать, чтобы Печать была сейчас возвращена мне), so that I may forth upon the business (чтобы я мог приступить к делу)?'

'The Seal (Печать)! Who keepeth the Seal but thou? (кто хранит Печать, кроме тебя)'

'Please your majesty (пожалуйте, ваше величество), you did take it from me two days since (вы взяли ее у меня уже два дня как), saying it should no more do its office (говоря, что она не должна больше выполнять свою работу) till your own royal hand should use it upon the Duke of Norfolk's warrant (пока ваша собственная королевская рука не использует ее по решению Герцога Норфолка).'

'Why, so in sooth I did (как же, так в действительности я сделал); I do remember it (я действительно помню это)... What did I with it (что сделал я с ней)!.. I am very feeble (я очень слаб)... So oft these days (так часто теперь: «эти дни») doth my memory play the traitor with me (моя память играет в предателя со мной = предает меня)... 'Tis strange, strange (это странно, странно) —'

The king dropped into inarticulate mumblings (король погрузился в невнятное бормотание; *to drop* — *падать, капать*), shaking his gray head weakly (тряся своей седой головой слабо; *gray* (амер.) = *grey* (брит.) — *серый; седой*) from time to time (время от времени), and gropingly trying to recollect (и силясь вспомнить; *to grope* — *ощупывать; gropingly* — *ощупью; to try* — *пытаться*) what he had done with the Seal (что он сделал с Печатью). At last my Lord Hertford ventured to kneel and offer information (наконец милорд Хартфорд

отважился встать на колени и дать сведения; *to offer* — предлагать, дарить, приносить) —

confirm [kən`fə:m], restorative [rɪ`stOrətɪv], inarticulate [ɪna:`tɪkjələt], business [`bɪznɪs]

ABOUT five o'clock Henry VIII awoke out of an unrefreshing nap, and muttered to himself, 'Troublous dreams, troublous dreams! Mine end is now at hand; so say these warnings, and my failing pulses do confirm it.' Presently a wicked light flamed up in his eye, and he muttered, 'Yet will not I die till *he* go before.'

His attendants perceiving that he was awake, one of them asked his pleasure concerning the Lord Chancellor, who was waiting without.

'Admit him, admit him!' exclaimed the king eagerly.

The Lord Chancellor entered, and knelt by the king's couch, saying:

'I have given order, and, according to the king's command, the peers of the realm, in their robes, do now stand at the bar of the House, where, having confirmed the Duke of Norfolk's doom, they humbly wait his majesty's further pleasure in the matter.'

The king's face lit up with a fierce joy. Said he:

'Lift me up! In mine own person will I go before my Parliament, and with mine own hand will I seal the warrant that rids me of —'

His voice failed; an ashen pallor swept the flush from his cheeks; and the attendants eased him back upon his pillows, and hurriedly assisted him with restoratives. Presently he said sorrowfully:

'Alack, how have I longed for this sweet hour! and lo, too late it cometh, and I am robbed of this so coveted chance. But speed ye, speed ye! let others do this happy office sith 'tis denied to me. I put my Great Seal in commission: choose thou the lords that shall compose it, and get ye to your work. Speed ye, man! Before the sun shall rise and set again, bring me his head that I may see it.'

'According to the king's command, so shall it be. Will't please your majesty to order that the Seal be now restored to me, so that I may forth upon the business?'

'The Seal! Who keepeth the Seal but thou?'

'Please your majesty, you did take it from me two days since, saying it should no more do its office till your own royal hand should use it upon the Duke of Norfolk's warrant.'

'Why, so in sooth I did; I do remember it.... What did I with it!... I am very feeble.... So oft these days doth my memory play the traitor with me.... 'Tis strange, strange —'

The king dropped into inarticulate mumblings, shaking his gray head weakly from time to time, and gropingly trying to recollect what he had done with the Seal. At last my Lord Hertford ventured to kneel and offer information —

'Sire (ваше величество), if that I may be so bold (если я могу могу быть столь дерзким), here be several that do remember with me (здесь есть несколько (человек) которые действительно помнят вместе со мной) how that you gave the Great Seal into the hands of his Highness the Prince of Wales to keep (как вы дали Великую Печать в руки Его высочества принца Уэльского, чтобы хранить = на хранение) against the day that (незадолго до дня когда; *against* — *против, о*) —'

'True (верно), most true (совершенно верно)!' interrupted the king (перебил король). 'Fetch it (принесите ее)! Go: time flieth! Идите: время улетает; *flieth* *вмест flies om to fly* — летать)'

Lord Hertford flew to Tom (лорд Хартфорд бросился к Тому; *to fly* — летать), but returned to the king before very long (но вернулся к королю вскоре: «прежде чем очень долго»), troubled and empty-handed (озадаченный и с пустыми руками). He delivered himself to this effect (он высказался в таком духе):

'It grieveth me (это огорчает меня), my lord the king (мой господин король), to bear so heavy and unwelcome tidings (приносить такие тяжкие и нежеланные вести); but it is the will of God (но то есть воля Бога) that the prince's affliction abideth still (что недуг принца все еще в силе; *abideth* вместо *abides om to abide* — *оставаться верным, придерживаться, пребывать*), and he cannot recall to mind (и он не может вспомнить: «призвать на ум») that he received the Seal (что он получил Печать). So came I quickly to report (так что пришел я быстро, чтобы доложить), thinking it were waste of precious time (думая, что это было бы тратой драгоценного времени), and little worth withal (и немногого стоило бы: «мало достойно» к тому же), that any should attempt (чтобы кто-нибудь попытался) to search the long array of chambers and saloons (обыскать длинную череду комнат и залов) that belong unto his royal high (которые принадлежат его королевскому высоко...) —'

A groan from the king (стон от короля = изданный королем) interrupted my lord at this point (прервал моего лорда в этом месте). After a while (спустя некоторое время) his majesty said (его величество сказал), with a deep sadness in his tone (с глубокой грустью в голосе):

'Trouble him no more (не беспокойте его больше), poor child (бедного ребенка). The hand of God lieth heavy upon him (рука Господа лежит тяжело на нем; *lieth* вместо *lies om to lie* — *лежать*), and my heart goeth out in loving compassion for him (и мое сердце рвется (из груди) в любящем сострадании к нему), and sorrow that I may not bear his burden on mine own old trouble-weighted shoulders (и в грусти, что я не могу нести его бремя на моих собственных нагруженных бедами плечах; *to weight* — *отягощать, нагружать* от *weight* — *вес*), and so bring him peace (и так = этим принести ему покой).'

He closed his eyes (он закрыл глаза), fell to mumbling (принялся за: «упал в» бормотание; *to fall* — *падать*), and presently was silent (и вскоре умолк: «был безмолвным»). After a time he opened his eyes again (через некоторое время он открыл глаза снова), and gazed vacantly around (и глядел безучастно вокруг)

until his glance rested upon the kneeling Lord Chancellor (пока его взгляд не задержался на коленопреклоненном лорд-канцлере). Instantly his face flushed with wrath (тотчас его лицо загорелось яростью):

'What, thou here yet (ну, ты здесь еще)! By the glory of God (клянусь Господней славой), an thou gettest not about that traitor's business (если ты не приступишь делу изменника), thy miter shall have holiday the morrow (твоя шапка получит выходной завтра) for lack of a head to grace withal (из-за отсутствия головы, которую она могла бы украсить: «голова чтобы украсить ею»; *withal* — *c, со /устар./*)!'

The trembling Chancellor answered (дрожащий лорд-канцлер ответил):

'Good your majesty, I cry you mercy (ваше величество, я молю вас о милосердии)! I but waited for the Seal (я только ждал Печати).'

'Man, hast lost thy wits (потерял ли ты свой разум)? The small Seal which aforetime I was wont to take with me abroad (маленькая Печать, которую ранее я имел обыкновение брать с собой в другие страны) lieth in my treasury (лежит в моей сокровищнице). And, since the Great Seal hath flown away (и, так как Великая Печать исчезла: «улетела»; *to fly* — *летать*), shall not it suffice (неужели не будет ее достаточно)? Hast lost thy wits (ты потерял разум)? Begone (иди /прочь/)! And hark ye (и послушай) — come no more (не возвращайся: «не приходи больше») till thou do bring his head (пока не принесешь наконец его голову).'

The poor Chancellor was not long in removing himself (бедный лорд-канцлер поспешил удалиться: «не был долг в удалении себя») from this dangerous vicinity (от этого опасного соседства); nor did the commission waste time in giving the royal assent to the work of the slavish Parliament (также и комиссия не теряла времени, передавая королевское разрешение на работу раболепного парламента; *slave* — *раб*), and appointing the morrow (и назначив завтрашний день) for the beheading of the premier peer of England (для обезглавливания первого пэра Англии), the luckless Duke of Norfolk (несчастливого герцога Норфолкского).

worth [wə:θ], report [rɪ`p0:t], suffice [sə`faɪs]

'Sire, if that I may be so bold, here be several that do remember with me how that you gave the Great Seal into the hands of his Highness the Prince of Wales to keep against the day that —'

'True, most true!' interrupted the king. 'Fetch it! Go: time flieth!'

Lord Hertford flew to Tom, but returned to the king before very long, troubled and empty-handed. He delivered himself to this effect:

'It grieveth me, my lord the king, to bear so heavy and unwelcome tidings; but it is the will of God that the prince's affliction abideth still, and he cannot recall to mind that he received the Seal. So came I quickly to report, thinking it were waste of precious time, and little worth withal, that any should attempt to search the long array of chambers and saloons that belong unto his royal high —'

A groan from the king interrupted my lord at this point. After a while his majesty said, with a deep sadness in his tone:

'Trouble him no more, poor child. The hand of God lieth heavy upon him, and my heart goeth out in loving compassion for him, and sorrow that I may not bear his burden on mine own old trouble-weighted shoulders, and so bring him peace.'

He closed his eyes, fell to mumbling, and presently was silent. After a time he opened his eyes again, and gazed vacantly around until his glance rested upon the kneeling Lord Chancellor. Instantly his face flushed with wrath:

'What, thou here yet! By the glory of God, an thou gettest not about that traitor's business, thy miter shall have holiday the morrow for lack of a head to grace withal!'

The trembling Chancellor answered:

'Good your majesty, I cry you mercy! I but waited for the Seal.'

'Man, hast lost thy wits? The small Seal which aforetime I was wont to take with me abroad lieth in my treasury. And, since the Great Seal hath flown away, shall not it suffice? Hast lost thy wits? Begone! And hark ye — come no more till thou do bring his head.'

The poor Chancellor was not long in removing himself from this dangerous vicinity; nor did the commission waste time in giving the royal assent to the work of the slavish Parliament, and appointing the morrow for the beheading of the premier peer of England, the luckless Duke of Norfolk.

CHAPTER IX (Глава девятая)

The River Pageant (Речной праздник)

AT nine in the evening (в девять вечера) the whole vast river-front of the palace (весь громадный выходящий на реку фасад дворца; *river* — *река*; *front* — *фасад*) was blazing with light (сверкал огнями). The river itself (сама река), as far as the eye could reach cityward (так далеко, как глаз мог достать = насколько хватало глаз в направлении города), was so thickly covered with watermen's boats (была так плотно покрыта лодками перевозчиков) and with pleasure barges (увеселительными баржами), all fringed with colored lanterns (увешанными цветными фонарями), and gently agitated by the waves (и мягко покачиваемыми волнами; *to agitate* — *волновать, колыхать*), that it resembled a glowing and limitless garden of flowers (что она (река) напоминала яркий и бесконечный сад цветов) stirred to soft motion by summer winds (приводимых в мягкое движение летними ветрами; *to stir* — *двигать(ся), шевелить(ся)*). The grand terrace of stone steps leading down to the water (большая терраса из ступеней, ведущих вниз к воде), spacious enough to mass the army of a German principality upon (достаточно большая, чтобы вместить армию немецкого княжества на себе), was a picture to see (была картиной, которую стоило

увидеть: «чтобы увидеть»), with its ranks of royal halberdiers (с ее шеренгами королевских алебардчиков) in polished armor (в полированной броне), and its troops of brilliantly costumed servitors (и ее отрядами блистательно наряженных слуг) flitting up and down (снующих вверх-вниз), and to and fro (и туда-сюда), in the hurry of preparation (в спешке приготовлений).

Presently a command was given (вскоре приказ был отдан), and immediately all living creatures vanished from the steps (и немедленно все живые существа исчезли со ступеней). Now the air was heavy (теперь воздух был тяжелым) with the hush of suspense and expectancy (от тишины неопределенности и ожидания). As far as one's vision could carry (насколько хватало глаз: «так далеко, как человеческое зрение могло донестись»), he might see the myriads of people in the boats rise up (он мог = можно было видеть как толпы людей в лодках вставали), and shade their eyes from the glare of lanterns and torches (и прикрывали свои глаза от сияния фонарей и факелов), and gaze toward the palace (и глазели в сторону дворца).

A file of forty or fifty state barges (флотилия: «ряд» из сорока или пятидесяти парадных барж) drew up to the steps (подплыла к ступеням; *to draw up* — *подтягиваться*). They were richly gilt (они были богато украшены золотом), and their lofty prows and sterns (и их высокие носы и кормы) were elaborately carved (были искусно покрыты резьбой; *to carve* — *покрывать резьбой*). Some of them were decorated with banners and streamers (некоторые из них были украшены знаменами и вымпелами); some with cloth-of-gold and arras (некоторые из них золотой парчой и гобеленами) embroidered with coats of arms (с вышитыми гербами; *to embroider* — *вышивать*); others with silken flags that had numberless little silver bells fastened to them (другие — шелковыми флагами, к которым были приделаны бесчисленные маленькие серебряные колокольчики; *to fasten* — *прикреплять*), which shook out tiny showers of joyous music (которые выплескивали наружу маленькие дожди веселой музыки; *to shake* — *трясти*; *shower* — *ливень*) whenever the breezes fluttered them (каждый раз, когда бриз колебал на них); others of yet higher

pretensions (другие, с еще бóльшими претензиями), since they belonged to nobles in the prince's immediate service (так как они принадлежали дворянам непосредственно на службе у принца), had their sides picturesquely fenced with shields (имели свои борта живописно завешенными щитами) gorgeously emblazoned with armorial bearings (роскошно расписанными геральдическими фигурами). Each state barge was towed (каждая парадная баржа тянулась; *to tow* — *тянуть канатом*) by a tender (вспомогательным судном). Besides the rowers (помимо гребцов), these tenders carried each a number of men-at-arms in glossy helmet and breastplate (эти вспомогательные суда несли каждый множество воинов в сверкающих шлемах и латах; *number* — *число*), and a company of musicians (и ансамбль музыкантов).

armor [ˈɑ:mə], suspense [səsˈpens], immediate [ɪˈmi:diət]

AT nine in the evening the whole vast river-front of the palace was blazing with light. The river itself, as far as the eye could reach cityward, was so thickly covered with watermen's boats and with pleasure barges, all fringed with colored lanterns, and gently agitated by the waves, that it resembled a glowing and limitless garden of flowers stirred to soft motion by summer winds. The grand terrace of stone steps leading down to the water, spacious enough to mass the army of a German principality upon, was a picture to see, with its ranks of royal halberdiers in polished armor, and its troops of brilliantly costumed servitors flitting up and down, and to and fro, in the hurry of preparation.

Presently a command was given, and immediately all living creatures vanished from the steps. Now the air was heavy with the hush of suspense and expectancy. As far as one's vision could carry, he might see the myriads of people in the boats rise up, and shade their eyes from the glare of lanterns and torches, and gaze toward the palace.

A file of forty or fifty state barges drew up to the steps. They were richly gilt, and their lofty prows and sterns were elaborately carved. Some of them were decorated with banners and streamers; some with cloth-of-gold and arras embroidered with coats of arms; others with silken flags that had numberless little silver bells fastened to them, which shook out tiny showers of joyous music whenever the breezes fluttered them; others of yet higher pretensions, since they belonged to nobles in the prince's immediate service, had their sides picturesquely fenced with shields gorgeously emblazoned with armorial bearings. Each state barge was towed by a tender. Besides the rowers, these tenders carried each a number of men-at-arms in glossy helmet and breastplate, and a company of musicians.

The advance-guard of the expected procession (авангард ожидаемой процессии) now appeared in the great gateway (теперь показался в больших воротах), a troop of halberdiers (группа алебардщиков). They were dressed in striped hose (они были одеты в полосатые штаны) of black and tawny (черного и рыжевато-коричневого цвета), velvet caps graced at the sides with silver roses (бархатные шапочки, украшенные по бокам серебряными розами), and doublets of murrey and blue cloth (и камзолы из багровой и голубой ткани), embroidered on the front and back with the three feathers (украшенными спереди и сзади тремя перьями), the prince's blazon (гербом принца), woven in gold (вытканным золотом; *to weave* — *ткать*). Their halberd staves (древки их алебард) were covered with crimson velvet (были покрыты малиновым бархатом), fastened with gilt nails (прибитым золочеными гвоздиками), and ornamented with gold tassels (украшены золотыми кистями). Filing off on the right and left (выстраиваясь справа и слева), they formed two long lines (они образовали две длинные шеренги), extending from the gateway of the palace to the water's edge (тянущиеся от ворот дворца к кромке воды; *edge* — *край*). A thick, rayed cloth or carpet (толстая, с узором в виде расходящихся лучей, ткань или ковер; *ray* — *луч*) was then unfolded (была затем развернута), and

laid down between them by attendants in the gold-and-crimson liveries of the prince (и положена между ними слугами в золото-малиновых ливреях принца; *to lay down* — *класть вниз*). This done (это сделано = когда это было сделано), a flourish of trumpets resounded from within (звучи фанфар прогремели изнутри; *trumpet* — *труба /муз./*). A lively prelude arose from the musicians on the water (оживленная прелюдия донеслась от музыкантов на воде); and two ushers with white wands (и два церемониймейстера с белыми жезлами) marched with a slow and stately pace (прошагали медленной и статной походкой) from the portal (от главных ворот). They were followed (за ними следовал; *to follow* — *следовать*) by an officer bearing the civic mace (офицер, несущий гражданский жезл), after whom came another carrying the city's sword (за которым шел другой, неся меч города); then several sergeants of the city guard (затем несколько сержантов городской стражи), in their full accoutrements (в своем полном снаряжении), and with badges on their sleeves (и с эмблемами на рукавах); then the Garter king-at-arms (зате герольдмейстер ордена Подвязки), in his tabard (в камзоле герольда; *tabard* — *плащ, носимый рыцарями поверх лат; амзол герольда*); then several knights of the Bath (затем несколько рыцарей ордена Бани), each with a white lace (каждый с белым кружевом) on his sleeve (на своем рукаве); then their esquires (затем их оруженосцы); then the judges (затем судьи), in their robes of scarlet and coifs (в своих мантиях алого цвета и шапочках); then the Lord High Chancellor of England (затем лорд-канцлер Англии), in a robe of scarlet, open before (в одеянии алого цвета, открытом спереди), and purfled with minever (и отороченном горностаем); then a deputation of aldermen (затем делегация олдерменов /членов городского правления/), in their scarlet cloaks (в своих алых мантиях); and then the heads of the different civic companies (а затем — главы различных гражданских компаний), in their robes of state (в своих парадных одеждах). Now came twelve French gentlemen (затем шли двенадцать французских джентльменов), in splendid habiliments (в прелестных одеяниях), consisting of pourpoints of white damask (состоящих из

стеганных камзолов белого дамаска) barred with gold (обитого золотом), short mantles of crimson velvet (в коротких мантиях из малинового бархата) lined with violet taffeta (украшенных лиловой тафтой), and carnation-colored *hauts-de-chausses* (и широких штанах до колен, покрашенных в цвет гвоздики; *carnation* — *гвоздика*), and took their way down the steps (и спустились по лестнице). They were of the suite of the French ambassador (они были из свиты Французского посла), and were followed by twelve cavaliers (и за ними шли двенадцать кавалеров) of the suite of the Spanish ambassador (из свиты испанского посланника), clothed in black velvet (одетые в черный бархат), unrelieved by any ornament (нерасцвеченный какими-либо украшениями; *to relieve* — *облегчать*). Following these came several great English nobles with their attendants (вслед за этим прошли несколько великих английских дворян со своими слугами).'

crimson [ˈkrɪmzən], resound [rɪˈzaʊnd], carnation [kɑːˈneɪʃ(ə)n]

The advance-guard of the expected procession now appeared in the great gateway, a troop of halberdiers. 'They were dressed in striped hose of black and tawny, velvet caps graced at the sides with silver roses, and doublets of murrey and blue cloth, embroidered on the front and back with the three feathers, the prince's blazon, woven in gold. Their halberd staves were covered with crimson velvet, fastened with gilt nails, and ornamented with gold tassels. Filing off on the right and left, they formed two long lines, extending from the gateway of the palace to the water's edge. A thick, rayed cloth or carpet was then unfolded, and laid down between them by attendants in the gold-and-crimson liveries of the prince. This done, a flourish of trumpets resounded from within. A lively prelude arose from the musicians on the water; and two ushers with white wands marched with a slow and stately pace from the portal. They were followed by an officer bearing the civic mace, after whom came another carrying the city's sword; then several

sergeants of the city guard, in their full accoutrements, and with badges on their sleeves; then the Garter king-at-arms, in his tabard; then several knights of the Bath, each with a white lace on his sleeve; then their esquires; then the judges, in their robes of scarlet and coifs; then the Lord High Chancellor of England, in a robe of scarlet, open before, and purpled with minever; then a deputation of aldermen, in their scarlet cloaks; and then the heads of the different civic companies, in their robes of state. Now came twelve French gentlemen, in splendid habiliments, consisting of pourpoints of white damask barred with gold, short mantles of crimson velvet lined with violet taffeta, and carnation-colored *hauts-de-chausses*, and took their way down the steps. They were of the suite of the French ambassador, and were followed by twelve cavaliers of the suite of the Spanish ambassador, clothed in black velvet, unrelieved by any ornament. Following these came several great English nobles with their attendants.'

There was a flourish of trumpets within (раздался грохот фанфар внутри); and the prince's uncle (и дядя принца), the future great Duke of Somerset (будущий великий герцог Сомерсетский), emerged from the gateway (появился из ворот), arrayed in a doublet of black cloth-of-gold (наряженный в камзол из черной золотой парчи), and a cloak of crimson satin flowered with gold (и в плащ из малинового атласа, расцвеченного золотом), and ribanded with nets of silver (и затканый сетками серебра). He turned, doffed his plumed cap (он повернулся, снял свою шапочку с перьями; *plume* — *перо*), bent his body in a low reverence (согнул тело в низком поклоне), and began to step backward (и начал шагать назад; *to begin* — *начинать(ся)*), bowing at each step (кланяясь при каждом шаге). A prolonged trumpet-blast followed (продолжительный грохот труб последовал), and a proclamation (и воззвание), 'Way for the high and mighty (дорогу высокому и могущественному), the Lord Edward (лорду Эдварду), Prince of Wales (принцу Уэльскому)! High aloft on the palace walls (высоко вверху на стенах дворца) a long line of red tongues of flame (длинная череда

красных языков пламени) leaped forth (прыгнула вперед) with a thunder-crash (с грохотом грома); the massed world on the river (собравшийся мир = люди на реке) burst into a mighty roar of welcome (взорвался могучим ревом приветствия; *to burst* — *взрываться*); and Tom Canty (и Том Кэнти), the cause and hero of it all (причина и герой всего этого), stepped into view (появился: «выступил в видимость»; *view* — *предел видимости, взгляд*), and slightly bowed his princely head (и слегка склонил свою царственную голову). He was magnificently habited (он был великолепно облачен) in a doublet of white satin (в камзол из белого атласа), with a front-piece of purple cloth-of-tissue (с нагрудниками из пурпурной парчи), powdered with diamonds (усыпанный бриллиантами), and edged with ermine (и отороченный горностаем). Over this he wore (поверх этого он носил; *to wear* — *носить*) a mantle of white cloth-of-gold (белый с золотом парчовый плащ), pounced with the triple-feather crest (с выбитым изображением герба из трех перьев; *to pounce* — *выбивать выпуклый рисунок*), lined with blue satin (с полосами из синего атласа), set with pearls and precious stones (усыпанный жемчужинами и драгоценными камнями), and fastened with a clasp of brilliants (и застегнутый застежкой из бриллиантами). About his neck hung the order of the Garter (на его шее висел орден Подвязки; *about* — *вокруг*; *to hang* — *висеть*), and several princely foreign orders (и несколько княжеских иностранных орденов); and wherever light fell upon him (и когда бы свет ни падал на него; *to fall* — *падать*) jewels responded with a blinding flash (драгоценности отвечали ослепительной вспышкой). O, Tom Canty, born in a hovel (о, Том Кэнти, рожденный в лачуге), bred in the gutters of London (выращенный в канавах Лондона; *to breed* — *выводить породу*), familiar with rags and dirt and misery (знакомый с лохмотьями и грязью и нищетой), what a spectacle is this (какое это зрелище)!

flourish [ˈflAɪS], roar [rɔ:], foreign [ˈfɔɪn]

There was a flourish of trumpets within; and the prince's uncle, the future great Duke of Somerset, emerged from the gateway, arrayed in a 'doublet of black cloth-of-gold, and a cloak of crimson satin flowered with gold, and ribanded with nets of silver.' He turned, doffed his plumed cap, bent his body in a low reverence, and began to step backward, bowing at each step. A prolonged trumpet-blast followed, and a proclamation, 'Way for the high and mighty, the Lord Edward, Prince of Wales!' High aloft on the palace walls a long line of red tongues of flame leaped forth with a thunder-crash; the massed world on the river burst into a mighty roar of welcome; and Tom Canty, the cause and hero of it all, stepped into view, and slightly bowed his princely head.

He was 'magnificently habited in a doublet of white satin, with a front-piece of purple cloth-of-tissue, powdered with diamonds, and edged with ermine. Over this he wore a mantle of white cloth-of-gold, pounced with the triple-feather crest, lined with blue satin, set with pearls and precious stones, and fastened with a clasp of brilliants. About his neck hung the order of the Garter, and several princely foreign orders'; and wherever light fell upon him jewels responded with a blinding flash. O, Tom Canty, born in a hovel, bred in the gutters of London, familiar with rags and dirt and misery, what a spectacle is this!

CHAPTER X (Глава десятая)

The Prince in the Toils (Мытарства принца)

WE left John Canty dragging the rightful prince (мы оставили Джона Кэнти, когда он тащил истинного принца) into Offal Court (в Тупик отбросов), with a noisy and delighted mob at his heels (с шумной и радостной толпой у его пят, каблуков = смотрящей им вслед). There was but one person in it (был только

один человек в ней /толпе/) who offered a pleading word for the captive (который вступился: «внес защищающее слово» за пленника), and he was not heeded (и на него не обратили внимания; *to heed* — *обращать внимание, учитывать, слушаться*); he was hardly even heard (он был едва ли даже услышан), so great was the turmoil (так велик был шум). The prince continued to struggle for freedom (принц продолжал бороться за свободу), and to rage against the treatment (и восставать против обращения) he was suffering (которое он выносил), until John Canty lost what little patience was left in him (пока Джон Кэнти не потерял то малое терпение, которое оставалось в нем; *to lose* — *терять*; *to leave* — *оставлять*), and raised his oaken cudgel (и поднял свою дубовую дубину) in a sudden fury (во внезапной ярости) over the prince's head (над головой принца). The single pleader for the lad (единственный защитник юноши) sprang to stop the man's arm (прыгнул, чтобы остановить его руку; *to spring* — *прыгать*), and the blow descended upon his own wrist (и удар опустился на его собственное запястье). Canty roared out (Кэнти прорычал):

'Thou'lt meddle, wilt thou (ты хочешь вмешаться; *wilt* — *устар. вместо will*)? Then have thy reward (тогда получай по заслугам: «получай твое вознаграждение»).'

His cudgel crashed down upon the meddler's head (его дубина с грохотом рухнула на голову вмешавшегося); there was a groan (там был = раздался стон), a dim form sank to the ground among the feet of the crowd (слабое тело упало на землю между ног толпы; *to sink* — *погружаться, тонуть*), and the next moment it lay there in the dark alone (и в следующее мгновение оно лежало там в темноте одно). The mob pressed on (толпа наседали), their enjoyment nothing disturbed by this episode (их веселье совершенно не нарушенное этим происшествием).

Presently the prince found himself in John Canty's abode (вскоре принц нашел себя = оказался в жилище Джона Кэнти), with the door closed against the outsiders (с дверью, закрытой от чужаков; *against* — *против*). By the vague

light of a tallow candle (при тусклом свете сальной свечи) which was thrust into a bottle (которая была вставлена в бутылку; *to thrust* — толкнуть, засунуть), he made out the main features of the loathsome den (он рассмотрел черты отвратительной трущобы), and also of the occupants of it (и также жителей ее). Two frowsy girls and a middle-aged woman (две неряшливые девочки и среднего возраста женщина) cowered against the wall in one corner (съежились у стены в углу), with the aspect of animals habituated to harsh usage (с видом животных, привыкших к грубому обращению), and expecting and dreading it now (и ожидающих и страшящихся его сейчас). From another corner stole a withered hag (из другого угла выползла дряхлая карга; *to steal* — красть(ся)) with streaming gray hair and malignant eyes (с развевающимися седыми волосами и злобными глазами). John Canty said to this one (Джон Кэнти сказал ей):

'Tarry (обожди)! There's fine mummeries here (тут чудесный балаган; *mummary* — рождественская пантомима; маскарад). Mar them not till thou'st enjoyed them (не прерывай его, пока не насладишься им; *to mar* — исказить, портить; 'st = hast — устар. вместо have); then let thy hand be heavy as thou wilt (тогда позволь своей руке быть (такой) тяжелой, как ты захочешь). Stand forth, lad (встань-ка тут, парень). Now say thy foolery again (теперь скажи свои глупости снова), an thou'st not forget it (если ты не забыл их). Name thy name (назови твое имя). Who art thou? (кто ты).

patience [ˈpeɪʃ(ə)ns], oaken [ˈəʊk(ə)n], feature [ˈfi:tʃə]

WE left John Canty dragging the rightful prince into Offal Court, with a noisy and delighted mob at his heels. There was but one person in it who offered a pleading word for the captive, and he was not heeded; he was hardly even heard, so great was the turmoil. The prince continued to struggle for freedom, and to rage against the treatment he was suffering, until John Canty lost what little patience was left in him, and raised his oaken cudgel in a

sudden fury over the prince's head. The single pleader for the lad sprang to stop the man's arm, and the blow descended upon his own wrist. Canty roared out:

'Thou'lt meddle, wilt thou? Then have thy reward.'

His cudgel crashed down upon the meddler's head; there was a groan, a dim form sank to the ground among the feet of the crowd, and the next moment it lay there in the dark alone. The mob pressed on, their enjoyment nothing disturbed by this episode.

Presently the prince found himself in John Canty's abode, with the door closed against the outsiders. By the vague light of a tallow candle which was thrust into a bottle, he made out the main features of the loathsome den, and also of the occupants of it. Two frowsy girls and a middle-aged woman cowered against the wall in one corner, with the aspect of animals habituated to harsh usage, and expecting and dreading it now. From another corner stole a withered hag with streaming gray hair and malignant eyes. John Canty said to this one:

'Tarry! There's fine mummeries here. Mar them not till thou'st enjoyed them; then let thy hand be heavy as thou wilt. Stand forth, lad. Now say thy foolery again, an thou'st not forget it. Name thy name. Who art thou?'

The insulted blood mounted (оскорбленная кровь поднялась) to the little prince's cheek once more (к щекам маленького принца снова) and he lifted a steady and indignant gaze (и он поднял твердый и негодующий взгляд на) to the man's face (на лицо этого человека), and said (и сказал):

"Tis but ill-breeding in such as thou (это только невоспитанность в таком, как ты) to command me to speak (приказывать мне говорить). I tell thee now (я говорю тебе сейчас), as I told thee before (как я сказал тебе прежде), I am Edward, Prince of Wales (я Эдуард, принц Уэльский), and none other (и никто другой).'

The stunning surprise of this reply (ошеломляющая удивительность этого ответа) nailed the hag's feet to the floor (пригвоздило ноги ведьмы к полу; *foot* — нога, ступня) where she stood (где она стояла; *to stand* — стоять), and almost took her breath (и почти забрало дыхание = лишило ее дыхания; *to take* — брать). She stared at the prince in stupid amazement (она уставилась на принца в глупом удивлении), which so amused her ruffianly son (которое так позабавило ее хулигана-сына; *ruffianly* — хулиганский) that he burst into a roar of laughter (что он разразился смехом; *roar* — рев). But the effect upon Tom Canty's mother and sisters was different (но действие на мать и сестер Тома Кэнти был иным). Their dread of bodily injury (их страх телесного повреждения) gave way at once to distress (дал место: «путь» сразу же печали) of a different sort (другого рода). They ran forward with woe and dismay in their faces (они выбежали вперед с горем и испугом на лицах; *to run* — бежать), exclaiming (воскликая):

'Oh, poor Tom, poor lad (о, бедный Том, бедный мальчуган)!

The mother fell on her knees before the prince (мать упала на колени перед принцем; *to fall* — падать), put her hands upon his shoulders (положила свои руки на его плечи; *to put* — класть), and gazed yearningly into his face through her rising tears (и взглянула тоскливо на его лицо сквозь подступающие слезы; *to rise* — подниматься). Then she said (затем она сказала):

'Oh, my poor boy (о, мой бедный мальчик)! thy foolish reading hath wrought its woeful work at last (твое глупое чтение совершило свою горестную работу наконец; *wrought* — устар. вместо *worked* от *to work* — работать), and ta'en thy wit away (и отняло у тебя твой ум; *ta'en* = *taken* от *to take* — брать). Ah (ах)! why didst thou cleave to it when I so warned thee 'gainst it (почему ты остался преданным этому /делу/, когда я так предупреждала тебя против этого; *to cleave* — привязаться, хранить верность = *to cling*)? Thou'st broke thy mother's heart (ты разбил мое материнское сердце; *to break* — ломать, бить, портить).'

The prince looked into her face (принц взглянул на ее лицо), and said gently (и сказал мягко):

'Thy son is well and hath not lost his wits (твой сын в порядке и не потерял разум), good dame (добрая дама). Comfort thee (успокойся); let me to the palace where he is (пустите меня во дворец, где он находится), and straightway will the king my father restore him to thee (и тут же король, мой отец, вернет его тебе).'
'The king thy father (король, твой отец)! Oh, my child (о, мое дитя)! unsay these words (возьми назад эти слова) that be freighted with death for thee (которые угрожают смертью тебе), and ruin for all that be near to thee (и разрушением всему, что близко тебе). Shake off this gruesome dream (стряхни с себя это ужасное сновидение). Call back thy poor wandering memory (призови обратно свою бедную блуждающую память). Look upon me (взгляни на меня). Am not I thy mother that bore thee (разве я не мать, которая родила тебя; *to bear* — *рождать*), and loveth thee (и любит тебя)?'

The prince shook his head (принц покачал своей головой), and reluctantly said (и неохотно сказал):

'God knoweth I am loath to grieve thy heart (ведает Бог, что я не хочу огорчать твое сердце); but truly have I never looked upon thy face before (но воистину я никогда не смотрел на твое лицо прежде). '

The woman sank back to a sitting posture on the floor (женщина опустилась назад в сидячее положение на полу), and, covering her eyes with her hands (и закрыв глаза руками), gave way to heartbroken sobs and wailings (дала дорогу горестным рыданиям и воплям).

'Let the show go on (пусть шоу продолжается)!' shouted Cauty (крикнул Кэнти). 'What, Nan (ну как, Нэн)! what, Bet (ну как, Бет)! Mannerless wenches (неотесанные девчонки)! will ye stand in the prince's presence (встанете ли вы в присутствии принца)? Upon your knees (на колени), ye pauper scum (вы, нищенское отродье), and do him reverence (и отвесьте ему поклоны)!'

He followed this with another horse-laugh (он продолжил = за этим последовал еще один приступ лошадиного смеха = грубого хохота). The girls began to

plead timidly for their brother (девушки начали вступаться осторожно за своего брата); and Nan said (и Нэн сказала):

'An thou wilt but let him to bed (только позволь ему /пойти/ в кровать = спать), father (отец), rest and sleep will heal his madness (отдых и сон излечит его безумие); prithee, do (прошу тебя, сделай /так/).'

'Do, father (сделай, отец),' said Bet (сказала Бет); 'he is more worn than is his wont (он более измотан, чем он привык: «есть его привычка»; *to wear* — *носить, изнурять*). To-morrow will he be himself again (завтра он будет самим собой снова), and will beg with diligence (и будет попрошайничать с рвением), and come not empty home again (и не придет пустой = с пустыми руками домой снова).'

breath [breθ], wander [ˈwɒndə], diligence [ˈdɪlɪɡəns]

The insulted blood mounted to the little prince's cheek once more, and he lifted a steady and indignant gaze to the man's face, and said:

'Tis but ill-breeding in such as thou to command me to speak. I tell thee now, as I told thee before, I am Edward, Prince of Wales, and none other.'

The stunning surprise of this reply nailed the hag's feet to the floor where she stood, and almost took her breath. She stared at the prince in stupid amazement, which so amused her ruffianly son that he burst into a roar of laughter. But the effect upon Tom Canty's mother and sisters was different. Their dread of bodily injury gave way at once to distress of a different sort. They ran forward with woe and dismay in their faces, exclaiming:

'Oh, poor Tom, poor lad!'

The mother fell on her knees before the prince, put her hands upon his shoulders, and gazed yearningly into his face through her rising tears. Then she said:

'Oh, my poor boy! thy foolish reading hath wrought its woeful work at last, and ta'en thy wit away. Ah! why didst thou cleave to it when I so warned thee 'gainst it? Thou'st broke thy mother's heart.'

The prince looked into her face, and said gently:

'Thy son is well and hath not lost his wits, good dame. Comfort thee; let me to the palace where he is, and straightway will the king my father restore him to thee.'

'The king thy father! Oh, my child! unsay these words that be freighted with death for thee, and ruin for all that be near to thee. Shake off this gruesome dream. Call back thy poor wandering memory. Look upon me. Am not I thy mother that bore thee, and loveth thee?'

The prince shook his head, and reluctantly said:

'God knoweth I am loath to grieve thy heart; but truly have I never looked upon thy face before.'

The woman sank back to a sitting posture on the floor, and, covering her eyes with her hands, gave way to heartbroken sobs and wailings.

'Let the show go on!' shouted Canty. 'What, Nan! what, Bet! Mannerless wenches! will ye stand in the prince's presence? Upon your knees, ye pauper scum, and do him reverence!'

He followed this with another horse-laugh. The girls began to plead timidly for their brother; and Nan said:

'An thou wilt but let him to bed, father, rest and sleep will heal his madness; prithee, do.'

'Do, father,' said Bet; 'he is more worn than is his wont. To-morrow will he be himself again, and will beg with diligence, and come not empty home again.'

This remark sobered the father's joviality (это замечание отрезвило веселость отца), and brought his mind to business (и обратило его ум к делу; *to bring* — *приносить*). He turned angrily upon the prince (он повернулся злобно к принцу), and said (и сказал):

'The morrow must we pay two pennies to him that owns this hole (завтра должны мы заплатить два пенни тому, кто владеет этой дырой); two pennies mark ye (два пенни, заметь) — all this money for a half-year's rent (все эти деньги в качестве аренды за полгода), else out of this we go (иначе вон отсюда мы уходим = должны будем уйти). Show what thou'st gathered with thy lazy begging (покажи, что ты собрал своим ленивым попрошайничеством).'

The prince said (принц сказал):

'Offend me not with thy sordid matters (не оскорбляй меня своими корыстными разговорами; *matter* — предмет /разговора/). I tell thee again I am the king's son (я говорю тебе опять, что я сын короля).'

A sounding blow (звонкий удар) upon the prince's shoulder (по плечу принца) from Canty's broad palm (от широкой ладони Кэнти) sent him staggering into good-wife Canty's arms (отправил его катящимся в руки жены Кэнти), who clasped him to her breast (которая прижала его к груди), and sheltered him from a pelting rain of cuffs and slaps (и укрыла его от хлещущего града пинков и ударов) by interposing her own person (подставив саму себя).

The frightened girls retreated to their corner (испуганные девочки вернулись в свой угол); but the grandmother stepped eagerly forward to assist her son (но бабушка выступила нетерпеливо, чтобы помочь сыну). The prince sprang away from Mrs. Canty (принц отпрыгнул от миссис Кэнти), exclaiming (воскликнув):

'Thou shalt not suffer for me, madam (вы не должны страдать из-за меня, мадам). Let these swine do their will upon me alone (пусть эти свиньи исполняют свои желания на мне одном).'

This speech infuriated the swine (эта речь взбесила свиней) to such a degree (до такой степени) that they set about their work without waste of time (что они принялись за работу без потери времени). Between them they belabored the boy (между собой они отколошматили мальчика) right soundly (очень сильно), and then gave the girls and their mother a beating (а затем задали девушкам и их

матери побоев) for showing sympathy for the victim (за проявление сочувствия жертве).

'Now (теперь),' said Cauty (сказал Кэнти), 'to bed, all of ye (в постель, все вы).

The entertainment has tired me (это развлечение утомило меня).'

The light was put out (свет был выключен), and the family retired (и семья легла спать: «удалилась»). As soon as the snorings of the head of the house and his

mother (как только храп главы дома и его матери) showed that they were asleep

(показал, что они спали), the young girls crept (молодые девушки проползли;

to creep — *ползти*) to where the prince lay (туда, где лежал принц; *to lie* —

лежать), and covered him tenderly from the cold with straw and rags (и укрыли

его нежно от холода соломой и тряпьем); and their mother crept to him also (и

их мать подползла к нему тоже), and stroked his hair (и гладила его волосы),

and cried over him (и плакала над ним), whispering broken words of comfort and

compassion in his ear the while (шепча несвязные слова жалости и сочувствия

ему одновременно; *the while* — *в то время как*). She had saved a morsel for him

to eat also (она сберегла кусочек для него, чтобы съесть также); but the boy's

pains had swept away all appetite (но боль мальчика уничтожила весь аппетит;

to sweep — *(с)местить; уничтожить*) — at least for black and tasteless crusts (по

крайней мере, к черным и безвкусным коркам). He was touched (он был

тронут) by her brave and costly defense of him (ее храброй и дорого ей

обошедшейся защиты его), and by her commiseration (и ее состраданием); and

he thanked her in very noble and princely words (и он поблагодарил ее очень

благородными и достойными принца словами), and begged her to go to sleep

and try to forget her sorrows (и попросил ее пойти спать и попытаться забыть

ее огорчения). And he added that the king his father would not let her loyal

kindness and devotion go unrewarded (и он добавил, что его отец, король, не

позволит ее верноподданной доброте и преданности остаться

невознагражденными). This return to his 'madness' (это возвращение к его

«безумству») broke her heart anew (разбило ее сердце снова), and she strained

him to her breast (и она прижимала к груди) again and again (снова и снова) and

then went back (и затем ушла обратно), drowned in tears (утонувшая в слезах), to her bed (в свою постель).

breast [brest], compassion [kəm`pæS(ə)n], unrewarded [Anrɪ`w0:did]

This remark sobered the father's joviality, and brought his mind to business. He turned angrily upon the prince, and said:

'The morrow must we pay two pennies to him that owns this hole; two pennies mark ye — all this money for a half-year's rent, else out of this we go. Show what thou'st gathered with thy lazy begging.'

The prince said:

'Offend me not with thy sordid matters. I tell thee again I am the king's son.'

A sounding blow upon the prince's shoulder from Canty's broad palm sent him staggering into good-wife Canty's arms, who clasped him to her breast, and sheltered him from a pelting rain of cuffs and slaps by interposing her own person.

The frightened girls retreated to their corner; but the grandmother stepped eagerly forward to assist her son. The prince sprang away from Mrs. Canty, exclaiming:

'Thou shalt not suffer for me, madam. Let these swine do their will upon me alone.'

This speech infuriated the swine to such a degree that they set about their work without waste of time. Between them they belabored the boy right soundly, and then gave the girls and their mother a beating for showing sympathy for the victim.

'Now,' said Canty, 'to bed, all of ye. The entertainment has tired me.'

The light was put out, and the family retired. As soon as the snorings of the head of the house and his mother showed that they were asleep, the young girls crept to where the prince lay, and covered him tenderly from the cold with straw and rags; and their mother crept to him also, and stroked his hair,

and cried over him, whispering broken words of comfort and compassion in his ear the while. She had saved a morsel for him to eat also; but the boy's pains had swept away all appetite — at least for black and tasteless crusts. He was touched by her brave and costly defense of him, and by her commiseration; and he thanked her in very noble and princely words, and begged her to go to sleep and try to forget her sorrows. And he added that the king his father would not let her loyal kindness and devotion go unrewarded. This return to his 'madness' broke her heart anew, and she strained him to her breast again and again and then went back, drowned in tears, to her bed.

As she lay thinking and mourning (пока она лежала, думая и скорбя), the suggestion began to creep into her mind (предположение начало закрадываться в ее ум) that there was an undefinable something (что было что-то неопределенное) about this boy (в этом мальчике) that was lacking (чего недоставало) in Tom Canty (в Томе Кэнти), mad or sane (сумасшедшем или здоровом). She could not describe it (она не могла описать это), she could not tell just what it was (она не могла сказать, что это было), and yet her sharp mother-instinct (и все же ее острый материнский инстинкт) seemed to detect it and perceive it (касалось, опознал и воспринял его). What if the boy were really not her son, after all (что если мальчик действительно был не ее сын, в конце концов)? Oh, absurd (ох, это абсурд)! She almost smiled at the idea (она почти улыбнулась этой мысли), spite of her griefs and troubles (несмотря на тревоги и горести). No matter (неважно), she found that it was an idea that would not 'down' (она обнаружила, что это была такая мысль, которая никак не проходила), but persisted in haunting her (но продолжала преследовать ее). It pursued her (она преследовала ее), it harassed her (она тревожила ее), it clung to her (она липла к ней; *to cling* — *липнуть, льнуть*), and refused to be put away or ignored (и отказывалась быть отложенной в сторону или игнорированной). At last she perceived (наконец она осознала) that there was not going to be any peace for her (что не будет ей никакого покоя) until she should devise a test

(пока она не изобретет способ проверки) that should prove (которая должна доказать), dearly and without question (дорого и без (дальнейших) вопросов), whether this lad was her son or not (был этот мальчик ее сыном или нет), and so banish these wearing and worrying doubts (и таким образом отогнать эти надоедливые и беспокоящие сомнения). Ah, yes (ах, да), this was plainly the right way out of the difficulty (это был точно правильный путь из этой сложной ситуации); therefore (поэтому), she set her wits to work at once (она принялась думать сразу же) to contrive that test (чтобы придумать эту проверку). But it was an easier thing to propose than to accomplish (но это было легче планировать, чем достигнуть). She turned over in her mind (она прокручивала в голове) one promising test after another (один многообещающий способ проверки за другим; *to promise* — *обещать*), but was obliged (но была вынуждена) to relinquish them all (отмести их все) — none of them were absolutely sure (ни один из них не был абсолютно верным), absolutely perfect (абсолютно совершенным); and an imperfect one could not satisfy her (а несовершенный не мог удовлетворить ее). Evidently she was racking her head in vain (очевидно, она ломала голову напрасно; *to rack* — *вздвигать на дыбу; мучить, пытаться; раздирать душу*) — it seemed manifest (казалось очевидным) that she must give the matter up (что она должна бросить эту затею; *to give up* — *бросить привычку, затею, сдаться*). While this depressing thought (пока эта гнетущая мысль) was passing through her mind (проходила через ее ум), her ear caught the regular breathing (ее ухо уловило равномерное дыхание) of the boy (мальчика), and she knew he had fallen asleep (и она поняла, что он заснул). And while she listened (и пока она слушала), the measured breathing was broken by a soft, startled cry (мерное дыхание было прервано мягким, испуганным криком), such as one utters in a troubled dream (как те, как человек: «один» издает в беспокойном сне). This chance occurrence furnished her instantly with a plan (эта случайность предоставила ей сразу план) worth all her labored tests combined (который стоил всех ее выдуманных проверок вместе взятых). She at once set herself feverishly, but

noiselessly, to work to relight her candle (она сразу же принялась лихорадочно, но бесшумно вновь зажигать свечу), muttering to herself (бормоча себе под нос: «к себе»), 'Had I but seen him *then* (если бы я только увидела его тогда), I should have known (я бы сразу узнала)! Since that day (с того дня), when he was little (когда он был маленький), that the powder burst in his face (когда порох взорвался у него перед лицом), he hath never been startled of a sudden out of his dreams or out of his thinkings (он никогда не просыпался ото сна или мыслей), but he hath cast his hand before his eyes (но он всегда вскидывал руку перед глазами = прикрывал глаза рукой), even as he did that day (точно так, как он сделал в тот день), and not as others would do it (и не так, как другие сделали бы), with the palm inward (ладонью внутрь), but always with the palm turned outward (но всегда ладонью наружу) — I have seen it a hundred times (я видела это сотню раз), and it hath never varied nor ever failed (и это никогда не изменялось, и никогда не исчезало). Yes, I shall soon know now (да, теперь я скоро (все) узнаю)!

refuse [rɪˈfjuːz], feverishly [ˈfiːvərɪʃli], furnish [ˈfʌːnɪʃ]

As she lay thinking and mourning, the suggestion began to creep into her mind that there was an undefinable something about this boy that was lacking in Tom Canty, mad or sane. She could not describe it, she could not tell just what it was, and yet her sharp mother-instinct seemed to detect it and perceive it. What if the boy were really not her son, after all? Oh, absurd! She almost smiled at the idea, spite of her griefs and troubles. No matter, she found that it was an idea that would not 'down', but persisted in haunting her. It pursued her, it harassed her, it clung to her, and refused to be put away or ignored. At last she perceived that there was not going to be any peace for her until she should devise a test that should prove, dearly and without question, whether this lad was her son or not, and so banish these wearing and worrying doubts. Ah, yes, this was plainly the right way out of the difficulty;

therefore, she set her wits to work at once to contrive that test. But it was an easier thing to propose than to accomplish. She turned over in her mind one promising test after another, but was obliged to relinquish them all — none of them were absolutely sure, absolutely perfect; and an imperfect one could not satisfy her. Evidently she was racking her head in vain — it seemed manifest that she must give the matter up. While this depressing thought was passing through her mind, her ear caught the regular breathing of the boy, and she knew he had fallen asleep. And while she listened, the measured breathing was broken by a soft, startled cry, such as one utters in a troubled dream. This chance occurrence furnished her instantly with a plan worth all her labored tests combined. She at once set herself feverishly, but noiselessly, to work to relight her candle, muttering to herself, 'Had I but seen him *then*, I should have known! Since that day, when he was little, that the powder burst in his face, he hath never been startled of a sudden out of his dreams or out of his thinkings, but he hath cast his hand before his eyes, even as he did that day, and not as others would do it, with the palm inward, but always with the palm turned outward — I have seen it a hundred times, and it hath never varied nor ever failed. Yes, I shall soon know now!'

By this time she had crept to the slumbering boy's side (к этому времени она подползла к боку дремлющего мальчика), with the candle shaded in her hand (с затененной свечой в руке). She bent heedfully and warily over him (она склонилась внимательно и осторожно над ним; *to bend* — *гнуть(ся)*), scarcely breathing (едва дыша), in her suppressed excitement (в подавленном возбуждении), and suddenly flashed the light in his face (и внезапно вспыхнула светом в его лицо) and struck the floor by his ear (и ударила в пол у его уха) with her knuckles (костяшками пальцев). The sleeper's eyes sprung wide open (глаза спящего раскрылись широко; *to spring* — *прыгать*; *open* — *открытый*), and he cast a startled stare about him (и он бросил испуганный

взгляд вокруг себя) — but he made no special movement with his hands (но он не сделал никакого особого движения своими руками).

The poor woman was smitten almost helpless with surprise and grief (бедная женщина была поражена почти беспомощно от изумления и горя = чуть не лишилась чувств от изумления и горя; *to smite* — *разбить, крушить*); but she contrived to hide her emotions (но она постаралась скрыть свои эмоции), and to soothe the boy to sleep again (и успокоить мальчика чтобы уснуть опять); then she crept apart (затем она отползла прочь) and communed miserably with herself upon the disastrous result of her experiment (и поговорила удрученно сама с собой о страшном результате ее эксперимента; *disaster* — *бедствие; disastrous* — *бедственный, гибельный, пагубный*). She tried to believe that her Tom's madness had banished this habitual gesture of his (она старалась поверить, что безумство Тома подавило это его обычное движение); but she could not do it (но она не могла сделать этого). 'No (нет),' she said (она сказала), 'his *hands* are not mad (его руки не безумны), they could not unlearn so old a habit in so brief a time (они не могли отучиться от такой старой привычки за столь короткое время). Oh, this is a heavy day for me (о, это тяжелый день для меня)!'

Still, hope was as stubborn now as doubt had been before (все же надежда была такой же упрямой, как сомнение было ранее); she could not bring herself to accept (она не могла заставить себя принять) the verdict of the test (результат проверки); she must try the thing again (она должна испытать это снова) — the failure must have been only an accident (провал, должно быть, был всего лишь случайностью); so she startled the boy out of his sleep a second and a third time (так что она испугала мальчика из сна = пугала и будила мальчика во второй и в третий раз), at intervals (с перерывами) — with the same result which had marked the first test (с тем же самым результатом, который отметила первая проверка) — then she dragged herself to bed (затем она потащила в кровать), and fell sorrowfully asleep (и с грустью заснула), saying (говоря), 'But I cannot give him up (но я не могу бросить его) — oh, no, I cannot (о нет, я не могу) —

he *must* be my boy (он должен быть моим мальчиком = он, должно быть (все же), мой мальчик)!'

The poor mother's interruptions having ceased (/когда/ прерывания бедной матери прекратились = когда она перестала будить принца; *to cease* — *прекращать(ся)*), and the prince's pains having gradually lost their power to disturb him (и (когда) боли принца постепенно утратили свою силу беспокоить его), utter weariness at last sealed his eyes in a profound and restful sleep (крайняя усталость наконец закрыла ему глаза в глубокий и освежающий сон; *to seal* — *закрывать, замазывать, скрепить печатью*). Hour after hour slipped away (час за часом ускользал прочь), and still he slept like the dead (и все еще он спал как мертвый; *to sleep* — *спать*). Thus four or five hours passed (так прошло четыре или пять часов). Then his stupor began to lighten (затем его оцепенение стало ослабевать: «смягчаться»). Presently, while half asleep and half awake (вскоре, будучи наполовину спящим и наполовину бодрствующим; *while* — *пока*), he murmured (он пробормотал):

'Sir William (сэр Уильям)!'

After a moment (через мгновение):

'Но, Sir William Herbert (эй, сэр Уильям Герберт)! Hie thee hither (поспеши сюда — *устар.*), and list to the strangest dream that ever (и послушай самый странный сон, который когда-либо; *to list* вместо *to listen* — *слушать*)... Sir William (сэр Уильям)! Dost hear (ты слышишь)? Man, I did think me changed to a pauper (Господи, я думал (что) меня превратили в нищего: «я полагал себя превращенным...»), and (и)... Но there (эй там)! Guards (стража)! Sir William (сэр Уильям)! What (как)! is there no groom of the chamber in waiting (неужели нет ожидающего лакея)? Alack it shall go hard with (увы, случится тяжелое с = кому-то придется туго) —'

'What aileth thee (что у тебя болит — *устар.*; *to ail* — *болеть*; *thee* — *тебе*)?' asked a whisper near him (спросил шепот рядом с ним). 'Who art thou calling (кого ты зовешь)?'

'Sir William Herbert (сэра Уильяма Герберта). Who art thou (кто ты)?'

'I (я)? Who should I be, but thy sister Nan (кем мне быть, как не твоей сестрой Нэн)? Oh, Tom, I had forgot (ох, Том, я забыла)! Thou'rt mad yet (ты безумен еще) — poor lad thou'rt mad yet (бедный мальчик, ты безумен еще), would I had never woke to know it again (чтобы мне не проснуться чтобы узнать это)! But, prithee (но прошу тебя), master thy tongue (держи свой язык за зубами: «владей своим языком»), lest we be all beaten till we die (чтобы мы не были забиты до смерти: «пока мы не умрем»)!'

The startled prince sprang partly up (испуганный принц вскочил частично), but a sharp reminder from his stiffened bruises brought him to himself (но резкое напоминание от его болящих синяков вернуло его к себе = привело его в сознание; *to stiffen* — *затвердевать*) and he sunk back among his foul straw with a moan and the ejaculation (и он упал обратно среди своей зловонной соломы со стоном и восклицанием):

'Alas (увы), it was no dream, then (это был не сон, тогда = в таком случае)!'

In a moment all the heavy sorrow and misery which sleep had banished were upon him again (через мгновение вся тяжелая грусть и страдание, которые сон прогнал, были на нем опять), and he realized that he was no longer a petted prince in a palace (и он осознал, что он не был больше обласканным принцем во дворце), with the adoring eyes of a nation upon him (под обожающим взглядом народа: «с обожающими глазами нации на нем»), but a pauper (но нищим), an outcast (изгоем), clothed in rags (одетым в лохмотья), prisoner in a den fit only for beasts (узником в конуре, подходящей только для зверей), and consorting with beggars and thieves (и якшающимся с попрошайками и ворами).

scarcely [ˈskeəslɪ], bruise [bruːz], failure [ˈfeɪljə]

By this time she had crept to the slumbering boy's side, with the candle shaded in her hand. She bent heedfully and warily over him, scarcely breathing, in her suppressed excitement, and suddenly flashed the light in his

face and struck the floor by his ear with her knuckles. The sleeper's eyes sprung wide open, and he cast a startled stare about him — but he made no special movement with his hands.

The poor woman was smitten almost helpless with surprise and grief; but she contrived to hide her emotions, and to soothe the boy to sleep again; then she crept apart and communed miserably with herself upon the disastrous result of her experiment. She tried to believe that her Tom's madness had banished this habitual gesture of his; but she could not do it. 'No,' she said, 'his *hands* are not mad, they could not unlearn so old a habit in so brief a time. Oh, this is a heavy day for me!'

Still, hope was as stubborn now as doubt had been before; she could not bring herself to accept the verdict of the test; she must try the thing again — the failure must have been only an accident; so she startled the boy out of his sleep a second and a third time, at intervals — with the same result which had marked the first test — then she dragged herself to bed, and fell sorrowfully asleep, saying, 'But I cannot give him up — oh, no, I cannot — he *must* be my boy!'

The poor mother's interruptions having ceased, and the prince's pains having gradually lost their power to disturb him, utter weariness at last sealed his eyes in a profound and restful sleep. Hour after hour slipped away, and still he slept like the dead. Thus four or five hours passed. Then his stupor began to lighten. Presently, while half asleep and half awake, he murmured:

'Sir William!'

After a moment:

'Ho, Sir William Herbert! Hie thee hither, and list to the strangest dream that ever.... Sir William! Dost hear? Man, I did think me changed to a pauper, and... Ho there! Guards! Sir William! What! is there no groom of the chamber in waiting? Alack it shall go hard with —'

'What aileth thee?' asked a whisper near him. 'Who art thou calling?'

'Sir William Herbert. Who art thou?'

'I? Who should I be, but thy sister Nan? Oh, Tom, I had forgot! Thou'rt mad yet — poor lad thou'rt mad yet, would I had never woke to know it again! But, prithee, master thy tongue, lest we be all beaten till we die!'

The startled prince sprang partly up, but a sharp reminder from his stiffened bruises brought him to himself, and he sunk back among his foul straw with a moan and the ejaculation:

'Alas, it was no dream, then!'

In a moment all the heavy sorrow and misery which sleep had banished were upon him again, and he realized that he was no longer a petted prince in a palace, with the adoring eyes of a nation upon him, but a pauper, an outcast, clothed in rags, prisoner in a den fit only for beasts, and consorting with beggars and thieves.

In the midst of his grief he began to be conscious of hilarious noises and shoutings (в середине своего горя = охваченный горем он начал замечать буйные шумы и крики; *conscious* — *сознающий*), apparently but a block or two away (по-видимому, лишь домом-другим: «или двумя» дальше). The next moment there were several sharp raps at the door (в следующий момент были = раздались несколько резких ударов в дверь); John Canty ceased from snoring and said (Джон Кэнти прекратил храпеть и сказал; *to snore*):

'Who knocketh (кто стучит)? What wilt thou (чего ты хочешь)?'

A voice answered (голос ответил):

'Know'st thou who it was thou laid thy cudgel on (знаешь ты, кто это был, на кого ты положил дубину = кого ты прибил дубиной)?'

'No (нет). Neither know I, nor care (не знаю и знать не хочу; *to care* — *заботиться, беспокоиться, тревожиться*).'

'Belike thou'lt change thy note eftsoons (похоже, ты вскоре поменяешь ноту = заговоришь по-иному; *eftsoons* — *устар. вместо soon* — *скоро*). An thou would save thy neck (если ты хотел бы спасти свою шею), nothing but flight may stead thee (ничто, кроме побега, не может спасти тебя). The man is this

moment delivering up the ghost (этот человек в настоящий момент отдает дух). 'Tis the priest (это священник), Father Andrew (отец Эндрю)!

'God-a-mercy (Господи помилуй)!' exclaimed Canty (воскликнул Кэнти). He roused his family (он поднял на ноги семью), and hoarsely commanded (и хрипло приказал), 'Up with ye all and fly (вверх = вставайте все и полетели = побежали) — or bide where ye are (или оставайтесь, где вы есть) and perish (и погибайте)!'!

Scarcely five minutes later (едва пять минут спустя) the Canty household (дом Кэнти) were in the street (были на улице) and flying for their lives (и летел = бежали ради своей жизни). John Canty held the prince by the wrist (Джон Кэнти держал принца за запястье), and hurried him along the dark way (и торопил его вдоль темной улицы), giving him this caution in a low voice (давая ему предупреждение тихим голосом):

'Mind thy tongue (слеги за своим языком = держи язык за зубами), thou mad fool (ты сумасшедший дурак), and speak not our name (и не произноси наше имя). I will choose me a new name (я выберу себе новое имя), speedily (скоро), to throw the law's dogs off the scent (чтобы сбить легавых со следа; *to throw* — *кидать*; *law* — *закон*; *dog* — *собака*; *scent* — *запах*). Mind thy tongue, I tell thee (держи язык за зубами, я говорю тебе)!'!

He growled these words to the rest of the family (он прорычал эти слова остальной части семьи):

'If it so chance that we be separated (если так случится, что мы будем разлучены), let each make for London Bridge (пусть каждый держит путь на Лондонский мост); whoso findeth himself as far as the last linen-draper's shop (кто найдет себя = окажется так далеко, как у последней лавки суконщика) on the bridge (на мосту), let him tarry there (пусть ждет там) till the others be come (пока остальные не придут), then will we flee into Southwark together (затем мы убежим в Саутварк вместе).'

At this moment the party (в этот момент компания = семья Кэнти) burst suddenly out of darkness into light (вырвалась внезапно из тьмы в свет); and not

only into light (и не только в свет), but into the midst of a multitude (но в самую середину толпы) of singing, dancing, and shouting people (поющих, танцующих и кричащих людей), massed together (собранных вместе) on the river-frontage (у реки; *frontage* — участок земли, прилегающий к реке). There was a line of bonfires stretching (там была линия костров, тянувшихся) as far as one could see (так далеко, как человек мог видеть = насколько хватало глаз), up and down the Thames (вверх и вниз по Темзе); London Bridge was illuminated (Лондонский мост был освещен); Southwark Bridge likewise (Саутворкский мост также); the entire river was aglow (вся река была пламенеющей) with the flash and sheen of colored lights (от вспышек и сияния цветных огней), and constant explosions of fireworks (и постоянные взрывы фейерверков) filled the skies with an intricate commingling of shooting splendors (наполняли небо замысловатым смешением выстреливающих красот) and a thick rain of dazzling sparks (и толстым = мощным дождем мерцающих искр) that almost turned night into day (которые почти превращали ночь в день); everywhere were crowds of revelers (езде были толпы веселящихся людей); all London seemed to be at large (весь Лондон высыпал на улицу; *large* — большой; многочисленный).

flight [flaɪt], wrist [rɪst], intricate [ˈɪntrɪkət]

In the midst of his grief he began to be conscious of hilarious noises and shoutings, apparently but a block or two away. The next moment there were several sharp raps at the door; John Canty ceased from snoring and said:

'Who knocketh? What wilt thou?'

A voice answered:

'Know'st thou who it was thou laid thy cudgel on?'

'No. Neither know I, nor care.'

'Belike thou'lt change thy note eftsoons. An thou would save thy neck, nothing but flight may stead thee. The man is this moment delivering up the ghost.

'Tis the priest, Father Andrew!'

'God-a-mercy!' exclaimed Canty. He roused his family, and hoarsely commanded, 'Up with ye all and fly — or bide where ye are and perish!'

Scarcely five minutes later the Canty household were in the street and flying for their lives. John Canty held the prince by the wrist, and hurried him along the dark way, giving him this caution in a low voice:

'Mind thy tongue, thou mad fool, and speak not our name. I will choose me a new name, speedily, to throw the law's dogs off the scent. Mind thy tongue, I tell thee!'

He growled these words to the rest of the family:

'If it so chance that we be separated, let each make for London Bridge; whoso findeth himself as far as the last linen-draper's shop on the bridge, let him tarry there till the others be come, then will we flee into Southwark together.'

At this moment the party burst suddenly out of darkness into light; and not only into light, but into the midst of a multitude of singing, dancing, and shouting people, massed together on the river-frontage. There was a line of bonfires stretching as far as one could see, up and down the Thames; London Bridge was illuminated; Southwark Bridge likewise; the entire river was aglow with the flash and sheen of colored lights, and constant explosions of fireworks filled the skies with an intricate commingling of shooting splendors and a thick rain of dazzling sparks that almost turned night into day; everywhere were crowds of revelers; all London seemed to be at large.

John Canty delivered himself of a furious curse (Джон Кэнти разразился яростным ругательством) and commanded a retreat (и скомандовал отступление); but it was too late (но было слишком поздно). He and his tribe were swallowed up (он и его племя были проглочены) in that swarming hive of humanity (в этом кишачий улей людей), and hopelessly separated from each

other in an instant (и безнадежно разлучены друг от друга в мгновение). We are not considering that the prince was one of his tribe (мы не считаем, что что принц был один из его племени); Cauty still kept his grip upon him (Кэнти все еще держал свою хватку на нем; *to keep* — *хранить, держать*). The prince's heart was beating high (сердце принца колотилось бешено: «высоко») with hopes of escape now (от надежды на побег сейчас). A burly waterman (дюжий лодочник), considerably exalted with liquor (изрядно возбужденный спиртными напитками), found himself rudely shoved (нашел себя = оказался грубо отодвинутым; *to shove* — *толкать*) by Cauty (Кэнти) in his efforts to plow through the crowd (в его усилиях проложить путь через толпу; *to plough* — *пахать, бороздить*); he laid his great hand on Cauty's shoulder and said (он положил свою огромную ручищу на плечо Кэнти и сказал):

'Nay, whither so fast, friend (но куда так быстро, друг)? Dost canker thy soul with sordid business (ты губишь свою душу грязным делом) when all that be leal men and true make holiday (когда все, кто есть честные люди и правдивые, делают праздник = празднуют)?'

'Mine affairs are mine own (мои дела только мои собственные), they concern thee not (они тебя не касаются),' answered Cauty, roughly (ответил Кэнти резко); 'take away thy hand and let me pass (убери прочь твою руку и дай мне пройти).'

'Sith that is thy humor (если таков твой нрав), thou'lt *not* pass (ты не пройдешь) till thou'st drunk to the Prince of Wales, I tell thee that (пока не выпьешь за Принца Уэльского, я говорю тебе это; *to drink* — *пить*),' said the waterman (сказал лодочник), barring the way resolutely (преграждая путь решительно). 'Give me the cup, then (дай мне чашу тогда), and make speed, make speed (и поторопись, поторопись: «делай скорость»).'

Other revelers were interested by this time (остальные веселящиеся люди были заинтересованы к этому времени). They cried out (они выкрикивали):

'The loving-cup (круговую чашу: «чашу любви»), the loving-cup (круговую чашу)! make the sour knave drink the loving-cup (заставьте этого угрюмого

плута/негодяя выпить круговую чашу), else will we feed him to the fishes (иначе мы скормим его рыбам; *to feed* — *питать*).'

So a huge loving-cup was brought (так что огромная круговая чаша была принесена; *to bring* — *приносить*); the waterman, grasping it by one of its handles (лодочник, схватив ее за одну из ее ручек), and with his other hand bearing up the end of an imaginary napkin (а другой рукой поддерживая край воображаемой салфетки), presented it in due and ancient form to Canty (преподнес ее подобающим и древним образом Кэнти), who had to grasp the opposite handle with one of his hands (которому пришлось схватить противоположную ручку одной из своих рук) and take off the lid with the other (и снять крышку другой), according to ancient custom (в соответствии с древним обычаем). This left the prince hand-free for a second, of course (это оставило принца свободным: «свободным от рук» на секунду, конечно). He wasted no time (он не тратил зря времени), but dived among the forest of legs about him (но нырнул в лес ног вокруг него; *among* — *посреди*) and disappeared (и исчез). In another moment he could not have been harder to find, under that tossing sea of life, if its billows had been the Atlantic's and he a lost sixpence (в следующее мгновение его было бы не сложнее найти в этом волнующемся живом море, если бы его волны были Атлантическим океаном, а он сам — потерянной шестипенсовой монеткой = через минуту найти его в этом живом волнующемся море было так же трудно, как найти шестипенсовую монетку, брошенную в Атлантический океан).

He very soon realized this fact (он очень скоро осознал этот факт), and straightway busied himself about his own affairs without further thought of John Canty (и тут же озаботился своими собственными делами без дальнейшей мысли о Джоне Кэнти). He quickly realized another thing, too (он быстро сообразил еще одну вещь тоже). To wit (то есть), that a spurious Prince of Wales (что лже-принц Уэльский) was being feasted by the city (чувствовался городом) in his stead (вместо него). He easily concluded that the pauper lad, Tom Canty (он легко заключил, что мальчишка-нищий, Том Кэнти), had

deliberately taken advantage (намеренно воспользовался: «взял преимущество») of his stupendous opportunity (своей изумительной возможностью) and become a usurper (и стал узурпатором).

Therefore there was but one course to pursue (в таком случае не оставалось ничего другого как: «оставался только один путь, по которому следовало идти) — find his way to the Guildhall (найти свой путь = разыскать дорогу в ратушу), make himself known (объявить о себе: «сделать себя известным»), and denounce the impostor (и обличить самозванца). He also made up his mind (он также решил: «составил свои мысли») that Tom should be allowed a reasonable time for spiritual preparation (что Тому должно позволить = предоставить разумное время для духовной подготовки), and then be hanged (а затем (он должен) быть повешен), drawn (вздернут на дыбу; *to draw* — *тянуть*), and quartered (и четвертован), according to the law and usage of the day (в соответствии с законом и обычаем того времени), in cases of high treason (в случаях государственной: «высокой» измены).

furious [ˈfjuːrɪəs], affair [əˈfeə], opportunity [ɒpəˈtjuːnɪti]

John Canty delivered himself of a furious curse and commanded a retreat; but it was too late. He and his tribe were swallowed up in that swarming hive of humanity, and hopelessly separated from each other in an instant. We are not considering that the prince was one of his tribe; Canty still kept his grip upon him. The prince's heart was beating high with hopes of escape now. A burly waterman, considerably exalted with liquor, found himself rudely shoved by Canty in his efforts to plow through the crowd; he laid his great hand on Canty's shoulder and said:

'Nay, whither so fast, friend? Dost canker thy soul with sordid business when all that be leal men and true make holiday?'

'Mine affairs are mine own, they concern thee not,' answered Canty, roughly; 'take away thy hand and let me pass.'

'Sith that is thy humor, thou'lt *not* pass till thou'st drunk to the Prince of Wales, I tell thee that,' said the waterman, barring the way resolutely.

'Give me the cup, then, and make speed, make speed.'

Other revelers were interested by this time. They cried out:

'The loving-cup, the loving-cup! make the sour knave drink the loving-cup, else will we feed him to the fishes.'

So a huge loving-cup was brought; the waterman, grasping it by one of its handles, and with his other hand bearing up the end of an imaginary napkin, presented it in due and ancient form to Canty, who had to grasp the opposite handle with one of his hands and take off the lid with the other, according to ancient custom. This left the prince hand-free for a second, of course. He wasted no time, but dived among the forest of legs about him and disappeared. In another moment he could not have been harder to find, under that tossing sea of life, if its billows had been the Atlantic's and he a lost sixpence.

He very soon realized this fact, and straightway busied himself about his own affairs without further thought of John Canty. He quickly realized another thing, too. To wit, that a spurious Prince of Wales was being feasted by the city in his stead. He easily concluded that the pauper lad, Tom Canty, had deliberately taken advantage of his stupendous opportunity and become a usurper.

Therefore there was but one course to pursue — find his way to the Guildhall, make himself known, and denounce the impostor. He also made up his mind that Tom should be allowed a reasonable time for spiritual preparation, and then be hanged, drawn, and quartered, according to the law and usage of the day, in cases of high treason.

CHAPTER XI (Глава одиннадцатая)

At Guildhall (В Ратуше)

THE royal barge (королевская баржа), attended by its gorgeous fleet (сопровожаемая великолепным флотом), took its stately way (пустилась в свой величественный путь; *to take* — *брать*) down the Thames through the wilderness of illuminated boats (вниз по Темзе сквозь джунгли освещенных лодок; *wilderness* — *девственная природа, дебри*). The air was laden with music (воздух был нагружен = напоен музыкой); the river-banks were beruffled with joy-flames (берега реки были оживлены факелами; *to ruffle* — *рябить /воду/*); the distant city lay in a soft luminous glow from its countless invisible bonfires (далекий город лежал в мягком светящемся отблеске от его бесчисленных невидимых костров; *to lie* — *лежать*); above it rose many a slender spire into the sky (над ним поднимались многие тонкие шпили в небо; *to rise* — *подниматься*; *many a spire* (устар.) = *many spires*), incrustated with sparkling lights (инкрустированные мерцающим светом), wherefore in their remoteness (откуда в своем отдалении; *remote* — *отдаленный*) they seemed like jeweled lances thrust aloft (они выглядели, как украшенные драгоценностями копья, торчащие ввысь); as the fleet swept along (пока флотилия проплывала мимо), it was greeted (ее приветствовали) from the banks (с берегов) with a continuous hoarse roar of cheers (продолжительным хриплым ревом = криком приветствий) and the ceaseless flash and boom of artillery (и непрерывным сверканием и громоханием артиллерии).

To Tom Canty (для Тома Кэнти), half buried in his silken cushions (наполовину погребенного в своих шелковых подушках), these sounds and this spectacle were a wonder unspeakably sublime and astonishing (эти звуки и это зрелище были чудом, невыразимо прекрасным и ошеломительным). To his little friends at his side (для его маленьких друзей), the Princess Elizabeth and the Lady Jane Grey (принцессы Элизабет и леди Джейн Грей), they were nothing (они были ничем = ничем особенным).

Arrived at the Dowgate (прибыв в Доугейт), the fleet was towed up (флотилия была притянута канатами вверх по) the limpid Walbrook (прозрачному Уолбруку) whose channel has now been for two centuries buried out of sight under acres of buildings (чьё русло в течение двух веков было погребено из виду = не было видно под акрами строений) to Bucklersbury (к Баклсбери), past houses and under bridges (мимо домов и под мостами) populous with merry-makers and brilliantly lighted (наполненных гуляками и ярко подсвеченных; *merry* — веселый, веселье), and at last came to a halt (и наконец встали на прикол; *halt* — остановка) in a basin where now is Barge Yard (в бухте, где сейчас Бардж-Ярд), in the center of the ancient city of London (в центре древнего города Лондона). Tom disembarked (Том сошел на землю), and he and his gallant procession crossed Cheapside (и он и его блистательный кортеж пересекли Чипсайд) and made a short march through the Old Jewry and Basinghall Street to the Guildhall (и совершили короткий марш через Старое Гетто и Бейсингхолл-стрит к Ратуше).

Tom and his little ladies were received with due ceremony (Том и его маленькие дамы были приняты с подобающей церемонией) by the Lord Mayor and the Fathers of the City (лорд-мэром и Отцами Города), in their gold chains and scarlet robes of state (в их золотых цепях и алых парадных мантиях), and conducted to a rich canopy of state (и отведены к богатому парадному балдахину) at the head of the great hall (во главе большого зала), preceded by heralds making proclamation (с идущими впереди герольдами, выкликающими сообщение (о них); *to precede* — предшествовать; *proclamation* — объявление, воззвание, провозглашение), and by the Mace and the City Sword (и Жезлом и Городским Мечом). The lords and ladies who were to attend upon Tom and his two small friends (господа и дамы, которые должны были прислуживать Тому и его двум маленьким подругам) took their places behind their chairs (заняли свои места за их стульями).

At a lower table (у более низкого стола) the court grandees (вельможи двора) and other guests of noble degree (и другие гости дворянского сословия) were

seated (были усажены), with the magnates of the city (с виднейшими гражданами города); the commoners (члены Палаты Общин) took places at a multitude of tables (заняли места за большим количеством столов) on the main floor of the hall (на главном ярусе зала). From their lofty vantage-ground (со своего высокого местоположения; *vantage-ground* — командная высота), the giants Gog and Magog (гиганты Гог и Магог), the ancient guardians of the city (древние стражники города), contemplated the spectacle below them (обозревали зрелище снизу от них) with eyes grown familiar to it in forgotten generations (глазами, ставшими привычными к этому за забытые поколения). There was a bugle-blast (там был = раздался звук рога) and a proclamation (и объявление), and a fat butler (и толстый дворецкий) appeared in a high perch in the leftward wall (показался на высоком карнизе в стене по левую руку), followed by his servitors («следуемый» = за ним следовали слуги) bearing with impressive solemnity (несущие с впечатляющей торжественностью) a royal Baron of Beef (королевское говяжье филе), smoking hot and ready for the knife (дымящееся горячо и готовое к ножу).

After grace (после молитвы), Tom (being instructed) (Том, будучи проинструктирован) rose (встал; *to rise* — вставать) — and the whole house with him (и все присутствующие с ним) — and drank from a portly golden loving-cup (и выпил из внушительной золотой круговой чаши) with the Princess Elizabeth (с принцессой Элизабет); from her it passed to the Lady Jane (от нее она перешла к леди Джейн), and then traversed the general assemblage (и затем обошла все собрание). So the banquet began (так пир начался).

continuous [kən`tɪnjuəs], jewry [ˈdʒuəri], receive [rɪ`si:v]

THE royal barge, attended by its gorgeous fleet, took its stately way down the Thames through the wilderness of illuminated boats. The air was laden with music; the river-banks were beruffled with joy — flames; the distant city lay in a soft luminous glow from its countless invisible bonfires; above it rose

many a slender spire into the sky, incrusting with sparkling lights, wherefore in their remoteness they seemed like jeweled lances thrust aloft; as the fleet swept along, it was greeted from the banks with a continuous hoarse roar of cheers and the ceaseless flash and boom of artillery.

To Tom Canty, half buried in his silken cushions, these sounds and this spectacle were a wonder unspeakably sublime and astonishing. To his little friends at his side, the Princess Elizabeth and the Lady Jane Grey, they were nothing.

Arrived at the Dowgate, the fleet was towed up the limpid Walbrook (**whose channel has now been for two centuries buried out of sight under acres of buildings**) to Bucklersbury, past houses and under bridges populous with merry-makers and brilliantly lighted, and at last came to a halt in a basin where now is Barge Yard, in the center of the ancient city of London. Tom disembarked, and he and his gallant procession crossed Cheapside and made a short march through the Old Jewry and Basinghall Street to the Guildhall. Tom and his little ladies were received with due ceremony by the Lord Mayor and the Fathers of the City, in their gold chains and scarlet robes of state, and conducted to a rich canopy of state at the head of the great hall, preceded by heralds making proclamation, and by the Mace and the City Sword. The lords and ladies who were to attend upon Tom and his two small friends took their places behind their chairs.

At a lower table the court grandees and other guests of noble degree were seated, with the magnates of the city; the commoners took places at a multitude of tables on the main floor of the hall. From their lofty vantage-ground, the giants Gog and Magog, the ancient guardians of the city, contemplated the spectacle below them with eyes grown familiar to it in forgotten generations. There was a bugle-blast and a proclamation, and a fat butler appeared in a high perch in the leftward wall, followed by his servitors bearing with impressive solemnity a royal Baron of Beef, smoking hot and ready for the knife.

After grace, Tom (**being instructed**) rose — and the whole house with him — and drank from a portly golden loving-cup with the Princess Elizabeth; from her it passed to the Lady Jane, and then traversed the general assemblage. So the banquet began.

By midnight the revelry was at its height (к полуночи пирушка была «на своей высоте» = в самом разгаре). Now came one of those picturesque spectacles (теперь началось одно из тех живописных зрелищ) so admired (которым так любовались) in that old day (в том старое время). A description of it is still extant in the quaint wording of a chronicler who witnessed it (описание его до сих пор сохранилось в старомодном изложении хроникера, который стал его свидетелем):

'Space being made (когда пространство было сделано = расчищено), presently entered a baron and an earl (вскоре вошли барон и граф) appareled after the Turkish fashion (наряженные по турецкой моде) in long robes of bawdkin powdered with gold (в длинные платья из парчи, усыпанной золотом); hats on their heads of crimson velvet (шляпы на их головах из малинового бархата), with great rolls of gold (с большими «трубочками» из золота), girded with two swords (опоясанные двумя мечами), called simitars (называемыми симитары), hanging by great bawdricks of gold (свисающими на поясах из золота). Next came yet another baron and another earl (затем вошли еще один барон и еще один граф; *to come* — *приходить*), in two long gowns of yellow satin (в двух длинных одеждах из желтого атласа), traversed with white satin (пересеченных белым атласом), and in every bend of white was a bend of crimson satin (и в каждой полосе белого была полоса малинового атласа), after the fashion of Russia (по русской моде), with furred hats of gray (с меховыми шапками серого цвета) on their heads (на их головах); either of them having an hatchet in their hands (каждый из них имеющий топорик в руках), and boots with pykes points a foot long (и башмаки с носами в фут длиной), turned up (поднятыми кверху). And after them came a knight (а после них пришел рыцарь), then the Lord High

Admiral (затем лорд-адмирал), and with him five nobles (и с ним пять дворян), in doublets of crimson velvet (в камзолах из малинового бархата), voyded low on the back and before to the cannel-bone, laced on the breasts with chains of silver (низко вырезанных сзади, а спереди — до самых ключиц, завязанные на груди серебряными цепочками); and, over that (и, поверх этого), short cloaks of crimson satin (короткие плащи из малинового атласа), and on their heads (а на их головах) hats after the dancers' fashion (шляпы по моде танцоров), with pheasants' feather in them (с фазаньим пером в них). These were appareled after the fashion of Prussia (эти были наряжены по моде Пруссии). The torch-bearers (факельщики), which were about an hundred (которых было около сотни), were appareled in crimson satin and green (были одеты в малиновый атлас и зеленый), like Moors (как мавры), their faces black (их лица были черными). Next came in a mommarye (затем вошли ряженные). Then the minstrels (затем менестрели), which were disguised (которые были замаскированы), danced (плясали); and the lords and ladies did wildly dance also (и господа и дамы рьяно: «дико» отплясывали тоже), that it was a pleasure to behold (так что это было удовольствие смотреть).'

And while Tom, in his high seat (и пока Том в своем высоком сиденьи), was gazing upon this 'wild' dancing (смотрел на этот бешеный танец), lost in admiration of the dazzling commingling of kaleidoscopic colors (погрузившийся в любованье мерцающей смеси калейдоскопических цветов) which the whirling turmoil of gaudy figures (которую крутящийся круговорот пестрых фигур) below him presented (под ним представлял), the ragged but real Little Prince of Wales (потрепанный, но настоящий маленький принц Уэльский) was proclaiming his rights and his wrongs (рассказывал все о себе: «добро и зло»), denouncing the impostor (обличая самозванца), and clamoring for admission at the gates of Guildhall (и шумно требуя, чтобы его пропустили к воротам Ратуши)! The crowd enjoyed this episode prodigiously (толпа наслаждалась этой сценой колоссально), and pressed forward (и наседали) and craned their necks to see the small rioter (и свернула шеи, чтобы увидеть маленького

бунтаря; *riot* — *бунт*). Presently they began to taunt him and mock at him (вскоре они начали насмеяться над ним и дразнить его), purposely to goad him (с целью побудить его) into a higher and still more entertaining fury (к еще более высокой = сильной и еще более веселящей ярости). Tears of mortification sprung to his eyes (слезы обиды подступили к его глазам), but he stood his ground (но он стоял на своем) and defied the mob right royally (и бросал вызов толпе по-королевски). Other taunts followed (другие = новые насмешки последовали), added mockings stung him (добавленные издевки жалили его; *to sting* — *жалить*), and he exclaimed (и он воскликнул):

'I tell ye again (я говорю вам снова = повторяю вам), you pack of unmannerly curs (вы, куча невоспитанных дворняг), I am the Prince of Wales (я принц Уэльский)! And all forlorn and friendless as I be (и совершенно брошен я и без друзей), with none to give me word of grace or help me in my need (и никого, кто бы произнес слово милости или помог мне в моей нужде), yet will not I be driven from my ground (и все же я не буду смещен со своей земли = буду стоять на своем), but will maintain it (но удержу ее)!'

'Though thou be prince or no prince (будь ты принц или не принц) 'tis all one (это все одно = все равно), thou be'st a gallant lad (ты доблестный малый), and not friendless neither (и не без друзей тоже)! Here stand I by thy side to prove it (вот стою я у твоей стороны = возле тебя чтобы доказать это); and mind I tell thee thou might'st have a worser friend than Miles Hendon and yet not tire thy legs with seeking (и, клянусь тебе, Майлс Хендон не худший из тех, кого ты мог бы найти себе в качестве друга, не слишком утомив себя поисками). Rest thy small jaw, my child, I talk the language of these base kennel-rats like to a very native (дай отдохнуть своей маленькой челюсти = языку, дитя мое, я говорю на языке этих подлых крыс не хуже, чем носитель языка).'

height [haɪt], crimson [ˈkrɪmz(ə)n], whirling [ˈwɜːlɪŋ]

By midnight the revelry was at its height. Now came one of those picturesque spectacles so admired in that old day. A description of it is still extant in the quaint wording of a chronicler who witnessed it:

'Space being made, presently entered a baron and an earl appareled after the Turkish fashion in long robes of bawdkin powdered with gold; hats on their heads of crimson velvet, with great rolls of gold, girded with two swords, called simitars, hanging by great bawdricks of gold. Next came yet another baron and another earl, in two long gowns of yellow satin, traversed with white satin, and in every bend of white was a bend of crimson satin, after the fashion of Russia, with furred hats of gray on their heads; either of them having an hatchet in their hands, and boots with pykes' (points a foot long), 'turned up. And after them came a knight, then the Lord High Admiral, and with him five nobles, in doublets of crimson velvet, voyded low on the back and before to the cannel-bone, laced on the breasts with chains of silver; and, over that, short cloaks of crimson satin, and on their heads hats after the dancers' fashion, with pheasants' feather in them. These were appareled after the fashion of Prussia. The torch-bearers, which were about an hundred, were appareled in crimson satin and green, like Moors, their faces black. Next came in a mommarye. Then the minstrels, which were disguised, danced; and the lords and ladies did wildly dance also, that it was a pleasure to behold.' And while Tom, in his high seat, was gazing upon this 'wild' dancing, lost in admiration of the dazzling commingling of kaleidoscopic colors which the whirling turmoil of gaudy figures below him presented, the ragged but real Little Prince of Wales was proclaiming his rights and his wrongs, denouncing the impostor, and clamoring for admission at the gates of Guildhall! The crowd enjoyed this episode prodigiously, and pressed forward and craned their necks to see the small rioter. Presently they began to taunt him and mock at him, purposely to goad him into a higher and still more entertaining fury. Tears of mortification sprung to his eyes, but he stood his ground and

defied the mob right royally. Other taunts followed, added mockings stung him, and he exclaimed:

'I tell ye again, you pack of unmannerly curs, I am the Prince of Wales! And all forlorn and friendless as I be, with none to give me word of grace or help me in my need, yet will not I be driven from my ground, but will maintain it!' 'Though thou be prince or no prince 'tis all one, thou be'st a gallant lad, and not friendless neither! Here stand I by thy side to prove it; and mind I tell thee thou might'st have a worser friend than Miles Hendon and yet not tire thy legs with seeking. Rest thy small jaw, my child, I talk the language of these base kennel-rats like to a very native.'

The speaker was a sort of Don Caesar de Bazan in dress (говорящий был кем-то вроде дона Сезара де Базана по одежде), aspect (выражению лица), and bearing (и манере держаться). He was tall, trim-built, muscular (он был высокий, хорошо сложенный, мускулистый). His doublet and trunks (его камзол и штаны) were of rich material (были из богатого материала), but faded and threadbare (но полинявшие и протертые до ниток; *thread* — *нить*), and their gold-lace adornments were sadly tarnished (а их золотые галуны прискорбно потускнели); his ruff was rumped and damaged (его воротник был мятый и рваный; *ruff* — жесткий /сильно накрахмаленный/ гофрированный круглый воротник); the plume in his slouched hat (перо в его шляпе со свисающими полями; *to slouch* — сутулиться; опускаться, свисать /о полях шляпы/) was broken and had a bedraggled and disreputable look (было сломано и имело испачканный и сомнительный вид; *disreputable* — недостойный уважения; дискредитирующий, бесчестящий; позорный); at his side he wore a long rapier in a rusty iron sheath (на боку он носил длинную рапиру в заржавленных железных ножнах; *to wear* — носить); his swaggering carriage (его самодовольная манера держаться; *to swagger* — расхаживать с важным видом; важничать; чваниться) marked him at once as a ruffler of the camp (отмечала его сразу как задиру лагеря = выдавала в нем лихого забияку). The

speech of this fantastic figure was received with an explosion of jeers and laughter (речь этого гротескного персонажа была принята со взрывом издевок и смеха). Some cried (некоторые закричали), "Tis another prince in disguise (это еще один принц в маскарадном костюме)!" "Ware thy tongue, friend (последи за своим языком, друг), belike he is dangerous (похоже, он опасен)!" "Marry, he looketh it — mark his eye (гляди-ка, как он смотрит)!" "Pluck the lad from him — to the horse-pond wi' the cub (оторвите мальчишку от него — в лошадиный пруд мальчишку)!"

Instantly a hand was laid upon the prince (мгновенно рука была положена на принца; *to lay* — *класть*), under the impulse of this happy thought (под импульсом этой счастливой = удачной мысли); as instantly (также мгновенно) the stranger's long sword (длинный меч незнакомца) was out (был наружу = вытащен) and the meddler went to the earth under a sounding thump (и вмешавшийся отправился на землю под звонким ударом; *went* от *to go* — *идти*) with the flat of it (плоской стороной его). The next moment a score of voices shouted (в следующий момент голосов двадцать закричали; *score* — *двадцать, устар.*) 'Kill the dog (убейте пса)! kill him (убейте его)! kill him (убейте его)!' and the mob closed in on the warrior (и толпа закрылась на = обступила воина), who backed himself against a wall (который оперся на стену) and began to lay about him with his long weapon like a madman (и начал укладывать (нападавших) вокруг себя как бешеный; *to begin* — *начинать*). His victims sprawled this way and that (его жертвы растянулись, растягивались туда и сюда = валялись в разные стороны), but the mob-tide poured over their prostrate forms (но прилив толпы переливался через их лежащие ничком тела; *tide* — *прилив*) and dashed itself against the champion with undiminished fury (и бился о победителя с неиссякающим гневом). His moments seemed numbered (его часы = моменты казалось, были сочтены), his destruction certain (его гибель — верной), when suddenly a trumpet-blast sounded (когда внезапно звук трубы прозвучал; *trumpet* — *труба*), a voice shouted (голос прокричал), 'Way for the king's messenger (дорогу королевскому гонцу)!' and a troop of horsemen

came charging down upon the mob (и отряд всадников проскакал по толпе), who fled out of harm's reach (которая убежала от греха подальше: «за пределы доступности вреда»; *to flee* — *спасаться бегством*; *reach* — *предел досягаемости*) as fast as their legs could carry them (так быстро как их ноги могли унести их). The bold stranger (отважный незнакомец) caught up the prince in his arms (подхватил принца в руки; *to catch up* — *подхватить, догнать*), and was soon far away from danger and the multitude (и был скоро прочь = далеко от опасности и толпы).

Return we within the Guildhall (вернемся в Ратушу). Suddenly (внезапно), high above the jubilant roar and thunder of the revel (поверх ликующего рева и грома веселья), broke the clear peal of a bugle-note (прорвался ясный звук рога).

There was instant silence (настала немедленная тишина) — a deep hush (глубокое молчание); then a single voice rose (тогда единственный голос поднялся = раздался; *to rise* — *подниматься*) — that of the messenger from the palace (тот = голос вестника из дворца) — and began to pipe forth a proclamation (и начал пронзительно читать прокламацию; *to pipe* — *пищать; forth* — *вперед*), the whole multitude standing, listening (целая толпа стоящая, слушающая = и все стояли и слушали). The closing words (закрывающие = завершающие слова), solemnly pronounced (торжественно произнесенные) were (были):

'The king is dead! (король умер)'

The great assemblage bent their heads upon their breasts with one accord (великое собрание склонило головы на грудь в едином порыве; *to bend* — *гнуть*); remained so (оставалось так = в таком положении), in profound silence (в глубоком молчании), a few moments (несколько секунд), then all sunk upon their knees in a body (затем все упали на колени как один: «в одном теле»; *to sink* — *погружаться, опускаться*), stretched out their hands towards Tom (протянули свои руки к Тому), and a mighty shout burst forth (и могучий крик вырвался вперед; *to burst* — *взрываться*) that seemed to shake the building (которые, казалось, потрясли здание):

'Long live the king (да здравствует король!).'

Poor Tom's dazed eyes wandered abroad (изумленные глаза бедного Тома блуждали) over this stupefying spectacle (над этим ошеломляющим зрелищем), and finally rested dreamily upon the kneeling princesses beside him a moment (в конце концов остановились, как во сне, на коленопреклоненных принцессах рядом с ним на секунду), then upon the Earl of Hertford (затем на графе Хартфорде). A sudden purpose dawned in his face (внезапная решимость засветилась на его лице). He said, in a low tone (он сказал тихим голосом), at Lord Hertford's ear (на ухо лорду Хартфорду):

'Answer me truly, on thy faith and honor (ответь мне правдиво, по твоей чести и совести)! Uttered I here a command (отдай я здесь приказ), the which none but a king might hold privilege and prerogative to utter (какого никто кроме короля не имел бы права произнести), would such commandment be obeyed (был бы такой приказ исполнен; *to obey* — *подчиняться*), and none rise up to say me nay (и никто не встал бы сказать мне нет)?'

'None, my liege, in all these realms (никто, мой повелитель, во всем этом царстве). In thy person bides the majesty of England (в твоём лице пребывает величие Англии). Thou art the king (ты король) — thy word is law (твое слово закон).'

Tom responded (Том ответил), in a strong, earnest voice (сильным, серьезным голосом), and with great animation (и с великим оживлением):

'Then shall the king's law be law of mercy (тогда закон короля будет законом милосердия), from this day (с этого дня), and never more be law of blood (и никогда больше не будет законом крови)! Up from thy knees and away (вверх = встаньте с колен и прочь = идите)! To the Tower (в Тауэр) and say the king decrees the Duke of Norfolk shall not die (и скажите, что король постановляет, что герцог Норфолкский не умрет)!'

The words were caught up (эти слова были подхвачены; *to catch up* — *подхватить*) and carried eagerly from lip to lip (и передавались энергично из уст в уста; *to carry* — *нести*; *lip* — *губа*) far and wide over the hall (по всему

залу: «далеко и широко над залом»), and as Hertford hurried from the presence (и когда Хартфорд поспешил от его величества), another prodigious shout burst forth (другой мощный крик вырвался):

'The reign of blood is ended (правление крови закончено)! Long live Edward king of England (да здравствует Эдуард, король Англии)!'

threadbare [ˈθredbeə], purpose [ˈpʊr.pəs], privilege [ˈprɪv(ə)lɪɡ]

The speaker was a sort of Don Caesar de Bazan in dress, aspect, and bearing. He was tall, trim-built, muscular. His doublet and trunks were of rich material, but faded and threadbare, and their gold-lace adornments were sadly tarnished; his ruff was rumpled and damaged; the plume in his slouched hat was broken and had a bedraggled and disreputable look; at his side he wore a long rapier in a rusty iron sheath; his swaggering carriage marked him at once as a ruffler of the camp. The speech of this fantastic figure was received with an explosion of jeers and laughter. Some cried, 'Tis another prince in disguise!' 'Ware thy tongue, friend, belike he is dangerous!' 'Marry, he looketh it — mark his eye!' 'Pluck the lad from him — to the horse-pond wi' the cub!'

Instantly a hand was laid upon the prince, under the impulse of this happy thought; as instantly the stranger's long sword was out and the meddler went to the earth under a sounding thump with the flat of it. The next moment a score of voices shouted 'Kill the dog! kill him! kill him!' and the mob closed in on the warrior, who backed himself against a wall and began to lay about him with his long weapon like a madman. His victims sprawled this way and that, but the mob-tide poured over their prostrate forms and dashed itself against the champion with undiminished fury. His moments seemed numbered, his destruction certain, when suddenly a trumpet-blast sounded, a voice shouted, 'Way for the king's messenger!' and a troop of horsemen came charging down upon the mob, who fled out of harm's reach as fast as their legs could carry

them. The bold stranger caught up the prince in his arms, and was soon far away from danger and the multitude.

Return we within the Guildhall. Suddenly, high above the jubilant roar and thunder of the revel, broke the clear peal of a bugle-note. There was instant silence — a deep hush; then a single voice rose- that of the messenger from the palace — and began to pipe forth a proclamation, the whole multitude standing, listening. The closing words, solemnly pronounced were:

'The king is dead!'

The great assemblage bent their heads upon their breasts with one accord; remained so, in profound silence, a few moments, then all sunk upon their knees in a body, stretched out their hands towards Tom, and a mighty shout burst forth that seemed to shake the building:

'Long live the king!'

Poor Tom's dazed eyes wandered abroad over this stupefying spectacle, and finally rested dreamily upon the kneeling princesses beside him a moment, then upon the Earl of Hertford. A sudden purpose dawned in his face. He said, in a low tone, at Lord Hertford's ear:

'Answer me truly, on thy faith and honor! Uttered I here a command, the which none but a king might hold privilege and prerogative to utter, would such commandment be obeyed, and none rise up to say me nay?'

'None, my liege, in all these realms. In thy person bides the majesty of England. Thou art the king — thy word is law.'

Tom responded, in a strong, earnest voice, and with great animation:

'Then shall the king's law be law of mercy, from this day, and never more be law of blood! Up from thy knees and away! To the Tower and say the king decrees the Duke of Norfolk shall not die!'

The words were caught up and carried eagerly from lip to lip far and wide over the hall, and as Hertford hurried from the presence, another prodigious shout burst forth:

'The reign of blood is ended! Long live Edward king of England!'

CHAPTER XII (Глава двенадцатая)

The Prince and his Deliverer (Принц и его избавитель)

AS soon as Miles Hendon and the little prince were clear of the mob (как только Майлс Хендон и маленький принц были чисты от толпы = выбрались из толпы), they struck down through (двинулись через; *to strike* — бить) back lanes and alleys toward the river (задние улочки и переулки к реке). Their way was unobstructed (их путь был (ничем) не прегражден) until they approached (пока они не достигли) London Bridge (Лондонского моста); then they plowed (тогда они влились) into the multitude again (в толпу опять), Hendon keeping a fast grip upon the prince's — no, the king's — wrist (Хендон, держа крепкую хватку на запястье принца, нет, короля). The tremendous news (ужасная новость) was already abroad (была уже повсюду), and the boy learned it (и мальчик узнал ее) from a thousand voices at once (от тысячи голосов сразу) — 'The king is dead (король умер)!' The tidings struck a chill to the heart of the poor little waif (известия ударили холодом в сердце бедного маленького беспризорника; *to strike* — бить), and sent a shudder through his frame (и послали дрожь по его телу; *to send* — посылать). He realized the greatness of his loss (он осознавал величие своей потери), and was filled with a bitter grief (и был наполнен горькой скорбью); for the grim tyrant (ибо мрачный тиран) who had been such a terror to others (который бывал таким ужасом для других) had always been gentle with him (всегда был добр с ним). The tears sprung to his eyes and blurred all objects (слезы выступили у него на глазах и затуманили все предметы). For an instant he felt himself the most forlorn (на минуту он почувствовал себя самым одиноким), outcast (изгнанным), and forsaken of God's creatures (и брошенным среди Божьих тварей) — then another cry shook the night (затем другой крик сотряс ночь) with its far-reaching thunders (своим

далеко достающим громом): 'Long live King Edward the Sixth (да здравствует король Эдуард Шестой)!' and this made his eyes kindle (и это заставило его глаза зажечься; *to make* — *делать, заставлять*), and thrilled him with pride to his fingers' ends (и вызвало трепет от гордости до кончиков пальцев). 'Ah (ах),' he thought (подумал он; *to think* — *думать*), 'how grand and strange it seems (как великолепно и странно это кажется) — I AM KING (я король)!' Our friends threaded their way slowly (наши друзья прокладывали свой путь медленно) through the throngs upon the Bridge (сквозь толпы на мосту). This structure (эта постройка), which had stood for six hundred years (которая стояла шестьсот лет), and had been a noisy and populous thoroughfare (и была шумной и людной проезжей дорогой) all that time (все это время), was a curious affair (была любопытным делом), for a closely packed rank of stores and shops (ибо плотно набитый ряд лавок и магазинов), with family quarters overhead (с квартирами семей на втором этаже: «над головой»), stretched along (протянулся вдоль) both sides of it (обеих его сторон), from one bank of the river to the other (от одного берега реки до другого). The Bridge was a sort of town to itself (мост был чем-то вроде города сам по себе); it had its inn (он имел свой постоянный двор), its beerhouses (свои пивные), its bakeries (свои пекарни), its haberdasheries (свои мелочные лавки), its food markets (свои продуктовые рынки), its manufacturing industries (свои мануфактурные производства), and even its church (и даже свою церковь). It looked upon the two neighbors which it linked together (он смотрел на двух соседей, которые он соединял вместе) — London and Southwark (Лондон и Саутворк) — as being well enough (как (на) бывшие вполне неплохими), as suburbs (как пригороды), but not otherwise particularly important (иначе же не особенно важные). It was a close corporation, so to speak (это была закрытая корпорация, так сказать); it was a narrow town (это был узкий город), of a single street a fifth of a mile long (из одной улицы длиной в пятую часть мили), its population was but a village population (его население было размером с деревню: «лишь деревенским населением»), and everybody in it knew all his fellow-townsmen intimately (и

каждый в нем знал всех своих сограждан близко; *to know* — *знать*), and had known their fathers and mothers before them (и знал их отцов и матерей до них) — and all their little family affairs into the bargain (и все их маленькие семейные дела в придачу; *bargain* — *сделка*). It had its aristocracy (у него была своя аристократия), of course (конечно) — its fine old families of butchers (его прекрасные старые семьи мясников), and bakers (и пекарей), and what not (и так далее), who had occupied the same old premises (которые занимали те же самые старые помещения) for five or six hundred years (пятьсот или шестьсот лет), and knew the great history of the Bridge from beginning to end (и знали великую историю Моста от начала до конца), and all its strange legends (и все его странные легенды); and who always talked bridgy talk (и которые говорили на «мостовом» наречии), and thought bridgy thoughts (и думали «мостовые» мысли), and lied in a long, level, direct, substantial bridgy way (и врали длинным, одинаковым, уравновешенным, основательным «мостовым» образом). It was just the sort of population to be narrow and ignorant and self-conceited (это было как раз такое население, чтобы быть узколобым: «узким», и невежественным, и спесивым). Children were born on the Bridge (дети рождались на Мосту), were reared there (были воспитаны там), grew to old age and finally died (дорастали = доживали до старого возраста и наконец уирали) without ever having set a foot (так никогда и не опустив ногу) upon any part of the world but London Bridge alone (на какую-либо часть света, кроме одного Лондонского моста). Such people would naturally imagine (такие люди естественно воображали бы) that the mighty and interminable procession which moved through its street night and day (что могучая и нескончаемая процессия, которая двигалась через его улицу ночь и день), with its confused roar of shouts and cries (со своим беспорядочным гулом криков и возгласов), its neighings and bellowings and bleatings (своим ржанием коней, мычанием коров, блеянием овец) and its muffled thunder-tramp (и своим приглушенным громовым топотом), was the one great thing in this world (была единственной великой вещью в мире), and themselves somehow the proprietors of it (а сами

они — каким-то образом владельцы ее). And so they were in effect (и так они были = и так они и делали в сущности) — at least they could exhibit it from their windows (по крайней мере, они могли выставить это из окон), and did (и делали /так/) — for a consideration (за вознаграждение) — whenever a returning king or hero gave it a fleeting splendor (каждый раз когда возвращающийся король или герой придавал ему мимолетное великолепие), for there was no place like it (потому что не было места как это = другого такого места) for affording (для позволения = где был бы возможно) a long, straight, uninterrupted view of marching columns (длинное, прямое, непрерывное зрелище марширующих колонн).

blur [blɜ:], butcher [ˈbʊtʃə], exhibit [ɪgˈzɪbɪt]

AS soon as Miles Hendon and the little prince were clear of the mob, they struck down through back lanes and alleys toward the river. Their way was unobstructed until they approached London Bridge; then they plowed into the multitude again, Hendon keeping a fast grip upon the prince's — no, the king's — wrist. The tremendous news was already abroad, and the boy learned it from a thousand voices at once — 'The king is dead!' The tidings struck a chill to the heart of the poor little waif, and sent a shudder through his frame. He realized the greatness of his loss, and was filled with a bitter grief; for the grim tyrant who had been such a terror to others had always been gentle with him. The tears sprung to his eyes and blurred all objects. For an instant he felt himself the most forlorn, outcast, and forsaken of God's creatures — then another cry shook the night with its far-reaching thunders: 'Long live King Edward the Sixth!' and this made his eyes kindle, and thrilled him with pride to his fingers' ends. 'Ah,' he thought, 'how grand and strange it seems — I AM KING!'

Our friends threaded their way slowly through the throngs upon the Bridge. This structure, which had stood for six hundred years, and had been a noisy

and populous thoroughfare all that time, was a curious affair, for a closely packed rank of stores and shops, with family quarters overhead, stretched along both sides of it, from one bank of the river to the other. The Bridge was a sort of town to itself; it had its inn, its beerhouses, its bakeries, its haberdasheries, its food markets, its manufacturing industries, and even its church. It looked upon the two neighbors which it linked together — London and Southwark — as being well enough, as suburbs, but not otherwise particularly important. It was a close corporation, so to speak; it was a narrow town, of a single street a fifth of a mile long, its population was but a village population, and everybody in it knew all his fellow-townsmen intimately, and had known their fathers and mothers before them — and all their little family affairs into the bargain. It had its aristocracy, of course — its fine old families of butchers, and bakers, and what not, who had occupied the same old premises for five or six hundred years, and knew the great history of the Bridge from beginning to end, and all its strange legends; and who always talked bridgy talk, and thought bridgy thoughts, and lied in a long, level, direct, substantial bridgy way. It was just the sort of population to be narrow and ignorant and self-conceited. Children were born on the Bridge, were reared there, grew to old age and finally died without ever having set a foot upon any part of the world but London Bridge alone. Such people would naturally imagine that the mighty and interminable procession which moved through its street night and day, with its confused roar of shouts and cries, its neighings and bellowings and bleatings and its muffled thunder-tramp, was the one great thing in this world, and themselves somehow the proprietors of it. And so they were in effect — at least they could exhibit it from their windows, and did — for a consideration — whenever a returning king or hero gave it a fleeting splendor, for there was no place like it for affording a long, straight, uninterrupted view of marching columns.

Men born and reared upon the Bridge (люди, родившиеся и воспитанные на мосту) found life unendurably dull and inane elsewhere (находили жизнь невыносимо скучной и пустой в других местах). History tells of one of these (история рассказывает об одном из них) who left the Bridge at the age of seventy-one (который покинул Мост в возрасте 71 года; *to leave* — *покидать*) and retired to the country (и ушел на покой в деревню). But he could only fret and toss (но он мог только мучаться и ворочаться) in his bed (в своей постели); he could not go to sleep (он не мог заснуть), the deep stillness was so painful, so awful, so oppressive (глубокая тишина была такой болезненной, такой ужасной, такой давящей). When he was worn out with it (когда он был измотан этим; *to wear* — *носить*), at last (наконец), he fled back to his old home (он убежал назад в свой старый дом; *to flee* — *спасаться бегством*), a lean and haggard specter (худой и изможденный призрак), and fell peacefully (и упал мирно) to rest and pleasant dreams (на покой = упокоился и приятные сны) under the lulling music (под убаюкивающую музыку) of the lashing waters (плескающихся вод) and the boom and crash and thunder of London Bridge (и шум, грохот и гром Лондонского моста).

In the times of which we are writing (во времена, о которых мы пишем), the Bridge furnished 'object lessons' (Мост поставлял «предметные уроки» = наглядные пособия) in English history (по английской истории), for its children (для своих детей) — namely, the livid and decaying heads of renowned men impaled upon iron spikes atop of its gateways (а именно посиневшие и разлагающиеся головы знаменитых людей, надетые на железные палки, которые торчали над воротами моста). But we digress (но мы отклоняемся от темы).

Hendon's lodgings were in the little inn (местожительство Хендона было в небольшом постоялом дворе) on the Bridge (на Мосту). As he neared the door with his small friend, a rough voice said (когда он приближался к двери со своим маленьким другом, грубый голос сказал):

'So, thou'rt come at last (а, так ты пришел наконец)! Thou'lt not escape again (ты больше не сбежишь). I warrant thee (я обещаю тебе); and if pounding thy bones to a pudding can teach thee somewhat, thou'lt not keep us waiting another time, mayhap (и если истолчение твоих костей в пудинг может научить тебя чему-либо, ты не заставишь нас ждать в другой раз)' — and John Canty put out his hand to seize the boy (и Джон Кэнти протянул свою руку, чтобы схватить мальчика).

Miles Hendon stepped in the way (Майлс Хендон преградил ему путь: «ступил в путь»), and said (и сказал):

'Not too fast, friend (не слишком быстро = полегче, мой друг). Thou art needlessly rough (ты без надобности резок), methinks (я думаю). What is the lad to thee (что тебе этот парнишка)?'

'If it be any business of thine to make and meddle in others' affairs (если это твое дело — вмешиваться в дела других людей), he is my son (он мой сын).'

"Tis a lie (это ложь)!' cried the little king, hotly (закричал маленький король, горячо).

'Boldly said (смело сказано), and I believe thee (и я верю тебе), whether thy small head-piece be sound or cracked (будь твоя маленькая голова цела или нездорова), my boy (мой мальчик). But whether this scurvy ruffian be thy father or no (но является этот жалкий негодяй твоим отцом или нет), 'tis all one (это все равно), he shall not have thee to beat thee and abuse (он не получит тебя, чтобы бить тебя и унижать), according to his threat (согласно его угрозе), so thou prefer to abide with me (так что ты предпочитаешь остаться со мной).'

'I do, I do (я делаю = я хочу) — I know him not (я не знаю его), I loathe him (я ненавижу его), and will die before I will go with him (и умру, прежде чем пойду с ним).'

'Then 'tis settled (тогда это улажено), and there is naught more to say (и больше нечего сказать).'

'We will see, as to that (мы еще посмотрим, что касается этого)!' exclaimed John Canty (воскликнул Джон Кэнти), striding past Hendon to get at the boy

(шагая за Хендона, чтобы добраться до мальчика); 'by force shall he (силой будет он) —'

'If thou do but touch him, thou animated offal (если ты только тронешь его, ты, двуногая падаль), I will spit thee like a goose (я проколю тебя как гуся)!' said Hendon, barring the way (сказал Хендон, преграждая путь) and laying his hand upon his sword-hilt (и кладя руку на рукоять меча). Cauty drew back (Кэнти отступил назад). 'Now mark ye (теперь смотри),' continued Hendon (продолжал Хендон), 'I took this lad under my protection (я взял этого мальчишку под свою защиту) when a mob such as thou would have mishandled him (когда толпа, такая, как ты, плохо обходилась с ним), mayhap killed him (может быть, убила бы его); dost imagine I will desert him now to a worser fate (можешь ли ты представить себе, что я обреку его на еще худшую судьбу)? — for whether thou art his father or no (ибо отец ты ему или нет) — and sooth to say (и, по правде говоря), I think it is a lie (я думаю, это ложь) — a decent swift death (приличная быстрая смерть) were better for such a lad (была бы лучше для такого паренька) than life in such brute hands as thine (чем жизнь в таких жестоких руках, как твои). So go thy ways (так что иди своей дорогой), and set quick about it (и поторопись: «устрой быстро насчет этого»), for I like not much bandying of words (так как я не люблю много перекидываться словами; *to bandy* — перекидываться, обмениваться /мячом; словами, комплиментами и т. п./), being not overpatient in my nature (будучи не излишне терпеливым по своей натуре; *patient* — терпеливый).'

retire [rɪˈtaɪə], digress [daɪˈɡres], seize [siːz]

Men born and reared upon the Bridge found life unendurably dull and inane elsewhere. History tells of one of these who left the Bridge at the age of seventy-one and retired to the country. But he could only fret and toss in his bed; he could not go to sleep, the deep stillness was so painful, so awful, so oppressive. When he was worn out with it, at last, he fled back to his old

home, a lean and haggard specter, and fell peacefully to rest and pleasant dreams under the lulling music of the lashing waters and the boom and crash and thunder of London Bridge.

In the times of which we are writing, the Bridge furnished 'object lessons' in English history, for its children — namely, the livid and decaying heads of renowned men impaled upon iron spikes atop of its gateways. But we digress. Hendon's lodgings were in the little inn on the Bridge. As he neared the door with his small friend, a rough voice said:

'So, thou'rt come at last! Thou'lt not escape again. I warrant thee; and if pounding thy bones to a pudding can teach thee somewhat, thou'lt not keep us waiting another time, mayhap' — and John Canty put out his hand to seize the boy.

Miles Hendon stepped in the way, and said:

'Not too fast, friend. Thou art needlessly rough, methinks. What is the lad to thee?'

'If it be any business of thine to make and meddle in others' affairs, he is my son.'

'Tis a lie!' cried the little king, hotly.

'Boldly said, and I believe thee, whether thy small head-piece be sound or cracked, my boy. But whether this scurvy ruffian be thy father or no, 'tis all one, he shall not have thee to beat thee and abuse, according to his threat, so thou prefer to abide with me.'

'I do, I do — I know him not, I loathe him, and will die before I will go with him.'

'Then 'tis settled, and there is naught more to say.'

'We will see, as to that!' exclaimed John Canty, striding past Hendon to get at the boy; 'by force shall he —'

'If thou do but touch him, thou animated offal, I will spit thee like a goose!' said Hendon, barring the way and laying his hand upon his sword-hilt. Canty drew back. 'Now mark ye,' continued Hendon, 'I took this lad under my

protection when a mob such as thou would have mishandled him, mayhap killed him; dost imagine I will desert him now to a worser fate? — for whether thou art his father or no — and sooth to say, I think it is a lie — a decent swift death were better for such a lad than life in such brute hands as thine. So go thy ways, and set quick about it, for I like not much bandying of words, being not overpatient in my nature.'

John Canty moved off (Джон Кэнти двинулся прочь), muttering threats and curses (бормоча угрозы и проклятия), and was swallowed from sight in the crowd (и был проглочен из виду толпой = скрылся в толпе). Hendon ascended three flights of stairs (Хендон поднялся на три пролета лестницы) to his room (в свою комнату), with his charge (со своей ношей), after ordering a meal to be sent thither (заказав еду, чтобы была прислана туда). It was a poor apartment (это была бедная квартира), with a shabby bed (с ветхой постелью) and some odds and ends of old furniture in it (и остатками старой мебели в ней), and was vaguely lighted by a couple of sickly candles (и была едва освещена парой слабых свечей). The little king dragged himself (маленький король дотащил себя) to the bed (до кровати) and lay down upon it (и улегся на нее), almost exhausted with hunger and fatigue (почти обессиленный от голода и усталости). He had been on his feet a good part of a day and a night (он был на ногах добрую часть дня и ночи), for it was now two or three o'clock in the morning (так как было сейчас два или три часа утра = ночи), and had eaten nothing meantime (и ничего не ел за это время; *to eat* — *есть*). He murmured drowsily (он пробормотал сонно):

'Prithee (пожалуйста), call me when the table is spread (позови меня, когда стол будет накрыт),' and sunk into a deep sleep immediately (и погрузился в глубокий сон немедленно).

A smile twinkled in Hendon's eye (улыбка мелькнула в глазах Хендона), and he said to himself (и он сказал себе):

'By the mass (клянусь Богом), the little beggar takes to one's quarters (маленький нищий входит в чье-то жилище) and usurps one's bed with as natural and easy a grace as if he owned them (и захватывает чью-то кровать с такой естественной и непринужденной грацией, как если бы он владел ею) — with never a by-your-leave (и никогда /не говорит/ «с-вашего-разрешения») or so-please-it-you (или «если-вы-разрешите»), or anything of the sort (или что-нибудь в этом роде). In his diseased ravings (в своих больных мечтах) he called himself the Prince of Wales (он называет себя принцем Уэльским), and bravely doth he keep up the character (и смело он соблюдает роль). Poor little friendless rat (бедный маленький лишенный друзей крысенок), doubtless his mind has been disordered with ill usage (без сомнения, его разум помутился из-за плохого обращения). Well, I will be his friend (что ж, я буду его другом); I have saved him (я спас его), and it draweth me strongly to him (и это привязало меня к нему; *to draw* — *тянуть*); already I love the bold-tongued little rascal (мне уже нравится этот дерзкий на язык маленький сорванец). How soldierlike (как солдатски = смело) he faced the smutty rabble (столкнулся он с грязной чернью) and flung back his high defiance (и бросил свой высокий вызов; *to fling* — *метать, бросать*)! And what a comely, sweet and gentle face he hath (и какое миловидное, приятное и нежное лицо он имеет), now that sleep hath conjured away its troubles and its griefs (теперь, когда сон отогнал его тревоги и горести). I will teach him (я научу его), I will cure his malady (я излечу его болезнь); yea, I will be his elder brother (да, я буду его старшим братом), and care for him and watch over him (и (буду) заботиться и присматривать за ним); and who so would shame him or do him hurt (и если кто унижит его или повредит ему), may order his shroud (может заказывать себе саван), for though I be burnt for it he shall need it (потому что хоть меня сожгут, он ему понадобится; *to burn* — *жечь, гореть*)!

He bent over the boy (он склонился над мальчиком) and contemplated him with kind and pitying interest (и разглядывал его с добрым и жалеющим интересом), tapping the young cheek tenderly (нежно похлопывая юную щеку) and

smoothing back the tangled curls (и расправляя назад спутавшиеся кудри) with his great brown hand (своей большой коричневой = загорелой рукой). A slight shiver passed over the boy's form (слабая дрожь прошла по телу мальчика).

Hendon muttered (Хендон пробормотал):

'See, now (смотри-ка), how like a man it was to let him lie here uncovered (как это было по-мужски — позволить ему лежать тут неукрытым) and fill his body with deadly rheums (и наполнить его тело смертоносной простудой).

Now what shall I do (теперь что я буду делать)? 'Twill wake him to take him up and put him within the bed (это разбудит его — поднять его и положить его в кровать), and he sorely needeth sleep (а он отчаянно нуждается во сне).'

He looked about for extra covering (он огляделся за = в поисках дополнительного покрывала), but finding none (но не найдя никакого), doffed his doublet (снял свой камзол) and wrapped the lad in it, saying (и завернул мальчишку в него, говоря), 'I am used to nipping air and scant apparel (я привычен к кусающему = холодному воздуху и недостаточной одежде), 'tis little I shall mind the cold (я лишь немного почувствую холод; *to mind* — помнить; обращать внимание; возражать, иметь что-либо против)' — then walked up and down the room to keep his blood in motion (затем стал ходить по комнате взад-вперед, чтобы поддерживать свою кровь в движении), soliloquizing as before (продолжая разговаривать с собой как раньше).

'His injured mind persuades him he is Prince of Wales (его поврежденный ум уверяет его, что он принц Уэльский); 'twill be odd to have a Prince of Wales still with us (будет странно иметь принца Уэльского все еще с нами), now that he that *was* the prince is prince no more (теперь, когда тот, кто был принцем, не принц более), but king (но король) — for this poor mind is set upon the one fantasy (ибо этот бедный ум зациклен на одной фантазии), and will not reason out that now it should cast by the prince (и не догадается, что теперь он должен отбросить принца) and call itself the king (и называть себя королем)... If my father liveth still (если мой отец живет еще; *to live* — жить), after these seven years that I have heard naught from home in my foreign dungeon (после этих

семи лет, что я ничего не слышал из дома, в моей чужеземной темнице), he will welcome the poor lad (он примет бедного мальчугана) and give him generous shelter for my sake (и даст ему надежный приют ради меня); so will my good elder brother, Arthur (так же будет = поступит мой добрый старший брат, Артур); my other brother, Hugh (мой другой брат, Хью) — but I will crack his crown (но я проломлю ему череп), an' he interfere (если он вмешается), the fox-hearted (с сердцем лисы), ill-conditioned animal (злобное животное)! Yes, thither will we fare (да, туда мы направимся) — and straightway, too (и немедленно к тому же).'

exhaust [ɪg`zɔ:st], drowsily [ˈdrauzɪli], persuade [pə`sweɪd]

John Canty moved off, muttering threats and curses, and was swallowed from sight in the crowd. Hendon ascended three flights of stairs to his room, with his charge, after ordering a meal to be sent thither. It was a poor apartment, with a shabby bed and some odds and ends of old furniture in it, and was vaguely lighted by a couple of sickly candles. The little king dragged himself to the bed and lay down upon it, almost exhausted with hunger and fatigue. He had been on his feet a good part of a day and a night, for it was now two or three o'clock in the morning, and had eaten nothing meantime. He murmured drowsily:

'Prithee, call me when the table is spread,' and sunk into a deep sleep immediately.

A smile twinkled in Hendon's eye, and he said to himself:

'By the mass, the little beggar takes to one's quarters and usurps one's bed with as natural and easy a grace as if he owned them — with never a by-your-leave or so-please-it-you, or anything of the sort. In his diseased ravings he called himself the Prince of Wales, and bravely doth he keep up the character. Poor little friendless rat, doubtless his mind has been disordered with ill usage. Well, I will be his friend; I have saved him, and it draweth me strongly

to him; already I love the bold-tongued little rascal. How soldierlike he faced the smutty rabble and flung back his high defiance! And what a comely, sweet and gentle face he hath, now that sleep hath conjured away its troubles and its griefs. I will teach him, I will cure his malady; yea, I will be his elder brother, and care for him and watch over him; and who so would shame him or do him hurt, may order his shroud, for though I be burnt for it he shall need it!

He bent over the boy and contemplated him with kind and pitying interest, tapping the young cheek tenderly and smoothing back the tangled curls with his great brown hand. A slight shiver passed over the boy's form. Hendon muttered:

'See, now, how like a man it was to let him lie here uncovered and fill his body with deadly rheums. Now what shall I do? 'Twill wake him to take him up and put him within the bed, and he sorely needeth sleep.'

He looked about for extra covering, but finding none, doffed his doublet and wrapped the lad in it, saying, 'I am used to nipping air and scant apparel, 'tis little I shall mind the cold' — then walked up and down the room to keep his blood in motion, soliloquizing as before.

'His injured mind persuades him he is Prince of Wales; 'twill be odd to have a Prince of Wales still with us, now that he that *was* the prince is prince no more, but king — for this poor mind is set upon the one fantasy, and will not reason out that now it should cast by the prince and call itself the king.... If my father liveth still, after these seven years that I have heard naught from home in my foreign dungeon, he will welcome the poor lad and give him generous shelter for my sake; so will my good elder brother, Arthur; my other brother, Hugh — but I will crack his crown, an' *he* interfere, the fox-hearted, ill-conditioned animal! Yes, thither will we fare — and straightway, too.'

A servant entered with a smoking meal (слуга вошел с дымящейся едой; *to smoke*), disposed it upon a small deal table (поставил ее на маленький сосновый стол), placed the chairs (расставил стулья), and took his departure (и ушел:

«взял свой уход»), leaving such cheap lodgers as these (оставляя таких дешевых постояльцев как эти) to wait upon themselves (прислуживать самим себе). The door slammed after him (дверь хлопнула за ним), and the noise woke the boy (и шум разбудил мальчика), who sprung to a sitting posture (который быстро сел: «прыгнул в сидячее положение»), and shot a glad glance about him (и кинул довольный взгляд вокруг себя); then a grieved look came into his face (затем печальное выражение появилось у него на лице) and he murmured to himself (и он пробормотал к себе = себе под нос), with a deep sigh (с глубоким вздохом), 'Alack, it was but a dream (увы, это был только сон). Woe is me (горе мне).' Next he noticed Miles Hendon's doublet (затем он заметил камзол Майлса Хендона) — glanced from that to Hendon (взглянул с него на Гендона), comprehended the sacrifice that had been made for him (понял жертву, которая была сделана ради него), and said, gently (и сказал мягко):

'Thou art good to me (ты добр ко мне), yes, thou art very good to me (да, ты очень добр ко мне). Take it and put it on (возьми это и надень) — I shall not need it more (мне он больше не понадобится).'

Then he got up and walked to the washstand in the corner (затем он встал и подошел к умывальнику в углу), and stood there waiting (и стал там, ожидая).

Hendon said in a cheery voice (Хендон сказал веселым голосом):

'We'll have a right hearty sup and bite now (мы съедим хороший горячий ужин; *sup* — глоток; *bite* — кусок), for everything is savory and smoking hot (потому что все вкусно и дымится горячо), and that and thy nap (и это и твой сон) together will make thee a little man again (вместе сделают тебя маленьким мужчиной снова), never fear (никогда не бойся = будь уверен)!

The boy made no answer (мальчик не дал никакого ответа), but bent a steady look (но направил твердый взгляд; *to bend* — гнуть, направлять /взгляд/), that was filled with grave surprise (который был наполнен грозным удивлением), and also somewhat touched with impatience (и также немного тронут нетерпением), upon the tall knight of the sword (на высокого рыцаря меча).

Hendon was puzzled (Хендон был озадачен), and said (и сказал):

'What's amiss (чего не хватает)?'

'Good sir (добрый сэръ), I would wash me (я хотел бы умыться).'

'Oh, is that all (о, это все)! Ask no permission of Miles Hendon (не спрашивай разрешения у Майлса Хендона) for aught thou cravest (для чего-либо, что тебе нужно; *to crave* — *желать*). Make thyself perfectly free here (чувствуй себя свободно: «сделай себя абсолютно свободным» здесь) and welcome (и желанным (гостем) = чувствуй себя как дома), with all that are his belongings (со всем, что есть его (Майлса) имущество).'

Still the boy stood (все еще мальчик стоял; *to stand* — *стоять*), and moved not (и не двигался); more (более того), he tapped the floor once or twice with his small impatient foot (он топнул по полу единожды или дважды своей маленькой нетерпеливой ногой). Hendon was wholly perplexed (Хендон был полностью озадачен). Said he (он сказал):

'Bless us (Господи благослови нас; *to bless* — *благословлять*), what is it (что есть это = в чем дело)?'

'Prithee (пожалуйста), pour the water (лей воду), and make not so many words (и не говори так много слов)!'

Hendon, suppressing a horse-laugh (Хендон, подавляя громкий смех; *horse* — *лошадь*), and saying to himself (и говоря себе), 'By all the saints (ради всех святых), but this is admirable (но это восхитительно)!' stepped briskly forward (ступил живо вперед) and did the small insolent's bidding (и исполнил приказ маленького нахала; *to bid* — *приказывать*); then stood by (затем стал рядом), in a sort of stupefaction (в каком-то остолбенении), until the command (пока приказ), 'Come — the towel (живо — полотенце)!' woke him sharply up (не разбудил его резко; *to wake up* — *будить, просыпаться*). He took up a towel from under the boy's nose (он взял полотенце из-под носа мальчика) and handed it to him (и подал его ему), without comment (без замечаний). He now proceeded to comfort his own face with a wash (затем он «успокоил» = освежил свое лицо мытьем, умыванием; *to proceed* — *продолжать; действовать; приступать*), and while he was at it (и пока он был занят этим: «был у этого»)

his adopted child (его усыновленный ребенок) seated himself at the table (уселся за стол) and prepared to fall to (и приготовился начать). Hendon despatched his ablutions with alacrity (Хендон разделался со своим умыванием с проворностью), then drew back the other chair (затем подтащил другой стул; *to draw* — *тащить*) and was about to place himself at table (и был готов расположиться: «расположить себя» у стола), when the boy said, indignantly (когда мальчик сказал негодуяше):

'Forbear (стой; *to forbear* — *терпеть, воздерживаться*)! Wouldst sit in the presence of the king (ты собираешься сидеть в присутствии короля)?'

This blow staggered Hendon to his foundations (этот удар поразил Хендона в самое сердце: «в основу»). He muttered to himself (он пробормотал себе), 'Lo, the poor thing's madness is up with the time (гляди-ка, сумасшествие бедного существа усиливается со временем; *up* — *вверх*)! it hath changed with the great change that is come to the realm (оно изменилось с великим изменением, которое пришло в королевство), and now in fancy is he *king* (и теперь в воображении он король)! Good lack (эх; *lack* — *недостаток*), I must humor the conceit, too (я должен потакать этой заносчивости, к тому же) — there is no other way (нет другого пути) — faith (поистине: «вера»), he would order me to the Tower, else (он отправит меня в Тауэр в противном случае; *to order* — *приказать*)!'

posture [ˈpɒstʃə], permission [pəˈmɪʃ(ə)n], conceit [kənˈsi:t], saint [seɪnt]

A servant entered with a smoking meal, disposed it upon a small deal table, placed the chairs, and took his departure, leaving such cheap lodgers as these to wait upon themselves. The door slammed after him, and the noise woke the boy, who sprung to a sitting posture, and shot a glad glance about him; then a grieved look came into his face and he murmured to himself, with a deep sigh, 'Alack, it was but a dream. Woe is me.' Next he noticed Miles Hendon's

doublet — glanced from that to Hendon, comprehended the sacrifice that had been made for him, and said, gently:

'Thou art good to me, yes, thou art very good to me. Take it and put it on — I shall not need it more.'

Then he got up and walked to the washstand in the corner, and stood there waiting. Hendon said in a cheery voice:

'We'll have a right hearty sup and bite now, for everything is savory and smoking hot, and that and thy nap together will make thee a little man again, never fear!'

The boy made no answer, but bent a steady look, that was filled with grave surprise, and also somewhat touched with impatience, upon the tall knight of the sword. Hendon was puzzled, and said:

'What's amiss?'

'Good sir, I would wash me.'

'Oh, is that all! Ask no permission of Miles Hendon for aught thou cravest. Make thyself perfectly free here and welcome, with all that are his belongings.'

Still the boy stood, and moved not; more, he tapped the floor once or twice with his small impatient foot. Hendon was wholly perplexed. Said he:

'Bless us, what is it?'

'Prithee, pour the water, and make not so many words!'

Hendon, suppressing a horse-laugh, and saying to himself, 'By all the saints, but this is admirable!' stepped briskly forward and did the small insolent's bidding; then stood by, in a sort of stupefaction, until the command, 'Come — the towel!' woke him sharply up. He took up a towel from under the boy's nose and handed it to him, without comment. He now proceeded to comfort his own face with a wash, and while he was at it his adopted child seated himself at the table and prepared to fall to. Hendon despatched his ablutions with alacrity, then drew back the other chair and was about to place himself at table, when the boy said, indignantly:

'Forbear! Wouldst sit in the presence of the king?'

This blow staggered Hendon to his foundations. He muttered to himself, 'Lo, the poor thing's madness is up with the time! it hath changed with the great change that is come to the realm, and now in fancy is he *king*! Good lack, I must humor the conceit, too — there is no other way — faith, he would order me to the Tower, else!'

And pleased with this jest (и порадованный этой остротой), he removed the chair from the table (он убрал стул от стола), took his stand behind the king (занял свое место за королем; *to take* — брать; *stand* — позиция), and proceeded to wait upon him in the courtliest way he was capable of (и принялся прислуживать ему в самой учтивой манере, на которую был способен).

When the king ate (когда король ел; *to eat* — есть), the rigor of his royal dignity relaxed a little (черствость его королевского достоинства ослабела немного), and with his growing contentment came a desire to talk (и с его растущим удовлетворением пришло желание поговорить). He said (он сказал):

'I think thou callest thyself Miles Hendon (я думаю, ты зовешься Майлс Хендон), if I heard thee aright (если я услышал правильно; *to hear* — слышать)?'

'Yes, sire (да, сир),' Miles replied then observed to himself (Майлс ответил и затем заметил себе), 'If I must humor the poor lad's madness (если я должен потакать безумству маленького парня), I must sire him (я должен называть его сир), I must majesty him (я должен называть его ваше величество), I must not go by halves (я не должен идти = делать наполовину), I must stick at nothing that belongeth to the part I play (я не должен останавливаться ни перед чем, что есть в роли, которую играю; *to belong* — принадлежать; *part* — роль), else shall I play it ill (иначе я сыграю ее плохо) and work evil to this charitable and kindly cause (и сделаю зло = испорчу это милосердное и доброе дело).'

The king warmed his heart with a second glass of wine (король согрел сердце вторым бокалом вина), and said (и сказал): 'I would know thee (я хочу знать

тебя) — tell me thy story (расскажи мне твою историю). Thou hast a gallant way with thee, and a noble (ты имеешь приятную манеру, и благородную) — art nobly born (ты благородного происхождения)?'

'We are of the tail of the nobility (мы из самого низшего дворянства; *tail* — *хвост*), good your majesty (ваше величество). My father is a baronet (мой отец — баронет) — one of the smaller lords (один из меньших лордов), by knight service (по рыцарской службе) — Sir Richard Hendon (сэр Ричард Хендон), of Hendon Hall (из Хендон-Холла), by Monk's Holm in Kent (у Монашьего островка в Кенте).'

'The name has escaped my memory (это имя убежало из моей памяти = такого имени я не помню). Go on (продолжай: «иди дальше») — tell me thy story (расскажи мне твою историю).'

"Tis not much (это не много = история небольшая), your majesty (ваше величество), yet perchance (но возможно) it may beguile a short half-hour for want of a better (она может занять короткие полчаса за неимением лучшей; *want* — *недостаток*). My father, Sir Richard, is very rich (мой отец, сэр Ричард, очень богат), and of a most generous nature (и самой великодушной натуры). My mother died whilst I was yet a boy (моя мать умерла, пока я был еще ребенком). I have two brothers (у меня два брата): Arthur, my elder, with a soul like to his father's (Артур, мой старший, с душой, похожей на (душу) его отца); and Hugh, younger than I (и Хью, моложе, чем я), a mean spirit (низкая душа), covetous, treacherous, vicious, underhanded (завистливый, вероломный, порочный, коварный) — a reptile (гадина). Such was he from the cradle (таким был он с колыбели); such was he ten years past (таким был он десять лет назад), when I last saw him (когда я в последний раз видел его) — a ripe rascal at nineteen (созревший плут в девятнадцать лет), I being twenty then (мне тогда было двадцать), and Arthur twenty-two (а Артуру — двадцать два). There is none other of us but the Lady Edith, my cousin (нет никого другого, кроме нас, за исключением леди Эдит, моей кузины) — she was sixteen, then (ей было шестнадцать тогда) — beautiful, gentle, good, the daughter of an earl

(прекрасная, милая, добрая, дочь графа), the last of her race (последняя в своем роду), heiress of a great fortune and a lapsed title (наследница великого состояния и прекращающегося после ее смерти титула; *to lapse* — *утратить силу, перейти в другие руки*). My father was her guardian (мой отец был ее опекуном). I loved her and she loved me (я любил ее, и она любила меня); but she was betrothed to Arthur from the cradle (но она была помолвлена с Артуром с колыбели), and Sir Richard would not suffer the contract to be broken (и сэр Ричард не вынес бы, чтобы эта помолвка была нарушена; *to break* — *ломать*). Arthur loved another maid (Артур любил другую девушку), and bade us be of good cheer (и просил нас быть в хорошем настроении; *to bid* — *просить, приглашать; приказывать*) and hold fast to the hope (и держаться за надежду) that delay and luck together (что отсрочка и удача вместе) would some day give success to our several causes (однажды дадут успех нашим нескольким делам = приведут к успеху все /одновременно/ наши дела). Hugh loved the Lady Edith's fortune (Хью любил состояние леди Эдит), though in truth he said it was herself he loved (хотя на самом деле он говорил, что это была она сама, кого он любил; *truth* — *истина*) — but then 'twas his way, always (но вообще это был его путь = это было в его духе, всегда), to say one thing and mean the other (говорить одну вещь и иметь в виду другую). But he lost his arts upon the girl (но он потерял = зря потратил свои умения с этой девушкой); he could deceive my father (он мог обмануть моего отца), but none else (но никого другого). My father loved him best of us all (мой отец любил его лучше = больше всех нас), and trusted and believed him (и доверял и верил ему); for he was the youngest child and others hated him (так как он был младшим ребенком и другие ненавидели его) — these qualities being in all ages sufficient (эти качества будучи во все времена достаточными = а эти качества во все времена были достаточны) to win a parent's dearest love (чтобы завоевать самую теплую любовь родителя); and he had a smooth persuasive tongue (и он имел гладкий убедительный язык), with an admirable gift of lying (с восхитительным даром лгать) — and these be qualities (и это суть качества) which do mightily assist a

blind affection to cozen itself (которые сильно помогают слепой привязанности морочить самое себя). I was wild (я был диким) — in troth I might go yet farther (поистине я мог зайти еще дальше; *in troth* — действительно, в самом деле; *troth* — истина /устар./) and say *very* wild (и говорить очень дико = буйно), though 'twas a wildness of an innocent sort (хотя это была дикость невинного сорта), since it hurt none but me (так как она не вредила никому, кроме меня; *to hurt* — вредить), brought shame to none (не приносила позора никому), nor loss (и никакой потери; *nor* — и не), nor had in it any taint of crime or baseness (и не имела никакого налета преступности или низости), or what might not beseem mine honorable degree (и того, что не подобало бы моему уважаемому званию; *to beseem* — приличествовать, подобать).

relax [rɪˈlæks], vicious [ˈvɪʃəs], quality [ˈkwɒlɪti]

And pleased with this jest, he removed the chair from the table, took his stand behind the king, and proceeded to wait upon him in the courtliest way he was capable of.

When the king ate, the rigor of his royal dignity relaxed a little, and with his growing contentment came a desire to talk. He said:

'I think thou callest thyself Miles Hendon, if I heard thee aright?'

'Yes, sire,' Miles replied then observed to himself, 'If I must humor the poor lad's madness, I must sire him, I must majesty him, I must not go by halves, I must stick at nothing that belongeth to the part I play, else shall I play it ill and work evil to this charitable and kindly cause.'

The king warmed his heart with a second glass of wine, and said: 'I would know thee — tell me thy story. Thou hast a gallant way with thee, and a noble — art nobly born?'

'We are of the tail of the nobility, good your majesty. My father is a baronet — one of the smaller lords, by knight service — Sir Richard Hendon, of Hendon Hall, by Monk's Holm in Kent.'

'The name has escaped my memory. Go on — tell me thy story.'

"Tis not much, your majesty, yet perchance it may beguile a short half-hour for want of a better. My father, Sir Richard, is very rich, and of a most generous nature. My mother died whilst I was yet a boy. I have two brothers: Arthur, my elder, with a soul like to his father's; and Hugh, younger than I, a mean spirit, covetous, treacherous, vicious, underhanded — a reptile. Such was he from the cradle; such was he ten years past, when I last saw him — a ripe rascal at nineteen, I being twenty then, and Arthur twenty-two. There is none other of us but the Lady Edith, my cousin — she was sixteen, then — beautiful, gentle, good, the daughter of an earl, the last of her race, heiress of a great fortune and a lapsed title. My father was her guardian. I loved her and she loved me; but she was betrothed to Arthur from the cradle, and Sir Richard would not suffer the contract to be broken. Arthur loved another maid, and bade us be of good cheer and hold fast to the hope that delay and luck together would some day give success to our several causes. Hugh loved the Lady Edith's fortune, though in truth he said it was herself he loved — but then 'twas his way, alway, to say one thing and mean the other. But he lost his arts upon the girl; he could deceive my father, but none else. My father loved him best of us all, and trusted and believed him; for he was the youngest child and others hated him — these qualities being in all ages sufficient to win a parent's dearest love; and he had a smooth persuasive tongue, with an admirable gift of lying — and these be qualities which do mightily assist a blind affection to cozen itself. I was wild — in troth I might go yet farther and say *very* wild, though 'twas a wildness of an innocent sort, since it hurt none but me, brought shame to none, nor loss, nor had in it any taint of crime or baseness, or what might not beseem mine honorable degree.

'Yet did my brother Hugh turn these faults to good account (и все же мой брат Хью воспользовался моими ошибками: «повернул эти ошибки на хороший счет») — he seeing that our brother Arthur's health was but indifferent (он, видя,

что здоровье нашего брата Артура было всего лишь слабым; *indifferent* — безразличный; незначительный; плохой, неважный), and hoping the worst might work him profit (и надеясь, что худшее может выработать = доставить ему прибыль) were I swept out of the path (если бы я был сметен = убран с пути; *to sweep* —мести) — so (так что) — but 'twere a long tale (но была бы долгая история), good my liege (мой повелитель), and little worth the telling (и мало стоящая рассказа). Briefly, then (вкратце, тогда), this brother did deftly magnify my faults (этот брат ловко приумножил мои ошибки) and make them crimes (сделал их преступлениями); ending his base work with finding a silken ladder in mine apartments (завершая свою подлую работу нахождением шелковой лестницы в моей комнате) — conveyed thither by his own means (принесенную туда им самим = его средствами) — and did convince my father by this (и все-таки убедил моего отца этим), and suborned evidence of servants (и подкупленным свидетельством слуг) and other lying knaves (и других лгущих мошенников), that I was minded to carry off my Edith and marry with her (что я собирался увезти прочь = похитить мою Эдит и жениться на ней), in rank defiance of his will (в отъявленном пренебрежении его волей).

'Three years of banishment from home and England (три года изгнания из дома и Англии) might make a soldier and a man of me (могли бы сделать солдата и человека из меня), my father said (мой отец сказал), and teach me some degree of wisdom (и научить меня некоторой степени мудрости). I fought out (я воевал; *to fight* —сражаться) my long probation (мой длинный испытательный срок) in the continental wars (в континентальных войнах), tasting sumptuously of hard knocks, privation, and adventure (пробуя на вкус тяжелые удары (судьбы), нужду и приключения; *sumptuously* — великоленно); but in my last battle I was taken captive (но в моей последней битве я был взят пленником), and during the seven years that have waxed and waned since then (и в течение семи лет, которые прошли с тех пор), a foreign dungeon hath harbored me (иностранный темница приняла меня). Through wit and courage (через разум и отвагу) I won to the free air at last (я пробился к вольному

воздуху наконец), and fled hither straight (и убежал сюда прямо; *to flee* — *спасаться бегством*); and am but just arrived (и я только что прибыл), right poor in purse and raiment (совершенно бедный кошельком и одеждой), and poorer still in knowledge of what these dull seven years have wrought at Hendon Hall (и еще беднее в знании о том, что эти унылые семь лет сделали в Хендон-Холле; *wrought* — *устар. вместо worked* — *от to work* — *работать*), its people and belongings (с его людьми и имуществом). So please you, sir, my meager tale is told (извольте, сэр, моя тощая = бедная содержанием сказка рассказана; *to tell* — *рассказывать*).'

'Thou hast been shamefully abused (с тобой постыдно плохо обошлись; *to abuse* — *плохо обращаться*)!' said the little king, with a flashing eye (сказал маленький король, со сверкающим взором). 'But I will right thee (но я воздам тебе по справедливости; *to right* — *исправить, защитить права*) — by the cross will I (клянусь крестом, я сделаю это)! The king hath said it (король сказал это).'

Then, fired by the story of Miles's wrongs (затем, распаленный историей о бедах Майлса), he loosed his tongue (он дал волю своему языку) and poured the history of his own recent misfortunes (и излил историю своих собственных недавних бед) into the ears of his astonished listener (в уши его пораженного слушателя). When he had finished (когда он закончил), Miles said to himself (Майлс сказал сам себе).

'Lo, what an imagination he hath (гляди-ка, какое воображение он имеет)! Verily (вправду) this is no common mind (это не обычный ум); else, crazed or sane (иначе, сумасшедший или нормальный), it could not weave (он не мог бы сплести) so straight and gaudy a tale as this (такую прямую/непосредственную и цветистую/закрученную историю, как эту) out of the airy nothings (/прямо/ из воздуха) wherewith (с помощью чего — *устар.*) it hath wrought this curious romaunt (он /ум/ сработал этот любопытный роман; *romaunt* — *устар.*) Poor ruined little head (бедная поврежденная головушка), it shall not lack friend or shelter whilst I bide with the living (она не будет иметь недостатка в друге или

приюте, пока я живу: «пребываю с жизнью»). He shall never leave my side (он никогда не покинет меня: «мою сторону, мой бок»); he shall be my pet (он будет моим любимцем), my little comrade (моим маленьким товарищем). And he shall be cured (и он будет излечен)! — aye (да), made whole and sound (сделан здоровым и крепким) — then will he make himself a name (тогда сделает он себе имя) — and proud shall I be to say (и горд я буду сказать), "Yes, he is mine (да, он мой) — I took him, a homeless little ragamuffin (я взял его, бездомного маленького оборванца), but I saw what was in him (но я увидел, что было в нем), and I said his name would be heard some day (и я сказал, что его имя будет услышано когда-нибудь) — behold him, observe him (смотрите на него) — was I right (был ли я прав)?"

adventure [əd`ventʃə], abuse [ə`bju:z], ruin [`ru:ɪn]

'Yet did my brother Hugh turn these faults to good account — he seeing that our brother Arthur's health was but indifferent, and hoping the worst might work him profit were I swept out of the path — so — but 'twere a long tale, good my liege, and little worth the telling. Briefly, then, this brother did deftly magnify my faults and make them crimes; ending his base work with finding a silken ladder in mine apartments — conveyed thither by his own means — and did convince my father by this, and suborned evidence of servants and other lying knaves, that I was minded to carry off my Edith and marry with her, in rank defiance of his will.

'Three years of banishment from home and England might make a soldier and a man of me, my father said, and teach me some degree of wisdom. I fought out my long probation in the continental wars, tasting sumptuously of hard knocks, privation, and adventure; but in my last battle I was taken captive, and during the seven years that have waxed and waned since then, a foreign dungeon hath harbored me. Through wit and courage I won to the free air at last, and fled hither straight; and am but just arrived, right poor in

purse and raiment, and poorer still in knowledge of what these dull seven years have wrought at Hendon Hall, its people and belongings. So please you, sir, my meager tale is told.'

'Thou hast been shamefully abused!' said the little king, with a flashing eye.

'But I will right thee — by the cross will I! The king hath said it.'

Then, fired by the story of Miles's wrongs, he loosed his tongue and poured the history of his own recent misfortunes into the ears of his astonished listener. When he had finished, Miles said to himself.

'Lo, what an imagination he hath! Verily this is no common mind; else, crazed or sane, it could not weave so straight and gaudy a tale as this out of the airy nothings wherewith it hath wrought this curious romaunt. Poor ruined little head, it shall not lack friend or shelter whilst I bide with the living. He shall never leave my side; he shall be my pet, my little comrade. And he shall be cured! — aye, made whole and sound — then will he make himself a name — and proud shall I be to say, "Yes, he is mine — I took him, a homeless little ragamuffin, but I saw what was in him, and I said his name would be heard some day — behold him, observe him — was I right?"'

The king spoke (король говорил; *to speak — говорить*) — in a thoughtful, measured voice (вдумчивым, размеренным голосом):

'Thou didst save me injury and shame (ты спас меня от телесных повреждений и позора), perchance my life (возможно, мою жизнь), and so my crown (и следовательно, мою корону). Such service demandeth rich reward (такая служба достойна богатой награды; *to demand — требовать*). Name thy desire, and so it be within the compass of my royal power, it is thine (назови свое желание, и, если это будет в пределах моей королевской власти, оно твое = ты получишь это)'

This fantastic suggestion startled Hendon out of his reverie (это фантастическое предложение вывело Хендона из его задумчивости). He was about to thank the king and put the matter aside (он был около = готов поблагодарить короля и

отложить вопрос в сторону) with saying he had only done his duty and desired no reward (говоря, что он только выполнил свой долг и не желал никакого вознаграждения), but a wiser thought (но более мудрая мысль) came into his head (пришла ему в голову), and he asked leave to be silent a few moments and consider the gracious offer (и он попросил позволения помолчать несколько минут и обдумать великодушное предложение) — an idea which the king gravely approved (идея, которую король серьезно одобрил), remarking (отметив) that it was best to be not too hasty with a thing of such great import (что это было самым лучшим — не быть слишком поспешным с вещью такой большой важности).

Miles reflected during some moments (Майлс размышлял в течение нескольких моментов), then said to himself (затем сказал себе), 'Yes, that is the thing to do (да, это вещь, чтобы сделать = вот что надо сделать) — by any other means it were impossible to get at it (любыми другими способами было бы невозможно добраться до этого = выполнить это) — and certes (и конечно — *устар.*), this hour's experience (опыт этого часа) has taught me (научил меня; *to teach* — *учить*) 'twould be most wearing and inconvenient (что было бы очень утомительно и неподходяще) to continue it (продолжать это) as it is (как это есть). Yes, I will propose it (да, я предложу это); 'twas a happy accident (это была счастливая случайность) that I did not throw the chance away (что я не отбросил этот шанс прочь).' Then he dropped upon one knee (затем он упал на одно колено) and said (и сказал):

'My poor service went not beyond the limit of a subject's simple duty (моя бедная услуга не ушла за пределы обычной обязанности подданного; *to go* — *идти*), and therefore hath no merit (и, следовательно, не имеет никакой заслуги); but since your majesty is pleased to hold it worthy some reward (но раз вашему величеству угодно считать ее достойной какой-то награды), I take heart of grace (я беру смелость: «сердце милости») to make petition to this effect (подать просьбу о следующем). Near four hundred years ago (почти 400 лет назад), as your grace knoweth (как ваша светлость знает), there being ill blood

(когда было страшное кровопролитие = распря) betwixt John, king of England (между Джоном, королем Англии), and the king of France (и королем Франции), it was decreed (было приказано) that two champions should fight together in the lists (чтобы два богатыря должны были биться вместе на арене), and so settle the dispute (и так уладить разногласия) by what is called the arbitrament of God (тем, что называется судом Божьим). These two kings, and the Spanish king, being assembled to witness and judge the conflict (эти два короля и испанский король когда были призваны, чтобы стать свидетелями и судить бой: «конфликт»), the French champion appeared (французский воин появился); but so redoubtable was he (но таким устрашающим был он) that our English knights refused to measure weapons with him (что наши английские рыцари отказались мериться оружием с ним). So the matter, which was a weighty one (так что дело, которое было весомым = важным), was like to go against the English monarch by default (было вероятным обратиться против английского монарха = закончиться для него поражением за неявкой /воина/; *default* — *отсутствие*). Now in the Tower lay the Lord de Courcy (тогда же в Тауэре находился Лорд де Курси; *to lie* — *лежать*), the mightiest arm in England (сильнейшая рука в Англии), stripped of his honors and possessions (лишенный почестей и владений), and wasting with long captivity (и томившийся в долгом заключении). Appeal was made to him (обращение было сделано к нему); he gave assent (он дал согласие), and came forth arrayed for battle (и вышел, облаченный для битвы; *forth* — *вперед*); but no sooner did the Frenchman glimpse his huge frame and hear his famous name (но не скорее чем = как только француз увидел его гигантский облик и услышал его знаменитое имя; *to glimpse* — *увидеть мельком*) but he fled away (он спасся бегством; *to flee* — *убегать*), and the French king's cause was lost (и дело французского короля было проиграно; *to lose* — *терять, проигрывать*). King John restored de Courcy's titles and possessions (король Джон восстановил титулы и владения де Курси), and said (и сказал), "Name thy wish (назови твое желание) and thou shalt have it (и ты получишь это), though it cost me half my kingdom

(даже если бы это стоило мне половины моего царства)"; whereat de Courcy, kneeling (на что де Курси, коленопреклоненный), as I do now (как я сейчас), made answerer (ответил), "This, then, I ask, my liege (вот что я тогда прошу, мой повелитель); that I and my successors may have and hold the privilege of remaining covered in the presence of the kings of England, henceforth while the throne shall last (чтобы я и мои наследники могли владеть и сохранять привилегию оставаться покрытыми = с покрытой головой в присутствии королей Англии с тех пор и пока трон будет стоять: «длиться»; *to hold* — *держат*)." The boon was granted (просьба была удовлетворена), as your majesty knoweth (как ваше величество знает); and there hath been no time, these four hundred years, that that line has failed of an heir (и не было времени = случая за эти 400 лет, чтобы этот род лишился наследника); and so, even unto this day (и так, прямо до этого дня), the head of that ancient house still weareth his hat or helm before the king's majesty (глава этого древнего дома все еще носит свою шляпу или шлем перед королем), without let or hindrance (без позволения или помехи), and this none other may do (и этого никто другой не может делать). Invoking this precedent in aid of my prayer (ссылаясь на этот прецедент в поддержку моей мольбы; *to invoke* — *призывать*), I beseech the king to grant to me but this one grace and privilege (я прошу короля даровать мне лишь эту одну милость и привилегию) — to my more than sufficient reward (в качестве моей более чем достаточной награды) — and none other, to wit (и никакую другую, а именно): that I and my heirs, forever (чтобы я и мои наследники, навечно), may sit in the presence of the majesty of England (могли сидеть в присутствии Величества Англии)!

'Rise, Sir Miles Hendon, knight (встань, сэр Майлс Хендон, рыцарь),' said the king, gravely (сказал король важно) — giving the accolade with Hendon's sword (совершая акколаду = обряд посвящения мечом Хендона) — 'rise, and seat thyself (встань и сядь). Thy petition is granted (твоя просьба удовлетворена). While England remains, and the crown continues (пока Англия остается и

корона продолжается), the privilege shall not lapse (эта привилегия не прекратит действие).'

His majesty walked apart, musing (его величество отошел, задумавшись), and Hendon dropped into a chair at table, observing to himself (а Хендон опустился на стул у стола, заметив себе), "Twas a brave thought, and hath wrought me a mighty deliverance (это была прекрасная мысль, она сделала = принесла мне огромное облегчение; *wrought* — *устар.* вместо *worked on to work* — *работать, делать*); my legs are grievously wearied (мои ноги ужасно устали). An I had not thought of that, I must have had to stand for weeks, till my poor lad's wits are cured (если бы я не подумал об этом, мне бы пришлось стоять неделями, пока разум моего бедного парня не излечится). After a little he went on (спустя немного времени он продолжил), 'And so I am become a knight of the Kingdom of Dreams and Shadows (итак, я стал рыцарем царства Снов и Теней). A most odd and strange position, truly, for one so matter-of-fact as I (весьма необычное и странное звание, по правде говоря, для такого прозаического человека, как я; *matter of fact* — «дело факта» = *действительность*). I will not laugh (я не стану смеяться) — no, God forbid, for this thing which is so substanceless to me is real to him (нет, Боже возбрани, ибо эта вещь, которая так несущественна для меня, так подлинна для него). And to me, also, in one way, it is not a falsity (и для меня тоже в одном отношении это не мираж), for it reflects with truth the sweet and generous spirit that is in him (ибо это отражает истинно: «с правдой» тот добрый и благородный дух, который есть в нем). After a pause (после паузы): 'Ah, what if he should call me by my fine title before folk (ах, что если бы он назвал меня моим высоким титулом перед людьми)! — there'd be a merry contrast betwixt my glory and my raiment (был бы забавный контраст = несоответствие между моей славой и моей одеждой)! But no matter (но неважно); let him call me what he will (пусть он называет меня чем = как он хочет), so it please him; I shall be content (если ему это нравится; я буду доволен).'

injury [ˈɪnʤəri], default [diˈfɔ:lt], precedent [priˈsi:dənt]

The king spoke — in a thoughtful, measured voice:

'Thou didst save me injury and shame, perchance my life, and so my crown. Such service demandeth rich reward. Name thy desire, and so it be within the compass of my royal power, it is thine.'

This fantastic suggestion startled Hendon out of his reverie. He was about to thank the king and put the matter aside with saying he had only done his duty and desired no reward, but a wiser thought came into his head, and he asked leave to be silent a few moments and consider the gracious offer — an idea which the king gravely approved, remarking that it was best to be not too hasty with a thing of such great import.

Miles reflected during some moments, then said to himself, 'Yes, that is the thing to do — by any other means it were impossible to get at it — and certes, this hour's experience has taught me 'twould be most wearing and inconvenient to continue it as it is. Yes, I will propose it; 'twas a happy accident that I did not throw the chance away.' Then he dropped upon one knee and said:

'My poor service went not beyond the limit of a subject's simple duty, and therefore hath no merit; but since your majesty is pleased to hold it worthy some reward, I take heart of grace to make petition to this effect. Near four hundred years ago, as your grace knoweth, there being ill blood betwixt John, king of England, and the king of France, it was decreed that two champions should fight together in the lists, and so settle the dispute by what is called the arbitrament of God. These two kings, and the Spanish king, being assembled to witness and judge the conflict, the French champion appeared; but so redoubtable was he that our English knights refused to measure weapons with him. So the matter, which was a weighty one, was like to go against the English monarch by default. Now in the Tower lay the Lord de Courcy, the mightiest arm in England, stripped of his honors and possessions, and wasting

with long captivity. Appeal was made to him; he gave assent, and came forth arrayed for battle; but no sooner did the Frenchman glimpse his huge frame and hear his famous name but he fled away, and the French king's cause was lost. King John restored De Courcy's titles and possessions, and said, "Name thy wish and thou shalt have it, though it cost me half my kingdom"; whereat De Courcy, kneeling, as I do now, made answerer, "This, then, I ask, my liege; that I and my successors may have and hold the privilege of remaining covered in the presence of the kings of England, henceforth while the throne shall last." The boon was granted, as your majesty knoweth; and there hath been no time, these four hundred years, that that line has failed of an heir; and so, even unto this day, the head of that ancient house still weareth his hat or helm before the king's majesty, without let or hindrance, and this none other may do. Invoking this precedent in aid of my prayer, I beseech the king to grant to me but this one grace and privilege — to my more than sufficient reward — and none other, to wit: that I and my heirs, forever, may sit in the presence of the majesty of England!

'Rise, Sir Miles Hendon, knight,' said the king, gravely — giving the accolade with Hendon's sword — 'rise, and seat thyself. Thy petition is granted. While England remains, and the crown continues, the privilege shall not lapse.'

His majesty walked apart, musing, and Hendon dropped into a chair at table, observing to himself, "'Twas a brave thought, and hath wrought me a mighty deliverance; my legs are grievously wearied. An I had not thought of that, I must have had to stand for weeks, till my poor lad's wits are cured.' After a little he went on, 'And so I am become a knight of the Kingdom of Dreams and Shadows! A most odd and strange position, truly, for one so matter-of-fact as I. I will not laugh — no, God forbid, for this thing which is so substanceless to me is real to him. And to me, also, in one way, it is not a falsity, for it reflects with truth the sweet and generous spirit that is in him.' After a pause: 'Ah, what if he should call me by my fine title before folk! —

there'd be a merry contrast betwixt my glory and my raiment! But no matter; let him call me what he will, so it please him; I shall be content.'

CHAPTER XIII (Глава тринадцатая)

The Disappearance of the Prince (Исчезновение принца)

A HEAVY drowsiness presently fell upon the two comrades (тяжелая дремота вскоре упала на двух товарищей). The king said (король сказал):

'Remove these rags (сними эти лохмотья; *to remove* — удалять)' — meaning his clothing (имея в виду свою одежду).

Hendon disappareled the boy without dissent or remark (Хендон раздел мальчика без несогласия или замечания), tucked him up in bed (укутал его в кровати; *to tuck up* — заботливо укрыть, подоткнуть одеяло), then glanced about the room (затем оглядел комнату), saying to himself, ruefully (говоря себе уныло), 'He hath taken my bed again, as before (он занял мою кровать снова, как раньше; *to take* — брать) — marry (черт побери), what shall I do (что я буду делать)?' The little king observed his perplexity (маленький король заметил его замешательство), and dissipated it with a word (и рассеял его одним словом). He said, sleepily (он сказал сонно):

'Thou wilt sleep athwart the door, and guard it (ты будешь спать поперек двери и охранять ее; *wilt* — устар. вместо *will*).' In a moment more he was out of his troubles (через еще одну секунду он был вне своих тревог), in a deep slumber (в глубоком сне).

'Dear heart (Боже мой: «дорогое сердце»), he should have been born a king (он должен был быть рожден королем; *to be born* — родиться!') muttered Hendon, admiringly (пробормотал Хендон восхищенно), 'he playeth the part to a marvel (он играет свою роль идеально : «к чуду»).'

Then he stretched himself across the door (затем он вытянулся поперек двери), on the floor (на полу), saying contentedly (говоря удовлетворенно): 'I have lodged worse for seven years (я жил хуже в течение семи лет); 'twould be but ill gratitude to Him above to find fault with this (было бы плохой благодарностью Ему наверху = Богу, находить что-то неправильное в этом).' He dropped asleep (заснул: «упал спящий») as the dawn appeared (когда рассвет появился). Toward noon he rose (ближе к полудню он поднялся; *to rise* — *вставать*), uncovered his unconscious ward (раскрыл = снял одеяло со своего бессознательного = спящего подопечного) — a section at a time (одна часть за один раз = приподнимая одеяло по частям) — and took his measure with a string (и снял с него мерку бечевкой; *measure* — *мера*). The king awoke (король проснулся; *to awake* — *просыпаться*), just as he had completed his work (как только он закончил свою работу), complained of the cold (пожаловался на холод), and asked what he was doing (и спросил, что он делал).

"Tis done now, my liege (это сделано теперь, мой повелитель),' said Hendon (сказал Хендон); 'I have a bit of business outside (у меня есть небольшое дело снаружи = в городе), but will presently return (но скоро вернусь); sleep thou again (спи ты снова) — thou needest it (ты нуждаешься в этом). There (вот) — let me cover thy head also (позволь мне покрыть твою голову также) — thou'lt be warm the sooner (ты будешь теплым = согреешься тем скорее).'

The king was back in dreamland (король был назад = вернулся в страну снов) before this speech was ended (прежде чем эта речь была закончена). Miles slipped softly out (Майлс выскользнул тихонько наружу), and slipped as softly in again (и так же тихонько скользнул внутрь снова = вернулся), in the course of thirty or forty minutes (в течение 30 или 40 минут), with a complete second-hand suit of boy's clothing (с полным поношенным комплектом одежды для мальчика; *second* — *второй*; *hand* — *рука*), of cheap material (из дешевого материала), and showing signs of wear (и показывающим признаки поношенности); but tidy (но опрятным), and suited to the season of the year (и

подходящим ко времени года). He seated himself and began to overhaul his purchase (он уселся и начал тщательно осматривать свою покупку), mumbling to himself (бормоча себе /под нос/):

'A longer purse would have got a better sort (более долгий кошелек добыл бы лучшую разновидность = получше), but when one has not the long purse one must be content with what a short one may do (но когда человек не имеет длинного кошелька, он должен быть доволен тем, что короткий (кошелек) может сделать). —

drowsiness [ˈdraʊzɪnəs], measure [ˈmeɪʒə], suit [sju:t]

A HEAVY drowsiness presently fell upon the two comrades. The king said: 'Remove these rags' — meaning his clothing.

Hendon disappareled the boy without dissent or remark, tucked him up in bed, then glanced about the room, saying to himself, ruefully, 'He hath taken my bed again, as before — marry, what shall I do?' The little king observed his perplexity, and dissipated it with a word. He said, sleepily:

'Thou wilt sleep athwart the door, and guard it.' In a moment more he was out of his troubles, in a deep slumber.

'Dear heart, he should have been born a king!' muttered Hendon, admiringly, 'he playeth the part to a marvel.'

Then he stretched himself across the door, on the floor, saying contentedly:

'I have lodged worse for seven years; 'twould be but ill gratitude to Him above to find fault with this.'

He dropped asleep as the dawn appeared. Toward noon he rose, uncovered his unconscious ward — a section at a time — and took his measure with a string. The king awoke, just as he had completed his work, complained of the cold, and asked what he was doing.

'Tis done now, my liege,' said Hendon; 'I have a bit of business outside, but will presently return; sleep thou again — thou needest it. There — let me cover thy head also — thou'lt be warm the sooner.'

The king was back in dreamland before this speech was ended. Miles slipped softly out, and slipped as softly in again, in the course of thirty or forty minutes, with a complete second-hand suit of boy's clothing, of cheap material, and showing signs of wear; but tidy, and suited to the season of the year. He seated himself and began to overhaul his purchase, mumbling to himself:

'A longer purse would have got a better sort, but when one has not the long purse one must be content with what a short one may do —

"There was a woman in our town (женщина жила в нашем городке),
In our town did dwell" (у нас в городке жила; *did* — делала; *to dwell* — жить, обитать) —

'He stirred, methinks (он пошевелился, кажется мне) — I must sing in a less thunderous key (я должен петь в менее громогласном ключе); 'tis not good to mar his sleep (это нехорошо — нарушать его сон), with this journey before him (с этим путешествием перед ним = предстоящим ему) and he so wearied out, poorchap (и (при том что) он так устал, бедняга)... This garment (это одеяние) — 'tis well enough (оно хорошо достаточно) — a stitch here and another one there will set it aright (один стежок здесь и другой там приведут его в порядок; *to set* — установить). This other is better (это другое (одеяние) лучше), albeit a stitch or two will not come amiss in it, likewise (хотя стежок-другой не помешает в нем также; *amiss* — неподходящий, несвоевременный, неуместный; *некстати*)... These be very good and sound (эти — очень хороши и крепки), and will keep his small feet warm and dry (и сохранят его маленькие ноги теплыми и сухими) — an odd new thing to him, belike (странная новая вещь для него, похоже), since he has doubtless been used to foot it bare (так как он без сомнения привык ходить босиком), winters and summers the same

(зимой и летом одинаково)... Would thread were bread (если бы нитка была хлебом), seeing one getteth (видя = учитывая, что человек: «один» получает) a year's sufficiency (годовой запас) for a farthing (за один фартинг), and such a brave big needle without cost (а такую прекрасную большую иглу — бесплатно: «без цены»), for mere love (ни за что: «за простую любовь»). Now shall I have the demon's own time (теперь у меня будет дьявольское собственное время = мне будет, черт возьми, нелегко) to thread it (вдеть ее = нитку в иголку)!

And so he had (и так и случилось). He did as men have always done (он делал, как мужчины всегда делали), and probably always will do (и, возможно, всегда будут делать), to the end of time (до конца времен) — held the needle still (держал иглу неподвижно; *to hold* — *держат*), and tried to thrust the thread (и старался просунуть нитку) through the eye (в ушко: «в глазок»), which is the opposite of a woman's way (что есть противоположность женскому пути = способу). Time and time again the thread missed the mark (снова и снова нитка пропускала цель), going sometimes on one side of the needle (проходя иногда по одну сторону иголки), sometimes on the other (иногда по другую), sometimes doubling up against the shaft (иногда сгибаясь об иголку; *to double up* — *сгибаться, сдваиваться*; *shaft* — *стержень*); but he was patient (но он был терпелив), having been through these experiences before (пройдя через этот опыт раньше), when he was soldiering (когда он солдатствовал = служил солдатом). He succeeded at last (он достиг цели наконец), and took up the garment that had lain waiting, meantime, across his lap (и поднял одеяние, которое лежало, ожидая, между тем, у него на коленях; *across* — *поперек*; *lap* — *лоно*), and began his work (и начал свою работу; *to begin* — *начинать*). 'The inn is paid (эта гостиница оплачена; *to pay* — *платить*) — the breakfast that is to come, included (завтрак, который должен подойти, включен) — and there is wherewithal left (и есть необходимые средства оставшиеся) to buy a couple of donkeys (чтобы купить пару ослов) and meet our little costs (и соответствовать нашим малым расходам) for the two or three days betwixt this (на два или три

дня между этим = сегодняшним) and the plenty that awaits us at Hendon Hall (и изобилием, которое ожидает нас в Хендон-Холле) —

"She loved her hus" (она любила своего мужень...; *husband* — *супруг*) —

'Body o' me (черт возьми)! I have driven the needle under my nail (я загнал иглу себе под ноготь; *to drive* — *вести, вбивать*)!.. It matters little (это значит немного) — 'tis not a novelty (это не новшество = не в первый раз) — yet 'tis not a convenience, neither (и все же это не удобство = неприятно тоже)... We shall be merry there (мы будем веселы там), little one (малыш), never doubt it (не сомневайся в этом)! Thy troubles will vanish there (твои беды исчезнут там), and likewise thy sad distemper (и также твое прискорбное душевное расстройство) —

"She loved her husband dearilee (она любила своего мужа нежно; *устар.* вместо *dearily* — *нежно*),

But another man (но другой мужчина)" —

'These be noble large stitches (эти — благородные, крупные стежки)!' — holding the garment up and viewing it admiringly (держа одежду вверх = на вытянутых руках и разглядывая ее с восхищением) — 'they have a grandeur and a majesty (они имеют размах и величие) that do cause these small stingy ones of the tailor-man to look mighty paltry and plebeian (которые заставляют эти маленькие скупые стежки портного выглядеть чрезвычайно ничтожными и плебейскими) —

"She loved her husband dearilee (она любила своего мужа нежно),

But another man he loved she (но другой человек, он любил ее)," —

albeit [0:l`bi:it], convenience [kən`vi:njəns], experience [iks`pɪəriəns]

"There was a woman in our town,

In our town did dwell" —

'He stirred, methinks — I must sing in a less thunderous key; 'tis not good to mar his sleep, with this journey before him and he so wearied out, poorchap...

This garment — 'tis well enough — a stitch here and another one there will set it aright. This other is better, albeit a stitch or two will not come amiss in it, likewise... *These* be very good and sound, and will keep his small feet warm and dry — an odd new thing to him, belike, since he has doubtless been used to foot it bare, winters and summers the same... Would thread were bread, seeing one getteth a year's sufficiency for a farthing, and such a brave big needle without cost, for mere love. Now shall I have the demon's own time to thread it!

And so he had. He did as men have always done, and probably always will do, to the end of time — held the needle still, and tried to thrust the thread through the eye, which is the opposite of a woman's way. Time and time again the thread missed the mark, going sometimes on one side of the needle, sometimes on the other, sometimes doubling up against the shaft; but he was patient, having been through these experiences before, when he was soldiering. He succeeded at last, and took up the garment that had lain waiting, meantime, across his lap, and began his work. 'The inn is paid — the breakfast that is to come, included — and there is wherewithal left to buy a couple of donkeys and meet our little costs for the two or three days betwixt this and the plenty that awaits us at Hendon Hall —

""She loved her hus" —

'Body o' me! I have driven the needle under my nail!.. It matters little — 'tis not a novelty — yet 'tis not a convenience, neither... We shall be merry there, little one, never doubt it! Thy troubles will vanish there, and likewise thy sad distemper —

""She loved her husband dearilee,

But another man" —

'These be noble large stitches!' — holding the garment up and viewing it admiringly — 'they have a grandeur and a majesty that do cause these small stingy ones of the tailor-man to look mighty paltry and plebeian —

""She loved her husband dearilee,

But another man he loved she," —

'Marry (ну вот), 'tis done (это сделано) — a goodly piece of work (отличная работа), too (к тому же), and wrought with expedition (и сделанная с быстротой; *wrought вместо worked om to work — работать*). Now will I wake him, apparel him, pour for him, feed him (теперь я разбужу его, одену его, полью воды для него, накормлю его), and then will we hie us to the mart (и затем поспешим мы поспешим к рынку) by the Tabard inn in Southwark (у Табард-инна в Саутуорке; *inn — постоянный двор*) and — be pleased to rise, my liege (и — будь любезен встать, мой повелитель)! — he answereth not (он не отвечает) — what ho, my liege (эгегей, мой властелин)! — of a truth must I profane his sacred person with a touch (по правде, должен я осквернить его священную персону прикосновением), sith his slumber is deaf to speech (ибо его сон глух к речи; *sith вместо since*). What (что)!"

He threw back the covers (он откинул покрывала; *to throw — кидать*) — the boy was gone (мальчик исчез: «был ушедшим»)!

He stared about him in speechless astonishment (он смотрел вокруг себя в безмолвном недоумении) for a moment (минуту); noticed for the first time that his ward's ragged raiment was also missing (заметил в первый раз, что изодранная одежда его подопечного также отсутствовала), then he began to rage and storm (затем он начал свирепствовать и бушевать), and shout for the inn-keeper (и кричать = звать хозяина постоянного двора). At that moment a servant entered with the breakfast (в эту минуту слуга вошел с завтраком).

'Explain (объясни), thou limb of Satan (ты, бесовское отродье), or thy time is come (или твой час пришел)! 'roared the man of war (взревел воин), and made so savage a spring toward the waiter (и сделал такой дикий прыжок к официанту) that this latter (что этот последний) could not find his tongue (не мог найти своего языка = не мог сказать и слова), for the instant (мгновение), for fright and surprise (от страха и удивления). 'Where is the boy (где мальчик)?'

In disjointed and trembling syllables (в разъединенных и дрожащих слогах) the man gave the information desired (этот человек дал информацию требуемую). 'You were hardly gone from the place (вы едва ушли отсюда: «из этого места»), your worship (ваша милость), when a youth came running (когда юноша прибежал: «пришел бегом») and said it was your worship's will (и сказал, что это была воля вашей милости) that the boy come to you straight, at the bridge-end (чтобы мальчик пришел к вам прямо, на конец моста) on the Southwark side (на Саутуоркской стороне). I brought him thither (я отвел его туда (в комнату); *to bring* — *приносить, приводить*); and when he woke the lad and gave his message (и когда он разбудил мальчика и передал свое сообщение), the lad did grumble some little for being disturbed 'so early,' (мальчик поворчал чуть-чуть из-за того, что его побеспокоили «так рано») as he called it (как он назвал это), but straightway trussed on his rags (но сразу же нацепил свои лохмотья) and went with the youth (и пошел с юношей), only saying it had been better manners that your worship came yourself (только говоря, что лучшей манерой было бы, чтобы ваша милость пришла сама), not sent a stranger (не прислала незнакомца; *to send* — *посылать*) — and so (так что) —'

'And so thou'rt a fool (так что ты дурак)! — a fool, and easily cozened (дурак, и легко обманываемый) — hang all thy breed (повесить бы всю твою породу)! Yet mayhap no hurt is done (все еще, возможно, никакой вред не причинен). Possibly no harm is meant the boy (возможно, никакой вред не приготовлен мальчику; *to mean* — *иметь в виду*). I will go fetch him (я пойду заберу его). Make the table ready (сделай стол готовым). Stay (стой)! the coverings of the bed were disposed as if one lay beneath them (покрывала кровати были расположены, как если бы человек лежал под ними; *to lie* — *лежать*) — happened that by accident (случилось это случайно)?'

'I know not, good your worship (я не знаю, ваша милость). I saw the youth meddle with them (я видел, как юноша возится с ними) — he that came for the boy (тот, который пришел за мальчиком).'

'Thousand deaths (тысяча смертей)! 'twas done to deceive me (это было сделано, чтобы обмануть меня) — 'tis plain 'twas done to gain time (ясно, что это было сделано, чтобы выиграть время). Hark ye (слушай)! Was that youth alone (был этот юноша один)?'

'All alone (совсем один), your worship (ваша милость).'

'Art sure (ты уверен)?'

'Sure, your worship (уверен, ваша милость).'

'Collect thy scattered wits — bethink thee (собери свой разбросанные мысли, подумай) — take time, man (возьми время = не торопись, парень).' After a moment's thought (после минутного размышления), the servant said (слуга сказал):

'When he came (когда он пришел), none came with him (ни один не пришел с ним); but now I remember me (но теперь я вспоминаю себе) that as the two stepped into the throng of the Bridge (что когда они двое вступили в толпу Моста), a ruffian-looking man (хулиганом выглядящий человек; *to look* — *смотреть, выглядеть*) plunged out from some near place (выскочил из какого-то ближнего места); and just as he was joining them (и прямо когда он присоединялся к ним) —'

'What *then* (что тогда)? — out with it (выкладывай: «наружу с этим»)!'

thundered the impatient Hendon, interrupting (прогремел нетерпеливый Хендон, перебивая).

'Just then the crowd lapped them up (прямо тогда толпа поглотила их) and closed them in (и загородила их), and I saw no more (и я не видел ничего больше), being called by my master (будучи призванным моим хозяином), who was in a rage (который был в бешенстве) because a joint that the scrivener had ordered was forgot (потому что окорок, который нотариус заказал, был забыт — *устар. вместо forgotten om to forget* — *забывать; joint* — *сочленение, систем*), though I take all the saints to witness (хотя я беру всех святых, чтобы свидетельствовать = во свидетели) that to blame *me* for that miscarriage (что винить меня в этом проступке) were like (было как = все равно, что) holding

the unborn babe to judgment (держать нерожденного младенца к суду = судить его) for sins com— (за грехи, соверш...; *to commit* — совершать)'

'Out of my sight, idiot (прочь с глаз моих, идиот: «вон из моего поля зрения»)!

Thy prating drives me mad (твоя болтовня сводит меня с ума)! Hold (стой)!

whither art flying (куда же ты летишь; *whither* — устар. вместо *where* — куда)? Canst not bide still an instant (не можешь ли ты задержаться еще на минуту)? Went they toward Southwark (пошли они к Саутворку; *to go* — идти)?'

'Even so, your worship (ровно так, ваша милость) — for, as I said before (ибо, как я сказал раньше), as to that detestable joint (что касается этого презренного окорока), the babe unborn is no whit more blameless than (дитя нерожденное есть ни на йоту более невиновно, чем) —'

'Art here *yet* (ты здесь еще)! And prating still (и мелешь вздор все еще)? Vanish (исчезни), lest I throttle thee (чтобы я не задушил тебя; *lest* — чтобы не)! The servitor vanished (слуга исчез). Hendon followed after him (Хендон последовал за ним), passed him (обогнал его), and plunged down the stairs (и ринулся вниз по лестнице) two steps at a stride (две ступеньки за один шаг), muttering (бормоча), "Tis that scurvy villain (это тот гнусный негодяй) that claimed he was his son (который утверждал, что он его сын). I have lost thee (я потерял тебя), my poor little mad master (мой бедный маленький сумасшедший хозяин) — it is a bitter thought (это горькая мысль) — and I had come to love thee so (а я так привязался к тебе)! No (нет)! by book and bell (книгой и колоколом = клянусь всем святым /Писанием и церковью/), not *lost* (не потерял)! Not lost (не потерял), for I will ransack the land (так как я обещаю всю страну) till I find thee again (пока я не найду тебя снова). Poor child (бедное дитя), yonder (вон там — устар.) is his breakfast (его завтрак) — and mine (и мой), but I have no hunger now (но я не испытываю голода теперь) — so, let the rats have it (так что пусть крысы съедят его) — speed, speed (торопись, торопись)! that is the word (вот это слово)! As he wormed his swift way (пока он прокладывал свой быстрый путь) through the noisy multitudes (через шумные толпы) upon the

Bridge (на Мосту), he several times said to himself (он несколько раз говорил себе) — clinging to the thought (держась одной мысли) as if it were a particularly pleasing one (как если бы она была особенно приятной): 'He grumbled but he *went* (он поворчал, но он пошел) — he went, yes (он пошел, да), because he thought Miles Hendon asked it (потому что он думал, что Майлс Хендон попросил об этом), sweet lad (милый мальчик) — he would ne'er have done it for another (он бы никогда не сделал это для другого; *ne'er* = *never* — *никогда*), I know it well (я знаю это хорошо)!

limb [lɪm], Satan [ˈseɪt(ə)n], impatient [ɪmˈpeɪʃənt]

'Marry, 'tis done — a goodly piece of work, too, and wrought with expedition. Now will I wake him, apparel him, pour for him, feed him, and then will we hie us to the mart by the Tabard inn in Southwark and — be pleased to rise, my liege! — he answereth not — what ho, my liege! — of a truth must I profane his sacred person with a touch, sith his slumber is deaf to speech. What!'

He threw back the covers — the boy was gone!

He stared about him in speechless astonishment for a moment; noticed for the first time that his ward's ragged raiment was also missing, then he began to rage and storm, and shout for the inn-keeper. At that moment a servant entered with the breakfast.

'Explain, thou limb of Satan, or thy time is come! 'roared the man of war, and made so savage a spring toward the waiter that this latter could not find his tongue, for the instant, for fright and surprise. 'Where is the boy?'

In disjointed and trembling syllables the man gave the information desired.

'You were hardly gone from the place, your worship, when a youth came running and said it was your worship's will that the boy come to you straight, at the bridge-end on the Southwark side. I brought him thither; and when he woke the lad and gave his message, the lad did grumble some little for being

disturbed 'so early,' as he called it, but straightway trussed on his rags and went with the youth, only saying it had been better manners that your worship came yourself, not sent a stranger — and so —'

'And so thou'rt a fool! — a fool, and easily cozened — hang all thy breed! Yet mayhap no hurt is done. Possibly no harm is meant the boy. I will go fetch him. Make the table ready. Stay! the coverings of the bed were disposed as if one lay beneath them — happened that by accident?'

'I know not, good your worship. I saw the youth meddle with them- he that came for the boy.'

'Thousand deaths! 'twas done to deceive me — 'tis plain 'twas done to gain time. Hark ye! Was that youth alone?'

'All alone, your worship.'

'Art sure?'

'Sure, your worship.'

'Collect thy scattered wits — bethink thee — take time, man.' After a moment's thought, the servant said:

'When he came, none came with him; but now I remember me that as the two stepped into the throng of the Bridge, a ruffian-looking man plunged out from some near place; and just as he was joining them —'

'What *then?* — out with it!' thundered the impatient Hendon, interrupting.

'Just then the crowd lapped them up and closed them in, and I saw no more, being called by my master, who was in a rage because a joint that the scrivener had ordered was forgot, though I take all the saints to witness that to blame *me* for that miscarriage were like holding the unborn babe to judgment for sins com —'

'Out of my sight, idiot! Thy prating drives me mad! Hold! whither art flying? Canst not bide still an instant? Went they toward Southwark?'

'Even so, your worship — for, as I said before, as to that detestable joint, the babe unborn is no whit more blameless than —'

'Art here *yet!* And prating still? Vanish, lest I throttle thee!' The servitor vanished. Hendon followed after him, passed him, and plunged down the stairs two steps at a stride, muttering, 'Tis that scurvy villain that claimed he was his son. I have lost thee, my poor little mad master — it is a bitter thought — and I had come to love thee so! No! by book and bell, not *lost!* Not lost, for I will ransack the land till I find thee again. Poor child, yonder is his breakfast — and mine, but I have no hunger now — so, let the rats have it — speed, speed! that is the word!' As he wormed his swift way through the noisy multitudes upon the Bridge, he several times said to himself — clinging to the thought as if it were a particularly pleasing one: 'He grumbled but he *went* — he went, yes, because he thought Miles Hendon asked it, sweet lad — he would ne'er have done it for another, I know it well!'

CHAPTER XIV (Глава четырнадцатая)

'Le Roi est Mort — Vive le Roi (Король мертв — да здравствует король — франц.)'

TOWARD daylight of the same morning (ближе к дню того самого утра), Tom Canty stirred out of a heavy sleep (Том Кэнти проснулся из тяжелого сна; *to stir* — *шевелить(ся)*; *двигать(ся)*) and opened his eyes in the dark (и открыл свои глаза в темноте). He lay silent a few moments (он лежал молча несколько секунд; *to lie* — *лежать*), trying to analyze his confused thoughts and impressions (стараясь разобраться в своих смешанных мыслях и впечатлениях), and get some sort of meaning out of them (и добыть какое-нибудь значение из них), then suddenly he burst out (затем вдруг он разразился) in a rapturous but guarded voice (восторженным, но сдержанным голосом):

'I see it all, I see it all (я вижу = понимаю это все)! Now God be thanked (вот Господь да будет возблагодарен), I am, indeed, awake at last (я действительно проснулся наконец)! Come, joy (приди, радость)! vanish, sorrow (исчезни, печаль)! Но, Nan! Bet (эй, Нэн! Бет)! kick off your straw (скиньте свою солому) and hie ye hither to my side (и спешите сюда, ко мне), till I do pour into your unbelieving ears (пока я не изолью в ваши неверящие уши) the wildest madcap dream (самый дикий безрассудный сон) that ever the spirits of night did conjure up (который когда-либо духи ночи вызывали в воображении) to astonish the soul of man withal (чтобы поразить душу человека этим)!... Но, Nan, I say! Bet (эй, Нэн, я говорю, Бет)!'

A dim form appeared (тусклая фигура появилась) at his side (рядом с ним: «у его бока»), and a voice said (и какой-то голос сказал):

'Wilt deign to deliver thy commands (ты снизойдешь, чтобы отдать твои приказы; *to deign* — *снизойти*)?'

'Commands (приказы)?.. Oh, woe is me (о, горе мне), I know thy voice (я знаю твой голос)! Speak, thou (говори) — who am I (кто я)?'

'Thou (ты)? In sooth, yesternight (поистине, вчерашней ночью) wert thou the Prince of Wales (был ты принцем Уэльским), to-day art thou my most gracious liege (сегодня ты мой милостивый властелин), Edward, king of England (Эдуард, король Англии).'

Tom buried his head among his pillows (Том зарыл свою голову в подушки; *among* — *посреди*), murmuring plaintively (бормоча жалобно):

'Alack, it was no dream (увы, это был не сон)! Go to thy rest (иди к твоему отдыху = отдыхай), sweet sir (милый, сэра) — leave me to my sorrows (оставь меня моим печалям).'

Tom slept again (Том заснул снова), and after a time he had this pleasant dream (и спустя некоторое время он увидел этот = следующий приятный сон). He thought it was summer and he was playing (он думал, что стояло лето и он играл), all alone (совсем один), in the fair meadow (на красивом лугу) called Goodman's Fields (называемом Поля Гудмена), when a dwarf only a foot high

(когда карлик высотой всего лишь в фут), with long red whiskers and a humped back (с длинными рыжими усами и горбатой спиной), appeared to him suddenly (показался ему внезапно) and said (и сказал), 'Dig, by that stump (копай у этого пня).' He did so (он сделал так), and found twelve bright new pennies (и нашел двенадцать блестящих новеньких пенни; *to find* — *находить*) — wonderful riches (удивительные сокровища)! Yet this was not the best of it (и это было не самое лучшее); for the dwarf said (ибо карлик сказал): 'I know thee (я знаю тебя). Thou art a good lad and deserving (ты хороший мальчик и достойный); thy distresses (твои беды) shall end (закончатся), for the day of thy reward is come (ибо день твоего вознаграждения пришел). Dig here every seventh day (копай здесь каждый седьмой день), and thou shalt find always the same treasure (и ты найдешь всегда то же самое сокровище), twelve bright new pennies (двенадцать ярких новых пенсов). Tell none — keep the secret (не говори никому — храни эту тайну).'

treasure [ˈtreɪzə], bright [braɪt], suddenly [ˈsʌdnli]

TOWARD daylight of the same morning, Tom Canty stirred out of a heavy sleep and opened his eyes in the dark. He lay silent a few moments, trying to analyze his confused thoughts and impressions, and get some sort of meaning out of them, then suddenly he burst out in a rapturous but guarded voice: 'I see it all, I see it all! Now God be thanked, I am, indeed, awake at last! Come, joy! vanish, sorrow! Ho, Nan! Bet! kick off your straw and hie ye hither to my side, till I do pour into your unbelieving ears the wildest madcap dream that ever the spirits of night did conjure up to astonish the soul of man withal!.. Ho, Nan, I say! Bet!.. '

A dim form appeared at his side, and a voice said:

'Wilt deign to deliver thy commands?'

'Commands?.. Oh, woe is me, I know thy voice! Speak, thou — who am I?'

'Thou? In sooth, yesternight wert thou the Prince of Wales, to-day art thou my most gracious liege, Edward, king of England.'

Tom buried his head among his pillows, murmuring plaintively:

'Alack, it was no dream! Go to thy rest, sweet sir — leave me to my sorrows.'

Tom slept again, and after a time he had this pleasant dream. He thought it was summer and he was playing, all alone, in the fair meadow called Goodman's Fields, when a dwarf only a foot high, with long red whiskers and a humped back, appeared to him suddenly and said, 'Dig, by that stump.' He did so, and found twelve bright new pennies — wonderful riches! Yet this was not the best of it; for the dwarf said:

'I know thee. Thou art a good lad and deserving; thy distresses shall end, for the day of thy reward is come. Dig here every seventh day, and thou shalt find always the same treasure, twelve bright new pennies. Tell none — keep the secret.'

Then the dwarf vanished (затем карлик исчез), and Tom flew to Offal Court with his prize (и Том помчался ко Тупику Отбросов со своей находкой), saying to himself (говоря себе), 'Every night will I give my father a penny (каждую ночь = каждый вечер буду я давать моему отцу по пенсу); he will think I begged it (он будет думать, что я выпросил его), it will glad his heart (это обрадует его сердце), and I shall no more be beaten (и я не буду больше избиваем). One penny every week the good priest that teacheth me shall have (один пенс каждую неделю хороший священник, который учит меня, будет иметь); mother, Nan, and Bet the other four (мать, Нэн и Бет — остальные четверо). We be done with hunger and rags now (мы покончили с голодом и лохмотьями теперь), done with fears and frets and savage usage (покончили со страхами и тревогами и диким = жестоким обращением).'

In his dream he reached his sordid home (во сне он достиг своего убогого дома) all out of breath (весь лишенный дыхания = запыхавшийся), but with eyes dancing with grateful enthusiasm (но с глазами, танцевавшими от благодарного

энтузиазма); cast four of his pennies into his mother's lap and cried out (бросил четыре из своих пенсов на мамины колени и выкрикнул; *to cast* — *кидать*): 'They are for thee (они для тебя)! — all of them (все они), every one (каждый)! — for thee and Nan and Bet (для тебя и Нэн и Бет) — and honestly come by (и честно = честным путем пришедшие), not begged nor stolen (не выпрошенные и не украденные; *nor* — *и не*)!'

The happy and astonished mother (счастливая и пораженная мать) strained him to her breast and exclaimed (притянула его к своей груди и воскликнула):

'It waxeth late (становится поздно) — may it please your majesty to rise (не угодно ли вашему величеству встать)?'

Ah, that was not the answer he was expecting (ах, это был не тот ответ, которого он ожидал). The dream had snapped asunder (сон разлетелся на куски) — he was awake (он проснулся).

He opened his eyes (он открыл свои глаза) — the richly clad (богато одетый) First Lord of the Bedchamber (Первый Лорд Опочивальни) was kneeling by his couch (стоял на коленях у его ложа). The gladness of the lying dream faded away (счастье лживого сна испарилось) — the poor boy recognized (бедный мальчик понял) that he was still a captive and a king (что он все еще был пленником и королем). The room was filled with courtiers (комната была наполнена царедворцами) clothed in purple mantles (одетыми в пурпурные мантии) — the mourning color (цвет скорби; *mourning* — *траур*) — and with noble servants of the monarch (и благородными = вельможными служителями монарха). Tom sat up in bed (Том сел в кровати) and gazed out from the heavy silken curtains (и уставился из-под тяжелых шелковых занавесов) upon this fine company (на это прекрасное общество).

The weighty business of dressing began (тяжелое дело одевания началось; *weight* — *вес*), and one courtier after another knelt (и один придворный за другим опускался на колени) and paid his court (и оказывал свою услугу) and offered to the little king his condolences (и приносил маленькому королю свои соболезнования) upon his heavy loss (в связи с его тяжелой потерей), while the

dressing proceeded (в то время как одевание продолжалось). In the beginning (в начале), a shirt was taken up by the Chief Equerry in Waiting (рубашка была взята обер-шталмейстером), who passed it to the First Lord of the Buckhounds (который передал ее первому лорду егермейстеру), who passed it to the Second Gentleman of the Bedchamber (который передал ее второму лорду опочивальни), who passed it to the Head Ranger of Windsor Forest (который передал ее главному лесничему Виндзорского леса), who passed it to the Third Groom of the Stole (который передал ее третьему обер-камергеру), who passed it to the Chancellor Royal of the Duchy of Lancaster (который передал ее королевскому канцлеру герцогства Ланкастерского), who passed it to the Master of the Wardrobe (который передал ее хранителю королевской одежды), who passed it to Norroy King-at-Arms (который передал ее герольдмейстеру Норройскому), who passed it to the Constable of the Tower (который передал ее коменданту Тауэра), who passed it to the Chief Steward of the Household (который передал ее лорду заведующему дворцовым хозяйством), who passed it to the Hereditary Grand Diaperer (который передал ее главному наследственному подвязывателю королевской салфетки), who passed it to the Lord High Admiral of England (который передал ее первому лорду адмиралтейства), who passed it to the Archbishop of Canterbury (который передал ее архиепископу Кентерберийскому), who passed it to the First Lord of the Bedchamber (который передал ее первому лорду опочивальни), who took what was left of it (который взял, что осталось от нее) and put it on Tom (и надел это на Тома; *to put on* — *надевать*). Poor little wondering chap (бедный маленький удивленный мальчик), it reminded him of passing buckets at a fire (это напомнило ему передачу (из рук в руки) ведер при пожаре).

savage [ˈsævɪG], clothed [klɒd], weighty [ˈweɪtɪ]

Then the dwarf vanished, and Tom flew to Offal Court with his prize, saying to himself, 'Every night will I give my father a penny; he will think I begged it,

it will glad his heart, and I shall no more be beaten. One penny every week the good priest that teacheth me shall have; mother, Nan, and Bet the other four. We be done with hunger and rags now, done with fears and frets and savage usage.'

In his dream he reached his sordid home all out of breath, but with eyes dancing with grateful enthusiasm; cast four of his pennies into his mother's lap and cried out:

'They are for thee! — all of them, every one! — for thee and Nan and Bet — and honestly come by, not begged nor stolen!'

The happy and astonished mother strained him to her breast and exclaimed: 'It waxeth late — may it please your majesty to rise?'

Ah, that was not the answer he was expecting. The dream had snapped asunder — he was awake.

He opened his eyes — the richly clad First Lord of the Bedchamber was kneeling by his couch. The gladness of the lying dream faded away — the poor boy recognized that he was still a captive and a king. The room was filled with courtiers clothed in purple mantles — the mourning color — and with noble servants of the monarch. Tom sat up in bed and gazed out from the heavy silken curtains upon this fine company.

The weighty business of dressing began, and one courtier after another knelt and paid his court and offered to the little king his condolences upon his heavy loss, while the dressing proceeded. In the beginning, a shirt was taken up by the Chief Equerry in Waiting, who passed it to the First Lord of the Buckhounds, who passed it to the Second Gentleman of the Bedchamber, who passed it to the Head Ranger of Windsor Forest, who passed it to the Third Groom of the Stole, who passed it to the Chancellor Royal of the Duchy of Lancaster, who passed it to the Master of the Wardrobe, who passed it to Norroy King-at-Arms, who passed it to the Constable of the Tower, who passed it to the Chief Steward of the Household, who passed it to the Hereditary Grand Diaperer, who passed it to the Lord High Admiral of

England, who passed it to the Archbishop of Canterbury, who passed it to the First Lord of the Bedchamber, who took what was left of it and put it on Tom. Poor little wondering chap, it reminded him of passing buckets at a fire.

Each garment in its turn had to go through this slow and solemn process (каждый предмет одежды в свою очередь должен был пройти этот медленный и торжественный процесс); consequently Tom grew very weary of the ceremony (соответственно, Тому стал очень утомленным от этой церемонии); so weary (таким утомленным) that he felt an almost gushing gratefulness (что он ощутил почти безудержную радость; *gush* — сильный, стремительный поток; сильная струя) when he at last saw his long silken hose (когда он наконец увидел, как его длинные шелковые чулки) begin the journey down the line (начинают путешествие вдоль линии) and knew that the end of the matter was drawing near (и понял, что конец всего этого приближался). But he exulted too soon (но он обрадовался слишком скоро). The First Lord of the Bedchamber received the hose (первый лорд опочивальни получил чулки) and was about to encase Tom's legs in them (и был готов заключить ноги Тома в них), when a sudden flush invaded his face (когда внезапный румянец вошел в его лицо) and he hurriedly hustled the things back into the hands of the Archbishop of Canterbury with an astounded look and a whispered (и он поспешно сунул их обратно в руки архиепископа Кентерберийского с пораженным видом и произнесенными шепотом /словами/), 'See, my lord (взгляните, милорд)!' — pointing to a something connected with the hose (указывая на что-то, связанное с чулками). The Archbishop paled, then flushed (архиепископ побледнел, затем покраснел), and passed the hose to the Lord High Admiral (и передал чулки адмиралу), whispering (шепча) 'See, my lord (взгляните, милорд)!' The Admiral passed the hose to the Hereditary Grand Diaperer, and had hardly breath enough in his body to ejaculate (адмирал передал чулки наследственному подвязывателю королевской салфетки, и у него едва хватило дыхания = силы произнести), 'See, my lord (взгляните, милорд)!' The hose drifted backward along the line

(чулки перенеслись обратно вдоль линии), to the Chief Steward of the Household, the Constable of the Tower, Norroy King-at-Arms, the Master of the Wardrobe, the Chancellor Royal of the Duchy of Lancaster, the Third Groom of the Stole, the Head Ranger of Windsor Forest, the Second Gentleman of the Bedchamber, the First Lord of the Buckhounds (к лорду заведующему дворцовым хозяйством, коменданту Тауэра, герольдмейстеру Норройскому, хранителю королевской одежды, канцлеру герцогства Ланкастерского, третьему обер-камергеру, главному лесничему Виндзорского леса, второму лорду опочивальни, первому лорду егермейстеру) — accompanied always with that amazed and frightened 'See! see!' (сопровожаемые всегда этим изумленным и испуганным «Смотрите! Смотрите!») — till they finally reached the hands of the Chief Equerry in Waiting (пока они наконец не достигли рук обер-шталмейстера), who gazed a moment (который смотрел минуту), with a pallid face (с мертвенно-бледным лицом), upon what had caused all this dismay (на то, что вызвало весь этот переполох), then hoarsely whispered (затем хрипло прошептал).

'Body of my life (Господи помилуй: «тело моей жизни»), a tag gone from a truss point (наконечник пропал с конца шнурка)! — to the Tower with the Head Keeper of the King's Nose (в Тауэр главного хранителя королевских чулок)! — after which he leaned upon the shoulder of the First Lord of the Buckhounds (после чего он оперся о плечо первого лорда егермейстера) to regather his vanished strength (чтобы восстановить свои иссякшие силы) while fresh hose, without any damaged strings to them, were brought (пока свежие чулки, без каких-либо поврежденных шнурков на них, были принесены; *to bring — приносить*).

But all things must have an end (но все вещи должны иметь конец), and so in time Tom Cauty was in a condition to get out of bed (так что спустя некоторое время Том Кэнти был в состоянии вылезти из постели). The proper official (соответствующий чиновник) poured water (налил воды), the proper official engineered the washing (соответствующий чиновник осуществлял умывание),

the proper official stood by with a towel (соответствующий чиновник стоял рядом с полотенцем), and by and by (и вскоре) Tom got safely through the purifying stage (Том прошел благополучно стадию очистки) and was ready for the services of the Hairdresser-Royal (и был готов к услугам королевского цирюльника). When he at length emerged from his master's hands (когда он наконец вышел из рук своего мастера), he was a gracious figure (он был прелестной фигуркой) and as pretty as a girl (и таким хорошеньким, как девочка), in his mantle and trunks of purple satin, and purple-plumed cap (в своей мантии и штанах из пурпурного атласа и в шапочке с пурпурным пером). He now moved in state (он теперь двигался торжественно) toward his breakfast-room (к своей комнате для завтраков), through the midst of the courtly assemblage (через середину = среди угодливой толпы); and as he passed (и пока он проходил), these fell back (эти = они откидывались назад; *to fall* — *падать*), leaving his way free (оставляя его путь свободным), and dropped upon their knees (и падали на колени).

pallid [ˈpælɪd], accompany [əˈkʌmpəni], proper [ˈprɒpə]

Each garment in its turn had to go through this slow and solemn process; consequently Tom grew very weary of the ceremony; so weary that he felt an almost gushing gratefulness when he at last saw his long silken hose begin the journey down the line and knew that the end of the matter was drawing near. But he exulted too soon. The First Lord of the Bedchamber received the hose and was about to encase Tom's legs in them, when a sudden flush invaded his face and he hurriedly hustled the things back into the hands of the Archbishop of Canterbury with an astounded look and a whispered, 'See, my lord!' — pointing to a something connected with the hose. The Archbishop paled, then flushed, and passed the hose to the Lord High Admiral, whispering 'See, my lord!' The Admiral passed the hose to the Hereditary Grand Diaperer, and had hardly breath enough in his body to ejaculate, 'See,

my lord!' The hose drifted backward along the line, to the Chief Steward of the Household, the Constable of the Tower, Norroy King-at-Arms, the Master of the Wardrobe, the Chancellor Royal of the Duchy of Lancaster, the Third Groom of the Stole, the Head Ranger of Windsor Forest, the Second Gentleman of the Bedchamber, the First Lord of the Buckhounds — accompanied always with that amazed and frightened 'See! see!' — till they finally reached the hands of the Chief Equerry in Waiting, who gazed a moment, with a pallid face, upon what had caused all this dismay, then hoarsely whispered 'Body of my life, a tag gone from a truss point! — to the Tower with the Head Keeper of the King's Hose!' — after which he leaned upon the shoulder of the First Lord of the Buckhounds to regather his vanished strength while fresh hose, without any damaged strings to them, were brought.

But all things must have an end, and so in time Tom Canty was in a condition to get out of bed. The proper official poured water, the proper official engineered the washing, the proper official stood by with a towel, and by and by Tom got safely through the purifying stage and was ready for the services of the Hairdresser-Royal. When he at length emerged from his master's hands, he was a gracious figure and as pretty as a girl, in his mantle and trunks of purple satin, and purple-plumed cap. He now moved in state toward his breakfast-room, through the midst of the courtly assemblage; and as he passed, these fell back, leaving his way free, and dropped upon their knees.

After breakfast he was conducted (после завтрака он был препровожден), with regal ceremony (с пышной церемонией), attended (сопровождается) by his great officers (его вельможными придворными) and his guard of fifty Gentlemen Pensioners bearing gilt battle-axes (и своей стражей из пятидесяти дворян, несших позолоченные алебарды; *gentleman* — джентльмен, дворянин; *pensioner* — наемник), to the throne-room (в тронный зал), where he proceeded to transact business of state (куда он проследовал, чтобы заниматься делами

государства; *to transact* — вести дела). His 'uncle' Lord Hertford (его «дядя» лорд Хартфорд), took his stand by the throne (занял свое место подле трона; *to take* — брать), to assist the royal mind with wise counsel (чтобы помогать королевскому уму мудрым советом).

The body of illustrious men (отряд/группа прославленных людей) named by the late king as his executors (называвшихся покойным королем его душеприказчиками), appeared, to ask Tom's approval of certain acts of theirs (появились, чтобы испросить у Тома одобрения некоторых актов, составленных ими) — rather a form (в значительной мере формальность), and yet not wholly a form (и все же не совсем формальность; *wholly* — целиком), since there was no Protector as yet (так как не было лорда-протектора еще). The Archbishop of Canterbury made report of the decree of the Council of Executors (архиепископ Кентерберийский сделал доклад о постановлении Совета Душеприказчиков) concerning the obsequies of his late most illustrious majesty (касательно похорон его покойного весьма достославного величества), and finished by reading the signatures of the executors, to wit (и закончил прочтением подписией душеприказчиков, а именно): the Archbishop of Canterbury (архиепископ Кентерберийский); the Lord Chancellor of England (лорд-канцлер Англии); William Lord St. John (Уильям Лорд Сент-Джон); John Lord Russell (Джон Лорд Расселл); Edward Earl of Hertford (Эдуард, граф Хартфордский); John Viscount Lisle (Джон, виконт Лилльский); Cuthbert Bishop of Durham (Катберт, епископ Дарэмский) —

Tom was not listening (Том не слушал) — an earlier clause of the document was puzzling him (более ранний пункт документа смущал его). At this point he turned (в этот момент он обернулся) and whispered to Lord Hertford (и прошептал лорду Хартфорду):

'What day did he say the burial hath been appointed for (на какой день, он сказал, погребение было назначено; *to appoint* — назначать)?'

'The 16th of the coming month (на 16-е приходящего = следующего месяца), my liege (мой повелитель).'

"Tis a strange folly (это странная неосмотрительность). Will he keep (он продержится)?"

Poor chap (бедный парень), he was still new to the customs of royalty (он все еще был нов = незнаком с обычаями королевской власти); he was used to seeing the forlorn dead of Offal Court hustled out of the way with a very different sort of expedition (он привык видеть, как жалкого мертвеца из Тупика Отбросов отбрасывали с дороги с совершенно другим видом спешки; *to be used to smth* — *быть привыкшим к чему-то*). However, the Lord Hertford set his mind at rest (однако лорд Хартфорд успокоил его: «установил его разум на отдых») with a word or two (несколькими словами: «одним словом или двумя»).

A secretary of state presented an order of the council (статс-секретарь представил постановление государственного совета) appointing the morrow at eleven for the reception of the foreign ambassadors (назначавшее на другой день в одиннадцать часов прием иностранных послов), and desired the king's assent (и испросил дозволения короля).

Tom turned an inquiring look toward Hertford (Том обратил вопрошающий взгляд к Хартфорду), who whispered (который прошептал):

'Your majesty will signify consent (Ваше величество изъявит согласие). They come to testify their royal masters' sense of the heavy calamity (они прибывают, чтобы выразить вам соболезнование их августейших повелителей по поводу тяжкого горя) which hath visited your grace and the realm of England (которое постигло Ваше величество и королевство Англию).'

Tom did as he was bidden (Том сделал, как его попросили: «как он был попрошен»). Another secretary began to read a preamble (другой секретарь начал читать преамбулу) concerning the expenses of the late king's household (касательно расходов хозяйства покойного короля), which had amounted to 28000 pounds (которые составили 28000 фунтов) during the preceding six months (за предыдущие шесть месяцев) — a sum so vast (сумму настолько огромную) that it made Tom Canty gasp (что она заставила Тома ахнуть от

изумления); he gasped again (он ахнул снова) when the fact appeared (когда факт появился = когда выяснилось) that 20000 of this money (что 20000 из этих денег) were still owing and unpaid (были все еще задолжены и невыплачены); and once more (и еще один раз) when it appeared that the king's coffers were about empty (когда выяснилось, что королевская казна почти пуста), and his twelve hundred servants much embarrassed (а его двенадцать сотен = 1200 слуг удручены) for lack of the wages (отсутствием жалования) due them (причитающегося им). Tom spoke out, with lively apprehension (Том громко произнес с сильной тревогой; *to speak out* — высказываться, громко говорить).

'We be going to the dogs (мы пойдем ко всем чертям = разоримся), 'tis plain (это ясно). 'Tis meet and necessary (это правильно и необходимо) that we take a smaller house (чтобы мы взяли домик поменьше) and set the servants at large (и распустить наших слуг; *to set at large* — распустить), sith they be of no value but to make delay (так как они не представляют никакой ценности, а только все замедляют; *delay* — задержка) and trouble one with offices that harass the spirit and shame the soul (и беспокоят человека услугами, которые беспокоят дух и пристыжают душу), they misbecoming any but a doll (они не приличествуют никому, кроме куклы), that hath nor brains nor hands to help itself withal (которая не имеет ни мозга, ни рук, чтобы помочь себе ими). I remember me of a small house (я вспоминаю маленький дом) that standeth over against the fish-market, by Billingsgate — (который стоит напротив рыбного рынка у Билингсгэйт)'

obsequies [ˈɒbsɪkwɪz], preceding [priˈsiːdɪŋ], signature [ˈsɪgnətʃə]

After breakfast he was conducted, with regal ceremony, attended by his great officers and his guard of fifty Gentlemen Pensioners bearing gilt battle-axes, to the throne-room, where he proceeded to transact business of state. His

'uncle' Lord Hertford, took his stand by the throne, to assist he royal mind with wise counsel.

The body of illustrious men named by the late king as his executors, appeared, to ask Tom's approval of certain acts of theirs — rather a form, and yet not wholly a form, since there was no Protector as yet. The Archbishop of Canterbury made report of the decree of the Council of Executors concerning the obsequies of his late most illustrious majesty, and finished by reading the signatures of the executors, to wit: the Archbishop of Canterbury; the Lord Chancellor of England; William Lord St. John; John Lord Russell; Edward Earl of Hertford; John Viscount Lisle; Cuthbert Bishop of Durham — Tom was not listening — an earlier clause of the document was puzzling him.

At this point he turned and whispered to Lord Hertford:

'What day did he say the burial hath been appointed for?'

'The 16th of the coming month, my liege.'

'Tis a strange folly. Will he keep?'

Poor chap, he was still new to the customs of royalty; he was used to seeing the forlorn dead of Offal Court hustled out of the way with a very different sort of expedition. However, the Lord Hertford set his mind at rest with a word or two.

A secretary of state presented an order of the council appointing the morrow at eleven for the reception of the foreign ambassadors, and desired the king's assent.

Tom turned an inquiring look toward Hertford, who whispered:

'Your majesty will signify consent. They come to testify their royal masters' sense of the heavy calamity which hath visited your grace and the realm of England.'

Tom did as he was bidden. Another secretary began to read a preamble concerning the expenses of the late king's household, which had amounted to 28000 pounds during the preceding six months — a sum so vast that it made Tom Canty gasp; he gasped again when the fact appeared that 20000 of this

money were still owing and unpaid; and once more when it appeared that the king's coffers were about empty, and his twelve hundred servants much embarrassed for lack of the wages due them. Tom spoke out, with lively apprehension.

'We be going to the dogs, 'tis plain. 'Tis meet and necessary that we take a smaller house and set the servants at large, sith they be of no value but to make delay, and trouble one with offices that harass the spirit and shame the soul, they misbecoming any but a doll, that hath nor brains nor hands to help itself withal. I remember me of a small house that standeth over against the fish-market, by Billingsgate —'

A sharp pressure upon Tom's arm (резкое нажатие на руку Тома) stopped his foolish tongue (остановило его глупый язык) and sent a blush to his face (и послало краску в его лицо); but no countenance there betrayed any sign (но ни одно лицо там не подало ни одного знака) that this strange speech had been remarked or given concern (что эта странная речь была замечена или вызвала беспокойство).

A secretary made report (секретарь сделал доклад) that forasmuch as the late king (что ввиду того, что почивший король) had provided in his will (заявил в своем завещании) for conferring the ducal degree upon the Earl of Hertford (о жаловании герцогского титула графу Хартфорду) and raising his brother, Sir Thomas Seymour (и о поднятении = переводе его брата, сэра Томаса Сеймура), to the peerage (в сословие пэров), and likewise Hertford's son to an earldom (а равно и сына Хартфорда — в графское звание), together similar aggrandizements to other great servants of the crown (вместе с подобными возвышениями другим великим слугам короны), the council had resolved to hold a sitting (совет решил провести заседание) on the 16th February (16 февраля) for the delivering and confirming of these honors (для отдания и подтверждения этих почестей); and that meantime the late king (и что в то же время почивший король) not having granted (не пожаловав), in writing (в

письменной форме), estates suitable to the support of these dignities (поместий, пригодных для поддержания этих титулов), the council (совет), knowing his private wishes in that regard (зная его личные желания в этом отношении), had thought proper (счел подходящим) to grant to Seymour '500 pound lands' (пожаловать Сеймуру земли на 500 фунтов) and to Hertford's son '800 pound lands (а сыну Хартфорда — земли на 800 фунтов), and 300 pound of the next bishop's lands (и на 300 фунтов от соседних земель епископа) which should fall vacant (которые могут освободиться),' — his present majesty being willing (при согласии его настоящего величества).

Tom was about to blurt out something (был готов выпалить что-нибудь) about the propriety of paying (о уместности (того, чтобы) выплатить) the late king's debts (долги покойного короля) first (сперва) before squandering all his money (прежде чем расточать все его деньги); but a timely touch upon his arm (но своевременное прикосновение к его руке), from the thoughtful Hertford (от чуткого Хартфорда = сделанное им), saved him this indiscretion (сохранило его от этой неосмотрительности); wherefore he gave the royal assent (по каковой причине он дал свое королевское согласие), without spoken comment (без произнесенного комментария), but with much inward discomfort (но с сильным внутренним дискомфортом). While he sat (пока он сидел) reflecting a moment over the ease (размышляя минуту над легкостью) with which he was doing strange and glittering miracles (с которой он делал странные и блистательные чудеса), a happy thought shot into his mind (счастливая мысль пришла ему на ум; *to shoot* — стрелять; *mind* — сознание, мысли): why not make his mother Duchess of Offal Court (почему бы не сделать свою мать герцогиней Тупика отбросов) and give her an estate (и не дать ей поместье)? But a sorrowful thought (но печальная мысль) swept it instantly away (смела это немедленно прочь; *to sweep* — мести); he was only a king in name (он был королем только по имени; *only* — только), these grave veterans and great nobles were his masters (эти важные ветераны и великие дворяне были его хозяевами); to them his mother was only the creature of a diseased mind (для них его мать была всего

лишь созданием большого ума); they would simply listen to his project with unbelieving ears (они просто выслушали бы его проект неверящими ушами), then send for the doctor (затем послали бы за доктором). The dull work went tediously on (скучная работа нудно продолжилась). Petitions were read (петиции зачитывались), and proclamations (и прокламации), patents (грамоты), and all manner of wordy, repetitious and wearisome papers (и всякие виды многословных, повторяющихся и утомительных бумаг) relating to the public business (относящихся к государственным делам); and at last Tom sighed pathetically (и наконец Том вздохнул жалобно) and murmured to himself (и пробормотал себе), 'In what have I offended (в чем согрешил я), that the good God should take me away from the fields and the free air and the sunshine (чтобы милостивый Бог забрал меня с полей и вольного воздуха и солнечного света), to shut me up here and make me a king and afflict me so (чтобы запереть меня здесь и сделать меня королем и причинять мне боль так; *to shut up* — закрыть, заколотить, заткнуть; *to afflict* — беспокоить; страдать; задевать, огорчать; причинять боль)?' Then his poor muddled head nodded awhile (затем его бедная одурманенная голова кивала какое-то время), and presently dropped to his shoulder (и вскоре упала ему на плечо); and the business of the empire came to a standstill (и дела империи зашли в тупик) for want of that august factor (из-за отсутствия августейшего фактора), the ratifying power (ратифицирующей силы). Silence ensued around the slumbering child (тишина воцарилась вокруг дремлющего ребенка), and the sages of the realm ceased from their deliberations (и мудрецы королевства прекратили свои обсуждения).

pressure [ˈpreʃə], assent [əˈsent], pathetically [pəˈθetɪklɪ]

A sharp pressure upon Tom's arm stopped his foolish tongue and sent a blush to his face; but no countenance there betrayed any sign that this strange speech had been remarked or given concern.

A secretary made report that forasmuch as the late king had provided in his will for conferring the ducal degree upon the Earl of Hertford and raising his brother, Sir Thomas Seymour, to the peerage, and likewise Hertford's son to an earldom, together similar aggrandizements to other great servants of the crown, the council had resolved to hold a sitting on the 16th February for the delivering and confirming of these honors; and that meantime the late king not having granted, in writing, estates suitable to the support of these dignities, the council, knowing his private wishes in that regard, had thought proper to grant to Seymour '500 pound lands' and to Hertford's son '800 pound lands, and 300 pound of the next bishop's lands which should fall vacant,' — his present majesty being willing.

Tom was about to blurt out something about the propriety of paying the late king's debts first before squandering all his money; but a timely touch upon his arm, from the thoughtful Hertford, saved him this indiscretion; wherefore he gave the royal assent, without spoken comment, but with much inward discomfort. While he sat reflecting a moment over the ease with which he was doing strange and glittering miracles, a happy thought shot into his mind: why not make his mother Duchess of Offal Court and give her an estate? But a sorrowful thought swept it instantly away; he was only a king in name, these grave veterans and great nobles were his masters; to them his mother was only the creature of a diseased mind; they would simply listen to his project with unbelieving ears, then send for the doctor.

The dull work went tediously on. Petitions were read, and proclamations, patents, and all manner of wordy, repetitious and wearisome papers relating to the public business; and at last Tom sighed pathetically and murmured to himself, 'In what have I offended, that the good God should take me away from the fields and the free air and the sunshine, to shut me up here and make me a king and afflict me so?' Then his poor muddled head nodded awhile, and presently dropped to his shoulder; and the business of the empire came to a standstill for want of that august factor, the ratifying power. Silence ensued

around the slumbering child, and the sages of the realm ceased from their deliberations.

During the forenoon (в течение утра), Tom had an enjoyable hour (Том провел приятный час), by permission of his keepers, Hertford and St. John (с позволения своих смотрителей, Хартфорда и Сент-Джона), with the Lady Elizabeth and the little Lady Jane Grey (с леди Элизабет и маленькой леди Джейн Грей); though the spirits of the princesses were rather subdued (хотя настроение принцесс было весьма подавленным) by the mighty stroke that had fallen upon the royal house (могучим ударом, который упал на королевский дом); and at the end of the visit his 'elder sister' (и в конце визита его «старшая сестра») — afterward the 'Bloody Mary' of history (впоследствии «Кровавая Мэри» истории) — chilled him with a solemn interview (заморозила его = привела его в уныние торжественной беседой) which had but one merit in his eyes, its brevity (которая имела только одно достоинство в его глазах, краткость). He had a few moments to himself (у него было несколько минут на себя), and then a slim lad of about twelve years of age was admitted to his presence (а затем худой парень примерно двенадцати лет был допущен в его присутствие), whose clothing (чья одежда), except his snowy ruff and the laces about his wrists (за исключением его белоснежного воротника и кружев на запястьях), was of black (была черного цвета) — doublet, hose and all (камзол, чулки и все /остальное/). He bore no badge of mourning but a knot of purple ribbon on his shoulder (он не носил никакого знака траура, только узел из пурпурной ленты на плече). He advanced hesitatingly (он продвинулся колеблясь; *to hesitate* — *колебаться*), with head bowed and bare (с головой склоненной и непокрытой), and dropped upon one knee in front of Tom (и упал на одно колено перед Томом). Tom sat still and contemplated him soberly for a moment (Том сидел неподвижно и разглядывал его серьезно минуту). Then he said (затем он сказал):

'Rise, lad (встань, мальчик). Who art thou (кто ты)? What wouldst have (чего ты хочешь)?'

The boy rose (мальчик встал), and stood at graceful ease (и стоял с непринужденной грацией), but with an aspect of concern in his face (но с выражением озабоченности на лице). He said (он сказал):

'Of a surety thou must remember me, my lord (конечно, ты должен помнить меня, милорд). I am thy whipping-boy (я твой мальчик для битья; *to whip* — хлестать).

'My *whipping*-boy (мой мальчик для битья)?'

'The same, your grace (он самый, ваша милость), I am Humphrey — Humphrey Marlow (я Хамфри — Хамфри Марло).'

Tom perceived that here was some one (Том понял, что здесь = перед ним был кто-то) whom his keepers ought to have told him about (о ком его хранители должны были бы ему рассказать). The situation was delicate (ситуация была деликатная). What should he do (что должен он сделать)? — pretend he knew this lad (притвориться, что он знает этого мальчика; *to know* — знать), and then betray, by his every utterance (а затем выдать каждым своими высказыванием), that he had never heard of him before (что он никогда о нем раньше не слышал)? No, that would not do (нет, это не пойдет: «это бы не сделало»). An idea came to his relief (мысль пришла ему на помощь; *relief* — облегчение, помощь): accidents like this (случаи как этот = такие события) might be likely to happen (возможно, будут случаться; *likely* — вероятный) with some frequency (с некоторой частотой), now that (теперь, когда) business urgencies (неотложные дела; *urgency* — крайняя необходимость) would often call (часто будут отзывать) Hertford and St. John from his side (Хартфорда и Сент-Джона от него: «от его бока»), they being members of the council of executors (так как они члены совета душеприказчиков); therefore perhaps it would be well (следовательно, возможно, было бы хорошо) to strike out a plan himself (составить план самому) to meet the requirements of such emergencies (чтобы отвечать требованиям таких непредвиденных случаев). Yes, that would

be a wise course (да, это был бы мудрый курс) — he would practise on this boy (он попрактикуется на этом мальчике), and see what sort of success he might achieve (и посмотрит, какого рода успеха он мог бы достигнуть). So he stroked his brow (так что он гладил свой лоб), perplexedly (растерянно), a moment or two (минуту или две), and presently said (и наконец сказал):

'Now I seem to remember thee somewhat (сейчас я, кажется, вспомнил тебя отчасти) — but my wit (но мой разум) is clogged and dim with suffering (застопорен и затуманен страданием; *clog* — затруднение, помеха, препятствие; *to clog* — затруднять движение, задерживать, препятствовать, обременять; *dim* — неясный, неотчетливый, смутный) —' 'Alack, my poor master (увы, мой бедный хозяин)!' ejaculated the whipping-boy, with feeling (воскликнул мальчик для битья с чувством); adding, to himself (добавив к себе = себе под нос), 'In truth 'tis as they said (поистине это = все так, как они сказали) — his mind is gone (его разум исчез) — alas, poor soul (увы, бедная душа)! But misfortune catch me (но напасть меня разрази; *to catch* — ловить), how am I forgetting (как это я забываю)! they said one must not seem to observe (они сказали, что никто не должен казаться замечать = подавать вида, что замечает) that aught is wrong with him (что что-либо не в порядке с ним).'

subdue [səb`dju:], brevity [ˈbrevɪtɪ], frequency [ˈfri:kwənsɪ]

During the forenoon, Tom had an enjoyable hour, by permission of his keepers, Hertford and St. John, with the Lady Elizabeth and the little Lady Jane Grey; though the spirits of the princesses were rather subdued by the mighty stroke that had fallen upon the royal house; and at the end of the visit his 'elder sister' — afterward the 'Bloody Mary' of history — chilled him with a solemn interview which had but one merit in his eyes, its brevity. He had a few moments to himself, and then a slim lad of about twelve years of age was admitted to his presence, whose clothing, except his snowy ruff and the laces

about his wrists, was of black — doublet, hose and all. He bore no badge of mourning but a knot of purple ribbon on his shoulder. He advanced hesitatingly, with head bowed and bare, and dropped upon one knee in front of Tom. Tom sat still and contemplated him soberly for a moment. Then he said:

'Rise, lad. Who art thou? What wouldst have?'

The boy rose, and stood at graceful ease, but with an aspect of concern in his face. He said:

'Of a surety thou must remember me, my lord. I am thy whipping-boy.'

'My *whipping*-boy?'

'The same, your grace, I am Humphrey — Humphrey Marlow.'

Tom perceived that here was some one whom his keepers ought to have told him about. The situation was delicate. What should he do? — pretend he knew this lad, and then betray, by his every utterance, that he had never heard of him before? No, that would not do. An idea came to his relief: accidents like this might be likely to happen with some frequency, now that business urgencies would often call Hertford and St. John from his side, they being members of the council of executors; therefore perhaps it would be well to strike out a plan himself to meet the requirements of such emergencies. Yes, that would be a wise course — he would practise on this boy, and see what sort of success he might achieve. So he stroked his brow, perplexedly, a moment or two, and presently said:

'Now I seem to remember thee somewhat — but my wit is clogged and dim with suffering —'

'Alack, my poor master!' ejaculated the whipping-boy, with feeling; adding, to himself, 'In truth 'tis as they said — his mind is gone — alas, poor soul! But misfortune catch me, how am I forgetting! they said one must not seem to observe that aught is wrong with him.'

"Tis strange how my memory doth wanton with me these days (это странно, как = какие шутки моя память играет со мной в эти дни; *to wanton* — *резвиться, забавляться*),' said Tom (сказал Том). 'But mind it not (но не обращай на это внимания) — I mend apace (я поправляюсь быстро) — a little clue (маленький ключ) doth often serve (обычно служит) to bring me back again the things and names which had escaped me (чтобы принести мне обратно вещи и имена, которые от меня убежали = которые я забыл). (And not they, only, forsooth (и не их только, поистине), but e'en such (но даже такие; *e'en* вместо *even* — *даже*) as I ne'er heard before (о которых я никогда не слышал прежде; *to hear* — *слышать*) — as this lad shall see (как этот мальчик увидит).) Give thy business speech (говори о твоём деле: «дай твою деловую речь»).'

"Tis matter of small weight (это дело малого веса = важности), my liege (мой господин), yet will I touch upon it (и все же коснусь я его), an it please your grace (если это порадует вашу милость). Two days gone by (два дня прошедшие = тому назад), when your majesty faulted thrice in your Greek (когда ваше величество ошиблись трижды в вашем греческом) — in the morning lessons (на утренних занятиях) — dost remember it (ты помнишь это)?'

'Ye-e-s- methinks I do (да-а-а-а, мне кажется, я вспоминаю). (It is not much of a lie (это не такая уж большая ложь) — if I had meddled with the Greek at all (если бы я связался с греческим вообще), I had not faulted simply thrice (я бы допустил ошибку не просто трижды), but forty times (а 40 раз). Yes, I do recall it now (да, я действительно вспоминаю это теперь) — go on (продолжай: «иди дальше»).'

"The master (учитель), being wroth (будучи разгневанным) with what he termed such slovenly and doltish work (тем, что он назвал такой неопрятной и тупой работой), did promise (пообещал: «сделал пообещать») that he would soundly whip me for it (что он хорошенько высечет меня за это) — and (и) —'

'Whip *thee* (высечет тебя)!' said Tom (сказал Том), astonished out of his presence of mind (пораженный до глубины души: «из его присутствия сознания»).

'Why should he whip *thee* for faults of mine (почему должен он сечь тебя за мои ошибки; mine — мой)?'

'Ah, your grace forgetteth again (ах, ваша милость забывает снова). He always scourgeth me (он всегда сечет меня), when thou dost fail (когда ты проваливаешься) in thy lessons (на твоих уроках).'

'True, true (верно, верно) — I had forgot (я забыл; *to forget* — *забывать*). Thou teachest me in private (ты учишь меня наедине) — then if I fail (потом, если я провалюсь), he argueth that thy office was lamely done, and (он утверждает, что твоя работа была плохо сделана и...) —'

'Oh, my liege, what words are these (о, мой господин, что это за слова)? I, the humblest of thy servants (я, ничтожнейший из твоих слуг), presume to teach *thee* (осмеливаюсь учить тебя)!'

'Then where is thy blame (тогда где = в чем твоя вина)? What riddle is this (что это за загадка)? Am I in truth gone mad (действительно ли я сошел с ума; *to go mad* — *становиться сумасшедшим*), or is it thou (или это ты)? Explain — speak out (объясни — скажи).'

'But, good your majesty (но, ваше величество), there's naught that needeth simplifying (нет ничего, что нуждается в упрощении = подробном объяснении). None may visit the sacred person of the Prince of Wales with blows (никто не может карать священную особу принца Уэльского ударами); wherefore when he faulteth (по какой причине, когда он делает ошибки), 'tis I that take them (это я, кто принимает их = побои); and meet it is and right (и подобающе это есть и правильно), for that it is mine office (ибо это моя служба) and my livelihood (и мой источник пропитания).'

Tom stared at the tranquil boy (Том уставился на спокойного мальчика), observing to himself (говоря себе), 'Lo, it is a wonderful thing (гляди-ка, это удивительная вещь) — a most strange and curious trade (весьма странное и любопытное ремесло); I marvel they have not hired a boy (я удивляюсь, что они не наняли мальчика; *to hire* — *нанимать*) to take my combings and my dressings for me (чтобы принимать мои расчесывания и одевания за меня =

чтобы их расчесывали и одевали за меня) — would heaven they would (если бы небо велело им сделать это)! — an they will do this thing (если они сделают эту вещь), I will take my lashings in mine own person (я приму свою порку своей собственной персоной), giving thanks to God for the change (вознося благодарения Богу за такую перемену).'

escape [ɪsˈkeɪp], private [ˈpraɪvɪt], combing [ˈkʊmɪŋ]

'Tis strange how my memory doth wanton with me these days,' said Tom. 'But mind it not — I mend apace — a little clue doth often serve to bring me back again the things and names which had escaped me. (And not they, only, forsooth, but e'en such as I ne'er heard before — as this lad shall see.) Give thy business speech.'

'Tis matter of small weight, my liege, yet will I touch upon it, an it please your grace. Two days gone by, when your majesty faulted thrice in your Greek — in the morning lessons — dost remember it?'

'Ye-e-s- methinks I do. (It is not much of a lie — an I had meddled with the Greek at all, I had not faulted simply thrice, but forty times). Yes, I do recall it now — go on.'

'The master, being wroth with what he termed such slovenly and doltish work, did promise that he would soundly whip me for it — and —'

'Whip *thee*!' said Tom, astonished out of his presence of mind. 'Why should he whip *thee* for faults of mine?'

'Ah, your grace forgetteth again. He always scourgeth me, when thou dost fail in thy lessons.'

'True, true — I had forgot. Thou teachest me in private- then if I fail, he argueth that thy office was lamely done, and —'

'Oh, my liege, what words are these? I, the humblest of thy servants, presume to teach *thee*!'

'Then where is thy blame? What riddle is this? Am I in truth gone mad, or is it thou? Explain- speak out.'

'But, good your majesty, there's naught that needeth simplifying. None may visit the sacred person of the Prince of Wales with blows; wherefore when he faulteth, 'tis I that take them; and meet it is and right, for that it is mine office and my livelihood.'

Tom stared at the tranquil boy, observing to himself, 'Lo, it is a wonderful thing — a most strange and curious trade; I marvel they have not hired a boy to take my combings and my dressings for me — would heaven they would! — an they will do this thing, I will take my lashings in mine own person, giving thanks to God for the change.'

Then he said aloud (затем он сказал вслух):

'And hast thou been beaten (и был ли ты побит; *to beat* — *бить*), poor friend (бедный друг), according to the promise (в соответствии с обещанием)?'

'No, good your majesty (нет, ваше величество), my punishment was appointed (наказание было назначено) for this day (на этот день = сегодня), and peradventure it may be annulled (и, возможно, оно было аннулировано), as unbefitting the season of mourning (как неподходящее периоду скорби) that is come upon us (который пришел к нам); I know not (я не знаю), and so have made bold (и поэтому сделал отважно = осмелился) to come hither and remind your grace (прийти сюда и напомнить вашей светлости) about your gracious promise (о вашем милостивом обещании) to intercede in my behalf (вступить за меня; *on behalf of* — *от лица к-л*) —'

'With the master (перед учителем)? To save thee thy whipping (сохранить тебя от порки)?'

'Ah, thou dost remember (ах, ты помнишь)!'

'My memory mendeth (моя память выздоравливает; *to mend* — *чинить, ремонтировать; улучшать(ся); поправляться /о здоровье/*), thou seest (ты видишь). Set thy mind at ease (успокой свой разум; *to set* — *устанавливать; at*

ease — *непринужденно*) — thy back shall go unscathed (твоя спина выйдет неповрежденной) — I will see to it (я пригляжу за этим).'

'Oh, thanks, my good lord (о, спасибо, мой добрый лорд)!' cried the boy (вскричал мальчик), dropping upon his knee again (падая на колени снова).

'Mayhap I have ventured far enow (возможно, я рискнул достаточно далеко; *enow* устар. вместо *enough* — *достаточно*); and yet (и все же)'...

Seeing Master Humphrey hesitate (видя, что мастер Хамфри колеблется: «видя мастера Хамфри колебаться»), Tom encouraged him to go on (Том побудил его продолжать; *to encourage* — *поощрять, ободрять*), saying he was 'in the granting mood (сказав, что он был в дарующем настроении).'

'Then will I speak it out (тогда я выскажу это), for it lieth near my heart (ибо это лежит близ моего сердца). Sith (так как — *устар. вместо since*) thou art no more Prince of Wales but king (ты больше не принц Уэльский, а король), thou canst order matters as thou wilt (ты можешь распоряжаться делами, как ты хочешь), with none to say thee nay (и никто не скажет тебе нет: «с никем чтобы сказать тебе нет»); wherefore it is not in reason (потому неразумно = не стоит ожидать) that thou wilt longer vex thyself with dreary studies (что ты и дальше будешь досаждать себе скучными уроками), but wilt burn thy books (но сожжешь твои книги) and turn thy mind to things less irksome (и повернешь свой ум к вещам менее утомительным). Then am I ruined (тогда я погиб: «разрушен»), and mine orphan sisters with me (и мои сироты-сестры со мной)!' 'Ruined (погиб)? Prithee, how (/скажи/ пожалуйста, как)?'

'My back is my bread (моя спина — мой хлеб). О my gracious liege (о, мой милостивый властелин)! if it go idle, I starve (если она не будет работать: «пойдет праздной», я умру с голоду). If thou cease from study (если вы прекратите занятия), mine office is gone (моя служба потеряна), thou'lt need no whipping-boy (ты не будешь нуждаться в мальчике для битья). Do not turn me away (не прогоняйте меня; *to turn away* — *прогонять; отворачиваться; «поворачивать(ся) прочь»*)!'

Tom was touched with this pathetic distress (Том был тронут этим душераздирающим страданием). He said, with a right royal burst of generosity (он сказал с подобающим королевским взрывом великодушия): 'Discomfort thyself no further, lad (не беспокойся больше, мальчик). Thine office shall be permanent in thee and thy line, forever (твоя служба будет постоянной в тебе и твоих потомках: «в твоём роду» навсегда).' Then he struck the boy a light blow on the shoulder (затем он нанес мальчику легкий удар по плечу; *to strike* — *бумь*) with the flat of his sword (плоской стороной меча = плашмя мечом), exclaiming (воскликнув), 'Rise, Humphrey Marlow (встань, Хамфри Марло), Hereditary Grand Whipping-Boy (наследственный великий мальчик для битья) to the royal house of England (в королевском доме Англии)! Banish sorrow (изгони печаль) — I will betake me to my books again (я возьмусь за мои книги опять), and study so ill (и буду учиться так плохо) that they must in justice (что нужно по справедливости) treble thy wage (утроить твою зарплату), so mightily shall the business of thine office be augmented (так сильно дела твоей службы будут увеличены).'

encourage [in`kʌrɪG], orphan [ˈ0:fən], augment [0:g`ment]

Then he said aloud:

'And hast thou been beaten, poor friend, according to the promise?'

'No, good your majesty, my punishment was appointed for this day, and peradventure it may be annulled, as unbecoming the season of mourning that is come upon us; I know not, and so have made bold to come hither and remind your grace about your gracious promise to intercede in my behalf —'

'With the master? To save thee thy whipping?'

'Ah, thou dost remember!'

'My memory mendeth, thou seest. Set thy mind at ease — thy back shall go unscathed — I will see to it.'

'Oh, thanks, my good lord!' cried the boy, dropping upon his knee again.

'Mayhap I have ventured far enow; and yet'...

Seeing Master Humphrey hesitate, Tom encouraged him to go on, saying he was 'in the granting mood.'

'Then will I speak it out, for it lieth near my heart. Sith thou art no more Prince of Wales but king, thou canst order matters as thou wilt, with none to say thee nay; wherefore it is not in reason that thou wilt longer vex thyself with dreary studies, but wilt burn thy books and turn thy mind to things less irksome. Then am I ruined, and mine orphan sisters with me!'

'Ruined? Prithee, how?'

'My back is my bread, O my gracious liege! if it go idle, I starve. An thou cease from study, mine office is gone, thou'lt need no whipping-boy. Do not turn me away!'

Tom was touched with this pathetic distress. He said, with a right royal burst of generosity:

'Discomfort thyself no further, lad. Thine office shall be permanent in thee and thy line, forever.' Then he struck the boy a light blow on the shoulder with the flat of his sword, exclaiming, 'Rise, Humphrey Marlow, Hereditary Grand Whipping-Boy to the royal house of England! Banish sorrow — I will betake me to my books again, and study so ill that they must in justice treble thy wage, so mightily shall the business of thine office be augmented.'

The grateful Humphrey responded fervidly (*благодарный Хамфри ответил горячо; fervid — горячий, пылкий, страстный*):

'Thanks, oh, most noble master (спасибо, о, самый благородный повелитель), this princely lavishness doth far surpass my most distempered dreams of fortune (эта княжеская щедрость далеко превосходит мои самые сумасшедшие мечты об удаче). Now shall I be happy all my days (теперь буду я счастлив все мои дни), and all the house of Marlow after me (и весь дом Марло после меня).'

Tom had wit enough to perceive (Том имел рассудка достаточно, чтобы понять) that here was a lad (что здесь = вот был мальчик) who could be useful to him (который мог быть полезен ему). He encouraged Humphrey to talk (он побудил Хамфри разговаривать), and he was nothing loath (и он не был неохотным). He was delighted to believe (он был обрадован верить) that he was helping in Tom's 'cure' (что он помогал в «лечении» Тома); for always (ибо всегда), as soon as he had finished (как только он прекращал) calling back to Tom's diseased mind (напоминать больному уму Тома; *to call back* — вызывать в памяти) the various particulars of his experiences and adventures (разные частности его опыта и приключений) in the royal schoolroom (в королевской школьной комнате) and elsewhere about the palace (и в других местах во дворце), he noticed that Tom was then able to 'recall' the circumstances quite clearly (он замечал, что Том был тогда способен «вспоминать» обстоятельства вполне ясно). At the end of an hour (к концу часа) Tom found himself well freighted (Том обнаружил себя хорошо нагруженным) with very valuable information (очень ценной информацией) concerning personages and matters pertaining to the court (касательно персонажей и дел, относящихся ко двору); so he resolved to draw instruction (так что он решился извлекать сведения; *instruction* — наизидание, образование) from this source daily (из этого источника ежедневно); and to this end (и для этой цели) he would give order to admit Humphrey to the royal closet (он бы дал указ допустить Хамфри в королевские апартаменты) whenever he might come (когда бы он ни пришел), provided the majesty of England was not engaged with other people (в случае, если его величество не был занят с другими людьми).

Humphrey had hardly been dismissed (едва Хамфри был отпущен) when my Lord Hertford arrived with more trouble for Tom (когда милорд Хартфорд прибыл с еще большими заботами/горестями для Тома). He said that the lords of the council (он сказал, что лорды совета), fearing that some overwrought report of the king's damaged health (опасаясь, что перегруженные = преувеличенные сообщения о поврежденном здоровье короля) might have

leaked out and got abroad (могли «утечь» и попасть за границу; *to get* — *попадать*), they deemed it wise and best (они сочли это мудрым и лучшим) that his majesty (чтобы его величество) should begin to dine in public (начало обедать на публике) after a day or two (через день-другой) — his wholesome complexion (его здоровый цвет лица) and vigorous step (и уверенный шаг; *vigorous* — *сильный, энергичный; решительный*), assisted by a carefully guarded repose of manner (в сочетании с тщательно сохраняемым спокойствием манер; *to assist* — *содействовать*) and ease and grace of demeanor (и легкостью и грацией поведения), would more surely quiet the general pulse (наверное: «более уверенно/наверняка», успокоит общее чувство) — in case any evil rumors had gone about (в случае, если какие-либо злонамеренные слухи разошлись) — than any other scheme that could be devised (чем какая-либо другая схема = план, которая могла бы разработана). Then the earl proceeded (затем граф принялся), very delicately, to instruct Tom (очень деликатно инструктировать Тома) as to the observances (по поводу знаков внимания) proper to the stately occasion (подобающим государственному событию), under the rather thin disguise of 'reminding' him (под весьма тонким = прозрачным прикрытием «напоминания» ему) concerning things (относительно вещей) already known to him (уже известных ему); but to his vast gratification (но к его вящему удовлетворению) it turned out (выяснилось) that Tom needed very little help in this line (что Том нуждался в очень малой помощи по этой части) — he had been making use of Humphrey in that direction (он использовал Хамфри в этом направлении = отношении; *to make use of* — *использовать*), for Humphrey had mentioned (так как Хамфри упомянул) that within a few days he was to begin to dine in public (что в течение нескольких дней ему придется начать трапезовать на публике); having gathered it (собрав = узнав это) from the swift-winged gossip of the court (от быстрокрылых сплетен двора; *wing* — *крыло*). Tom kept these facts to himself, however (Том хранил эти сведения при себе, однако = не распространялся об этом).

Seeing the royal memory so improved (видя королевскую память столь улучшившейся), the earl ventured to apply a few tests to it (граф отважился применить несколько тестов = проверок к ней), in an apparently casual way (очевидно случайным образом = будто бы нечаянно), to find out (чтобы выяснить) how far its amendment had progressed (как далеко ее исправление прогрессировало = продвинулось). The results were happy (результаты были удачными), here and there (здесь и там), in spots (местами) — spots where Humphrey's tracks remained (местами, где следы Хамфри остались) — and, on the whole (и в целом), my lord was greatly pleased and encouraged (милорд был весьма обрадован и воодушевлен). So encouraged was he (так воодушевлен был он), indeed (на самом деле), that he spoke up and said in a quite hopeful voice (что он высказался откровенно и произнес довольно-таки оптимистичным голосом; *to speak up* — говорить вслух, откровенно; *hopeful* — надеющийся; *hope* — надежда):

'Now am I persuaded (теперь убежден я) that if your majesty will but tax your memory yet a little further (что если только ваше величество напряжет вашу память еще немного дальше = больше; *but* — только), it will resolve the puzzle (это решит головоломку) of the Great Seal (Великой Печати) — a loss which was of moment yesterday (потери, которая имела значение: «была значения» вчера), although of none to-day (хотя никакого (значения) сегодня), since its term of service (ибо ее срок службы) ended with our late lord's life (окончился с жизнью нашего покойного господина). May it please your grace to make the trial (не соблаговолит ли ваша милость сделать попытку; *to try* — пытаться)?'

Tom was at sea (Том растерялся; *to be at sea* — растеряться: «быть на море») — a Great Seal was a something which he was totally unacquainted with (Великая Печать была чем-то, с чем он был совершенно незнаком). After a moment's hesitation (после минутного колебания) he looked up innocently (он посмотрел вверх = поднял глаза невинно) and asked (и спросил):

'What was it like, my lord (на что она была похожа: «что была она как», милорд)?'

The earl started (граф начал), almost imperceptibly (почти неразличимо), muttering to himself (бормотать себе /под нос/), 'Alack (увы), his wits are flown again (его разум улетел опять; *to fly* — *летать*)! — it was ill wisdom (это было плохой мудростью = идеей) to lead him on (подбить его; *to lead on* — *подбивать, соблазнять: «вести на»*) to strain them (на то чтобы напрягать его) —' then he deftly turned the talk to other matters (затем он ловко перевел разговор на другие материи; *to turn* — *поворачивать*), with the purpose (с целью) of sweeping the unlucky Seal (стереть злополучную Печать) out of Tom's thoughts (из мыслей Тома) — a purpose which easily succeeded (целью, которая легко удалась).

circumstance [ˈsə:kəmstæns], rumor [ˈru:mə], demeanor [diˈmi:nə]

The grateful Humphrey responded fervidly:

'Thanks, oh, most noble master, this princely lavishness doth far surpass my most distempered dreams of fortune. Now shall I be happy all my days, and all the house of Marlow after me.'

Tom had wit enough to perceive that here was a lad who could be useful to him. He encouraged Humphrey to talk, and he was nothing loath. He was delighted to believe that he was helping in Tom's 'cure'; for always, as soon as he had finished calling back to Tom's diseased mind the various particulars of his experiences and adventures in the royal schoolroom and elsewhere about the palace, he noticed that Tom was then able to 'recall' the circumstances quite clearly. At the end of an hour Tom found himself well freighted with very valuable information concerning personages and matters pertaining to the court; so he resolved to draw instruction from this source daily; and to this end he would give order to admit Humphrey to the royal closet whenever

he might come, provided the majesty of England was not engaged with other people.

Humphrey had hardly been dismissed when my Lord Hertford arrived with more trouble for Tom. He said that the lords of the council, fearing that some overwrought report of the king's damaged health might have leaked out and got abroad, they deemed it wise and best that his majesty should begin to dine in public after a day or two — his wholesome complexion and vigorous step, assisted by a carefully guarded repose of manner and ease and grace of demeanor, would more surely quiet the general pulse — in case any evil rumors had gone about — than any other scheme that could be devised.

Then the earl proceeded, very delicately, to instruct Tom as to the observances proper to the stately occasion, under the rather thin disguise of 'reminding' him concerning things already known to him; but to his vast gratification it turned out that Tom needed very little help in this line — he had been making use of Humphrey in that direction, for Humphrey had mentioned that within a few days he was to begin to dine in public; having gathered it from the swift-winged gossip of the court. Tom kept these facts to himself, however.

Seeing the royal memory so improved, the earl ventured to apply a few tests to it, in an apparently casual way, to find out how far its amendment had progressed. The results were happy, here and there, in spots — spots where Humphrey's tracks remained — and, on the whole, my lord was greatly pleased and encouraged. So encouraged was he, indeed, that he spoke up and said in a quite hopeful voice:

'Now am I persuaded that if your majesty will but tax your memory yet a little further, it will resolve the puzzle of the Great Seal — a loss which was of moment yesterday, although of none to-day, since its term of service ended with our late lord's life. May it please your grace to make the trial?'

Tom was at sea — a Great Seal was a something which he was totally unacquainted with. After a moment's hesitation he looked up innocently and asked:

'What was it like, my lord?'

The earl started, almost imperceptibly, muttering to himself, 'Alack, his wits are flown again! — it was ill wisdom to lead him on to strain them —' then he deftly turned the talk to other matters, with the purpose of sweeping the unlucky Seal out of Tom's thoughts — a purpose which easily succeeded.

CHAPTER XV (Глава пятнадцатая)

Tom as King (Том в качестве короля)

THE next day the foreign ambassadors came (на следующий день иностранные послы пришли), with their gorgeous trains (со своей великолепной свитой); and Tom, throned (и Том, усаженный на трон) in awful state (в ужасном состоянии), received them (принял их). The splendors of the scene delighted his eye (роскошь этого зрелища улаждала его взор) and fired his imagination at first (и воспламеняла его фантазию поначалу), but the audience was long and dreary (но аудиенция была длинной и скучной), and so were most of the addresses (и такими же было большинство речей: «обращений») — wherefore (по каковой причине), what began as a pleasure (что началось как удовольствие), grew into weariness and homesickness by and by (выросло в изнеможение и тоску по дому постепенно). Tom said the words which Hertford put into his mouth from time to time (Том произносил слова, которые Хартфорд вкладывал в его уста время от времени), and tried hard (и старался упорно) to acquit himself satisfactorily (вести себя удовлетворительно), but he was too new to such things (но он был слишком новым = неопытным в этих вещах), and too ill at ease (и слишком неловок) to accomplish more than a tolerable success

(чтобы достичь более, чем сносный успех). He looked sufficiently like a king (он выглядел достаточно как король), but he was ill able (но он был плохо = мало способен) to feel like one (чувствовать себя как таковой = как король). He was cordially glad when the ceremony was ended (он был сердечно рад, когда церемония была закончена).

The larger part of his day (большая часть его дня) was 'wasted' (была «потрачена впустую») — as he termed it (как он назвал это), in his own mind (в своих собственных мыслях) — in labors pertaining to his royal office (на труды, относящиеся к его королевской службе). Even the two hours (даже два часа) devoted to certain princely pastimes and recreations (посвященные определенным княжеским развлечениям и отдыху) were rather a burden to him (были скорее бременем для него) than otherwise (чем наоборот), they were so fettered by restrictions and ceremonious observances (они были так опутаны ограничениями и церемониальными ритуалами). However, he had a private hour (однако он имел личный час) with his whipping-boy (со своим мальчиком для битья) which he counted clear gain (который он счел чистой прибылью), since he got both entertainment and needful information out of it (так как он получил и развлечения, и нужные сведения из него; *both* — *оба*).

The third day of Tom Canty's kingship (третий день царствования Тома Кэнти) came and went (пришел и ушел; *to come* — *приходить*; *to go* — *идти, уходить, исчезать*) much as the others had done (точно как другие: «как другие сделали»), but there was a lifting of his cloud (но тучи рассеялись: «но было поднятие его облака») in one way (в одном отношении) — he felt less uncomfortable (он чувствовал себя менее неудобно) than at first (чем поначалу); he was getting a little used (он понемногу привыкал: «становился немного привыкшим») to his circumstances and surroundings (к своим обстоятельствам и окружению); his chains still galled (его цепи все еще раздражали его), but not all the time (но не все время); he found that the presence and homage of the great (он обнаружил, что присутствие и почет от великих) afflicted and embarrassed him less and less sharply (огорчали и

смущали его все менее и менее остро) with every hour that drifted over his head (с каждым часом, который протекал над его головой).

But for one single dread (если бы не один единственный ужас), he could have seen the fourth day approach (он мог бы видеть, как приближается четвертый день; *to approach* — *приближаться*) without serious distress (без серьезных страданий) — the dining in public (обед на публике); it was to begin that day (это должно было начаться в тот день). There were greater matters in the program (были и бóльшие дела в программе) — for on that day (ибо в тот день) he would have to preside (ему предстояло председательствовать) at a council (на совете) which would take his views and commands (который бы принял его мнения и приказы) concerning the policy to be pursued (относительно политики, которой нужно следовать) toward various foreign nations scattered far and near over the great globe (в отношении разных чужих народов, разбросанных далеко и близко по огромному глобусу); on that day, too (в тот день также), Hertford would be formally chosen to the grand office of Lord Protector (Хартфорд был бы формально избран на великую службу Лорда Протектора; *to choose* — *выбирать*); other things of note (иные дела, достойные замечания) were appointed for that fourth day also (были назначены на этот четвертый день также), but to Tom they were all insignificant (но для Тома они были все несущественны) compared with the ordeal of dining (по сравнению с испытанием в виде обеда; *to compare* — *сравнивать*) all by himself (совершенно самостоятельно) with a multitude of curious eyes fastened upon him (со множеством глаз, устремленных на него; *to fasten* — *прикреплять*) and a multitude of mouths whispering comments upon his performance (и множеством ртов, шепчущих комментарии о его поведении; *performance* — *исполнение, выполнение*) — and upon his mistakes (и о его ошибках), if he should be so unlucky as to make any (если бы он был столь неудачлив, чтобы сделать какие-либо).

weariness [ˈwɪərɪnəs], waste [weɪst], appoint [əˈpɔɪnt]

THE next day the foreign ambassadors came, with their gorgeous trains; and Tom, throned in awful state, received them. The splendors of the scene delighted his eye and fired his imagination at first, but the audience was long and dreary, and so were most of the addresses — wherefore, what began as a pleasure, grew into weariness and homesickness by and by. Tom said the words which Hertford put into his mouth from time to time, and tried hard to acquit himself satisfactorily, but he was too new to such things, and too ill at ease to accomplish more than a tolerable success. He looked sufficiently like a king, but he was ill able to feel like one. He was cordially glad when the ceremony was ended.

The larger part of his day was 'wasted' — as he termed it, in his own mind — in labors pertaining to his royal office. Even the two hours devoted to certain princely pastimes and recreations were rather a burden to him than otherwise, they were so fettered by restrictions and ceremonious observances. However, he had a private hour with his whipping-boy which he counted clear gain, since he got both entertainment and needful information out of it.

The third day of Tom Canty's kingship came and went much as the others had done, but there was a lifting of his cloud in one way — he felt less uncomfortable than at first; he was getting a little used to his circumstances and surroundings; his chains still galled, but not all the time; he found that the presence and homage of the great afflicted and embarrassed him less and less sharply with every hour that drifted over his head.

But for one single dread, he could have seen the fourth day approach without serious distress — the dining in public; it was to begin that day. There were greater matters in the program — for on that day he would have to preside at a council which would take his views and commands concerning the policy to be pursued toward various foreign nations scattered far and near over the great globe; on that day, too, Hertford would be formally chosen to the grand office of Lord Protector; other things of note were appointed for that fourth

day also, but to Tom they were all insignificant compared with the ordeal of dining all by himself with a multitude of curious eyes fastened upon him and a multitude of mouths whispering comments upon his performance- and upon his mistakes, if he should be so unlucky as to make any.

Still (все же), nothing could stop that fourth day (ничто не могло остановить этот четвертый день), and so it came (и вот он пришел). It found poor Tom low-spirited (он нашел Тома подавленным; *low spirit* — подавленность: «низкий дух») and absent-minded (рассеянным; *absent* — отсутствующий; *mind* — разум), and this mood continued (и это настроение продолжалось); he could not shake it off (он не мог стряхнуть его; *off* — прочь). The ordinary duties of the morning (обычные обязанности утра) dragged upon his hands (тяготили его руки), and wearied him (и утомили его). Once more (снова: «один раз больше») he felt the sense of captivity (он ощутил чувство плена) heavy upon him (тяжело на себе).

Late in the forenoon (поздно утром) he was in a large audience chamber (он был в большой комнате для аудиенций), conversing with the Earl of Hertford (разговаривая с графом Хартфордом) and duly awaiting (и должным образом ожидая) the striking of the hour (часа; *to strike* — ударять; *hour* — час) appointed (назначенного) for a visit of ceremony (для церемониального визита) from a considerable number of great officials and courtiers (от значительного числа высокопоставленных чиновников и придворных).

After a little while (спустя некоторое время) Tom, who had wandered to a window (Том, который подошел к окну; *to wander* — бродить) and become interested (и заинтересовался: «стал заинтересованным») in the life and movement (жизнью и движением) of the great highway (большой дороги) beyond the palace gates (за дворцовыми воротами) — and not idly interested (и не праздно заинтересовался), but longing with all his heart (но стремясь всем своим сердцем) to take part in person (принять участие самому; *person* — личность) in its stir and freedom (в ее шевелении и свободе) — saw the van of a

hooting and shouting mob (увидел улюлюкающую и кричащую толпу; *van* — *фургон*) of disorderly (беспорядочных = беспорядочно двигавшихся) men, women, and children of the lowest and poorest degree (мужчин, женщин и детей самого низкого и бедного звания) approaching from up the road (приближающихся по дороге).

'I would I knew (я бы хотел знать: «я хотел бы, чтобы я знал») what 'tis about (о чем это = что это такое; *'tis = it is*)!' he exclaimed (он воскликнул), with all a boy's curiosity in such happenings (со всем мальчишеским любопытством к таким происшествиям).

'Thou art the king (ты король)!' solemnly responded the earl (торжественно отвечив граф), with a reverence (с поклоном). 'Have I your grace's leave to act (имею ли я позволение вашего величества действовать = узнать, в чем дело; *leave* — *позволение*)?'

'Oh, blithely, yes (о, с радостью, да)! Oh, gladly, yes (о, с удовольствием, да)!' exclaimed Tom, excitedly (воскликнул Том возбужденно), adding to himself with a lively sense of satisfaction (добавляя про себя с живым чувством удовлетворения), 'In truth (по правде говоря), being a king is not all dreariness (быть королем — это не только скука = не так уж плохо; *dreariness* — *тусклость*; *скука*) — it hath its compensations and conveniences (это имеет свои вознаграждения и удобства; *compensation* — *компенсация*).'

The earl called a page (граф позвал пажа), and sent him to the captain of the guard (и послал его к капитану гвардии; *to send* — *посылать, отправлять*) with the order (с приказом):

'Let the mob be halted (пусть толпа будет задержана), and inquiry made (и пусть будет) расследование проведено), concerning the occasion of its movement (касательно причины этого движения). By the king's command (по приказу короля)!'

A few seconds later (несколькими секундами позже) a long rank of the royal guards (длинный строй королевских гвардейцев), cased in flashing steel (закованных в сверкающую сталь; *to case* — *упаковывать, обшивать*,

оправлять в оправу), filed out at the gates (*вышли шеренгой у ворот*) and formed across the highway (*и построились поперек дороги*) in front of the multitude (*перед толпой*). A messenger returned (*посланник вернулся*), to report that the crowd were following a man, a woman, and a young girl (*чтобы сообщить, что толпа следовала за мужчиной, женщиной и молодой девушкой*) to execution for crimes (*до (места) казни за преступления*) committed against the peace and dignity of the realm (*совершенные против мира и достоинства королевства*).

duly [*ˈdju:lɪ*], curiosity [*kjuəriˈɒsɪti*], realm [*reɪlm*]

Still, nothing could stop that fourth day, and so it came. It found poor Tom low-spirited and absent-minded, and this mood continued; he could not shake it off. The ordinary duties of the morning dragged upon his hands, and wearied him. Once more he felt the sense of captivity heavy upon him. Late in the forenoon he was in a large audience chamber, conversing with the Earl of Hertford and duly awaiting the striking of the hour appointed for a visit of ceremony from a considerable number of great officials and courtiers. After a little while Tom, who had wandered to a window and become interested in the life and movement of the great highway beyond the palace gates — and not idly interested, but longing with all his heart to take part in person in its stir and freedom — saw the van of a hooting and shouting mob of disorderly men, women, and children of the lowest and poorest degree approaching from up the road.

'I would I knew what 'tis about!' he exclaimed, with all a boy's curiosity in such happenings.

'Thou art the king!' solemnly responded the earl, with a reverence. 'Have I your grace's leave to act?'

'Oh, blithely, yes! Oh, gladly, yes!' exclaimed Tom, excitedly, adding to himself with a lively sense of satisfaction, 'In truth, being a king is not all dreariness — it hath its compensations and conveniences.'

The earl called a page, and sent him to the captain of the guard with the order:

'Let the mob be halted, and inquiry made concerning, the occasion of its movement. By the king's command!'

A few seconds later a long rank of the royal guards, cased in flashing steel, filed out at the gates and formed across the highway in front of the multitude. A messenger returned, to report that the crowd were following a man, a woman, and a young girl to execution for crimes committed against the peace and dignity of the realm.

Death (смерть) — and a violent death (и жестокая смерть) — for these poor unfortunates (для этих бедных несчастных)! The thought wrung Tom's heartstrings (эта мысль терзала сердечные струны Тома; *to wring* — *терзать, скручивать, выжимать*). The spirit of compassion (дух сострадания) took control of him (овладел им: «взял контроль над ним»; *to take* — *брать*), to the exclusion of all other considerations (вплоть до исключения всех прочих соображений = вытеснив все прочие мысли); he never thought of the offended laws (он совсем не подумал о нарушенных законах; *never* — *никогда*; *to think* — *думать*), or of the grief or loss (или о муках или утратах) which these three criminals had inflicted upon their victims (которые эти три преступника причинили своим жертвам), he could think of nothing but the scaffold (он не мог думать ни о чем, кроме эшафота) and the grisly fate (и ужасающей судьбе) hanging over the heads of the condemned (нависшей над головами приговоренных). His concern made him even forget (его озабоченность заставила его даже забыть), for the moment (на минуту), that he was but the false shadow of a king (что он лишь фальшивая тень короля), not the substance (не истинная сущность); and before he knew it (и, прежде, чем он знал это = не

соображая, что делает; не успев подумать; *to know* — *знать*) he had blurted out the command (он выпалил приказ):

'Bring them here (приведите их сюда)!'

Then he blushed scarlet (затем он вспыхнул алым = залился краской; *to blush* — *краснеть*), and a sort of apology (и что-то вроде извинения) sprung to his lips (появилось на его губах; *to spring* — *распускаться, прорасти*); but observing that his order had wrought no sort of surprise (но видя, что его приказ не вызвал никакого удивления; *wrought* — *устар. вместо worked on to work* — *работать, делать*) in the earl or the waiting page (в графе или в ожидающем паже), he suppressed the words he was about to utter (он подавил слова, которые он был готов произнести; *to be about* — *быть готовым: «быть около»*). The page, in the most matter-of-course way (паж, самым невинным образом; *matter of course* — *само собой разумеющееся дело: «дело порядка», ср.: of course — конечно*), made a profound obeisance (сделал низкий поклон; *obeisance* — *пиетет, почитание; жест подчинения /напр., поклон/*) and retired backward out of the room (и удалился назад из комнаты) to deliver the command (чтобы передать приказ). Tom experienced a glow of pride (Том испытал чувство гордости; *glow* — *отблеск, жар, свечение*) and a renewed sense of the compensating advantages of the kingly office (и возобновленное чувство компенсирующих преимуществ королевской должности). He said to himself (он сказал себе), 'Truly it is like what I used to feel (поистине, это похоже на то, что я когда-то испытывал; *used to do* — *когда-то давно делал*) when I read the old priest's tales (когда я читал сказки старого священника), and did imagine mine own self a prince (представлял самого себя принцем; *self* — *свое «я», личность*), giving law and command to all, saying (дающего законы и приказы всем, говоря), "Do this, do that (делай это, делай то)," while none durst offer let or hindrance (в то время как никто не осмеливается чинить препятствия или помехи) to my will (моей воле).'

Now the doors swung open (и вот двери распахнулись; *to swing* — *качаться*); one high-sounding title after another (один звучный титул за другим) was

announced (объявлялся), the personages owning them followed (персонажи, владеющие ими, следовали = шли следом), and the place was quickly half filled (и место было быстро наполовину заполнено) with noble folk and finery (дворянским людом и роскошью). But Tom was hardly conscious (но Том едва осознавал: «был осознающим, сознательным») of the presence of these people (присутствие этих людей), so wrought up was he (таким взбудораженным был он; *to work up* — будоражить, возбуждать) and so intensely absorbed (и так глубоко поглощен) in that other and more interesting matter (тем другим и более интересным делом). He seated himself, absently (он уселся рассеянно), in his chair of state (на своем троне), and turned his eyes upon the door with manifestations of impatient expectancy (и обернул свои глаза к двери с выражением нетерпеливого ожидания); seeing which (при виде чего: «видя что»), the company forbore to trouble him (собрание воздерживалось от того, чтобы тревожить его), and fell to chatting (и принялись обсуждать; *to fall to* — *приняться*; *to chat* — болтать) a mixture of public business and court gossip (смесь государственных дел и придворных слухов) one with another (один с другим = между собой).

violent [ˈvaɪələnt], read — прошедшее время [red], obeisance [q`beisəns]

Death — and a violent death — for these poor unfortunates! The thought wrung Tom's heartstrings. The spirit of compassion took control of him, to the exclusion of all other considerations; he never thought of the offended laws, or of the grief or loss which these three criminals had inflicted upon their victims, he could think of nothing but the scaffold and the grisly fate hanging over the heads of the condemned. His concern made him even forget, for the moment, that he was but the false shadow of a king, not the substance; and before he knew it he had blurted out the command:

'Bring them here!'

Then he blushed scarlet, and a sort of apology sprung to his lips; but observing that his order had wrought no sort of surprise in the earl or the waiting page, he suppressed the words he was about to utter. The page, in the most matter-of-course way, made a profound obeisance and retired backward out of the room to deliver the command. Tom experienced a glow of pride and a renewed sense of the compensating advantages of the kingly office. He said to himself, 'Truly it is like what I used to feel when I read the old priest's tales, and did imagine mine own self a prince, giving law and command to all, saying, " Do this, do that," while none durst offer let or hindrance to my will.' Now the doors swung open; one high-sounding title after another was announced, the personages owning them followed, and the place was quickly half filled with noble folk and finery. But Tom was hardly conscious of the presence of these people, so wrought up was he and so intensely absorbed in that other and more interesting matter. He seated himself, absently, in his chair of state, and turned his eyes upon the door with manifestations of impatient expectancy; seeing which, the company forbore to trouble him, and fell to chatting a mixture of public business and court gossip one with another.

In a little while (какое-то время спустя) the measured tread of military men (мерная поступь воинов) was heard approaching (была услышана приближающаяся), and the culprits (и преступники) entered the presence (оказались в присутствии высоких особ; *to enter* — *входить*) in charge of an under-sheriff (под присмотром помощником шерифа) and escorted (и эскортируемые) by a detail of the king's guard (отрядом королевской гвардии). The civil officer knelt before Tom (чиновник упал на колени перед Томом), then stood aside (затем встал в стороне); the three doomed persons knelt also (три приговоренных человека также преклонили колени), and remained so (и остались так = в таком положении); the guard took position behind Tom's chair (гвардейцы заняли положение за тронном Тома). Tom scanned the prisoners curiously (Том осмотрел заключенных с любопытством). Something about the

dress or appearance of the man (что-то в платье или внешности мужчины) had stirred a vague memory in him (пробудило смутное воспоминание в нем). 'Methinks (кажется) I have seen this man ere now (я видел этого человека прежде; *ere = before — прежде*)... but the when or the where (но время и место: «когда и где») fail me (не приходят мне в голову; *to fail — изменить, обмануть ожидания, не смочь*)' — such was Tom's thought (такой была мысль Тома). Just then (прямо тогда = в тот момент) the man glanced quickly up (мужчина взглянул быстро наверх), and quickly dropped his face again (и быстро опустил свое лицо снова), not being able to endure the awful port of sovereignty (не будучи способным вынести вселяющую ужас осанку/манеру держаться суверенной = верховной власти); but the one full glimpse of the face (но одного полного = внимательного взгляда на лицо; *glimpse — нечто, промелькнувшее перед глазами*), which Tom got (который Том получил), was sufficient (было достаточно; *sufficient — достаточный*). He said to himself (он сказал себе): 'Now is the matter clear (теперь дело ясно); this is the stranger (это тот незнакомец) that plucked Giles Witt out of the Thames (который вытащил Джайлса Уитта из Темзы), and saved his life (и спас его жизнь) that windy, bitter first day of the New Year (в тот ветреный, свирепый первый день нового года) — a brave, good deed (отважный, хороший поступок) — pity he hath been doing baser ones (жаль, что он совершал более низкие поступки: «одни»; *base — низкий, подлый*) and got himself in this sad case (и впутался в это прискорбное дело)... I have not forgot the day, neither the hour (я не забыл ни тот день, ни час; *neither...nor — ни, ни*); by reason that an hour after (по той причине, что час спустя), upon the stroke of eleven (при ударе одиннадцать = когда часы пробили одиннадцать), I did get a hiding (я получил порку) by the hand of Gammer Canty (от руки бабушки Кэнти) which was of so goodly and admired severity (которая была такой прекрасной и восхитительной свирепости) that all that went before (что все, что прошли прежде; *to go — идти*) or followed after it (или последовали после нее) were but fondlings and

caresses by comparison (были всего лишь нежностями и ласками по сравнению /с ней/).'

Tom now ordered (Том теперь приказал) that the woman and the girl be removed (чтобы женщина и девушка были удалены; *to remove* — *убирать*) from the presence for a little time (из его общества на некоторое время); then addressed himself to the under-sheriff, saying (затем обратился к помощнику шерифа, говоря):

'Good sir (добрый сэръ), what is this man's offense (что есть = в чем преступление этого человека)?'

The officer knelt (чиновник преклонил колени; *to kneel* — *становиться на колени*), and answered (и ответил):

'So please your majesty (с позволения вашего величества), he hath taken the life of a subject by poison (он похитил жизнь одного подданного ядом = отравил).'

Tom's compassion for the prisoner (сострадание Тома к заключенному), and admiration of him as the daring rescuer of a drowning boy (и любование им как бесстрашным спасителем тонущего мальчика), experienced a most damaging shock (испытало весьма разрушительный шок = удар; *to damage* — *повреждать, портить, наносить ущерб, убыток*).

'The thing was proven upon him (было ли доказано, что эту вещь сделал он; *to prove* — *доказывать*)?' he asked.

'Most clearly, sire (весьма ясно, сир).'

Tom sighed, and said (Том вздохнул и сказал):

'Take him away (заберите его прочь = уведите его) — he hath earned his death (он заслужил свою смерть). 'Tis a pity (это жалость = жаль), for he was a brave heart (ведь это было отважное сердце) — na — na, I mean he hath the *look* of it (ну, то есть он имеет вид этого = такой вид, так выглядит)!'

The prisoner clasped his hands together with sudden energy (заключенный сжал свои руки вместе с внезапной = неожиданной энергией), and wrung them despairingly (и заломил их в отчаянии; *to wring* — *скручивать, жать*), at the same time appealing imploringly to the 'king' (в то же время взывая с мольбой к

«королю») in broken and terrified phrases (ломаными и полными ужаса фразами; *to break* — ломать; *to terrify* — ужасать):

'Oh, my lord the king (о, мой господин король), an thou canst pity the lost (если ты можешь пожалеть погибшего), have pity upon me (имей жалость на меня = пожалей меня)! I am innocent (я невиновен) — neither hath that wherewith I am charged been (и то, в чем меня обвинили) more than but lamely proved (не было более чем слабо доказано; *neither* — и не; *lame* — хромой; увечный; неубедительный, неудовлетворительный) — yet I speak not of that (и все же я говорю не об этом); the judgment is gone forth against me (суд прошел против меня) and may not suffer alteration (и не может претерпеть изменения = обжалованию не подлежит); yet in mine extremity (и все же в моем несчастье) I beg a boon (я прошу милости), for my doom is more than I can bear (ибо мой /смертный/ приговор больше, чем я могу вынести). A grace, a grace, my lord the king (милости, милости, милорд король)! in thy royal compassion grant my prayer (в твоём королевском сострадании исполни мою молитву) — give commandment that I be hanged (дайте приказ, чтобы я был повешен)!'

stir [stə:], damage [ˈdæmɪdʒ], extremity [ɪkˈstremɪti]

In a little while the measured tread of military men was heard approaching, and the culprits entered the presence in charge of an under-sheriff and escorted by a detail of the king's guard. The civil officer knelt before Tom, then stood aside; the three doomed persons knelt also, and remained so; the guard took position behind Tom's chair. Tom scanned the prisoners curiously. Something about the dress or appearance of the man had stirred a vague memory in him. 'Methinks I have seen this man ere now... but the when or the where fail me' — such was Tom's thought. Just then the man glanced quickly up, and quickly dropped his face again, not being able to endure the awful port of sovereignty; but the one full glimpse of the face, which Tom got, was sufficient. He said to himself: 'Now is the matter clear; this is the stranger that

plucked Giles Witt out of the Thames, and saved his life that windy, bitter first day of the New Year — a brave, good deed — pity he hath been doing baser ones and got himself in this sad case... I have not forgot the day, neither the hour; by reason that an hour after, upon the stroke of eleven, I did get a hiding by the hand of Gammer Canty which was of so goodly and admired severity that all that went before or followed after it were but fondlings and caresses by comparison.'

Tom now ordered that the woman and the girl be removed from the presence for a little time; then addressed himself to the under-sheriff, saying:

'Good sir, what is this man's offense?'

The officer knelt, and answered:

'So please your majesty, he hath taken the life of a subject by poison.'

Tom's compassion for the prisoner, and admiration of him as the daring rescuer of a drowning boy, experienced a most damaging shock.

'The thing was proven upon him?' he asked.

'Most clearly, sire.'

Tom sighed, and said:

'Take him away — he hath earned his death. 'Tis a pity, for he was a brave heart — na — na, I mean he hath the *look* of it!'

The prisoner clasped his hands together with sudden energy, and wrung them despairingly, at the same time appealing imploringly to the 'king' in broken and terrified phrases:

'Oh, my lord the king, an thou canst pity the lost, have pity upon me! I am innocent — neither hath that wherewith I am charged been more than but lamely proved — yet I speak not of that; the judgment is gone forth against me and may not suffer alteration; yet in mine extremity I beg a boon, for my doom is more than I can bear. A grace, a grace, my lord the king! in thy royal compassion grant my prayer — give commandment that I be hanged!'

Tom was amazed (Том был поражен). This was not the outcome (это не был тот результат) he had looked for (которого он ждал).

'Odds my life (клянусь моей жизнью), a strange *boon* (странная милость)! Was it not the fate intended thee (не была ли это участь, предназначенная тебе)?'

'Oh, good my liege, not so (о, мой добрый господин, не так = нет)! It is ordered that I be *boiled alive* (приказано, чтобы меня сварили заживо)!'!

The hideous surprise of these words (отвратительная неожиданность этих слов) almost made Tom spring from his chair (почти заставила Тома выпрыгнуть из трона). As soon as (так скоро как = как только) he could recover his wits (он смог восстановить свой разум) he cried out (он вскричал):

'Have thy wish (получи твое желание = будь по-твоему), poor soul (бедная душа)! an thou had poisoned a hundred men (если бы ты отравил и сто человек) thou shouldst not suffer so miserable a death (ты не должен претерпеть такую ужасную смерть).'

The prisoner bowed his face to the ground (заключенный склонил свое лицо долу; *ground* — земля) and burst into passionate expressions of gratitude (и разразился страстными выражениями благодарности; *to burst* — взрываться) — ending with (закончив с = так):

'If ever thou shouldst know misfortune (если когда-нибудь тебе суждено узнать беду) — which God forbid (от чего Боже избави; *to forbid* — запрещать)! — may thy goodness to me this day be remembered and requited (пусть твоя доброта ко мне в этот день будет запомнена и вознаграждена)!'!

Tom turned to the Earl of Hertford, and said (Том повернулся к графу Хартфорду и сказал):

'My lord (милорд), is it believable (вероятно ли = можно ли поверить; *to believe* — верить) that there was warrant for this man's ferocious doom (что было распоряжение о такой жестокой участи)?'

'It is the law, your grace (это закон, ваша милость) — for poisoners (для отравителей). In Germany coiners be boiled to death in *oil* (в Германии фальшивомонетчиков варят до смерти в масле) — not cast in of a sudden (не

заброшенных внутрь сразу; *to cast* — *бросать*), but by a rope let down (но на веревке спущенных вниз; *to let* — *пускать*) into the oil (в масло) by degrees (постепенно), and slowly (и медленно); first the feet (сперва ступни), then the legs (затем ноги), then (затем) —'

'Oh, prithee (о, пожалуйста), no more (не надо больше), my lord (милод), I cannot bear it (я не могу выносить это)!' cried Tom (вскричал Том), covering his eyes with his hands (закрывая свои глаза руками) to shut out the picture (чтобы не пускать = заглушить картинку). 'I beseech your good lordship (я прошу Вашу светлость) that order be taken (чтобы меры были приняты) to change this law (изменить этот закон) — oh, let no more poor creatures be visited with its tortures (о, пусть больше бедные создания не будут постигаемы его пытками = их не будут так жестоко карать).'

The earl's face showed profound ratification (лицо графа выказало глубокое одобрение), for he was a man of merciful and generous impulses (ибо он был человеком милосердных и великодушных побуждений) — a thing not very common with his class in that fierce age (вещь, не очень обычная для его класса = для людей его положения в тот лютый век).

He said (он сказал):

'These your grace's noble words have sealed its doom (эти благородные слова Вашего величества вынесли окончательный приговор; *seal* — *печать*; *to seal* — *скреплять печатью*; *doom* — *рок, судьба*; /*смертный*/ *приговор*). History will remember it to the honor of your royal house (история запомнит это к чести вашего королевского дома).'

The under-sheriff was about (помощник шерифа был готов) to remove his prisoner (убрать = увести своего заключенного/пленника); Tom gave him a sign to wait (Том дал ему знак подождать; *to give* — *давать*); then he said (затем он сказал):

'Good sir (добрый сэръ), I would look into this matter further (я бы хотел расследовать это дело дальше = тщательнее). The man has said his deed was

but lamely proved (ЭТОТ ЧЕЛОВЕК СКАЗАЛ, ЧТО ЕГО ПОСТУПОК БЫЛ ТОЛЬКО ПЛОХО ДОКАЗАН). Tell me what thou knowest (РАССКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ).'

amazed [ə`meɪzd], degree [dɪ`gri:], prisoner [ˈprɪz(ə)nə]

Tom was amazed. This was not the outcome he had looked for.

'Odds my life, a strange *boon*! Was it not the fate intended thee?'

'Oh, good my liege, not so! It is ordered that I be *boiled alive*!'

The hideous surprise of these words almost made Tom spring from his chair.

As soon as he could recover his wits he cried out:

'Have thy wish, poor soul! an thou had poisoned a hundred men thou shouldst not suffer so miserable a death.'

The prisoner bowed his face to the ground and burst into passionate expressions of gratitude — ending with:

'If ever thou shouldst know misfortune — which God forbid! — may thy goodness to me this day be remembered and requited!'

Tom turned to the Earl of Hertford, and said:

'My lord, is it believable that there was warrant for this man's ferocious doom?'

'It is the law, your grace — for poisoners. In Germany coiners be boiled to death in *oil* — not cast in of a sudden, but by a rope let down into the oil by degrees, and slowly; first the feet, then the legs, then —'

'Oh, prithee, no more, my lord, I cannot bear it!' cried Tom, covering his eyes with his hands to shut out the picture. 'I beseech your good lordship that order be taken to change this law — oh, let no more poor creatures be visited with its tortures.'

The earl's face showed profound ratification, for he was a man of merciful and generous impulses — a thing not very common with his class in that fierce age.

He said:

'These your grace's noble words have sealed its doom. History will remember it to the honor of your royal house.'

The under-sheriff was about to remove his prisoner; Tom gave him a sign to wait; then he said:

'Good sir, I would look into this matter further. The man has said his deed was but lamely proved. Tell me what thou knowest.'

'If the king's grace please (с позволения Его величества), it did appear upon the trial (появилось = было сказано на суде), that this man entered into a house (что этот человек вошел в дом) in the hamlet of Islington (в деревушке Ислингтон) where one lay sick (где один человек лежал больным) — three witnesses say (три свидетеля говорят) it was at ten of the clock in the morning (что это было в десять часов утра) and two say it was some minutes later (и двое говорят, что это было несколькими минутами позже) — the sick man being alone at the time (при том что больной был один в то время), and sleeping (и спал) — and presently the man came forth again (и вскоре человек вышел опять, and went his way (и пошел своей дорогой). The sick man died within the hour (больной человек умер в течение часа), being torn with spasm and retchings (разрываемый судорогами и рвотой).'

'Did any see the poison given (видел ли кто-нибудь, как яд был дан)? Was poison found (был ли яд найден; *to find*)?'

'Marry, no, my liege (черт побери, нет, мой повелитель).'

'Then how doth one know (тогда как же один знает = известно) there was poison given at all (что яд был дан вообще)?'

'Please your majesty (с позволения вашей милости), the doctors testified (доктора засвидетельствовали) that none die with such symptoms (что никто не умирает с такими симптомами) but by poison (кроме как от яда).'

Weighty evidence (веское свидетельство), this (это) — in that simple age (в тот простой век). Tom recognized its formidable nature (Том признал его = этого доказательства внушительную природу), and said (и сказал):

'The doctor knoweth his trade (доктор знает свое ремесло) — belike they were right (похоже, они были правы). The matter hath an ill look for this poor man (дело имеет плохой вид = принимает плохой оборот для этого бедняги).'

'Yet was not this all, your majesty (но это еще не все, Ваше величество); there is more and worse (есть больше и хуже). Many testified (многие засвидетельствовали) that a witch (что ведьма), since gone from the village (давно уехавшая из деревни), none know whither (никто не знает куда), did foretell (предсказывала), and speak it privately in their ears (и говорила частно = с глазу на глаз в их уши = им на ухо), that the sick man *would die by poison* (что больной человек умрет от яда) — and more (и более того), that a stranger would give it (что чужак даст его = яд) — a stranger with brown hair (чужак с коричневыми волосами) and clothed in a worn and common garb (и одетый в поношенную и обычную одежду; *to wear* — носить /одежду/); and surely this prisoner doth answer woundily to the bill (и несомненно этот заключенный отвечает в точности описанию; *bill* — билль /законопроект/, список, перечень; *счет*; *woundily* — очень, чрезвычайно, крайне). Please, your majesty, to give the circumstance that solemn weight (пожалуйста, Ваше величество, придайте этому обстоятельству тот торжественный вес) which is its due (который ему подобает), seeing it was *foretold* (видя = принимая во внимание, что это было предсказано; *to foretell* — предсказывать).'

This was an argument of tremendous force (это был аргумент огромной силы), in that superstitious day (в те суеверные дни). Tom felt that the thing was settled (Том почувствовал, что дело решено); if evidence was worth anything (если доказательства стоили чего-либо), this poor fellow's guilt was proved (вина этого бедного человека была доказана). Still he offered the prisoner a chance, saying (все же он дал заключенному шанс, говоря):

'If thou canst say aught in thy behalf, speak (если ты можешь сказать что-либо в свою защиту, говори).'

'Naught that will avail (ничего, что поможет), my king (мой король). I am innocent (я невиновен), yet cannot I make it appear (и все же не могу я

заставить это проявиться = доказать это). I have no friends (у меня нет никаких друзей), else might I show (иначе мог бы я показать) that I was not in Islington that day (что я не был в Ислингтоне в тот день); so also might I show (и также мог бы я показать) that at that hour they name (что в тот час, который они называют) I was above a league away (я был больше чем на лье дальше), seeing I was at Wapping Old Stairs (видя = учитывая, что я был в Уэппинг-Олд-Стэйрс); yea more, my king (более того, мой король; *yea* — устар. даже), for I could show (ибо я мог бы показать), that while they say I was *taking* life (что пока, как они говорят, я забирал жизнь), I was *saving* it (я спасал ее). A drowning boy (тонущий мальчик) —'

trial [ˈtraɪəl], solemn [ˈsɒləm], drown [draʊn]

'If the king's grace please, it did appear upon the trial, that this man entered into a house in the hamlet of Islington where one lay sick — three witnesses say it was at ten of the clock in the morning and two say it was some minutes later — the sick man being alone at the time, and sleeping — and presently the man came forth again, and went his way. The sick man died within the hour, being torn with spasm and retchings.'

'Did any see the poison given? Was poison found?'

'Marry, no, my liege.'

'Then how doth one know there was poison given at all?'

'Please your majesty, the doctors testified that none die with such symptoms but by poison.'

Weighty evidence, this — in that simple age. Tom recognized its formidable nature, and said:

'The doctor knoweth his trade — belike they were right. The matter hath an ill look for this poor man.'

'Yet was not this all, your majesty; there is more and worse. Many testified that a witch, since gone from the village, none know whither, did foretell, and

speaking it privately in their ears, that the sick man *would die by poison* — and more, that a stranger would give it — a stranger with brown hair and clothed in a worn and common garb; and surely this prisoner doth answer woundily to the bill. Please, your majesty, to give the circumstance that solemn weight which is its due, seeing it was *foretold*.'

This was an argument of tremendous force, in that superstitious day. Tom felt that the thing was settled; if evidence was worth anything, this poor fellow's guilt was proved. Still he offered the prisoner a chance, saying:

'If thou canst say aught in thy behalf, speak.'

'Naught that will avail, my king. I am innocent, yet cannot I make it appear. I have no friends, else might I show that I was not in Islington that day; so also might I show that at that hour they name I was above a league away, seeing I was at Wapping Old Stairs; yea more, my king, for I could show, that while they say I was *taking* life, I was *saving* it. A drowning boy —'

'Peace (тихо)! Sheriff, name the day the deed was done (шериф, назовите день, когда поступок был совершен; *to do* — *делать*)!'

'At ten in the morning (в десять утра), or some minutes later (или несколькими минутами позже), the first day of the new year (в первый день нового года), most illustrious (самый известный) — 'Let the prisoner go free (пусть заключенный идет свободным) — it is the king's will (это королевская воля)!'
Another blush followed this unregal outburst (еще одна краска смущения последовала за этим некоролевским порывом = Том вновь покраснел), and he covered his indecorum (и он покрыл свою бестактность) as well as he could (так хорошо, как он мог) by adding (добавив):

'It enrageth me (меня возмущает) that a man should be hanged upon such idle, hare-brained evidence (что человек должен быть повешен на (основании) таких пустых, опрометчивых показаний)!'

A low buzz of admiration (тихий гул восхищения) swept through the assemblage (пронесся по собранию; *to sweep* — *охватить*). It was not admiration of the

decree that had been delivered by Tom (это было не восхищение приговором, который был вынесен Томом), for the propriety or expediency of pardoning a convicted poisoner (ибо правомерность и целесообразность помилования осужденного отравителя) was a thing which few there would have felt justified (была вещью, которую немногие там почувствовали бы достойной) in either admitting or admiring (как приятия, так и восхищения) — no, the admiration was for the intelligence and spirit which Tom had displayed (нет, восхищение было (вызвано) умом и решимостью, которые Том проявил). Some of the low-voiced remarks were to this effect (некоторые из тихим голосом произнесенных замечаний были вот такого содержания):

'This is no mad king (это не сумасшедший король) — he hath his wits sound (он имеет свой разум в порядке = его разум в порядке; *sound* — *здоровый, крепкий*).'

'How sanely he put his questions (как здраво он задавал свои вопросы) — how like his former natural self (как похоже на его прошлое естественное «я») was this abrupt, imperious disposal of the matter (было это резкое, властное разрешение вопроса)!'

'God be thanked (благодарение Богу) his infirmity is spent (его недуг истощился = прошел; *to spend* — *тратить; истощать*)! This is no weakling (это не слабак; *weak* — *слабый*), but a king (но король). He hath borne himself like to his own father (он нес = повел себя подобно своему собственному отцу; *to bear*).'

The air being filled with applause (воздух будучи наполнен одобрением), Tom's ear necessarily caught a little of it (ухо Тома неизбежно уловило немного его; *to catch*). The effect which this had upon him (действие, которое это оказало на него) was to put him greatly at his ease (было успокоить, приободрить его; *to put* — *класть, ставить; at ease* — *непринужденно; to put at ease* — *успокоить, приободрить*), and also to charge his system with very gratifying sensations (а также наполнить его организм = его приятными ощущениями; *to gratify* — *удовлетворять, вознаграждать*).

However, his juvenile curiosity (однако его юношеское любопытство) soon rose superior to (вскоре взяло верх над; *to rise* — *вставать, подниматься; superior* — *превосходящий*) these pleasant thoughts and feelings (этими приятными мыслями и чувствами); he was eager (он очень хотел; *to be eager to do something* — *очень хотеть что-либо сделать*) to know (знать) what sort of deadly mischief (какого рода ужасным преступлением) the woman and the little girl could have been about (женщина и молодая девушка могли заниматься; *to be about* — *собираться, заниматься*); so, by his command (так что по его команде) the two terrified and sobbing creatures (два объятых ужасом и рыдающих существа) were brought before him (были приведены перед ним = пред его лицо).

'What is it that these have done (что есть это, что эти сделали)?' he inquired of the sheriff (он спросил шерифа).

'Please your majesty (с позволения Вашего величества), a black crime is charged upon them (черное преступление предъявлено им), and clearly proven (и ясно доказано; *to prove* — *доказывать*); wherefore the judges have decreed (почему судьи и постановили), according to the law (согласно с законом), that they be hanged (чтобы они были повешены). They sold themselves to the devil (они продали себя дьяволу; *to sell* — *продавать*) — such is their crime (таково их преступление).'

Tom shuddered (Том вздрогнул). He had been taught (он был научен; *to teach* — *учить*) to abhor people who did this wicked thing (питать отвращение к людям, которые делали эту нечестивую вещь; *wicked* — *злой; грешный*). Still, he was not going (все же он не собирался) to deny himself the pleasure (отказать себе в удовольствии) of feeding his curiosity (насытить свое любопытство), for all that (при всем том); so he asked (так что он спросил):

'Where was this done (где было это сделано)? — and when (и когда)?'

'On a midnight, in December (в одну полночь = однажды в полночь, в декабре) — in a ruined church, your majesty (в разрушенной церкви, Ваше величество).'

Tom shuddered again (Том вздрогнул снова). 'Who was there present (кто там присутствовал; *present* — *присутствующий*)?'

'Only these two, your Grace (только эти две, ваша милость) — and *that other* (и тот, другой).'

'Have these confessed (признались ли эти)?'

'Nay, not so, sire (нет, не так = отнюдь нет, сир) — they do deny it (они отрицают это; *to deny* — *отрицать*).'

'Then, prithee, how was it known (тогда, прошу вас, как было это узнано = как об этом узнали)?'

intelligence [ɪnˈtelɪɡəns], sheriff [ˈʃerɪf], superior [sjuːˈpɪəriə]

'Peace! Sheriff, name the day the deed was done!'

'At ten in the morning, or some minutes later, the first day of the new year, most illustrious —

'Let the prisoner go free — it is the king's will!'

Another blush followed this unregal outburst, and he covered his indecorum as well as he could by adding:

'It enrageth me that a man should be hanged upon such idle, hare-brained evidence!'

A low buzz of admiration swept through the assemblage. It was not admiration of the decree that had been delivered by Tom, for the propriety or expediency of pardoning a convicted poisoner was a thing which few there would have felt justified in either admitting or admiring — no, the admiration was for the intelligence and spirit which Tom had displayed. Some of the low-voiced remarks were to this effect:

'This is no mad king — he hath his wits sound.'

'How sanely he put his questions — how like his former natural self was this abrupt, imperious disposal of the matter!'

'God be thanked his infirmity is spent! This is no weakling, but a king. He hath borne himself like to his own father.'

The air being filled with applause, Tom's ear necessarily caught a little of it. The effect which this had upon him was to put him greatly at his ease, and also to charge his system with very gratifying sensations.

However, his juvenile curiosity soon rose superior to these pleasant thoughts and feelings; he was eager to know what sort of deadly mischief the woman and the little girl could have been about; so, by his command the two terrified and sobbing creatures were brought before him.

'What is it that these have done?' he inquired of the sheriff.

'Please your majesty, a black crime is charged upon them, and clearly proven; wherefore the judges have decreed, according to the law, that they be hanged. They sold themselves to the devil — such is their crime.'

Tom shuddered. He had been taught to abhor people who did this wicked thing. Still, he was not going to deny himself the pleasure of feeding his curiosity, for all that; so he asked:

'Where was this done? — and when?'

'On a midnight, in December — in a ruined church, your majesty.'

Tom shuddered again. **'Who was there present?'**

'Only these two, your Grace — and *that other*.'

'Have these confessed?'

'Nay, not so, sire- they do deny it.'

'Then, prithee, how was it known?'

'Certain witnesses did see them wending thither (некоторые свидетели видели их направляющимися туда), good your majesty (Ваше величество); this bred the suspicion (это вызвало подозрения; *to breed* — *разводить, выращивать*), and dire effects have since confirmed and justified it (и зловещие последствия с тех пор подтвердили и обосновали это). In particular (в частности), it is in evidence (есть в качестве доказательства) that through the wicked power so obtained (что

через дьявольскую силу, так полученную), they did invoke and bring about a storm (они призвали и вызвали бурю) that wasted all the region round about (которая опустошила всю местность вокруг). Above forty witnesses have proved the storm (около сорока свидетелей подтвердили бурю); and sooth one might have had a thousand (и поистине могла бы тысяча = могла бы это подтвердить тысяча человек), for all had reason to remember it (ибо все имели причину запомнить ее), sith all had suffered by it (ибо все пострадали от нее).' 'Certes (конечно) this is a serious matter (это серьезное дело).' Tom turned this dark piece of scoundrelism over in his mind awhile (Том поворачивал это темное злодейство в голове какое-то время; *piece* — кусок, здесь: проявление, факт), then asked (затем спросил):

'Suffered the woman, also, by the storm (пострадала ли женщина также от шторма)?'

Several old heads among the assemblage (несколько старых голов среди собрания) nodded their recognition of the wisdom (кивнули головами (в знак признания мудрости) of this question (этого вопроса). The sheriff, however (шериф, однако), saw nothing consequential in the inquiry (не увидел ничего последовательного = логического в вопросе); he answered, with simple directness (он ответил с простой прямоотой).

'Indeed (в самом деле), she did, your majesty (она сделала = пострадала, Ваше величество), and most righteously (и совершенно справедливо = по заслугам), as all aver (как все подтверждают). Her habitation was swept away (ее жилище было сметено прочь; *to sweep* —мести), and herself and child left shelterless (и она сама и ребенок оставлены бесприютными; *shelter* — укрытие).'

'Methinks the power to do herself so ill a turn (мне думается, что сила учинить себе такую плохую штуку) was dearly bought (была дорого куплена; *to buy* —покупать). She had been cheated (она была бы обманута), had she paid but a farthing for it (если бы она заплатила хоть фартинг за это; *to pay* — платить); that she paid her soul (то, что она заплатила своей душой), and her child's (и своего ребенка), argueth that she is mad (доказывает, что она сумасшедшая); if

she is mad (если она сумасшедшая) she knoweth not what she doth (она не знает, что творит), therefore sinneth not (следовательно, не грешит; *to sin* — *грешить*).'

The elderly heads nodded recognition (престарелые головы кивнули (в знак согласия) of Tom's wisdom once more (с мудростью Тома еще раз), and one individual murmured (и один человек пробормотал), 'An the king be mad himself (если король сумасшедший сам), according to report (согласно сообщениям = по слухам), then it is a madness of a sort (тогда это сумасшествие такого сорта) that would improve the sanity of some I wot of (который улучшил бы здравый смысл некоторых, кого я знаю), if by the gentle providence of God (если бы добрым провидением Господа) they could but catch it (они могли бы лишь подхватить ее).'

'What age hath the child (какой возраст имеет ребенок = сколько ей лет)?' asked Tom (спросил Том).

'Nine years, please your majesty (девять лет, с вашего позволения).'

'By the law of England (по законам Англии) may a child (может ли ребенок) enter into covenant (вступить в сделку = заключить сделку) and sell itself (и продать себя), my lord (милорд)?' asked Tom, turning to a learned judge (спросил Том, поворачиваясь к ученому судье).

suspicion [səs`pɪS(ə)n], recognition [rekə`gniS(ə)n], wisdom [`wɪzdəm]

'Certain witnesses did see them wending thither, good your majesty; this bred the suspicion, and dire effects have since confirmed and justified it. In particular, it is in evidence that through the wicked power so obtained, they did invoke and bring about a storm that wasted all the region round about. Above forty witnesses have proved the storm; and sooth one might have had a thousand, for all had reason to remember it, sith all had suffered by it.'

'Certes this is a serious matter.' Tom turned this dark piece of scoundrelism over in his mind awhile, then asked:

'Suffered the woman, also, by the storm?'

Several old heads among the assemblage nodded their recognition of the wisdom of this question. The sheriff, however, saw nothing consequential in the inquiry; he answered, with simple directness.

'Indeed, she did, your majesty, and most righteously, as all aver. Her habitation was swept away, and herself and child left shelterless.'

'Methinks the power to do herself so ill a turn was dearly bought. She had been cheated, had she paid but a farthing for it; that she paid her soul, and her child's, argueth that she is mad; if she is mad she knoweth not what she doth, therefore sinneth not.'

The elderly heads nodded recognition of Tom's wisdom once more, and one individual murmured, 'An the king be mad himself, according to report, then it is a madness of a sort that would improve the sanity of some I wot of, if by the gentle providence of God they could but catch it.'

'What age hath the child?' asked Tom.

'Nine years, please your majesty.'

'By the law of England may a child enter into covenant and sell itself, my lord?' asked Tom, turning to a learned judge.

'The law doth not permit a child (закон не дозволяет ребенку) to make or meddle in any weighty matter (совершать или вмешиваться в любой существенный вопрос), good my liege (мой господин), holding that its callow wit (держа то, что = ввиду того, что их незрелый ум; *callow* — неоперившийся птенец; незрелый, неискушенный, неопытный) unfitteth it to cope with the riper wit (не способен к тому, чтобы состязаться с более зрелым умом; *ripe* — зрелый) and evil schemings of them (и злоумышленными кознями тех) that are its elders (которые суть их старшие). The *devil* may buy a child (дьявол может купить ребенка), if he so choose (если он так выберет = решит), and the child agree thereto (а ребенок — согласиться на это), but not an Englishman (но не англичанин) — in this latter case (в этом последнем случае) the contract would

be null and void (контракт будет не имеющим законной силы:

«недействительным и напрасным» *юрид. термин*).'

'It seemeth a rude unchristian thing (это кажется дикой: «грубой», нехристианской вещью), and ill contrived (и плохо продуманной), that English law denieth privileges to Englishmen (что английский закон обделяет привилегиями англичан; *to deny* — *отрицать, обделять*), to waste them on the devil (чтобы растратить их на дьявола)!' cried Tom, with honest heat (вскричал Том с искренним пылом).

This novel view of the matter (этот новый взгляд на вещи) excited many smiles (возбудил = вызвал много улыбок), and was stored away in many heads (и был сохранен во многих головах; *to store away* — *сохранять*) to be repeated about the court (чтобы быть повторенным при дворе) as evidence of Tom's originality (как свидетельство оригинальности Тома) as well as progress toward mental health (равно как и прогресса по направлению к умственному здоровью).

The elder culprit (старшая преступница) had ceased from sobbing (перестала рыдать), and was hanging upon Tom's words (и ухватила за слова Тома; *to hang* — *висеть*) with an excited interest and a growing hope (с взволнованным интересом и растущей надеждой). Tom noticed this (Том заметил это), and it strongly inclined his sympathies toward her (и это сильно склонило его симпатии к ней) in her perilous and unfriended situation (в ее гибельной и беспомощной ситуации). Presently he asked (теперь он спросил):

'How wrought they (как поступали они), to bring the storm (чтобы принести = вызвать шторм)?'

'*By pulling off their stockings, sire* (стягивая свои чулки, сир).'

This astonished Tom (это изумило Тома), and also fired his curiosity to fever heat (а также воспламенило его любопытство до горячего жара). He said eagerly (он сказал с чувством):

'It is wonderful (это поразительно)! Hath it always this dread effect (имеет ли это всегда такой страшный эффект)?'

'Always, my liege (всегда, мой повелитель) — at least if the woman desire it (по крайней мере, если женщина желает этого), and utter the needful words (и произносит нужные слова), either in her mind or with her tongue (либо в своем уме или своим языком).'

Tom turned to the woman (Том повернулся к женщине), and said with impetuous zeal (и сказал с жаром: «с пылким рвением»):

'Exert thy power (покажи твою силу) — I would see a storm (я бы хотел увидеть бурю).'

There was a sudden paling of cheeks in the superstitious assemblage (произошло внезапное побледнение щек в суеверном собрании = у всех щеки побледнели), and a general, though unexpressed, desire (и всеобщее, хоть и невысказанное, желание) to get out of the place (выбраться из этого места) — all of which was lost upon Tom (что целиком: «все из чего» было зря потрачено на Тома; *to lose* — *терять*), who was dead to everything (который был мертв = безразличен ко всему) but the proposed cataclysm (кроме ожидаемого катаклизма). Seeing a puzzled and astonished look in the woman's face (видя озадаченный и пораженный вид лица этой женщины), he added, excitedly (он добавил возбужденно):

'Never fear (никогда не бойся = не бойся) — thou shalt be blameless (ты будешь невиновна). More (более того) — thou shalt go free (ты пойдешь свободная = тебя отпустят на свободу) — none shall touch thee (никто не тронет тебя).

Exert thy power (покажи твою силу).'

'O, my lord the king, I have it not (о, милорд король, я не имею ее = этой силы) — I have been falsely accused (я была ошибочно обвинена).'

'Thy fears stay thee (твои страхи удерживают тебя). Be of good heart (будь так добра: «будь доброго сердца»), thou shalt suffer no harm (ты не испытаешь вреда). Make a storm (сделай бурю) — it mattereth not how small a one (не имеет значения, насколько маленькую) — I require naught great or harmful (я не требую ничего великого или вредоносного), but indeed prefer the opposite (но в действительности предпочитаю противное) — do this (сделай это) and

thy life is spared (и твоя жизнь пощажена) — thou shalt go out free (ты выйдешь наружу свободная), with thy child (с твоим ребенком), bearing the king's pardon (неся = получив прощение короля), and safe from hurt or malice from any in the realm (и защищенная от вреда либо злобы от любого в королевстве).'

The woman prostrated herself (женщина пала ниц), and protested, with tears (и уверяла со слезами), that she had no power to do the miracle (что она не имела силы сделать такое чудо), else she would gladly win her child's life alone (иначе она бы с радостью выиграла = добилась бы жизни ребенка только), and be content to lose her own (и была бы довольна = согласна потерять свою собственную), if by obedience to the king's command (если послушанием королевскому приказу) so precious a grace might be acquired (столь драгоценная милость могла бы быть приобретена = заслужена).

Tom urged (Том настаивал) — the woman still adhered to her declarations (женщина все держалась своих высказываний). Finally, he said (наконец он сказал):

'I think the woman hath said true (я думаю, женщина сказала истинно = правду). An' *my* mother were in her place (если бы моя мать была на ее месте) and gifted with the devil's functions (и одарена дьявольскими функциями = способностями), she had not stayed a moment (она не ждала бы и момента; *to stay* — *оставаться*) to call her storms (призвать свои бури) and lay the whole land in ruins (и положить = повергнуть всю землю в руины), if the saving of my forfeit life (если бы спасение моей погибшей жизни) were the price (было бы наградой) she got (которую она бы получила; *to get* — *получать*)! It is argument (это доказательство) that other mothers are made in like mold (что другие матери отлиты в той же форме = сделаны из того же теста). Thou art free, good wife (ты свободная, добрая женщина) — thou and thy child (ты и твое дитя) — for I do think thee innocent (ибо я полагаю тебя невиновной). Now thou'st naught to fear (теперь ты не имеешь ничего, чтобы бояться = тебе нечего бояться), being pardoned (будучи прощенной) — pull off thy stockings

(стяни свои чулки)! — an thou canst make me a storm (и если ты сможешь сделать мне бурю), thou shalt be rich (ты будешь богата)!'

The redeemed creature (искупленное = прощенное создание) was loud in her gratitude (была громка в своей благодарности), and proceeded to obey (и повиновалась; *to proceed* — *приниматься, приступать*), while Tom looked on (пока Том наблюдал: «смотрел на») with eager expectancy (с нетерпеливым ожиданием), a little marred by apprehension (немного расстроенный предчувствием); the courtiers at the same time manifesting decided discomfort and uneasiness (придворные в то же время выражали решительное неудобство и беспокойство). The woman stripped her own feet (женщина раздела свои собственные ноги) and her little girl's also (и своей маленькой девочки также), and plainly did her best (и явно сделала свое лучшее = все возможное) to reward the king's generosity with an earthquake (чтобы наградить королевское великодушие землетрясением), but it was all a failure and a disappointment (но это все было провалом и разочарованием). Tom sighed and said (Том вздохнул и сказал):

'There, good soul (ладно, добрая душа), trouble thyself no further (беспокой себя не дальше = не беспокойся более), thy power is departed out of thee (твоя сила покинула тебя; *to depart* — *уезжать*). Go thy way in peace (иди своей дорогой в мире = с миром); and if it return to thee at any time (и если она = сила вернется к тебе в любое время), forget me not (не забудь меня), but fetch me a storm (но устрой мне грозу; *to fetch* — *принести, привести, раздобыть*).'

perilous [ˈperɪləs], pull [pʊl], earthquake [ˈɜːθkweɪk]

'The law doth not permit a child to make or meddle in any weighty matter, good my liege, holding that its callow wit unfitteth it to cope with the riper wit and evil schemings of them that are its elders. The *devil* may buy a child, if he so choose, and the child agree thereto, but not an Englishman — in this latter case the contract would be null and void.'

'It seemeth a rude unchristian thing, and ill contrived, that English law denieth privileges to Englishmen, to waste them on the devil!' cried Tom, with honest heat.

This novel view of the matter excited many smiles, and was stored away in many heads to be repeated about the court as evidence of Tom's originality as well as progress toward mental health.

The elder culprit had ceased from sobbing, and was hanging upon Tom's words with an excited interest and a growing hope. Tom noticed this, and it strongly inclined his sympathies toward her in her perilous and unfriended situation. Presently he asked:

'How wrought they, to bring the storm?'

'By pulling off their stockings, sire.'

This astonished Tom, and also fired his curiosity to fever heat. He said eagerly:

'It is wonderful! Hath it always this dread effect?'

'Always, my liege — at least if the woman desire it, and utter the needful words, either in her mind or with her tongue.'

Tom turned to the woman, and said with impetuous zeal:

'Exert thy power — I would see a storm.'

There was a sudden paling of cheeks in the superstitious assemblage, and a general, though unexpressed, desire to get out of the place — all of which was lost upon Tom, who was dead to everything but the proposed cataclysm.

Seeing a puzzled and astonished look in the woman's face, he added, excitedly:

'Never fear — thou shalt be blameless. More — thou shalt go free — none shall touch thee. Exert thy power.'

'O, my lord the king, I have it not — I have been falsely accused.'

'Thy fears stay thee. Be of good heart, thou shalt suffer no harm. Make a storm — it mattereth not how small a one — I require naught great or harmful, but indeed prefer the opposite — do this and thy life is spared —

thou shalt go out free, with thy child, bearing the king's pardon, and safe from hurt or malice from any in the realm.'

The woman prostrated herself, and protested, with tears, that she had no power to do the miracle, else she would gladly win her child's life alone, and be content to lose her own, if by obedience to the king's command so precious a grace might be acquired.

Tom urged — the woman still adhered to her declarations. Finally, he said: 'I think the woman hath said true. An' *my* mother were in her place and gifted with the devil's functions, she had not stayed a moment to call her storms and lay the whole land in ruins, if the saving of my forfeit life were the price she got! It is argument that other mothers are made in like mold. Thou art free, good wife — thou and thy child — for I do think thee innocent. Now thou'st naught to fear, being pardoned — pull off thy stockings! — an thou canst make me a storm, thou shalt be rich!'

The redeemed creature was loud in her gratitude, and proceeded to obey, while Tom looked on with eager expectancy, a little marred by apprehension; the courtiers at the same time manifesting decided discomfort and uneasiness. The woman stripped her own feet and her little girl's also, and plainly did her best to reward the king's generosity with an earthquake, but it was all a failure and a disappointment. Tom sighed and said:

'There, good soul, trouble thyself no further, thy power is departed out of thee. Go thy way in peace; and if it return to thee at any time, forget me not, but fetch me a storm.'

CHAPTER XVI (Глава шестнадцатая)

The State Dinner (Государственный = Королевский обед)

THE dinner-hour drew near (час обеда приближался; *to draw* — *приближаться*; *near* — *близко*) — yet, strangely enough (и все же, странно достаточно = как ни странно), the thought brought but slight discomfort to Tom (эта мысль принесла лишь незначительный дискомфорт = незначительное беспокойство Тому; *to bring* — *приносить*), and hardly any terror (и едва ли какой-либо ужас). The morning's experiences (переживания этого утра) had wonderfully built up his confidence (удивительным образом укрепили его уверенность в себе; *to build up* — *укреплять*); the poor little ash-cat (бедный маленький кочегар = испачканный сажей котенок = чумазый ребенок) was already more wonted (был уже более привыкшим) to his strange garret (к своему странному чердаку), after four days' habit (после четырехдневного привыкания), than a mature person could have become (чем зрелый человек мог бы стать) in a full month (в полный = целый месяц). A child's facility (способность ребенка) in accommodating itself (приспосабливаться) to circumstances (к обстоятельствам) was never more strikingly illustrated (никогда не была более ярко иллюстрирована).

Let us privileged ones (давайте мы, привилегированные особы) hurry to the great banqueting-room (поспешим в огромный пиршественный зал) and have a glance at matters there (и взглянем на дела там) while Tom is being made ready (пока Тома готовят) for the imposing occasion (к торжественному событию). It is a spacious apartment (это просторная комната), with gilded pillars and pilasters (с позолоченными колоннами и пилястрами), and pictured walls and ceilings (и расписанными стенами и потолками). At the door stand tall guards (у двери стоят высокие стражники), as rigid as statues (столь же неподвижные, как статуи), dressed in rich and picturesque costumes (одетые в богатые и живописные одежды), and bearing halberds (и носящие алебарды). In a high gallery (на высокой галерее) which runs all around the place (которая бежит = проходит вокруг этого места) is a band of musicians (находится группа музыкантов) and a packed company (и компания, как на подбор) of citizens of both sexes (граждан обоих полов), in brilliant attire (в блистательном

облачении). In the center of the room (в центре комнаты), upon a raised platform (на приподнятом помосте), is Tom's table (находится стол Тома). Now let the ancient chronicler speak (теперь пусть говорит старинный летописец):

'A gentleman enters the room bearing a rod (джентльмен входит в комнату, неся жезл), and along with him another bearing a table-cloth (и вместе с ним другой, несущий скатерть), which (которую), after they have both kneeled three times (после того как они оба преклонили колени три раза) with the utmost veneration (с предельным благоговением), he spreads upon the table (он расстилат на столе), and after kneeling again (и после коленопреклонения снова) they both retire (они оба удаляются); then come two others (затем приходят двое других), one with the rod again (один с жезлом снова), the other with a salt-cellar, a plate, and bread (другой с солонкой, блюдом и хлебом); when they have kneeled (когда они преклонили колени) as the others had done (как другие делали), and placed what was brought upon the table (и поставили то, что было принесено, на стол), they too retire with the same ceremonies (они тоже удаляются с теми же церемониями) performed by the first (исполненными первыми); at last come two nobles richly clothed (наконец приходят два дворянина, богато одетых), one bearing a tasting-knife (один несущий нож для пробования; *to taste* — *пробовать*), who, after prostrating themselves in the most graceful manner (которые, после того как пасть ниц в наивежливой манере), approach and rub the table (приближаются и трут стол) with bread and salt (хлебом и солью), with as much awe (с таким многим = сильным благоговением) as if the king had been present (как если бы король присутствовал).'

So end the solemn preliminaries (так заканчиваются торжественные приготовления). Now, far down the echoing corridors (теперь, далеко по гулким коридорам; *echo* — *эхо*) we hear a bugle-blast (мы слышим звук рога; *blast* — *порыв ветра; звук духового инструмента*), and the indistinct cry (и невнятный крик), 'Place for the king (место для короля)! way for the king's most excellent majesty (дорогу для его наивеликолепнейшего величества короля)!' These

sounds are momentarily repeated (эти звуки ежеминутно повторяются) — they grow nearer and nearer (они становятся ближе и ближе) — and presently, almost in our faces (и вот, почти нам в лицо), the martial note peals (воинственный сигнал раздаётся) and the cry rings out (и крик звенит), 'Way for the king (дорогу королю)!' At this instant the shining pageant appears (в это мгновение блистательная процессия появляется; *pageant* — пышное зрелище; пышная процессия), and files in at the door (и выстраивается в дверях), with a measured march (размеренной поступью). Let the chronicler speak again (пусть летописец говорит снова):

chronicler [ˈkrɒnɪklə], echo [ˈekʊ], bugle [bju:gl]

THE dinner-hour drew near — yet, strangely enough, the thought brought but slight discomfort to Tom, and hardly any terror. The morning's experiences had wonderfully built up his confidence; the poor little ash-cat was already more wonted to his strange garret, after four days' habit, than a mature person could have become in a full month. A child's facility in accommodating itself to circumstances was never more strikingly illustrated. Let us privileged ones hurry to the great banqueting-room and have a glance at matters there while Tom is being made ready for the imposing occasion. It is a spacious apartment, with gilded pillars and pilasters, and pictured walls and ceilings. At the door stand tall guards, as rigid as statues, dressed in rich and picturesque costumes, and bearing halberds. In a high gallery which runs all around the place is a band of musicians and a packed company of citizens of both sexes, in brilliant attire. In the center of the room, upon a raised platform, is Tom's table. Now let the ancient chronicler speak:

'A gentleman enters the room bearing a rod, and along with him another bearing a table-cloth, which, after they have both kneeled three times with the utmost veneration, he spreads upon the table, and after kneeling again they both retire; then come two others, one with the rod again, the other with a

salt-cellar, a plate, and bread; when they have kneeled as the others had done, and placed what was brought upon the table, they too retire with the same ceremonies performed by the first; at last come two nobles richly clothed, one bearing a tasting-knife, who, after prostrating themselves in the most graceful manner, approach and rub the table with bread and salt, with as much awe as if the king had been present.'

So end the solemn preliminaries. Now, far down the echoing corridors we hear a bugle-blast, and the indistinct cry, 'Place for the king! way for the king's most excellent majesty!' These sounds are momentarily repeated — they grow nearer and nearer — and presently, almost in our faces, the martial note peals and the cry rings out, 'Way for the king!' At this instant the shining pageant appears, and files in at the door, with a measured march. Let the chronicler speak again:

'First come Gentlemen, Barons, Earls (первыми идут джентльмены, бароны, графы), Knights of the Garter (рыцари подвязки), all richly dressed and bareheaded (все богато одетые и с непокрытой головой; *bare* — голый, обнаженный); next comes the Chancellor (следом идет канцлер), between two (между двоих человек), one of which carries the royal scepter (один из которых несет королевский скипетр), the other the Sword of State (другой — церемониальный меч: «меч государства») in a red scabbard (в красных ножнах), studded (обитый гвоздями в форме; *stud* — гвоздь с большой шляпкой; *обивать*) with golden fleurs-de-lis (золотых геральдических лилий), the point upwards (острым кончиком вверх); next comes the King himself (затем идет сам король) — whom, upon his appearing (которого, при его появлении), twelve trumpets and many drums (двенадцать труб и много барабанов) salute with a great burst of welcome (приветствуют великим взрывом радушия), whilst all in the galleries rise in their places, crying (пока все на галереях встают со своих мест, крича) "God save the King (Боже, храни Короля)!" After him come nobles attached to his person (после него идут дворяне, приближенные к

его особе; *to attach* — *прикреплять*), and on his right and left (и справа и слева от него) march his guard of honor (шагает его почетный караул: «стража чести»), his fifty Gentlemen Pensioners, with gilt battle-axes (его пятьдесят наемных дворян с позолоченными боевыми топорами).'

This was all fine and pleasant (это все было утонченно и приятно). Tom's pulse beat high (пульс Тома часто бился) and a glad light was in his eye (и довольный свет был в его глазу = его глаза довольно сияли). He bore himself right gracefully (он держал себя весьма изящно; *to bear* — *нести*), and all the more so (и тем более так) because he was not thinking of (потому что он не думал о том) how he was doing it (как он делал это), his mind being charmed and occupied (пока его ум был очарован и занят) with the blithe sights and sounds about him (веселыми зрелищами и звуками вокруг него) — and besides (и кроме того), nobody can be very ungraceful (никто не может быть очень уж неизящным) in nicely fitting beautiful clothes (в отлично подходящей красивой одежде) after he has grown a little used to them (после того, как он стал немного привыкший к ним) — especially if he is for the moment unconscious of them (особенно если он на время был несознающий их = не осознавал их). Tom remembered his instructions (Том помнил свои инструкции), and acknowledged his greeting (принимал приветствия) with a slight inclination (легким наклоном) of his plumed head (своей украшенной пером головы; *plume* — *перо в шляпе, плюмаж*), and a courteous (и учтивым) 'I thank ye, my good people (я благодарю вас, мои добрые люди).'

He seated himself at table without removing his cap (он уселся у стола без того чтобы снять = не снимая шапки); and did it without the least embarrassment (и сделал это без малейшего замешательства); for to eat with one's cap on (ибо есть со своей шляпой надетой) was the one solitary royal custom (было единственным королевским обычаем) upon which the kings and the Cantys met upon common ground (на котором короли и семья Кэнти встречались на общей территории = сходились), neither party having any advantage over the other (причем ни одна сторона не имела никакого преимущества перед

другой) in the matter of old familiarity with it (в деле давнего знакомства с этим). The pageant broke up (свита разделилась; *to break up* — *разбить, распадаться*) and grouped itself picturesquely (и сгруппировалась живописно; *picture* — *картина*), and remained bareheaded (и осталась с непокрытой головой).

Now, to the sound of gay music (теперь, под звуки веселой музыки), the Yeomen of the Guard entered (йомены-гвардейцы вошли) — 'the tallest and mightiest men in England (высочайшие и сильнейшие люди в Англии), they being selected in this regard (ведь они были выбраны в этом отношении = поэтому признаку)' — but we will let the chronicler tell about it (но мы позволим летописцу рассказать об этом):

'The Yeomen of the Guard entered bareheaded (йомены-гвардейцы вошли с непокрытыми головами), clothed in scarlet (облаченные в алое), with golden roses upon their backs (с золотыми розами на их спинах); and these went and came (и эти = они приходили и уходили; *to come* — *приходить*; *to go* — *идти, уходить*), bringing in each turn (принося каждый раз) a course of dishes (перемену блюд), served in plate (сервированную на блюде). These dishes were received by a gentleman (эти блюда принимались неким джентльменом) in the same order they were brought (в том же порядке, как они были принесены), and placed upon the table (и поставлены = и их ставили на стол), while the taster (пока «отведыватель» = слуга, пробовавший блюда перед их подачей) gave to each guard a mouthful to eat (дал каждому гвардейцу кусок съесть) of the particular dish he had brought (от того блюда, которое он принес; *to bring* — *приносить*; *particular* — *особенный; отдельный*), for fear of any poison (от страха перед каким-либо ядом).'

Tom made a good dinner (Том сделал хороший обед = хорошо пообедал), notwithstanding (несмотря на то, что) he was conscious (он был сознателен = осознал) that hundreds of eyes followed each morsel to his mouth (что сотни глаз прослеживали каждый кусочек пищи к его рту) and watched him eat it (и смотрели, как он ест его: «смотрели его есть его») with an interest (с

интересом) which could not have been more intense (который не мог бы быть более сильным) if it had been a deadly explosive (если бы это было губительное взрывчатое вещество) and was expected (и оно ожидалось бы = угрожающее) to blow him up (разнести его /на мелкие части/) and scatter him all over the place (и разбросать по всей зале). He was careful (он был осторожен = следил за тем, чтобы) not to hurry (не спешить), and equally careful (и столь же осторожен) not to do anything whatever for himself (не сделать чего бы то ни было самостоятельно), but wait (но подождать) till the proper official knelt down (пока соответствующий чиновник не стал = не станет на колени) and did it for him (и не сделал = не сделает это за него). He got through without a mistake (он прошел через это без единой ошибки) — flawless and precious triumph (безупречный и драгоценный триумф; *flaw* — трещина, щель, порок /в металле, фарфоре и т. п./, брак /в приобретенном изделии/).

When the meal was over at last (когда еда была закончена наконец) and he marched away (и он ушагал прочь) in the midst of his bright pageant (в середине своей яркой свиты), with the happy noises in his ears (под радостные звуки в его ушах) of blaring bugles (трубящих рожков), rolling drums (гремящих барабанов), and thundering acclamations (и громогласных приветствий), he felt (он чувствовал; *to feel* — чувствовать) that if he had seen the worst of dining in public (что если он видел худшее от публичного обеда), it was an ordeal (это была пытка) which he would be glad to endure (которую он был бы рад переносить) several times a day (несколько раз в день) if by that means (если таким средством = такой ценой) he could but buy himself free (он мог бы купить себя свободным = откупиться) from some of the more formidable requirements of his royal office (от некоторых из более тяжелых обязанностей своей королевской службы).

earl [ə:l], group [gru:p], blare [bleə]

'First come Gentlemen, Barons, Earls, Knights of the Garter, all richly dressed and bareheaded; next comes the Chancellor, between two, one of which carries the royal scepter, the other the Sword of State in a red scabbard, studded with golden fleurs-de-lis, the point upwards; next comes the King himself- whom, upon his appearing, twelve trumpets and many drums salute with a great burst of welcome, whilst all in the galleries rise in their places, crying "God save the King!" After him come nobles attached to his person, and on his right and left march his guard of honor, his fifty Gentlemen Pensioners, with gilt battle-axes.'

This was all fine and pleasant. Tom's pulse beat high and a glad light was in his eye. He bore himself right gracefully, and all the more so because he was not thinking of how he was doing it, his mind being charmed and occupied with the blithe sights and sounds about him — and besides, nobody can be very ungraceful in nicely fitting beautiful clothes after he has grown a little used to them — especially if he is for the moment unconscious of them. Tom remembered his instructions, and acknowledged his greeting with a slight inclination of his plumed head, and a courteous 'I thank ye, my good people.' He seated himself at table without removing his cap; and did it without the least embarrassment; for to eat with one's cap on was the one solitary royal custom upon which the kings and the Cantys met upon common ground, neither party having any advantage over the other in the matter of old familiarity with it. The pageant broke up and grouped itself picturesquely, and remained bareheaded.

Now, to the sound of gay music, the Yeomen of the Guard entered — 'the tallest and mightiest men in England, they being selected in this regard' — but we will let the chronicler tell about it:

'The Yeomen of the Guard entered bareheaded, clothed in scarlet, with golden roses upon their backs; and these went and came, bringing in each turn a course of dishes, served in plate. These dishes were received by a gentleman in the same order they were brought, and placed upon the table,

while the taster gave to each guard a mouthful to eat of the particular dish he had brought, for fear of any poison.'

Tom made a good dinner, notwithstanding he was conscious that hundreds of eyes followed each morsel to his mouth and watched him eat it with an interest which could not have been more intense if it had been a deadly explosive and was expected to blow him up and scatter him all over the place. He was careful not to hurry, and equally careful not to do anything whatever for himself, but wait till the proper official knelt down and did it for him. He got through without a mistake — flawless and precious triumph.

When the meal was over at last and he marched away in the midst of his bright pageant, with the happy noises in his ears of blaring bugles, rolling drums, and thundering acclamations, he felt that if he had seen the worst of dining in public, it was an ordeal which he would be glad to endure several times a day if by that means he could but buy himself free from some of the more formidable requirements of his royal office.

CHAPTER XVII (Глава семнадцатая)

Foo-foo the First (Фу-фу Первый)

MILES Hendon hurried along toward the Southwark end of the bridge (Майлс Хендон спешил к Саутуоркскому концу моста), keeping a sharp lookout (сохраняя зоркое наблюдение) for the persons he sought (за людьми, которых он искал; *to seek* — *искать*), and hoping and expecting (и надеясь и ожидая) to overtake them presently (догнать их вскоре). He was disappointed in this, however (он был разочарован в этом, однако). By asking questions (задавая вопросы), he was enabled to track them (он смог следовать за ними; *to enable* — *давать возможность*) part of the way through Southwark (часть пути через Саутуорк); then all traces ceased (затем все следы прекратились = оборвались),

and he was perplexed (и он был озадачен) as to how to proceed (насчет того, как продолжать = что делать дальше). Still (все же), he continued his efforts (он продолжал свои усилия) as best he could (как лучше всего он мог = как можно лучше) during the rest of the day (в течение остатка дня). Nightfall found him leg-weary (сумерки нашли его сбившимся с ног; *to find* — *находить*; *leg* — *нога*; *wear* — *уставший*), half famished (полуголодным; *to famish* — *голодать, морить голодом*), and his desire as far from accomplishment as ever (а его желание — таким же далеким от выполнения, как всегда); so he supped at the Tabard inn (так что он поужинал в Табард-инне) and went to bed (и пошел в постель = спать), resolved to make an early start in the morning (полный решимости сделать раннее начало = рано начать утром), and give the town an exhaustive search (и хорошенько обыскать город: «дать городу исчерпывающий поиск»). As he lay thinking and planning (пока он лежал, думая и строя планы; *to lie* — *лежать*), he presently began to reason thus (он вскоре начал рассуждать так): The boy would escape from the ruffian (мальчик бы убежал от этого негодяя), his reputed father (его предполагаемого отца), if possible (если возможно); would he go back to London (пошел ли бы он назад в Лондон) and seek his former haunts (и искал бы свои бывшие любимые места; *haunt* — *часто посещаемое место*; *to haunt* — *посещать*)? No, he would not do that (нет, он бы не сделал этого), he would avoid recapture (он бы избегал новой поимки). What, then, would he do (что же тогда бы он сделал)? Never having had a friend in the world (никогда не имевший друга в мире), or a protector (или защитника), until he met Miles Hendon (пока он не встретил Майлса Хендона; *to meet* — *знакомиться, встретиться*), he would naturally try to find that friend again (он бы естественно постарался найти этого друга снова), provided the effort did not require him (в случае, если это усилие не потребует от него) to go toward London and danger (идти к Лондону и к опасности). He would strike for Hendon Hall (он бы направился к Хендон-Холлу), that is what he would do (вот что он бы сделал), for he knew Hendon was homeward bound (ибо он знал, что Хендон намеревался уехать домой;

homeward — по направлению к дому; *bound* — намеренный, направляющийся), and there he might expect to find him (и там он мог бы ожидать найти его). Yes, the case was plain to Hendon (да, дело было ясно для Хендона) — he must lose no more time in Southwark (он должен не терять больше времени в Саутворке), but move at once through Kent (но двинуться сразу через Кент), toward Monk's Holm (к Монашьему островку), searching the wood (обыскивая леса) and inquiring (и расспрашивая) as he went (пока он шел = по дороге; *to go* — *идти*). Let us return (позволим нам = давайте вернемся) to the vanished little king now (к исчезнувшему маленькому королю теперь).

The ruffian (хулиган), whom the waiter at the inn on the bridge (которого официант на постоялом дворе на мосту) saw 'about to join' the youth and the king (увидел «собирающимся присоединиться» к юноше и королю), did not exactly join them (не точно присоединился к ним = на самом деле не присоединился к ним), but fell in close behind them (но пристроился близко позади них; *to fall in* — *пристроиться, случайно встретиться: «падать в»*) and followed their steps (и последовал за их шагами = за ними по пятам). He said nothing (он не сказал ничего). His left arm was in a sling (его левая рука была на перевязи), and he wore a large green patch (и он носил большой зеленый пластырь; *to wear* — *носить*) over his left eye (на своем левом глазу); he limped slightly (он прихрамывал слегка), and used an oaken staff (и использовал дубовый посох) as a support (как опору). The youth led the king a crooked course through Southwark (юноша повел короля извилистым путем через Саутворк; *to lead* — *вести*; *to crook* — *гнуть*), and by and by (и постепенно) struck into the highroad beyond (приближался к большой дороге вдали). The king was irritated now (король был раздражен теперь), and said he would stop here (и сказал, что он хочет остановиться здесь) — it was Hendon's place (это было место = дело Хендона) to come to him (прийти к нему), not his to go to Hendon (а не его — идти к Хендону). He would not endure such insolence (он не собирается сносить подобную дерзость); he would stop where

he was (он хочет остановиться, где он был = на месте). The youth said (юноша сказал):

'Thou'lt tarry here (ты хочешь медлить здесь), and thy friend lying wounded (а твой друг лежа = лежит раненый) in the wood yonder (в лесу там)? So be it, then (ну, так тому и быть, раз так).'

The king's manner changed at once (манера короля переменялась сразу). He cried out (он вскричал):

'Wounded (раненый)? And who hath dared to do it (и кто посмел сделать это)? But that is apart (но это отдельно = несущественно); lead on, lead on (веди дальше, веди дальше)! Faster, sirrah (быстрее, братец)! Wounded, is he (ранен, есть ли он = правда)? Now though the doer of it be a duke's son (теперь, хоть бы виновник и был сыном герцога), he shall rue it (он пожалеет об этом)!'

accomplishment [ə`kʌmplɪʃmənt], (re)capture [(rɪ)`kæptʃə], staff [sta:f]

MILES Hendon hurried along toward the Southwark end of the bridge, keeping a sharp lookout for the persons he sought, and hoping and expecting to overtake them presently. He was disappointed in this, however. By asking questions, he was enabled to track them part of the way through Southwark; then all traces ceased, and he was perplexed as to how to proceed. Still, he continued his efforts as best he could during the rest of the day. Nightfall found him leg-weary, half famished, and his desire as far from accomplishment as ever; so he supped at the Tabard inn and went to bed, resolved to make an early start in the morning, and give the town an exhaustive search. As he lay thinking and planning, he presently began to reason thus: The boy would escape from the ruffian, his reputed father, if possible; would he go back to London and seek his former haunts? No, he would not do that, he would avoid recapture. What, then, would he do? Never having had a friend in the world, or a protector, until he met Miles Hendon, he would naturally try to find that friend again, provided the effort did not

require him to go toward London and danger. He would strike for Hendon Hall, that is what he would do, for he knew Hendon was homeward bound, and there he might expect to find him. Yes, the case was plain to Hendon — he must lose no more time in Southwark, but move at once through Kent, toward Monk's Holm, searching the wood and inquiring as he went. Let us return to the vanished little king now.

The ruffian, whom the waiter at the inn on the bridge saw 'about to join' the youth and the king, did not exactly join them, but fell in close behind them and followed their steps. He said nothing. His left arm was in a sling, and he wore a large green patch over his left eye; he limped slightly, and used an oaken staff as a support. The youth led the king a crooked course through Southwark, and by and by struck into the highroad beyond. The king was irritated now, and said he would stop here — it was Hendon's place to come to him, not his to go to Hendon. He would not endure such insolence; he would stop where he was. The youth said:

'Thou'lt tarry here, and thy friend lying wounded in the wood yonder? So be it, then.'

The king's manner changed at once. He cried out:

'Wounded? And who hath dared to do it? But that is apart; lead on, lead on! Faster, sirrah! art shod with lead? Wounded, is he? Now though the doer of it be a duke's son, he shall rue it!'

It was some distance to the wood (было = оставалось некоторое расстояние до леса), but the space was speedily traversed (но это расстояние было скоро преодолено). The youth looked about him (юноша посмотрел вокруг себя = огляделся), discovered a bough sticking in the ground (обнаружил сук, воткнутый в землю), with a small bit of rag tied to it (с небольшим куском лохмотьев, привязанным к нему), then led the way into the forest (затем повел путь = пошел и повел за собой в лес), watching for similar boughs and finding them at intervals (ища похожие сучья и находя их через интервалы =

регулярно); they were evidently guides (они были очевидно указателями) to the point he was aiming at (к месту, куда он стремился; *to aim* — *целиться*). By and by an open place was reached (вскоре открытое место было достигнуто), where were the charred remains of a farmhouse (где находились обуглившиеся остатки фермерского дома), and near them a barn (а около них — сарай) which was falling to ruin and decay (который падал в руины и ветхость = разрушался и ветшал). There was no sign of life anywhere (не было никакого знака жизни где-либо), and utter silence prevailed (и полная тишина царила). The youth entered the barn (юноша вошел в сарай), the king following eagerly upon his heels (король следующий пылко на его пятках = близко за ним). No one there (никого там)! The king shot a surprised and suspicious glance at the youth (король бросил удивленный и подозрительный взгляд на юношу; *to shoot* — *стрелять, бросать*), and asked (и спросил):

'Where is he (где он)?'

A mocking laugh was his answer (издевательский смех был ему ответом). The king was in a rage in a moment (король пришел в ярость немедленно); he seized a billet of wood (он схватил полено) and was in the act of charging upon the youth (и был в действии нападения на юношу = и как раз собирался напасть на юношу) when another mocking laugh fell upon his ear (когда другой издевательский смех упал на его ухо = послышался; *to fall* — *падать*). It was from the lame ruffian (он исходил от хромого негодяя), who had been following at a distance (который следовал на расстоянии). The king turned and said angrily (король обернулся и сказал сердито; *to say* — *сказать*):

'Who art thou (кто ты)? What is thy business here (какое твое дело здесь)?'

'Leave thy foolery (оставь свои дурачества; *fool* — *дурак; глупец; болван*),' said the man (сказал человек), 'and quiet thyself (и успокойся; *to quiet* — *успокаивать*). My disguise is none so good (моя маскировка не так хороша) that thou canst pretend (чтобы ты мог притворяться) thou knowest not thy father through it (что ты не узнаешь своего отца сквозь нее).'

'Thou art not my father (ты не мой отец). I know thee not (я не знаю тебя). I am the king (я король). If thou hast hid my servant (если ты скрыл моего слугу; *to hide* — *прятать(ся)*), find him for me (найди его для меня), or thou shalt sorrow (или ты хлебнешь горя) for what thou hast done (за то, что ты сделал).'
John Canty replied (Джон Кэнти ответил), in a stern and measured voice (суровым и размеренным голосом; *measure* — *мера*; *to measure* — *мерить*):
'It is plain thou art mad (ясно, что ты сумасшедший), and I am loath to punish thee (и я несклонен наказывать тебя); but if thou provoke me, I must (но если ты спровоцируешь меня, я должен = должен буду это сделать). Thy prating doth no harm here (твоя болтовня не делает никакого вреда здесь; *to prate* — *болтать, трепаться, нести чепуху*), where there are no ears (где нет ушей) that need to mind thy follies (которым нужно обижаться на твои безумства), yet is it well to practise thy tongue to wary speech (и все же хорошо упражнять твой язык в осторожной речи), that it may do no hurt (чтобы она не причинила никакого вреда) when our quarters change (когда наше обиталище сменится). I have done a murder (я совершил убийство), and may not tarry at home (и не могу задерживаться дома) — neither shalt thou (не будешь и ты), seeing I need thy service (видя, что мне нужна твое обслуживание = помощь). My name is changed (мое имя изменено), for wise reasons (по мудрым причинам); it is Hobbs (оно — Хоббс) — John Hobbs (Джон Хоббс); thine is Jack (твое — Джек) — charge thy memory accordingly (заряди свою память = запомни соответственно). Now, then, speak (теперь, раз так, говори). Where is thy mother (где твоя мать)? Where are thy sisters (где твои сестры)? They came not to the place appointed (они не пришли к месту назначенному; *to come* — *приходить*) — knowest thou whither they went (знаешь ли ты, куда они пошли; *to go* — *идти*)?'

The king answered, sullenly (король ответил угрюмо):

'Trouble me not (не беспокой меня) with these riddles (этими загадками). My mother is dead (моя мать мертва); my sisters are in the palace (мои сестры во дворце).'

The youth near by (юноша рядом) burst into a derisive laugh (разразился саркастическим смехом; *derisive* — иронический, саркастический, насмешливый), and the king would have assaulted him (и король напал бы на него), but Cauty — or Hobbs (но Кэнти — или Хоббс), as he now called himself (как он теперь называл себя) — prevented him (удержал его), and said (и сказал):

'Peace, Hugo (тише, Хьюго), vex him not (не дразни его); his mind is astray (его разум заблудился = помутнен), and thy ways fret him (и твои манеры беспокоят его). Sit thee down, Jack (садись, Джек), and quiet thyself (и успокойся); thou shalt have a morsel to eat (ты получишь кусочек — поешь), anon (сейчас).'

bough [bau], prevail [pri`veil], derisive [di`raɪsɪv]

It was some distance to the wood, but the space was speedily traversed. The youth looked about him, discovered a bough sticking in the ground, with a small bit of rag tied to it, then led the way into the forest, watching for similar boughs and finding them at intervals; they were evidently guides to the point he was aiming at. By and by an open place was reached, where were the charred remains of a farmhouse, and near them a barn which was falling to ruin and decay. There was no sign of life anywhere, and utter silence prevailed. The youth entered the barn, the king following eagerly upon his heels. No one there! The king shot a surprised and suspicious glance at the youth, and asked:

'Where is he?'

A mocking laugh was his answer. The king was in a rage in a moment; he seized a billet of wood and was in the act of charging upon the youth when another mocking laugh fell upon his ear. It was from the lame ruffian, who had been following at a distance. The king turned and said angrily:

'Who art thou? What is thy business here?'

'Leave thy foolery,' said the man, 'and quiet thyself. My disguise is none so good that thou canst pretend thou knowest not thy father through it.'

'Thou art not my father. I know thee not. I am the king. If thou hast hid my servant, find him for me, or thou shalt sup sorrow for what thou hast done.'

John Canty replied, in a stern and measured voice:

'It is plain thou art mad, and I am loath to punish thee; but if thou provoke me, I must. Thy prating doth no harm here, where there are no ears that need to mind thy follies, yet is it well to practise thy tongue to wary speech, that it may do no hurt when our quarters change. I have done a murder, and may not tarry at home — neither shalt thou, seeing I need thy service. My name is changed, for wise reasons; it is Hobbs — John Hobbs; thine is Jack — charge thy memory accordingly. Now, then, speak. Where is thy mother? Where are thy sisters? They came not to the place appointed — knowest thou whither they went?'

The king answered, sullenly:

'Trouble me not with these riddles. My mother is dead; my sisters are in the palace.'

The youth near by burst into a derisive laugh, and the king would have assaulted him, but Canty — or Hobbs, as he now called himself — prevented him, and said:

'Peace, Hugo, vex him not; his mind is astray, and thy ways fret him. Sit thee down, Jack, and quiet thyself; thou shalt have a morsel to eat, anon.'

Hobbs and Hugo fell to talking together (Хоббс и Хьюго принялись разговаривать вместе; *to fall to* — *приниматься за что-либо*), in low voices (тихими голосами), and the king removed himself (а король удалил себя) as far as he could (так далеко, как он мог) from their disagreeable company (от их неприятной компании). He withdrew into the twilight of the farther end of the barn (он отошел в полумрак дальнего конца сарая; *to withdraw* — *забираться, отходить*), where he found the earthen floor (где он нашел земляной пол; *to*

find — находить) bedded a foot deep with straw (устланный на фут глубиной соломой). He lay down here (он лег здесь; *to lie* — ложиться, лежать), drew straw over himself (натянул солому поверх себя; *to draw* — тянуть) in lieu of blankets (вместо одеял), and was soon absorbed in thinking (и стал скоро поглощен размышлениями). He had many griefs (он имел много печалей), but the minor ones (но меньшие) were swept almost into forgetfulness (были сметены почти в забвение) by the supreme one (первостепенной; *supreme* — высший), the loss of his father (потерей его отца). To the rest of the world (на остальную часть мира) the name of Henry VIII brought a shiver (имя Генриха VIII наводило трепет; *to bring* — приносить), and suggested an ogre (и наводило на мысль о великане-людоеде; *to suggest* — внушать, вызывать; подсказывать /мысль/; намекать; наводить на мысль; говорить о, означать) whose nostrils breathed destruction (чьи ноздри дышали разрушением) and whose hand dealt scourgings and death (и чья рука раздавала бичевания и смерть; *scourge* — плеть, бич; *to scourge* — бичевать); but to this boy (но этому мальчику) the name brought only sensations of pleasure (это имя приносило только чувство удовольствия; *to bring* — приносить), the figure it invoked (фигура, которую оно вызывало) wore a countenance (носила выражение лица; *to wear* — носить) that was all gentleness and affection (которое было все мягкость и любовь). He called to mind (он вызывал в уме) a long succession of loving passages (длинный ряд душевных разговоров) between his father and himself (между его отцом и самим собой), and dwelt fondly upon them (и задерживался любовно на них = лелеял эти воспоминания; *to dwell* — подробно останавливаться, задерживаться, обитать), his unstinted tears (его безмерные слезы = рыдания) attesting (свидетельствующие) how deep and real was the grief (как глубока и неподдельна была печаль) that possessed his heart (которая овладела его сердцем). As the afternoon wasted away (пока день уходил; *to waste away* — зачахнуть, истаять; *to waste* — терять даром, тратить впустую; чахнуть, угасать), the lad, wearied with his troubles (мальчик, измотанный своими

бедами), sunk gradually into a tranquil and healing slumber (погрузился постепенно в спокойный и целительный сон; *to sink* — погружаться, тонуть; *to heal* — исцелять).

After a considerable time (через значительный промежуток времени) — he could not tell how long (он не мог сказать, насколько долгий) — his senses struggled to a half-consciousness (его чувства пробились к полубессознательному состоянию; *half* — половина; *consciousness* — сознание; *conscious* — сознательный), and as he lay with closed eyes (и пока он лежал с закрытыми глазами; *to lie* — лежать) vaguely wondering where he was (туманно задаваясь вопросом, где он) and what had been happening (и что происходило), he noted a murmurous sound (он заметил приглушенный звук), the sullen beating of rain upon the roof (тихое/угрюмое постукивание дождя по крыше). A snug sense of comfort (уютное чувство неги) stole over him (постепенно овладело им; *to steal* — постепенно овладевать), which was rudely broken (которое было грубо нарушено; *to break* — ломать), the next moment (в следующее мгновение), by a chorus of piping cackles (хором визгливого хихиканья; *pipe* — трубка; свирель, дудка, свисток; *to pipe* — свистеть, говорить пронзительно) and coarse laughter (и хриплого смеха). It startled him disagreeably (это поразило его неприятно), and he unmuffled his head (и он высвободил свою голову) to see whence this interruption proceeded (чтобы увидеть, откуда эта помеха исходила). A grim and unsightly picture (мрачная и неприглядная картина) met his eye (встретила его глаз = открылась его глазам; *to meet* — встречать(ся)). A bright fire was burning in the middle of the floor (яркий костер горел в середине пола), at the other end of the barn (на другом конце сарая); and around it (а вокруг него), and lit weirdly up by the red glare (и озаренная странно красным светом; *to light up* — озарять), lolled and sprawled (расселась и развалилась) the motliest company (наипестрейшая компания) of tattered gutter-scum and ruffians (оборванных подонков и головорезов; *gutter* — канава; *scum* — пена, накипь; *поддон*), of both sexes (обоих полов), he had ever read or dreamed of (о которых он когда-

либо читал или представлял; *to read* — *читать*). There were huge, stalwart men (там были огромные, рослые мужчины), brown with exposure (коричневые от солнца = загорелые; *exposure* — «выставление» на солнце, ветер...), long-haired (длинноволосые), and clothed in fantastic rags (и одетые в фантастические лохмотья); there were middle-sized youths (там были среднего размера юноши), of truculent countenance (свирепой наружности), and similarly clad (и похоже одетые); there were blind mendicants (там были слепые попрошайки), with patched or bandaged eyes (с заклеенными пластырем или перевязанными глазами); crippled ones (увечные; *to cripple* — *калечить, повреждать*), with wooden legs and crutches (с деревянными ногами и костылями); there was a villain-looking peddler (там был злодейского вида: «негодяем выглядящий» коробейник) with his pack (со своим мешком); a knife-grinder (точильщик; *knife* — *нож*; *to grind* — *точить*), a tinker (лудильщик), and a barber-surgeon (и цирюльник), with the implements of their trades (с инструментами своих ремесел); some of the females were hardly grown girls (некоторые из женщин были едва выросшими девушками; *to grow* — *расти*), some were at prime (некоторые были в расцвете = зрелыми женщинами), some were old and wrinkled hags (некоторые были старыми и сморщенными ведьмами), and all were loud, brazen, foul-mouthed (и все были громкие, бесстыжие, сквернословящие); and all soiled and slatternly (и все грязные и неопрятные); there were three sore-faced babies (там были три с болезненными лицами младенца; *sore* — *воспаленный, болезненный*); there were a couple of starveling curs (там была пара истощенных псов), with strings around their necks (с веревками вокруг их шей), whose office was to lead the blind (чья служба была вести слепых).

The night was come (ночь пришла), the gang had just finished feasting (шайка только что закончила пировать), an orgy was beginning (оргия начиналась), the can of liquor (жестянка спиртного) was passing from mouth to mouth (переходила ото рта ко рту). A general cry broke forth (общий крик вырвался; *to break forth* — *вырваться, воскликнуть*):

'A song (песню)! a song from the Bat and Dick Dot-and-go-One (песню от Летучей мыши и Дика Колченогого; *dot-and-go-one* — *хромой*)!' One of the blind men got up (один из слепых людей встал; *to get up* — *вставать*), and made ready (и сделал готовым = приготовился) by casting aside the patches (отбросив пластыри; *to cast aside* — *бросать в сторону*) that sheltered his excellent eyes (которые прикрывали его прекрасные = здоровые глаза), and the pathetic placard (и жалостную картонку; *placard* — *плакат, объявление*) which recited the cause of his calamity (которая излагала причину его беды). Dot-and-go-One disencumbered himself (Колченогий освободился) of his timber leg (от своей деревянной ноги) and took his place (и занял свое место; *to take* — *брать*), upon sound and healthy limbs (на твердых и здоровых членах = ногах), beside his fellow-rascal (рядом со своим товарищем-жуликом); then they roared out (затем они загорланили) a rollicking ditty (разухабистую песенку), and were reinforced by the whole crew (и были поддержаны всей шайкой), at the end of each stanza (в конце каждой строфы), in a rousing chorus (бурным хором). By the time the last stanza was reached (ко времени, когда последняя строфа была достигнута = когда дошли до...), the half-drunken enthusiasm had risen to such a pitch (полупьяный энтузиазм поднялся до такого уровня) that everybody joined in (что все присоединились) and sang it clear (и пропели ее целиком; *to sing* — *петь*) through from the beginning (целиком от начала; *through* — *через, сквозь, от начала до конца*), producing a volume of villainous sound (произведя массу мерзкого звука; *villain* — */ист./ виллан, крепостной; злодей, негодяй*) that made the rafters quake (который заставлял стропила дрожать; *to make* — *делать, заставлять*). These were the inspiring words (вот какие были вдохновляющие слова):

'Bien Darkmans then,
Bouse Mort and Ken,
The bien Coves bings awast,
On Chates to trine by Rome Coves dine
For his long lib at last.

Bing'd out bien Morts and toure, and toure,
Bing out of the Rome vile bine,
And toure the Cove that cloy'd your duds,
Upon upon the Chates to trine.'

*(/песня на воровском жаргоне той эпохи/ Притон, прощай, не забывай,
Уходим в путь далекий. Прощай, земля, нас ждет петля И долгий сон,
глубокий. Нам предстоит висеть в ночи, Качаясь над землею, А нашу рухлядь
палачи Поделят меж собою).*

shiver [ˈʃɪvə], foul [faʊl], inspiring [ɪnˈspaɪərɪŋ]

Hobbs and Hugo fell to talking together, in low voices, and the king removed himself as far as he could from their disagreeable company. He withdrew into the twilight of the farther end of the barn, where he found the earthen floor bedded a foot deep with straw. He lay down here, drew straw over himself in lieu of blankets, and was soon absorbed in thinking. He had many griefs, but the minor ones were swept almost into forgetfulness by the supreme one, the loss of his father. To the rest of the world the name of Henry VIII brought a shiver, and suggested an ogre whose nostrils breathed destruction and whose hand dealt scourgings and death; but to this boy the name brought only sensations of pleasure, the figure it invoked wore a countenance that was all gentleness and affection. He called to mind a long succession of loving passages between his father and himself, and dwelt fondly upon them, his unstinted tears attesting how deep and real was the grief that possessed his heart. As the afternoon wasted away, the lad, wearied with his troubles, sunk gradually into a tranquil and healing slumber.

After a considerable time — he could not tell how long — his senses struggled to a half-consciousness, and as he lay with closed eyes vaguely wondering where he was and what had been happening, he noted a murmurous sound, the sullen beating of rain upon the roof. A snug sense of comfort stole over

him, which was rudely broken, the next moment, by a chorus of piping cackles and coarse laughter. It startled him disagreeably, and he unmuffled his head to see whence this interruption proceeded. A grim and unsightly picture met his eye. A bright fire was burning in the middle of the floor, at the other end of the barn; and around it, and lit weirdly up by the red glare, lolled and sprawled the motliest company of tattered gutter-scum and ruffians, of both sexes, he had ever read or dreamed of. There were huge, stalwart men, brown with exposure, long-haired, and clothed in fantastic rags; there were middle-sized youths, of truculent countenance, and similarly clad; there were blind mendicants, with patched or bandaged eyes; crippled ones, with wooden legs and crutches; there was a villain-looking peddler with his pack; a knife-grinder, a tinker, and a barber-surgeon, with the implements of their trades; some of the females were hardly grown girls, some were at prime, some were old and wrinkled hags, and all were loud, brazen, foul-mouthed; and all soiled and slatternly; there were three sore-faced babies; there were a couple of starveling curs, with strings around their necks, whose office was to lead the blind.

The night was come, the gang had just finished feasting, an orgy was beginning, the can of liquor was passing from mouth to mouth. A general cry broke forth:

'A song! a song from the Bat and Dick Dot-and-go-One!'

One of the blind men got up, and made ready by casting aside the patches that sheltered his excellent eyes, and the pathetic placard which recited the cause of his calamity. Dot-and-go-One disencumbered himself of his timber leg and took his place, upon sound and healthy limbs, beside his fellow-rascal; then they roared out a rollicking ditty, and were reinforced by the whole crew, at the end of each stanza, in a rousing chorus. By the time the last stanza was reached, the half-drunken enthusiasm had risen to such a pitch that everybody joined in and sang it clear through from the beginning, producing

a volume of villainous sound that made the rafters quake. These were the inspiring words:

**'Bien Darkmans then, Bouse Mort and Ken,
The bien Coves bings awast,
On Chates to trine by Rome Coves dine
For his long lib at last.
Bing'd out bien Morts and toure, and toure,
Bing out of the Rome vile bine,
And toure the Cove that cloy'd your duds,
Upon upon the Chates to trine.'**

Conversation followed (беседа последовала); not in the thieves' dialect of the song (не на воровском наречии песни), for that was only used in talk when (ибо оно бывало используется в разговоре только когда; *only* — *только*) unfriendly ears might be listening (недружественные уши могли слушать). In the course of it it appeared (в ходе ее = беседы выяснилось) that 'John Hobbs' was not altogether a new recruit (что «Джон Хоббс» не был совсем зеленым новобранцем), but had trained in the gang at some former time (но упражнялся в шайке в какое-то стародавнее время). His later history was called for (его дальнейшая история была призвана = ее попросили рассказать), and when he said he had 'accidentally' killed a man (и когда он сказал, что «случайно» убил человека), considerable satisfaction was expressed (значительное удовлетворение было выражено); when he added that the man was a priest (когда он добавил, что этот человек был священником), he was roundly applauded (толпа его одобрила/выразила бурный восторг: «он был в круговую одобрен»; *to applaud* — *одобрять, приветствовать; аплодировать*), and had to take a drink with everybody (и он должен был принять напиток = выпить со всеми). Old acquaintances welcomed him joyously (старые знакомые приветствовали его радостно), and new ones were proud to shake him by the hand (а новички были горды пожать ему руку; *to shake* — *трясти, пожать*

/руку/). He was asked why he (он был спрошен, почему он) had 'tarried away so many months (жил далеко так много месяцев).' He answered (он ответил): 'London is better than the country (Лондон лучше, чем деревня), and safer these late years (и безопаснее в эти последние годы), the laws be so bitter and so diligently enforced (законы так жестко и так усердно укрепляются/проводятся в жизнь; *force* — *сила*). An I had not had that accident (если бы у меня не было этого несчастного случая), I had stayed there (я бы остался там). I had resolved to stay (я уже решил остаться), and nevermore venture countrywards (и никогда больше не отправляться в деревню) — but the accident had ended that (но этот несчастный случай покончил с этим).'

He inquired how many persons the gang numbered now (он спросил, сколько человек шайка насчитывала сейчас). The 'Ruffler («атаман»),' or chief (или вожак), answered (ответил):

'Five and twenty (пять и двадцать = 25) sturdy budes, bulks, files, clapperdungeons and maunders (отважных овчин, верстаков, напилков, кулаков, корзинщиков), counting the dells and doxies and other morts (да еще старухи и потаскушки и прочие девки). Most are here (большинство здесь), the rest are wandering eastward (остальные идут на восток), along the winter lay (по зимнему пути). We follow at dawn (мы следуем = пойдём за ними на заре).'

'I do not see the Wen among the honest folk about me (я не вижу Жирнягу среди честных людей вокруг меня). Where may he be (где может он быть)?'

'Poor lad (бедный парень), his diet is brimstone now (его диета = еда — сера сейчас), and over hot for a delicate taste (и слишком горяча для тонкого вкуса). He was killed in a brawl (он был убит в драке), somewhere about midsummer (где-то около середины лета).'

'I sorrow to hear that (я грущу слышать это); the Wen was a capable man (Жирняга был способный человек), and brave (и смелый).'

'That was he, truly (таким был он, правда). Black Bess (черная Бесс), his dell (его подруга), is of us yet (среди нас еще), but absent on the eastward tramp (но отсутствует — ушла) в восточный поход); a fine lass (отличная девочка), of

nice ways and orderly conduct (приятного обращения и благонаправленного поведения), none ever seeing her drunk (никто ведь когда-либо не видел ее пьяной) above four days in the seven (больше четырех дней из семи).'

'She was ever strict (она была всегда строга) — I remember it well (я помню это хорошо) — a goodly wench and worthy all commendation (миловидная девчонка и достойная всяческих похвал). Her mother was more free and less particular (ее мать была более свободная и менее особенная = разборчивая); a troublesome and ugly-tempered beldame (беспокойная и ужасного характера карга; *temper* — нрав, характер), but furnished with a wit above the common (но наделенная умом сверх обычного).'

'We lost her through it (мы потеряли ее через это = из-за этого). Her gift of palmistry (ее дар хиромантии; *palm* — ладонь) and other sorts of fortune-telling (и других видов предсказания; *fortune* — судьба) begot for her at last a witch's name and fame (принесли ей наконец имя и славу ведьмы; *to beget* — рождать, производить). The law roasted her to death at a slow fire (закон изжарил ее до смерти на медленном огне). It did touch me to a sort of tenderness (это тронуло меня до какой-то нежности) to see the gallant way she met her lot (видеть доблестную манеру, с которой она встретила свою участь; *to meet* — встречать) — cursing and reviling all the crowd (кляня и браня всю толпу) that gaped and gazed around her (которая зевала и таращилась на нее), whilst the flames licked upward toward her face (пока пламя лизало вперед к ее лицу = языки пламени поднимались...) and caught her thin locks (и охватывало ее тонкие космы) and crackled about her old gray head (и трещали у ее старой седой головы) — cursing them, said I (кляня их, сказал я)? — cursing them (кляня их)! why (что ж) an thou shouldst live a thousand years (если ты и проживешь 1000 лет) thou'dst never hear so masterful a cursing (ты бы никогда не услышал такой мастерской брани). Alack, her art died with her (увы, ее искусство умерло вместе с ней). There be base and weakling imitations left (жалкие и слабые имитации остались), but no true blasphemy (но никакого настоящего богохульства).'

proud [praud], worthy [ˈwɔːðɪ], revile [rɪˈvaɪl]

Conversation followed; not in the thieves' dialect of the song, for that was only used in talk when unfriendly ears might be listening. In the course of it it appeared that 'John Hobbs' was not altogether a new recruit, but had trained in the gang at some former time. His later history was called for, and when he said he had 'accidentally' killed a man, considerable satisfaction was expressed; when he added that the man was a priest, he was roundly applauded, and had to take a drink with everybody. Old acquaintances welcomed him joyously, and new ones were proud to shake him by the hand. He was asked why he had 'tarried away so many months.' He answered: 'London is better than the country, and safer these late years, the laws be so bitter and so diligently enforced. An I had not had that accident, I had stayed there. I had resolved to stay, and nevermore venture countrywards — but the accident had ended that.'

He inquired how many persons the gang numbered now. The 'Ruffler,' or chief, answered:

'Five and twenty sturdy budes, bulks, files, clapperdungeons and maunders, counting the dells and doxies and other morts. Most are here, the rest are wandering eastward, along the winter lay. We follow at dawn...'

'I do not see the Wen among the honest folk about me. Where may he be?'

'Poor lad, his diet is brimstone now, and over hot for a delicate taste. He was killed in a brawl, somewhere about midsummer.'

'I sorrow to hear that; the Wen was a capable man, and brave.'

'That was he, truly. Black Bess, his dell, is of us yet, but absent on the eastward tramp; a fine lass, of nice ways and orderly conduct, none ever seeing her drunk above four days in the seven.'

'She was ever strict — I remember it well — a goodly wench and worthy all commendation. Her mother was more free and less particular; a troublesome and ugly-tempered beldame, but furnished with a wit above the common.'

'We lost her through it. Her gift of palmistry and other sorts of fortune-telling begot for her at last a witch's name and fame. The law roasted her to death at a slow fire. It did touch me to a sort of tenderness to see the gallant way she met her lot — cursing and reviling all the crowd that gaped and gazed around her, whilst the flames licked upward toward her face and caught her thin locks and crackled about her old gray head — cursing them, said I? — cursing them! why an thou shouldst live a thousand years thou'dst never hear so masterful a cursing. Alack, her art died with her. There be base and weakling imitations left, but no true blasphemy.'

The Ruffler sighed (атаман вздохнул); the listeners sighed in sympathy (слушатели вздохнули сочувственно); a general depression fell upon the company for a moment (общее уныние упало = снизошло на компанию на минуту; *to fall* — *надать*), for even hardened outcasts like these (ибо даже загрубевшие изгои вроде этих) are not wholly dead to sentiment (не целиком мертвы к чувству), but are able to feel a fleeting sense of loss and affliction (но способны ощущать мимолетное чувство потери и невзгоды) at wide intervals (через широкие промежутки времени = изредка) and under peculiarly favoring circumstances (и при особенно благоприятных обстоятельствах) — as in cases like to this, for instance (как в случаях, подобных этому, например), when genius and culture depart and leave no heir (когда дух и культура исчезают и не оставляют наследника).

However, a deep drink all round (однако основательный глоток по кругу) soon restored the spirits of the mourners (скоро восстановил дух скорбящих).

'Have any other of our friends fared hardly (а кому-либо еще из наших друзей пришлось туго; *to fare* — *поживать, жить*)?' asked Hobbs (спросил Хоббс).

'Some — yes (некоторым —да). Particularly new-comers (особенно новичкам) — such as small husbandmen turned shiftless and hungry upon the world (таким, как мелкие земледельцы, обращенные = сделанные беспомощными и голодными в мире) because their farms were taken from them (потому что их фермы были отобраны у них) to be changed to sheep-ranges (чтобы быть измененными = переделанными в пастбища для овец). They begged (просили милостыню), and were whipped at the cart's tail (и были исхлестаны у хвоста телеги), naked from the girdle up (нагие от пояса вверх), till the blood ran (пока кровь не побежала; *to run*); then set in the stocks to be pelted (затем посажены в колодки, чтобы быть забросанными /грязью, камнями/); they begged again (они попрошайничали снова), were whipped again (были исхлестаны снова), and deprived of an ear (и лишены уха); they begged a third time (они попрошайничали в третий раз) — poor devils (бедные дьяволы), what else could they do (что еще могли они делать)? — and were branded (и были заклеймлены) on the cheek (на щеке) with a red-hot iron (раскаленным докрасна железом), then sold for slaves (затем проданы в рабы); they ran away (они сбежали; *to run* — бежать), were hunted down (были пойманы), and hanged (и повешены; *to hang* — вешать). 'Tis a brief tale, and quickly told (это короткая история и быстро рассказанная). Others of us have fared less hardly (другим из нас пришлось не так тяжело). Stand forth, Yokel, Burns, and Hodge (встаньте, Мужлан, Жженный и Деревенщина) — show your adornments (покажите свои украшения; *to adorn* — украшать)!

These stood up (они встали; *to stand up* — вставать) and stripped away some of their rags (и сняли некоторые из своих лохмотьев), exposing their backs (показывая свои спины), crisscrossed with ropy old welts (располосованные похожими на канат старыми рубцами) left by the lash (оставленными поркой); one turned up his hair (один завернул вверх = поднял свои волосы) and showed the place where a left ear had once been (и показал место, где левое ухо когда-то было); another showed a brand upon his shoulder (другой показал

клеймо на своем плече) — the letter V (буква V) and a mutilated ear (и искалеченное ухо); the third said (третий сказал):

'I am Yokel (я Мужлан), once a farmer and prosperous (когда-то фермер и процветающий), with loving wife and kids (с любящей женой и детьми) — now am I somewhat different in estate and calling (теперь я немного отличаюсь в сословии и прозвании); and the wife and kids are gone (а жена и дети умерли); mayhap they are in heaven (может, они в раю), mayhap in — in the other place (может, в... в другом месте) — but the kindly God be thanked (но добрый Бог да будет благодарен), they bide no more in England (они больше не живут в Англии)! My good old blameless mother (моя добрая старая безвинная мать; *blame* — вина) strove to earn bread (старалась зарабатывать на хлеб; *to strive* — стараться) by nursing the sick (ухаживая за больными); one of these died (один из них умер), the doctors knew not how (доктора не знали, как), so my mother was burned for a witch (так что моя мать была сожжена как ведьма), whilst my babes looked on and wailed (пока мои дети смотрели и ревели).

English law (английский закон)! — up, all with your cups (поднимите ваши кубки)! — now all together and with a cheer (теперь все вместе и с радостью; *cheer* — одобрительное, приветственное восклицание)! — drink to the merciful English law (выпейте за милосердный английский закон; *mercy* — пощада, милосердие) that delivered *her* from the English hell (который освободил ее из английского ада)! Thank you, mates, one and all (спасибо вам, приятели, всем до одного). I begged (я просил милостыню), from house to house (от дома к дому) — I and the wife (я и жена) — bearing with us the hungry kids (нося с собой голодных детей) — but it was a crime to be hungry in England (но было преступлением — быть голодным в Англии) — so they stripped us and lashed us (так что они раздели нас и отхлестали нас) through three towns (через три города). Drink ye all again to the merciful English law (выпейте вы все снова за милосердный английский закон)! — for its lash drank deep of my Mary's blood (ибо его порка выпила кровь моей Мэри) and its blessed deliverance came quick (и ее благословенное освобождение пришло

быстро). She lies there (она лежит там), in the potter's field (в поле горшечника = на кладбище для бедняков и бродяг), safe from all harms (защищенная от всякого вреда). And the kids (а дети) — well, whilst the law lashed me from town to town (ну, пока закон порол меня из города в город = по городам), they starved (они умерли с голоду). Drink lads (выпейте, ребята) — only a drop (только капельку) — a drop to the poor kids (капельку за бедных детишек), that never did any creature harm (которые никогда не сделали ни одному существу зла). I begged again (я попрошайничал снова) — begged for a crust (просил корку хлеба), and got the stocks (и получил колодки; *to get* — *получать*) and lost an ear (и потерял ухо; *to lose* — *терять*) — see, here bides the stump (глядите, вот обрубок; *to bide* — *оставаться, находиться*); I begged again (я попрошайничал снова), and here is the stump of the other (и вот обрубок другого) to keep me minded of it (чтобы напоминать мне об этом: «держать меня помнящим»). And still I begged again (и все же я попрошайничал снова), and was sold for a slave (и был продан как раб; *to sell* — *продавать*) — here on my cheek (здесь на моей щеке) under this stain (под этой грязью), if I washed it off (если бы я смыл ее), ye might see the red S (вы могли бы увидеть красную букву S) the branding iron left there (клеймо, которое железо оставило там; *to leave* — *оставлять*)! A SLAVE (раб)! Do ye understand that word (понимаете ли вы это слово)! An English SLAVE (английский раб)! — that is he that stands before ye (вот он, который = вот кто стоит перед вами). I have run from my master (я убежал от своего хозяина; *to run* — *бежать*), and when I am found (и когда я найден = когда меня найдут; *to find* — *находить*) — the heavy curse of heaven (тяжелое проклятие небес) fall on the law of the land (пади на закон земли) that hath commanded it (которая устроила его)! — I shall hang (я буду висеть = повешен)!

peculiarly [pɪˈkjuːliəlɪ], genius [ˈɡɪːniəs], deliverance [dɪˈlɪv(ə)rəns]

The Ruffler sighed; the listeners sighed in sympathy; a general depression fell upon the company for a moment, for even hardened outcasts like these are not wholly dead to sentiment, but are able to feel a fleeting sense of loss and affliction at wide intervals and under peculiarly favoring circumstances — as in cases like to this, for instance, when genius and culture depart and leave no heir.

However, a deep drink all round soon restored the spirits of the mourners.

'Have any other of our friends fared hardly?' asked Hobbs.

'Some — yes. Particularly new-comers — such as small husbandmen turned shiftless and hungry upon the world because their farms were taken from them to be changed to sheep-ranges. They begged, and were whipped at the cart's tail, naked from the girdle up, till the blood ran; then set in the stocks to be pelted; they begged again, were whipped again, and deprived of an ear; they begged a third time — poor devils, what else could they do? — and were branded on the cheek with a red-hot iron, then sold for slaves; they ran away, were hunted down, and hanged. 'Tis a brief tale, and quickly told. Others of us have fared less hardly. Stand forth, Yokel, Burns, and Hodge — show your adornments!'

These stood up and stripped away some of their rags, exposing their backs, crisscrossed with ropy old welts left by the lash; one turned up his hair and showed the place where a left ear had once been; another showed a brand upon his shoulder — the letter V and a mutilated ear; the third said:

'I am Yokel, once a farmer and prosperous, with loving wife and kids — now am I somewhat different in estate and calling; and the wife and kids are gone; mayhap they are in heaven, mayhap in — in the other place — but the kindly God be thanked, they bide no more in England! My good old blameless mother strove to earn bread by nursing the sick; one of these died, the doctors knew not how, so my mother was burned for a witch, whilst my babes looked on and wailed. English law! — up, all with your cups! — now all together and with a cheer! — drink to the merciful English law that delivered *her* from the

English hell! Thank you, mates, one and all. I begged, from house to house — I and the wife — bearing with us the hungry kids — but it was a crime to be hungry in England — so they stripped us and lashed us through three towns. Drink ye all again to the merciful English law! — for its lash drank deep of my Mary's blood and its blessed deliverance came quick. She lies there, in the potter's field, safe from all harms. And the kids- well, whilst the law lashed me from town to town, they starved. Drink lads — only a drop — a drop to the poor kids, that never did any creature harm. I begged again — begged for a crust, and got the stocks and lost an ear — see, here bides the stump; I begged again, and here is the stump of the other to keep me minded of it. And still I begged again, and was sold for a slave — here on my cheek under this stain, if I washed it off, ye might see the red S the branding iron left there! A SLAVE! Do ye understand that word! An English SLAVE! — that is he that stands before ye. I have run from my master, and when I am found — the heavy curse of heaven fall on the law of the land that hath commanded it! — shall hang!'

A ringing voice (звонкий голос) came through the murky air (прошел через сумрачный воздух):

'Thou shalt *not* (ты не будешь)! — and this day the end of that law is come (и в этот день конец тому закону пришел)!'

All turned (все обернулись), and saw the fantastic figure of the little king (и увидели фантастическую фигуру маленького короля; *to see* — видеть) approaching hurriedly (приближающегося поспешно; *to hurry* — спешить); as it emerged into the light and was clearly revealed (когда она = фигура вышла в свет и была ясно раскрыта = показалась), a general explosion of inquiries (общий взрыв расспросов) broke out (разразился; *to break out* — вспыхнуть, вырваться):

'Who is it (кто это)? *What* is it (что это)? Who art thou, manikin (кто ты, человечек)?'

The boy stood unconfused (мальчик стоял не смущенный; *to stand* — *стоять*) in the midst of all those surprised and questioning eyes (среди всех этих удивленных и вопрошающих глаз), and answered with princely dignity (и ответил с царственным достоинством):

'I am Edward, king of England (я Эдуард, король Английский).'

A wild burst of laughter followed (дикий взрыв смеха последовал), partly of derision (отчасти от насмешек) and partly of delight (и отчасти от восторга) in the excellence of the joke (от великолепия шутки). The king was stung (король был уязвлен; *to sting* — *жалить*). He said sharply (он сказал резко):

'Ye mannerless vagrants (вы, невоспитанные бродяги; *manners* — *манеры*), is this your recognition of the royal boon (это ли ваше признание королевского благодеяния) I have promised (которое я пообещал)?'

He said more (он сказал больше = и еще), with angry voice and excited gesture (сердитым голосом и с возбужденными жестами), but it was lost in a whirlwind of laughter (но это было потеряно = затерялось в водовороте смеха; *to lose* — *терять*; *to whirl* — *вертеть(ся)*; *кружить(ся)*; *вращать(ся)*) and mocking exclamations (и насмешливых восклицаний; *to mock* — *насмехаться*). 'John Hobbs' made several attempts («Джон Хоббс» сделал несколько попыток) to make himself heard (сделать себя услышанным = заставить себя услышать) above the din (поверх гомона/гула), and at last succeeded (и наконец преуспел) — saying (говоря):

'Mates (приятели), he is my son (он мой сын), a dreamer (фантазер; *to dream* — *видеть сон*; *мечтать*), a fool (дурак), and stark mad (и совершенно сумасшедший) — mind him not (не обращайтесь на него внимания) — he thinketh he is the king (он думает, что он король).'

'I *am* the king (я король),' said Edward, turning toward him (сказал Эдуард, поворачиваясь к нему), 'as thou shalt know to thy cost (как ты узнаешь на своей шкуре: «к твоей цене»), in good time (в надлежащее время). Thou hast confessed a murder (ты признался в убийстве) — thou shalt swing for it (ты будешь висеть = повешен за это).'

'Thou'lt betray me (ты предашь меня)! — *thou* (ты)? An I get my hands upon thee (если я доберусь до тебя: «положу мои руки на тебя» —'

'Tut-tut (вот еще)!' said the burly Ruffler (сказал дюжий «атаман»), interposing in time to save the king (вмешиваясь во время, чтобы спасти короля; *to interpose* — *вставлять, помещать /между кем-либо или чем-либо/; вмешиваться*), and emphasizing this service (и увеличивая эту услугу) by knocking Hobbs down with his fist (сбив Хоббса вниз = наземь своим кулаком), 'hast respect (не имеешь ли ты уважения) for neither kings *nor* Rufflers (ни к королям, ни к «атаманам»)? An thou insult my presence so again (если ты оскорбишь мою персону так снова), I'll hang thee up myself (я подвешу тебя сам).' Then he said to his majesty (затем он сказал Его величеству), 'Thou must make no threats against thy mates, lad (ты не должен делать никаких угроз против твоих товарищей, парень); and thou must guard thy tongue (и ты должен сдерживать твой язык) from saying evil of them elsewhere (от того чтобы говорить зло о них где-либо еще). Be king (будь королем), if it please thy mad humor (если это потакает твоему безумному чудачеству), but be not harmful in it (но не будь вредоносным в этом; *harm* — *вред*). Sink the title thou hast uttered (оставь титул, который ты произнес = не называйся королем) — 'tis treason (это измена); we be bad men (мы плохие люди), in some few trifling ways (в некоторых пустячных отношениях; *way* — *путь, способ; trifle* — *мелочь, пустяк; to trifle* — *шутить; относиться несерьезно, не принимать всерьез*), but none among us is so base (но никто из нас не настолько низок) as to be traitor to his king (чтобы быть предателем своему королю); we be loving and loyal hearts (мы — любящие и законопослушные сердца), in that regard (в этом отношении). Note if I speak truth (сейчас увидишь, правду ли я говорю). Now — all together (теперь все вместе): "Long live Edward, King of England (да здравствует Эдуард, король Англии)!"

'LONG LIVE EDWARD, KING OF ENGLAND (да здравствует Эдуард, король Англии)!'

The response came with such a thunder-gust (ответ пришел с таким громогласным ревом; *thunder* — гром; *gust* — порыв /ветра/) from the motley crew (от пестрой толпы) that the crazy building (что шаткое здание; *crazy* — покрытый трещинами; дефектный, шаткий, непрочный, разваливающийся) vibrated to the sound (задрожало до звука). The little king's face lighted with pleasure (лицо маленького короля озарилось удовольствием) for an instant (на мгновение), and he slightly inclined his head (и он слегка наклонил свою голову) and said with grave simplicity (и сказал с важной простотой):

'I thank you, my good people (я благодарю вас, мои добрые люди).'

This unexpected result (этот неожиданный эффект) threw the company into convulsions of merriment (привел сборище в конвульсии = судороги веселья; *to throw* — бросать, приводить в какое-то состояние). When something like quiet (когда что-то вроде тишины) was presently come again (вскоре пришло = установилось снова; *to come* — приходить), the Ruffler said, firmly (атаман сказал твердо), but with an accent of good nature (но с оттенком добродушия: «доброй натуры»):

'Drop it, boy (брось = оставь это, мальчик), 'tis not wise, nor well (это ни мудро, ни хорошо). Humor thy fancy (потакай своей фантазии), if thou must (если ты должен), but choose some other title (но выбери какой-нибудь другой титул).'

hurriedly [ˈhʌrɪdli], whirlwind [ˈwɜːlwɪnd], crew [kruː]

A ringing voice came through the murky air:

'Thou shalt *not!* — and this day the end of that law is come!'

All turned, and saw the fantastic figure of the little king approaching hurriedly; as it emerged into the light and was clearly revealed, a general explosion of inquiries broke out:

'Who is it? *What* is it? Who art thou, manikin?'

The boy stood unconfused in the midst of all those surprised and questioning eyes, and answered with princely dignity:

'I am Edward, king of England.'

A wild burst of laughter followed, partly of derision and partly of delight in the excellence of the joke. The king was stung. He said sharply:

'Ye mannerless vagrants, is this your recognition of the royal boon I have promised?'

He said more, with angry voice and excited gesture, but it was lost in a whirlwind of laughter and mocking exclamations. 'John Hobbs' made several attempts to make himself heard above the din, and at last succeeded — saying:

'Mates, he is my son, a dreamer, a fool, and stark mad — mind him not — he thinketh he is the king.'

'I *am* the king,' said Edward, turning toward him, 'as thou shalt know to thy cost, in good time. Thou hast confessed a murder — thou shalt swing for it.'

'*Thou'lt* betray me! — *thou*? An I get my hands upon thee —'

'Tut-tut!' said the burly Ruffler, interposing in time to save the king, and emphasizing this service by knocking Hobbs down with his fist, 'hast respect for neither kings *nor* Rufflers? An thou insult my presence so again, I'll hang thee up myself.' Then he said to his majesty, 'Thou must make no threats against thy mates, lad; and thou must guard thy tongue from saying evil of them elsewhere. Be king, if it please thy mad humor, but be not harmful in it. Sink the title thou hast uttered — 'tis treason; we be bad men, in some few trifling ways, but none among us is so base as to be traitor to his king; we be loving and loyal hearts, in that regard. Note if I speak truth. Now — all together: "Long live Edward, King of England!"'

'LONG LIVE EDWARD, KING OF ENGLAND!'

The response came with such a thunder-gust from the motley crew that the crazy building vibrated to the sound. The little king's face lighted with pleasure for an instant, and he slightly inclined his head and said with grave simplicity:

'I thank you, my good people.'

This unexpected result threw the company into convulsions of merriment. When something like quiet was presently come again, the Ruffler said, firmly, but with an accent of good nature:

'Drop it, boy, 'tis not wise, nor well. Humor thy fancy, if thou must, but choose some other title.'

A tinker (один бродячий ремесленник) shrieked out a suggestion (прокричал предложение):

'Foo-foo the First, king of the Mooncalves (Фу-Фу Первый, король дурачков)!' The title 'took' at once (этот титул «взял» = понравился сразу; *to take* — брать), every throat responded (каждая глотка ответила), and a roaring shout sent up (и ревущий крик раздался; *to send up* — взрывать), of (= а именно):

'Long live Foo-foo the First, king of the Mooncalves (да здравствует Фу-фу Первый, король дурачков)!' followed (следуемый = за которым последовали) by hootings, cat-calls, and peals of laughter (улюлюканье, кошачий вой и раскаты хохота).

'Hale him forth (тащите его вперед), and crown him (и коронуйте его)!'

'Robe him (одеть его)!'

'Scepter him (дать ему скипетр)!'

'Throne him (посадить на трон)!'

These and twenty other cries broke out at once (эти и двадцать других криков раздались сразу; *to break out* — раздаваться); and almost before the poor little victim could draw a breath (и почти прежде, чем бедная маленькая жертва смогла вдохнуть: «втянуть дыхание» = в мгновение ока) he was crowned with a tin basin (он был коронован оловянным тазом), robed in a tattered blanket (облачен в потрепанное одеяло), throned upon a barrel (усажен /как на трон/ на бочку), and sceptered (и наделен скипетром) with tinker's soldering-iron (паяльником лудильщика). Then all flung themselves upon their knees about him (затем все бросились на колени вокруг него; *to fling* — бросать) and sent up a chorus of ironical wailings (и вознесли хор ироничных ироничных воплей; *to*

send — *посылать*), and mocking supplications (и издевательских молений), while they swabbed their eyes with their soiled and ragged sleeves and aprons (пока они вытирали свои глаза своими засаленными и рваными рукавами и передниками):

'Be gracious to us (будь милостив к нам), O sweet king (о, любезный король)!

'Trample not upon thy beseeching worms (не попирай твоих молящих червей), O noble majesty (о, благородное Величество)!

'Pity thy slaves (пожалей твоих рабов), and comfort them with a royal kick (и осчастливь их королевским пинком)!

'Cheer us (ободри нас) and warm us with thy gracious rays (и согрей нас твоими милостивыми лучами), O flaming sun of sovereignty (о, пылающее солнце самодержавия)!

'Sanctify the ground with the touch of thy foot (освяти землю прикосновением твоей стопы), that we may eat the dirt and be ennobled (чтобы мы могли есть эту грязь и быть облагороженными)!

'Deign to spit upon us, O sire (соизволь плюнуть на нас, о сир), that our children's children may tell (чтобы дети наших детей могли рассказывать) of thy princely condescension (о твоей княжеской снисходительности = милосердии), and be proud and happy forever (и быть гордыми и счастливыми навсегда)!

But the humorous tinker (но остроумный ремесленник) made the 'hit' of the evening (сделал = стал гвоздем вечера) and carried off the honors (и унес прочь = выиграл почести). Kneeling (коленипреклоненный), he pretended (он сделал вид) to kiss the king's foot (целовать = что целует ногу короля), and was indignantly spurned (и был с презрением пнут); whereupon (после чего) he went about begging for a rag to paste (он ходил вокруг, прося тряпку, чтобы обвязать = которую он мог бы повязать; *to go* — *ходить*) over the place upon his face (на том месте на его лице) which had been touched by the foot (которое было задето ногой), saying it must be preserved from contact with the vulgar air (говоря, что оно должно быть сохранено охранять от контакта с общим

воздухом), and that he should make his fortune (и что он должен составить свое состояние) by going on the highway (пойдя на большую дорогу) and exposing it to view (и выставляя его на обозрение) at the rate of a hundred shillings a sight (по цене 100 шиллингов на взгляд). He made himself so killingly funny (он сделал себя столь убийственно смешным) that he was the envy and admiration (что он был предметом зависти и восхищения) of the whole mangy rabble (всего паршивого сброда).

Tears of shame and indignation (слезы стыда и негодования) stood in the little monarch's eyes (стояли в глазах маленького монарха; *to stand* — *стоять*); and the thought in his heart was (и мысль в его сердце была), 'Had I offered them a deep wrong (если бы я принес им тяжкое зло = если бы я их тяжело обидел) they could not be more cruel (они не могли бы быть более жестокими) — yet have I proffered naught (а я не предложил им ничего) but to do them a kindness (кроме как совершить им благодеяние) — and it is thus they use me for it (и вот как они обращаются со мной за это)!'

scepter [ˈseptə], condescension [kɒndəˈsenʃ(ə)n], preserve [prɪˈzɜ:v]

A tinker shrieked out a suggestion:

'Foo-foo the First, king of the Mooncalves!'

The title 'took' at once, every throat responded, and a roaring shout sent up, of:

'Long live Foo-foo the First, king of the Mooncalves!' followed by hootings, cat-calls, and peals of laughter.

'Hale him forth, and crown him!'

'Robe him!'

'Scepter him!'

'Throne him!'

These and twenty other cries broke out at once; and almost before the poor little victim could draw a breath he was crowned with a tin basin, robed in a

tattered blanket, throned upon a barrel, and sceptered with tinker's soldering-iron. Then all flung themselves upon their knees about him and sent up a chorus of ironical wailings, and mocking supplications, while they swabbed their eyes with their soiled and ragged sleeves and aprons:

'Be gracious to us, O sweet king!'

'Trample not upon thy beseeching worms, O noble majesty!'

'Pity thy slaves, and comfort them with a royal kick!'

'Cheer us and warm us with thy gracious rays, O flaming sun of sovereignty!'

'Sanctify the ground with the touch of thy foot, that we may eat the dirt and be ennobled!'

'Deign to spit upon us, O sire, that our children's children may tell of thy princely condescension, and be proud and happy forever!'

But the humorous tinker made the 'hit' of the evening and carried off the honors. Kneeling, he pretended to kiss the king's foot, and was indignantly spurned; whereupon he went about begging for a rag to paste over the place upon his face which had been touched by the foot, saying it must be preserved from contact with the vulgar air, and that he should make his fortune by going on the highway and exposing it to view at the rate of a hundred shillings a sight. He made himself so killingly funny that he was the envy and admiration of the whole mangy rabble.

Tears of shame and indignation stood in the little monarch's eyes; and the thought in his heart was, 'Had I offered them a deep wrong they could not be more cruel — yet have I proffered naught but to do them a kindness — and it is thus they use me for it!'

CHAPTER XVIII (Глава восемнадцатая)

The Prince with the Tramps (Принц с бродягами)

THE troop of vagabonds (отряд бродяг) turned out at early dawn (выдвинулся на ранней заре), and set forward on their march (и отправился в свой поход). There was a lowering sky overhead (было хмурое небо над головой; *to lower* — *спускаться, опускаться*), sloppy ground under foot (слякотная земля под ногами; *slop* — *жидкая грязь; слякоть*), and a winter chill in the air (и зимний морозец в воздухе). All gaiety was gone from the company (вся веселость ушла из компании; *to go* — *(у)ходить*; *gay* — *веселый, радостный; беззаботный, беспечный /о человеке/*); some were sullen and silent (некоторые были угрюмы и молчаливы), some were irritable and petulant (некоторые были раздражительны и обидчивы), none were gentle-humored (никто не был в мягком настроении), all were thirsty (все были жаждущими = хотели пить; *thirst* — *жажда*).

The Ruffler put 'Jack' in Hugo's charge (атаман поставил = отдал «Джека» на попечение Хьюго), with some brief instructions (с несколькими краткими инструкциями), and commanded John Canty to keep away from him (и приказал Джону Кэнти держаться подальше от него) and let him alone (и оставить его одного = в покое); he also warned Hugo not to be too rough with the lad (он также предупредил Хьюго не быть слишком грубым с пареньком).

After a while the weather grew milder (через некоторое время погода стала мягче), and the clouds lifted somewhat (и тучи рассеялись отчасти; *to lift* — *поднимать(ся)*). The troop ceased to shiver (ватага перестала дрожать), and their spirits began to improve (и их настроение начало улучшаться; *to begin* — *начинать*). They grew more and more cheerful (они становились все более и более радостными; *to grow* — *расти; становиться*), and finally began to chaff each other (и наконец начали поддразнивать друг друга) and insult passengers along the highway (обижать прохожих вдоль дороги = на дороге). This showed (это показало) that they were awaking to an appreciation (что они просыпались к восприятию) of life and its joys (жизни и ее радостей) once more (снова). The dread in which their sort was held (ужас, в котором их порода воспринималась = ужас перед ними; *to hold* — *держат*) was apparent in the fact (был очевиден

= проявлялся в том факте) that everybody gave them the road (что все давали им дорогу), and took their ribald insolences meekly (и принимали их грубые/непристойные дерзости смиренно), without venturing to talk back (без решимости = не решаясь ответить). They snatched linen from the hedges (они хватали = снимали белье с изгородей), occasionally (порой), in full view of the owners (в полном виде = на глазах у владельцев; *to own* — *владеть*), who made no protest (которые не делали протеста = не протестовали), but only seemed grateful (но только казались благодарными) that they did not take the hedges, too (что они не взяли изгородей впридачу).

By and by they invaded a small farmhouse (вскоре они вторглись в маленький фермерский домик) and made themselves at home (и расположились как дома: «сделали себя дома») while the trembling farmer and his people (пока дрожащий крестьянин и его домочадцы) swept the larder clean (опустошали кладовку; *to sweep clean* — *очищать*: «месту чисто») to furnish a breakfast for them (чтобы обеспечить завтрак для них; *to furnish* — *снабжать*; *доставлять*, *предоставлять*). They chucked the housewife and her daughters under the chin (они трепали хозяйку и ее дочерей по подбородку) while receiving the food from their hands (получая пищу из их рук), and made coarse jests about them (и отпускали соленые шутки про них; *coarse* — *грубый*, *шероховатый*; *невежливый*, *напристойный*), accompanied with insulting epithets and bursts of horse-laughter (сопровождаемые оскорбительными эпитетами и взрывами лошадиного хохота). They threw bones and vegetables at the farmer and his sons (они бросались костями и овощами в фермера и его сыновей; *to throw* — *бросать*), kept them dodging (заставляли их увертываться: «хранили их уворачивающимися»; *to keep* — *хранить*) all the time (все время), and applauded uproariously when a good hit was made (и аплодировали шумно, когда удачный удар = попадание бывало сделано). They ended by buttering (они окончили тем, что вымазали маслом) the head of one of the daughters (голову одной из дочерей) who resented some of their familiarities (которая отвергла некоторые из их фамильярностей). When they

took their leave (когда они уходили: «взяли свой уход») they threatened to come back and burn the house (они пригрозили вернуться и сжечь дом) over the heads of the family (над головами семьи) if any report of their doings (если какое-то донесение об их деяниях) got to the ears of the authorities (достигло бы ушей властей; *to get* — *достигать*).

mild [maɪld], dread [dred], threaten [ˈθretən]

THE troop of vagabonds turned out at early dawn, and set forward on their march. There was a lowering sky overhead, sloppy ground under foot, and a winter chill in the air. All gaiety was gone from the company; some were sullen and silent, some were irritable and petulant, none were gentle-humored, all were thirsty.

The Ruffler put 'Jack' in Hugo's charge, with some brief instructions, and commanded John Canty to keep away from him and let him alone; he also warned Hugo not to be too rough with the lad.

After a while the weather grew milder, and the clouds lifted somewhat. The troop ceased to shiver, and their spirits began to improve. They grew more and more cheerful, and finally began to chaff each other and insult passengers along the highway. This showed that they were awaking to an appreciation of life and its joys once more. The dread in which their sort was held was apparent in the fact that everybody gave them the road, and took their ribald insolences meekly, without venturing to talk back. They snatched linen from the hedges, occasionally, in full view of the owners, who made no protest, but only seemed grateful that they did not take the hedges, too.

By and by they invaded a small farmhouse and made themselves at home while the trembling farmer and his people swept the larder clean to furnish a breakfast for them. They chucked the housewife and her daughters under the chin while receiving the food from their hands, and made coarse jests about them, accompanied with insulting epithets and bursts of horse-laughter. They

threw bones and vegetables at the farmer and his sons, kept them dodging all the time, and applauded uproariously when a good hit was made. They ended by buttering the head of one of the daughters who resented some of their familiarities. When they took their leave they threatened to come back and burn the house over the heads of the family if any report of their doings got to the ears of the authorities.

About noon (около полудня), after a long and weary tramp (после долгого и утомительного перехода), the gang came to a halt (шайка остановилась: «пришла к остановке») behind a hedge (за изгородью) on the outskirts of a considerable village (в окрестностях большой деревни; *considerable* — значительный, заслуживающий внимания; большой, немалый). An hour was allowed for rest (час был отведен на сон; *to allow* — позволять), then the crew scattered themselves abroad (затем компания разбрелась в стороны; *to scatter* — разбрасывать, рассеять(ся)) to enter the village at different points (чтобы войти в деревню в разных местах) to ply their various trades (чтобы заняться своими разными ремеслами). 'Jack' was sent with Hugo («Джек» был послан с Хьюго; *to send* — посылать). They wandered hither and thither (они бродили туда и сюда) for some time (некоторое время), Hugo watching for opportunities (Хьюго — ищущий возможностей) to do a stroke of business (чтобы совершить какое-нибудь дело; *stroke* — удар, усилие, ход) but finding none (но не находящий ни одной) — so he finally said (так что он наконец сказал): 'I see naught to steal (я не вижу ничего, чтобы украсть); it is a paltry place (это жалкое местечко). Wherefore we will beg (в виду чего мы будем просить подаяния).'

'We, forsooth (мы, конечно)! Follow thy trade (следуй своему ремеслу) — it befits thee (оно подходит тебе). But I will not beg (но я не буду попрошайничать).'

'Thou'lt not beg (ты не будешь попрошайничать)!' exclaimed Hugo (воскликнул Хьюго), eying the king with surprise (разглядывая короля с удивлением).

'Prithee, since when hast thou reformed (пожалуйста, с каких пор ты переменялся; *when* — *когда*)?'

'What dost thou mean (что ты имеешь в виду)?'

'Mean (имею в виду)? Hast thou not begged (разве ты не попрошайничал) the streets of London all thy life (по улицам Лондона всю твою жизнь)?'

'I (я)? Thou idiot (ты идиот = сдурел)!'

'Spare thy compliments (побереги свои комплименты) — thy stock will last longer (твой запас продержится дольше). Thy father says thou hast begged all thy days (твой отец говорит, что ты попрошайничал все твои дни). Mayhap he lied (возможно, он лгал). Peradventure you will even make so bold (возможно, ты даже поступишь так дерзко; *bold* — *смелый, наглый*) as to say he lied (чтобы сказать, что он лгал),' scoffed Hugo (насмехался Хьюго).

'Him you call my father (его ты называешь моим отцом)? Yes, he lied (да, он лгал).'

'Come (так), play not thy merry game of madman so far, mate (не играй свою веселую игру сушасшедшего пока что, приятель); use it for thy amusement (используй ее для твоего развлечения), not thy hurt (не для твоего вреда). An I tell him this (если я скажу ему это), he will scorch thee finely (он спустит с тебя шкуру прекрасно) for it (за это).'

'Save thyself the trouble (сбереги себе это беспокойство = не стоит трудиться). I will tell him (я скажу ему).'

'I like thy spirit (мне нравится твой дух), I do in truth (нравится, правда); but I do not admire thy judgment (но я не восхищаюсь твоим суждением). Bone-rackings and bastings be plenty enow in this life (колотушек и побоев совершенно достаточно в этой жизни), without going out of one's way to invite them (и без того, чтобы призывать их самому; *to go out of one's way* — *приложить все усилия: «сойти/выйти со своего пути»*). But a truce to these matters (но — конец этим делам; *truce* — *перемирие; передышка*); I believe your father (я верю твоему отцу). I doubt not he can lie (я не сомневаюсь, что он может лгать); I doubt not he *doth* lie (я не сомневаюсь, что он лжет-таки)

upon occasion (при случае), for the best of us do that (ибо и лучшие из нас делают это); but there is no occasion here (но нет никакого случая здесь = это не тот случай). A wise man (мудрый человек) does not waste so good a commodity as lying (не растрчивает такое хорошее удобство, как вранье) for naught (ни на что). But come (но ладно); sith it is thy humor to give over begging (раз это твоя склонность — оставить попрошайничество; *to give over* — бросать, оставлять), wherewithal shall we busy ourselves (чем мы займем себя)? With robbing kitchens (обворовыванием кухонь)?'

The king said, impatiently (король сказал нетерпеливо):

'Have done with this folly (сделано = покончено = хватит этих глупостей) — you weary me (утомляешь меня)!'

Hugo replied, with temper (Хьюго ответил с сердцем = рассердившись):

'Now harkee, mate (послушай-ка, приятель); you will not beg, you will not rob (ты не будешь попрошайничать, ты не будешь грабить); so be it (так и быть тому). But I will tell you what you *will* do (но я скажу тебе, что ты будешь делать). You will play decoy (ты будешь играть приманку) whilst I beg (пока я попрошайничаю). Refuse (откажись), an you think you may venture (если ты думаешь, что сможешь отважиться)!'

The king was about to reply contemptuously (король был около = готов ответить презрительно; *contempt* — презрение), when Hugo said, interrupting (когда сказал Хьюго, перебивая):

'Peace (тише)! Here comes one with a kindly face (вот идет кто-то с добрым лицом). Now will I fall down in a fit (сейчас я свалюсь в припадке). When the stranger runs to me (когда незнакомец подбежит ко мне), set you up a wail (притворись, что плачешь: «устрой себе стенание»), and fall upon your knees (и пади на колени), seeming to weep (представляясь плакать = притворяясь, что плачешь); then cry out (затем вскричи) as if all the devils of misery were in your belly (как если бы все демоны страдания были у тебя в животе), and say (и скажи), "Oh, sir, it is my poor afflicted brother (о сэра, это мой бедный больной брат), and we be friendless (а мы лишены друзей); o' God's name (во

Имя Божье) cast through your merciful eyes one pitiful look (брось сквозь твои милостивые глаза один сострадательный взгляд) upon a sick, forsaken, and most miserable wretch (на больного, покинутого и самого обездоленного беднягу; *to forsake* — *покидать, бросать*); bestow one little penny out of thy riches (подари один маленький пенни из твоих богатств) upon one smitten of God (одному = человеку, наказанному Богом; *to smite* — *разрушать, карать, бить*) and ready to perish (и готовому погибнуть)!" — and mind you (и имей в виду), keep you *on* wailing (продолжай рыдать; *to keep on* — *продолжать что-то делать: «хранить дальше»*), and abate not (и не успокаивайся) till we bilk him of his penny (пока мы не выманит у него его пенс; *to bilk* — *жульничать*), else shall you rue it (иначе ты пожалеешь об этом).'

various [ˈveəriəs], amusement [əˈmjuzmənt], miserable [ˈmɪz(ə)rəbl]

About noon, after a long and weary tramp, the gang came to a halt behind a hedge on the outskirts of a considerable village. An hour was allowed for rest, then the crew scattered themselves abroad to enter the village at different points to ply their various trades. 'Jack' was sent with Hugo. They wandered hither and thither for some time, Hugo watching for opportunities to do a stroke of business but finding none — so he finally said:

'I see naught to steal; it is a paltry place. Wherefore we will beg.'

'We, forsooth! Follow thy trade — it befits thee. But I will not beg.'

'Thou'lt not beg!' exclaimed Hugo, eying the king with surprise. 'Prithee, since when hast thou reformed?'

'What dost thou mean?'

'Mean? Hast thou not begged the streets of London all thy life?'

'I? Thou idiot!'

'Spare thy compliments — thy stock will last longer. Thy father says thou hast begged all thy days. Mayhap he lied. Peradventure you will even make so bold as to say he lied,' scoffed Hugo.

'Him *you* call my father? Yes, he lied.'

'Come, play not thy merry game of madman so far, mate; use it for thy amusement, not thy hurt. An I tell him this, he will scorch thee finely for it.'

'Save thyself the trouble. I will tell him.'

'I like thy spirit, I do in truth; but I do not admire thy judgment. Bone-rackings and bastings be plenty enow in this life, without going out of one's way to invite them. But a truce to these matters; I believe your father. I doubt not he can lie; I doubt not he *doth* lie upon occasion, for the best of us do that; but there is no occasion here. A wise man does not waste so good a commodity as lying for naught. But come; sith it is thy humor to give over begging, wherewithal shall we busy ourselves? With robbing kitchens?'

The king said, impatiently:

'Have done with this folly — you weary me!'

Hugo replied, with temper:

'Now harkee, mate; you will not beg, you will not rob; so be it. But I will tell you what you *will* do. You will play decoy whilst *I* beg. Refuse, an you think you may venture!'

The king was about to reply contemptuously, when Hugo said, interrupting:

'Peace! Here comes one with a kindly face. Now will I fall down in a fit. When the stranger runs to me, set you up a wail, and fall upon your knees, seeming to weep; then cry out as if all the devils of misery were in your belly, and say, "Oh, sir, it is my poor afflicted brother, and we be friendless; o' God's name cast through your merciful eyes one pitiful look upon a sick, forsaken, and most miserable wretch; bestow one little penny out of thy riches upon one smitten of God and ready to perish!" — and mind you, keep you *on* wailing, and abate not till we bilk him of his penny, else shall you rue it.'

Then immediately Hugo began to moan, and groan (затем немедленно Хьюго начал стенать и охать; *to begin* — *начинать*), and roll his eyes (и вращать глазами), and reel and totter about (и кружиться и трястись вокруг); and when

the stranger was close at hand (и когда незнакомец был близко на руке = на расстоянии руки), down he sprawled before him (внизу он растянулся перед ним), with a shriek (с воплем), and began to writhe and wallow in the dirt (и начал корчиться и барахтаться в грязи), in seeming agony (в кажущейся агонии).

'O dear, O dear (Боже мой)!' cried the benevolent stranger (вскричал великодушный незнакомец). 'Oh, poor soul, poor soul, how he doth suffer (о, бедная душа, бедная душа, как он страдает)! There (эй) — let me help thee up (дай мне помочь тебе верх = встать).'

'O, noble sir, forbear (о, благородный сэра, воздержитесь), and God love you for a princely gentleman (и Господь возлюбил вас за (то, что вы такой) благородный джентльмен) — but it giveth me cruel pain to touch me (но это дает мне жестокую боль, когда трогают меня) when I am taken so (когда я взят так = когда меня схватывает так; *to take* — брать). My brother there will tell your worship (мой брат вон там расскажет вашей милости) how I am racked with anguish (как я мучим болью; *to rack* — мучать) when these fits be upon me (когда эти припадки находят на меня). A penny, dear sir, a penny, to buy a little food (один пенни, дорогой сэра, один пенни, чтобы купить немного еды); then leave me to my sorrows (затем оставьте меня моим горестям).'

'A penny (один пенни)! thou shalt have three (ты получишь три), thou hapless creature (ты, несчастное создание)' — and he fumbled in his pocket with nervous haste (и он порылся в кармане с нервной торопливостью) and got them out (и вытащил их наружу; *to get* — брать, получать). 'There, poor lad, take them (вот, бедный юноша, возьми их), and most welcome (и милости просим). Now come hither, my boy (теперь подойди сюда, мой мальчик), and help me carry thy stricken brother (и помоги мне отнести твоего больного брата; *to strike* — поражать, бить) to yon house, where (к тому дому, где; *yon* — вон там) —' 'I am not his brother (я не его брат),' said the king, interrupting (сказал король, перебивая).

'What (что)! not his brother (не его брат)?'

'Oh, hear him (о, послушайте его)!' groaned Hugo (простонал Хьюго), then privately ground his teeth (затем про себя скрипнул зубами; *privately* — *частно*; *to grind* — *скрежетать*). 'He denies his own brother (он отказывается от своего собственного брата; *to deny* — *отрицать*) — and he with one foot in the grave (а он = который одной ногой в могиле)!'

'Boy, thou art indeed hard of heart (мальчик, ты вправду жесток сердцем), if this is thy brother (если это твой брат). For shame (стыд и срам)! — and he scarce able to move hand or foot (а он едва способный пошевелить рукой или ногой). If he is not thy brother (если он не твой брат), who is he, then (кто он тогда)?'

'A beggar and a thief (попрошайка и вор)! He has got your money (он получил ваши деньги) and has picked your pocket likewise (и очистил ваш карман также). An thou wouldst do a healing miracle (если вы хотели бы сотворить исцеляющее чудо), lay thy staff over his shoulders (положи = обрушь свой посох на его плечи) and trust Providence for the rest (и доверься Провидению в остальном).'

But Hugo did not tarry for the miracle (но Хьюго не мешкал = не ждал чуда). In a moment he was up and off like the wind (в мгновение он вскочил и унесся как ветер; *up* — *вверх*; *off* — *прочь*), the gentleman following after (джентльмен, следующий после = за ним) and raising the hue and cry (и поднимающий = кричащий «держи вора»; *hue, cry* — *крик*) lustily as he went (сильно = громко, пока он бежал; *to go* — *идти*). The king, breathing deep gratitude to Heaven for his own release (король, продышав = пошептав глубокую благодарность Небу за свое собственное освобождение), fled in the opposite direction (побежал в противоположном направлении; *to flee* — *убегать*) and did not slacken his pace (и не замедлял своего шага) until he was out of harm's reach (пока он не оказался вне опасности; *reach* — *предел досягаемости*). He took the first road that offered (он взял = выбрал первую дорогу, которая была предложена = предоставилась; *to take* — *брать*), and soon put the village behind him (и вскоре оставил деревню за собой; *to put* — *класть*). He hurried along (он спешил по /дороге/), as briskly as he could (так живо, как он мог), during several hours (в

течение нескольких часов), keeping a nervous watch over his shoulder for pursuit (держа нервный взгляд через плечо за погоней = смотря, нет ли погони); but his fears left him at last (но его страхи оставили его наконец; *to leave* — *оставлять, покидать*), and a grateful sense of security took their place (и приятное чувство безопасности заняло их место; *to take* — *брать*). He recognized now that he was hungry (он понял теперь, что он был голоден); and also very tired (а также очень усталый). So he halted at a farmhouse (так что он остановился у деревенского дома); but when he was about to speak (но когда он был около = собирался заговорить), he was cut short (он был прерван; *to cut* — *резать; short* — *коротко*) and driven rudely away (и выгнан грубо прочь; *to drive* — *везти, гнать*). His clothes were against him (его одежда была против него).

He wandered on (он побрел дальше), wounded and indignant (оскорбленный и негодующий), and was resolved (и решился) to put himself in the way of light treatment no more (больше не ставить себя на путь легкого = неуважительного обращения). But hunger is pride's master (но голод — господин гордости = голод не тетка); so as the evening drew near (так что, когда вечер приблизился; *to draw (near)* — *приближаться; to draw* — *тащить*), he made an attempt (он сделал попытку) at another farmhouse (в другом фермерском доме); but here he fared worse than before (но здесь он преуспел хуже, чем раньше); for he was called hard names (ибо он был назван = его называли плохими именами) and was promised arrest as a vagrant (и пообещали арестовать как бродягу) except he moved on promptly (за исключением, если он пойдет дальше резво).

writhe [raɪð], miracle [ˈmɪrəkl], opposite [ˈɒpəzɪt]

Then immediately Hugo began to moan, and groan, and roll his eyes, and reel and totter about; and when the stranger was close at hand, down he sprawled before him, with a shriek, and began to writhe and wallow in the dirt, in seeming agony.

'O dear, O dear!' cried the benevolent stranger. 'Oh, poor soul, poor soul, how he doth suffer! There — let me help thee up.'

'O, noble sir, forbear, and God love you for a princely gentleman — but it giveth me cruel pain to touch me when I am taken so. My brother there will tell your worship how I am racked with anguish when these fits be upon me. A penny, dear sir, a penny, to buy a little food; then leave me to my sorrows.'

'A penny! thou shalt have three, thou hapless creature' — and he fumbled in his pocket with nervous haste and got them out. 'There, poor lad, take them, and most welcome. Now come hither, my boy, and help me carry thy stricken brother to yon house, where —'

'I am not his brother,' said the king, interrupting.

'What! not his brother?'

'Oh, hear him!' groaned Hugo, then privately ground his teeth. 'He denies his own brother — and he with one foot in the grave!'

'Boy, thou art indeed hard of heart, if this is thy brother. For shame! — and he scarce able to move hand or foot. If he is not thy brother, who is he, then?'

'A beggar and a thief! He has got your money and has picked your pocket likewise. An thou wouldst do a healing miracle, lay thy staff over his shoulders and trust Providence for the rest.'

But Hugo did not tarry for the miracle. In a moment he was up and off like the wind, the gentleman following after and raising the hue and cry lustily as he went. The king, breathing deep gratitude to Heaven for his own release, fled in the opposite direction and did not slacken his pace until he was out of harm's reach. He took the first road that offered, and soon put the village behind him. He hurried along, as briskly as he could, during several hours, keeping a nervous watch over his shoulder for pursuit; but his fears left him at last, and a grateful sense of security took their place. He recognized now that he was hungry; and also very tired. So he halted at a farmhouse; but when he was about to speak, he was cut short and driven rudely away. His clothes were against him.

He wandered on, wounded and indignant, and was resolved to put himself in the way of light treatment no more. But hunger is pride's master; so as the evening drew near, he made an attempt at another farmhouse; but here he fared worse than before; for he was called hard names and was promised arrest as a vagrant except he moved on promptly.

The night came on (ночь наступила; *to come on* — *наступать*), chilly and overcast (холодная и облачная); and still the footsore monarch labored slowly on (и все еще со стертymi ногами монарх с трудом продвигался дальше; *to labour* — */тяжело/ работать*). He was obliged to keep moving (он был вынужден продолжать двигаться), for every time he sat down to rest (ибо каждый раз, когда он садился, чтобы передохнуть; *to sit down* — *садиться*) he was soon penetrated to the bone with the cold (он бывал скоро пронизан до костей холодом). All his sensations and experiences (все его ощущения и переживания), as he moved through the solemn gloom (пока он двигался сквозь мрачную тьму) and the empty vastness of the night (и пустой простор ночи), were new and strange to him (были новы и странны для него). At intervals he heard voices approach (через интервалы = время от времени он слышал, как какие-то голоса приближались), pass by, and fade into silence (проходили мимо и затухали в тишину); and as he saw nothing more of the bodies they belonged to (и так как он не видел ничего больше от тел, которым они принадлежали) than a sort of formless drifting blur (нежели некое бесформенное перемещающееся пятно), there was something spectral and uncanny about it all (было что-то призрачное и жуткое во всем этом) that made him shudder (что заставляло его вздрагивать). Occasionally (иногда) he caught the twinkle of a light (он улавливал мерцание света; *to catch* — *ловить*) — always far away (всегда далеко), apparently (очевидно) — almost in another world (почти в другом мире); if he heard the tinkle (если он слышал треньканье; *to hear* — *слышать*) of a sheep's bell (овечьего колокольчика), it was vague (это было смутно), distant (удаленно), indistinct (неясно); the

muffled lowing of the herds (приглушенное мычание стад) floated to him on the night wind (прилетало к нему на ночном ветре) in vanishing cadences (в исчезающих звуках), a mournful sound (заунывный звук); now and then came the complaining howl of a dog (сейчас и тогда = время от времени раздавался жалобный вой собаки) over viewless expanses of field and forest (над незримыми просторами полей и лесов); all sounds were remote (все звуки были далеки); they made the little king feel (они заставили маленького короля почувствовать) that all life and activity were far removed from him (что вся жизнь и энергия были далеко убраны от него), and that he stood solitary (и что он стоял одиноко; *to stand* — *стоять*), companionless (лишенный товарищей = без друзей), in the center of a measureless solitude (в центре безграничного одиночества).

He stumbled along (он ковылял вперед), through the gruesome fascinations (через ужасные чары) of this new experience (этого нового опыта), startled occasionally (пугаемый иногда) by the soft rustling (тихим шелестом) of the dry leaves overhead (сухих листьев над головой), so like human whispers (так похоже на человеческие перешептывания) they seemed to sound (они казались звучать = они, казалось, звучат); and by and by (и вскоре) he came suddenly upon the freckled light (он набрел внезапно на пятнистый свет) of a tin lantern (жестяного фонаря) near at hand (близко у руки = совсем рядом). He stepped back into the shadows (он отступил назад в тени) and waited (и ждал = стал ждать). The lantern stood by the open door of a barn (фонарь стоял у открытой двери сарая). The king waited some time (король выждал некоторое время) — there was no sound (не было никакого звука), and nobody stirring (и никого шевелящегося; *to stir*). He got so cold (он сделался таким холодным = так замерз; *to get* — *становиться*), standing still (стоя неподвижно), and the hospitable barn looked so enticing (а гостеприимный сарай выглядел так заманчиво), that at last he resolved (что наконец он решился) to risk everything and enter (рискнуть всем и войти). He started swiftly and stealthily (он тронулся поспешно и украдкой), and just as he was crossing the threshold (и прямо когда

он пересекал порог) he heard voices behind him (он услышал голоса позади себя; *to hear* — *слышать*). He darted behind a cask (он кинулся за бочку), within the barn (в сарай), and stooped down (и склонился вниз = согнулся). Two farm laborers (два батрака: «фермерских работника») came in (вошли внутрь), bringing the lantern with them (внеся фонарь с собой), and fell to work (и принялись за работу; *to fall* — *падать*), talking meanwhile (говоря тем временем). Whilst they moved about with the light (пока они двигались вокруг с лампой), the king made good use of his eyes (король сделал хорошее применение из своих глаз = хорошенько огляделся) and took the bearings (и взял направление, азимут = приметил направление) of what seemed to be a good-sized stall (к тому, что казалось хорошего размера стойлом) at the further end of the place (в дальнем углу помещения), purposing to grope his way to it (нацелившись нащупать себе путь к нему) when he should be left to himself (когда он будет оставлен к себе = останется один). He also noted the position of a pile of horse-blankets (он также заметил местоположение груды попон), midway of the route (на середине дороги), with the intent to levy upon them (с намерением завладеть ими) for the service of the crown of England (на службу короне Англии) for one night (на одну ночь).

By and by the men finished and went away (вскоре эти люди закончили и ушли прочь; *to go* — *идти*), fastening the door behind them (заперев дверь за собой; *to fasten* — *прикреплять*) and taking the lantern with them (и взяв фонарь с собой). The shivering king (дрожащий король) made for the blankets (сделал у = направился к попонам), with as good speed (с такой хорошей скоростью) as the darkness would allow (как темнота бы позволила); gathered them up (подобрал их: «собрал вверх») and then groped his way safely to the stall (и проложил себе путь безопасно к стойлу). Of two of the blankets (из двух из этих попон) he made a bed (он сделал кровать), then covered himself with the remaining two (затем покрыл себя оставшимися двумя). He was a glad monarch now (он был радостным монархом сейчас), though the blankets were old and thin (хотя попоны были старыми и тонкими), and not quite warm enough (и не вполне

теплыми достаточно); and besides gave out a pungent horsy odor (и кроме того издавали резкий лошадиный запах) that was almost suffocatingly powerful (который был почти удушливо силен; *to suffocate* — *душить, удушать*).

empty [ˈempti], enticing [ɪnˈtaɪsɪŋ], route [ru:t] suffocate [ˈsʌfəkeɪt]

The night came on, chilly and overcast; and still the footsore monarch labored slowly on. He was obliged to keep moving, for every time he sat down to rest he was soon penetrated to the bone with the cold. All his sensations and experiences, as he moved through the solemn gloom and the empty vastness of the night, were new and strange to him. At intervals he heard voices approach, pass by, and fade into silence; and as he saw nothing more of the bodies they belonged to than a sort of formless drifting blur, there was something spectral and uncanny about it all that made him shudder.

Occasionally he caught the twinkle of a light — always far away, apparently — almost in another world; if he heard the tinkle of a sheep's bell, it was vague, distant, indistinct; the muffled lowing of the herds floated to him on the night wind in vanishing cadences, a mournful sound; now and then came the complaining howl of a dog over viewless expanses of field and forest; all sounds were remote; they made the little king feel that all life and activity were far removed from him, and that he stood solitary, companionless, in the center of a measureless solitude.

He stumbled along, through the gruesome fascinations of this new experience, startled occasionally by the soft rustling of the dry leaves overhead, so like human whispers they seemed to sound; and by and by he came suddenly upon the freckled light of a tin lantern near at hand. He stepped back into the shadows and waited. The lantern stood by the open door of a barn. The king waited some time — there was no sound, and nobody stirring. He got so cold, standing still, and the hospitable barn looked so enticing, that at last he resolved to risk everything and enter. He started swiftly and stealthily, and

just as he was crossing the threshold he heard voices behind him. He darted behind a cask, within the barn, and stooped down. Two farm laborers came in, bringing the lantern with them, and fell to work, talking meanwhile.

Whilst they moved about with the light, the king made good use of his eyes and took the bearings of what seemed to be a good-sized stall at the further end of the place, purposing to grope his way to it when he should be left to himself. He also noted the position of a pile of horse-blankets, midway of the route, with the intent to levy upon them for the service of the crown of England for one night.

By and by the men finished and went away, fastening the door behind them and taking the lantern with them. The shivering king made for the blankets, with as good speed as the darkness would allow; gathered them up and then groped his way safely to the stall. Of two of the blankets he made a bed, then covered himself with the remaining two. He was a glad monarch now, though the blankets were old and thin, and not quite warm enough; and besides gave out a pungent horsy odor that was almost suffocatingly powerful.

Although the king was hungry and chilly (хотя король был голодный и замерзший), he was also so tired and so drowsy (он был также таким усталым и сонным) that these latter influences (что эти последние влияния) soon began to get the advantage of the former (скоро начали получать преимущество перед первыми), and he presently dozed off into a state of semi-consciousness (и он вскоре «уплыл» в состояние полусознания; *to doze* — дремать). Then (затем), just as he was on the point of losing himself wholly (прямо когда он был на грани того, чтобы потерять себя целиком = забыться; *point* — точка, острие), he distinctly felt something touch him (он ясно почувствовал, как что-то коснулось его; *to feel* — чувствовать). He was broad awake in a moment (он был широко = совершенно проснувшимся через мгновение), and gasping for breath (и хватающий ртом воздух; *to gasp* — с трудом дышать; *breath* — дыхание). The cold horror of that mysterious touch in the dark (холодный ужас

этого таинственного прикосновения во тьме) almost made his heart stand still (почти заставил его сердце остановиться: «стать тихо»). He lay motionless (он лежал неподвижно; *to lie* — *лежать*), and listened (и прислушивался), scarcely breathing (едва дыша). But nothing stirred (но ничто не шевелилось), and there was no sound (и не было никакого звука). He continued to listen, and wait (он продолжал прислушиваться и ждать), during what seemed a long time (в течение того, что казалось долгим временем), but still nothing stirred (но все еще ничто не шевелилось), and there was no sound (и не было никакого звука). So he began to drop into a drowse (так что он начал погружаться в дремоту; *to drop* — *ронять, падать*) once more (снова: «один раз больше») at last (наконец); and all at once (и совсем сразу же) he felt that mysterious touch again (он почувствовал это таинственное прикосновение снова; *to feel* — *чувствовать*)! It was a grisly thing (это была ужасная вещь), this light touch (это легкое прикосновение) from this noiseless and invisible presence (от этого бесшумного и невидимого присутствия); it made the boy sick with ghostly fears (оно сделало мальчика слабым от призрачных страхов). What should he do (что должен был он делать)? That was the question (это был вопрос = вот в чем был вопрос); but he did not know how to answer it (но он не знал, как ответить на него). Should he leave these reasonably comfortable quarters (должен ли он оставить это разумно = достаточно удобное жилище) and fly from this inscrutable horror (и улететь = сбежать от этого загадочного ужаса)? But fly whither (но сбежать куда)? He could not get out of the barn (он не мог выбраться из сарая); and the idea of scurrying blindly (а мысль о том чтобы бегать слепо) hither and thither in the dark (сюда и туда = туда-сюда во тьме), within the captivity of the four walls (в заключении четырех стен), with this phantom gliding after him (с этим призраком, скользящим за ним), and visiting him with that soft hideous touch (и настигающим его этим мягким отвратительным прикосновением) upon cheek or shoulder (по щеке или плечу) at every turn (на каждом повороте), was intolerable (была невыносима /эта мысль/). But to stay where he was (но оставаться, где он был), and endure this

living death all night (и выносить эту живую смерть всю ночь) — was that better (было ли это лучше)? No (нет). What, then, was there left to do (что тогда оставалось делать; *left* — *оставшийся, от to leave* — *оставлять*)? Ah, there was but one course (ах, был только один путь); he knew it well (он знал это хорошо) — he must put out his hand (он должен протянуть свою руку) and find that thing (и найти эту вещь)!

It was easy to think this (было легко подумать это); but it was hard to brace himself up (но было тяжело собраться с духом; *to brace up* — *собраться с духом*) to try it (попробовать это). Three times he stretched his hand (три раза он вытягивал свою руку) a little way out into the dark (небольшой путь = недалеко во тьму) gingerly (осторожно); and snatched it suddenly back (и отдергивал ее внезапно обратно; *to snatch* — *хватать*), with a gasp (с выдохом = задыхаясь от ужаса) — not because it had encountered anything (не потому, что она встретила что-то), but because he had felt so sure it was just going to (но потому, что он чувствовал так ясно, что она собиралась (встретить); *sure* — *уверенный*). But the fourth time he groped a little further (но в четвертый раз он пощупал немного дальше), and his hand lightly swept against something soft and warm (и его рука легко дотронулась до чего-то мягкого и теплого; *to sweep* — *дотрагиваться рукой*). This petrified him nearly with fright (это почти привело его в оцепенение от ужаса; *to petrify* — *делать камнем*) — his mind was in such a state (его рассудок был в таком состоянии) that he could imagine the thing to be nothing else (что он мог представить себе эту вещь не чем иным) than a corpse (как трупом), newly dead (недавно мертвым = только что погибшим) and still warm (и все еще теплым). He thought he would rather die (он подумал, что скорее умер бы; *to think* — *думать*) than touch it again (чем дотронулся до него снова). But he thought this false thought (но он думал эту ложную мысль) because he did not know the immortal strength of human curiosity (потому что он не знал бессмертную силу человеческого любопытства). In no long time (в недолгом времени = скоро) his hand was tremblingly groping again (его рука, дрожа, ощупывала снова) — against his

judgment (против его суждения), and without his consent (и без его согласия) — but groping persistently on (но щупала настойчиво дальше), just the same (все так же). It encountered a bunch of long hair (он встретила пучок длинных волос); he shuddered (он вздрогнул), but followed up the hair (но проследовал по волосам) and found what seemed to be a warm rope (и нашел то, что казалось теплой веревкой; *to find* — *найти*); followed up the rope (проследовал вверх по веревке) and found an innocent calf (и нашел невинного теленка); for the rope was not a rope at all (ибо веревка была вовсе не веревкой), but the calf's tail (но хвостом теленка).

drowsy [ˈdraʊzi], mysterious [mɪsˈtɪəriəs], calf [kɑ:f]

Although the king was hungry and chilly, he was also so tired and so drowsy that these latter influences soon began to get the advantage of the former, and he presently dozed off into a state of semi-consciousness. Then, just as he was on the point of losing himself wholly, he distinctly felt something touch him. He was broad awake in a moment, and gasping for breath. The cold horror of that mysterious touch in the dark almost made his heart stand still. He lay motionless, and listened, scarcely breathing. But nothing stirred, and there was no sound. He continued to listen, and wait, during what seemed a long time, but still nothing stirred, and there was no sound. So he began to drop into a drowse once more at last; and all at once he felt that mysterious touch again! It was a grisly thing, this light touch from this noiseless and invisible presence; it made the boy sick with ghostly fears. What should he do? That was the question; but he did not know how to answer it. Should he leave these reasonably comfortable quarters and fly from this inscrutable horror? But fly whither? He could not get out of the barn; and the idea of scurrying blindly hither and thither in the dark, within the captivity of the four walls, with this phantom gliding after him, and visiting him with that soft hideous touch upon cheek or shoulder at every turn, was intolerable. But to stay where he was,

and endure this living death all night- was that better? No. What, then, was there left to do? Ah, there was but one course; he knew it well — he must put out his hand and find that thing!

It was easy to think this; but it was hard to brace himself up to try it. Three times he stretched his hand a little way out into the dark gingerly; and snatched it suddenly back, with a gasp — not because it had encountered anything, but because he had felt so sure it was just going to. But the fourth time he groped a little further, and his hand lightly swept against something soft and warm. This petrified him nearly with fright — his mind was in such a state that he could imagine the thing to be nothing else than a corpse, newly dead and still warm. He thought he would rather die than touch it again. But he thought this false thought because he did not know the immortal strength of human curiosity. In no long time his hand was tremblingly groping again — against his judgment, and without his consent — but groping persistently on, just the same. It encountered a bunch of long hair; he shuddered, but followed up the hair and found what seemed to be a warm rope; followed up the rope and found an innocent calf; for the rope was not a rope at all, but the calf's tail.

The king was cordially ashamed of himself (король сердечно = от всего сердца был пристыжен за себя) for having gotten all that fright and misery (за то, что испытал весь этот страх и страдание) out of so paltry a matter (из-за такого пустячного предмета) as a slumbering calf (как спящий теленок); but he need not have felt so about it (но ему не следовало так чувствовать себя из-за этого; *to need* — нуждаться; *to feel* — чувствовать), for it was not the calf that frightened him (ибо это был не теленок, что напугало его) but a dreadful non-existent something (но ужасное несуществующее нечто) which the calf stood for (за которое стоял теленок = что символизировал теленок); and any other boy, in those old superstitious times (и любой другой мальчик в те древние суеверные времена; *superstition* — суеверие), would have acted and suffered just

as he had done (действовал бы и страдал бы прямо как он = испугался бы не меньше его).

The king was not only delighted to find (король был не только обрадован обнаружить) that the creature was only a calf (что это существо было просто теленком), but delighted to have the calf's company (но рад иметь общество теленка); for he had been feeling so lonesome and friendless (ведь он чувствовал себя настолько одиноким и лишенным друзей) that the company and comradeship of even this humble animal (что общество и товарищество даже этого смиренного животного) was welcome (было желанным). And he had been so buffeted (и он был так обижен; *to buffet* — *бить*), so rudely entreated by his own kind (с ним так грубо обошлись его же соплеменники; *to entreat* — *устар. обращаться; совр. знач. — умолять*), that it was a real comfort to him (что это было ему настоящей отрадой) to feel that he was at last in the society of a fellow-creature (почувствовать, что он был наконец в обществе собрата; *fellow* — *товарищ; creature* — *существо, тварь*) that had at least a soft heart and a gentle spirit (которое имело по крайней мере мягкое сердце и тихий нрав), whatever loftier attributes might be lacking (каких бы более возвышенных = благородных качеств и не хватало; *to lack* — *не хватать, не иметь*). So he resolved to waive rank (так что он решил отвергнуть ранг = иерархию) and make friends (и подружиться) with the calf (с теленком). While stroking its sleek, warm back (поглаживая его гладкую, теплую спину) — for it lay near him and within easy reach (ибо он лежал вблизи него и в пределах легкой досягаемости; *reach* — *предел досягаемости*) — it occurred to him (ему пришло в голову) that this calf might be utilized (что этот теленок мог бы быть использован) in more ways than one (больше чем одним способом; *way* — *путь, способ*). Whereupon he rearranged his bed (вследствие чего он перенес свою постель), spreading it down close to the calf (расстелив ее вблизи теленка); then he cuddled himself (затем он свернулся калачиком) up to the calf's back (прижавшись к спине теленка), drew the covers up over himself and his friend (натянул покрывала на себя и своего друга), and in a minute or

two (и через минуту-другую) was as warm and comfortable (был = стал таким же теплым и благоустроенным = ему стало так же тепло и уютно) as he had ever been in the downy couches (как он когда-либо бывал в пуховых постелях) of the regal palace of Westminster (королевского дворца Вестминстера). Pleasant thoughts came at once (приятные мысли пришли сразу); life took on a cheerfulness seeming (жизнь приняла более радостную видимость; *to take on* — *принимать*: «брать на»). He was free of the bonds of servitude and crime (он был свободен от уз порабощения и преступления), free of the companionship of base and brutal outlaws (свободен от товарищества гнусных и жестоких изгоев); he was warm (он был теплый = ему было тепло), he was sheltered (он был укрыт = в укрытии); in a word (одним словом), he was happy (он был счастлив). The night wind was rising (ночной ветер поднимался); it swept by in fitful gusts (он проносился мимо порывистыми шквалами; *to sweep by* — *проноситься*) that made the old barn quake and rattle (которые заставляли старый сарай дрожать и трещать), then its forces died down at intervals (потом его сила затухала временами; *to die down* — *затухать*), and went moaning and wailing (и продолжали стонать и выть; *to go* — *идти, продолжаться*) around corners and projections (за углами и выступами) — but it was all music to the king (но это было все музыкой для короля), now that he was snug and comfortable (теперь, когда ему было удобно и комфортно); let it blow and rage (пусть он = ветер дует и свирепствует), let it batter and bang (пусть он колотит и бьет), let it moan and wail (воет и стонет), he minded it not (он = король не имел ничего против этого), he only enjoyed it (он только наслаждался этим). He merely snuggled the closer to his friend (он просто прижался еще плотнее к своему другу), in a luxury of warm contentment (в роскоши теплого довольства), and drifted blissfully out of consciousness (и уплыл блаженно вон из сознания; *to drift* — *дрейфовать*) into a deep and dreamless sleep (в глубокий и лишенный сновидений сон) that was full of serenity and peace (который был полон безмятежности и покоя). The distant dogs howled (далекие собаки выли), the melancholy kine complained (меланхолические

коровы жаловались); and the winds went on raging (а ветры продолжали бушевать; *to go on — продолжать*), whilst furious sheets of rain drove along the roof (пока яростные пелены дождя неслись по крыше; *to drive — везти, быстро двигаться*); but the majesty of England slept on undisturbed (но Величество Англии спал дальше, потревоженный; *to sleep — спать*), and the calf did the same (и теленок делал то же самое), it being a simple creature (он будучи = так как он был простым созданием) and not easily troubled by storms (и не легко расстраиваемый бурями = и его трудно было обеспокоить бурей) or embarrassed by sleeping with a king (или смущаемый тем, чтобы спать вместе с королем).

superstitious [su:pə`stɪʃəs], society [sə`saɪətɪ], melancholy [ˈmelənkəli]

The king was cordially ashamed of himself for having gotten all that fright and misery out of so paltry a matter as a slumbering calf; but he need not have felt so about it, for it was not the calf that frightened him but a dreadful non-existent something which the calf stood for; and any other boy, in those old superstitious times, would have acted and suffered just as he had done. The king was not only delighted to find that the creature was only a calf, but delighted to have the calf's company; for he had been feeling so lonesome and friendless that the company and comradeship of even this humble animal was welcome. And he had been so buffeted, so rudely entreated by his own kind, that it was a real comfort to him to feel that he was at last in the society of a fellow-creature that had at least a soft heart and a gentle spirit, whatever loftier attributes might be lacking. So he resolved to waive rank and make friends with the calf.

While stroking its sleek, warm back — for it lay near him and within easy reach — it occurred to him that this calf might be utilized in more ways than one. Whereupon he rearranged his bed, spreading it down close to the calf; then he cuddled himself up to the calf's back, drew the covers up over himself

and his friend, and in a minute or two was as warm and comfortable as he had ever been in the downy couches of the regal palace of Westminster. Pleasant thoughts came at once; life took on a cheerfuler seeming. He was free of the bonds of servitude and crime, free of the companionship of base and brutal outlaws; he was warm, he was sheltered; in a word, he was happy. The night wind was rising; it swept by in fitful gusts that made the old barn quake and rattle, then its forces died down at intervals, and went moaning and wailing around corners and projections — but it was all music to the king, now that he was snug and comfortable; let it blow and rage, let it batter and bang, let it moan and wail, he minded it not, he only enjoyed it. He merely snuggled the closer to his friend, in a luxury of warm contentment, and drifted blissfully out of consciousness into a deep and dreamless sleep that was full of serenity and peace. The distant dogs howled, the melancholy kine complained; and the winds went on raging, whilst furious sheets of rain drove along the roof; but the majesty of England slept on undisturbed, and the calf did the same, it being a simple creature and not easily troubled by storms or embarrassed by sleeping with a king.

CHAPTER XIX (Глава девятнадцатая)

The Prince with the Peasants (Принц с крестьянами)

WHEN the king awoke in the early morning (когда король проснулся ранним утром; *to awake* — *просыпаться*), he found that a wet but thoughtful rat (он обнаружил, что одна мокрая, но сообразительная крыса) had crept into the place during the night (забралась в помещение в течение ночи; *to creep* — *ползти*) and made a cozy bed for itself in his bosom (и устроила уютную постельку для себя у него на груди). Being disturbed now (будучи потревоженной теперь), it scampered away (она улизнула). The boy smiled, and

said (мальчик улыбнулся и сказал), 'Poor fool, why so fearful (бедная глупышка, почему такая боязливая)? I am as forlorn as thou (я так же несчастен, как ты). 'Twould be a shame in me (было бы стыдно мне) to hurt the helpless (обижать беззащитную), who am myself so helpless (кто сам так беззащитен). Moreover (более того), I owe you thanks for a good omen (я обязан тебе благодарностью за хорошее предзнаменование); for when a king has fallen so low (ибо когда король пал так низко; *to fall* — *падать*) that the very rats do make a bed of him (что даже крысы делают постель из него; *very* — (*тот*) *сам(ый)*), it surely meaneth (это точно означает) that his fortunes be upon the turn (что его судьба на повороте = должна скоро перемениться), since it is plain he can no lower go (так как ясно, что он не может пасть ниже).'

He got up (он встал; *to get up* — *вставать*) and stepped out of the stall (и вышел из стойла; *to step* — *ступать*), and just then (и прямо тогда) he heard the sound of children's voices (он услышал звук детских голосов; *to hear* — *слышать*).

The barn door opened (дверь сарая открылась) and a couple of little girls came in (и пара маленьких девочек вошла внутрь). As soon as they saw him (как только они увидели его) their talking and laughing ceased (их разговор и смех прекратились), and they stopped and stood still (и они остановились и встали неподвижно), gazing at him with strong curiosity (установившись на него с сильным любопытством); they presently began to whisper together (они вскоре начали шептать вместе = перешептываться,) then they approached nearer (затем они подошли ближе), and stopped again to gaze and whisper (и остановились снова, чтобы глазеть и шептаться). By and by they gathered courage (постепенно они набрались смелости) and began to discuss him aloud (и начали обсуждать его вслух). One said (одна сказала):

'He hath a comely face (у него привлекательное лицо).'

The other added (вторая добавила):

'And pretty hair (и прелестные волосы).'

'But is ill clothed enow (но плохо одет достаточно).'

'And how starved he looketh (а каким голодным он выглядит).'

They came still nearer (они подошли еще ближе), sidling shyly around and about him (топчасть застенчиво вокруг него), examining him minutely (изучая его подробно) from all points (со всех точек), as if he were some strange new kind of animal (как если бы он был каким-нибудь странным новым видом животного; *to be* — *быть*); but warily and watchfully the while (но опасливо и зорко в то же время), as if they half feared (как если бы они наполовину боялись) he might be a sort of animal (что он мог бы быть неким видом животного) that would bite (которое может укусить), upon occasion (при случае). Finally they halted before him (наконец они остановились перед ним), holding each other's hands for protection (держа друг друга за руки для защиты; *each other* — *друг друга*), and took a good satisfying stare (и взяли хороший удовлетворяющий взгляд) with their innocent eyes (своими невинными глазами); then one of them plucked up all her courage (затем одна из них собрала всю свою смелость) and inquired with honest directness (и спросила с честной прямоотой):

'Who art thou, boy (кто ты, мальчик)?'

'I am the king (я король),' was the grave answer (был важный ответ).

The children gave a little start (дети слегка вздрогнули; *start* — *вздрагивание, рывок*), and their eyes spread themselves wide open (и их глаза раскрылись сами широко) and remained so (и оставались такими) during a speechless half-minute (в течение безмолвной полминуты). Then curiosity broke the silence (затем любопытство нарушило тишину; *to break* — *ломать*):

'The king (король)? What king (какой король)?'

'The king of England (король Англии).'

The children looked at each other (дети посмотрели друг на друга) — then at him (затем на него) — then at each other again (затем друг на друга снова) — wonderingly, perplexedly (недоумевающе, озадаченно) — then one said (затем одна сказала):

'Didst hear him, Margery (ты слышала его, Марджери)? — he saith he is the king (он говорит, что он король). Can that be true (может ли это быть правдой; *true* — *истинный*)?'

'How can it be else but true, Prissy (как может это быть иным, нежели правдой, Присси)? Would he say a lie (сказал ли бы он ложь)? For look you, Prissy (потому что смотри, Присси), an it were not true (если бы это не было правдой), it would be a lie (это была бы ложь). It surely would be (это точно была бы /ложь/). Now think on't (теперь поразмысли над этим; *on't = on it*). For all things that be not true, be lies (ибо все вещи, которые не правдивы, суть ложь) — thou canst make naught else out of it (ты не можешь сделать ничего другого из этого = с этим уж ничего не поделаешь).'

It was a good, tight argument (это был хороший, непроницаемый = неоспоримый довод), without a leak in it anywhere (без единой протечки в нем где-либо = без единого слабого места); and it left Prissy's half-doubts not a leg to stand on (и он не оставил полусомнениям Присси ни одной ноги, чтобы стоять на /ней/ = разнес их в пух и прах). She considered a moment (она поразмышляла минутку), then put the king upon his honor (затем положила на честность короля: «поставила королю на его честь») with the simple remark (простым замечанием):

'If thou art truly the king (если ты воистину король), then I believe thee (тогда я верю тебе).'

'I am truly the king (я воистину король).'

bosom [ˈbuzəm], minutely [maɪˈnju:tli], spread [spred]

WHEN the king awoke in the early morning, he found that a wet but thoughtful rat had crept into the place during the night and made a cozy bed for itself in his bosom. Being disturbed now, it scampered away. The boy smiled, and said, 'Poor fool, why so fearful? I am as forlorn as thou. 'Twould be a shame in me to hurt the helpless, who am myself so helpless. Moreover, I owe you thanks for a good omen; for when a king has fallen so low that the very rats do make a bed of him, it surely meaneth that his fortunes be upon the turn, since it is plain he can no lower go.'

He got up and stepped out of the stall, and just then he heard the sound of children's voices. The barn door opened and a couple of little girls came in. As soon as they saw him their talking and laughing ceased, and they stopped and stood still, gazing at him with strong curiosity; they presently began to whisper together, then they approached nearer, and stopped again to gaze and whisper. By and by they gathered courage and began to discuss him aloud. One said:

'He hath a comely face.'

The other added:

'And pretty hair.'

'But is ill clothed enow.'

'And how starved he looketh.'

They came still nearer, sidling shyly around and about him, examining him minutely from all points, as if he were some strange new kind of animal; but warily and watchfully the while, as if they half feared he might be a sort of animal that would bite, upon occasion. Finally they halted before him, holding each other's hands for protection, and took a good satisfying stare with their innocent eyes; then one of them plucked up all her courage and inquired with honest directness:

'Who art thou, boy?'

'I am the king,' was the grave answer.

The children gave a little start, and their eyes spread themselves wide open and remained so during a speechless half-minute. Then curiosity broke the silence:

'The king? What king?'

'The king of England.'

The children looked at each other — then at him — then at each other again — wonderingly, perplexedly — then one said:

'Didst hear him, Margery? — he saith he is the king. Can that be true?'

'How can it be else but true, Prissy? Would he say a lie? For look you, Prissy, an it were not true, it would be a lie. It surely would be. Now think on't. For all things that be not true, be lies — thou canst make naught else out of it.'

It was a good, tight argument, without a leak in it anywhere; and it left Prissy's half-doubts not a leg to stand on. She considered a moment, then put the king upon his honor with the simple remark:

'If thou art truly the king, then I believe thee.'

'I am truly the king.'

This settled the matter (это уладило вопрос). His majesty's royalty was accepted (королевский статус его величества был принят) without further question or discussion (без дальнейших расспросов и обсуждения), and the two little girls began at once to inquire (и две маленькие девочки начали сразу же выпрашивать) into how he came to be where he was (о том, как он дошел до того, чтобы оказаться там, где он был), and how he came to be so unroyally clad (и как он дошел до того, чтобы быть так не по-королевски одетым), and whither he was bound (и куда он собирался; *bound* — намеревающийся), and all about his affairs (и все о его делах). It was a mighty relief to him (это было великим облегчением для него) to pour out his troubles (излить свои несчастья) where they would not be scoffed at or doubted (где они не были бы высмеяны или подвергнуты сомнениям; *to scoff at* — смеяться над; *to doubt* — сомневаться); so he told his tale with feeling (так что он рассказал свою историю с чувством; *to tell* — рассказывать), forgetting even his hunger for the time (забыв даже свой голод на время); and it was received with the deepest and tenderest sympathy (и она была принята с глубочайшим и нежнейшим сочувствием) by the gentle little maids (кроткими маленькими девами). But when he got down to his latest experiences (но когда он принялся за свои последние переживания; *to get down* — засесть за что-то) and they learned how long he had been without food (и они узнали, как долго он был без еды; *to be* — быть), they cut him short (они прервали его; *to cut* — резать; *short* —

короткий) and hurried him away to the farmhouse (и поторопили его прочь к фермерскому дому) to find a breakfast for him (чтобы найти завтрак для него). The king was cheerful and happy now (король был бодрый и веселый теперь), and said to himself (и сказал себе), 'When I am come to mine own again (когда я приду к своему собственному снова = вернусь к своему положению), I will always honor little children (я всегда буду чтить маленьких детей), remembering how that these trusted me (помня, как вот эти доверились мне) and believed in me in my time of trouble (и поверили в меня в мое время бед); whilst they that were older (в то время как те, кто были старше), and thought themselves wiser (и полагали себя мудрее), mocked at me (смеялись надо мной) and held me for a liar (и держали меня за лгуна = считали меня лгуном; *to hold*).'

The children's mother received the king kindly (мать детей приняла короля доброжелательно), and was full of pity (и была полна жалости); for his forlorn condition (так как его жалкое состояние) and apparently crazed intellect (и очевидно поврежденный ум) touched her womanly heart (тронули ее женское сердце). She was a widow (она была вдовой), and rather poor (и весьма бедной); consequently she had seen trouble enough to enable her (следовательно, она видала бед достаточно, чтобы сделать ее способной) to feel for the unfortunate (сочувствовать злосчастным). She imagined (она вообразила) that the demented boy (что помешавшийся мальчик) had wandered away from his friends or keepers (отбился от своих друзей и опекунов); so she tried to find out (так что она попыталась выяснить) whence he had come (откуда он пришел), in order that she might take measures to return him (с целью, чтобы она могла принять меры, чтобы вернуть его); but all her references to neighbouring towns and villages (но все ее упоминания соседних городов и деревень), and all her inquiries in the same line (и все ее расспросы в этом же направлении), went for nothing (ушли ни за что = пропали впустую) — the boy's face (лицо мальчика), and his answers, too (и его ответы тоже), showed that the things she was talking of (показывали, что вещи, о которых она говорила) were not familiar to him (не

были знакомы ему). He spoke earnestly and simply (он говорил серьезно и просто; *to speak* — *говорить*) about court matters (о придворных делах); and broke down (и всплакнул; *to break down* — *ломать(ся), терять самообладание*), more than once (больше чем раз), when speaking of the late king 'his father' (говоря о покойном короле «своем отце»); but whenever the conversation changed to baser topics (но когда бы разговор ни менялся = переходил на более простые темы), he lost interest and became silent (он терял интерес и становился молчаливым; *to lose* — *терять*; *to become* — *становиться*).

The woman was mightily puzzled (женщина была весьма озадачена); but she did not give up (но она не сдалась). As she proceeded with her cooking (пока она продолжала со своей готовкой), she set herself to contriving devices (она пускалась на придумывание трюков; *to set to* — *приниматься за что-то*; *to contrive* — *изобретать*) to surprise the boy into betraying his real secret (чтобы застать мальчика врасплох в то, чтобы выдать свою настоящую тайну = чтобы хитростью заставить мальчика выдать свою настоящую тайну; *to surprise* — *удивить, взять врасплох*; *to betray* — *выдать, предать*). She talked about cattle (она говорила о скоте) — he showed no concern (он не выказывал никакого интереса); then about sheep (затем об овцах) — the same result (тот же результат) — so her guess that he had been a shepherd boy (так что ее догадка, что он раньше был пастушком) was an error (была ошибкой); she talked about mills (она говорила о мельницах); and about weavers (и о ткачах), tinkers (лудильщиках), smiths (кузнецах), trades and tradesmen (торговле и купцах) of all sorts (всех сортов); and about Bedlam (и о Бедламе /сумасшедшем доме/), and jails (и тюрьмах), and charitable retreats (и благотворительных приютах); but no matter (но независимо от этого), she was baffled (она была сбита с толку) at all points (по всем пунктам). Not altogether, either (не совсем, все же); for she argued (ибо она утверждала) that she had narrowed the thing down (что она сузила вещь = поиски; *to narrow down* — *сузить*) to domestic service (до домашней службы). Yes, she was sure (да, она

была уверена) she was on the right track now (что она была на правильном пути теперь) — he must have been a house-servant (он, должно быть, раньше был домашней прислугой). So she led up to that (так что она повела к этому; *to lead up* — *вести к чему-то*). But the result was discouraging (но результат был разочаровывающий). The subject of sweeping appeared to weary him (вопрос подметания, казалось, утомляет его); fire-building failed to stir him (разжигание огня не смогло расшевелить его; *to fail* — *не смочь*); scrubbing and scouring (оттирание и чистка) awoke no enthusiasm (не пробудила никакого энтузиазма; *to awake* — *будить, просыпаться*). Then the goodwife touched (затем хозяйка коснулась), with a perishing hope (с умирающей надеждой), and rather as a matter of form (и скорее для формы), upon the subject of cooking (вопроса готовки). To her surprise (к ее удивлению), and her vast delight (и ее вящей радости), the king's face lighted at once (лицо короля осветилось сразу же)! Ah, she had hunted him down at last (ах, она поймала его наконец; *to hunt down* — *затравить*; *to hunt* — *охотиться*), she thought (она подумала); and she was right proud, too (и она была очень горда тоже), of the devious shrewdness (той хитроумной проницательностью) and tact (и тактом) which had accomplished it (которые совершили это).

relief [rɪˈliːf], imagine [ɪˈmæɪn], enthusiasm [ɪnˈθjuːzɪæz(ə)m]

This settled the matter. His majesty's royalty was accepted without further question or discussion, and the two little girls began at once to inquire into how he came to be where he was, and how he came to be so unroyally clad, and whither he was bound, and all about his affairs. It was a mighty relief to him to pour out his troubles where they would not be scoffed at or doubted; so he told his tale with feeling, forgetting even his hunger for the time; and it was received with the deepest and tenderest sympathy by the gentle little maids. But when he got down to his latest experiences and they learned how long he

had been without food, they cut him short and hurried him away to the farmhouse to find a breakfast for him.

The king was cheerful and happy now, and said to himself, 'When I am come to mine own again, I will always honor little children, remembering how that these trusted me and believed in me in my time of trouble; whilst they that were older, and thought themselves wiser, mocked at me and held me for a liar.'

The children's mother received the king kindly, and was full of pity; for his forlorn condition and apparently crazed intellect touched her womanly heart. She was a widow, and rather poor; consequently she had seen trouble enough to enable her to feel for the unfortunate. She imagined that the demented boy had wandered away from his friends or keepers; so she tried to find out whence he had come, in order that she might take measures to return him; but all her references to neighbouring towns and villages, and all her inquiries in the same line, went for nothing — the boy's face, and his answers, too, showed that the things she was talking of were not familiar to him. He spoke earnestly and simply about court matters; and broke down, more than once, when speaking of the late king 'his father'; but whenever the conversation changed to baser topics, he lost interest and became silent.

The woman was mightily puzzled; but she did not give up. As she proceeded with her cooking, she set herself to contriving devices to surprise the boy into betraying his real secret. She talked about cattle — he showed no concern; then about sheep — the same result — so her guess that he had been a shepherd boy was an error; she talked about mills; and about weavers, tinkers, smiths, trades and tradesmen of all sorts; and about Bedlam, and jails, and charitable retreats; but no matter, she was baffled at all points. Not altogether, either; for she argued that she had narrowed the thing down to domestic service. Yes, she was sure she was on the right track now — he must have been a house-servant. So she led up to that. But the result was discouraging. The subject of sweeping appeared to weary him; fire-building

failed to stir him; scrubbing and scouring awoke no enthusiasm. Then the goodwife touched, with a perishing hope, and rather as a matter of form, upon the subject of cooking. To her surprise, and her vast delight, the king's face lighted at once! Ah, she had hunted him down at last, she thought; and she was right proud, too, of the devious shrewdness and tact which had accomplished it.

Her tired tongue (ее уставший язык) got a chance to rest now (получил шанс = возможность отдохнуть теперь; *to get* — *получать*); for the king's (ибо /язык/ короля), inspired by gnawing hunger (вдохновленный грызущим голодом) and the fragrant smells (и душистыми запахами) that came from the sputtering pots and pans (которые исходили от бурлящих горшков и сковород), turned itself loose (развязался: «обратил = сделал себя свободным»; *loose* — *развязанный*) and delivered itself up (и сдался = и расщедрился) to such an eloquent dissertation (на столь красноречивое рассуждение) upon certain toothsome dishes (о некоторых лакомых блюдах), that within three minutes the woman said to herself (что в три минуты женщина сказала себе), 'Of a truth I was right (поистине я была права) — he hath holpen in a kitchen (он помогал на кухне; *holpen* — *устар. форма от to help* — *помогать*)!' Then he broadened his bill of fare (затем он расширил свое меню: «список кушаний»), and discussed it with such appreciation and animation (и обсуждал его с таким пониманием и воодушевлением), that the goodwife said to herself (что хозяйка сказала себе), 'Good lack (Боже мой — *устар.*)! how can he know so many dishes (как может он знать так много блюд), and so fine ones withal (да таких утонченных к тому же)? For these belong only upon the tables of the rich and great (ведь им место только на столах богатых и великих; *to belong* — *принадлежать, быть «своим»*). Ah, now I see (ах, теперь я вижу = понимаю)! ragged outcast as he is (оборванный изгой как он есть = хоть он и оборванный изгой), he must have served in the palace (он, должно быть, служил во дворце) before his reason went astray (прежде чем его ум сбился с пути; *astray* — *заблудившись*); yes, he must

have helped in the very kitchen of the king himself (да, он, должно быть, помогал аж в кухне самого короля; *very — сам*)! I will test him (я испытаю его).'

Full of eagerness to prove her sagacity (полная рвения доказать свою проницательность), she told the king to mind the cooking a moment (она сказала королю присмотреть за готовкой; *to tell — сказать*) — hinting that he might manufacture and add a dish or two (намекая, что он мог бы изготовить и добавить блюдо-другое: «блюдо или два»), if he chose (если бы он выбрал = захотел; *to choose — выбирать*) — then she went out of the room (затем она вышла вон из кухни) and gave her children a sign to follow after (и подала своим детям знак следовать за /ней/). The king muttered (король пробормотал):

'Another English king had a commission like to this (другой английский король получил поручение, схожее с этим), in a bygone time (в былые времена) — it is nothing against my dignity (это ничто против моего достоинства = не вредит моему достоинству) to undertake an office (предпринять службу) which the great Alfred stooped to assume (до которой великий Альфред снизошел, чтобы принять). But I will try to better serve my trust (но я постараюсь лучше обслужить = исполнить мое обязательство) than he (чем он); for he let the cakes burn (так как он позволил пирогам сгореть; *to let — позволять*).'

The intent was good (это намерение было добрым), but the performance was not answerable to it (но исполнение не было соответственно ему); for this king, like the other one (ибо этот король, как и другой), soon fell into deep thinkings (скоро упал = погрузился в глубокие размышления; *to fall — падать*) concerning his vast affairs (касательно его значительных дел), and the same calamity resulted (и то же бедствие приключилось) — the cookery got burned (стряпня подгорела: «сделалась подгоревшей»). The woman returned in time to save the breakfast from entire destruction (женщина вернулась вовремя, чтобы спасти завтрак от полного уничтожения); and she promptly brought the king out of his dreams (и она живо вывела короля из мечтаний; *to bring — приносить*)

with a brisk and cordial tongue-lashing (резким и сердечным ругательством; *tongue* — язык; *to lash* — хлестать). Then (затем), seeing how troubled he was over his violated trust (видя, как расстроен он был из-за своего нарушенного долга), she softened at once (он смягчилась сразу) and was all goodness and gentleness toward him (и была вся доброта и мягкость к нему).

The boy made a hearty and satisfying meal (мальчик сделал = съел добрую и удовлетворяющую еду), and was greatly refreshed (и был сильно освежен) and gladdened by it (и обрадован ею). It was a meal which was distinguished by this curious feature (это была трапеза, которая была замечательна такой любопытной чертой = особенностью; *to distinguish* — различать), that rank was waived on both sides (что звания были отвергнуты с обеих сторон); yet neither recipient of the favor was aware that it had been extended (при этом никакой получатель этой милости не осознавал, что она была оказана). The goodwife had intended to feed this young tramp (хозяйка сперва намеревалась накормить этого маленького бродягу) with broken victuals in a corner (испорченной едой = объедками в углу), like any other tramp (как любого другого бродягу), or like a dog (или как собаку); but she was so remorseful (но она была так полна раскаяния; *remorse* — раскаяние) for the scolding (за нагоняй) she had given him (который она дала = устроила ему), that she did what she could to atone for it (что она сделала что могла, чтобы загладить это) by allowing him to sit at the family table (позволив ему сесть за семейный стол) and eat with his betters (и есть с вышестоящими; *better* — более хороший), on ostensible terms of equality with them (на мнимых условиях равенства с ними; *ostensible* — показной; мнимый); and the king (а король), on his side (со своей стороны), was so remorseful (был так полон раскаяния) for having broken his trust (за то, что нарушил свой долг = не оправдал доверия), after the family had been so kind to him (после того как эта семья была так добра к нему), that he forced himself (что он заставил себя) to atone for it (загладить это) by humbling himself to the family level (принизив себя = снизойдя до уровня семьи), instead of requiring (вместо того чтобы требовать; *to require* — требовать) the woman

and her children to stand (чтобы женщина и ее дети стояли) and wait upon him (и прислуживали ему) while he occupied their table (пока он занимал их стол) in the solitary state (в уединении: «обособленном состоянии») due his birth and dignity (подобаемом его рождению = ему по рождению и достоинству). It does us all good (это делает нам всем добро = хорошо) to unbend sometimes (расслабиться = отбросить чопорность иногда). This good woman was made happy all the day long (эта добрая женщина была сделана счастлива на весь день) by the applauses she got out of herself (одобрением, которое она получила из = от себя) for her magnanimous condescension to a tramp (за свое великодушное снисхождение к маленькому бродяге); and the king was just as self-complacent (а король был точно так же доволен собой) over his gracious humility toward a humble peasant woman (из-за своего милостивого смирения перед простой крестьянкой; *toward* — к).

gnaw [n0:], performance [pə`f0:məns], recipient [ri`sɪpiənt]

Her tired tongue got a chance to rest now; for the king's, inspired by gnawing hunger and the fragrant smells that came from the sputtering pots and pans, turned itself loose and delivered itself up to such an eloquent dissertation upon certain toothsome dishes, that within three minutes the woman said to herself, 'Of a truth I was right- he hath holpen in a kitchen!' Then he broadened his bill of fare, and discussed it with such appreciation and animation, that the goodwife said to herself, 'Good lack! how can he know so many dishes, and so fine ones withal? For these belong only upon the tables of the rich and great. Ah, now I see! ragged outcast as he is, he must have served in the palace before his reason went astray; yes, he must have helped in the very kitchen of the king himself! I will test him.'

Full of eagerness to prove her sagacity, she told the king to mind the cooking a moment — hinting that he might manufacture and add a dish or two, if he

chose — then she went out of the room and gave her children a sign to follow after. The king muttered:

'Another English king had a commission like to this, in a bygone time — it is nothing against my dignity to undertake an office which the great Alfred stooped to assume. But I will try to better serve my trust than he; for he let the cakes burn.'

The intent was good, but the performance was not answerable to it; for this king, like the other one, soon fell into deep thinkings concerning his vast affairs, and the same calamity resulted — the cookery got burned. The woman returned in time to save the breakfast from entire destruction; and she promptly brought the king out of his dreams with a brisk and cordial tongue-lashing. Then, seeing how troubled he was over his violated trust, she softened at once and was all goodness and gentleness toward him.

The boy made a hearty and satisfying meal, and was greatly refreshed and gladdened by it. It was a meal which was distinguished by this curious feature, that rank was waived on both sides; yet neither recipient of the favor was aware that it had been extended. The goodwife had intended to feed this young tramp with broken victuals in a corner, like any other tramp, or like a dog; but she was so remorseful for the scolding she had given him, that she did what she could to atone for it by allowing him to sit at the family table and eat with his betters, on ostensible terms of equality with them; and the king, on his side, was so remorseful for having broken his trust, after the family had been so kind to him, that he forced himself to atone for it by humbling himself to the family level, instead of requiring the woman and her children to stand and wait upon him while he occupied their table in the solitary state due his birth and dignity. It does us all good to unbend sometimes. This good woman was made happy all the day long by the applauses she got out of herself for her magnanimous condescension to a tramp; and the king was just as self-complacent over his gracious humility toward a humble peasant woman.

When breakfast was over (когда завтрак был закончен), the housewife told the king to wash up the dishes (хозяйка сказала королю помыть блюда = посуду; *to tell* — *сказать*). This command was a staggerer (это распоряжение было сильным ударом) for a moment (на минуту), and the king came near rebelling (и король был готов взбунтоваться; *to come near* — *подойти близко*; *to rebel* — *бунтовать*); but then he said to himself (но затем он сказал себе), 'Alfred the Great watched the cakes (Альфред Великий присматривал за пирогами); doubtless he would have washed the dishes, too (без сомнения, он бы помыл посуду тоже) — therefore will I essay it (следовательно, я попробую это).' He made a sufficiently poor job of it (он сделал достаточно плохую работу из этого); and to his surprise, too (и к своему удивлению к тому же), for the cleaning of wooden spoons and trenchers (ибо очистка деревянных ложек и подносов) had seemed an easy thing to do (казалась легким делом: «легкой вещью чтобы сделать»). It was a tedious and troublesome piece of work (это была нудная и трудная работа), but he finished it at last (но он закончил ее наконец). He was becoming impatient (он становился нетерпеливым = ему не терпелось) to get away on his journey now (отправиться в свое путешествие сейчас; *to get away* — *удрать, уйти, отправиться*); however he was not to lose (однако ему не было суждено лишиться; *to lose* — *терять*) this thrifty dame's society (общества этой хозяйственной дамы) so easily (так легко). She furnished him some little odds and ends of employment (она снабжала его всякой мелкой работой; *odds and ends* — *всякая всячина*), which he got through with (через которые он продирался) after a fair fashion (на добросовестный манер) and with some credit (и с некоторой честью = успехом). Then she set him and the little girls to paring some winter apples (затем она приставила его и маленьких девочек к очищению каких-то зимних яблок); but he was so awkward at this service (но он был так неловок на этой службе) that she retired him from it (что она уволила его от нее) and gave him a butcher-knife to grind (и дала ему мясницкий нож — наточить). Afterward she kept him (после она удерживала его = поручила ему; *to keep* — *хранить*) carding wool (чесать

шерсть) until he began to think (пока он не начал думать) he had laid the good King Alfred about far enough in the shade (что положил = оставил Короля Альфреда достаточно далеко в тени) for the present (пока что: «для настоящего времени»), in the matter of showy menial heroisms (в деле показного лакейского героизма = подвигов) that would read picturesquely in story-books and histories (которые будут читаться колоритно в книгах сказок и исторических трудах), and so he was half minded to resign (и поэтому он был наполовину настроен уйти в отставку). And when, just after the noonday dinner (и когда сразу после полуденного обеда), the goodwife gave him a basket of kittens to drown (хозяйка дала ему корзинку котят — утопить), he did resign (он действительно уволился: «сделал уволиться»). At least he was just going to resign (по крайней мере, он как раз собирался удалиться; *to be going to* — *собираться сделать что-то*) — for he felt that he must draw the line somewhere (ибо он чувствовал, что должен провести черту = положить предел где-то; *to feel* — *чувствовать*), and it seemed to him (и казалось ему) that to draw it at kitten-drowning (что провести ее = черту на затоплении котят) was about the right thing (было примерно то что надо: «правильная вещь») — when there was an interruption (когда появилось препятствие). The interruption was John Canty (препятствием был Джон Кэнти) — with a peddler's pack on his back (с коробом разносчика на спине) — and Hugo (и Хьюго)!

The king discovered these rascals (король обнаружил этих негодяев) approaching the front gate (приближающимися к передним воротам) before they had had a chance to see him (прежде чем они имели шанс увидеть его); so he said nothing about drawing the line (так что он не сказал ничего о том, чтобы провести черту), but took up his basket of kittens (но подхватил свою корзинку с котятами) and stepped quietly out the back way (и вышел тихо наружу через заднюю дверь), without a word (без единого слова). He left the creatures in an outhouse (он оставил этих созданий = котят в сарае; *to leave* — *оставлять, покидать*), and hurried on (и поспешил дальше) into a narrow lane at the rear (по узкому переулку сзади).

tedious [ˈtɪːdiəs], grind [graɪnd], picturesque [pɪktʃəˈresk]

When breakfast was over, the housewife told the king to wash up the dishes. This command was a staggerer for a moment, and the king came near rebelling; but then he said to himself, 'Alfred the Great watched the cakes; doubtless he would have washed the dishes, too — therefore will I essay it.' He made a sufficiently poor job of it; and to his surprise, too, for the cleaning of wooden spoons and trenchers had seemed an easy thing to do. It was a tedious and troublesome piece of work, but he finished it at last. He was becoming impatient to get away on his journey now; however he was not to lose this thrifty dame's society so easily. She furnished him some little odds and ends of employment, which he got through with after a fair fashion and with some credit. Then she set him and the little girls to paring some winter apples; but he was so awkward at this service that she retired him from it and gave him a butcher-knife to grind. Afterward she kept him carding wool until he began to think he had laid the good King Alfred about far enough in the shade for the present, in the matter of showy menial heroisms that would read picturesquely in story-books and histories, and so he was half minded to resign. And when, just after the noonday dinner, the goodwife gave him a basket of kittens to drown, he did resign. At least he was just going to resign — for he felt that he must draw the line somewhere, and it seemed to him that to draw it at kitten-drowning was about the right thing — when there was an interruption. The interruption was John Canty- with a peddler's pack on his back — and Hugo!

The king discovered these rascals approaching the front gate before they had had a chance to see him; so he said nothing about drawing the line, but took up his basket of kittens and stepped quietly out the back way, without a word. He left the creatures in an outhouse, and hurried on into a narrow lane at the rear.

CHAPTER XX (Глава двадцатая)

The Prince and the Hermit (Принц и отшельник)

THE high hedge hid him from the house now (высокая изгородь скрывала его от дома теперь; *to hide* — *прятать*); and so (и вот), under the impulse of a deadly fright (под импульсом/побуждением смертельного страха = подгоняемый смертельным страхом), he let out all his forces (он выпустил наружу все свои силы; *to let* — *пускать, позволять*) and sped toward a wood (и поспешил к лесу; *to speed* — *спешить*) in the distance (в отдалении). He never looked back (он никогда не смотрел назад = так и не оглянулся ни разу) until he had almost gained the shelter of the forest (пока он почти не достиг укрытия леса); then he turned and descried two figures in the distance (затем он обернулся и рассмотрел две фигуры в отдалении; *to descry* — *рассмотреть, разглядеть, завидеть издалека*). That was sufficient (это было достаточно); he did not wait to scan them critically (он не ждал, чтобы рассмотреть их критически = придирчиво, внимательно), but hurried on (но поспешил дальше), and never abated his pace (и ни разу не сбавил шага) till he was far within the twilight depths of the wood (пока он не оказался далеко в сумеречных глубинах леса). Then he stopped (тогда он остановился); being persuaded (будучи убежденным) that he was now tolerably safe (что он был теперь относительно в безопасности; *tolerably* — *терпимо, сносно*). He listened intently (он прислушался напряженно), but the stillness was profound and solemn (но тишина была глубокой и торжественной) — awful, even (величественной даже), and depressing to the spirits (и подавляющей для настроения = угнетающей). At wide intervals (через широкие промежутки времени) his straining ear (его напряженное ухо; *to strain* — *напрягать(ся)*) did detect sounds (отмечало звуки), but they were so remote (но они были такими отдаленными), and hollow, and mysterious (и

глухими, и таинственными), that they seemed not to be real sounds (что они, казалось, не были настоящими звуками: «они казались не быть...»), but only the moaning and complaining ghosts of departed ones (но только стонающими и жалобными призраками былых; *to depart* — *уходить*). So the sounds were yet more dreary (так что эти звуки были еще более тоскливыми) than the silence which they interrupted (чем тишина, которую они нарушали).

It was his purpose (это было его намерением), in the beginning (в начале), to stay where he was (пробыть, где он находился), the rest of the day (остаток дня); but a chill soon invaded his perspiring body (но холод скоро вошел в его вспотевшее тело), and he was at last obliged (и он был наконец вынужден) to resume movement (возобновить движение) in order to get warm (с тем чтобы согреться: «сделаться теплым»). He struck straight through the forest (он направился напрямую через лес; *to strike* — *бить; направляться*), hoping to pierce to a road presently (надеясь пробиться к дороге вскоре; *to pierce* — *пронзать*), but he was disappointed in this (но он был разочарован в этом = безуспешно). He traveled on and on (он продвигался дальше и дальше); but the farther he went (но чем дальше он шел; *to go* — *идти*), the denser the wood became (тем гуще становился лес; *to become* — *становиться; dense*), apparently (очевидно = как казалось). The gloom began to thicken, by and by (мрак начал сгущаться вскоре), and the king realized (и король осознал) that the night was coming on (что ночь приближалась). It made him shudder (это заставило его вздрогнуть) to think of spending it (подумать о том чтобы провести ее = ночь) in such an uncanny place (в таком жутком месте); so he tried to hurry faster (так что он старался поспешать быстрее), but he only made the less speed (но он лишь сделал меньше скорость = двигался медленнее), for he could not now see well enough (так как он не мог теперь видеть достаточно хорошо) to choose his steps judiciously (чтобы выбирать свои шаги благоразумно); consequently he kept tripping over roots and tangling himself in vines and briars (следовательно, он и то и дело спотыкался о корни, запутывался во вьющихся стеблях и терновнике).

And how glad he was (и как рад он был) when at last he caught the glimmer of a light (когда наконец он уловил мерцание света; *to catch* — *ловить*)! He approached it warily (он приблизился к нему опасливо), stopping often (останавливаясь часто) to look about him (чтобы осмотреться: «посмотреть вокруг себя») and listen (и прислушаться). It came from an unglazed window-opening (он = свет исходил из незастекленного оконного отверстия; *to open* — *открывать*) in a little hut (в маленькой хижине). He heard a voice now (он слышал какой-то голос теперь; *to hear* — *слышать*), and felt a disposition to run and hide (и почувствовал расположение = желание убежать и спрятаться; *to feel* — *чувствовать*); but he changed his mind at once (но он изменил свои мысли = передумал сразу), for his voice was praying, evidently (так как его голос молился очевидно). He glided to the one window of the hut (он скользнул к единственному окну хижины), raised himself on tiptoe (поднял себя = поднялся на цыпочки), and stole a glance within (и украл взгляд = украдкой заглянул внутрь; *to steal* — *красть*). The room was small (комната была маленькой); its floor was the natural earth (ее пол был естественной землей), beaten hard by use (утрамбованной жестко использованием; *to beat* — *бить*); in a corner was a bed of rushes (в углу была постель из камыша) and a ragged blanket or two (и истрепанного одеяла или двух); near it was a pail, a cup, a basin (возле нее было ведро, чашка, миска), and two or three pots and pans (и два или три горшка и кастрюли); there was a short bench (там была короткая скамья) and a three-legged stool (и трехногий табурет); on the hearth (в очаге) the remains of a fagot fire (остатки огня из вязанки дров) were smoldering (дымились); before a shrine (перед распятием), which was lighted by a single candle (которое было освещено единственной свечой), knelt an aged man (стоял на коленях пожилой человек; *to kneel* — *стоять на коленях*), and on an old wooden box (а на старой деревянной коробке) at his side (у его бока = рядом с ним) lay an open book and a human skull (лежала открытая книга и человеческий череп; *to lie* — *лежать*). The man was of large, bony frame (этот человек был большого и костистого телосложения); his hair and whiskers (его

волосы и борода) were very long and snowy white (были очень длинными и снежно-белыми); he was clothed in a robe of sheepskins (он был одет в рясу из овечьих шкур) which reached from his neck to his heels (которая доставала от его шеи до пят).

hermit [ˈhɛ:mɪt], consequently [ˈkɒnsɪkwəntli], human [ˈhju:mən]

THE high hedge hid him from the house now; and so, under the impulse of a deadly fright, he let out all his forces and sped toward a wood in the distance. He never looked back until he had almost gained the shelter of the forest; then he turned and descried two figures in the distance. That was sufficient; he did not wait to scan them critically, but hurried on, and never abated his pace till he was far within the twilight depths of the wood. Then he stopped; being persuaded that he was now tolerably safe. He listened intently, but the stillness was profound and solemn- awful, even, and depressing to the spirits. At wide intervals his straining ear did detect sounds, but they were so remote, and hollow, and mysterious, that they seemed not to be real sounds, but only the moaning and complaining ghosts of departed ones. So the sounds were yet more dreary than the silence which they interrupted.

It was his purpose, in the beginning, to stay where he was, the rest of the day; but a chill soon invaded his perspiring body, and he was at last obliged to resume movement in order to get warm. He struck straight through the forest, hoping to pierce to a road presently, but he was disappointed in this. He traveled on and on; but the farther he went, the denser the wood became, apparently. The gloom began to thicken, by and by, and the king realized that the night was coming on. It made him shudder to think of spending it in such an uncanny place; so he tried to hurry faster, but he only made the less speed, for he could not now see well enough to choose his steps judiciously; consequently he kept tripping over roots and tangling himself in vines and briars.

And how glad he was when at last he caught the glimmer of a light! He approached it warily, stopping often to look about him and listen. It came from an unglazed window-opening in a little hut. He heard a voice now, and felt a disposition to run and hide; but he changed his mind at once, for his voice was praying, evidently. He glided to the one window of the hut, raised himself on tiptoe, and stole a glance within. The room was small; its floor was the natural earth, beaten hard by use; in a corner was a bed of rushes and a ragged blanket or two; near it was a pail, a cup, a basin, and two or three pots and pans; there was a short bench and a three-legged stool; on the hearth the remains of a fagot fire were smoldering; before a shrine, which was lighted by a single candle, knelt an aged man, and on an old wooden box at his side lay an open book and a human skull. The man was of large, bony frame; his hair and whiskers were very long and snowy white; he was clothed in a robe of sheepskins which reached from his neck to his heels.

'A holy hermit (свѣтой отшельник)!' said the king to himself (сказал король себе); 'now am I indeed fortunate (теперь я действительно удачлив = мне повезло).'

The hermit rose from his knees (отшельник поднялся с колен; *to rise* — *вставать*); the king knocked (король постучал). A deep voice responded (низкий голос ответил):

'Enter (войдите)! — but leave sin behind (но оставьте грех позади = снаружи), for the ground whereon thou shalt stand is holy (ибо земля, на которой ты будешь стоять, священна)!'

The king entered, and paused (король вошел и остановился). The hermit turned a pair of gleaming, unrestful eyes upon him (отшельник повернул пару блестящих беспокойных глаз), and said (и сказал):

'Who art thou (кто ты)?'

'I am the king (я король),' came the answer (пришел = был ответ), with placid simplicity (со спокойной простотой).

'Welcome, king (добро пожаловать, король)!' cried the hermit (вскричал отшельник), with enthusiasm (с воодушевлением). Then (затем), bustling about with feverish activity (суетясь вокруг в лихорадочной деятельности), and constantly saying (и постоянно говоря) 'Welcome, welcome (добро пожаловать),' he arranged his bench (он поставил свою скамейку), seated the king on it (усадил короля на нее), by the hearth (у очага), threw some fagots on the fire (подбросил немного хвороста в огонь; *to throw* — *кидать*), and finally fell to pacing the floor (и наконец принялся измерять шагами комнату; *to fall to* — *приниматься что-то делать: «упасть к»*; *to pace* — *шагать*), with a nervous stride (нервной походкой).

'Welcome (добро пожаловать)! Many have sought sanctuary here (многие искали прибежища здесь), but they were not worthy (но они не были достойны), and were turned away (и были изгнаны: «обращены прочь»). But a king who casts his crown away (но король, который отбрасывает свою корону прочь), and despises the vain splendors of his office (и презирает суетные красоты своей службы), and clothes his body in rags (и одевает свое тело в лохмотья), to devote his life to holiness (чтобы посвятить свою жизнь святости) and the mortification of the flesh (и умерщвлению плоти) — he is worthy (он достоин), he is welcome (он желанен)! — here shall he abide all his days (здесь пребудет он все свои дни) till death come (пока смерть не придет).' The king hastened to interrupt and explain (король поспешил прервать и объяснить), but the hermit paid no attention to him (но отшельник не обращал никакого внимания на него; *to pay attention* — *обращать внимание: «платить внимание»*) — did not even hear him apparently (даже не слышал его, очевидно), but went right on with his talk (но просто продолжал со своей речью = своей речью), with a raised voice and a growing energy (повышенным голосом и растущей энергией). 'And thou shalt be at peace here (и ты пребудешь в мире здесь). None shall find out thy refuge (никто не обнаружит твое убежище) to disquiet thee (чтобы беспокоить тебя) with supplications to return to that empty and foolish life (мольбами вернуться к той пустой и глупой жизни) which God

hath moved thee to abandon (которую Бог сподвиг тебя оставить). Thou shalt pray here (ты будешь молиться здесь); thou shalt study the Book (ты будешь изучать Книгу); thou shalt meditate upon the follies and delusions of this world (ты будешь размышлять о безумствах и оболъщениях этого мира), and upon the sublimities (и о величии) of the world to come (мира, которому суждено прийти); thou shalt feed upon crusts and herbs (ты будешь питаться черствым хлебом и травами), and scourge thy body with whips daily (и наказывать свое тело розгами ежедневно), to the purifying of thy soul (во очищение твоей души). Thou shalt wear a hair shirt (ты будешь носить власяницу) next thy skin (прямо на твоей коже); thou shalt drink water only (ты будешь пить только воду); and thou shalt be at peace (и ты пребудешь в мире); yes, wholly at peace (да, всецело в мире); for whoso comes to seek thee (ибо кто бы ни пришел искать тебя) shall go his way again baffled (уйдет своим путем назад, озадаченный); he shall not find thee (он не найдет тебя), he shall not molest thee (он не станет досаждать тебе).'

The old man (старик: «старый человек»), still pacing back and forth (все еще ходя взад-вперед), ceased to speak aloud (прекратил говорить громко), and began to mutter (и начал бормотать; *to begin* — *начинать*). The king seized this opportunity (король ухватился за эту возможность) to state his case (чтобы изложить свое дело); and he did it with an eloquence (и он сделал это с красноречием) inspired by uneasiness and apprehension (вдохновленным беспокойством и нехорошим предчувствием). But the hermit went on muttering (но отшельник продолжал бормотать; *to go on* — *продолжать*), and gave no heed (и не слушал: «не давал никакого внимания»). And still muttering (и, все еще бормоча), he approached the king and said, impressively (он приблизился к королю и сказал выразительно):

"Sh! I will tell you a secret (я скажу тебе тайну) !" He bent down (он наклонился: «согнулся вниз»; *to bend* — *сгибаться*) to impart it (чтобы сообщить ее), but checked himself (но замер: «проверил себя»), and assumed a listening attitude (и принял прислушивающуюся позу). After a moment or two (через минуту-

другую) he went on tiptoe to the window-opening (он подошел на цыпочках к оконному отверстию), put his head out (высунул голову; *to put out* — *высовывать*: «ставить наружу») and peered around (и осмотрелся вокруг) in the gloaming (в сумерках), then came tiptoeing back again (затем пришел на цыпочках обратно снова), put his face close down to the king's (опустил свое лицо близко к (лицу) короля; *to put down* — *опустить*: «поставить вниз») and whispered (и прошептал):

'I am an archangel (я архангел)!'

placid [*ˈplæsid*], scourge [*skə:ʒ*], molest [*məˈlest*]

'A holy hermit!' said the king to himself; 'now am I indeed fortunate.'

The hermit rose from his knees; the king knocked. A deep voice responded:

'Enter! — but leave sin behind, for the ground whereon thou shalt stand is holy!'

The king entered, and paused. The hermit turned a pair of gleaming, unrestful eyes upon him, and said:

'Who art thou?'

'I am the king,' came the answer, with placid simplicity.

'Welcome, king!' cried the hermit, with enthusiasm. Then, bustling about with feverish activity, and constantly saying 'Welcome, welcome,' he arranged his bench, seated the king on it, by the hearth, threw some fagots on the fire, and finally fell to pacing the floor, with a nervous stride.

'Welcome! Many have sought sanctuary here, but they were not worthy, and were turned away. But a king who casts his crown away, and despises the vain splendors of his office, and clothes his body in rags, to devote his life to holiness and the mortification of the flesh — he is worthy, he is welcome! — here shall he abide all his days till death come.' The king hastened to interrupt and explain, but the hermit paid no attention to him — did not even hear him apparently, but went right on with his talk, with a raised voice and a growing

energy. 'And thou shalt be at peace here. None shall find out thy refuge to disquiet thee with supplications to return to that empty and foolish life which God hath moved thee to abandon. Thou shalt pray here; thou shalt study the Book; thou shalt meditate upon the follies and delusions of this world, and upon the sublimities of the world to come; thou shalt feed upon crusts and herbs, and scourge thy body with whips daily, to the purifying of thy soul. Thou shalt wear a hair shirt next thy skin; thou shalt drink water only; and thou shalt be at peace; yes, wholly at peace; for whoso comes to seek thee shall go his way again baffled; he shall not find thee, he shall not molest thee.'

The old man, still pacing back and forth, ceased to speak aloud, and began to mutter. The king seized this opportunity to state his case; and he did it with an eloquence inspired by uneasiness and apprehension. But the hermit went on muttering, and gave no heed. And still muttering, he approached the king and said, impressively:

"Sh! I will tell you a secret!" He bent down to impart it, but checked himself, and assumed a listening attitude. After a moment or two he went on tiptoe to the window-opening, put his head out and peered around in the gloaming, then came tiptoeing back again, put his face close down to the king's and whispered:

'I am an archangel!'

The king started violently (король вздрогнул резко), and said to himself (и сказал себе), 'Would God I were with the outlaws again (пожелал бы Бог, чтобы = лучше бы я был с разбойниками снова); for lo (ведь смотри-ка), now am I the prisoner of a madman (теперь я пленник безумца)!' His apprehensions were heightened (его опасения усилились), and they showed plainly in his face (и они показались просто ему в лицо). In a low, excited voice (тихим, возбужденным голосом), the hermit continued (отшельник продолжил):

'I see you feel my atmosphere (я вижу, ты чувствуешь мою атмосферу = святость)! There's awe in your face (благоговейный ужас на твоём лице)! None

may be in this atmosphere and not be thus affected (никто не может быть в этой атмосфере и не быть так = ею затронутым); for it is the very atmosphere of heaven (ибо это святость небес). I go thither and return (я улетаю туда и возвращаюсь), in the twinkling of an eye (во мгновение ока). I was made an archangel (я был сделан архангелом) on this very spot (на этом самом месте), it is five years ago (это есть = уже пять лет назад), by angels sent from heaven to confer that awful dignity (ангелами, посланными с небес, чтобы даровать этот внушающий благоговение титул). Their presence filled this place with an intolerable brightness (их присутствие наполнило это помещение невыносимой яркостью = светом). And they knelt to me, king (и они опустились на колени передо мной, король; *to kneel* — становиться на колени)! yes, they knelt to me (да, они опустились на колени передо мной)! for I was greater (ибо я был более великим) than they (чем они). I have walked in the courts of heaven (я ступал по чертогам рая), and held speech with the patriarchs (и держал речь с патриархами; *to hold* — *держать*). Touch my hand (коснись моей руки) — be not afraid (не будь испуган) — touch it (коснись ее). There (вот) — now thou hast touched a hand (теперь ты коснулся руки) which has been clasped (которая была пожата) by Abraham, and Isaac, and Jacob (Авраамом и Исааком и Иаковом)! For I have walked in the golden courts (ибо я ступал по золотым чертогам), I have seen the Deity face to face (я видел Божество лицом к лицу)! He paused (он помолчал), to give this speech effect (чтобы придать своей речи эффекта); then his face suddenly changed (затем его лицо неожиданно переменилось), and he started to his feet again (и он вскочил на свои ноги снова), saying, with angry energy (говоря, с яростной энергией), 'Yes, I am an archangel (да, я архангел); *a mere archangel* (простой архангел)! — I that might have been pope (я, который мог бы быть Папой)! It is verily true (это истинная правда; *verily* — *истинно*). I was told it (мне было сказано это; *to tell* — *сказать*) from heaven in a dream (с небес во сне), twenty years ago (двадцать лет назад); ah, yes (ах, да), I was to be pope (я /должен/ был быть Папой)! — and I should have been pope (и мне следовало быть Папой) , for Heaven had said

it (ибо небеса сказали так) — but the king dissolved my religious house (но король распустил = разорил мой религиозный дом = монастырь), and I, poor obscure unfriended monk (и я, бедный, безвестный, не имеющий друзей монах), was cast homeless upon the world (был брошен бездомным в мир; *to cast* — *бросать*), robbed of my mighty destiny (лишенный моего великого предназначения; *to rob* — *грабить, отнимать*)! Here he began to mumble again (здесь он начал бормотать снова), and beat his forehead (и бить свой лоб = себя по лбу) in futile rage (в бессильной ярости), with his fist (своим кулаком); now and then (время от времени: «сейчас и тогда») articulating a venomous curse (произнося злобное проклятье; *venom* — *яд*), and now and then a pathetic (время от времени жалобное) 'Wherefore I am naught but an archangel (зачем я ничто кроме как = всего лишь архангел) — I that should have been pope (я, который должен был стать Папой)!

So he went on for an hour (так он продолжал в течение часа; *to go on* — *продолжать*), while the poor little king sat and suffered (пока бедный маленький король сидел и страдал; *to sit* — *сидеть*). Then all at once (затем внезапно) the old man's frenzy departed (безумие старика прошло; *to depart* — *уходить, уезжать*), and he became all gentleness (и он стал сама любезность; *to become* — *становиться*). His voice softened (его голос смягчился), he came down out of his clouds (он спустился со своих облаков), and fell to prattling along (и принялся болтать дальше; *to fall to* — *приняться делать что-либо: «упасть к»*) so simply and so humanely (так просто и так по-человечески), that he soon won the king's heart completely (что он скоро покорил сердце короля совершенно; *to win* — *выигрывать, завоевывать*). The old devotee (старый фанатик; *devotee* — *ярый последователь, приверженец*) moved the boy nearer to the fire (пододвинул мальчика ближе к огню) and made him comfortable (и устроил его поудобнее; *to make* — *делать*); doctored his small bruises and abrasions with a deft and tender hand (подлечил его маленькие ушибы и царапины ловкой и нежной рукой; *bruise* — *синяк*); and then set about preparing and cooking a supper (а затем принялся готовить и варить ужин; *to*

set about — *приниматься делать что-либо*) — chatting pleasantly all the time (болтая приятно все время), and occasionally stroking the lad's cheek (и иногда поглаживая щеку мальчика) or patting his head (или похлопывая его по голове: «его голову»), in such a gently caressing way (таким мягко ласкающим образом) that in a little while (что спустя малое время) all the fear and repulsion (весь страх и отвращение) inspired by the archangel (внушенные архангелом) were changed to reverence and affection (были переменены на почтение и привязанность) for the man (к этому человеку).

This happy state of things (это счастливое состояние вещей) continued while the two ate the supper (продолжалось, пока эти двое ели ужин; *to eat* — *есть*); then, after a prayer (затем, после молитвы) before the shrine (перед киотом), the hermit put the boy to bed (отшельник уложил мальчика в кровать; *to put* — *класть*), in a small adjoining room (в маленькой прилегающей комнате), tucking him in (закутав его; *to tuck in* — *укутывать*) as snugly and lovingly (так уютно и заботливо) as a mother might (как мать могла бы); and so (и вот), with a parting caress (с прощальной лаской; *to part* — *расставаться*), left him (оставил его; *to leave* — *оставлять, покидать*) and sat down by the fire (и сел у огня; *to sit down* — *садиться: «сесть вниз»*), and began to poke the brands about (и начал перемешивать головешки; *to begin* — *начинать*) in an absent and aimless way (рассеянно и бесцельно: «рассеянным и бесцельным образом»). Presently he paused (вскоре он приостановился); then tapped his forehead several times with his fingers (затем постучал по своему лбу несколько раз пальцами), as if trying to recall some thought (как будто пытаюсь вспомнить: «вызвать обратно» какую-то мысль; *to call* — *звать*) which had escaped from his mind (которая убежала из его ума). Apparently he was unsuccessful (кажется, он был (в этом) неуспешлив = по-видимому, безуспешно). Now he started quickly up (теперь он подскочил быстро вверх), and entered his guest's room (и вошел в комнату своего гостя), and said (и сказал): 'Thou art king (ты король)?'

'Yes (да),' was the response (был ответ), drowsily uttered (сонно проговоренный).

'What king (какой король)?'

'Of England (Англии).'

'Of England (Англии). Then Henry is gone (тогда Генрих умер: «ушел»)!'

'Alack, it is so (увы, это так). I am his son (я его сын).'

A black frown settled down upon the hermit's face (черная тень легла на лицо отшельника; *frown* — хмурый взгляд; *to settle down* — водворяться: «усесться вниз»), and he clenched his bony hands with a vindictive energy (и он стиснул свои костлявые руки с мстительной энергией). He stood a few moments (он стоял несколько минут; *to stand* — стоять), breathing fast (дыша быстро) and swallowing repeatedly (и сглатывая неоднократно), then said in a husky voice (затем сказал хриплым голосом):

'Dost know (знаешь ли ты) it was he that turned us out (что это был он, который = что это он выкинул нас; *to turn out* — выгонять: «повернуть наружу») into the world (в мир) houseless and homeless (бесприютными и бездомными)?'

atmosphere [ˈætməsfɪə], archangel [ɑːˈkeɪnɟ(ə)l], Isaac [ˈaɪzək]

The king started violently, and said to himself, 'Would God I were with the outlaws again; for lo, now am I the prisoner of a madman!' His apprehensions were heightened, and they showed plainly in his face. In a low, excited voice, the hermit continued:

'I see you feel my atmosphere! There's awe in your face! None may be in this atmosphere and not be thus affected; for it is the very atmosphere of heaven. I go thither and return, in the twinkling of an eye. I was made an archangel on this very spot, it is five years ago, by angels sent from heaven to confer that awful dignity. Their presence filled this place with an intolerable brightness. And they knelt to me, king! yes, they knelt to me! for I was greater than they. I have walked in the courts of heaven, and held speech with the patriarchs.

Touch my hand — be not afraid — touch it. There — now thou hast touched a hand which has been clasped by Abraham, and Isaac, and Jacob! For I have walked in the golden courts, I have seen the Deity face to face!' He paused, to give this speech effect; then his face suddenly changed, and he started to his feet again, saying, with angry energy, 'Yes, I am an archangel; *a mere archangel!* — I that might have been pope! It is verily true. I was told it from heaven in a dream, twenty years ago; ah, yes, I was to be pope! — and I should have been pope, for Heaven had said it — but the king dissolved my religious house, and I, poor obscure unfriended monk, was cast homeless upon the world, robbed of my mighty destiny!' Here he began to mumble again, and beat his forehead in futile rage, with his fist; now and then articulating a venomous curse, and now and then a pathetic 'Wherefore I am naught but an archangel — I that should have been pope!'

So he went on for an hour, while the poor little king sat and suffered. Then all at once the old man's frenzy departed, and he became all gentleness. His voice softened, he came down out of his clouds, and fell to prattling along so simply and so humanely, that he soon won the king's heart completely. The old devotee moved the boy nearer to the fire and made him comfortable; doctored his small bruises and abrasions with a deft and tender hand; and then set about preparing and cooking a supper — chatting pleasantly all the time, and occasionally stroking the lad's cheek or patting his head, in such a gently caressing way that in a little while all the fear and repulsion inspired by the archangel were changed to reverence and affection for the man.

This happy state of things continued while the two ate the supper; then, after a prayer before the shrine, the hermit put the boy to bed, in a small adjoining room, tucking him in as snugly and lovingly as a mother might; and so, with a parting caress, left him and sat down by the fire, and began to poke the brands about in an absent and aimless way. Presently he paused; then tapped his forehead several times with his fingers, as if trying to recall some thought

which had escaped from his mind. Apparently he was unsuccessful. Now he started quickly up, and entered his guest's room, and said:

'Thou art king?'

'Yes,' was the response, drowsily uttered.

'What king?'

'Of England.'

'Of England. Then Henry is gone!'

'Alack, it is so. I am his son.'

A black frown settled down upon the hermit's face, and he clenched his bony hands with a vindictive energy. He stood a few moments, breathing fast and swallowing repeatedly, then said in a husky voice:

'Dost know it was he that turned us out into the world houseless and homeless?'

There was no response (ответа не было). The old man bent down (старик склонился; *to bend* — *гнуть(ся)*) and scanned the boy's reposeful face (и рассматривал спокойное лицо мальчика) and listened to his placid breathing (и слушал его мирное дыхание). 'He sleeps (он спит) — sleeps soundly (спит крепко)'; and the frown vanished away (и мрачная тень исчезла прочь) and gave place to an expression of evil satisfaction (и уступила место выражению злобного удовлетворения; *to give* — *давать*). A smile flitted across the dreaming boy's features (улыбка промелькнула через черты = по лицу дремлющего мальчика). The hermit muttered (отшельник пробормотал), 'So (вот) — his heart is happy (его сердце счастливо)'; and he turned away (и он отвернулся прочь). He went stealthily about the place (он ходил украдкой = тихо по помещению; *to go* — *ходить*), seeking here and there for something (ища здесь и там что-то); now and then halting to listen (время от времени: «сейчас и тогда» останавливаясь послушать), now and then jerking his head around (время от времени вертя головой кругом) and casting a quick glance toward the bed (и кидая быстрый взгляд на кровать); and always muttering,

always mumbling to himself (и постоянно ворча, постоянно бормоча себе = под нос). At last he found what he seemed to want (наконец он нашел то, что, казалось, хотел; *to find* — *найти*; *to seem* — *казаться*) — a rusty old butcher-knife and a whetstone (ржавый старый мясницкий нож и точильный камень). Then he crept to his place by the fire (затем он пробрался к своему месту у огня; *to creep* — *ползти*), sat himself down (уселся: «усадила себя вниз»), and began to whet the knife softly on the stone (и начал точить нож тихо о камень), still muttering, mumbling, ejaculating (все еще ворча, бормоча, восклицая). The winds sighed around the lonely place (ветры вздыхали вокруг уединенного места), the mysterious voices of the night floated by (таинственные голоса ночи проплывали мимо) out of the distances (издалека: «из далей»). The shining eyes of venturesome mice and rats (блестящие глаза отважных/готовых на риск мышей и крыс; *to venture* — *отважиться, решиться, осмелиться*) peered out at the old man (установились на старика) from cracks and coverts (из щелей и укрытий), but he went on with his work (но он продолжал свою работу; *to go on* — *продолжать: «идти дальше»*), rapt, absorbed (увлеченный, поглощенный), and noted none of these things (и не замечал ни одной из этих вещей).

At long intervals (через длинные интервалы = изредка) he drew his thumb (он проводил большим пальцем; *to draw* — *тащить*) along the edge of his knife (по лезвию своего ножа), and nodded his head with satisfaction (и кивал головой с удовлетворением). 'It grows sharper (он становится острее),' he said (он сказал); 'yes, it grows sharper (да, он становится острее).'

He took no note of the flight of time (он не замечал полета = течения времени; *to take note* — *обращать внимание: «брать заметку»*), but worked tranquilly on (но работал спокойно дальше), entertaining himself with his thoughts (развлекая себя своими мыслями), which broke out occasionally in articulate speech (которые прорывались иногда в членораздельной речи):

'His father wrought us evil (его отец причинил нам зло; *to work* — *работать, делать*), he destroyed us (он уничтожил = погубил нас) — and is gone down into the eternal fires (и сошел вниз в вечное пламя)! Yes (да), down into the

eternal fires (вниз в вечное пламя)! He escaped us (он ушел от нас; *to escape* — *сбежать*) — but it was God's will (но это была Божья воля), yes it was God's will (да, это была Божья воля), we must not repine (мы не должны роптать). But he hath not escaped the fires (но он не избежал пламени)! no, he hath not escaped the fires (нет, он не избежал пламени), the consuming, un pitying, remorseless fires (всепожигающего, безжалостного, беспощадного пламени) — and *they* are everlasting (а оноечно)!

And so he wrought (и так он работал; *to work* — *работать*); and still wrought (и еще работал); mumbling (бормоча; *to tumble*) — chuckling a low rasping chuckle at times (посмеиваясь тихим дребезжающим смешком временами) — and at times breaking again into words (а временами раздражаясь словами; *to break into* — *разразиться: «ломать в, вломиться»*):

'It was his father that did it all (это был его отец, который сделал это все; *to do* — *делать*). I am but an archangel (я только архангел) — but for him, I should be pope (но, если бы не он, я должен был бы быть = был бы Папой)!

The king stirred (король пошевелился). The hermit sprang noiselessly (прыгнул бесшумно; *noise* — *шум*) to the bedside (к кровати; *side* — *сторона*), and went down upon his knees (и опустился на свои колени; *to go down* — *опуститься: «пойти вниз»*), bending over the prostrate form (согнувшись над лежащим телом) with his knife uplifted (со своим ножом, поднятым вверх). The boy stirred again (мальчик пошевелился снова); his eyes came open for an instant (его глаза открылись на мгновение; *to come open* — *стать открытыми*), but there was no speculation in them (но не было никакого размышления в них), they saw nothing (они не видели ничего; *to see* — *видеть*); the next moment his tranquil breathing showed (в следующий момент его спокойное дыхание показало) that his sleep was sound (что его сон был крепким) once more (опять).

The hermit watched and listened for a time (отшельник наблюдал и прислушивался какое-то время), keeping his position and scarcely breathing (сохраняя свое положение = оставаясь на месте и едва дыша); then he slowly

lowered his arm (затем он медленно опустил свою руку), and presently crept away, saying (и вскоре отошел прочь, говоря; *to creep* — *ползти*):

'It is long past midnight (сейчас давно за полночь) — it is not best (нехорошо; *best* — *наилучший*) that he should cry out (если он закричит), lest by accident some one be passing (если по случайности кто-нибудь будет проходить).'

He glided about his hovel (он скользил = плавно двигался по своей лачуге), gathering a rag here (подбирая лоскут здесь), a thong there (ремень там), and another one yonder (и другой вон там); then he returned (затем он вернулся), and by careful and gentle handling (и осторожными и мягкими манипуляциями) he managed to tie the king's ankles together (он смог связать лодыжки короля вместе) without waking him (без того, чтобы разбудить его = не разбудив его).

Next he essayed to tie the wrists (затем он попытался связать его запястья); he made several attempts to cross them (он сделал несколько попыток скрестить их), but the boy always drew one hand or the other away (но мальчик все время отодвигал одну руку или другую прочь; *to draw* — *тащить*), just as the cord was ready to be applied (как раз когда веревка была готова быть применена); but at last (но наконец), when the archangel was almost ready to despair (когда архангел был почти готов отчаяться), the boy crossed his hands himself (мальчик скрестил свои руки сам), and the next moment they were bound (и в следующий момент они были связаны; *to bind* — *связывать*). Now a bandage was passed under the sleeper's chin (тотчас же повязка была пропущена под подбородком спящего) and brought up over his head (и вытянута вверх над его головой; *to bring* — *приносить, тащить*) and tied fast (и затянута крепко) — and so softly, so gradually, and so deftly (и так мягко, так постепенно и так ловко) were the knots drawn together and compacted (были узлы стянуты вместе и соединены; *to draw* — *тащить*), that the boy slept peacefully (что мальчик проспал мирно; *to sleep* — *спать*) through it all (через все это) without stirring (без того, чтобы двигаться = не шевельнувшись).

eternal [ɪˈtə:nəl], breathing [ˈbri:ðɪŋ], gradually [ˈgræʒuəlɪ]

There was no response. The old man bent down and scanned the boy's reposeful face and listened to his placid breathing. 'He sleeps — sleeps soundly'; and the frown vanished away and gave place to an expression of evil satisfaction. A smile flitted across the dreaming boy's features. The hermit muttered, 'So — his heart is happy'; and he turned away. He went stealthily about the place, seeking here and there for something; now and then halting to listen, now and then jerking his head around and casting a quick glance toward the bed; and always muttering, always mumbling to himself. At last he found what he seemed to want — a rusty old butcher-knife and a whetstone. Then he crept to his place by the fire, sat himself down, and began to whet the knife softly on the stone, still muttering, mumbling, ejaculating. The winds sighed around the lonely place, the mysterious voices of the night floated by out of the distances. The shining eyes of venturesome mice and rats peered out at the old man from cracks and coverts, but he went on with his work, rapt, absorbed, and noted none of these things.

At long intervals he drew his thumb along the edge of his knife, and nodded his head with satisfaction. 'It grows sharper,' he said; 'yes, it grows sharper.' He took no note of the flight of time, but worked tranquilly on, entertaining himself with his thoughts, which broke out occasionally in articulate speech: 'His father wrought us evil, he destroyed us — and is gone down into the eternal fires! Yes, down into the eternal fires! He escaped us — but it was God's will, yes it was God's will, we must not repine. But he hath not escaped the fires! no, he hath not escaped the fires, the consuming, unpitied, remorseless fires — and *they* are everlasting!'

And so he wrought; and still wrought; mumbling — chuckling a low rasping chuckle at times — and at times breaking again into words:

'It was his father that did it all. I am but an archangel — but for him, I should be pope!'

The king stirred. The hermit sprang noiselessly to the bedside, and went down upon his knees, bending over the prostrate form with his knife uplifted. The boy stirred again; his eyes came open for an instant, but there was no speculation in them, they saw nothing; the next moment his tranquil breathing showed that his sleep was sound once more.

The hermit watched and listened for a time, keeping his position and scarcely breathing; then he slowly lowered his arm, and presently crept away, saying: 'It is long past midnight — it is not best that he should cry out, lest by accident some one be passing.'

He glided about his hovel, gathering a rag here, a thong there, and another one yonder; then he returned, and by careful and gentle handling he managed to tie the king's ankles together without waking him. Next he essayed to tie the wrists; he made several attempts to cross them, but the boy always drew one hand or the other away, just as the cord was ready to be applied; but at last, when the archangel was almost ready to despair, the boy crossed his hands himself, and the next moment they were bound. Now a bandage was passed under the sleeper's chin and brought up over his head and tied fast — and so softly, so gradually, and so deftly were the knots drawn together and compacted, that the boy slept peacefully through it all without stirring.

CHAPTER XXI (Глава двадцать первая)

Hendon to the Rescue (Хендон (приходит) на помощь)

The old man glided away (старик ускользнул прочь), stooping, stealthily, catlike (сугулясь, украдкой = тихо, как кошка), and brought the low bench (и принес низкую лавку; *to bring* — *приносить*). He seated himself upon it (он уселся на нее), half his body in the dim and flickering light (половина его тела в тусклом и мерцающем свете), and the other half in shadow (а другая половина в тени);

and so (и так), with his craving eyes bent upon the slumbering boy (с его тоскующими/жадными глазами, опущенными на спящего мальчика; *to crave* — *стремиться*; *to bend* — *гнуть*), he kept his patient vigil there (он держал свое терпеливое бдение там; *to keep* — *держат*, *хранить*), heedless of the drift of time (равнодушный к течению времени), and softly whetted his knife (и тихо точил свой нож), and mumbled and chuckled (и бормотал и хихикал); and in aspect and attitude (и по внешнему виду и позе) he resembled nothing so much as (он напоминал ничто так сильно, как = он очень напоминал) a grizzly, monstrous spider (страшного, чудовищного паука), gloating over some hapless insect (торжествующего над каким-нибудь злосчастным насекомым; *to gloat* — *тайно злорадствовать*, *торжествовать*; *to gloat over* — *пожирать глазами*) that lay bound and helpless in his web (которое лежало связанное и беспомощное в его паутине; *to lie* — *лежать*; *to bind* — *связывать*).

After a long while (спустя продолжительное время), the old man, who was still gazing (старик, который все еще вглядывался) — yet not seeing (но не видел), his mind having settled into a dreamy abstraction (так как его ум погрузился в мечтательную рассеянность) — observed on a sudden (заметил вдруг) that the boy's eyes were open (что глаза мальчика были раскрыты) — wide open and staring (широко раскрыты и смотрящие пристально; *to stare*)! — staring up in frozen horror at the knife (пристально смотрящие вверх в застывшем ужасе на нож; *to freeze* — *замерзнуть*, *обледеневать*, *покрываться льдом*). The smile of a gratified devil (улыбка удовлетворенного дьявола) crept over the old man's face (скользнула по лицу старика; *to creep* — *ползти*), and he said (и он сказал), without changing his attitude or occupation (без того, чтобы изменить = не меняя своего положения или занятия):

'Son of Henry the Eighth, hast thou prayed (сын Генриха VIII, ты помолился)?'

The boy struggled helplessly in his bonds (мальчик боролся беспомощно в своих узах); and at the same time forced a smothered sound (и в то же время выдавил сдавленный звук) through his closed jaws (сквозь свои закрытые = стиснутые челюсти), which the hermit chose to interpret (который (звук)

отшельник решил истолковать; *to choose* — *выбирать*) as an affirmative answer to his question (как утвердительный ответ на свой вопрос).

'Then pray again (тогда помолись снова). Pray the prayer for the dying (произнеси молитву за умирающих)!'

A shudder shook the boy's frame (дрожь пробрала тело мальчика; *to shake* — *трясти*), and his face blanched (и его лицо побелело). Then he struggled again to free himself (затем он боролся снова, чтобы освободить себя) — turning and twisting himself (поворачиваясь и крутясь) this way and that (туда и сюда); tugging frantically, fiercely, desperately (дергаясь безумно, неистово, отчаянно) — but uselessly (но бесполезно) — to burst his fetters (разорвать свои путы); and all the while the old ogre (и все это время старый людоед) smiled down upon him (улыбался вниз = глядя вниз на него), and nodded his head (и кивал своей головой), and placidly whetted his knife (и безмятежно точил свой нож), mumbling, from time to time (бормоча время от времени), 'The moments are precious (эти секунды драгоценны), they are few and precious (они немногочисленны и драгоценны) — pray the prayer for the dying (говори молитву за умирающих)!'

The boy uttered a despairing groan (мальчик изверг отчаянный стон), and ceased from his struggles, panting (и прекратил борьбу, задыхаясь). The tears came, then (слезы пришли тогда), and trickled, one after the other, down his face (и стекали струйками, одна за другой, по его лицу; *to trickle* — *течь струйкой*); but this piteous sight (но это жалкое зрелище) wrought no softening effect (не оказало никакого смягчающего эффекта; *to work* — *работать*, /устар./ *делать*) upon the savage old man (на дикого старика).

The dawn was coming now (рассвет приближался сейчас); the hermit observed it (отшельник заметил это), and spoke up sharply (и заговорил резко; *to speak up* — *говорить громко: «вверх»*), with a touch of nervous apprehension in his voice (с налетом нервной опаски в его голосе):

'I may not indulge this ecstasy longer (я не могу позволить себе это удовольствие больше)! The night is already gone (ночь уже прошла; *to go* —

идти, уходит). It seems but a moment — only a moment (*она кажется лишь одним моментом — только одним моментом*); would it had endured a year (*/я/ хотел бы, чтобы она длилась год; to endure — выносить*)! Seed of the Church's spoiler (*семя губителя Церкви*), close thy perishing eyes (*закрой свои гибнущие глаза*), an thou fearest to look upon (*если ты страшишься взглянуть на*)...!

The rest was lost in inarticulate mutterings (*остальное было потеряно = потонуло в неразборчивом бормотании; to lose — терять*). The old man sank upon his knees (*старик рухнул на колени; to sink — опускаться, тонуть*), his knife in his hand (*его нож в его руке = с ножом в руке*), and bent himself over the moaning boy (*и склонился над стонущим мальчиком; to bend — гнуть*) —

vigil [^ˈvɪɡɪl], fiercely [^ˈfiəʃli], ecstasy [^ˈɛkstəsi]

The old man glided away, stooping, stealthily, catlike, and brought the low bench. He seated himself upon it, half his body in the dim and flickering light, and the other half in shadow; and so, with his craving eyes bent upon the slumbering boy, he kept his patient vigil there, heedless of the drift of time, and softly whetted his knife, and mumbled and chuckled; and in aspect and attitude he resembled nothing so much as a grizzly, monstrous spider, gloating over some hapless insect that lay bound and helpless in his web. After a long while, the old man, who was still gazing — yet not seeing, his mind having settled into a dreamy abstraction — observed on a sudden that the boy's eyes were open — wide open and staring! — staring up in frozen horror at the knife. The smile of a gratified devil crept over the old man's face, and he said, without changing his attitude or occupation:

'Son of Henry the Eighth, hast thou prayed?'

The boy struggled helplessly in his bonds; and at the same time forced a smothered sound through his closed jaws, which the hermit chose to interpret as an affirmative answer to his question.

'Then pray again. Pray the prayer for the dying!'

A shudder shook the boy's frame, and his face blanched. Then he struggled again to free himself — turning and twisting himself this way and that; tugging frantically, fiercely, desperately — but uselessly — to burst his fetters; and all the while the old ogre smiled down upon him, and nodded his head, and placidly whetted his knife, mumbling, from time to time, 'The moments are precious, they are few and precious — pray the prayer for the dying!'

The boy uttered a despairing groan, and ceased from his struggles, panting. The tears came, then, and trickled, one after the other, down his face; but this piteous sight wrought no softening effect upon the savage old man.

The dawn was coming now; the hermit observed it, and spoke up sharply, with a touch of nervous apprehension in his voice:

'I may not indulge this ecstasy longer! The night is already gone. It seems but a moment — only a moment; would it had endured a year! Seed of the Church's spoiler, close thy perishing eyes, an thou fearest to look upon...'

The rest was lost in inarticulate mutterings. The old man sank upon his knees, his knife in his hand, and bent himself over the moaning boy —

Hark (чу)! There was a sound of voices near the cabin (был = раздался звук голосов у хижины) — the knife dropped from the hermit's hand (нож выпал из руки отшельника); he cast a sheepskin over the boy (он набросил овечью шкуру на мальчика; *to cast* — *бросать*) and started up, trembling (и вскочил, дрожа). The sounds increased (звуки увеличивались = становились громче), and presently the voices became rough and angry (и вскоре голоса стали грубыми и сердитыми; *to become* — *становиться*); then came blows (затем раздались удары; *to come* — *прийти*), and cries for help (и крики о помощи); then a clatter of swift footsteps retreating (затем топот быстрых шагов удаляющихся). Immediately came a succession of thundering knocks (немедленно раздался ряд громоподобных ударов) upon the cabin door (по двери хижины), followed by (за которыми последовало; *to follow* — *следовать*):

'Hullo-o-o (эй)! Open (отворяй)! And dispatch (и поживее; *to dispatch* — *быстро делать что-либо*), in the name of all the devils (во имя всех дьяволов)!' Oh, this was the blessedest sound (о, это был самый благословенный звук) that had ever made music in the king's ears (который когда-либо звучал музыкой в ушах короля); for it was Miles Hendon's voice (ибо это был голос Майлса Хендона)!

The hermit, grinding his teeth in impotent rage (отшельник, скрежеща своими зубами в бессильной ярости), moved swiftly out of the bedchamber (вышел быстро из спальни), closing the door behind him (закрыв дверь за собой); and straightway the king heard a talk (и сразу король услышал разговор; *to hear* — *слышать*), to this effect (следующего содержания), proceeding from the 'chapel' (доносившийся из «молельни»):

'Homage and greeting (почет тебе и привет), reverend sir (преподобный сэр)! Where is the boy (где мальчик) — my boy (мой мальчик)?'

'What boy, friend (какой мальчик, друг)?'

'What boy (какой мальчик)! Lie me no lies (не лги мне: «не лги мне никаких обманов»; *to lie* — *лгать*; *lie* — *ложь*), sir priest (сэр священник), play me no deceptions (не обманывай меня; *to play* — *играть, устраивать*; *deception* — *обман*)! I am not in the humor for it (я не в настроении для этого). Near to this place I caught the scoundrels (рядом с этим местом я поймал негодяев; *to catch* — *ловить*) who I judged (которые, как я счел; *to judge* — *судить*) did steal him from me (украли: «сделали украсть» его от меня), and I made them confess (и я заставил их признаться; *to make* — *делать, заставлять*); they said he was at large again (они сказали, что он на свободе снова), and they had tracked him to your door (и они выследили его до вашей двери). They showed me his very footprints (они показали мне самые его самые следы). Now palter no more (теперь не изворачивайся больше); for look you, holy sir (потому что смотри, ты, святой сэр), an thou produce him not (если ты не представишь его) — Where is the boy (где мальчик)?'

'Oh, good sir (о, добрый сэръ), peradventure you mean the ragged regal vagrant (возможно, вы подразумеваете того оборванного царственного бродягу) that tarried here the night (который провел здесь ночь). If such as you (если такой как вы) take interest in such as he (интересуется: «берет интерес» таким, как он), know, then (знайте тогда), that I have sent him of an errand (что я послал его по поручению; *to send* — *посылать*). He will be back anon (он вернется: «будет назад» сейчас).'

'How soon (как скоро)? How soon? Come, waste not the time (давай же, не трать зря времени; *to come* — *приходить, двигаться*) — cannot I overtake him (не могу ли я нагнать его)? How soon will he be back (как скоро он вернется: «будет он назад»)?'

'Thou needst not stir (тебе не нужно шевелиться = беспокоиться); he will return quickly (он вернется быстро).'

'So be it then (ну, будь так тогда). I will try to wait (я постараюсь подождать). But stop (но постой)! — you sent him of an errand (ты послал его с поручением; *to send* — *посылать*)? — you (ты)! Verily, this is a lie (поистине, это ложь) — he would not go (он бы не пошел). He would pull thy old beard (он вырвал бы твою старую бороду), an thou didst offer him such an insolence (если бы ты предложил ему такую дерзость). Thou hast lied, friend (ты солгал, друг); thou hast surely lied (ты точно солгал)! He would not go for thee (он не пошел бы ни ради тебя) nor for any man (ни ради другого человека; *nor* — *и не*).'

'For any *man* — no (ради любого человека — нет); haply not (к счастью, нет). But I am not a man (но я не человек).'

'*What* (что)! Now o' God's name what art thou, then (но во Имя Божие, что есть ты тогда = в таком случае)?'

'It is a secret (это тайна) — mark thou reveal it not (смотри, не выдавай ее). I am an archangel (я архангел)!

There was a tremendous ejaculation (было = раздалось страшное восклицание) from Miles Hendon (от Майлса Хендона) — not altogether unprofaned (не

вполне неругательное; *to profane* — осквернять) — followed by (за которым последовало; *to follow* — следовать):

'This doth well and truly account for his complaisance (это хорошо и правдиво объясняет его услужливость; *to account for* — объяснять: «отчитываться за»)! Right well I knew (очень хорошо я знал; *to know* — знать) he would budge nor hand nor foot (что он не пошевелил бы ни рукой, ни ногой) in the menial service of any mortal (ради лакейской услуги любому смертному); but Lord (но Боже), even a king must obey (даже король обязан повиноваться) when an archangel gives the word o' command (когда архангел отдает приказ: «слово команды»)! Let me (позвольте мне) — 'sh (шш)! What noise was that (какой шум был это = что за шум)?'

chapel [ˈtʃæp(ə)l], regal [ˈriːgəl], complaisance [kəmˈpleɪzəns]

Hark! There was a sound of voices near the cabin — the knife dropped from the hermit's hand; he cast a sheepskin over the boy and started up, trembling. The sounds increased, and presently the voices became rough and angry; then came blows, and cries for help; then a clatter of swift footsteps retreating. Immediately came a succession of thundering knocks upon the cabin door, followed by:

'Hullo-o-o! Open! And despatch, in the name of all the devils!'

Oh, this was the blessedest sound that had ever made music in the king's ears; for it was Miles Hendon's voice!

The hermit, grinding his teeth in impotent rage, moved swiftly out of the bedchamber, closing the door behind him; and straightway the king heard a talk, to this effect, proceeding from the 'chapel':

'Homage and greeting, reverend sir! Where is the boy — my boy?'

'What boy, friend?'

'What boy! Lie me no lies, sir priest, play me no deceptions! I am not in the humor for it. Near to this place I caught the scoundrels who I judged did steal

him from me, and I made them confess; they said he was at large again, and they had tracked him to your door. They showed me his very footprints. Now palter no more; for look you, holy sir, an thou produce him not — Where is the boy?'

'Oh, good sir, peradventure you mean the ragged regal vagrant that tarried here the night. If such as you take interest in such as he, know, then, that I have sent him of an errand. He will be back anon.'

'How soon? How soon? Come, waste not the time — cannot I overtake him? How soon will he be back?'

'Thou needst not stir; he will return quickly.'

'So be it then. I will try to wait. But stop! — you sent him of an errand? — you! Verily, this is a lie — he would not go. He would pull thy old beard, an thou didst offer him such an insolence. Thou hast lied, friend; thou hast surely lied! He would not go for thee nor for any man.'

'For any *man* — no; haply not. But I am not a man.'

'*What!* Now o' God's name what art thou, then?'

'It is a secret — mark thou reveal it not. I am an archangel!'

There was a tremendous ejaculation from Miles Hendon — not altogether unprofane — followed by:

'This doth well and truly account for his complaisance! Right well I knew he would budge nor hand nor foot in the menial service of any mortal; but Lord, even a king must obey when an archangel gives the word o' command! Let me — 'sh! What noise was that?'

All this while the king had been yonder (все это время король был там), alternately quaking with terror and trembling with hope (поочередно трясясь от страха и дрожа от надежды); and all the while, too (и все это время, также), he had thrown all the strength he could (он бросил все силы, которые мог; *to throw* — *бросать*) into his anguished moanings (на свои страдальческие стоны), constantly expecting them to reach Hendon's ear (постоянно ожидая, что они

достигнут уха Хендона: «ожидая их достигнуть...»), but always realizing, with bitterness (но все время осознавая с горечью), that they failed (что они потерпели неудачу), or at least made no impression (или, по крайней мере, не произвели никакого впечатления; *to make* — *делать*). So this last remark of his servant (так что это последнее замечание его слуги) came as comes a reviving breath (пришло, как приходит оживляющее дыхание; *to revive* — *оживлять*) from fresh fields to the dying (со свежих полей к умирающему); and he exerted himself once more (и он поднатужился: «напряг себя» еще раз), and with all his energy (и со всей своей энергией), just as the hermit was saying (прямо когда отшельник говорил):

'Noise (шум)? I heard only the wind (я слышал только ветер; *to hear* — *слышать*).'

'Mayhap it was (возможно это был = ветер). Yes, doubtless that was it (да, без сомнения, это был он = ветер). I have been hearing it faintly all the (я слышал его еле-еле все... /время/) — there it is again (вот он снова)! It is not the wind (это не ветер)! What an odd sound (какой странный звук)! Come, we will hunt it out (идем, мы разыщем его; *to hunt out* — *отыскать*; *to hunt* — *охотиться*)!'

Now, the king's joy was nearly insupportable (теперь радость короля была = стала почти невыносимой; *to support* — *поддерживать, подпирать; выносить, выдерживать*). His tired lungs did their utmost (его уставшие легкие делали все возможное; *to do* — *делать*; *utmost* — *крайний, предельный*) — and hopefully, too (и с надеждой также = к тому же) — but the sealed jaws (но зажатые челюсти; *to seal* — *запечатывать*) and the muffling sheepskin (и заглушающая овечья шкура) sadly crippled the effort (к сожалению, сводили на нет это усилие; *to cripple* — *повреждать, калечить*). Then the poor fellow's heart sank (затем сердце бедного мальчика упало; *to sink* — *опускаться*), to hear the hermit say (услышать = когда он услышал, как отшельник говорит):

'Ah, it came from without (ах, он донесся снаружи: «из вне»; *to come* — *приходить*) — I think from the corpse yonder (я думаю, из рожи вон там). Come, I will lead the way (пойдем, я покажу дорогу; *to lead* — *вести*).'

The king heard the two pass out talking (король слышал, как эти двое выходят наружу, разговаривая; *to hear* — *слышать*); heard their footsteps die quickly away (слышал, как их шаги замирают быстро; *to die away* — *замереть, гаснуть*: «умереть прочь») — then he was alone (затем он был = остался один) with a brooding, awful silence (с нависшей ужасной тишиной).

It seemed an age (это показалось веком) till he heard the steps and voices approaching again (прежде чем он услышал шаги и голоса приближающимися снова; *to hear* — *слышать*) — and this time he heard an added sound (и на этот раз он слышал добавленный = еще один звук) — the trampling of hoofs, apparently (топот копыт, очевидно). Then he heard Hendon say (затем он слышал, как Хендон говорит):

'I will not wait longer (я не буду ждать дольше). I cannot wait longer (я не могу ждать дольше). He has lost his way in this thick wood (он потерял свой путь = заблудился в этом густом лесу; *to lose* — *терять*). Which direction took he (какое направление взял он = куда он пошел; *to take* — *брать*)? Quick — point it out to me (быстро — покажи его = направление мне; *to point out* — *показывать*: «указывать наружу»).'

'He (он) — but wait (но подожди); I will go with thee (я пойду с тобой).'

'Good — good (хорошо)! Why (как же), truly thou art better than thy looks (поистине, ты лучше, чем твоя внешность). Marry, I do think there's not another archangel (черт побери, я действительно думаю: «делаю думать», что нет другого архангела) with so right a heart as thine (с таким прямым сердцем, как твое). Wilt ride (поедем верхом: «хочешь...»)? Wilt take the wee donkey (хочешь взять маленького осла) that's for my boy (который для моего мальчика), or wilt thou fork thy holy legs over (или хочешь перекинуть твои священные ноги вокруг; *to fork* — *раздваивать*) this ill-conditioned slave of a mule (этого мула, похожего на заморенного раба; *slave* — *раб*; *mule* — *мул*)

that I have provided for myself (которого я приготовил для себя)? — and had been cheated in, too (и меня надули к тому же: «я был обманут»; *to cheat* — жульничать), had he cost but (даже если бы он стоил только; *to cost* — стоить) the indifferent sum (безразличную = не имеющую значения сумму) of a month's usury on a brass farthing (месячного процента на медный фартинг) let (отданный в долг; *to let* — давать, позволять) to a tinker out of work (безработному лудильщику: «из работы»).'.

'No (нет) — ride thy mule (поезжай на своем муле), and lead thine ass (и веди своего осла); I am surer on mine own feet (я увереннее (стою) на моих собственных ногах), and will walk (и пойду пешком).'

'Then, prithee, mind the little beast for me (тогда, пожалуйста, последи за маленькой животинкой для меня) while I take my life in my hands (пока я беру свою жизнь в руки = рискую жизнью) and make what success I may (и добиваюсь того успеха, какого могу) toward mounting the big one (в том, чтобы вскарабкаться на большую).'

Then followed a confusion of kicks, cuffs, tramplings and plungings (затем последовала мешанина из пинков, ударов, топанья ногами и возни), accompanied by a thunderous intermingling of volleyed curses (сопровождавшихся громоподобной мешаниной испускаемых ругательств; *thunder* — гром; *to mingle* — смешивать(ся)), and finally a bitter apostrophe to the mule (и, наконец, горькое обращение = упрек к мулу), which must have broken its spirit (которое должно было сломить его дух = которое, наверное, сломило его дух; *to break* — ломать), for hostilities seemed to cease from that moment (так как военные действия, кажется, прекратились с этого момента; *to seem* — казаться; *to cease* — прекратить(ся); *hostility* — враждебность; *hostilities* — военные действия).

effort [ˈefət], usury [ˈju:Z(ə)rɪ], apostrophe [əˈpɒstrəfi]

All this while the king had been yonder, alternately quaking with terror and trembling with hope; and all the while, too, he had thrown all the strength he could into his anguished moanings, constantly expecting them to reach Hendon's ear, but always realizing, with bitterness, that they failed, or at least made no impression. So this last remark of his servant came as comes a reviving breath from fresh fields to the dying; and he exerted himself once more, and with all his energy, just as the hermit was saying:

'Noise? I heard only the wind.'

'Mayhap it was. Yes, doubtless that was it. I have been hearing it faintly all the — there it is again! It is not the wind! What an odd sound! Come, we will hunt it out!'

Now, the king's joy was nearly insupportable. His tired lungs did their utmost — and hopefully, too — but the sealed jaws and the muffling sheepskin sadly crippled the effort. Then the poor fellow's heart sank, to hear the hermit say: 'Ah, it came from without — I think from the copse yonder. Come, I will lead the way.'

The king heard the two pass out talking; heard their footsteps die quickly away — then he was alone with a boding, brooding, awful silence.

It seemed an age till he heard the steps and voices approaching again — and this time he heard an added sound — the trampling of hoofs, apparently.

Then he heard Hendon say:

'I will not wait longer. I cannot wait longer. He has lost his way in this thick wood. Which direction took he? Quick — point it out to me.'

'He — but wait; I will go with thee.'

'Good — good! Why, truly thou art better than thy looks. Marry, I do think there's not another archangel with so right a heart as thine. Wilt ride? Wilt take the wee donkey that's for my boy, or wilt thou fork thy holy legs over this ill-conditioned slave of a mule that I have provided for myself? — and had been cheated in, too, had he cost but the indifferent sum of a month's usury on a brass farthing let to a tinker out of work.'

'No — ride thy mule, and lead thine ass; I am surer on mine own feet, and will walk.'

'Then, prithee, mind the little beast for me while I take my life in my hands and make what success I may toward mounting the big one.'

Then followed a confusion of kicks, cuffs, tramlings and plungings, accompanied by a thunderous intermingling of volleyed curses, and finally a bitter apostrophe to the mule, which must have broken its spirit, for hostilities seemed to cease from that moment.

With unutterable misery the fettered little king (с невыразимым страданием связанный маленький король; *to utter* — издавать звук; произносить; излагать, выражать словами) heard the voices and footsteps fade away and die out (слышал, как голоса и шаги стихают и замирают; *to hear* — слышать). All hope forsook him now for the moment (вся надежда оставила его теперь на это время; *to forsake* — оставлять, покидать), and a dull despair settled down upon his heart (и унылое отчаяние водворилось в его сердце). 'My only friend is deceived (мой единственный друг обманут) and got rid of (и от него отделались; *to get rid of* — отделаться от кого-либо),' he said (он сказал); 'the hermit will return and (отшельник вернется и) —' He finished with a gasp (он закончил со вздохом); and at once fell to struggling so frantically with his bonds again (и сразу же принялся бороться так неистово со своими путами снова; *to fall to* — приниматься что-то делать: «упасть к»), that he shook off the smothering sheepskin (что он стряхнул прочь удушающую овечью шкуру; *to shake* — трясти).

And now he heard the door open (и вот он услышал, как дверь открывается; *to hear* — слышать)! The sound chilled him to the marrow (этот звук пробрал его до мозга костей; *to chill* — леденить; *marrow* — сущность, костный мозг) — already he seemed to feel (уже он, казалось, чувствовал; *to seem* — казаться) the knife at his throat (нож у своего горла). Horror made him close his eyes (ужас заставил его закрыть глаза; *to make* — делать, заставлять); horror made him

open them again (ужас заставил его открыть их снова) — and before him stood John Canty and Hugo (и перед ним стояли Джон Кэнти и Хьюго; *to stand* — *стоять*)!

He would have said (он бы сказал; *to say* — *сказать*) 'Thank God (слава Богу)!' if his jaws had been free (если бы его челюсти были свободны).

A moment or two later his limbs were at liberty (моментом или двумя = секундой-другой позже его конечности были на свободе), and his captors (а его похитители), each gripping him by an arm (каждый схвативший его за руку), were hurrying him with all speed through the forest (поторапливали его на всей = полной скорости через лес).

deceive [di'si:v], limb [lɪm], hurry [ˈhʌri]

With unutterable misery the fettered little king heard the voices and footsteps fade away and die out. All hope forsook him now for the moment, and a dull despair settled down upon his heart. 'My only friend is deceived and got rid of,' he said; 'the hermit will return and —' He finished with a gasp; and at once fell to struggling so frantically with his bonds again, that he shook off the smothering sheepskin.

And now he heard the door open! The sound chilled him to the marrow — already he seemed to feel the knife at his throat. Horror made him close his eyes; horror made him open them again — and before him stood John Canty and Hugo!

He would have said 'Thank God!' if his jaws had been free.

A moment or two later his limbs were at liberty, and his captors, each gripping him by an arm, were hurrying him with all speed through the forest.

CHAPTER XXII (Глава двадцать вторая)

A Victim of Treachery (Жертва вероломства)

ONCE more 'King Foo-foo the First' was roving with the tramps and outlaws (опять «король Фу-фу Первый» скитался с бродягами и изгоями), a butt for their coarse jests (мишень для их грубых насмешек) and dull-witted railleries (и тупоумных шуток), and sometimes the victim of small spitefulnesses (и иногда жертва небольших издевательств; *spiteful* — злобный, злой, злорадный, недоброжелательный, язвительный) at the hands of Cauty and Hugo (от рук Кэнти и Хьюго) when the Ruffler's back was turned (когда спина Атамана была повернута = когда Атаман стоял к ним спиной). None but Cauty and Hugo really disliked him (никто кроме Кэнти и Хьюго на самом деле не ненавидел его; *to dislike* — не любить). Some of the others liked him (некоторые другие любили его), and all admired his pluck and spirit (и все восхищались его отвагой и духом). During two or three days (в течение двух или трех дней), Hugo, in whose ward and charge the king was (Хьюго, на чьем попечении и заботе король находился), did what he covertly could (делал то, что он тайком мог) to make the boy uncomfortable (чтобы доставить мальчику неудобства; *uncomfortable* — испытывающий неудобства); and at night (а по ночам), during the customary orgies (во время обычных оргий), he amused the company by putting small indignities upon him (он развлекал компанию тем, что подвергал маленьким оскорблениям его; *to put* — ставить, класть) — always as if by accident (всегда как будто бы случайно: «по случаю»). Twice he stepped upon the king's toes (дважды он наступал королю на пальцы на ногах; *toe* — палец на ноге) — accidentally (случайно) — and the king, as became his royalty (а король, как подобало его королевскому сану; *to become* — подходить, идти), was contemptuously unconscious of it (был презрительно незамечающим это = не замечал) and indifferent to it (и безразличен к этому); but the third time Hugo entertained himself in that way (но в третий раз, когда Хьюго развлек себя таким образом), the king felled him to the ground with a cudgel (король сбил его на землю дубиной), to the prodigious delight of the tribe

(к непомерному веселью шайки). Hugo, consumed with anger and shame (Хьюго, объятый злостью и стыдом; *to consume* — *потреблять, пожирать, снедать*), sprang up (подскочил; *to spring* — *вскакивать; up* — *вверх*), seized a cudgel (схватил дубину), and came at his small adversary in a fury (и напал на своего маленького врага в ярости; *to come at* — *напасть: «прийти на»*).

Instantly a ring was formed around the gladiators (тотчас кольцо было образовано вокруг гладиаторов), and the betting and cheering began (и ставки и аплодисменты начались; *to cheer* — *приветствовать, ободрять, аплодировать*). But poor Hugo stood no chance whatever (но бедный Хьюго не стоял = не имел никакого шанса вообще; *to stand* — *стоять*). His frantic and lubberly 'prentice-work (его неистовая и неуклюжая ученическая работа; *prentice = apprentice* — *подмастерье, ученик*) found but a poor market for itself (нашла только бедный рынок для себя = не нашла себе успешного применения; *to find* — *найти*) when pitted against an arm (когда = будучи противопоставленной против руки; *to pit* — *складывать, стравливать, противопоставлять*) which had been trained by the first masters of Europe (которая была натренирована первейшими мастерами Европы) in single-stick, quarter-staff (в сингл-стике, квотерстаффе = во владении ими), and every art and trick of swordsmanship (и каждой хитрости и трюку = и всем тонкостям фехтовального искусства). The little king stood (маленький король стоял; *to stand* — *стоять*), alert but at graceful ease (начеку, но в изящной непринужденности = непринужденно), and caught and turned aside (и улавливал и отводил в сторону; *to catch* — *ловить; to turn* — *поворачивать*) the thick rain of blows (проливной дождь = град ударов; *thick* — *толстый*) with a facility and precision (с легкостью и точностью) which set the motley onlookers wild with admiration (что сделало разнообразных наблюдателей дикими от восхищения; *to set* — *устанавливать*); and every now and then (и постоянно: «каждое сейчас и тогда»), when his practised eye detected an opening (когда его натренированный глаз замечал щель = уязвимое место), and a lightning-swift rap upon Hugo's head followed as a result (и молниеносный

удар по голове Хьюго следовал как результат = в результате), the storm of cheers and laughter (буря ободряющих криков и хохота) that swept the place (которая охватывала место = место действия; *to sweep* — *мести, охватывать*) was something wonderful to hear (была чем-то чудесным, чтобы слышать = для слуха). At the end of fifteen minutes (в конце 15 минут = через 15 минут), Hugo, all battered, bruised (Хьюго, весь избитый, в синяках; *to bruise* — *ставит синяки*), and the target for a pitiless bombardment of ridicules (и (ставший) мишенью для безжалостной бомбардировки насмешками) left the field (покинул поле (боя); *to leave* — *покидать*); and the unscathed hero of the fight (а невредимый герой этой битвы) was seized and borne (был схвачен и понесен; *to bear* — *носить*) aloft upon the shoulders of the joyous rabble (наверху на плечах радостной толпы) to the place of honor beside the Ruffler (к месту почета = почетному месту рядом с атаманом), where with vast ceremony (где с грандиозной церемонией) he was crowned King of the Game-Cocks (он был коронован Королем Боевых петухов); his meaner title being at the same time solemnly canceled and annulled (его более неприглядный титул будучи = был в то же время торжественно отвергнут и аннулирован), and a decree of banishment from the gang pronounced against any (и указ об исключении из шайки (был) произнесен против кого-либо) who should henceforth utter it (кто с этого времени произнес бы его).

raillery [ˈreɪləri], swordsmanship [ˈso:dzmənʃɪp], precision [priˈsi:z(ə)n]

ONCE more 'King Foo-foo the First' was roving with the tramps and outlaws, a butt for their coarse jests and dull-witted railleries, and sometimes the victim of small spitefulnesses at the hands of Canty and Hugo when the Ruffler's back was turned. None but Canty and Hugo really disliked him. Some of the others liked him, and all admired his pluck and spirit. During two or three days, Hugo, in whose ward and charge the king was, did what he covertly could to make the boy uncomfortable; and at night, during the

customary orgies, he amused the company by putting small indignities upon him — always as if by accident. Twice he stepped upon the king's toes — accidentally — and the king, as became his royalty, was contemptuously unconscious of it and indifferent to it; but the third time Hugo entertained himself in that way, the king felled him to the ground with a cudgel, to the prodigious delight of the tribe. Hugo, consumed with anger and shame, sprang up, seized a cudgel, and came at his small adversary in a fury. Instantly a ring was formed around the gladiators, and the betting and cheering began. But poor Hugo stood no chance whatever. His frantic and lubberly 'prentice-work found but a poor market for itself when pitted against an arm which had been trained by the first masters of Europe in single-stick, quarter-staff, and every art and trick of swordsmanship. The little king stood, alert but at graceful ease, and caught and turned aside the thick rain of blows with a facility and precision which set the motley onlookers wild with admiration; and every now and then, when his practised eye detected an opening, and a lightning-swift rap upon Hugo's head followed as a result, the storm of cheers and laughter that swept the place was something wonderful to hear. At the end of fifteen minutes, Hugo, all battered, bruised, and the target for a pitiless bombardment of ridicule, slunk from the field; and the unscathed hero of the fight was seized and borne aloft upon the shoulders of the joyous rabble to the place of honor beside the Ruffler, where with vast ceremony he was crowned King of the Game-Cocks; his meaner title being at the same time solemnly canceled and annulled, and a decree of banishment from the gang pronounced against any who should henceforth utter it.

All attempts to make the king serviceable to the troop had failed (все попытки сделать короля полезным для банды провалились). He had stubbornly refused to act (он упорно отказывался участвовать); moreover, he was always trying to escape (более того, он постоянно пытался сбежать). He had been thrust into an

unwatched kitchen (он был впущен в неохраняемую кухню; *to thrust* — толкать, засовывать), the first day of his return (в первый день его возвращения); he not only came forth empty-handed (он не только вышел с пустыми руками; *forth* — наружу; *empty* — пустой; *hand* — рука), but tried to rouse the housemates (но попытался разбудить соседей). He was sent out with a tinker (он был послан с лудильщиком; *to send* — посылать) to help him at his work (чтобы помочь ему в его работе); he would not work (он не работал); moreover, he threatened the tinker with his own soldering-iron (более того, он угрожал лудильщику его собственным паяльным прутом); and finally both Hugo and the tinker found their hands full with the mere matter (и наконец и Хьюго, и лудильщик нашли свои руки полными единственного дела = все, что им приходилось делать, так это) of keeping him from getting away (удерживать его от побега; *to keep* — держать, хранить; *to get away* — удирать). He delivered the thunders of his royalty (он метал громы своего царственного сана; *to deliver* — доставлять, исторгать) upon the heads of all who hampered his liberties (на головы всех, кто стеснял его свободы) or tried to force him to service (или пытался принудить его служить). He was sent out (он бывал выпущен; *to send* — посылать), in Hugo's charge (под присмотром Хьюго), in company with a slatternly woman and a diseased baby (в компании неряшливой женщины и больного младенца), to beg (попрошайничать); but the result was not encouraging (но результат был не обнадеживающий) — he declined to plead for the mendicants (он уклонялся от того, чтобы молить за попрошаек), or be a party to their cause in any way (или быть участником в их деле каким бы то ни было образом).

Thus several days went by (так несколько дней прошло; *to go by* — проходить мимо); and the miseries of this tramping life (невзгоды этой бродячей жизни), and the weariness and sordidness and meanness and vulgarity of it (и утомительность, и убожество, и измененность, и пошлость ее), became gradually and steadily so intolerable to the captive (становилась постепенно и неуклонно так невыносима для маленького пленника) that he began at last to

feel (что он начал наконец чувствовать; *to begin* — *начинать*) that his release from the hermit's knife (что его избавление от ножа отшельника) must prove only a temporary respite from death, at best (должно быть, оказалось лишь временной отсрочкой смерти, в лучшем случае; *must* — *быть должным*; *to prove* — *доказывать, оказываться*).

But at night, in his dreams (но ночью, в его снах), these things were forgotten (эти вещи бывали забыты; *to forget* — *забывать*), and he was on his throne (и он был на своем троне), and master again (и властелином снова). This, of course, intensified the sufferings of the awakening (это, конечно, усиливало страдания пробуждения) — so the mortifications of each succeeding morning (так что горести каждого следующего утра) of the few that passed between his return to bondage and the combat with Hugo (из тех нескольких = дней, что прошли между его возвращением в рабство и дракой: «битвой» с Хьюго), grew bitterer (становились горше; *to grow* — *расти, становиться*), and harder and harder to bear (и тяжелее и тяжелее, чтобы переносить = их стало тяжелее переносить).

The morning after that combat (утром после той драки), Hugo got up with a heart filled with vengeful purposes against the king (Хьюго встал с мстительными намерениями против короля; *to get up* — *вставать*). He had two plans in particular (он имел два плана, в частности). One was to inflict upon the lad what would be (один был — нанести мальчику то, что было бы), to his proud spirit and 'imagined' royalty (для его гордого духа и «воображаемому» королевскому сану), a peculiar humiliation (особенным унижением); and if he failed to accomplish this (а если бы он не смог совершить это; *to fail* — *не смочь, потерпеть неудачу*), his other plan was to put a crime of some kind upon the king (его другой план был — положить = «повесить» преступление какого-либо рода на короля) and then betray him into the implacable clutches of the law (а затем предать его в неумолимые лапы закона; *clutch* — *сжатие; захват; clutches* — *когти, лапы*).

In pursuance of the first plan (для исполнения первого плана; *to pursue* — преследовать; следовать неотступно за; выполнять, совершать), he proposed to put a 'clime' upon the king's leg (он предполагал поставить «клайм» на ногу короля), rightly judging (справедливо полагая) that that would mortify him to the last and perfect degree (что это уязвит его до крайней и совершенной степени); and as soon as the clime should operate (и как только «клайм» начнет действовать), he meant to get Canty's help (он намеревался заручиться помощью Кэнти; *to mean* — иметь в виду; *to get* — раздобыть), and force the king to expose his leg in the highway (и принудить короля показывать свою ногу на большой дороге) and beg for alms (и просить подаяния). 'Clime' was the cant term for a sore («клайм» был жаргонным выражением для язвы), artificially created (искусственно созданной). To make a clime (чтобы сделать клайм), the operator made a paste or poultice of unslaked lime, soap, and the rust of old iron (изготовитель делал пасту или припарку из негашеной извести, мыла и ржавчины со старого железа), and spread it upon a piece of leather (и намазывали ее на кусок кожи), which was then bound tightly upon the leg (который был затем повязан крепко на ногу; *to bind* — вязать). This would presently fret off the skin (это бы вскоре заставило кожу слезть; *to fret* — разъедать; *off* — прочь), and make the flesh raw and angry-looking (и сделать плоть кровоточащей и воспаленной); blood was then rubbed upon the limb (кровь затем бывала растерта на конечности), which, being fully dried (которая, будучи полностью высохшей), took on a dark and repulsive color (принимала темный и отталкивающий цвет; *to take on* — принять: «взять на»). Then a bandage of soiled rags (затем бандаж из грязных лохмотьев) was put on in a cleverly careless way (бывал надет в продуманно неопрятном виде; *to put on* — надевать: «класть на») which would allow the hideous ulcer (что позволяло омерзительной язве) to be seen (быть видимой) and move the compassion of the passer-by (и вызывать сострадание прохожего; *to move* — двигать; растрогать).

serviceable [ˈsɜːvɪsəbl], vulgarity [vʌlˈgærɪtɪ], artificially [aːtɪˈfɪʃəli]

All attempts to make the king serviceable to the troop had failed. He had stubbornly refused to act; moreover, he was always trying to escape. He had been thrust into an unwatched kitchen, the first day of his return; he not only came forth empty-handed, but tried to rouse the housemates. He was sent out with a tinker to help him at his work; he would not work; moreover, he threatened the tinker with his own soldering-iron; and finally both Hugo and the tinker found their hands full with the mere matter of keeping him from getting away. He delivered the thunders of his royalty upon the heads of all who hampered his liberties or tried to force him to service. He was sent out, in Hugo's charge, in company with a slatternly woman and a diseased baby, to beg; but the result was not encouraging — he declined to plead for the mendicants, or be a party to their cause in any way.

Thus several days went by; and the miseries of this tramping life, and the weariness and sordidness and meanness and vulgarity of it, became gradually and steadily so intolerable to the captive that he began at last to feel that his release from the hermit's knife must prove only a temporary respite from death, at best.

But at night, in his dreams, these things were forgotten, and he was on his throne, and master again. This, of course, intensified the sufferings of the awakening — so the mortifications of each succeeding morning of the few that passed between his return to bondage and the combat with Hugo, grew bitterer, and harder and harder to bear.

The morning after that combat, Hugo got up with a heart filled with vengeful purposes against the king. He had two plans in particular. One was to inflict upon the lad what would be, to his proud spirit and 'imagined' royalty, a peculiar humiliation; and if he failed to accomplish this, his other plan was to put a crime of some kind upon the king and then betray him into the implacable clutches of the law.

In pursuance of the first plan, he proposed to put a 'clime' upon the king's leg, rightly judging that that would mortify him to the last and perfect degree; and as soon as the clime should operate, he meant to get Canty's help, and *force* the king to expose his leg in the highway and beg for alms. 'Clime' was the cant term for a sore, artificially created. To make a clime, the operator made a paste or poultice of unslaked lime, soap, and the rust of old iron, and spread it upon a piece of leather, which was then bound tightly upon the leg. This would presently fret off the skin, and make the flesh raw and angry-looking; blood was then rubbed upon the limb, which, being fully dried, took on a dark and repulsive color. Then a bandage of soiled rags was put on in a cleverly careless way which would allow the hideous ulcer to be seen and move the compassion of the passer-by.

Hugo got the help of the tinker (Хьюго получил помощь = взял себе в помощь того ремесленника; *to get* — *раздобыть*) whom the king had cowed with the soldering-iron (которого король усмирлял паяльным прутом); they took the boy out on a tinkering tramp (они взяли мальчика на ремесленную прогулку = на работу бродячего лудильщика; *to take* — *брать*), and as soon as they were out of sight of the camp (и как только они оказались вне видимости лагеря) they threw him down (они бросили его вниз = на землю; *to throw* — *бросать*) and the tinker held him (и ремесленник держал его; *to hold* — *держат*) while Hugo bound the poultice (пока Хьюго повязывал припарку; *to bind* — *вязать*) tight and fast upon his leg (крепко и прочно на его ногу).

The king raged and stormed (король гневался и бушевал), and promised to hang the two (и обещал повесить обоих) the moment the scepter was in his hand again (в момент = когда скипетр будет в его руке снова); but they kept a firm grip upon him (но они держали крепкую хватку на нем; *to keep* — *держат*, *хранить*) and enjoyed his impotent struggling (и наслаждались его беспомощной борьбой) and jeered at his threats (и насмехались над его угрозами). This continued until the poultice began to bite (это продолжалось,

пока припарка не начала кусаться; *to begin* — *начинать*); and in no long time its work would have been perfected (и в недолгое время ее работа была бы завершена), if there had been no interruption (если бы не было помехи). But there was (но была = она); for about this time (ибо около этого времени) the 'slave' who had made the speech denouncing England's laws («раб», который произнес речь, осуждающую английские законы), appeared on the scene (появился на сцене = на месте происшествия) and put an end to the enterprise (и положил конец предприятию; *to put* — *класть*), and stripped off the poultice and bandage (и содрал припарку и бандаж).

The king wanted to borrow his deliverer's cudgel (король хотел позаимствовать дубину своего освободителя) and warm the jackets of the two rascals (и взгреть двоих негодяев; *to warm* — *греть*; *jacket* — *шкура, куртка*) on the spot (/прямо/ на месте); but the man said no (но этот человек сказал: нет), it would bring trouble (это принесло бы проблемы) — leave the matter till night (оставь это дело до ночи); the whole tribe being together, then (когда вся шайка будет вместе тогда), the outside world would not venture to interfere or interrupt (внешний мир не осмелился бы вмешаться или помешать). He marched the party back to camp (он отвел компанию назад в лагерь) and reported the affair to the Ruffler (и сообщил о деле атаману), who listened, pondered (который выслушал, поразмышлял), and then decided that the king should not be again detailed to beg (и затем решил, что король не должен быть снова назначен попрошайничать), since it was plain (так как было ясно) he was worthy of something higher and better (что он был достоин чего-то высшего и лучшего) — wherefore, on the spot he promoted him (с каковой целью прямо на месте он и повысил его) from the mendicant rank (с попрошайнического ранга) and appointed him to steal (и назначил его воровать)!

Hugo was overjoyed (Хьюго был вне себя от радости; *to overjoy* — *чрезмерно радоваться*). He had already tried to make the king steal (он уже пытался заставить короля воровать), and failed (и потерпел неудачу); but there would be no more trouble of that sort now (но не будет больше проблем такого рода

теперь), for, of course, the king would not dream of defying a distinct command (ибо, конечно, король и не мечтал бы о том, чтобы пренебречь явным приказом) delivered directly from headquarters (данный напрямую из штаба). So he planned a raid (так что он запланировал рейд) for that very afternoon (на этот самый день), purposing to get the king in the law's grip in the course of it (намереваясь заманить короля в тиски закона в ходе его); and to do it, too (и сделать это, к тому же), with such ingenious strategy (таким изобретательным способом), that it should seem to be accidental and unintentional (что это показалось бы быть случайным и непреднамеренным); for the King of the Game-Cocks was popular now (ибо Король Боевых петухов был популярен теперь = был общим любимцем), and the gang might not deal over-gently with an unpopular member (и банда обошлась бы не слишком мягко с непопулярным участником) who played so serious a treachery upon him (который сыграл бы = совершил бы такое серьезное предательство по отношению к нему: «на него») as the delivering him over to the common enemy, the law (как предание его их общему врагу, закону; *to deliver over* — передавать; выдавать).

poultice [ˈpʊltɪs], interfere [ɪntəˈfɪə], defy [dɪˈfaɪ], treachery [ˈtreɪʃ(ə)rɪ]

Hugo got the help of the tinker whom the king had cowed with the soldering-iron; they took the boy out on a tinkering tramp, and as soon as they were out of sight of the camp they threw him down and the tinker held him while Hugo bound the poultice tight and fast upon his leg.

The king raged and stormed, and promised to hang the two the moment the scepter was in his hand again; but they kept a firm grip upon him and enjoyed his impotent struggling and jeered at his threats. This continued until the poultice began to bite; and in no long time its work would have been perfected, if there had been no interruption. But there was; for about this time the 'slave' who had made the speech denouncing England's laws,

appeared on the scene and put an end to the enterprise, and stripped off the poultice and bandage.

The king wanted to borrow his deliverer's cudgel and warm the jackets of the two rascals on the spot; but the man said no, it would bring trouble — leave the matter till night; the whole tribe being together, then, the outside world would not venture to interfere or interrupt. He marched the party back to camp and reported the affair to the Ruffler, who listened, pondered, and then decided that the king should not be again detailed to beg, since it was plain he was worthy of something higher and better — wherefore, on the spot he promoted him from the mendicant rank and appointed him to steal!

Hugo was overjoyed. He had already tried to make the king steal, and failed; but there would be no more trouble of that sort now, for, of course, the king would not dream of defying a distinct command delivered directly from headquarters. So he planned a raid for that very afternoon, purposing to get the king in the law's grip in the course of it; and to do it, too, with such ingenious strategy, that it should seem to be accidental and unintentional; for the King of the Game-Cocks was popular now, and the gang might not deal over-gently with an unpopular member who played so serious a treachery upon him as the delivering him over to the common enemy, the law.

Very well (очень хорошо). All in good time (в надлежащее время) Hugo strolled off to a neighboring village (Хьюго прогулялся в соседнюю деревню) with his prey (со своей жертвой); and the two drifted slowly (и эти оба тащились медленно) up and down one street after another (вверх-вниз = туда-сюда по одной улице за другой), the one watching sharply for a sure chance to achieve his evil purpose (один — высматривая зорко верный шанс достичь своей злой цели), and the other watching as sharply for a chance to dart away (а другой — высматривая так же зорко возможность рвануть прочь) and get free of his infamous captivity forever (и сделаться свободным = освободиться от своего бесславного рабства навсегда).

Both threw away some tolerably fair-looking opportunities (оба отбросили некоторые довольно удачно выглядевшие возможности); for both (так как оба), in their secret hearts (в своих тайных сердцах = в глубине души), were resolved to make absolutely sure work this time (были настроены сделать абсолютно верную работу на этот раз), and neither meant to allow his fevered desires (и ни один (из них) не намеревался позволить своим лихорадочным желаниям; *to mean* — иметь в виду, намереваться) to seduce him into any venture (соблазнить его на какое-либо предприятие) that had much uncertainty about it (которое имело много сомнительности в себе).

Hugo's chance came first (возможность для Хьюго пришла первой). For at last a woman approached (ибо наконец одна женщина приблизилась) who carried a fat package of some sort in a basket (которая несла толстый тюк какого-то рода = какой-то толстый тюк в корзине). Hugo's eyes sparkled with sinful pleasure (глаза Хьюго сверкнули грешным удовольствием; *sin* — грех) as he said to himself (пока он говорил себе), 'Breath o' my life (дыхание моей жизни = клянусь жизнью), an I can but put that upon him (если я смогу только «повесить» это на него), 'tis good-den (это удача: «доброе укрытие») and God keep thee, King of the Game-Cocks (и Бог храни тебя, Король Боевых петухов)!' He waited and watched (он ждал и наблюдал) — outwardly patient (внешне невозмутимый), but inwardly consuming with excitement (но внутренне снедаемый возбуждением) — till the woman had passed by (пока женщина не прошла мимо), and the time was ripe (и время не стало подходящим: «зрелым»); then said, in a low voice (затем сказал, тихим голосом); 'Tarry here (жди здесь) till I come again (пока я не вернусь: «приду снова»),' and darted stealthily after the prey (и пустился украдкой за жертвой). The king's heart was filled with joy (сердце короля было теперь наполнено радостью) — he could make his escape now (он мог совершить свой побег сейчас), if Hugo's quest only carried him far enough away (если бы только стремление Хьюго занесло его достаточно далеко прочь; *only* — только; *enough* — достаточно).

But he was to have no such luck (но ему не суждено было такой удачи: «он не был иметь такой удачи»). Hugo crept behind the woman (Хьюго подкрался сзади к женщине; *to creep*), snatched the package (схватил тюк), and came running back (и побежал: «пришел бегом» назад), wrapping it in an old piece of blanket (завернув его в старый кусок одеяла) which he carried on his arm (который он нес на своей руке). The hue and cry (крики «держи вора»: «возглас и крик») was raised in a moment by the woman (были подняты в момент женщиной), who knew her loss by the lightening of her burden (которая узнала о своей потере по облегчению своей ноши; *to know* — *знать*), although she had not seen the pilfering done (хотя она не видела кражу сделанной = как кража была совершена). Hugo thrust the bundle into the king's hands (Хьюго сунул узел в руки королю; *to thrust* — *совать, толкать*) without halting (не останавливаясь), saying (говоря):

'Now speed ye after me with the rest (теперь поспеши за мной с остальными), and cry (и кричи) "Stop thief (держи вора)!" but mind ye lead them astray (но смотри, сбей их со следа: «поведи их с пути»).'

The next moment Hugo turned a corner (в следующий момент Хьюго завернул за угол) and darted down a crooked alley (и пустился вниз по искривленному переулку) — and in another moment or two (и в следующую минуту-другую) he lounged into view again (он забрел в поле зрения снова), looking innocent and indifferent (выглядев невинным и безразличным), and took up a position behind a post to watch results (и занял позицию за столбом, чтобы смотреть за результатом).

The insulted king threw the bundle on the ground (оскорбленный король бросил узел на землю; *to throw* — *бросать*); and the blanket fell away from it just as the woman arrived (и одеяло свалилось с него, прямо когда женщина прибежала; *to fall* — *падать*), with an augmenting crowd at her heels (с растущей толпой у нее по пятам = за ней); she seized the king's wrist with one hand (она схватила короля за запястье одной рукой), snatched up her bundle with the other (подхватила свой узел другой), and began to pour out a tirade of abuse upon the

boy (и начала изливать тираду оскорблений на мальчика) while he struggled (пока он боролся), without success (без успеха), to free himself from her grip (чтобы освободить себя от ее хватки).

Hugo had seen enough (Хьюго видел достаточно) — his enemy was captured (его враг был пленен) and the law would get him now (и закон получил бы его теперь) — so he slipped away (так что он ускользнул прочь), jubilant and chuckling (ликующий и хихикающий) and wended campward (и направился к лагерю; *to wend* — направляться; *-ward* — по направлению к), framing a judicious version of the matter (разрабатывая благоразумную версию события) to give to the Ruffler's crew (чтобы дать (ее) команде атамана) as he strode along (пока он шагал дальше; *to stride* — шагать).

hue [hju:], halt [h0:lt], judicious [Gu:ˈdɪʃəs]

Very well. All in good time Hugo strolled off to a neighboring village with his prey; and the two drifted slowly up and down one street after another, the one watching sharply for a sure chance to achieve his evil purpose, and the other watching as sharply for a chance to dart away and get free of his infamous captivity forever.

Both threw away some tolerably fair-looking opportunities; for both, in their secret hearts, were resolved to make absolutely sure work this time, and neither meant to allow his fevered desires to seduce him into any venture that had much uncertainty about it.

Hugo's chance came first. For at last a woman approached who carried a fat package of some sort in a basket. Hugo's eyes sparkled with sinful pleasure as he said to himself, 'Breath o' my life, an I can but put that upon him, 'tis good-den and God keep thee, King of the Game-Cocks!' He waited and watched — outwardly patient, but inwardly consuming with excitement — till the woman had passed by, and the time was ripe; then said, in a low voice; 'Tarry here till I come again,' and darted stealthily after the prey.

The king's heart was filled with joy — he could make his escape now, if Hugo's quest only carried him far enough away.

But he was to have no such luck. Hugo crept behind the woman, snatched the package, and came running back, wrapping it in an old piece of blanket which he carried on his arm. The hue and cry was raised in a moment by the woman, who knew her loss by the lightening of her burden, although she had not seen the pilfering done. Hugo thrust the bundle into the king's hands without halting, saying:

'Now speed ye after me with the rest, and cry "Stop thief!" but mind ye lead them astray.'

The next moment Hugo turned a corner and darted down a crooked alley — and in another moment or two he lounged into view again, looking innocent and indifferent, and took up a position behind a post to watch results.

The insulted king threw the bundle on the ground; and the blanket fell away from it just as the woman arrived, with an augmenting crowd at her heels; she seized the king's wrist with one hand, snatched up her bundle with the other, and began to pour out a tirade of abuse upon the boy while he struggled, without success, to free himself from her grip.

Hugo had seen enough — his enemy was captured and the law would get him now — so he slipped away, jubilant and chuckling and wended campward, framing a judicious version of the matter to give to the Ruffler's crew as he strode along.

The king continued to struggle in the woman's grasp (король продолжал бороться в хватке = руках женщины), and now and then cried out (и время от времени: «сейчас и тогда» выкрикивал), in vexation (в раздражении):

'Unhand me, thou foolish creature (отпусти меня, ты, глупое создание); it was not I that bereaved thee of thy paltry goods (это был не я, кто лишил тебя твоего жалкого добра).'

The crowd closed around (толпа сомкнулась вокруг), threatening the king and calling him names (угрожая королю и называя его /разными/ именами = обзывая его); a brawny blacksmith in leather apron (дюжий кузнец в кожаном фартуке), and sleeves rolled to his elbows (и рукавами, закатанными до его локтей), made a reach for him (потянулся к нему: «сделал протягивание руки за ним»), saying he would trounce him well (говоря, что он бы отделал его хорошенько), for a lesson (для урока = чтобы ему впредь неповадно было); but just then a long sword flashed in the air (но тут длинная шпага сверкнула в воздухе) and fell with convincing force upon the man's arm (и обрушилась с убедительной силой на руку этого человека; *to fall* — *падать*), flat-side down (плашмя: «плоской стороной вниз»), the fantastic owner of it remarking, pleasantly at the same time (а диковинный владелец ее = шпаги заметил, дружелюбно в то же время):

'Marry, good souls (погодите, добрые люди), let us proceed gently (давайте действовать мягко), not with ill blood and uncharitable words (не со злобой и нелицеприятными словами). This is matter for the law's consideration (это дело — для рассмотрения законом), not private and unofficial handling (не для частного и неофициального разбирательства). Loose thy hold from the boy, goodwife (сними свою хватку с мальчика, добрая женщина).'

The blacksmith averaged the stalwart soldier with a glance (кузнец смерил доблестного воина взглядом), then went muttering away (затем ушел бормоча прочь; *to go* — *уходить*), rubbing his arm (потирая свою руку); the woman released the boy's wrist reluctantly (женщина отпустила запястье мальчика неохотно); the crowd eyed the stranger unlovingly (толпа глазела на незнакомца неприязненно), but prudently closed their mouths (но благоразумно закрыли свои рты). The king sprang to his deliverer's side (король бросился к своему избавителю; *to spring* — *прыгнуть*; *side* — *сторона, бок*), with flushed cheeks and sparkling eyes exclaiming (с горящими щеками и сверкающими глазами, восклицая):

'Thou hast lagged sorely (ты медлил крайне), but thou comest in good season now, Sir Miles (но ты приходишь в хорошее время сейчас = вовремя сейчас, сэръ Майлс); carve me this rabble to rags (изруби мне этот сброд в лохмотья)!'

bereave [bɪˈri:v], prudently [ˈpru:dəntli], sorely [ˈsɔ:lɪ]

The king continued to struggle in the woman's grasp, and now and then cried out, in vexation:

'Unhand me, thou foolish creature; it was not I that bereaved thee of thy paltry goods.'

The crowd closed around, threatening the king and calling him names; a brawny blacksmith in leather apron, and sleeves rolled to his elbows, made a reach for him, saying he would trounce him well, for a lesson; but just then a long sword flashed in the air and fell with convincing force upon the man's arm, flat-side down, the fantastic owner of it remarking, pleasantly at the same time:

'Marry, good souls, let us proceed gently, not with ill blood and uncharitable words. This is matter for the law's consideration, not private and unofficial handling. Loose thy hold from the boy, goodwife.'

The blacksmith averaged the stalwart soldier with a glance, then went muttering away, rubbing his arm; the woman released the boy's wrist reluctantly; the crowd eyed the stranger unlovingly, but prudently closed their mouths. The king sprang to his deliverer's side, with flushed cheeks and sparkling eyes exclaiming:

'Thou hast lagged sorely, but thou comest in good season now, Sir Miles; carve me this rabble to rags!'

CHAPTER XXIII (Глава двадцать третья)

The Prince a Prisoner (Принц как заключенный)

HENDON forced back a smile (Хендон сдержал улыбку; *to force back* — *подавить, сдержать*: «заставить назад»), and bent down (и наклонился; *to bend down* — *наклоняться*: «гнуть вниз») and whispered in the king's ear (и прошептал королю на ухо):

'Softly, softly my prince (помягче, мягче, мой король), wag thy tongue warily (шевели своим языком осмотрительно) — nay, suffer it not to wag at all (нет, потерпи, чтобы он не двигался вообще = помолчи). Trust in me (доверься мне) — all shall go well in the end (все пойдет хорошо в конце концов).' Then he added, to himself (затем он прибавил, сам себе): 'Sir Miles (сэр Майлс)! Bless me, I had totally forgot I was a knight (благослови меня = Боже правый, я совершенно забыл, что я рыцарь; *to forget* — *забывать*)! Lord how marvelous a thing it is (Боже, какая это замечательная вещь), the grip his memory doth take upon his quaint and crazy fancies (то, как его память удерживает его необычные и сумасшедшие фантазии; *grip* — *хватка*; *to take* — *брать*)!... An empty and foolish title is mine (пустой и глупый титул — мой), and yet it is something to have deserved it (и все же это что-то = это не пустой звук — заслужить его; *to deserve* — *заслужить*), for I think (ибо, я думаю) it is more honor to be held worthy (больше чести — считаться достойным; *to hold* — *держат*) to be a specter-knight in his Kingdom of Dreams and Shadows (быть призрачным рыцарем в его Царстве Снов и Теней), than to be held base enough (чем считаться низким достаточно) to be an earl in some of the *real* kingdoms of this world (чтобы быть графом в каком-нибудь из настоящих королевств этого мира).'

The crowd fell apart (толпа рассыпалась: «распалась на части»; *to fall* — *падать*) to admit a constable, who approached (чтобы пропустить констебля, который приближался) and was about (и собирался = был около) to lay his hand upon the king's shoulder (положить свою руку королю на плечо), when Hendon said (когда Хендон сказал):

'Gently, good friend (полегче, добрый друг), withhold your hand (придержи свою руку) — he shall go peaceably (он пойдет мирно = сам); I am responsible for that (я ответственный = отвечаю за это). Lead on, we will follow (веди, мы последуем).'

The officer led, with the woman and her bundle (офицер повел, с женщиной и ее узлом; *to lead* — *вести*); Miles and the king followed after (Майлс и король последовали за = за ними), with the crowd at their heels (с толпой у их пяток = следующей за ними по пятам). The king was inclined to rebel (король был склонен взбунтоваться); but Hendon said to him in a low voice (но Хендон сказал ему тихим голосом):

'Reflect, sire (поразмысли, сир) — your laws are the wholesome breath of your own royalty (твои законы — это благодетельное дыхание твоего собственного королевского сана); shall their source reject them (будет ли их источник отвергать их), yet require the branches to respect them (и требовать, чтобы ручейки/ответвления = другие люди уважали их)? Apparently, one of these laws has been broken (очевидно, один из этих законов был нарушен; *to break* — *ломать*); when the king is on his throne again (когда король на своем троне опять), can it ever grieve him (может ли это когда-либо огорчить его) to remember that when he was seemingly a private person (вспомнить, что когда он был на вид частным лицом) he loyally sunk the king in the citizen (он законопослушно потопил короля в гражданине = поставил гражданина превыше короля; *to sink* — *тонить, тонуть*) and submitted to its authority (и подчинился его власти)?'

'Thou art right (ты прав); say no more (не говори более); thou shalt see (ты увидишь) that whatsoever the king of England requires a subject to suffer under the law (что чего бы король Англии ни требовал от подданного вынести в соответствии с законом: «под законом»), he will himself suffer (он сам вытерпит) while he holdeth the station of a subject (пока занимает статус подданного).'

When the woman was called upon to testify before the justice of the peace (когда женщина была призвана, чтобы свидетельствовать = давать показания перед мировым судьей: «судьей мира»), she swore (она поклялась; *to swear* — *клясться*) that the small prisoner at the bar (что маленький заключенный на суде) was the person who had committed the theft (был человеком, который совершил кражу); there was none able to show the contrary (не было никого, способного показать противоположное), so the king stood convicted (так что король стоял = был приговорен; *to stand* — *стоять*). The bundle was now unrolled (узел был теперь развернут), and when the contents proved to be a plump little dressed pig (и когда его содержимое оказалось пухлым маленьким разделанным поросенком), the judge looked troubled (судья выглядел озадаченным), while Hendon turned pale (а Хендон стал бледным = побледнел; *to turn* — *поворачивать(ся)*, *становиться*), and his body was thrilled with an electric shiver of dismay (и его тело было объято электрической дрожью испуга); but the king remained unmoved (но король остался недвижим), protected by his ignorance (защищенный своим неведением). The judge meditated (судья поразмышлял), during an ominous pause (в течение зловещей паузы), then turned to the woman, with question (затем повернулся к женщине с вопросом):

'What dost thou hold this property to be worth (во что ты оцениваешь эту собственность: «чего держишь ты эту собственность стоящей»)?'

The woman courtesied and replied (женщина сделала реверанс и ответила):

'Three shillings and eightpence, your worship (три шиллинга и восемь пенсов, ваша честь) — I could not abate a penny (я не могла бы сбавить ни пенни) and set forth the value honestly (и установить цену честно).'

The justice glanced around uncomfortably upon the crowd (судья взглянул вокруг тревожно на толпу), then nodded to the constable and said (затем кивнул констеблю и сказал):

'Clear the court and close the doors (очистите зал суда и закройте двери).'

quaint [kweɪnt], authority [o:ˈθɔrɪti], judge [GAG]

HENDON forced back a smile, and bent down and whispered in the king's ear:

'Softly, softly my prince, wag thy tongue warily — nay, suffer it not to wag at all. Trust in me — all shall go well in the end.' Then he added, to himself: **'Sir Miles! Bless me, I had totally forgot I was a knight! Lord how marvelous a thing it is, the grip his memory doth take upon his quaint and crazy fancies!... An empty and foolish title is mine, and yet it is something to have deserved it, for I think it is more honor to be held worthy to be a specter-knight in his Kingdom of Dreams and Shadows, than to be held base enough to be an earl in some of the *real* kingdoms of this world.'**

The crowd fell apart to admit a constable, who approached and was about to lay his hand upon the king's shoulder, when Hendon said:

'Gently, good friend, withhold your hand — he shall go peaceably; I am responsible for that. Lead on, we will follow.'

The officer led, with the woman and her bundle; Miles and the king followed after, with the crowd at their heels. The king was inclined to rebel; but Hendon said to him in a low voice:

'Reflect, sire — your laws are the wholesome breath of your own royalty; shall their source reject them, yet require the branches to respect them? Apparently, one of these laws has been broken; when the king is on his throne again, can it ever grieve him to remember that when he was seemingly a private person he loyally sunk the king in the citizen and submitted to its authority?'

'Thou art right; say no more; thou shalt see that whatsoever the king of England requires a subject to suffer under the law, he will himself suffer while he holdeth the station of a subject.'

When the woman was called upon to testify before the justice of the peace, she swore that the small prisoner at the bar was the person who had committed

the theft; there was none able to show the contrary, so the king stood convicted. The bundle was now unrolled, and when the contents proved to be a plump little dressed pig, the judge looked troubled, while Hendon turned pale, and his body was thrilled with an electric shiver of dismay; but the king remained unmoved, protected by his ignorance. The judge meditated, during an ominous pause, then turned to the woman, with question:

'What dost thou hold this property to be worth?'

The woman courtesied and replied:

'Three shillings and eightpence, your worship — I could not abate a penny and set forth the value honestly.'

The justice glanced around uncomfortably upon the crowd, then nodded to the constable and said:

'Clear the court and close the doors.'

It was done (это было сделано). None remained but the two officials (никто не остался, кроме двух чиновников), the accused (обвиняемого), the accuser (обвинителя), and Miles Hendon (и Майлса Хендона). This latter was rigid and colorless (этот последний был застывшим и бесцветным = краска сошла с лица), and on his forehead big drops of cold sweat gathered (и на его лбу большие капли холодного пота собирались), broke and blended together (разбивались и смешивались вместе; *to break* — *ломать(ся)*), and trickled down his face (и стекали вниз по его лицу). The judge turned to the woman again (судья повернулся к женщине снова), and said (и сказал), in a compassionate voice (и сказал сострадательным голосом):

"Tis a poor ignorant lad (это бедный невежественный мальчик), and mayhap was driven hard by hunger (и, быть может, был движим сильно голодом; *to drive* — *вести, двигать*), for these be grievous times for the unfortunate (ибо эти = ныне тяжелые времена для неудачливых; *to grieve* — *горевать*); mark you (заметь), he hath not an evil face (он имеет не злое лицо) — but when hunger driveth (но когда голод преследует) — Good woman (добрая женщина)! dost

know (знаешь ли ты) that when one steals a thing (что когда кто-то крадет вещь) above the value of thirteen pence ha'penny (выше стоимости 13 пенсов и полпенса) the law saith he shall hang for it (закон говорит, что он должен висеть = быть повешенным за это)?'

The little king started (маленький король вздрогнул), wide-eyed with consternation (с широко раскрытыми глазами от ужаса), but controlled himself and held his peace (но взял себя в руки и сохранил молчание; *to hold* — *держат*); but not so the woman (но не так /поступила/ женщина). She sprang to her feet (она вскочила на ноги; *to spring* — *вспрыгнуть*), shaking with fright (трясаясь от страха) and cried out (и выкрикнула):

'Oh, good lack, what have I done (о Боже, что я наделала)! God-a-mercy (Господи Боже), I would not hang the poor thing for the whole world (я бы не повесила бедняжку ради целого мира; *poor* — *бедный*; *thing* — *вещь*, *существо*)! Ah, save me from this, your worship (ах, спасите меня от этого, ваша честь) — what shall I do (что буду я делать), what *can* I do (что могу я сделать)?'

The justice maintained his judicial composure (судья удержал свое рассудительное спокойствие), and simply said (и просто сказал):

'Doubtless it is allowable to revise the value (несомненно, позволительно пересмотреть стоимость), since it is not yet writ upon the record (так как она пока не записана в протоколе; *writ* — *устар. вместо written om to write* — *писать*).'

'Then in God's name call the pig eightpence (тогда во Имя Божье назовите поросенка восьмипенсовым), and heaven bless the day (и Небо да благословит тот день) that freed my conscience of this awesome thing (который освободил мою совесть от этой ужасной вещи)!'

Miles Hendon forgot all decorum in his delight (Майлс Хендон забыл всю благопристойность в своей радости; *to forget* — *забывать*); and surprised the king and wounded his dignity (и удивил короля и уязвил его достоинство) by

throwing his arms around him and hugging him (тем, что бросил свои руки вокруг него = обнял и сжал его в объятиях).

The woman made her grateful adieux (женщина совершила свое благодарное прощание) and started away with her pig (и направилась прочь со своим поросенком); and when the constable opened the door for her (а когда констебль открывал дверь для нее), he followed her out into the narrow hall (он последовал за ней наружу в узкий холл). The justice proceeded to write in his record-book (судья продолжал писать в своем журнале). Hendon, always alert (Хендон, всегда начеку), thought he would like to know (подумал, что он хотел бы узнать; *to think* — думать; *would like* — хотел бы: «понравилось бы») why the officer followed the woman out (почему чиновник проводил женщину наружу); so he slipped softly into the dusky hall and listened (так что он выскользнул мягко в сумрачный холл и прислушался). He heard a conversation to this effect (он услышал разговор такого содержания; *to hear* — слышать): 'It is a fat pig (это жирный поросенок), and promises good eating (и обещает хорошую еду); I will buy it of thee (я куплю его у тебя); here is the eightpence (вот восьмипенсовик).'

'Eightpence, indeed (восьмипенсовик, в самом деле)! Thou'lt do no such thing (ты не сделаешь такой вещи). It cost me three shillings and eightpence (она стоила мне три шиллинга и восемь пенсов; *to cost* — стоить), good honest coin of the last reign (хорошая честная монета последнего короля), that old Harry that's just dead (этот старый Гарри, который только что умер: «есть только что умерший») ne'er touched nor tampered with (никогда не трогал и не мошенничал с = деньгами). A fig for thy eightpence (фигу за твои восемь пенсов)!'

'Stands the wind in that quarter (поднялся вздор: «ветер» в этом районе = вот как ты заговорила)? Thou wast under oath (ты была под присягой), and so swore falsely (и так поклялась неправедно; *to swear* — клясться) when thou saidst the value was but eightpence (когда ты сказала, что стоимость была только восемь пенсов). Come straightway back with me before his worship (иди

прямо назад со мной перед лицо его чести), and answer for the crime (и отвечай за преступление)! — and then the lad will hang (а потом мальчик будет висеть = повешен).'

'There, there (ладно, ладно), dear heart (дорогое сердце = мил человек), say no more (не говори больше), I am content (я довольна). Give me the eightpence (дай мне восьмипенсовик), and hold thy peace about the matter (и храни молчание об этом деле).'

official [əˈfɪʃəl], awesome [ˈɔ:səm], promise [ˈprɒmɪs]

It was done. None remained but the two officials, the accused, the accuser, and Miles Hendon. This latter was rigid and colorless, and on his forehead big drops of cold sweat gathered, broke and blended together, and trickled down his face. The judge turned to the woman again, and said, in a compassionate voice:

'Tis a poor ignorant lad, and mayhap was driven hard by hunger, for these be grievous times for the unfortunate; mark you, he hath not an evil face — but when hunger driveth — Good woman! dost know that when one steals a thing above the value of thirteen pence ha'penny the law saith he shall hang for it?'

The little king started, wide-eyed with consternation, but controlled himself and held his peace; but not so the woman. She sprang to her feet, shaking with fright and cried out:

'Oh, good lack, what have I done! God-a-mercy, I would not hang the poor thing for the whole world! Ah, save me from this, your worship — what shall I do, what *can* I do?'

The justice maintained his judicial composure, and simply said:

'Doubtless it is allowable to revise the value, since it is not yet writ upon the record.'

'Then in God's name call the pig eightpence, and heaven bless the day that freed my conscience of this awesome thing!'

Miles Hendon forgot all decorum in his delight; and surprised the king and wounded his dignity by throwing his arms around him and hugging him.

The woman made her grateful adieux and started away with her pig; and when the constable opened the door for her, he followed her out into the narrow hall. The justice proceeded to write in his record-book. Hendon, always alert, thought he would like to know why the officer followed the woman out; so he slipped softly into the dusky hall and listened. He heard a conversation to this effect:

'It is a fat pig, and promises good eating; I will buy it of thee; here is the eightpence.'

'Eightpence, indeed! Thou'lt do no such thing. It cost me three shillings and eightpence, good honest coin of the last reign, that old Harry that's just dead ne'er touched nor tampered with. A fig for thy eightpence!'

'Stands the wind in that quarter? Thou wast under oath, and so swore falsely when thou saidst the value was but eightpence. Come straightway back with me before his worship, and answer for the crime! — and then the lad will hang.'

'There, there, dear heart, say no more, I am content. Give me the eightpence, and hold thy peace about the matter.'

The woman went off crying (женщина ушла прочь, плача); Hendon slipped back into the courtroom (Хендон скользнул обратно в зал суда), and the constable presently followed (и констебль вскоре последовал), after hiding his prize (спрятав свой трофей; *after* — *после*; *to hide* — *прятать*) in some convenient place (в каком-то подходящем месте). The justice wrote a while longer (судья писал еще некоторое время: «некоторое время дольше»; *to write* — *писать*), then read the king a wise and kindly lecture (затем прочел королю мудрую и добрую лекцию; *to read* — *читать*), and sentenced him to a short imprisonment

in the common jail (и приговорил его к короткому заключению в общей тюрьме), to be followed (за которой последует: «чтобы быть последованной») by a public flogging (публичная порка; *to flog* — *пороть*). The astounded king opened his mouth (потрясенный король открыл свой рот) and was probably going to order (и, вероятно, собирался приказать; *to be going to* — *собираться*) the good judge to be beheaded on the spot (чтобы добрый судья был обезглавлен тут же); but he caught a warning sign from Hendon (но он уловил предупредительный знак от Хендона; *to catch* — *ловить*; *to warn* — *предостерегать*), and succeeded in closing his mouth again (и смог закрыть свой рот снова: «преуспел в закрывании...») before he lost anything out of it (прежде чем он потерял что-либо из него = проронил хоть слово; *to lose* — *терять*). Hendon took him by the hand (Хендон взял его за руку; *to take* — *брать*), now made reverence to the justice (теперь = затем отдал поклон судье), and the two departed in the wake of the constable (и оба удалились вслед за констеблем; *wake* — *кильватер, след*) toward the jail (к тюрьме). The moment the street was reached (в момент /когда/ улица была достигнута = когда они вышли на улицу), the inflamed monarch halted (воспламененный = взбешенный монарх остановился), snatched away his hand (выхватил прочь свою руку), and exclaimed (и воскликнул):

'Idiot, dost imagine (идиот, воображаешь ли ты) I will enter a common jail alive (что я когда-либо войду в общую тюрьму живым)?'

Hendon bent down (Хендон наклонился; *to bend down* — *наклоняться*: «гнутья вниз») and said, somewhat sharply (и сказал несколько резко):

'Will you trust in me (доверишься ли ты мне)? Peace (тишина = тихо)! and forbear to worsen our chances (и воздержись от того, чтобы ухудшить = уменьшить наши шансы) with dangerous speech (опасными речами). What God wills, will happen (чего Бог пожелает, случится); thou canst not hurry it (ты не можешь поторопить это), thou canst not alter it (ты не можешь изменить это); therefore wait (следовательно, жди); and be patient (и будь терпелив) — 'twill be time enow to rail or rejoice (будет времени достаточно, чтобы жаловаться

или ликовать; 'twill = it will — это будет) when what is to happen (когда (то), что должно случиться) has happened (случилось = случится).

sign [sain], somewhat [ˈsʌmwɒt], alter [ˈɔ:lɪə]

The woman went off crying; Hendon slipped back into the courtroom, and the constable presently followed, after hiding his prize in some convenient place. The justice wrote a while longer, then read the king a wise and kindly lecture, and sentenced him to a short imprisonment in the common jail, to be followed by a public flogging. The astounded king opened his mouth and was probably going to order the good judge to be beheaded on the spot; but he caught a warning sign from Hendon, and succeeded in closing his mouth again before he lost anything out of it. Hendon took him by the hand, now made reverence to the justice, and the two departed in the wake of the constable toward the jail. The moment the street was reached, the inflamed monarch halted, snatched away his hand, and exclaimed:

'Idiot, dost imagine I will enter a common jail alive?'

Hendon bent down and said, somewhat sharply:

'Will you trust in me? Peace! and forbear to worsen our chances with dangerous speech. What God wills, will happen; thou canst not hurry it, thou canst not alter it; therefore wait; and be patient — 'twill be time enow to rail or rejoice when what is to happen has happened.'

CHAPTER XXIV (Глава двадцать четвертая)

The Escape (Побег)

THE short winter day was nearly ended (короткий зимний день был почти закончен). The streets were deserted (улицы были безлюдными), save for a few

random stragglers (кроме нескольких случайных пешеходов; *to straggle* — *отстать, блуждать*), and these hurried straight along (и эти торопились прямо вперед), with the intent look of people (с сосредоточенным взглядом людей) who were only anxious to accomplish their errands (которые были озабочены только тем, чтобы исполнить свои поручения; *only* — *только*) as quickly as possible (так быстро, как возможно = как можно скорее) and then snugly house themselves (а затем уютно укрыться дома; *to house* — *поместить, приютить*) from the rising wind (от поднимающегося ветра) and the gathering twilight (и собирающихся сумерек). They looked neither to the right nor to the left (они не смотрели ни направо, ни налево; *neither...nor* — *ни..., ни*); they paid no attention (они не обращали никакого внимания; *to pay* — *платить*) to our party (на нашу компанию), they did not even seem to see them (они даже, казалось, не видели их; *even* — *даже*; *to seem* — *казаться*). Edward the Sixth wondered (Эдуард Шестой интересовался) if the spectacle of a king on his way to jail had ever encountered such marvelous indifference (встречало ли когда-либо зрелище короля на его пути в тюрьму такое удивительное безразличие; *if* — *ли*; *ever* — *когда-либо*; *to encounter* — *встретить*) before (прежде). By and by (вскоре) the constable arrived at a deserted market-square (констебль пришел на безлюдную рыночную площадь) and proceeded to cross it (и начал пересекать ее). When he had reached the middle of it (когда он достиг середины ее), Hendon laid his hand upon his arm (Хендон положил свою руку на его руку; *lay* — *положить*; *hand* — *кисть руки*; *arm* — *рука*), and said in a low voice (и сказал тихим голосом):

'Bide a moment (погоди минутку), good sir (добрый сэръ), there is none in hearing (нет никого в пределах слышимости), and I would say a word to thee (и я бы хотел сказать словечко тебе).'

'My duty forbids it, sir (мой долг запрещает это, сэръ); prithee, hinder me not (прошу тебя, не мешай мне; *prithee* — *устар. пожалуйста*), the night comes on (ночь наступает: «приходит на»).'

'Stay, nevertheless (остановись, тем не менее), for the matter concerns thee nearly (ибо это дело касается тебя близко). Turn thy back moment (поверни свою спину = повернись спиной на секунду) and seem not to see (и притворись, что не видишь: «покажись не видеть»): *let this poor lad escape* (позволь этому бедному мальчику сбежать).'

'This to me, sir (это — мне, сэр)! I arrest thee in (я арестую тебя в) —'

'Nay, be not too hasty (нет, не будь слишком торопливым). See thou be careful and commit no foolish error (смотри, будь осторожным и не соверши никакой дурацкой ошибки)' — then he shut his voice down to a whisper (затем он отключил = понизил свой голос до шепота; *to shut down* — отключить, закрыть), and said in the man's ear (и сказал этому человеку на ухо) — 'the pig thou hast purchased for eightpence (поросенок, которого ты приобрел за восемь пенсов) may cost thee thy neck, man (может стоить тебе твоей шеи, старик)!'

The poor constable (бедный констебль), taken by surprise (взятый удивлением = ошарашенный; *to take* — брать), was speechless at first (был без речи = лишился дара речи сперва), then found his tongue (затем нашел свой язык = дар речи к нему вернулся; *to find* — найти) and fell to blustering and threatening (и принялся бушевать и угрожать; *to fall to* — приняться что-то делать: «упасть к»; *to bluster* — бушевать; *to threaten* — угрожать); but Hendon was tranquil (но Хендон был спокоен), and waited with patience (и ждал с терпением) till his breath was spent (пока его дыхание не было потрачено = пока он не выдохся; *to spend* — тратить); then said (затем сказал):

'I have a liking to thee, friend (у меня есть симпатия к тебе, друг), and would not willingly see thee come to harm (и /я/ бы неохотно увидел, как ты идешь ко вреду = попадешь в беду). Observe, I heard it all (заметь, я слышал это все) — every word (каждое слово). I will prove it to thee (я докажу это тебе).' Then he repeated the conversation (затем он повторил разговор) which the officer and the woman had had together in the hall (который был у чиновника и женщины вместе в холле), word for word (слово в слово), and ended with (и закончил /так/):

'There (вот) — have I set it forth correctly (изложил ли я это правильно; *to set forth* — *изложить*: «установить вперед»)? Should not I be able to set it forth correctly before the judge (не должен ли я быть способным изложить это правильно перед судьей), if occasion required (если бы случай потребовал)?'

The man was dumb with fear and distress (человек был нем = онемел от страха и горя) for a moment (на секунду); then he rallied (затем он собрался) and said with forced lightness (и сказал с принужденной = напускной легкостью):

"Tis making a mighty matter indeed, out of a jest (это делает могущественное = большое событие действительно из шутки); I but plagued the woman for mine amusement (я только помучил эту женщину для моего = собственного развлечения).'

'Kept you the woman's pig for amusement (оставил ли ты /у себя/ поросенка той женщины для развлечения; *to keep* — *держат*, *хранить*)?'

The man answered sharply (человек ответил резко):

'Naught else, good sir (ничего другого, добрый сэръ) — I tell thee (я говорю тебе) 'twas but a jest (это была только шутка; *'twas* = *it was*).'

'I do begin to believe thee (я действительно начинаю верить тебе: «делаю начинать...»),' said Hendon (сказал Хендон), with a perplexing mixture of mockery and half-conviction (с озадачивающей смесью насмешливости и полубежденности) in his tone (в его тоне = голосе); 'tarry thou here a moment (подожди здесь секунду) whilst I run and ask his worship (пока я сбегая и спрошу его честь) — for nathless (ибо, однако же), he being a man experienced in law (он, будучи человеком опытным в законах), in jests (в шутках), in (в) —'

twilight [ˈtwaɪlaɪt], square [skweə], constable [ˈkɒnstəbl]

THE short winter day was nearly ended. The streets were deserted, save for a few random stragglers, and these hurried straight along, with the intent look of people who were only anxious to accomplish their errands as quickly as possible and then snugly house themselves from the rising wind and the

gathering twilight. They looked neither to the right nor to the left; they paid no attention to our party, they did not even seem to see them. Edward the Sixth wondered if the spectacle of a king on his way to jail had ever encountered such marvelous indifference before. By and by the constable arrived at a deserted market-square and proceeded to cross it. When he had reached the middle of it, Hendon laid his hand upon his arm, and said in a low voice:

'Bide a moment, good sir, there is none in hearing, and I would say a word to thee.'

'My duty forbids it, sir; pritheee, hinder me not, the night comes on.'

'Stay, nevertheless, for the matter concerns thee nearly. Turn thy back moment and seem not to see: *let this poor lad escape.*'

'This to me, sir! I arrest thee in —'

'Nay, be not too hasty. See thou be careful and commit no foolish error' — then he shut his voice down to a whisper, and said in the man's ear — 'the pig thou hast purchased for eightpence may cost thee thy neck, man!'

The poor constable, taken by surprise, was speechless at first, then found his tongue and fell to blustering and threatening; but Hendon was tranquil, and waited with patience till his breath was spent; then said:

'I have a liking to thee, friend, and would not willingly see thee come to harm. Observe, I heard it all — every word. I will prove it to thee.' Then he repeated the conversation which the officer and the woman had had together in the hall, word for word, and ended with:

'There — have I set it forth correctly? Should not I be able to set it forth correctly before the judge, if occasion required?'

The man was dumb with fear and distress for a moment; then he rallied and said with forced lightness:

'Tis making a mighty matter indeed, out of a jest; I but plagued the woman for mine amusement.'

'Kept you the woman's pig for amusement?'

The man answered sharply:

'Naught else, good sir — I tell thee 'twas but a jest.'

'I do begin to believe thee,' said Hendon, with a perplexing mixture of mockery and half-conviction in his tone; 'tarry thou here a moment whilst I run and ask his worship — for nathless, he being a man experienced in law, in jests, in —'

He was moving away (он двигался = уходил прочь), still talking (все еще говоря); the constable hesitated, fidgeted (констебль колебался, взволнованный; *to fidget* — проявлять нетерпение, беспокойно двигаться; ерзать), spat an oath or two (изрыгнул проклятье или два = проклятье-другое; *to spit* — плевать), then cried out (затем прокричал):

'Hold, hold, good sir (постой, постой, добрый сэръ) — prithee, wait a little (пожалуйста, подожди немного) — the judge (судья)! why man (видишь ли, приятель), he hath no more sympathy with a jest (он имеет не больше расположения к шутке) than hath a dead corpse (чем имеет мертвое тело)! — come, and we will speak further (идем, и мы поговорим дальше). Ods body (черт возьми)! I seem to be in evil case (я, кажется, в злом = грязном положении: «кажусь быть») — and all for an innocent and thoughtless pleasantry (и все из-за невинного и бездумного развлечения). I am a man of family (я человек семьи = семейный); and my wife and little ones (и моя жена и маленькие = дети; *one* — здесь: вместо «человек») — List to reason (прислушайся к рассудку), good your worship (ваше благородие); what wouldst thou of me (чего хочешь ты от меня)?'

'Only that thou be blind and dumb and paralytic (только чтобы ты был слеп и нем и парализован) whilst one may count a hundred thousand (пока один = человек может досчитать до ста тысяч) — counting slowly (считая медленно),' said Hendon (сказал Хендон), with the expression of a man (с выражением человека) who asks but a reasonable favor (который просит только о разумной

услуге), and that a very little one (и той — очень маленькой; *one* — здесь: вместо «услуга»).

'It is my destruction (это моя погибель: «разрушение»)! said the constable despairingly (сказал констебль отчаянно). 'Ah, be reasonable, good sir (ах, будьте разумны, добрый сэр); only look at this matter (только взгляните на это дело), on all its sides (со всех его сторон), and see how mere a jest it is (и посмотри, какая простая шутка это есть) — how manifestly and how plainly it is so (как явно и как ясно это так). And even if one granted (и даже если бы кто-нибудь допустил = если допустить) it were not a jest (что это была не шутка), it is a fault so small (это вина такая ничтожная) that e'en the grimpest penalty it could call forth (что даже самое страшное наказание, которое она могла бы требовать) would be but a rebuke and warning (было бы только выговором и предупреждением) from the judge's lips (из уст судьи; *lip* — губа).'

Hendon replied with a solemnity (Хендон ответил с серьезностью) which chilled the air about him (которая остудила воздух вокруг него):

'This jest of thine (эта шутка твоя) hath a name in law (имеет название в законе) — wot you what it is (знаешь ли ты, какое)?'

'I knew it not (я не знал этого; *to know* — знать)! Peradventure I have been unwise (возможно, я был неразумен). I never dreamed it had a name (я никогда не предполагал, что у нее есть какое-то имя) — ah, sweet heaven (ах, благие небеса), I thought it was original (я думал она самобытна).'

'Yes, it hath a name (да, у нее есть имя). In the law this crime is called (в законе это преступление называется) *Non compos mentis lex talionis sic transit gloria mundi* (не владеющий рассудком закон равного возмездия так проходит слава земная — бессмысленное попури из хрестоматийных латинских фраз).'

'Ah, my God (ах, Боже мой)!'

'And the penalty is death (а наказание (за это) — смерть)!'

'God be merciful to me (Бог да будет милостив ко мне), a sinner (грешнику)!'

'By advantage taken of one in fault (выгодой, полученной от человека в вине = виновного; *advantage* — преимущество, выгода; *to take advantage of* — обхитрить кого-то, воспользоваться кем-то), in dire peril (в страшной опасности; *dire* — страшный, ужасный, жуткий; *внушающий ужас; предвещающий несчастье*), and at thy mercy (и по твоей милости), thou hast seized goods (ты захватил имущество) worth above thirteen pence ha'penny (стоимостью более тринадцати с половиной пенсов), paying but a trifle for the same (заплатив всего лишь мелочь за то же самое = за это); and this, in the eye of the law (и это, в глазах закона), is constructive barratry (есть неопровержимо презюмируемая недобросовестность), misprision of treason (недонесение о государственной измене), malfeasance in office (должностное преступление — юридические термины Майлс Хендон тоже использует довольно неряшливо), *ad hominem expurgatis in statu quo* (к человеку исцеленными в положении вещей — снова попури из известных латинских выражений без оглядки на смысл и грамматику) — and the penalty is death by the halter (и кара — смерть через удавку), without ransom, commutation (без выкупа, смягчения), or benefit of clergy (или привилегии духовного звания = неподсудности духовенства светскому суду).'

'Bear me up, bear me up, sweet sir (поддержи меня, милый сэръ; *to bear up* — поддерживать), my legs do fail me (мои ноги отказывают мне)! Be thou merciful (будь милосерден) — spare me this doom (избавь меня от этой участи), and I will turn my back (и я повернусь спиной) and see naught that shall happen (и не увижу ничего, что случится).'

'Good (хорошо)! now thou'rt wise and reasonable (теперь ты мудр и рассудителен). And thou'lt restore the pig (а ты вернешь поросенка)?'

'I will, I will, indeed (я буду = верну, действительно) — nor ever touch another (и никогда не прикоснусь к другому; *nor* — и не; *ever* — когда-либо), though heaven send it and archangel fetch it (хотя бы небеса послали его и архангел принес его). Go (иди) — I am blind for thy sake (я слеп ради тебя; *for ... 's sake* — ради кого-то) — I see nothing (я не вижу ничего). I will say (я скажу) thou

didst break in (что ты ворвался внутрь; *to break in* — *вломиться*) and wrest the prisoner from my hands by force (и вырвал заключенного из моих рук силой). It is but a crazy, ancient door (это только шаткая, ветхая дверь) — I will batter it down myself (я взломаю ее сам) betwixt midnight and the morning (между полночью и утром).'

'Do it, good soul (сделай это, добрая душа = милый человек), no harm will come of it (никакого вреда не придет = не будет от этого); the judge hath a loving charity (судья имеет любящее сострадание) for this poor lad (к этому бедному мальчику), and will shed no tears (и не проронит слез; *to shed* — *ронять, лить*) and break no jailer's bones (и не сломает тюремщику кости; *bone* — *кость*) for his escape (за его побег).'

oath [quθ], reasonable [ˈri:z(ə)nəbl], despair [disˈpeə]

He was moving away, still talking; the constable hesitated, fidgeted, spat an oath or two, then cried out:

'Hold, hold, good sir — prithee, wait a little — the judge! why man, he hath no more sympathy with a jest than hath a dead corpse! — come, and we will speak further. Ods body! I seem to be in evil case — and all for an innocent and thoughtless pleasantry. I am a man of family; and my wife and little ones — List to reason, good your worship; what wouldst thou of me?'

'Only that thou be blind and dumb and paralytic whilst one may count a hundred thousand — counting slowly,' said Hendon, with the expression of a man who asks but a reasonable favor, and that a very little one.

'It is my destruction!' said the constable despairingly. 'Ah, be reasonable, good sir; only look at this matter, on all its sides, and see how mere a jest it is — how manifestly and how plainly it is so. And even if one granted it were not a jest, it is a fault so small that e'en the grimmest penalty it could call forth would be but a rebuke and warning from the judge's lips.'

Hendon replied with a solemnity which chilled the air about him:

'This jest of thine hath a name in law — wot you what it is?'

'I knew it not! Peradventure I have been unwise. I never dreamed it had a name — ah, sweet heaven, I thought it was original.'

'Yes, it hath a name. In the law this crime is called *Non compos mentis lex talionis sic transit gloria mundi*.'

'Ah, my God!'

'And the penalty is death!'

'God be merciful to me, a sinner!'

'By advantage taken of one in fault, in dire peril, and at thy mercy, thou hast seized goods worth above thirteen pence ha'penny, paying but a trifle for the same; and this, in the eye of the law, is constructive barratry, misprision of treason, malfeasance in office, *ad hominem expurgatis in statu quo* — and the penalty is death by the halter, without ransom, commutation, or benefit of clergy.'

'Bear me up, bear me up, sweet sir, my legs do fail me! Be thou merciful — spare me this doom, and I will turn my back and see naught that shall happen.'

'Good! now thou'rt wise and reasonable. And thou'lt restore the pig?'

'I will, I will, indeed — nor ever touch another, though heaven send it and archangel fetch it. Go — I am blind for thy sake — I see nothing. I will say thou didst break in and wrest the prisoner from my hands by force. It is but a crazy, ancient door — I will batter it down myself betwixt midnight and the morning.'

'Do it, good soul, no harm will come of it; the judge hath a loving charity for this poor lad, and will shed no tears and break no jailer's bones for his escape.'

CHAPTER XXV (Глава двадцать пятая)

Hendon Hall (Хендон-холл)

AS soon as Hendon and the king (так скоро как = как только Хендон и король) were out of sight of the constable (оказались вне поля зрения констебля), his majesty was instructed to hurry (его величество был проинструктирован поторопиться) to a certain place outside the town (к определенному месту за городом), and wait there (и ждать там), whilst Hendon should go to the inn (пока Хендон пойдет в харчевню) and settle his account (и уладит свой счет = оплатит счет). Half an hour later (полчаса спустя; *later* — *позже*) the two friends were blithely jogging eastward (два друга блаженно ехали трусцой на восток) on Hendon's sorry steeds (на жалких конях Гендона). The king was warm and comfortable now (королю было тепло и удобно теперь: «был теплый и испытывающий удобство»), for he had cast his rags (ибо он сбросил свои лохмотья; *to cast* — *бросать*) and clothed himself in the second-hand suit (и облачился в поношенный костюм; *second-hand* — *бывший в употреблении*: «*вторая рука*») which Hendon had bought on London Bridge (который Хендон купил на Лондонском мосту; *to buy* — *покупать*).

Hendon wished to guard (Хендон желал предохраниться) against over-fatiguing the boy (против того, чтобы переутомлять мальчика; *to over-fatigue* — *переутомлять*); he judged (он рассудил) that hard journeys (что тяжелые путешествия), irregular meals (нерегулярное питание), and illiberal measures of sleep (и ограниченные меры = недостаток сна) would be bad for his crazed mind (были бы плохи для его помутненного ума), while rest (в то время как отдых), regularity (размеренность), and moderate exercise (и умеренные упражнения) would be pretty sure to hasten its cure (были бы весьма верны, чтобы ускорить его лечение = конечно, ускорят); he longed to see (он жаждал увидеть) the stricken intellect made well again (пораженный интеллект сделанным здоровым снова) and its diseased visions (а его болезненные видения) driven out of the tormented little head (выгнанными из измученной маленькой головы; *to drive out*); therefore he resolved to move by easy stages

(поэтому он решился передвигаться легкими = недолгими переходами) toward the home (к дому) whence (откуда) he had so long been banished (он так давно изгнан), instead of obeying the impulse of his impatience (вместо того, чтобы подчиниться импульсу его нетерпеливости) and hurrying along night and day (и спешить вперед ночь и день).

When he and the king had journeyed about ten miles (когда он и король прошли около десяти миль), they reached a considerable village (они достигли большой деревни), and halted there for the night (и остановились там на ночь), at a good inn (в хорошей харчевне). The former relations were resumed (прежние отношения были возобновлены); Hendon stood behind the king's chair (Хендон стоял за стулом короля; *to stand* — *стоять*) while he dined (пока тот кушал), and waited upon him (и прислуживал ему); undressed him when he was ready for bed (раздевал его, когда тот был готов для постели); then took the floor for his own quarters (затем занимал пол в качестве своего собственного пристанища; *to take* — *брать*), and slept athwart the door (и спал поперек двери), rolled up in a blanket (завернутый в одеяло).

The next day (на следующий день), and the next day after (и на следующий день после), they jogged lazily along (они ехали трусцой лениво вперед) talking over the adventures they had met (толкая о приключениях, которые они встретили; *to talk over* — *обсуждать*: «разговаривать относительно»; *to meet* — *встречать*) since their separation (со времени их расставания), and mightily enjoying (и сильно наслаждаясь) each other's narratives (рассказами друг друга; *each other* — *друг друга*: «каждый другого»). Hendon detailed (Хендон детально описал) all his wide wanderings (все свои дальние странствия) in search of the king (в поисках короля), and described how the archangel (и описал, как архангел) had led him a fool's journey (повел его в путешествие дурака = заставлял его плутать; *to lead* — *вести*) all over the forest (по всему лесу), and taken him back to the hut finally (и привел его назад к хижине наконец; *to take* — *взять*), when he found (когда он обнаружил; *to find* — *найти*) he could not get rid of him (что он не мог избавиться от него; *to*

get rid of — *избавиться от*). Then (затем) — he said (он сказал) — the old man went into the bed-chamber (старик пошел в спальню; *to go* — *идти*) and came staggering back (и вернулся шатаясь назад) looking broken-hearted (выглядев убитым горем: «с разбитым сердцем»; *to break* — *ломать*; *heart* — *сердце*), and saying he had expected to find (и говоря, что он ожидал найти) that the boy had returned (что мальчик вернулся) and lain down in there to rest (и прилег там, чтобы отдохнуть; *to lay down* — *лечь вниз*), but it was not so (но это не так). Hendon had waited at the hut all day (Хендон прождал у хижины весь день); hope of the king's return (надежда на королевское возвращение) died out then (умерла затем), and he departed upon the quest again (и он отправился на поиски снова).

bought [b0:t], fatigue [fə'ti:g], resume [rɪ'zju:m]

AS soon as Hendon and the king were out of sight of the constable, his majesty was instructed to hurry to a certain place outside the town, and wait there, whilst Hendon should go to the inn and settle his account. Half an hour later the two friends were blithely jogging eastward on Hendon's sorry steeds. The king was warm and comfortable now, for he had cast his rags and clothed himself in the second-hand suit which Hendon had bought on London Bridge. Hendon wished to guard against over-fatiguing the boy; he judged that hard journeys, irregular meals, and illiberal measures of sleep would be bad for his crazed mind, while rest, regularity, and moderate exercise would be pretty sure to hasten its cure; he longed to see the stricken intellect made well again and its diseased visions driven out of the tormented little head; therefore he resolved to move by easy stages toward the home whence he had so long been banished, instead of obeying the impulse of his impatience and hurrying along night and day.

When he and the king had journeyed about ten miles, they reached a considerable village, and halted there for the night, at a good inn. The former

relations were resumed; Hendon stood behind the king's chair while he dined, and waited upon him; undressed him when he was ready for bed; then took the floor for his own quarters, and slept athwart the door, rolled up in a blanket.

The next day, and the next day after, they jogged lazily along talking over the adventures they had met since their separation, and mightily enjoying each other's narratives. Hendon detailed all his wide wanderings in search of the king, and described how the archangel had led him a fool's journey all over the forest, and taken him back to the hut finally, when he found he could not get rid of him. Then — he said — the old man went into the bed-chamber and came staggering back looking broken-hearted, and saying he had expected to find that the boy had returned and lain down in there to rest, but it was not so. Hendon had waited at the hut all day; hope of the king's return died out then, and he departed upon the quest again.

'And old Sanctum Sanctorum (и старое Святое Святых — Майлс Хендон опять выражается неряшливо, он имеет в виду отшельника) was truly sorry (был действительно огорчен) your Highness came not back (что Ваше высочество не пришло назад; *to come* — *приходить*),' said Hendon (сказал Хендон); 'I saw it in his face (я видел это в его лице).'

'Marry (черт возьми), I will never doubt *that* (я никогда не буду сомневаться в этом)!' said the king (сказал король) — and then told his own story (и затем рассказал свою собственную историю; *to tell* — *рассказать*); after which Hendon was sorry (после которой Хендон был огорчен = пожалел) he had not destroyed the archangel (что он не уничтожил архангела).

During the last day of the trip (в течение последнего дня этого путешествия), Hendon's spirits were soaring (дух Хендона воспарял). His tongue ran constantly (его язык бежал = молол постоянно; *to run* — *бежать*). He talked about his old father (он говорил о своем старом отце), and his brother Arthur (и своем брате Артуре), and told of many things (и рассказал о многих вещах) which illustrated

(которые иллюстрировали) their high and generous characters (их возвышенный и великодушный характер); he went into loving frenzies (он пошел в = ударился в любящие безумства = без умолку говорил; *to go* — *идти*) over his Edith (о своей Эдит), and was so glad-hearted (и был так рад) that he was even able to say (что он был даже способен сказать) some gentle and brotherly things about Hugh (несколько нежных и братских вещей о Хьюго). He dwelt a deal (он задержался много = много говорил; *to dwell* — *жить; подробно останавливаться*) on the coming meeting at Hendon Hall (о предстоящей встрече в Хендон-холле); what a surprise it would be to everybody (какой неожиданностью это будет для всех), and what an outburst of thanksgiving and delight (и какой взрыв благодарности и ликования) there would be (будет).

It was a fair region (это была красивая местность), dotted with cottages and orchards (усеянная домиками и садами), and the road led through broad pasturelands (и дорога вела через широкие пастбища; *to lead* — *вести*) whose receding expanses (чьи уходящие вдаль просторы; *to recede* — *отступать, пятиться, удаляться*), marked with gentle elevations and depressions (отмеченные мягкими подъемами и спусками), suggested (предполагали = напоминали) the swelling and subsiding undulations of the sea (нарастающие и улегающиеся волны моря; *undulation* — *волнистость, волнение*). In the afternoon (днем) the returning prodigal (возвращающийся блудный сын) made constant deflections from his course (делал постоянные отклонения от своего курса) to see (чтобы увидеть) if by ascending some hillock he might not (не мог ли он, взойдя на какой-нибудь холмик; *if* — *ли; to ascend* — *восходить; might* — *мог (бы)*) pierce the distance (пронзить расстояние) and catch a glimpse of his home (и поймать вид своего дома; *glimpse* — *проблеск, мимолетный взгляд*). At last he was successful (наконец он был успешен = преуспел в этом), and cried out excitedly (и вскричал возбужденно):

'There is the village, my prince (вот деревня, мой принц), and there is the Hall close by (и вот Холл близко рядом)! You may see the towers from here (вы

можете видеть башни отсюда); and that wood there (а тот лес там) — that is my father's park (это парк моего отца). Ah, now thou'lt know (ах, теперь ты узнаешь; *thou'lt = thou wilt вместо совр. you will — ты будешь*) what state and grandeur be (что такое пышность и великолепие)! A house with seventy rooms (дом с семьюдесятью комнатами) — think of that (подумай об этом = только представь себе)! — and seven and twenty servants (и семь и двадцать = 27 слуг)! A brave lodging for such as we (превосходное жилище для таких как мы), is it not so (не так ли это)? Come (идем), let us speed (давай поторопимся: «позволим нам...»); *to let — позволять, давать* — my impatience will not brook further delay (мое нетерпение не потерпит дальнейшего промедления). All possible hurry was made (вся возможная спешка была сделана); still (все же), it was after three o'clock (было после = больше трех часов) before the village was reached (прежде чем деревня была достигнута). The travelers scampered through it (путники проскакали быстро через нее; *to scamper — носиться, резво скакать*), Hendon's tongue going all the time (язык Хендона идущий = а язык Хендона болтал все время). 'Here is the church (вот церковь) — covered with the same ivy (покрытая тем же плющом) — none gone, none added (ничто не ушло, ничего не добавлено; *to go — идти, уходить; to add — добавлять*).' 'Yonder is the inn (вон там харчевня), the old Red Lion (старый «Красный лев») — and yonder is the market-place (а вон там рыночная площадь).' 'Here is the Maypole (вот майский шест), and here the pump (а вот водокачка) — nothing is altered (ничто не изменено); nothing but the people (ничто кроме людей), at any rate (по крайней мере); ten years make a change in people (десять лет совершают изменение в людях); some of these I seem to know (некоторых из этих я, кажется, знаю; *to seem — казаться*), but none know me (но никто не знает меня).' So his chat ran on (так его разговор бежал дальше; *to run — бежать*). The end of the village was soon reached (конец деревни был скоро достигнут); then the travelers struck into a crooked, narrow road (тогда путники углубились в извилистую, узкую дорогу; *to strike into — углубиться, направиться: «ударить в»*), walled in with tall hedges

(огражденную высокими изгородями; *to wall* — *ограждать, обносить*), and hurried briskly along it for a half-mile (и поспешили энергично по ней на полмили), then passed into a vast flower-garden (затем прошли в обширный цветочный сад) through an imposing gateway (через внушительные ворота) whose huge stone pillars (чьи гигантские каменные колонны) bore sculptured armorial devices (носили скульптурные геральдические эмблемы; *to bear* — *носить*). A noble mansion was before them (благородный дворянский дом был перед ними).

'Welcome to Hendon Hall, my king (добро пожаловать в Хендон-холл, мой король)!' exclaimed Miles (воскликнул Майлс). 'Ah, 'tis a great day (ах, это великий день; *'tis = it is* — *это есть*)! My father and my brother and the Lady Edith (мой отец и мой брат и леди Эдит) will be so mad with joy (будут так безумны от радости) that they will have eyes and tongue for none but me (что у них будут глаза и язык ни для кого кроме меня = они будут общаться только со мной) in the first transports of the meeting (в первые минуты встречи; *transport* — *порыв чувств*), and so thou'lt seem but coldly welcomed (и поэтому ты покажешься = покажется, что лишь холодно встречен) — but mind it not (но не обращай на это внимания; *to mind* — *обращать внимание; возражать, иметь что-либо против*); 'twill soon seem otherwise (это скоро покажется иначе); for when I say thou art my ward (ибо когда я скажу, что ты мой подопечный), and tell them how costly is my love for thee (и расскажу им как дорога/дорого обходится моя любовь к тебе; *costly* — *дорого обходящийся, дорогой*), thou'lt see them take thee to their breasts (ты увидишь, как они прижмут тебя к груди: «увидишь их взять тебя...») for Miles Hendon's sake (ради Майлса Хендона), and make their house and hearts thy home forever after (и сделают свой дом и сердца твоим домом на веки вечные: «навсегда после»)!'

region [ˈriː ʒən], pierce [pɪəs], mansion [ˈmænʃən]

'And old Sanctum Sanctorum *was* truly sorry your Highness came not back,' said Hendon; 'I saw it in his face.'

'Marry, I will never doubt *that!*' said the king — and then told his own story; after which Hendon was sorry he had not destroyed the archangel.

During the last day of the trip, Hendon's spirits were soaring. His tongue ran constantly. He talked about his old father, and his brother Arthur, and told of many things which illustrated their high and generous characters; he went into loving frenzies over his Edith, and was so glad-hearted that he was even able to say some gentle and brotherly things about Hugh. He dwelt a deal on the coming meeting at Hendon Hall; what a surprise it would be to everybody, and what an outburst of thanksgiving and delight there would be.

It was a fair region, dotted with cottages and orchards, and the road led through broad pasture-lands whose receding expanses, marked with gentle elevations and depressions, suggested the swelling and subsiding undulations of the sea. In the afternoon the returning prodigal made constant deflections from his course to see if by ascending some hillock he might not pierce the distance and catch a glimpse of his home. At last he was successful, and cried out excitedly:

'There is the village, my prince, and there is the Hall close by! You may see the towers from here; and that wood there — that is my father's park. Ah, now thou'lt know what state and grandeur be! A house with seventy rooms — think of that! — and seven and twenty servants! A brave lodging for such as we, is it not so? Come, let us speed — my impatience will not brook further delay.'

All possible hurry was made; still, it was after three o'clock before the village was reached. The travelers scampered through it, Hendon's tongue going all the time. 'Here is the church — covered with the same ivy — none gone, none added.' 'Yonder is the inn, the old Red Lion — and yonder is the market-place.' 'Here is the Maypole, and here the pump — nothing is altered; nothing but the people, at any rate; ten years make a change in people; some of these I

seem to know, but none know me.' So his chat ran on. The end of the village was soon reached; then the travelers struck into a crooked, narrow road, walled in with tall hedges, and hurried briskly along it for a half-mile, then passed into a vast flower-garden through an imposing gateway whose huge stone pillars bore sculptured armorial devices. A noble mansion was before them.

'Welcome to Hendon Hall, my king!' exclaimed Miles. 'Ah, 'tis a great day! My father and my brother and the Lady Edith will be so mad with joy that they will have eyes and tongue for none but me in the first transports of the meeting, and so thou'lt seem but coldly welcomed — but mind it not; 'twill soon seem otherwise; for when I say thou art my ward, and tell them how costly is my love for thee, thou'lt see them take thee to their breasts for Miles Hendon's sake, and make their house and hearts thy home forever after!'

The next moment (в следующее мгновение) Hendon sprang to the ground before the great door (Хендон спрыгнул на землю перед огромной дверью; *to spring* — прыгать), helped the king down (помог королю вниз = спуститься), then took him by the hand (затем взял его за руку) and rushed within (и ринулся внутрь). A few steps brought him to a spacious apartment (несколько ступеней привели его в просторную комнату; *to bring* — приносить, довести); he entered (он вошел), seated the king with more hurry than ceremony (усадил короля более со спешкой, нежели с церемонией), then ran toward a young man (затем побежал к молодому человеку; *to run* — бежать) who sat at a writing-table (который сидел у письменного стола; *to sit* — сидеть) in front of a generous fire of logs (перед щедрым огнем бревнышек).

'Embrace me, Hugh (обними меня, Хьюго),' he cried (он вскричал), 'and say thou'rt glad (и скажи, что ты рад) I am come again (что я пришел снова = вернулся)! and call our father (и позови нашего отца), for home is not home (ибо дом не дом) till I shall touch his hand (пока я не прикоснусь к его руке), and see

his face (и не увижу его лицо), and hear his voice once more (и не услышу его голос один раз еще = снова)!

But Hugh only drew back (но Хью только отстранился; *to draw back* — *отодвинуться*), after betraying a momentary surprise (после того как выдал секундное удивление; *to betray* — *предавать, выдавать*), and bent a grave stare (и направил мрачный взгляд; *to bend* — *направлять, гнуть*) upon the intruder (на незваного гостя; *to intrude* — *вторгаться, входить без приглашения/разрешения*) — a stare which indicated (взгляд, который указывал) somewhat of offended dignity at first (что-то вроде оскорбленного достоинства сперва), then changed (затем переменялся), in response to some inward thought or purpose (в ответ на какую-то внутреннюю мысль или намерение), to an expression of marveling curiosity (на выражение удивленного любопытства), mixed with a real or assumed compassion (смешанного с настоящим и наигранным участием; *to assume* — *принимать, брать на себя; прикидываться, симулировать, притворяться*). Presently he said (немного времени спустя он сказал), in a mild voice (мягким голосом):

'Thy wits seem touched (твой ум кажется тронутым), poor stranger (бедный незнакомец); doubtless thou hast suffered privations (несомненно, ты испытал лишения) and rude buffetings (и грубые удары судьбы) at the world's hands (от рук мира); thy looks and dress betoken it (твой вид и одежда свидетельствуют об этом). Whom dost thou take me to be (за кого ты меня принимаешь: «кем ты принимаешь меня быть»)?)'

'Take thee (принимаю тебя)? Prithee, for whom else than whom thou art (пожалуйста, за кого же еще как не за /того/, кто ты есть)? I take thee to be Hugh Hendon (я принимаю тебя за Хью Хендона),' said Miles, sharply (сказал Майлс резко).

The other continued (другой = его собеседник продолжил), in the same soft tone (тем же мягким тоном):

'And whom dost thou imagine thyself to be (а кем ты воображаешь себя)?)'

'Imagination hath naught to do with it (воображение тут ни при чем: «не имеет ничего делать с этим»)! Dost thou pretend (притворяешься ли ты) thou knowest me not (что ты не знаешь меня) for thy brother Miles Hendon (как твоего брата Майлса Хендона)?'

An expression of pleased surprise (выражение приятного удивления) flitted across Hugh's face (пробежало по лицу Хью), and he exclaimed (и он воскликнул):

'What (что)! thou art not jesting (ты не шутишь)! can the dead come to life (может ли мертвец вернуться к жизни)? God be praised if it be so (Бог да будет возблагодарен = слава Богу, если это так)! Our poor lost boy restored to our arms (наш бедный потерянный мальчик вернувшийся в наши объятия) after all these cruel years (после всех этих жестоких лет)! Ah, it seems too good to be true (ах, это кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой), it is too good to be true (это слишком хорошо, чтобы быть правдой) — I charge thee (я умоляю тебя), have pity (имей жалость), do not trifle with me (не шути со мной)! Quick (живо) — come to the light (идем к свету) — let me scan thee well (дай мне рассмотреть тебя хорошо)!'

He seized Miles by the arm (он схватил Майлса за руку), dragged him to the window (потащил его к окну), and began to devour him from head to foot with his eyes (и начал пожирать его с головы до ног глазами), turning him this way and that (поворачивая его этим путем и тем = туда и сюда), and stepping briskly (ступая резко) around him and about him (вокруг него) to prove him from all points of view (чтобы проверить его со всех точек зрения); whilst the returned prodigal (пока вернувшийся блудный сын), all aglow with gladness (весь пламенеющий радостью), smiled, laughed (улыбался, смеялся), and kept nodding his head and saying (и все кивал головой и говорил; *to keep* — *хранить, держать; to keep doing something* — *все время делать что-то*):

'Go on, brother (продолжай: «иди дальше», брат), go on, and fear not (продолжай и не бойся); thou'lt find nor limb nor feature that cannot bide the test (ты не найдешь ни конечности, ни черты, которая бы не выдержала теста).

Scour and scan me to thy content (прочесывай и проглядывай меня к твоему удовлетворению), my dear old Hugh (мой дорогой старый Хью) — I am indeed thy old Miles (я действительно твой старый Майлс), thy same old Miles (твой тот же старый Майлс), thy lost brother (твой потерянный брат; *to lose* — *терять*), is't not so (не так ли это)? Ah, 'tis a great day (ах, это великий день) — I said 'twas a great day (я говорил, это великий день)! Give me thy hand (дай мне твою руку), give me thy cheek (дай мне твою щеку) — lord (Господи), I am like to die of very joy (я, кажется, умру от самой радости; *like* — *вероятный*)!'

He was about to throw himself upon his brother (он был около = готов наброситься на своего брата; *to throw* — *бросать*); but Hugh put up his hand in dissent (но Хью поднял свою руку в /знак/ возражения; *to put up* — *выдвинуть, воздвигнуть*: «поставить вверх»), then dropped his chin mournfully upon his breast (затем уронил свой подбородок печально на грудь), saying with emotion (говоря с чувством):

'Ah, God of his mercy give me strength (ах, Господь от своей милости пусть даст мне силы) to bear this grievous disappointment (вынести это горестное разочарование)!'

Miles, amazed (Майлс, пораженный), could not speak for a moment (не мог говорить минуту); then he found his tongue (затем он нашел свой язык = дар речи вернулся к нему; *to find* — *найти*), and cried out (и вскричал):

'What disappointment (какое разочарование)? Am I not thy brother (разве я не твой брат)?'

Hugh shook his head sadly (Хью покачал головой грустно; *to shake* — *трясти, качать*), and said (и сказал):

'I pray heaven (я молю небо) it may prove so (чтобы это могло оказаться так), and that other eyes may find the resemblances (и чтобы другие глаза могли найти сходства) that are hid from mine (которые спрятаны от меня; *to hide* — *прятать*). Alack (увы), I fear me (я боюсь) the letter spoke but too truly (письмо говорило слишком правдиво; *to speak* — *говорить*).'

'What letter (какое письмо)?'

'One that came from oversea (то, что пришло из-за моря; *to come* — *приходить*), some six or seven years ago (что-то шесть или семь лет назад). It said (оно сказала = в нем говорилось) my brother died in battle (что мой брат погиб в битве).'

'It was a lie (это была ложь)! Call thy father (позови твоего отца) — he will know me (он узнает меня).'

'One may not call the dead (человек не может = нельзя вызвать мертвого).'

'Dead (мертвого)?' Miles's voice was subdued (голос Майлса был приглушенным; *to subdue* — *подчинять, покорять, подавлять*), and his lips trembled (и его губы дрожали). 'My father dead (мой отец мертв)! — oh, this is heavy news (о, это тяжкая весть). Half my new joy is withered now (половина моей новой радости увяла теперь). Prithee (прошу тебя), let me see my brother Arthur (позволь мне увидеть моего брата Артура) — he will know me (он узнает меня); he will know me and console me (он узнает меня и утешит меня).'

'He, also, is dead (он также мертв).'

'God be merciful to me (Господь будь милосерден ко мне), a stricken man (несчастному человеку)! Gone (ушли = умерли) — both gone (оба умерли) — the worthy taken and the worthless spared in me (достойны взяты, а недостойный пощажён во мне = в моем лице; *to take* — *брать*)! Ah (ах)! I crave your mercy (я умоляю о вашей милости)! — do not say the Lady Edith (не говорите что леди Эдит) —'

'Is dead (мертва)? No, she lives (нет, она живет).'

'Then God be praised (тогда Бог да будет восхвален), my joy is whole again (моя радость цела снова)! Speed thee, brother (поспеши, брат) — let her come to me (позволь ей = пусть она придет ко мне)! An' *she* say I am not myself (если она скажет, что я не я) — but she will not (но она не будет = не сделает этого); no, no, *she* will know me (нет, нет, она узнает меня), I were a fool to doubt it (я был дураком — сомневаться в этом). Bring her (приведи ее) — bring the old

servants (приведи старых слуг); they, too, will know me (они тоже узнают меня).'

'All are gone but five (все ушли = умерли кроме пятерых) — Peter, Halsey, David, Bernard, and Margaret (Питера, Холси, Дэвила, Бернарда и Маргарет).'

So saying, Hugh left the room (так говоря, Хью покинул комнату; *to leave* — *оставлять, покидать*). Miles stood musing awhile (Майлс стоял размышляя некоторое время; *to stand* — *стоять*), then began to walk the floor (затем начал ходить по полу; *to begin* — *начать*), muttering (бормоча):

intruder [ɪn`tru:də], devour [dɪ`vauə], resemblance [rɪ`zembləns]

The next moment Hendon sprang to the ground before the great door, helped the king down, then took him by the hand and rushed within. A few steps brought him to a spacious apartment; he entered, seated the king with more hurry than ceremony, then ran toward a young man who sat at a writing-table in front of a generous fire of logs.

'Embrace me, Hugh,' he cried, 'and say thou'rt glad I am come again! and call our father, for home is not home till I shall touch his hand, and see his face, and hear his voice once more!'

But Hugh only drew back, after betraying a momentary surprise, and bent a grave stare upon the intruder — a stare which indicated somewhat of offended dignity at first, then changed, in response to some inward thought or purpose, to an expression of marveling curiosity, mixed with a real or assumed compassion. Presently he said, in a mild voice:

'Thy wits seem touched, poor stranger; doubtless thou hast suffered privations and rude buffetings at the world's hands; thy looks and dress betoken it. Whom dost thou take me to be?'

'Take thee? Prithee, for whom else than whom thou art? I take thee to be Hugh Hendon,' said Miles, sharply.

The other continued, in the same soft tone:

'And whom dost thou imagine thyself to be?'

'Imagination hath naught to do with it! Dost thou pretend thou knowest me not for thy brother Miles Hendon?'

An expression of pleased surprise flitted across Hugh's face, and he exclaimed:

'What! thou art not jesting! can the dead come to life? God be praised if it be so! Our poor lost boy restored to our arms after all these cruel years! Ah, it seems too good to be true, it is too good to be true — I charge thee, have pity, do not trifle with me! Quick — come to the light — let me scan thee well!'

He seized Miles by the arm, dragged him to the window, and began to devour him from head to foot with his eyes, turning him this way and that, and stepping briskly around him and about him to prove him from all points of view; whilst the returned prodigal, all aglow with gladness, smiled, laughed, and kept nodding his head and saying:

'Go on, brother, go on, and fear not; thou'lt find nor limb nor feature that cannot bide the test. Scour and scan me to thy content, my dear old Hugh — I am indeed thy old Miles, thy same old Miles, thy lost brother, is't not so? Ah, 'tis a great day — I *said* 'twas a great day! Give me thy hand, give me thy cheek — lord, I am like to die of very joy!'

He was about to throw himself upon his brother; but Hugh put up his hand in dissent, then dropped his chin mournfully upon his breast, saying with emotion:

'Ah, God of his mercy give me strength to bear this grievous disappointment!' Miles, amazed, could not speak for a moment; then he found his tongue, and cried out:

'*What* disappointment? Am I not thy brother?'

Hugh shook his head sadly, and said:

'I pray heaven it may prove so, and that other eyes may find the resemblances that are hid from mine. Alack, I fear me the letter spoke but too truly.'

'What letter?'

'One that came from oversea, some six or seven years ago. It said my brother died in battle.'

'It was a lie! Call thy father — he will know me.'

'One may not call the dead.'

'Dead?' Miles's voice was subdued, and his lips trembled. 'My father dead! — oh, this is heavy news. Half my new joy is withered now. Prithee, let me see my brother Arthur — he will know me; he will know me and console me.'

'He, also, is dead.'

'God be merciful to me, a stricken man! Gone — both gone — the worthy taken and the worthless spared in me! Ah! I crave your mercy! — do not say the Lady Edith —'

'Is dead? No, she lives.'

'Then God be praised, my joy is whole again! Speed thee, brother — let her come to me! An' *she* say I am not myself — but she will not; no, no, *she* will know me, I were a fool to doubt it. Bring her — bring the old servants; they, too, will know me.'

'All are gone but five — Peter, Halsey, David, Bernard, and Margaret.'

So saying, Hugh left the room. Miles stood musing awhile, then began to walk the floor, muttering:

'The five arch villains (пятеро отъявленных негодяев) have survived the two-and-twenty leal and honest (пережили двух и двадцать = 22 верных и честных) — 'tis an odd thing (это странная вещь).'

He continued walking back and forth (он продолжал ходить взад и вперед), muttering to himself (бормоча себе /под нос/); he had forgotten the king entirely (он забыл короля полностью; *to forget* — *забывать*). By and by his majesty said gravely (вскоре его величество сказал важно), and with a touch of genuine compassion (и с оттенком истинного сострадания), though the words themselves (хотя сами слова) were capable of being interpreted ironically (могли быть интерпретированы иронически: «были способны...»; *capable* — *способный*):

'Mind not thy mischance (не заботься о своем злосчастье), good man (добрый человек); there be others in the world (есть и другие в мире) whose identity is denied (чья личность отрицается; *to deny* — *отрицать*), and whose claims are derided (и чьи утверждения осмеиваются). Thou hast company (у тебя есть компания = ты не один).'

'Ah, my king (ах, мой король),' cried Hendon (вскричал Хендон), coloring slightly (краснея слегка), 'do not thou condemn me (не выноси мне приговор; *to condemn* — *приговаривать*) — wait, and thou shalt see (подожди, и ты увидишь). I am no impostor (я не самозванец) — she will say it (она скажет это); you shall hear it (ты услышишь это) from the sweetest lips in England (из сладчайших губ в Англии). I an impostor (я — самозванец)? Why I know this old hall (почему же я знаю этот старый холл), these pictures of my ancestors (эти картины моих предков), and all these things that are about us (и все эти вещи, которые вокруг нас), as a child knoweth its own nursery (как ребенок знает свою собственную детскую). Here was I born and bred (здесь я был рожден и вскормлен; *to bear* — *рождать*; *to breed* — *выкормить, разводить*), my lord (милорд); I speak the truth (я говорю правду); I would not deceive thee (я не обманывал бы тебя); and should none else believe (и если никто другой не поверит; *should* — *должен*; *else* — *еще*), I pray thee do not *thou* doubt me (я молю тебя, не сомневайся во мне) — I could not bear it (я не мог бы этого вынести).'

'I do not doubt thee (я не сомневаюсь в тебе),' said the king (сказал король), with a childlike simplicity and faith (с детской простотой и верой).

'I thank thee out of my heart (я благодарю тебя из моего сердца = от всего сердца)!' exclaimed Hendon (воскликнул Хендон), with a fervency which showed (с горячностью, которая показала) that he was touched (что он был тронут). The king added (король добавил), with the same gentle simplicity (с той же мягкой простотой):

'Dost thou doubt *me* (сомневаешься ли ты во мне)?'

A guilty confusion seized upon Hendon (виноватое смущение охватило Гендона), and he was grateful (и он был благодарен) that the door opened to admit Hugh (что дверь открылась, чтобы впустить Хью), at that moment (в тот момент), and saved him the necessity of replying (и спасла его от необходимости ответить: «сберегла ему необходимость ответить»).

A beautiful lady (красивая дама), richly clothed (богато одетая), followed Hugh (проследовала за Хью), and after her came several liveried servants (и за ней пришли несколько одетых в ливреи слуг; *livery* — *ливрея*). The lady walked slowly (дама шла медленно), with her head bowed (с ее головой склоненной) and her eyes fixed upon the floor (и ее глазами уставившимися в пол). The face was unspeakably sad (лицо было несказанно грустным). Miles Hendon sprang forward (Майлс Хендон ринулся вперед; *to spring* — *прыгнуть*), crying out (крича):

'Oh, my Edith, my darling (о, моя Эдит, моя дорогая) —'

But Hugh waved him back (но Хью остановил его, махнув рукой; *to wave* — *махать*; *back* — *назад*), gravely (важно), and said to the lady (и сказал даме):

'Look upon him (взгляни на него). Do you know him (знаешь ли ты его)?'

At the sound of Miles's voice (при звуке голоса Майлса) the woman had started slightly (женщина вздрогнула слегка), and her cheeks had flushed (и ее щеки зарделись); she was trembling now (она дрожала теперь). She stood still (она стояла неподвижно; *to stand* — *стоять*), during an impressive pause of several moments (в течение впечатляющей паузы на несколько секунд); then slowly lifted up her head (затем медленно подняла вверх голову) and looked into Hendon's eyes (и заглянула в глаза Хендона) with a stony and frightened gaze (каменным и испуганным взором); the blood sank out of her face (кровь отхлынула от ее лица; *to sink* — *тонуть, падать, снижаться*), drop by drop (капля за каплей), till nothing remained (пока ничего не осталось) but the gray pallor of death (кроме серой бледности смерти); then she said (затем она сказала), in a voice as dead as the face (голосом, таким же мертвым, как лицо), 'I know him not (я не знаю его)!' and turned (и повернулась), with a moan and

stifled sob (со стоном и подавленным рыданием), and tottered out of the room (и неверной походкой вышла из комнаты; *to totter* — идти неверной походкой).

survive [sə`vaɪv], condemn [kən`dem], reply [rɪ`plai]

'The five arch villains have survived the two-and-twenty leal and honest — 'tis an odd thing.'

He continued walking back and forth, muttering to himself; he had forgotten the king entirely. By and by his majesty said gravely, and with a touch of genuine compassion, though the words themselves were capable of being interpreted ironically:

'Mind not thy mischance, good man; there be others in the world whose identity is denied, and whose claims are derided. Thou hast company.'

'Ah, my king,' cried Hendon, coloring slightly, **'do not thou condemn me — wait, and thou shalt see. I am no impostor — she will say it; you shall hear it from the sweetest lips in England. I an impostor? Why I know this old hall, these pictures of my ancestors, and all these things that are about us, as a child knoweth its own nursery. Here was I born and bred, my lord; I speak the truth; I would not deceive thee; and should none else believe, I pray thee do not *thou* doubt me — I could not bear it.'**

'I do not doubt thee,' said the king, with a childlike simplicity and faith.

'I thank thee out of my heart!' exclaimed Hendon, with a fervency which showed that he was touched. The king added, with the same gentle simplicity:

'Dost thou doubt *me*?'

A guilty confusion seized upon Hendon, and he was grateful that the door opened to admit Hugh, at that moment, and saved him the necessity of replying.

A beautiful lady, richly clothed, followed Hugh, and after her came several liveried servants. The lady walked slowly, with her head bowed and her eyes

fixed upon the floor. The face was unspeakably sad. Miles Hendon sprang forward, crying out:

'Oh, my Edith, my darling —'

But Hugh waved him back, gravely, and said to the lady:

'Look upon him. Do you know him?'

At the sound of Miles's voice the woman had started slightly, and her cheeks had flushed; she was trembling now. She stood still, during an impressive pause of several moments; then slowly lifted up her head and looked into Hendon's eyes with a stony and frightened gaze; the blood sank out of her face, drop by drop, till nothing remained but the gray pallor of death; then she said, in a voice as dead as the face, 'I know him not!' and turned, with a moan and stifled sob, and tottered out of the room.

Miles Hendon sank into a chair (Майлс Хендон рухнул в кресло; *to sink* — *падать, погружаться*) and covered his face with his hands (и закрыл лицо руками). After a pause (после паузы), his brother said to the servants (его брат сказал слугам):

'You have observed him (вы наблюдали за ним). Do you know him (вы знаете его)?'

They shook their heads (они покачали головами; *to shake* — *трясти, качать*); then the master said (тогда хозяин сказал):

'The servants know you not, sir (слуги не знают вас, сэр). I fear (я боюсь) there is some mistake (есть = здесь какая-то ошибка). You have seen (вы видели) that my wife knew you not (что моя жена не узнала вас; *to know* — *знать*).'

'Thy *wife* (твоя жена)!' In an instant Hugh was pinned to the wall (в мгновение Хью был пригвожден к стене), with an iron grip about his throat (с железной хваткой вокруг его горла). 'Oh, thou fox-hearted slave (ах ты раб с лисьим сердцем = вероломный; *fox* — *лиса*; *heart* — *сердце*), I see it all (я вижу = понимаю это все)! Thou'st writ the lying letter thyself (ты написал лживое письмо сам; *writ вместо written* — *от to write* — *писать*), and my stolen bride

and goods are its fruit (и моя украденная невеста и имущество — его плоды; *to steal* — *красть*). There (вот) — now get thee gone (теперь убирайся: «сделай себя ушедшим»; *to go* — *идти*), lest I shame mine honorable soldiership (чтобы я не замарал своей чистой воинской чести; *lest* — *чтобы не*; *honorable* — *благородный*; *soldiership* — *воинское поведение*) with the slaying of so pitiful a manikin (убийством такой жалкой твари; *to slay* — *убивать*; *manikin* — *карлик, человечек*)!

Hugh, red-faced (Хью, с красным лицом) and almost suffocated (и почти задушенный), reeled to the nearest chair (доковылял до ближайшего стула), and commanded the servants (и приказал слугам) to seize and bind the murderous stranger (схватить и связать кровожадного гостя). They hesitated (они колебались), and one of them said (и один из них сказал):

'He is armed, Sir Hugh (он вооружен, сэр Хью), and we are weaponless (а мы безоружны).'

'Armed (вооружен)? What of it (что с того), and ye so many (ведь вас так много; *ye* — *устар. вместо you* — *вы*)? Upon him, I say (на него, я говорю)!

But Miles warned them (но Майлс предупредил их) to be careful what they did (быть осторожными в том, что они делали; *to do* — *делать*), and added (и добавил):

'Ye know me of old (вы знаете меня со старых времен) — I have not changed (я не изменился); come oh, an it like you (идите, если это годится вам).'

This reminder did not hearten the servants much (это напоминание не воодушевило слуг много = особенно); they still held back (они все еще медлили; *to hold back* — *медлить*: «держаться назад»).

'Then go, ye paltry cowards (тогда идите, вы, ничтожные трусы), and arm yourselves (и вооружитесь) and guard the doors (и охраняйте двери), while I send one to fetch the watch (пока я пошлю одного привести стражу),' said Hugh (сказал Хью). He turned, at the threshold (он повернулся на пороге), and said to Miles (и сказал Майлсу), 'You'll find it to your advantage (вы найдете это к

вашему преимуществу = в ваших же интересах) to offend not with useless endeavours at escape (не грешить бесполезными попытками к бегству).'
'Escape (бегству)? Spare thyself discomfort (сэкономь на неудобстве = не беспокойся), an that is all that troubles thee (если это все, что тревожит тебя).
For Miles Hendon is master of Hendon Hall (ибо Майлс Хендон — хозяин Хендон-холла) and all its belongings (и всех его принадлежностей = всего, что в нем). He will remain (он останется) — doubt it not (не сомневайся в этом).'

iron [aɪən], weapon [ˈweɪpən], endeavour [ɪnˈdevə]

Miles Hendon sank into a chair and covered his face with his hands. After a pause, his brother said to the servants:

'You have observed him. Do you know him?'

They shook their heads; then the master said:

'The servants know you not, sir. I fear there is some mistake. You have seen that my wife knew you not.'

'Thy *wife*!' In an instant Hugh was pinned to the wall, with an iron grip about his throat. 'Oh, thou fox-hearted slave, I see it all! Thou'st writ the lying letter thyself, and my stolen bride and goods are its fruit. There — now get thee gone, lest I shame mine honorable soldiership with the slaying of so pitiful a manikin!'

Hugh, red-faced and almost suffocated, reeled to the nearest chair, and commanded the servants to seize and bind the murderous stranger. They hesitated, and one of them said:

'He is armed, Sir Hugh, and we are weaponless.'

'Armed? What of it, and ye so many? Upon him, I say!'

But Miles warned them to be careful what they did, and added:

'Ye know me of old — I have not changed; come oh, an it like you.'

This reminder did not hearten the servants much; they still held back.

'Then go, ye paltry cowards, and arm yourselves and guard the doors, while I send one to fetch the watch,' said Hugh. He turned, at the threshold, and said to Miles, 'You'll find it to your advantage to offend not with useless endeavours at escape.'

'Escape? Spare thyself discomfort, an that is all that troubles thee. For Miles Hendon is master of Hendon Hall and all its belongings. He will remain — doubt it not.'

CHAPTER XXVI (Глава двадцать шестая)

Disowned (Не признан)

THE king sat musing a few moments (король сидел, размышляя, несколько минут; *to sit* — *сидеть*), then looked up and said (затем взглянул вверх = поднял глаза и сказал):

"Tis strange (это странно; *'tis = it is*) — most strange (весьма странно). I cannot account for it (я не могу объяснить этого: «дать отчет за это»).'

'No, it is not strange, my liege (нет, это не странно, мой властелин). I know him (я знаю его), and this conduct is but natural (и это поведение только естественно). He was a rascal (он был негодяем) from his birth (со своего рождения).'

'Oh, I spake not of *him*, Sir Miles (о, я говорил не о нем, сэр Майлс; *spake* — *устар. вместо spoke от to speak* — *говорить*).'

'Not of him (не о нем)? Then of what (тогда о чем)? What is it (что это) that is strange (что странно)?'

'That the king is not missed (что короля не ищут; *to miss* — *обнаружить отсутствие*).'

'How (как)? Which (какой)? I doubt I do not understand (я подозреваю, что не понимаю).'

'Indeed (действительно)! Doth it not strike you as being passing strange (не кажется ли это тебе чрезвычайно странным; *to strike* — бить, производить впечатление; *passing* — весьма) that the land is not filled with couriers and proclamations (что страна не наполнена курьерами и прокламациями) describing my person (описывающими мою персону) and making search for me (и производящими поиск меня)? Is it no matter for commotion and distress (не является ли это поводом для смятения и горя) that the head of the state is gone (что глава государства исчез; *to go* — уходит, исчезать)? — that I am vanished away and lost (что я исчез прочь и потерялся; *to vanish* — исчезать; *to lose* — терять)?'

'Most true, my king (совершенно верно, мой король), I had forgot (я забыл; *forgot* — устар. вместо *forgotten om to forget* — забывать).' Then Hendon sighed (затем Хендон вздохнул), and muttered to himself (и пробормотал сам себе). 'Poor ruined mind (бедный разрушенный разум) — still busy with its pathetic dream (все еще занят своей жалкой мечтой; *pathetic* — жалостный, трогательный, умилительный; *патетический*).'

'But I have a plan (но у меня есть план) that shall right us both (который защитит нас обоих). I will write a paper (я напишу бумагу), in three tongues (на трех языках) — Latin, Greek, and English (латыни, греческом и английском) — and thou shall haste away with it to London (а ты поспешишь с ней в Лондон) in the morning (утром). Give it to none (не давай ее никому) but my uncle (кроме моего дяди), the Lord Hertford (лорда Хартфорда); when he shall see it (когда он увидит ее), he will know and say (он узнает и скажет) I wrote it (что я написал ее; *to write* — писать). Then he will send for me (тогда он пошлет за мной).'

'Might it not be best (не может быть ли это быть лучшим /вариантом/), my prince (мой принц), that we wait here (чтобы мы подождали здесь) until I prove myself (пока я не подтвержу себя = свою личность) and make my rights secure to my domains (и сделаю свои права защищенными на мои владения)? I should

be so much the better able then to (я был бы так много = гораздо лучше способен тогда) —'

The king interrupted him imperiously (король прервал его властно/надменно): 'Peace (тихо)! What are thy paltry domains (что такое твои ничтожные владения), thy trivial interests (твои низкие интересы), contrasted with matters (по сравнению с делами; *to contrast* — сопоставлять) which concern the weal of a nation (которые касаются благосостояния нации) and the integrity of a throne (и сохранности престола)!' Then he added (затем он добавил), in a gentle voice (мягким голосом), as if he were sorry for his severity (как будто он сожалел о своей суровости; *sorry* — сожалеющий), 'Obey and have no fear (повинуйся и не имей страха); I will right thee (восстановлю в правах тебя), I will make thee whole (я сделаю тебя целым = невредимым) — yes, more than whole (да, больше, чем целым). I shall remember, and requite (я запомню и вознагражу).'

So saying (так говоря), he took the pen (он взял перо), and set himself to work (и принялся за работу; *to set to* — приняться за). Hendon contemplated him lovingly awhile (Хендон наблюдал за ним с любовью некоторое время), then said to himself (затем сказал себе):

'An it were dark (если было бы темно), I should think (я подумал бы) it was a king that spoke (что это был король, кто говорил; *to speak* — говорить); there's no denying it (нет никакого отрицания этого = сомнения в этом), when the humor's upon him (когда настроение на нем = когда на него находит) he doth thunder and lighten (он мечет громаы и молнии; *to thunder* — греметь; *to lighten* — вспыхивать) like your true king (что твой настоящий король) — now where got he that trick (где же он взял это умение; *to get* — взять, раздобыть)? See him scribble and scratch away (посмотрите как он строчит и царапает прочь = пишет) contentedly (удовлетворенно) at his meaningless pot-hooks (свои бессмысленные каракули), fancying them to be (воображая их быть = что они) Latin and Greek (латынь и греческий) — and except my wit shall serve me (и за исключением = если мой разум не послужит мне) with a lucky device

(удачным средством) for diverting him from his purpose (для того, чтобы отвлечь его от его намерения), I shall be forced to pretend (я буду вынужден притвориться) to post away to-morrow (отправить = что отправлю почту завтра) on this wild errand (по этому дикому поручению) which he hath invented for me (которое он придумал для меня).'

natural [ˈnætʃ(ə)r(ə)l], courier [ˈkʊriə], severe [siˈviə], severity [siˈveriti]

THE king sat musing a few moments, then looked up and said:

'Tis strange — most strange. I cannot account for it.'

'No, it is not strange, my liege. I know him, and this conduct is but natural. He was a rascal from his birth.'

'Oh, I spake not of *him*, Sir Miles.'

'Not of him? Then of what? What is it that is strange?'

'That the king is not missed.'

'How? Which? I doubt I do not understand.'

'Indeed! Doth it not strike you as being passing strange that the land is not filled with couriers and proclamations describing my person and making search for me? Is it no matter for commotion and distress that the head of the state is gone? — that I am vanished away and lost?'

'Most true, my king, I had forgot.' Then Hendon sighed, and muttered to himself. 'Poor ruined mind — still busy with its pathetic dream.'

'But I have a plan that shall right us both. I will write a paper, in three tongues — Latin, Greek, and English — and thou shall haste away with it to London in the morning. Give it to none but my uncle, the Lord Hertford; when he shall see it, he will know and say I wrote it. Then he will send for me.'

'Might it not be best, my prince, that we wait here until I prove myself and make my rights secure to my domains? I should be so much the better able then to —'

The king interrupted him imperiously:

'Peace! What are thy paltry domains, thy trivial interests, contrasted with matters which concern the weal of a nation and the integrity of a throne!' Then he added, in a gentle voice, as if he were sorry for his severity, 'Obey and have no fear; I will right thee, I will make thee whole — yes, more than whole. I shall remember, and requite.'

So saying, he took the pen, and set himself to work. Hendon contemplated him lovingly awhile, then said to himself:

'An it were dark, I should think it was a king that spoke; there's no denying it, when the humor's upon him he doth thunder and lighten like your true king — now where got he that trick? See him scribble and scratch away contentedly at his meaningless pot-hooks, fancying them to be Latin and Greek — and except my wit shall serve me with a lucky device for diverting him from his purpose, I shall be forced to pretend to post away to-morrow on this wild errand which he hath invented for me.'

The next moment (в следующий момент) Sir Miles's thoughts (мысли сэра Майлса) had gone back (вернулись: «пошли назад»; *to go* — *идти*) to the recent episode (к недавнему эпизоду). So absorbed was he in his musings (так поглощен он был в своих размышлениях), that when the king presently handed him the paper (что когда король вскоре вручил ему бумагу) which he had been writing (которую он писал), he received it (он получил ее) and pocketed it (и положил ее в карман) without being conscious (не осознавая: «без того, чтобы быть осознающим») of the act (этого действия). 'How marvelous strange she acted (как удивительно странно она вела себя),' he muttered (он пробормотал). 'I think she knew me (я думаю, она узнала меня; *to know* — *знать*) — and I think she did *not* know me (и я думаю, что она не узнала меня). These opinions do conflict (эти мнения конфликтуют), I perceive it plainly (я вижу это ясно); I cannot reconcile them (я не могу примирить их), neither can I (и я не могу; *neither* — *и не*), by argument (на основании разумных доводов), dismiss either of the two (отвергнуть ни одно из этих двух), or even persuade one to outweigh

the other (или даже убедить одно перевесить другое). The matter standeth simply thus (дело обстоит просто так): she *must* have known my face (она, должно быть, узнала мое лицо; *must* — *должен*), my figure, my voice (мою фигуру, мой голос), for how could it be otherwise (ибо как могло это быть иначе)? Yet she *said* she knew me not (и все же она сказала, что не узнала меня), and that is proof perfect (и это доказательство совершенное), for she cannot lie (ибо она не может лгать). But stop (но стой) — I think I begin to see (я думаю, я начинаю видеть = понимать). Peradventure he hath influenced her (возможно, он оказал влияние на нее) — commanded her (приказал ей) — compelled her to lie (вынудил ее солгать). That is the solution (вот решение)! The riddle is unriddled (загадка разгадана). She seemed dead with fear (она казалась помертвевшей от страха) — yes, she was under his compulsion (да, она была под его принуждением). I will seek her (я буду искать ее); I will find her (я найду ее); now that he is away (сейчас, когда он далеко), she will speak her true mind (она выскажет свои истинные мысли). She will remember the old times (она вспомнит старые времена) when we were little playfellows together (когда мы были маленькими товарищами по играм вместе; *fellow* — *товарищ*), and this will soften her heart (и это смягчит ее сердце), and she will no more betray me (и она не будет больше предавать меня), but will confess me (но признает меня). There is no treacherous blood in her (нет предательской крови в ней) — no, she was always honest and true (нет, она всегда была честна и верна). She has loved me in those old days (она любила меня в те старые дни) — this is my security (это мне порука); for whom one has loved, one cannot betray (ибо кого человек любил, он не может предать).'

He stepped eagerly toward the door (он ступил нетерпеливо к двери); at that moment it opened (в тот же момент она открылась), and the Lady Edith entered (и леди Эдит вошла). She was very pale (она была очень бледна), but she walked with a firm step (но она шагала крепким шагом), and her carriage was full of grace and gentle dignity (и ее стать была полна изящества и кроткого

достоинства). Her face was as sad as before (ее лицо было так же печально, как прежде).

Miles sprang forward (Майлс ринулся вперед; *to spring* — прыгать), with a happy confidence (с радостной доверчивостью), to meet her (чтобы встретить ее), but she checked him (но она остановила его) with a hardly perceptible gesture (едва заметным жестом), and he stopped where he was (и он остановился, где он был). She seated herself (она уселась), and asked him to do likewise (и попросила его сделать так же). Thus simply did she take the sense of old-comradeship out of him (так просто вынула она чувство старого товарищества из него = лишила его...), and transform him into a stranger and a guest (и преобразила его в незнакомца и гостя). The surprise of it (удивление этого), the bewildering unexpectedness of it (озадачивающая неожиданность этого), made him begin to question (заставила его усомниться: «начать сомневаться»), for a moment (на секунду), if he *was* the person he was pretending to be (был ли он человеком, которым он притворялся быть), after all (в конце концов: «после всего»). The Lady Edith said (леди Эдит сказала): 'Sir, I have come to warn you (сэр, я пришла предупредить вас). The mad cannot be persuaded out of their delusions, perchance (сумасшедшие не могут быть разубеждены в своих заблуждениях, возможно); but doubtless they may be persuaded to avoid perils (но, несомненно, они могут быть убеждены избежать гибели). I think this dream of yours (я думаю, что эта мечта ваша) hath the seeming of honest truth to you (имеет вид истинной правды для вас), and therefore is not criminal (и, следовательно, не является преступной) — but do not tarry here with it (но не медлите здесь с ней); for here it is dangerous (ибо это опасно).' She looked steadily into Miles's face a moment (она смотрела неотрывно в лицо Майлса минуту), then added, impressively (за тем добавила выразительно), 'It is the more dangerous for (это тем более опасно из-за того) that you are much like (что вы много = очень похожи на то) what our lost lad must have grown to be (чем наш потерянный мальчик должен был вырасти, чтобы быть), if he had lived (если бы он выжил).'

'Heavens, madam (Боже мой, мадам), but I *am* he (но я — он)!'

recent [ˈri:sənt], honest [ˈɒnɪst], steadily [ˈstedɪli]

The next moment Sir Miles's thoughts had gone back to the recent episode. So absorbed was he in his musings, that when the king presently handed him the paper which he had been writing, he received it and pocketed it without being conscious of the act. 'How marvelous strange she acted,' he muttered. 'I think she knew me — and I think she did *not* know me. These opinions do conflict, I perceive it plainly; I cannot reconcile them, neither can I, by argument, dismiss either of the two, or even persuade one to outweigh the other. The matter standeth simply thus: she *must* have known my face, my figure, my voice, for how could it be otherwise? Yet she *said* she knew me not, and that is proof perfect, for she cannot lie. But stop — I think I begin to see.

Peradventure he hath influenced her — commanded her — compelled her to lie. That is the solution! The riddle is unriddled. She seemed dead with fear — yes, she was under his compulsion. I will seek her; I will find her; now that he is away, she will speak her true mind. She will remember the old times when we were little playfellows together, and this will soften her heart, and she will no more betray me, but will confess me. There is no treacherous blood in her — no, she was always honest and true. She has loved me in those old days — this is my security; for whom one has loved, one cannot betray.'

He stepped eagerly toward the door; at that moment it opened, and the Lady Edith entered. She was very pale, but she walked with a firm step, and her carriage was full of grace and gentle dignity. Her face was as sad as before. Miles sprang forward, with a happy confidence, to meet her, but she checked him with a hardly perceptible gesture, and he stopped where he was. She seated herself, and asked him to do likewise. Thus simply did she take the sense of old-comradeship out of him, and transform him into a stranger and a guest. The surprise of it, the bewildering unexpectedness of it, made him begin

to question, for a moment, if he *was* the person he was pretending to be, after all. The Lady Edith said:

'Sir, I have come to warn you. The mad cannot be persuaded out of their delusions, perchance; but doubtless they may be persuaded to avoid perils. I think this dream of yours hath the seeming of honest truth to you, and therefore is not criminal — but do not tarry here with it; for here it is dangerous.' She looked steadily into Miles's face a moment, then added, impressively, 'It is the more dangerous for that you are much like what our lost lad must have grown to be, if he had lived.'

'Heavens, madam, but I *am* he!'

'I truly think you think it, sir (я действительно думаю, что вы думаете это = так, сэръ). I question not your honesty in that (я не подвергаю сомнению вашу честность в этом) — I but warn you (я только предупреждаю вас), that is all (это все). My husband is master in this region (мой муж — хозяин в этой области); his power hath hardly any limit (его власть имеет едва ли какие-либо пределы); the people prosper or starve (люди процветают или мрут голодной смертью), as he wills (как он желает). If you resembled not the man (если бы вы не походили на человека) whom you profess to be (за которого вы себя выдаете: «кем вы заявляете быть»), my husband might bid you pleasure yourself (мой муж мог бы велеть вам тешить себя) with your dream in peace (вашей мечтой в покое); but trust me (но поверьте мне), I know him well (я знаю его хорошо), I know what he will do (я знаю, что он сделает); he will say to all (он скажет всем) that you are but a mad impostor (что вы только сумасшедший самозванец), and straightway all will echo him (и сразу же все будут вторить ему).' She bent upon Miles that same steady look once more (она устремила на Майлса тот же самый пристальный взгляд еще раз: «один раз больше»; *to bend* — *направить*), and added (и прибавила): 'If you were Miles Hendon (если бы вы были Майлсом Хендоном), and he knew it (и он знал бы это; *to know* — *знать*) and all the region knew it (и вся местность знала бы это) — consider

what I am saying (примите во внимание, что я говорю), weigh it well (взвесьте это хорошо) — you would stand in the same peril (вы бы стояли = находились в той же опасности), your punishment would be no less sure (ваше наказание было бы не менее неотвратимо); he would deny you (он бы отверг вас) and denounce you (и донес бы на вас), and none would be bold enough (и никто не был бы смелым достаточно) to give you countenance (оказать вам поддержку). 'Most truly I believe it (совершенно истинно я верю этому),' said Miles, bitterly (сказал Майлс горько). 'The power that can command one lifelong friend (сила, которая может приказать другу всей жизни; *lifelong* — *продолжающийся всю жизнь*: «жизнедлинный») to betray and disown another (предать и не признать другого), and be obeyed (и которой подчинятся), may well look to be obeyed in quarters (может рассчитывать /на то, что ей/ будут подчиняться в кругах = среди тех людей) where bread and life are on the stake (где хлеб и жизнь на кону) and no cobweb ties (и никакие паутинные путы) of loyalty and honor (преданности и чести) are concerned (не затронуты).'

A faint tinge appeared for a moment in the lady's cheek (легкая краска появилась на секунду на щеках дамы), and she dropped her eyes to the floor (и она опустила свои глаза к полу); but her voice betrayed no emotion (но ее голос не выдал никакой эмоции) when she proceeded (когда она продолжила):

'I have warned you (я предупредила вас), I must still warn you (я должна все еще предупредить вас), to go hence (уйти отсюда). This man will destroy you else (не то этот человек погубит вас; *else* — *иначе*). He is a tyrant (он тиран) who knows no pity (который не знает никакой жалости). I, who am his fettered slave (я, которая являюсь его скованной рабыней; *fetter* — *путы /для животных/; ножные кандалы*), know this (знаю это). Poor Miles, and Arthur (бедный Майлс и Артур), and my dear guardian, Sir Richard (и мой дорогой опекун, сэр Ричард), are free of him (свободны от него), and at rest (и упокоились; *rest* — *отдых*) — better that you were with them (лучше, чтобы вы были с ними) than that you bide here (чем чтобы вы оставались здесь) in the clutches of this miscreant (в когтях этого злодея). Your pretensions are a menace

to his title and possessions (ваши притязания — угроза его титулу и владениям); you have assaulted him (вы напали на него) in his own house (в его собственном доме) — you are ruined if you stay (вы разрушены = погибли, если вы останетесь). Go (идите) — do not hesitate (не сомневайтесь). If you lack money (если вам не хватает денег; *to lack* — не иметь), take this purse (возьмите этот кошелек), I beg of you (я прошу вас), and bribe the servants (и подкупите слуг) to let you pass (чтобы позволить = чтобы они позволили вам пройти). Oh, be warned, poor soul (ах, будьте предупреждены, бедная душа), and escape while you may (и спасайтесь бегством, пока вы можете).'

Miles declined the purse with a gesture (Майлс отклонил кошелек = отказался от кошелька жестом), and rose up (и встал; *to rise* — вставать; *up* — вверх) and stood before her (и стал рядом с ней (*to stand* — стоять)).

'Grant me one thing (подарите мне одну вещь = окажите одну услугу),' he said (он сказал). 'Let your eyes rest upon mine (пусть ваши глаза задержатся на моих), so that I may see (чтобы я мог видеть) if they be steady (тверды ли они = их взгляд; *if* — ли). There (вот) — now answer me (теперь отвечайте мне). Am I Miles Hendon (я — Майлс Хендон)?'

'No (нет). I know you not (я не знаю вас).'

'Swear it (поклонитесь в этом)!'

The answer was low (ответ был тихим), but distinct (но отчетливым):

'I swear (я клянусь).'

'Oh, this passes belief (о, это «превосходит веру» = невероятно)!'

'Fly (летите = бегите)! Why will you waste the precious time (зачем вам тратить драгоценное время)? Fly and save yourself (бегите и спасайтесь).'

At that moment the officers burst into the room (в этот момент полицейские ворвались в комнату; *to burst* — взрывать(ся)) and a violent struggle began (и жестокая борьба началась; *to begin* — начинать); but Hendon was soon overpowered (но Хендон был скоро побежден) and dragged away (и уведен прочь; *to drag* — тащить). The king was taken also (король был схвачен

также; *to take* — брать), and both were bound (и оба были связаны; *to bind* — вязать) and led to prison (и препровождены в тюрьму; *to lead* — вести).

disown [di`səun], tyrant [ˈtai(ə)rənt], assault [ə`sɔ:lt]

'I truly think you think it, sir. I question not your honesty in that — I but warn you, that is all. My husband is master in this region; his power hath hardly any limit; the people prosper or starve, as he wills. If you resembled not the man whom you profess to be, my husband might bid you pleasure yourself with your dream in peace; but trust me, I know him well, I know what he will do; he will say to all that you are but a mad impostor, and straightway all will echo him.' She bent upon Miles that same steady look once more, and added: **'If you were Miles Hendon, and he knew it and all the region knew it — consider what I am saying, weigh it well — you would stand in the same peril, your punishment would be no less sure; he would deny you and denounce you, and none would be bold enough to give you countenance.'** **'Most truly I believe it,'** said Miles, bitterly. **'The power that can command one lifelong friend to betray and disown another, and be obeyed, may well look to be obeyed in quarters where bread and life are on the stake and no cobweb ties of loyalty and honor are concerned.'**

A faint tinge appeared for a moment in the lady's cheek, and she dropped her eyes to the floor; but her voice betrayed no emotion when she proceeded:

'I have warned you, I must still warn you, to go hence. This man will destroy you else. He is a tyrant who knows no pity. I, who am his fettered slave, know this. Poor Miles, and Arthur, and my dear guardian, Sir Richard, are free of him, and at rest — better that you were with them than that you bide here in the clutches of this miscreant. Your pretensions are a menace to his title and possessions; you have assaulted him in his own house — you are ruined if you stay. Go — do not hesitate. If you lack money, take this purse, I beg of you,

and bribe the servants to let you pass. Oh, be warned, poor soul, and escape while you may.'

Miles declined the purse with a gesture, and rose up and stood before her.

'Grant me one thing,' he said. 'Let your eyes rest upon mine, so that I may see if they be steady. There — now answer me. Am I Miles Hendon?'

'No. I know you not.'

'Swear it!'

The answer was low, but distinct:

'I swear.'

'Oh, this passes belief!'

'Fly! Why will you waste the precious time? Fly and save yourself.'

At that moment the officers burst into the room and a violent struggle began; but Hendon was soon overpowered and dragged away. The king was taken also, and both were bound and led to prison.

CHAPTER XXVII (Глава двадцать седьмая)

In Prison (В тюрьме)

THE cells were all crowded (камеры были все переполнены); so the two friends were chained in a large room (так что двое друзей были прикованы в большой комнате) where persons charged with trifling offenses (где люди, обвиняемые в пустяковых нарушениях) were commonly kept (обычно содержались; *to keep* — *держатъ, хранить*). They had company (у них была компания), for there were some twenty manacled (так как было около двадцати закованных в наручники; *manacle* — *наручники*) or fettered prisoners here (или связанных заключенных здесь), of both sexes (обоих полов) and of varying ages (и разнообразных возрастов) — an obscene and noisy gang (непристойная и шумная толпа). The king chafed bitterly (король горячился горько) over the

stupendous indignity (из-за колоссального оскорбления/унижения; *stupendous* — изумительный; громадный; огромной важности; *dignity* — достоинство) thus put upon his royalty (таким образом нанесенного его королевскому достоинству), but Hendon was moody and taciturn (но Хендон был угрюм и молчалив). He was pretty thoroughly bewildered (он был очень основательно озадачен). He had come home (он вернулся домой), a jubilant prodigal (ликующий блудный сын), expecting to find everybody wild with joy (ожидаю найти всех дикими от радости) over his return (из-за его возвращения); and instead had got the cold shoulder (а вместо этого получил холодный прием: «плечо»; *to get* — получить) and a jail (и тюрьму). The promise and the fulfilment differed so widely (обещание и выполнение различались так широко = сильно), that the effect was stunning (что эффект был ошеломляющий); he could not decide (он не мог решить) whether it was (было ли это) most tragic or most grotesque (очень трагично или очень гротескно). He felt much as a man might (он чувствовал себя много = как раз как человек мог быть) who had danced blithely out (который выскочил ликующе наружу) to enjoy a rainbow (чтобы насладиться радугой), and got struck by lightning (и был сражен молнией; *to strike* — бить).

But gradually his confused and tormenting thoughts (но постепенно его спутанные и мучительные мысли) settled down into some sort of order (установились в некоторый порядок), and then his mind centered itself upon Edith (а затем его мысли сосредоточились на Эдит). He turned her conduct over (он переворачивал ее поведение = обдумывал со всех сторон), and examined it in all lights (и изучал его во всех освещенностях), but he could not make anything satisfactory out of it (но он не мог сделать чего-либо удовлетворительного из этого = никакого вывода). Did she know him (узнала ли она его)? — or didn't she know him (или она не узнала его)? It was a perplexing puzzle (это была озадачивающая головоломка), and occupied him a long time (и занимала его долгое время); but he ended, finally, with the conviction (но он закончил, наконец, убеждением) that she did know him (что она все-таки узнала его:

«сделала узнать»), and had repudiated him for interested reasons (и отреклась от него по корыстным причинам). He wanted to load her name with curses now (он хотел осыпать ее имя проклятиями теперь); but this name had so long been sacred to him (но это имя так долго было священным для него) that he found he could not (что он обнаружил, что не мог; *to find* — *найти*) bring his tongue to profane it (заставить свой язык осквернить его).

Wrapped in prison blankets (закутанные в тюремные одеяла) of a soiled and tattered condition (грязного и потрепанного состояния), Hendon and the king passed a troubled night (Хендон и король провели тревожную ночь). For a bribe the jailer had furnished liquor (за взятку тюремщик поставлял спиртные напитки) to some of the prisoners (некоторым из заключенных); singing of ribald songs (пение непристойных песен), fighting, shouting, and carousing (драки, крики и кутеж), was the natural consequence (было естественным следствием). At last (наконец), awhile after midnight (через некоторое время после полуночи), a man attacked a woman (один мужчина напал на женщину) and nearly killed her (и почти убил ее) by beating her over the head (избивая ее по голове) with his manacles (своими наручниками) before the jailer could come to the rescue (прежде чем тюремщик смог прийти на помощь). The jailer restored peace (тюремщик восстановил мир) by giving the man a sound clubbing (тем, что дал мужчине основательное избиение дубинкой = основательно поколотил) about the head and shoulders (по голове и плечам) — then the carousing ceased (тогда кутеж прекратился); and after that (а после этого), all had an opportunity to sleep (все получили возможность поспать) who did not mind the annoyance (кто не обращал внимания на раздражение = шум) of the moanings and groanings of the two wounded people (стонов и оханий двух раненых людей).

During the ensuing week (в течение последовавшей недели), the days and nights were of a monotonous sameness (дни и ночи были = отличались монотонной одинаковостью), as to events (что до событий); men whose faces Hendon remembered more or less distinctly (люди, чьи лица Хендон запомнил более

или менее четко) came, by day, to gaze (поглазеть) at the 'impostor' (приходили днем поглазеть на «самозванца») and repudiate and insult him (и отречься /отказаться признать/ и оскорбить его); and by night the carousing and brawling went on (а ночью кутежи и скандалы продолжались; *to go on* — *продолжаться*: «идти дальше»), with symmetrical regularity (с симметричной = такой же регулярностью). However, there was a change of incident at last (однако, произошла перемена наконец). The jailer brought in an old man, and said to him (тюремщик привел внутрь старика и сказал ему; *to bring* — *приносить, приводить*):

'The villain is in this room (этот негодяй — в этой комнате) — cast thy old eyes about (взгляни вокруг; *to cast* — *бросать*; *eyes* — *глаза*) and see if thou canst say (и посмотри, можешь ли ты сказать) which is he (который он).'

thoroughly [ˈθʌrəli], examine [ɪgˈzæmɪn], monotonous [məˈnɒtənəs]

THE cells were all crowded; so the two friends were chained in a large room where persons charged with trifling offenses were commonly kept. They had company, for there were some twenty manacled or fettered prisoners here, of both sexes and of varying ages — an obscene and noisy gang. The king chafed bitterly over the stupendous indignity thus put upon his royalty, but Hendon was moody and taciturn. He was pretty thoroughly bewildered. He had come home, a jubilant prodigal, expecting to find everybody wild with joy over his return; and instead had got the cold shoulder and a jail. The promise and the fulfilment differed so widely, that the effect was stunning; he could not decide whether it was most tragic or most grotesque. He felt much as a man might who had danced blithely out to enjoy a rainbow, and got struck by lightning. But gradually his confused and tormenting thoughts settled down into some sort of order, and then his mind centered itself upon Edith. He turned her conduct over, and examined it in all lights, but he could not make anything satisfactory out of it. Did she know him? — or didn't she know him? It was a

perplexing puzzle, and occupied him a long time; but he ended, finally, with the conviction that she did know him, and had repudiated him for interested reasons. He wanted to load her name with curses now; but this name had so long been sacred to him that he found he could not bring his tongue to profane it.

Wrapped in prison blankets of a soiled and tattered condition, Hendon and the king passed a troubled night. For a bribe the jailer had furnished liquor to some of the prisoners; singing of ribald songs, fighting, shouting, and carousing, was the natural consequence. At last, awhile after midnight, a man attacked a woman and nearly killed her by beating her over the head with his manacles before the jailer could come to the rescue. The jailer restored peace by giving the man a sound clubbing about the head and shoulders — then the carousing ceased; and after that, all had an opportunity to sleep who did not mind the annoyance of the moanings and groanings of the two wounded people.

During the ensuing week, the days and nights were of a monotonous sameness, as to events; men whose faces Hendon remembered more or less distinctly came, by day, to gaze at the 'impostor' and repudiate and insult him; and by night the carousing and brawling went on, with symmetrical regularity. However, there was a change of incident at last. The jailer brought in an old man, and said to him:

'The villain is in this room — cast thy old eyes about and see if thou canst say which is he.'

Hendon glanced up (Хендон взглянул вверх = поднял глаза), and experienced a pleasant sensation (и испытал приятное ощущение) for the first time since he had been in the jail (в первый раз с тех пор как он был в тюрьме). He said to himself (он сказал себе), 'This is Blake Andrews (это Блейк Эндрюс), a servant all his life in my father's family (слуга всю свою жизнь в семье моего отца) — a good honest soul (добрая, честная душа), with a right heart in his breast (с

прямым сердцем в груди). That is, formerly (то есть — раньше). But none are true now (но никто не верен сейчас); all are liars (все лгуны). This man will know me (этот человек узнает меня) — and will deny me, too (и оттолкнет меня тоже), like the rest (как остальные).'

The old man gazed around the room (старик оглядел комнату; *to gaze* — *глядеть, глазеть*; *around* — *вокруг*), glanced at each face in turn (взглянул на каждое лицо по очереди), and finally said (и наконец сказал):

'I see none here but paltry knaves (я не вижу никого здесь кроме презренных жуликов), scum o' the streets (отбросы улиц; *o' = of*). Which is he (который он)?'

The jailer laughed (тюремщик рассмеялся).

'Here (вот),' he said (он сказал); 'scan this big animal (рассмотри хорошенько это большое животное; *to scan* — *внимательно разглядывать*), and grant me an opinion (и сообщи мне свое мнение; *to grant* — *даровать*).'

The old man approached (старик приблизился), and looked Hendon over (и оглядел Хендона с ног до головы; *to look over* — *оглядеть*), long and earnestly (долго и серьезно), then shook his head and said (затем покачал головой и сказал; *to shake* — *трясти, качать*):

'Marry, *this* is no Hendon (черт возьми, это не Хендон) — nor ever was (и никогда не был = им; *nor* — *и не*; *ever* — *когда-либо*)!'

'Right (точно)! Thy old eyes are sound yet (твои старые глаза здоровы еще). An I were Sir Hugh (если бы я был сэром Хью), I would take the shabby carle and (я бы взял этого потрепанного мужика и) —'

The jailer finished by lifting himself a-tiptoe (тюремщик закончил тем, что поднял себя на цыпочки) with an imaginary halter (с воображаемой веревкой), at the same time making a gurgling noise (в то же время издавая булькающий звук) in his throat (в горле = горлом) suggestive of suffocation (напоминающий удушение). The old man said, vindictively (старик сказал мстительно):

'Let him bless God (да благословит он Бога) an he fare no worse (если с ним будет не хуже; *to fare* — *поживать*). An I had the handling o' the villain (если

бы у меня было управление этого негодяя = если бы мне попал в руки этот негодяй; *o' = of*), he should roast (он бы изжарился), or I am no true man (или я не правдивый человек)!

The jailer laughed a pleasant hyena laugh (тюремщик рассмеялся приятным смехом гиены), and said (и сказал):

'Give him a piece of thy mind (дай ему кусочек твоих мыслей = поболтай с ним), old man (старик) — they all do it (они все делают это). Thou'lt find it good diversion (ты найдешь это хорошим развлечением).'

Then he sauntered toward his anteroom (затем он побрел к своей приемной) and disappeared (и исчез). The old man dropped upon his knees (старик рухнул на колени) and whispered (и прошептал):

'God be thanked (Бог да будет возблагодарен = слава Богу), thou'rt come again (ты пришел снова = вернулся; *'rt = art — устар. вместо are*), my master (мой хозяин)! I believed thou wert dead these seven years (я думал, что ты был мертв эти семь лет; *wert — устар. вместо were om to be — быть*), and lo (а глянь), here thou art alive (здесь ты есть = вот ты живой)! I knew thee the moment I saw thee (я узнал тебя в ту секунду, когда я увидел тебя; *to know — знать; to see — видеть*); and main hard work it was to keep a stony countenance (и главный тяжелый труд был — сохранить каменное выражение лица) and seem to see none here (и казаться не видеть никого здесь = делать вид что, я не вижу никого здесь) but tuppenny knaves (кроме дрянных плутов) and rubbish o' the streets (и обросы улиц; *o' = of*). I am old and poor, Sir Miles (я стар и беден, сэръ Майлс); but say the word (но скажи слово) and I will go forth (и я выйду: «пойду вперед») and proclaim the truth (и провозглашу правду) though I be strangled for it (хотя бы я был удушен за это).'

'No (нет),' said Hendon (сказал Хендон), 'thou shalt not (ты не сделаешь /этого/). It would ruin thee (это бы погубило тебя), and yet help but little (и при этом помогло бы только мало) in my cause (в моем деле). But I thank thee (но я благодарю тебя); for thou hast given me back (ибо ты дал мне назад = вернул;

to give — *давать*) somewhat of my lost faith in my kind (кое-что из = часть моей утраченной веры в мой род = человечество; *to lose* — *терять*).'

The old servant became very valuable to Hendon and the king (старый слуга стал очень ценным для Хендона и короля; *to become* — *становиться*); for he dropped in several times a day (так как он заходил несколько раз в день) to 'abuse' the former (чтобы «поглумиться» над первым = над Хендоном), and always smuggled in (и всегда протаскивал внутрь) a few delicacies (несколько лакомств) to help out the prison bill of fare (чтобы дополнить тюремное меню; *bill of fare* — меню: «список еды»); he also furnished the current news (он также поставлял текущие новости). Hendon reserved the dainties for the king (Хендон оставлял лакомства для короля); without them his majesty might not have survived (без них его величество мог бы не выжить; *might* — *мог бы*; *to survive* — *выжить*), for he was not able to eat the coarse and wretched food (ибо он не был способен есть грубую и дрянную пищу) provided by the jailer (предоставляемую тюремщиком). Andrews was obliged to confine himself to brief visits (Эндрюс был вынужден ограничить себя короткими визитами), in order to avoid suspicion (с тем чтобы избежать подозрения); but he managed to impart a fair degree of information each time (но он умудрялся передавать изрядное количество информации каждый раз) — information delivered in a low voice (информации, произносимой тихим голосом), for Hendon's benefit (для Хендона; *benefit* — *выгода*), and interlarded with insulting epithets (и пересыпанной оскорбительными эпитетами) delivered in a louder voice (произнесенными более громким голосом), for the benefit of other hearers (для других слушателей).

pleasant [ˈplezənt], suggestive [səˈdʒestɪv], valuable [ˈvæljuəbl]

Hendon glanced up, and experienced a pleasant sensation for the first time since he had been in the jail. He said to himself, 'This is Blake Andrews, a servant all his life in my father's family — a good honest soul, with a right

heart in his breast. That is, formerly. But none are true now; all are liars. This man will know me — and will deny me, too, like the rest.'

The old man gazed around the room, glanced at each face in turn, and finally said:

'I see none here but paltry knaves, scum o' the streets. Which is he?'

The jailer laughed.

'Here,' he said; 'scan this big animal, and grant me an opinion.'

The old man approached, and looked Hendon over, long and earnestly, then shook his head and said:

'Marry, *this* is no Hendon — nor ever was!'

'Right! Thy old eyes are sound yet. An I were Sir Hugh, I would take the shabby carle and —'

The jailer finished by lifting himself a-tiptoe with an imaginary halter, at the same time making a gurgling noise in his throat suggestive of suffocation. The old man said, vindictively:

'Let him bless God an he fare no worse. An I had the handling o' the villain, he should roast, or I am no true man!'

The jailer laughed a pleasant hyena laugh, and said:

'Give him a piece of thy mind, old man — they all do it. Thou'lt find it good diversion.'

Then he sauntered toward his anteroom and disappeared. The old man dropped upon his knees and whispered:

'God be thanked, thou'rt come again, my master! I believed thou wert dead these seven years, and lo, here thou art alive! I knew thee the moment I saw thee; and main hard work it was to keep a stony countenance and seem to see none here but tuppenny knaves and rubbish o' the streets. I am old and poor, Sir Miles; but say the word and I will go forth and proclaim the truth though I be strangled for it.'

'No,' said Hendon, 'thou shalt not. It would ruin thee, and yet help but little in my cause. But I thank thee; for thou hast given me back somewhat of my lost faith in my kind.'

The old servant became very valuable to Hendon and the king; for he dropped in several times a day to 'abuse' the former, and always smuggled in a few delicacies to help out the prison bill of fare; he also furnished the current news. Hendon reserved the dainties for the king; without them his majesty might not have survived, for he was not able to eat the coarse and wretched food provided by the jailer. Andrews was obliged to confine himself to brief visits, in order to avoid suspicion; but he managed to impart a fair degree of information each time — information delivered in a low voice, for Hendon's benefit, and interlarded with insulting epithets delivered in a louder voice, for the benefit of other hearers.

So, little by little (так, мало-помалу), the story of the family came out (история семьи вышла наружу = выяснилась; *to come out* — *выходить*). Arthur had been dead six years (Артур был мертв шесть лет). This loss (эта потеря), with the absence of news from Hendon (вместе с отсутствием новостей о Хендоне), impaired his father's health (повредило здоровье его отца); he believed he was going to die (он верил, что умрет; *to be going to* — *собираться что-то делать*), and he wished to see Hugh and Edith settled in life (и он желал увидеть Хью и Эдит устроенными в жизни) before he passed away (прежде чем он уйдет в мир иной: «прочь»); but Edith begged hard for delay (но Эдит просила очень отсрочки), hoping for Miles's return (надеясь на возвращение Майлса); then the letter came (затем письмо пришло; *to come* — *приходить*) which brought the news of Miles's death (которое принесло весть о смерти Майлса; *to bring* — *приносить*); the shock prostrated Sir Richard (потрясение сломило сэра Ричарда; *to prostrate* — *повергать ниц; опрокидывать*); he believed his end was very near (он верил, что его конец был очень близок), and he and Hugh insisted upon the marriage (и он и Хью настаивали на свадьбе); Edith begged for

(Эдит попросила о) and obtained a month's respite (и получила месячную отсрочку); then another (потом другую), and finally a third (и, наконец, третью); the marriage then took place (брак затем состоялся: «взял место»; *to take* — *брать*), by the death-bed of Sir Richard (у смертного одра сэра Ричарда). It had not proved a happy one (он не оказался счастливым; *one* — *один* = *брак*). It was whispered about the country (шепталось по стране = ходили слухи) that shortly after the nuptials (что вскоре после венчания) the bride found among her husband's papers (невеста нашла среди бумаг ее мужа; *to find* — *найти*) several rough and incomplete drafts (несколько недоделанных и неполных черновиков) of the fatal letter (рокового письма), and had accused him of precipitating the marriage (и обвинила его в ускорении свадьбы) — and Sir Richard's death, too (и смерти сэра Ричарда тоже) — by a wicked forgery (злостным подлогом). Tales of cruelty (рассказы о жестокости) to the Lady Edith and the servants (по отношению к леди Эдит и слугам) were to be heard (были быть услышанными = можно было слышать; *to hear* — *слышать*) on all hands (во всех руках = со всех сторон); and since the father's death Sir Hugh had thrown off all soft disguises (а со смерти отца сэр Хью отбросил прочь всякое ласковое притворство; *to throw* — *бросать*; *disguise* — *маска*) and become a pitiless master toward all (и стал безжалостным хозяином по отношению ко всем; *pity* — *жалость*) who in any way depended upon him and his domains (кто каким-либо образом зависел от него и его владений) for bread (ради хлеба). There was a bit of Andrews's gossip (был кусочек = часть сплетен Эндрюса) which the king listened to (которые король слушал; *to listen to* — *слушать*) with a lively interest (с живым интересом):

'There is rumor (есть слух) that the king is mad (что король помешан). But in charity (но ради всего святого) forbear to say (остерегайтесь говорить) I mentioned it (что я упомянул это), for 'tis death to speak of it (ибо это смерть — говорить об этом; *'tis* = *it is* — *это есть*), they say (говорят).'

His majesty glared at the old man and said (его величество посмотрел свирепо на старика и сказал):

'The king is not mad, good man (король не безумен, добрый человек) — and thou'lt find it to thy advantage to busy thyself with matters (и ты найдешь это к собственной выгоде — заняться делами) that nearer concern thee (которые ближе касаются тебя) than this seditious prattle (чем этого крамольного лепета).'

'What doth the lad mean (что этот мальчик имеет в виду; *to mean* — *иметь в виду*)?' said Andrews (сказал Эндрюс), surprised at this brisk assault (удивленный этим резким выпадом) from such an unexpected quarter (с такой неожиданной стороны). Hendon gave him a sign (Хендон подал ему знак; *to give* — *давать*), and he did not pursue his question (и он не продолжал своих расспросов), but went on with his budget (но продолжил со своим запасом = сведений; *to go on* — *продолжать*: «идти дальше»):

'The late king is to be buried (покойный король должен быть похоронен; *to bury* — *хоронить*) at Windsor in a day or two (в Виндзоре через день или два = день-другой) — the sixteenth of the month (шестнадцатого этого месяца) — and the new king will be crowned at Westminster the twentieth (и новый король будет коронован в Вестминстере двадцатого).'

'Methinks they must needs (мне думается, им, должно быть, надо) find him first (найти его сперва),' muttered his majesty (пробормотал его величество); then added, confidently (затем добавил с уверенностью), 'but they will look to that (но они приглядят за этим) — and so also shall I (и так же сделаю я).'

'In the name of (во имя) —'

But the old man got no further (но старик не добрался дальше = не сказал больше; *to get* — *попасть, добраться*) — a warning sign from Hendon checked his remark (предупредительный знак от Хендона остановил его замечание).

He resumed the thread of his gossip (он возобновил нить своих сплетен).

'Sir Hugh goeth to the coronation (сэр Хью идет на коронацию) — and with grand hopes (и с великими надеждами). He confidently looketh to come back a peer (он уверенно смотрит к тому, чтобы = ожидает вернуться пэром), for he

is high in favor (ибо он высоко в милости) with the Lord Protector (у лорда-протектора).'

'What Lord Protector (какого лорда-протектора)?' asked his majesty (спросил его величество).

'His grace the Duke of Somerset (его милость герцог Сомерсетский).'

'What Duke of Somerset (какой герцог Сомерсетский)?'

'Marry, there is but one (черт побери, есть только один) — Seymour, Earl of Hertford (Сеймур, граф Хартфорд).'

The king asked sharply (король спросил резко):

'Since when is *he* a duke, and Lord Protector (с каких пор он герцог и лорд-протектор)?'

'Since the last day of January (с последнего дня января).'

'And, prithee, who made him so (а, прошу, кто сделал его таковым)?'

'Himself and the Great Council (он сам и Великий совет) — with the help of the king (с помощью короля).'

His majesty started violently (его величество вздрогнул жестоко = сильно). 'The *king* (король)!' he cried (он вскричал). '*What* king, good sir (какой король, добрый сэръ)?'

'What king, indeed (какой король, в самом деле)! (God-a-mercy (Боже милостивый), what aileth the boy (что болит у этого мальчика?) Sith we have but one (раз у нас есть только один), 'tis not difficult to answer (несложно ответить) — his most sacred majesty King Edward the Sixth (Его Святейшее Величество Король Эдуард Шестой) — whom God preserve (которого Бог да хранит)! Yea (да), and a dear and gracious little urchin is he, too (и славный и добрый мальчишка он к тому же); and whether he be mad or no (и сумасшедший он или нет) — and they say he mendeth daily (а говорят, что он поправляется ежедневно = с каждым днем) — his praises (его хвалы = хвалы ему) are on all men's lips (на устах у всех людей); and all bless him likewise (и все благословляют его также), and offer prayers (и возносят молитвы) that he may be spared (чтобы он мог быть пощажен = чтобы он здравствовал) to reign

long in England (чтобы править долго в Англии); for he began humanely (ибо он начал человечно; *to begin* — *начинать*), with saving the old Duke of Norfolk's life (пощадив жизнь старого герцога Норфолка), and now is he bent on (а сейчас он склоняется к тому, чтобы; *to bend* — *гнутья*) destroying the cruelest of the laws (уничтожить жесточайшие из законов) that harry and oppress the people (которые обездоливают и притесняют народ).'

nuptials [ˈnʌpʊsəlz], pitiless [ˈpɪtləs], humanely [hjuːˈmeɪnlɪ]

So, little by little, the story of the family came out. Arthur had been dead six years. This loss, with the absence of news from Hendon, impaired his father's health; he believed he was going to die, and he wished to see Hugh and Edith settled in life before he passed away; but Edith begged hard for delay, hoping for Miles's return; then the letter came which brought the news of Miles's death; the shock prostrated Sir Richard; he believed his end was very near, and he and Hugh insisted upon the marriage; Edith begged for and obtained a month's respite; then another, and finally a third; the marriage then took place, by the death-bed of Sir Richard. It had not proved a happy one. It was whispered about the country that shortly after the nuptials the bride found among her husband's papers several rough and incomplete drafts of the fatal letter, and had accused him of precipitating the marriage — and Sir Richard's death, too — by a wicked forgery. Tales of cruelty to the Lady Edith and the servants were to be heard on all hands; and since the father's death Sir Hugh had thrown off all soft disguises and become a pitiless master toward all who in any way depended upon him and his domains for bread. There was a bit of Andrews's gossip which the king listened to with a lively interest:

'There is rumor that the king is mad. But in charity forbear to say I mentioned it, for 'tis death to speak of it, they say.'

His majesty glared at the old man and said:

'The king is not mad, good man — and thou'lt find it to thy advantage to busy thyself with matters that nearer concern thee than this seditious prattle.'

'What doth the lad mean?' said Andrews, surprised at this brisk assault from such an unexpected quarter. Hendon gave him a sign, and he did not pursue his question, but went on with his budget:

'The late king is to be buried at Windsor in a day or two — the sixteenth of the month — and the new king will be crowned at Westminster the twentieth.'

'Methinks they must needs find him first,' muttered his majesty; then added, confidently, 'but they will look to that — and so also shall I.'

'In the name of —'

But the old man got no further — a warning sign from Hendon checked his remark. He resumed the thread of his gossip.

'Sir Hugh goeth to the coronation — and with grand hopes. He confidently looketh to come back a peer, for he is high in favor with the Lord Protector.'

'What Lord Protector?' asked his majesty.

'His grace the Duke of Somerset.'

'What Duke of Somerset?'

'Marry, there is but one — Seymour, Earl of Hertford.'

The king asked sharply:

'Since when is *he* a duke, and Lord Protector?'

'Since the last day of January.'

'And, prithee, who made him so?'

'Himself and the Great Council — with the help of the king.'

His majesty started violently. 'The *king!*' he cried. '*What* king, good sir?'

'What king, indeed! (God-a-mercy, what aileth the boy?) Sith we have but one, 'tis not difficult to answer — his most sacred majesty King Edward the Sixth — whom God preserve! Yea, and a dear and gracious little urchin is he, too; and whether he be mad or no — and they say he mendeth daily — his praises are on all men's lips; and all bless him likewise, and offer prayers that he may be spared to reign long in England; for he began humanely, with

saving the old Duke of Norfolk's life, and now is he bent on destroying the cruelest of the laws that harry and oppress the people.'

This news struck his majesty dumb with amazement (эта новость ударила = сделала его величество немым от изумления; *to strike* — бить), and plunged him into so deep and dismal a reverie (и погрузила его в такую глубокую и мрачную задумчивость: «мечтательность») that he heard no more of the old man's gossip (что он не слышал больше сплетен старика; *to hear* — слышать). He wondered (он задумался) if the 'little urchin' was the beggar-boy (не был ли «маленький мальчишка» тем мальчиком-попрошайкой; *if* — ли; *beggar* — нищий) whom he left dressed in his own garments in the palace (мальчиком, которого он оставил одетым в его собственную одежду во дворце; *to leave* — оставлять, покидать). It did not seem possible (это не казалось возможным) that this could be (что это может быть), for surely his manners and speech (ибо, конечно, его манеры и речь) would betray him (выдали бы его) if he pretended (если бы он притворился) to be the Prince of Wales (быть принцем Уэльским) — then he would be driven out (тогда он был бы изгнан; *to drive out* — выгнать: «вытолкнуть наружу»), and search made (и поиск (был бы) совершен) for the true prince (истинного принца). Could it be (могло ли это быть) that the court had set up (что двор поставил; *to set up* — ставить) some sprig of the nobility (какого-нибудь юнца из дворян) in his place (на его место)? No, for his uncle would not allow that (нет, ведь его дядя не позволил бы этого) — he was all-powerful (он был всемогущим) and could (и мог бы) and would crush such a movement (и подавил бы такое движение = развитие событий), of course (конечно). The boy's musings (размышления мальчика) profited him nothing (не дали ему ничего; *to profit* — приносить пользу); the more he tried to unriddle the mystery (чем больше он старался разрешить эту тайну; *riddle* — загадка) the more perplexed he became (тем более озадаченным он становился; *to become* — становиться), the more his head ached (тем больше его голова болела), and the worse he slept (и тем хуже он спал; *to sleep* — спать). His

impatience to get to London (его нетерпение добраться до Лондона) grew hourly (росло с каждым часом; *to grow* — *расти*), and his captivity became almost unendurable (и его пленение стало почти непереносимым).

Hendon's arts (уловки Хендона) all failed with the king (все потерпели неудачу с королем) — he could not be comforted (он не мог быть успокоен), but a couple of women who were chained near him (но пара женщин, которые были прикованы близ него), succeeded better (преуспели лучше). Under their gentle ministrations (с их нежной заботой) he found peace (он нашел покой; *to find* — *найти*) and learned a degree of patience (и научился отчасти терпению; *degree* — *степень*). He was very grateful (он был очень благодарен), and came to love them dearly (и полюбил их нежно; *to come to* — *прийти к*) and to delight in the sweet and soothing influence of their presence (и радоваться приятному и смягчающему влиянию их присутствия). He asked them (он спросил их) why they were in prison (почему они были в тюрьме), and when they said they were Baptists (и когда они сказали, что они были баптистами), he smiled, and inquired (он улыбнулся и спросил):

'Is that a crime (такое ли это преступление) to be shut up for (чтобы быть заключенным за него) in a prison (в тюрьме)? Now I grieve (теперь я скорблю), for I shall lose ye (ибо я потеряю вас) — they will not keep ye long (они не продержат вас долго) for such a little thing (за такую незначительную вещь).' They did not answer (они не ответили); and something in their faces made him uneasy (и что-то в их лицах сделало его тревожным = взволновало). He said, eagerly (он сказал, с чувством):

'You do not speak (вы не говорите) — be good to me (будьте добры ко мне), and tell me (и скажите мне) — there will be no other punishment (не будет другого наказания)? Prithee (пожалуйста), tell me there is no fear of that (скажите мне, что нет страха = опасности этого).'

They tried to change the topic (они попытались сменить тему), but his fears were aroused (но его страхи были пробуждены), and he pursued it (и он настаивал на этом):

'Will they scourge thee (они отхлещут тебя)? No, no, they would not be so cruel (нет, нет, они не будут так жестоки)! Say they would not (скажи, что они бы не /сделали этого/). Come, they will not (ну, они не сделают), will they (не правда ли: «сделают они»)?'

The women betrayed confusion and distress (женщины выдали смущение и горе), but there was no avoiding an answer (но не было избежания ответа = ответа было не избежать), so one of them said (так что одна из них сказала), in a voice choked with emotion (голосом, сдавленным волнением):

'Oh, thou'lt break our hearts (о, ты разобьешь наши сердца), thou gentle spirit (ты, нежная душа)! God will help us to bear our (Бог поможет нам вынести нашу) —'

'It is a confession (это признание)!' the king broke in (король прервал; *to break in* — прервать, ворваться). 'Then they will scourge thee (тогда они отхлещут тебя), the stony-hearted wretches (жестокосердные злодеи; *stony* — каменистый; *heart* — сердце)! But oh, thou must not weep (но о, ты не должна плакать), I cannot bear it (я не могу вынести этого). Keep up thy courage (собери свою храбрость) — I shall come to my own (я приду к моей собственности = верну себе свое положение) in time to save thee from this bitter thing (вовремя, чтобы спасти тебя от этой горестной вещи), and I will do it (и я сделаю это)!'

When the king awoke in the morning (когда король проснулся; *to awake* — просыпаться), the women were gone (женщины исчезли; *to go* — идти, уйти, исчезнуть).

'They are saved (они спасены)!' he said, joyfully (он сказал весело); then added, despondently (затем добавил уныло), 'but woe is me (но горе мне)! — for they were my comforters (ибо они были моими утешителями).'

reverie [ˈrevəri], grieve [gri:v], arouse [əˈrauz]

This news struck his majesty dumb with amazement, and plunged him into so deep and dismal a reverie that he heard no more of the old man's gossip. He wondered if the 'little urchin' was the beggar-boy whom he left dressed in his own garments in the palace. It did not seem possible that this could be, for surely his manners and speech would betray him if he pretended to be the Prince of Wales — then he would be driven out, and search made for the true prince. Could it be that the court had set up some sprig of the nobility in his place? No, for his uncle would not allow that — he was all-powerful and could and would crush such a movement, of course. The boy's musings profited him nothing; the more he tried to unriddle the mystery the more perplexed he became, the more his head ached, and the worse he slept. His impatience to get to London grew hourly, and his captivity became almost unendurable. Hendon's arts all failed with the king — he could not be comforted, but a couple of women who were chained near him, succeeded better. Under their gentle ministrations he found peace and learned a degree of patience. He was very grateful, and came to love them dearly and to delight in the sweet and soothing influence of their presence. He asked them why they were in prison, and when they said they were Baptists, he smiled, and inquired:

'Is that a crime to be shut up for in a prison? Now I grieve, for I shall lose ye — they will not keep ye long for such a little thing.'

They did not answer; and something in their faces made him uneasy. He said, eagerly:

'You do not speak — be good to me, and tell me — there will be no other punishment? Prithee, tell me there is no fear of that.'

They tried to change the topic, but his fears were aroused, and he pursued it:

'Will they scourge thee? No, no, they would not be so cruel! Say they would not. Come, they will not, will they?'

The women betrayed confusion and distress, but there was no avoiding an answer, so one of them said, in a voice choked with emotion:

'Oh, thou'lt break our hearts, thou gentle spirit! God will help us to bear our —'

'It is a confession!' the king broke in. 'Then they will scourge thee, the stony-hearted wretches! But oh, thou must not weep, I cannot bear it. Keep up thy courage — I shall come to my own in time to save thee from this bitter thing, and I will do it!'

When the king awoke in the morning, the women were gone.

'They are saved!' he said, joyfully; then added, despondently, 'but woe is me! — for they were my comforters.'

Each of them had left a shred of ribbon (каждая из них оставила лоскут ленты) pinned to his clothing (приколотый к его одежде), in token of remembrance (в знак памяти). He said he would keep these things always (он сказал, что будет хранить эти вещи всегда); and that soon he would seek out (и что скоро он разыщет) these dear good friends of his (этих милых добрых подруг его) and take them under his protection (и возьмет их под свою защиту).

Just then the jailer came in (как раз тогда тюремщик вошел внутрь; *to come in* — *войти внутрь*) with some subordinates (с несколькими подчиненными) and commanded that the prisoners be conducted (и приказал, чтобы заключенные были препровождены) to the jail-yard (в тюремный двор). The king was overjoyed (король был очень обрадован) — it would be a blessed thing (это была бы благословенная вещь) to see the blue sky (увидеть голубое небо) and breathe the fresh air (и подышать свежим воздухом) once more (снова). He fretted and chafed at the slowness (он беспокоился и раздражался на медлительность) of the officers (офицеров), but his turn came at last (но его очередь подошла наконец) and he was released from his staple and ordered (и он был освобожден из своей скобы = своих оков и получил приказ; *to order* — *приказывать*) to follow the other prisoners (последовать за другими заключенными), with Hendon (с Хендоном).

The court, or quadrangle (площадка, или четырехугольный двор), was stone-paved (был вымощен камнем; *to pave* — *мостить*), and open to the sky (и открыт небу). The prisoners entered it (заключенные вошли в него) through a massive archway of masonry (через большую арку каменной кладки), and were placed in file (и были поставлены в шеренгу), standing, with their backs against the wall (стоящие, с их спинами против стены = у стены). A rope was stretched (веревка была протянута) in front of them (перед ними), and they were also guarded by their officers (и они также охранялись своими офицерами). It was a chill and lowering morning (это было морозное и хмурое утро), and a light snow (и светлый снег) which had fallen during the night (который напал в течение ночи; *to fall* — *надать*) whitened the great empty space (выбелил гигантское пустое пространство) and added to the general dismalness (и прибавил к общей мрачности; *dismal* — *мрачный; гнетущий, тягостный; злоеущий*) of its aspect (его вида). Now and then (порой: «сейчас и тогда») a wintry wind shivered through the place (ледяной ветер дрожал = проносился по этому месту) and sent the snow eddying (и закручивал снег маленькими вихрями; *to send* — *посылать; to eddy* — *завихряться*) hither and thither (сюда и туда).

In the center of the court stood two women (в центре двора стояли две женщины; *to stand* — *стоять*), chained to posts (прикованные к столбам). A glance showed the king (один взгляд показал королю) that these were his good friends (что эти = это были его добрые друзья). He shuddered (он вздрогнул), and said to himself (и сказал себе), 'Alack (увы), they are not gone free (они не ушли свободными; *to go* — *идти, уйти*), as I had thought (как я полагал; *to think* — *думать*). To think that such as these (подумать, что такие, как они) should know the lash (должны познать порку; *lash* — *бич; the lash* — *порка*)! — in England (в Англии)! Ay, there's the shame of it (да, вот позор этого) — not in Heathenesse (не в языческом мире; *устар. вместо совр. heathendom* — *язычество; heathen* — *языческий*), but Christian England (но в христианской Англии)! They will be scourged (они будут избиты плетьюми); and I, whom they have comforted (а я, кого они утешали) and kindly entreated (и ласково

увещевали), must look on (должен смотреть дальше) and see the great wrong done (и видеть великую несправедливость сделанной; *to do* — *делать*); it is strange, so strange (это странно, так странно)! that I, the very source of power (что я, самый источник власти) in this broad realm (в этом обширном королевстве), am helpless to protect them (беспомощен = не могу защитить их). But let these miscreants (но пусть эти подлецы) look well to themselves (позаботятся о себе; *to look to* — *заботиться*: «смотреть к»), for there is a day coming (ибо тот день приходит) when I will require of them (когда я потребую от них) a heavy reckoning for this work (тяжелой расплаты за это дело). For every blow (за каждый удар) they strike now (который они нанесут сейчас; *to strike* — *бить*) they shall feel a hundred then (они испытают сотню тогда).'

A great gate swung open (большие ворота отворились; *to swing open* — *распахнуться*: «качаться открытыми») and a crowd of citizens (и толпа горожан) poured in (хлынула внутрь; *to pour* — *лить*). They flocked around the two women (они столпились вокруг этих двух женщин), and hid them from the king's view (и скрыли их от глаз: «из вида» короля; *to hide* — *прятать*). A clergyman entered (священник вошел) and passed through the crowd (и прошел сквозь толпу), and he also was hidden (и он также был скрыт; *to hide* — *прятать*). The king now heard talking (король теперь слышал разговор; *to hear* — *слышать*), back and forth (взад-вперед), as if questions were being asked and answered (как если бы вопросы были задаваемы и отвечаемы), but he could not make out (но он не мог разобрать; *to make out* — *понять*: «сделать наружу») what was said (что было сказано). Next there was a deal of bustle and preparation (затем было много суеты и приготовлений; *deal* — *некоторое количество*), and much passing and repassing (и много прохождения и обратного хождения = туда-сюда) of officials (чиновников) through that part of the crowd (через ту часть толпы) that stood (которая стояла; *to stand* — *стоять*) on the further side (спереди: «на передней стороне») of the women (от женщин); and while this proceeded (и пока это происходило) a deep hush

(глубокое молчание) gradually fell upon the people (постепенно упало на = охватило людей; *to fall* — *надать*).

subordinate [sə`b0:dənət], thither [ˈθɪðə], heathen [ˈhi:ðən]

Each of them had left a shred of ribbon pinned to his clothing, in token of remembrance. He said he would keep these things always; and that soon he would seek out these dear good friends of his and take them under his protection.

Just then the jailer came in with some subordinates and commanded that the prisoners be conducted to the jail-yard. The king was overjoyed — it would be a blessed thing to see the blue sky and breathe the fresh air once more. He fretted and chafed at the slowness of the officers, but his turn came at last and he was released from his staple and ordered to follow the other prisoners, with Hendon.

The court, or quadrangle, was stone-paved, and open to the sky. The prisoners entered it through a massive archway of masonry, and were placed in file, standing, with their backs against the wall. A rope was stretched in front of them, and they were also guarded by their officers. It was a chill and lowering morning, and a light snow which had fallen during the night whitened the great empty space and added to the general dismalness of its aspect. Now and then a wintry wind shivered through the place and sent the snow eddying hither and thither.

In the center of the court stood two women, chained to posts. A glance showed the king that these were his good friends. He shuddered, and said to himself, 'Alack, they are not gone free, as I had thought. To think that such as these should know the lash! — in England! Ay, there's the shame of it — not in Heathenesse, but Christian England! They will be scourged; and I, whom they have comforted and kindly entreated, must look on and see the great wrong done; it is strange, so strange! that I, the very source of power in this broad

realm, am helpless to protect them. But let these miscreants look well to themselves, for there is a day coming when I will require of them a heavy reckoning for this work. For every blow they strike now they shall feel a hundred then.'

A great gate swung open and a crowd of citizens poured in. They flocked around the two women, and hid them from the king's view. A clergyman entered and passed through the crowd, and he also was hidden. The king now heard talking, back and forth, as if questions were being asked and answered, but he could not make out what was said. Next there was a deal of bustle and preparation, and much passing and re-passing of officials through that part of the crowd that stood on the further side of the women; and while this proceeded a deep hush gradually fell upon the people.

Now, by command (теперь, по команде), the masses parted and fell aside (толпы разошлись и распались по сторонам; *to part* — делиться; *to fall* — падать), and the king saw a spectacle (и король увидел зрелище; *to see* — видеть) that froze the marrow in his bones (которое заморозило костный мозг в его костях; *to freeze* — заморозить). Fagots had been piled (вязанки хвороста были сложены) about the two women (вокруг двух женщин), and a kneeling man (и стоящий на коленях человек) was lighting them (поджигал их)!

The women bowed their heads (женщины склонили свои головы), and covered their faces with their hands (и закрыли лица руками); the yellow flames (желтые языки пламени) began to climb upward (начали подниматься кверху; *to begin* — начинать) among the snapping and crackling fagots (среди потрескивающего и щелкающего хвороста), and wreaths of blue smoke (а кольца голубого дыма) to stream away (струиться прочь) on the wind (по ветру); the clergyman lifted his hands (священник поднял руки) and began a prayer (и начал молитву; *to begin* — начинать) — just then (прямо тогда) two young girls (две маленькие девочки) came flying (вбежали: «пришли бегом»; *to fly* — летать) through the great gate (сквозь огромные ворота), uttering piercing screams (издавая

pronзительные крики), and threw themselves (и бросились; *to throw* — *бросать*) upon the women at the stake (к женщинам у столба). Instantly they were torn away by the officers (немедленно они были оторваны офицерами = их оттащили; *to tear* — *рвать*; *away* — *прочь*), and one of them was kept in a tight grip (и одна из них была удержана в мертвой хватке; *to keep* — *держат*, *хранить*), but the other broke loose (но другая вырвалась; *to break loose* — *вырваться*; *to break* — *рвать*, *ломать*; *loose* — *свободный*, *не связанный*), saying she would die (говоря, что она хочет умереть) with her mother (со своей матерью); and before she could be stopped (и прежде чем она могла быть остановлена) she had flung her arms (она обвила руками; *to fling* — *кидать*) about her mother's neck again (вокруг шеи ее матери снова). She was torn away once more (ее оттащили снова; *to tear away* — *отрывать*), and with her gown on fire (и с ее платьем горящим: «на огне»).

Two or three men held her (два или три человека держали ее; *to hold* — *держат*), and the burning portion of her gown (и горящая часть ее платья) was snatched off (была оторвана прочь) and thrown flaming aside (и брошена, пылающая, в сторону), she struggling (она борющаяся = пока она боролась) all the while (все это время) to free herself (чтобы освободиться), and saying (и говорящая = говорила) she would be alone in the world now (что она будет одинока в целом мире теперь), and begging (и умоляя = умоляла) to be allowed (чтобы ей позволили: «быть допущенной») to die with her mother (умереть с ее матерью). Both the girls screamed continually (обе девочки кричали непрерывно), and fought for freedom (и боролись за свободу; *to fight* — *сражаться*); but suddenly this tumult was drowned (но внезапно эта суматоха была потоплена) under a volley of heart-piercing shrieks (под потоком душераздирающих криков; *heart* — *сердце*; *to pierce* — *пронзат*) of mortal agony (предсмертной агонии). The king glanced (король взглянул = перевел взгляд) from the frantic girls to the stake (от обезумевших девочек к столбу), then turned away (затем отвернулся прочь) and leaned his ashen face (и прислонил свое пепельное = бледное лицо) against the wall (к стене; *against* —

против), and looked no more (и больше не смотрел). He said (он сказал), 'That which I have seen (то, что я увидел), in that one little moment (в этот маленький момент), will never go out from my memory (никогда не исчезнет: «не выйдет наружу» из моей памяти), but will abide there (но пребудет там); and I shall see it all the days (и я буду видеть это все дни), and dream of it all the nights (и видеть это во сне все ночи), till I die (пока я не умру). Would God I had been blind (пожелал бы Бог, чтобы = лучше бы я был слепым)!'

Hendon was watching the king (Хендон наблюдал за королем). He said to himself (он сказал себе), with satisfaction (с удовлетворением), 'His disorder mendeth (его умственное расстройство проходит; *to mend* — *чинить, поправляться*); he hath changed (он изменился), and groweth gentler (и становится мягче; *to grow* — *расти; становиться*). If he had followed his wont (если бы он следовал своему обыкновению), he would have stormed (он бы бушевал = наорал) at these varlets (на этих негодяев), and said he was king (и сказал бы, что он король), and commanded (и приказал бы) that the women be turned loose unscathed (чтобы женщины были отпущены невредимыми). Soon his delusion will pass away (скоро его мания пройдет прочь; *delusion* — *заблуждение, иллюзия, ложное представление*) and be forgotten (и будет забыта), and his poor mind (и его бедный разум) will be whole again (будет целым = здоровым снова). God speed the day (Бог да ускорит = приблизит этот день)!'

That same day (в тот же самый день) several prisoners were brought in (несколько заключенных были привезены; *to bring* — *приносить, привозить*) to remain overnight (чтобы остаться на ночь), who were being conveyed (которых конвоировали), under guard (под стражей), to various places in the kingdom (в различные места в королевстве), to undergo punishment (чтобы подвергнуться наказанию) for crimes committed (за преступления совершенные). The king conversed with these (король поговорил с этими = с ними) — he had made it a point (он сделал это смыслом = он нарочно), from the beginning (с самого начала), to instruct himself (просвещать = просвещал

себя) for the kingly office (для королевской должности) by questioning prisoners (расспрашивая узников) whenever the opportunity offered (когда ни представится возможность; *to offer* — предлагать) — and the tale of their woes (и рассказ об их бедах) wrung his heart (терзал его сердце; *to wring* — крутить, скручивать, выламывать; терзать). One of them (одна из них) was a poor half-witted woman (была бедная полоумная женщина) who had stolen a yard or two of cloth (которая украла ярд или два = ярд-другой ткани) from a weaver (у ткача) — she was to be hanged for it (она /должна/ была быть повешена за это; *to hang* — вешать). Another was a man (другой был человек) who had been accused (который был обвинен) of stealing a horse (в краже лошади; *to steal* — красть); he said the proof had failed (он сказал, что свидетельские показания провалились = не подтвердились), and he had imagined (и он вообразил) that he was safe from the halter (что он был в безопасности от веревки; *safe* — находящийся в безопасности); but no (но нет) — he was hardly free (он был едва свободен) before he was arraigned (прежде чем он был привлечен к суду; *to arraign* — привлекать к суду) for killing a deer (за убийство оленя) in the king's park (в королевском парке); this was proved (это было доказано; *to prove* — доказывать) against him (против него), and now he was on his way (и теперь он был на пути) to the gallows (на виселицу). There was a tradesman's apprentice (там был подмастерье ремесленника) whose case particularly distressed the king (чье дело особенно огорчило короля); this youth said (этот юнрша сказал) he found a hawk one evening (что он нашел ястреба одним вечером; *to find* — найти) that had escaped from its owner (который убежал от своего владельца), and he took it home with him (и он взял его домой с собой; *to take* — брать), imagining himself entitled to it (воображая себя имеющим на это право; *to entitle* — давать право); but the court convicted him (но суд признал его виновным) of stealing it (в краже его), and sentenced him to death (и приговорил его к смерти).

fought [f0:t], tumult [ˈtju:mAlt], arraign [ə`rein]

Now, by command, the masses parted and fell aside, and the king saw a spectacle that froze the marrow in his bones. Fagots had been piled about the two women, and a kneeling man was lighting them!

The women bowed their heads, and covered their faces with their hands; the yellow flames began to climb upward among the snapping and crackling fagots, and wreaths of blue smoke to stream away on the wind; the clergyman lifted his hands and began a prayer — just then two young girls came flying through the great gate, uttering piercing screams, and threw themselves upon the women at the stake. Instantly they were torn away by the officers, and one of them was kept in a tight grip, but the other broke loose, saying she would die with her mother; and before she could be stopped she had flung her arms about her mother's neck again. She was torn away once more, and with her gown on fire.

Two or three men held her, and the burning portion of her gown was snatched off and thrown flaming aside, she struggling all the while to free herself, and saying she would be alone in the world now, and begging to be allowed to die with her mother. Both the girls screamed continually, and fought for freedom; but suddenly this tumult was drowned under a volley of heart-piercing shrieks of mortal agony. The king glanced from the frantic girls to the stake, then turned away and leaned his ashen face against the wall, and looked no more. He said, 'That which I have seen, in that one little moment, will never go out from my memory, but will abide there; and I shall see it all the days, and dream of it all the nights, till I die. Would God I had been blind!'

Hendon was watching the king. He said to himself, with satisfaction, 'His disorder mendeth; he hath changed, and groweth gentler. If he had followed his wont, he would have stormed at these varlets, and said he was king, and commanded that the women be turned loose unscathed. Soon his delusion will

pass away and be forgotten, and his poor mind will be whole again. God speed the day!'

That same day several prisoners were brought in to remain overnight, who were being conveyed, under guard, to various places in the kingdom, to undergo punishment for crimes committed. The king conversed with these — he had made it a point, from the beginning, to instruct himself for the kingly office by questioning prisoners whenever the opportunity offered — and the tale of their woes wrung his heart. One of them was a poor half-witted woman who had stolen a yard or two of cloth from a weaver — she was to be hanged for it. Another was a man who had been accused of stealing a horse; he said the proof had failed, and he had imagined that he was safe from the halter; but no — he was hardly free before he was arraigned for killing a deer in the king's park; this was proved against him, and now he was on his way to the gallows. There was a tradesman's apprentice whose case particularly distressed the king; this youth said he found a hawk one evening that had escaped from its owner, and he took it home with him, imagining himself entitled to it; but the court convicted him of stealing it, and sentenced him to death.

The king was furious (король был яростен = в ярости) over these inhumanities (из-за этих проявлений бесчеловечности), and wanted Hendon to break jail (и хотел, чтобы Хендон «сломал тюрьму» = устроил побег) and fly with him to Westminster (и полетел = устремился с ним в Вестминстер), so that he could mount his throne (чтобы он смог воссесть на свой трон) and hold out his scepter (и протянуть свой скипетр; *to hold out* — *протянуть*: «держат наружу») in mercy over these unfortunate people (в милости к этим несчастным людям) and save their lives (и спасти их жизни). 'Poor child (бедное дитя),' sighed Hendon (вздыхал Хендон), 'these woeful tales (эти горестные рассказы) have brought his malady upon him again (принесли его болезнь на него снова; *to bring* —

приносить) — alack (увы), but for this evil hap (если бы не эта злая судьба), he would have been well (он был бы здоров) in a little time (в малое время).¹ Among these prisoners was an old lawyer (среди этих узников был старый адвокат) — a man with a strong face (человек с решительным лицом) and a dauntless mien (и неустрашимым выражением лица). Three years past (три года прошедшие = назад), he had written a pamphlet (он написал памфлет; *to write* — *писать*) against the Lord Chancellor (против лорда-канцлера), accusing him of injustice (обвиняя его в несправедливости), and had been punished for it (и был наказан за это) by the loss of his ears (потерей своих ушей) in the pillory (у позорного столба) and degradation from the bar (и исключением из адвокатского сословия), and in addition (и вдобавок) had been fined L3,000 (был оштрафован на 3000 фунтов) and sentenced to imprisonment for life (и приговорен к заключению на жизнь = пожизненному). Lately he had repeated his offense (недавно он повторил свое нарушение); and in consequence (и следовательно) was now under sentence (/должен/ был по приговору) to lose *what remained of his ears* (потерять, что оставалось от его ушей), pay a fine of L5,000 (заплатить штраф в 5000 фунтов), be branded on both cheeks (быть заклеянным на обеих щеках), and remain in prison for life (и остаться в тюрьме на /всю/ жизнь).

'These be honorable scars (это почетные рубцы),' he said (он сказал), and turned back his gray hair (и повернул = отвел назад свои седые волосы) and showed the mutilated stubs (и показал изуродованные обрубки) of what (того, что) had once been his ears (когда-то было его ушами; *once* — *когда-то*).

The king's eye burned with passion (глаза короля загорелись от гнева). He said (он сказал):

'None believe in me (никто не верит в меня) — neither wilt thou (не поверишь и ты; *neither* — *и не*). But no matter (но неважно: «никакого значения») — within the compass of a month (в пределах месяца) thou shalt be free (ты будешь свободен); and more (и более того), the laws that have dishonored thee (законы, которые обесчестили тебя), and shamed the English name (и опозорили

английское имя = имя Англии), shall be swept from the statute-books (будут вымараны из свода законов; *to sweep* — мести, уничтожать; *statute* — закон). The world is made wrong (мир создан неправильным), kings should go to school to their own laws (короли должны идти в школу к своим собственным законам = изучать их) at times (временами), and so learn mercy (и так научиться милосердию).'

lawyer [ˈlɔɪə], mien [mi:n], dishonor [dɪˈsɒnə]

The king was furious over these inhumanities, and wanted Hendon to break jail and fly with him to Westminster, so that he could mount his throne and hold out his scepter in mercy over these unfortunate people and save their lives. 'Poor child,' sighed Hendon, 'these woeful tales have brought his malady upon him again — alack, but for this evil hap, he would have been well in a little time.'

Among these prisoners was an old lawyer — a man with a strong face and a dauntless mien. Three years past, he had written a pamphlet against the Lord Chancellor, accusing him of injustice, and had been punished for it by the loss of his ears in the pillory and degradation from the bar, and in addition had been fined L3,000 and sentenced to imprisonment for life. Lately he had repeated his offense; and in consequence was now under sentence to lose what remained of his ears, pay a fine of L5,000, be branded on both cheeks, and remain in prison for life.

'These be honorable scars,' he said, and turned back his gray hair and showed the mutilated stubs of what had once been his ears.

The king's eye burned with passion. He said:

'None believe in me — neither wilt thou. But no matter — within the compass of a month thou shalt be free; and more, the laws that have dishonored thee, and shamed the English name, shall be swept from the statute-books. The

world is made wrong, kings should go to school to their own laws at times, and so learn mercy.

CHAPTER XXVIII (Глава двадцать восьмая)

The Sacrifice (Жертва: «жертвоприношение»)

MEANTIME Miles was growing sufficiently tired (тем временем Майлс становился достаточно уставшим; *to grow* — *расти, становиться*) of confinement and inaction (от заключения и бездействия). But now his trial came on (но теперь его процесс был рассмотрен в суде; *to come on* — *рассматриваться в суде: «прийти на»*), to his great gratification (к его великому удовольствию), and he thought he could welcome any sentence (и он подумал, что мог бы приветствовать любой приговор; *to think* — *думать*) provided (при условии, что) a further imprisonment (дальнейшее заключение) should not be a part of it (не было бы частью его). But he was mistaken (но он ошибался: «был заблуждающимся») about that (на этот счет). He was in a fine fury (он был в чистом гневе) when he found himself described as (когда он обнаружил себя описанным как; *to find* — *найти*) a 'sturdy vagabond' (здоровым проходимцем; *sturdy* — *крепкий*) and sentenced to sit two hours in the pillory (и приговорен просидеть два часа у позорного столба) for bearing that character (за ношение этого образа = притворство) and for assaulting the master of Hendon Hall (и за нападение на хозяина Хендон-холла). His pretensions as to brothership with his prosecutor (его притязание на братство с истцом; *as to* — *что до*), and rightful heirship to (и законного наследования) the Hendon honors and estates (почестей и владений Хендона), were left contemptuously unnoticed (были оставлены презрительно незамеченными; *to leave* — *оставлять, покидать*), as being not even worth examination (как являющиеся даже не заслуживающими рассмотрения).

He raged and threatened (он бушевал и угрожал) on his way to punishment (по пути к наказанию), but it did no good (но это не сделало ничего хорошего = ни к чему не привело); he was snatched roughly along by the officers (он был схвачен грубо офицерами), and got an occasional cuff (и получал иногда удар; *to get* — *получать*; *occasional* — *случающийся время от времени*), besides (кроме того), for his unreverent conduct (за свое непочтительное поведение). The king could not pierce through the rabble hat (он не мог пробраться через слой толпы; *to pierce* — *пронзать*; *hat* — *верхний слой*) swarmed behind (кишащей сзади); so he was obliged (так он был вынужден) to follow in the rear (следовать позади), remote from his good friend and servant (вдали от своего доброго друга и слуги). The king had been nearly condemned to the stocks himself (король был почти приговорен к колодкам сам), for being in such bad company (за то, что был в такой плохой компании), but had been let off (но был отпущен; *to let* — *позволять, пускать*) with a lecture and a warning (с нотацией и предупреждением), in consideration of his youth (с учетом его юности; *consideration* — *учет*). When the crowd at last halted (когда толпа наконец остановилась), he flitted feverishly (он носился лихорадочно) from point to point (от точки к точке) around its outer rim (вокруг ее внешней границы), hunting a place to get through (выискивая место, чтобы пролезть; *to get through* — *пролезть: «пробраться через»*); and at last (и наконец), after a deal of difficulty and delay (после кучи сложностей и задержек), succeeded (преуспел). There sat his poor henchman (вон сидел его бедный оруженосец; *to sit* — *сидеть*) in the degrading stocks (в унижительных колодках), the sport and butt of a dirty mob (забава и посмешище грязной толпы) — he, the body servant of the king of England (он, камердинер: «телесный слуга» короля Англии)! Edward had heard the sentence pronounced (Эдуард слышал приговор произнесенным; *to hear* — *слышать*), but he had not realized (но он не понимал) the half that it meant (половину того, что он означал; *to mean* — *иметь в виду*). His anger began to rise (его гнев начал подниматься; *to begin* — *начинать*) as the sense of this new indignity (пока чувство этого нового

унижения) which had been put upon him (которое было возложено на него; *to put* — *класть, ставить*) sank home (опускалось на него: «домой»); it jumped to summer heat (оно допрыгнуло до летнего зноя = накалилось) the next moment (в следующую секунду), when he saw an egg sail through the air (когда он увидел, как яйцо летит через воздух) and crush itself (и разбивается) against Hendon's cheek (о щеку Хендона), and heard the crowd roar (и услышал, как толпа хохочет; *to hear* — *слышать*) its enjoyment of the episode (свое наслаждение = в своем наслаждении этим эпизодом). He sprang across the open circle (он прыгнул через открытый круг = людей; *to spring* — *прыгать*) and confronted the officer in charge (и столкнулся с дежурным офицером; *charge* — *ответственность*), crying (крича):

'For shame (позор)! This is my servant (это мой слуга) — set him free (отпустите его: «установите его свободным»)! I am the (я —) —'

'Oh, peace (о, тише)!' exclaimed Hendon (воскликнул Хендон), in a panic (в панике), 'thou'lt destroy thyself (ты погубишь себя). Mind him not, officer (не обращайтесь на него внимания, офицер), he is mad (он сумасшедший).'

'Give thyself no trouble (не давай себе забот = не заботься) as to the matter of minding him (до дела заботы о нем), good man (добрый человек), I have small mind to mind him (у меня маленькие мысли = я не собираюсь обращать на него внимание); but as to (но что касается того, чтобы) teaching him somewhat (проучить его немного), to that I am well inclined (к этому я очень склонен).'

He turned to a subordinate (он повернулся к подчиненному) and said (и сказал), 'Give the little fool (дайте этому маленькому дурачку) a taste or two (вкус или два = отведать) of the lash (порки), to mend his manners (чтобы исправить его манеры).'

'Half a dozen (полдюжины) will better serve his turn (лучше окажут ему услугу; *turn* — *услуга*),' suggested Sir Hugh (предложил сэр Хью), who had ridden up (который подъехал; *to ride up* — *подъезжать*) a moment before (секундой раньше) to take a passing glance (чтобы взять = бросить мимолетный взгляд) at the proceedings (на заседание суда).

heirship [ˈeəʃɪp], youth [ju:θ], incline [ɪnˈklaɪn]

MEANTIME Miles was growing sufficiently tired of confinement and inaction. But now his trial came on, to his great gratification, and he thought he could welcome any sentence provided a further imprisonment should not be a part of it. But he was mistaken about that. He was in a fine fury when he found himself described as a 'sturdy vagabond' and sentenced to sit two hours in the pillory for bearing that character and for assaulting the master of Hendon Hall. His pretensions as to brotherhood with his prosecutor, and rightful heirship to the Hendon honors and estates, were left contemptuously unnoticed, as being not even worth examination.

He raged and threatened on his way to punishment, but it did no good; he was snatched roughly along by the officers, and got an occasional cuff, besides, for his unreverent conduct.

The king could not pierce through the rabble that swarmed behind; so he was obliged to follow in the rear, remote from his good friend and servant. The king had been nearly condemned to the stocks himself, for being in such bad company, but had been let off with a lecture and a warning, in consideration of his youth. When the crowd at last halted, he flitted feverishly from point to point around its outer rim, hunting a place to get through; and at last, after a deal of difficulty and delay, succeeded. There sat his poor henchman in the degrading stocks, the sport and butt of a dirty mob — he, the body servant of the king of England! Edward had heard the sentence pronounced, but he had not realized the half that it meant. His anger began to rise as the sense of this new indignity which had been put upon him sank home; it jumped to summer heat the next moment, when he saw an egg sail through the air and crush itself against Hendon's cheek, and heard the crowd roar its enjoyment of the episode. He sprang across the open circle and confronted the officer in charge, crying:

'For shame! This is my servant — set him free! I am the —'

'Oh, peace!' exclaimed Hendon, in a panic, 'thou'lt destroy thyself. Mind him not, officer, he is mad.'

'Give thyself no trouble as to the matter of minding him, good man, I have small mind to mind him; but as to teaching him somewhat, to that I am well inclined.' He turned to a subordinate and said, 'Give the little fool a taste or two of the lash, to mend his manners.'

'Half a dozen will better serve his turn,' suggested Sir Hugh, who had ridden up a moment before to take a passing glance at the proceedings.

The king was seized (король был схвачен). He did not even struggle (он даже не боролся), so paralyzed was he with the mere thought (так парализован он был простой мыслью) of the monstrous outrage (о чудовищном оскорблении) that was proposed (которое предлагалось) to be inflicted upon his sacred person (быть учиненным над его священной персоной). History was already defiled (история была уже запятнана) with the record of the scourging of an English king (записью избияния английского короля) with whips (хлыстами) — it was an intolerable reflection (это была невыносимая мысль: «размышление») that he must furnish a duplicate of that shameful page (что он должен обеспечить дубликат этой позорной страницы). He was in the toils (он был в ловушке), there was no help for him (не было никакой помощи для него); he must either take this punishment (он должен либо принять это наказание) or beg for its remission (либо молить о его отмене). Hard conditions (тяжкие условия); he would take the stripes (он примет порку) — a king might do that (король мог бы сделать это), but a king could not beg (но король не мог умолять).

But meantime (но тем временем), Miles Hendon was resolving the difficulty (Майлс Хендон разрешал эту сложность). 'Let the child go (дайте ребенку уйти),' said he (сказал он); 'ye heartless dogs (вы, бессердечные псы), do ye not see (не видите ли вы) how young and frail he is (как юн и хрупок он)? Let him go (дайте ему уйти) — I will take his lashes (я приму его плети).'

'Marry, a good thought (черт возьми, прекрасная мысль) — and thanks for it (и спасибо за нее),' said Sir Hugh (сказал сэр Хью), his face lighting (его лицо светящееся = с лицом, светящимся) with a sardonic satisfaction (сардоническим удовольствием). 'Let the little beggar go (дайте маленькому нищему уйти), and give this fellow a dozen (и дайте этому парню дюжину) in his place (вместо него: «в его место») — an honest dozen (честную дюжину), well laid on (хорошо нанесенную; *to lay on* — *наносить (удар)*: «*класть на*»).' The king was in the act (король был в действии = собирался) of entering a fierce protest (вступить в ярый протест), but Sir Hugh silenced him (но сэр Хью утихомирил его; *silence* — *тишина, безмолвие*) with the potent remark (действенным замечанием), 'Yes, speak up (да, вступайся за него; *to speak up* — *говорить громко, высказываться, заступаться*: «*говорить вверх*»), do (сделай = это), and free thy mind (и освободи = дай волю своим желаниям) — only, mark ye (только заметь себе), that for each word you utter (что за каждое слово, которое ты произнесешь) he shall get six strokes the more (он получит шестью ударами больше).'

Hendon was removed from the stocks (Хендон был вытасчен из колодок; *to remove* — *убирать*), and his back laid bare (и его спина /была/ обнажена: «положена нагой»; *to lay* — *класть*); and while the lash was applied (и пока плеть была применяема) the poor little king turned away his face (бедный маленький король отвернул свое лицо) and allowed unroyal tears (и позволил некоролевским слезам) to channel his cheeks (бороздить его щеки; *to channel* — *рыть канал*) unchecked (несдержанно; *to check* — *ограничивать, сдерживать, обуздывать, регулировать*). 'Ah, brave good heart (ах, отважное доброе сердце),' he said to himself (он сказал себе), 'this loyal deed (этот верноподданный поступок) shall never perish out of my memory (никогда не исчезнет из моей памяти). I will not forget it (я не забуду его) — and neither shall *they* (и они не /забудут/)' he added, with passion (он добавил со страстью = гневно). While he mused (пока он находился в задумчивости), his appreciation of Hendon's magnanimous conduct (его признательность за

великодушное поведение Хендона) grew to greater and still greater dimensions (росла до все бóльших и бóльших размеров; *dimension* — *измерение*) in his mind (в его уме), and so also did (и также делала = росла) his gratefulness for it (его благодарность за него). Presently he said to himself (вскоре он сказал себе), 'Who saves his prince from wounds (кто спасает своего короля от ран) and possible death (и возможной смерти) — and this he did for me (а это он сделал для меня; *to do* — *делать*) — performs high service (оказывает великую услугу); but it is little (но это немного) — it is nothing (это ничто)! — oh, less than nothing (о, меньше, чем ничего)! — when 'tis weighed against (когда это взвешено против = по сравнению с) the act of him (с действием его = того) who saves his prince from SHAME (кто спасает своего короля от ПОЗОРА)!' Hendon made no outcry (Хендон не издал ни крика) under the scourge (под плетью), but bore the heavy blows (но сносил тяжелые удары; *to bear* — *носить*) with soldierly fortitude (с солдатской стойкостью). This (это), together with his redeeming the boy (вместе с его освобождением мальчика) by taking his stripes for him (принятием его порки ради него), compelled the respect (вызвало уважение) of even that forlorn and degraded mob (даже той жалкой и низкой толпы) that was gathered there (которая была собрана там); and its gibes and hootings died away (а ее насмешки и улюлюканья исчезли: «умерли прочь»), and no sound remained (и никакой звук не остался) but the sound of the falling blows (кроме звука обрушивающихся ударов). The stillness that pervaded the place (безмолвие, которое наполнило это место) when Hendon found himself (когда Хендон оказался: «нашел себя»; *to find* — *найти*) once more in the stocks (снова в колодках), was in strong contrast (была в сильном контрасте = контрастировало) with the insulting clamour (с оскорбительным гамом) which had prevailed there (который преобладал там) so little a while before (такое малое время прежде = так незадолго до того). The king came softly to Hendon's side (король подошел тихо к Хендону; *to come* — *приходить*; *side* — *сторона, бок*), and whispered in his ear (и прошептал ему на ухо):

'Kings cannot ennoble thee (короли не могут сделать тебя благородным), thou good, great soul (ты, добрая, великая душа), for One who is higher than kings (ибо Один = Тот, Кто выше, чем короли) hath done that for thee (сделал это для тебя); but a king can confirm thy nobility to men (но король может подтвердить твое благородство перед людьми).' He picked up the scourge from the ground (он подобрал плеть с земли), touched Hendon's bleeding shoulders lightly with it (коснулся кровоточащих плеч Хендона ею), and whispered (и прошептал), 'Edward of England (Эдуард Английский) dubs thee earl (дает тебе титул графа; *to dub* — *производить, давать титул, давать прозвище*)!'

paralyze [ˈpærəlaɪz], magnanimous [mæɡˈnæniməs], weigh [weɪ]

The king was seized. He did not even struggle, so paralyzed was he with the mere thought of the monstrous outrage that was proposed to be inflicted upon his sacred person. History was already defiled with the record of the scourging of an English king with whips — it was an intolerable reflection that he must furnish a duplicate of that shameful page. He was in the toils, there was no help for him; he must either take this punishment or beg for its remission. Hard conditions; he would take the stripes — a king might do that, but a king could not beg.

But meantime, Miles Hendon was resolving the difficulty. 'Let the child go,' said he; 'ye heartless dogs, do ye not see how young and frail he is? Let him go — I will take his lashes.'

'Marry, a good thought — and thanks for it,' said Sir Hugh, his face lighting with a sardonic satisfaction. 'Let the little beggar go, and give this fellow a dozen in his place — an honest dozen, well laid on.' The king was in the act of entering a fierce protest, but Sir Hugh silenced him with the potent remark, 'Yes, speak up, do, and free thy mind — only, mark ye, that for each word you utter he shall get six strokes the more.'

Hendon was removed from the stocks, and his back laid bare; and while the lash was applied the poor little king turned away his face and allowed unroyal tears to channel his cheeks unchecked. 'Ah, brave good heart,' he said to himself, 'this loyal deed shall never perish out of my memory. I will not forget it — and neither shall *they!*' he added, with passion. While he mused, his appreciation of Hendon's magnanimous conduct grew to greater and still greater dimensions in his mind, and so also did his gratefulness for it.

Presently he said to himself, 'Who saves his prince from wounds and possible death — and this he did for me — performs high service; but it is little — it is nothing! — oh, less than nothing! — when 'tis weighed against the act of him who saves his prince from SHAME!'

Hendon made no outcry under the scourge, but bore the heavy blows with soldierly fortitude. This, together with his redeeming the boy by taking his stripes for him, compelled the respect of even that forlorn and degraded mob that was gathered there; and its gibes and hootings died away, and no sound remained but the sound of the falling blows. The stillness that pervaded the place when Hendon found himself once more in the stocks, was in strong contrast with the insulting clamour which had prevailed there so little a while before. The king came softly to Hendon's side, and whispered in his ear: 'Kings cannot ennoble thee, thou good, great soul, for One who is higher than kings hath done that for thee; but a king can confirm thy nobility to men.' He picked up the scourge from the ground, touched Hendon's bleeding shoulders lightly with it, and whispered, 'Edward of England dubs thee earl!'

Hendon was touched (Хендон был тронут). The water welled to his eyes (вода = слезы хлынули к его глазам), yet at the same time (и в то же время) the grisly humor of the situation (мрачный юмор ситуации) and circumstances (и обстоятельств) so undermined his gravity (так подорвали его серьезность) that it was all he could do (что это было все, что он мог сделать) to keep some sign of his inward mirth (чтобы удержать какой-либо признак его внутреннего

веселья) from showing outside (от показывания наружу). To be suddenly hoisted (быть внезапно вознесенным), naked and gory (раздетым и окровавленным), from the common stocks (из обычных колодок) to the Alpine altitude and splendor (на альпийскую высоту и великолепие) of an earldom (графского звания), seemed to him the last possibility (казалось ему последней возможностью) in the line of the grotesque (в череде гротеска). He said to himself (он сказал себе), 'Now am I finely tinsel, indeed (теперь я отменно украшен, действительно; *to tinsel* — украшать мишурой)! The specter-knight (призрачный рыцарь) of the Kingdom of Dreams and Shadows (Королевства сновидений и теней) is become a specter-earl (стал призрачным графом)! — a dizzy flight (головокружительный взлет) for a callow wing (для неоперившегося крыла)! An this go on (если так пойдет: «это продолжится»; *to go on* — продолжаться: «идти дальше»), I shall presently be hung (я скоро буду увешан; *to hang* — висеть, повесить) like a very May-pole (как майский шест) with fantastic gauds (фантастическими безделушками) and make-believe honors (и выдуманными почестями). But I shall value them (но я буду ценить их), all valueless as they are (все ничего не стоящие как они есть = хоть они ничего и не стоят), for the love that doth bestow them (ради любви, которая дарует их). Better these poor mock dignities (лучше эти жалкие потешные звания) of mine (мои), that come unasked (которые приходят непрошеными) from a clean hand (из чистой руки) and a right spirit (и правильного духа), than real ones (чем настоящие /звания/) bought by servility (купленные сервильностью; *to buy* — купить) from grudging and interested power (у завистливой и корыстной власти).'

The dreaded Sir Hugh (грозный сэръ Хью; *to dread* — страшиться) wheeled his horse about (развернул своего коня; *to wheel* — поворачивать), and, as he spurred away (и, пока он прищпоривал /коня/ прочь), the living wall divided silently (живая стена расступилась безмолвно) to let him pass (чтобы дать ему пройти), and as silently closed together again (и так же безмолвно сомкнулась вместе снова). And so remained (и так осталась); nobody went so far as to

venture (никто не пошел так далеко, чтобы отважиться на) a remark in favor of the prisoner (замечание в пользу узника), or in compliment to him (или в похвалу ему); but no matter (но /это не имело/ никакого значения), the absence of abuse (отсутствие оскорблений) was a sufficient homage (было достаточным почитанием) in itself (само по себе). A late comer (один поздно пришедший) who was not posted (который не был осведомлен) as to the present circumstances (о настоящих обстоятельствах), and who delivered a sneer (произнес издевательство) at the 'impostor' (в адрес «самозванца») and was in the act (и был в действии = собирался) of following it (сопроводить его) with a dead cat (дохлой кошкой), was promptly knocked down (был живо сбит с ног; *to knock* — *стучать*) and kicked out (и выкинут; *to kick* — *бить, пинать*), without any words (без каких-либо слов), and then the deep quiet (и тогда глубокая тишина) resumed sway (возобновила господство = возобладала) once more (снова).

grisly [ˈgrɪzli], grotesque [gruˈtesk], gaud [gɔ:d]

Hendon was touched. The water welled to his eyes, yet at the same time the grisly humor of the situation and circumstances so undermined his gravity that it was all he could do to keep some sign of his inward mirth from showing outside. To be suddenly hoisted, naked and gory, from the common stocks to the Alpine altitude and splendor of an earldom, seemed to him the last possibility in the line of the grotesque. He said to himself, 'Now am I finely tinsel, indeed! The specter-knight of the Kingdom of Dreams and Shadows is become a specter-earl! — a dizzy flight for a callow wing! An this go on, I shall presently be hung like a very May-pole with fantastic gauds and make-believe honors. But I shall value them, all valueless as they are, for the love that doth bestow them. Better these poor mock dignities of mine, that come unasked from a clean hand and a right spirit, than real ones bought by servility from grudging and interested power.'

The dreaded Sir Hugh wheeled his horse about, and, as he spurred away, the living wall divided silently to let him pass, and as silently closed together again. And so remained; nobody went so far as to venture a remark in favor of the prisoner, or in compliment to him; but no matter, the absence of abuse was a sufficient homage in itself. A late comer who was not posted as to the present circumstances, and who delivered a sneer at the 'impostor' and was in the act of following it with a dead cat, was promptly knocked down and kicked out, without any words, and then the deep quiet resumed sway once more.

CHAPTER XXIX (Глава двадцать девятая)

To London (В Лондон)

WHEN Hendon's term of service (когда срок отбывания наказания Хендона; *term* — *срок*) in the stocks (в колодках) was finished (был окончен), he was released (он был отпущен) and ordered (и получил приказ; *to order* — *приказывать*) to quit the region (покинуть эту местность) and come back no more (и не возвращаться больше: «приходить назад не больше»). His sword was restored to him (его меч был возвращен ему), and also his mule and his donkey (а также его мул и его осел). He mounted and rode off (он взобрался и уехал прочь; *to ride* — *ездить верхом*), followed by the king (сопровожаемый королем), the crowd opening (толпа раскрывшаяся = причем толпа расступилась) with quiet respectfulness (с молчаливым уважением) to let them pass (чтобы дать им пройти), and then dispersing (и затем разошлась) when they were gone (когда они ушли).

Hendon was soon absorbed (Хендон был скоро поглощен = погрузился) in thought (в мысли). There were questions of high import (были вопросы высокой важности) to be answered (чтобы быть ответченными = на которые надо было

ответить). What should he do (что должен он делать)? Whither should he go (куда должен он пойти)? Powerful help must be found somewhere (сильная помощь должна быть найдена где-нибудь; *to find* — *найти*), or he must relinquish his inheritance (или он должен отказаться от своего наследства) and remain under the imputation (и остаться под пятном = с плохой репутацией) of being an impostor (того, чтобы быть самозванцем) besides (кроме того). Where could he hope to find this powerful help (где мог он надеяться найти эту сильную поддержку)? Where, indeed (где, действительно)! It was a knotty question (это был запутанный вопрос; *knot* — *узел*). By and by (постепенно: «мимо и мимо») a thought occurred to him (мысль случилась = пришла к нему) which pointed to a possibility (которая указала на некоторую возможность) — the slenderest of slender possibilities (на слабейшую из слабых возможностей), certainly (конечно), but still worth considering (но все же стоящую рассмотрения), for lack of any other (за отсутствием какой-либо другой) that promised anything at all (которая обещала бы что бы то ни было вообще). He remembered (он вспомнил) what old Andrews had said about the young king's goodness (что старый Эндрюс сказал о доброте молодого короля) and his generous championship (и его великодушном заступничестве) of the wronged and unfortunate (за обиженных и несчастных). Why not go and try (почему бы не пойти и не попытаться) to get speech of him (получить речь от него = поговорить с ним) and beg for justice (и молить о справедливости)? Ah, yes (ах да), but could so fantastic a pauper (но мог ли такой странный нищий бедняк) get admission (получить допуск) to the august presence of a monarch (к августейшей персоне монарха)? Never mind (неважно: «никогда не беспокойся») — let that matter take care of itself (пусть этот вопрос позаботится о себе сам = разрешится сам); it was a bridge (это был мост) that would not need to be crossed (который не нужно было переходить) till he should come to it (прежде чем он пришел бы к нему = нужно было потерпеть). He was an old campaigner (он был старый воин), and used to inventing shifts and expedients (и привычный к изобретению уловок и приемов); no doubt

(несомненно: «никакое сомнение») he would be able to find a way (он будет способен найти путь = способ). Yes, he would strike for the capital (да, он направится к столице). Maybe his father's old friend (может быть, давний друг его отца), Sir Humphrey Marlow (сэр Хамфри Марло), would help him (поможет ему) — 'good old Sir Humphrey (добрый старый сэр Хамфри), Head Lieutenant of the late king's kitchen (главный лейтенант кухни покойного короля), or stables (или конюшен), or something (или чего-то = в этом роде)' — Miles could not remember (Майлс не мог вспомнить) just what or which (чего именно; *what* — *что*; *which* — *который*). Now that he had something (теперь, когда у него было что-то) to turn his energies to (на что направить свою энергию: «повернуть свою энергию к»), a distinctly defined object to accomplish (ясно определенный объект, чтобы /его/ достичь), the fog of humiliation and depression (туман унижения и уныния) that had settled down upon his spirits (который опустился на его дух) lifted and blew away (поднялся и рассеялся; *to blow away* — *быть сдуваемым ветром: «дуть прочь»*), and he raised his head (и он поднял свою голову) and looked about him (и огляделся вокруг: «посмотрел вокруг себя»). He was surprised to see (он был удивлен увидеть) how far he had come (как далеко он зашел; *to come* — *прийти*); the village was away behind him (деревня осталась далеко позади него). The king was jogging along in his wake (король медленно ехал вслед за ним), with his head bowed (со своей головой склоненной); for he, too (ибо он также), was deep in plans and thinkings (был = погрузился глубоко в планы и раздумья). A sorrowful misgiving (грустное опасение; *sorrow* — *горе, печаль, скорбь*; *misgiving* — *опасение, предчувствие дурного*) clouded Hendon's newborn cheerfulness (омрачило новорожденную жизнерадостность Хендона); would the boy be willing (захочет ли мальчик: «был ли бы мальчик желающим») to go again to a city (пойти снова в город) where, during all his brief life (где, в течение всей его короткой жизни), he had never known anything (он никогда не знал чего-либо = ничего; *to know* — *знать*) but ill usage and pinching want (кроме плохого обращения и мучительной нужды; *to pinch* — *щипать*;

сдавливать)? But the question must be asked (*но вопрос должен быть задан*); it could not be avoided (*он не мог быть избегнут*); so Hendon reined up (*так что Хендон остановил коня; to rein up — остановить коня: «натянуть поводья вверх»*), and called out (*и крикнул*):

'I had forgotten to inquire (*я забыл спросить*) whither we are bound (*куда мы направляемся; bound — направляющийся*). Thy commands, my liege (*твои приказания, мой повелитель*)?'

'To London (*в Лондон*)!'

Hendon moved on again (*Хендон двинулся дальше снова*), mightily contented with the answer (*весьма удовлетворенный ответом*) — but astonished at it, too (*но пораженный им тоже*).

knot [n0t], occur [ə`kə:], campaigner [kæm`peɪnə]

WHEN Hendon's term of service in the stocks was finished, he was released and ordered to quit the region and come back no more. His sword was restored to him, and also his mule and his donkey. He mounted and rode off, followed by the king, the crowd opening with quiet respectfulness to let them pass, and then dispersing when they were gone.

Hendon was soon absorbed in thought. There were questions of high import to be answered. What should he do? Whither should he go? Powerful help must be found somewhere, or he must relinquish his inheritance and remain under the imputation of being an impostor besides. Where could he hope to find this powerful help? Where, indeed! It was a knotty question. By and by a thought occurred to him which pointed to a possibility — the slenderest of slender possibilities, certainly, but still worth considering, for lack of any other that promised anything at all. He remembered what old Andrews had said about the young king's goodness and his generous championship of the wronged and unfortunate. Why not go and try to get speech of him and beg for justice? Ah, yes, but could so fantastic a pauper get admission to the

august presence of a monarch? Never mind — let that matter take care of itself; it was a bridge that would not need to be crossed till he should come to it. He was an old campaigner, and used to inventing shifts and expedients; no doubt he would be able to find a way. Yes, he would strike for the capital. Maybe his father's old friend, Sir Humphrey Marlow, would help him — 'good old Sir Humphrey, Head Lieutenant of the late king's kitchen, or stables, or something' — Miles could not remember just what or which. Now that he had something to turn his energies to, a distinctly defined object to accomplish, the fog of humiliation and depression that had settled down upon his spirits lifted and blew away, and he raised his head and looked about him. He was surprised to see how far he had come; the village was away behind him. The king was jogging along in his wake, with his head bowed; for he, too, was deep in plans and thinkings. A sorrowful misgiving clouded Hendon's newborn cheerfulness; would the boy be willing to go again to a city where, during all his brief life, he had never known anything but ill usage and pinching want? But the question must be asked; it could not be avoided; so Hendon reined up, and called out:

'I had forgotten to inquire whither we are bound. Thy commands, my liege?'

'To London!'

Hendon moved on again, mightily contented with the answer — but astonished at it, too.

The whole journey was made (целое путешествие было совершено) without an adventure of importance (без единого приключения какой-либо важности). But it ended with one (но оно закончилось одним = приключением). About ten o'clock on the night of the night of the 19th of February (около 10 часов вечером в ночь на 19 февраля), they stepped upon London Bridge (они ступили на Лондонский мост), in the midst of a writhing, struggling jam (посреди извивающейся, борющейся толчеи) of howling and hurraing people (воющих и гуляющих людей), whose beer-jolly faces (чьи веселые от пива лица) stood

out strongly (выделялись сильно; *to stand out* — выделяться: «стоять наружу») in the glare from manifold torches (в отблесках многочисленных факелов) — and at that instant (и в это мгновение) the decaying head of some former duke or other grandee (разлагающаяся голова какого-то бывшего герцога или другого вельможи) tumbled down between them (упала вниз между ними), striking Hendon on the elbow (ударив Хендона по локтю) and then bounding off (и затем отскочив дальше) among the hurrying confusion of feet (среди поспешного замешательства ног; *foot* — нога, ступня). So evanescent and unstable are men's works in this world (так мимолетны и преходящи людские дела в сем мире)! — the late good king is but three weeks dead (покойный добрый король лишь три недели мертв) and three days in his grave (и три дня в своей могиле), and already the adornments (а уже украшения) which he took such pains to select (которые он взял столько усилий, чтобы выбрать = выбор которых стоил ему столько усилий) from prominent people (от выдающихся людей) for his noble bridge (для своего благородного моста) are falling (падают). A citizen stumbled over that head (один горожанин споткнулся об эту голову), and drove his own head (и вбил свою собственную голову = врезался головой; *to drive* — вбить) into the back of somebody in front of him (в спину кого-то впереди него), who turned and knocked down (который обернулся и сбил с ног) the first person that came handy (первого человека, который подвернулся под руку: «пришел удобным»), and was promptly laid out himself (и был быстро уложен сам; *to lay out* — сбить с ног, вывести из строя) by that person's friend (другом этого человека). It was the right ripe time (это было точно зрелое = подходящее время) for a free fight (для свободной драки), for the festivities of the morrow (так как празднования завтрашнего дня; *tomorrow* — завтрашний день) — Coronation Day (дня коронации) — were already beginning (уже начинались); everybody was full of strong drink and patriotism (все были полны крепких напитков и патриотизма); within five minutes (в течение пяти минут) the free fight was occupying a good deal of ground (свободная драка занимала хорошую

часть земли); within ten or twelve (в течение десяти или двенадцати /минут/) it covered an acre (она покрывала акр) or so (или так = или около того), and was become a riot (и стала массовым беспорядком). By this time (к этому времени) Hendon and the king were hopelessly separated (Хендон и король были безнадежно разделены) from each other (друг от друга) and lost in the rush and turmoil (и потеряны в суете и суматохе) of the roaring masses of humanity (ревущих масс человечества). And so we leave them (и так мы оставляем их).

evanescent [i:və`nesənt], festivity [fes`tivəti], riot [raɪət]

The whole journey was made without an adventure of importance. But it ended with one. About ten o'clock on the night of the night of the 19th of February, they stepped upon London Bridge, in the midst of a writhing, struggling jam of howling and hurraing people, whose beer-jolly faces stood out strongly in the glare from manifold torches — and at that instant the decaying head of some former duke or other grandee tumbled down between them, striking Hendon on the elbow and then bounding off among the hurrying confusion of feet. So evanescent and unstable are men's works in this world! — the late good king is but three weeks dead and three days in his grave, and already the adornments which he took such pains to select from prominent people for his noble bridge are falling. A citizen stumbled over that head, and drove his own head into the back of somebody in front of him, who turned and knocked down the first person that came handy, and was promptly laid out himself by that person's friend. It was the right ripe time for a free fight, for the festivities of the morrow — Coronation Day — were already beginning; everybody was full of strong drink and patriotism; within five minutes the free fight was occupying a good deal of ground; within ten or twelve it covered an acre or so, and was become a riot. By this time Hendon and the king were hopelessly separated from each other and lost in the rush and turmoil of the roaring masses of humanity. And so we leave them.

CHAPTER XXX (Глава тридцатая)

Tom's Progress (Успехи Тома)

WHILST the true king wandered about the land (пока настоящий король бродил по стране), poorly clad (плохо одетый), poorly fed (плохо накормленный; *to feed* — *кормить*), cuffed and derided by tramps (избиваемый и осмеиваемый бродягами) one while (в одно время), herding with thieves and murderers in a jail (сидящий с ворами и убийцами в тюрьме; *to herd* — *ходить стадом*) another (в другое /время/), and called idiot and impostor (и называемый идиотом и самозванцем) by all impartially (всеми беспристрастно), the mock King Tom Canty (поддельный король Том Кэнти) enjoyed a quite different experience (наслаждался совершенно иным опытом).

When we saw him last (когда мы видели его в последний раз; *to see* — *видеть*), royalty (королевское положение) was just beginning (как раз начинало) to have a bright side for him (иметь яркую сторону для него = радовать его). This bright side went on brightening (эта яркая сторона продолжала становиться ярче; *to go on* — *продолжать*: «идти дальше»; *to brighten* — *становиться ярче*) more and more every day (больше и больше каждый день); in a very little while (за очень маленькое время) it was become almost all sunshine and delightfulness (она стала почти вся солнечный свет и радость). He lost his fears (он потерял свои страхи; *to lose* — *терять*); his misgivings faded out and died (его опасения угасли и умерли); his embarrassments departed (его затруднения ушли), and gave place to an easy and confident bearing (и дали место легкой и уверенной манере держать себя). He worked the whipping-boy mine (он выработал шахту мальчика для битья = он получил всевозможные сведения от него) to ever-increasing profit (к /своей/ постоянно увеличивающейся выгоде; *ever* — *все время*; *to increase* — *увеличиваться*).

He ordered my Lady Elizabeth and my Lady Jane Grey into his presence (он приказывал = призывал миледи Элизабет и миледи Джейн Грей в свое общество) when he wanted to play or talk (когда он хотел поиграть или поговорить), and dismissed them (и отпускал их) when he was done with them (когда он заканчивал с ними: «он был сделан с ними»; *to do* — *делать*), with the air of one (с видом человека: «одного») familiarly accustomed to such performances (хорошо привыкшего к таким действиям). It no longer confused him (это больше не смущало его: «не дольше») to have these lofty personages (чтобы эти горделивые персоны) kiss his hand at parting (целовали его руку при уходе = прощаясь).

He came to enjoy (он пришел к тому, чтобы наслаждаться) being conducted to bed (тем, чтобы быть провождаемым к кровати) in state at night (торжественно ночью; *state* — *пышность*), and dressed (и одетым) with intricate and solemn ceremony (с запутанной и торжественной церемонией) in the morning (утром).

It came to be a proud pleasure (это пришло к тому, чтобы быть = это стало гордым удовольствием) to march to dinner (вышагивать на обед) attended (в сопровождении; *to attend* — *сопровождать*) by a glittering procession of officers of state (сияющей процессии государственных чиновников) and gentlemen-at-arms (и джентльменов при оружии = лейб-гвардейцев); insomuch, indeed, that he doubled his guard of gentlemen-at-arms (настолько, действительно, что он удвоил свою стражу из лейб-гвардейцев), and made them a hundred (и сделал их сотней). He liked to hear the bugles (он любил слышать рожки) sounding down the long corridors (звучащие вдоль длинных коридоров), and the distant voices responding (и далекие голоса, отвечающие), 'Way for the King (дорогу королю)!'.

He even learned to enjoy (он даже научился наслаждаться) sitting in throned state (сидением на троне) in council (в совете), and seeming to be something more (и казаться = притворяться быть чем-то бóльшим) than the Lord Protector's mouthpiece (чем рупором лорда-протектора = что он не только повторяет его слова). He liked to receive great ambassadors (он любил

принимать великих послов) and their gorgeous trains (и их великолепные свиты), and listen to the affectionate messages (и слушать любезные послания) they brought from illustrious monarchs (которые они приносили от прославленных монархов; *to bring* — *приносить*) who called him 'brother' (которые звали его «братом»). Oh, happy Tom Cauty (о, счастливый Том Кэнти), late of Offal Court (недавно из Тупика отбросов)!

He enjoyed his splendid clothes (он наслаждался своей роскошной одеждой), and ordered more (и заказывал больше = еще); he found his four hundred servants too few (он нашел своих четырехсот слуг слишком малым количеством; *to find* — *найти*) for his proper grandeur (для подходящего ему величия), and trebled them (и утроил их). The adulation of salaaming courtiers (лесть приветствующих /его/ придворных: «говорящих 'селям'») came to be sweet music to his ears (пришла быть = стала сладчайшей музыкой). He remained kind and gentle (он оставался добрым и ласковым), and a sturdy and determined champion of all (и непреклонным и решительным защитником всех) that were oppressed (кто был угнетен), and he made tireless war (и он вел неутомимую войну; *to tire* — *утомлять(ся)*, *уставать*) upon unjust laws (против несправедливых законов); yet upon occasion (а при случае), being offended (будучи оскорблен), he could turn upon an earl (он мог повернуться к графу), or even a duke (или даже к герцогу), and give him a look that would make him tremble (и дать ему = направить на него такой взгляд, который заставил бы его задрожать). Once (однажды), when his royal 'sister' (когда его царственная сестра), the grimly holy Lady Mary (мрачно благочестивая леди Мэри), set herself to reason with him against the wisdom of his course (принялась убеждать его против мудрости его политики = спорить с его политикой; *to set to* — *приняться за*) in pardoning so many people (прощать так много людей) who would otherwise be jailed (которые иначе были бы заключены в тюрьму), or hanged, or burned (или повешены, или сожжены), and reminded him (и напомнила ему) that their august late father's prisons (что тюрьмы их покойного августейшего отца; *late* — *покойный*) had sometimes contained (подчас

содержали) as high as sixty thousand convicts (так много как = до шестидесяти тысяч осужденных) at one time (в одно время), and that during his admirable reign (и что в течение его достославного правления) he had delivered seventy-two thousand thieves and robbers over to death (он предал 72 000 воров и грабителей смерти; *to deliver over* — *передать, передать*; *to deliver* — *доставлять*) by the executioner (через палача), the boy was filled with generous indignation (мальчик был наполнен благородным негодованием), and commanded her to go to her closet (и приказал ей идти в свою каморку), and beseech God (и молить Бога) to take away the stone (забрать: «взять прочь» камень) that was in her breast (который был в ее груди), and give her a human heart (и дать ей человеческое сердце).

embarrassment [ɪmˈbærəsmənt], accustomed [əˈkʌstəmd], admirable [ˈædm(ə)rəbl]

WHILST the true king wandered about the land, poorly clad, poorly fed, cuffed and derided by tramps one while, herding with thieves and murderers in a jail another, and called idiot and impostor by all impartially, the mock King Tom Canty enjoyed a quite different experience.

When we saw him last, royalty was just beginning to have a bright side for him. This bright side went on brightening more and more every day; in a very little while it was become almost all sunshine and delightfulness. He lost his fears; his misgivings faded out and died; his embarrassments departed, and gave place to an easy and confident bearing. He worked the whipping-boy mine to ever-increasing profit.

He ordered my Lady Elizabeth and my Lady Jane Grey into his presence when he wanted to play or talk, and dismissed them when he was done with them, with the air of one familiarly accustomed to such performances. It no longer confused him to have these lofty personages kiss his hand at parting. He came to enjoy being conducted to bed in state at night, and dressed with intricate and solemn ceremony in the morning. It came to be a proud pleasure

to march to dinner attended by a glittering procession of officers of state and gentlemen-at-arms; insomuch, indeed, that he doubled his guard of gentlemen-at-arms, and made them a hundred. He liked to hear the bugles sounding down the long corridors, and the distant voices responding, 'Way for the King!'

He even learned to enjoy sitting in throned state in council, and seeming to be something more than the Lord Protector's mouthpiece. He liked to receive great ambassadors and their gorgeous trains, and listen to the affectionate messages they brought from illustrious monarchs who called him 'brother.'

Oh, happy Tom Canty, late of Offal Court!

He enjoyed his splendid clothes, and ordered more; he found his four hundred servants too few for his proper grandeur, and trebled them. The adulation of salaaming courtiers came to be sweet music to his ears. He remained kind and gentle, and a sturdy and determined champion of all that were oppressed, and he made tireless war upon unjust laws; yet upon occasion, being offended, he could turn upon an earl, or even a duke, and give him a look that would make him tremble. Once, when his royal 'sister,' the grimly holy Lady Mary, set herself to reason with him against the wisdom of his course in pardoning so many people who would otherwise be jailed, or hanged, or burned, and reminded him that their august late father's prisons had sometimes contained as high as sixty thousand convicts at one time, and that during his admirable reign he had delivered seventy-two thousand thieves and robbers over to death by the executioner, the boy was filled with generous indignation, and commanded her to go to her closet, and beseech God to take away the stone that was in her breast, and give her a human heart.

Did Tom Canty never feel troubled (разве Том Кэнти никогда не чувствовал себя обеспокоенным) about the poor little rightful prince (за бедного маленького законного принца) who had treated him so kindly (который обошелся с ним так добро), and flown out (и вылетел = бросился наружу; *to fly*

— *летать*) with such hot zeal (с такой горячей истовостью) to avenge him (чтобы отомстить за него) upon the insolent sentinel (грубому часовому) at the palace gate (у дворцовых ворот)? Yes; his first royal days and nights (да; его первые королевские дни и ночи) were pretty well sprinkled (были весьма забрызганы = насыщены) with painful thoughts about the lost prince (тягостными мыслями о потерявшемся принце; *to lose* — *терять*), and with sincere longings for his return (и искренними желаниями его возвращения) and happy restoration (и счастливого восстановления = возвращения) to his native rights and splendors (к его врожденным правам и великолепию). But as time wore on (но пока время тянулось; *to wear on* — *медленно тянуться /о времени/*), and the prince did not come (и принц не приходил = не возвращался), Tom's mind became more and more occupied (разум Тома становился все более и более занятым) with his new and enchanting experiences (его новыми и пленительными переживаниями), and by little and little (и понемногу) the vanished monarch (пропавший монарх) faded almost out of his thoughts (исчез почти из его мыслей; *to fade* — *вянуть; исчезать*); and finally (и наконец), when he did intrude upon them at intervals (когда он все же вторгался в них = в его мысли по временам), he was become an unwelcome specter (он стал нежеланным призраком), for he made Tom feel guilty and ashamed (ибо он заставлял Тома чувствовать себя виноватым и пристыженным; *guilt* — *вина; shame* — *стыд*).

Tom's poor mother and sisters (бедные мать и сестры Тома) traveled the same road (ушли той же дорогой) out of his mind (из его разума). At first he pined for them (сперва он тосковал по ним), sorrowed for them (горевал по ним), longed to see them (желал увидеть их); but later (но позже), the thought of their coming some day (мысль о том, чтобы они пришли однажды: «в какой-нибудь день») in their rags and dirt (в их лохмотьях и грязи), and betraying him with their kisses (и выдали его своими поцелуями), and pulling him down from his lofty place (и стащили его вниз с его высокого места) and dragging him back to penury and degradation (и утащили его назад в нищету и упадок) and the slums (и в

трусобы), made him shudder (заставляла его вздрагивать). At last they ceased to trouble his thoughts almost wholly (наконец они прекратили беспокоить его мысли почти совсем). And he was content (и он был доволен), even glad (даже рад); for, whenever their mournful and accusing faces did rise before him now (ибо, когда бы их скорбящие и обвиняющие лица ни вставали перед ним теперь), they made him feel more despicable (они заставляли его чувствовать себя более жалким) than the worms that crawl (чем черви, которые ползают). At midnight of the 19th of February (в полночь 19 февраля), Tom Canty was sinking to sleep in his rich bed in the palace (Том Кэнти погружался в сон в своей богатой постели во дворце), guarded by his loyal vassals (охраняемый своими верными слугами), and surrounded by the pomps of royalty (и окруженный королевскими великолепиями), a happy boy (счастливый мальчик); for to-morrow was the day (ибо завтра был день) appointed for his solemn crowning (назначенный для его торжественной коронации) as king of England (королем Англии). At that same hour (в тот же самый час), Edward, the true king (Эдуард, настоящий король), hungry and thirsty (голодный и жаждущий), soiled and draggled (грязный и запачканный), worn with travel (уставший с дороги; *to wear* — носить, изнашивать), and clothed in rags and shreds (и одетый в лохмотья и лоскуты) — his share of the results of the riot (его доля результатов беспорядков = драки) — was wedged (был втиснут) in among a crowd of people (посреди толпы людей) who were watching with deep interest (которые смотрели с глубоким интересом) certain hurrying gangs of workmen (на определенные = некоторые спешащие группы рабочих) who streamed in and out (которые сновали в и из) of Westminster Abbey (Вестминстерского аббатства), busy as ants (занятые как муравьи); they were making the last preparation for the royal coronation (они совершали последние приготовления к царской коронации).

guilty [ˈɡɪltɪ], penury [ˈpenjəri], crawl [krɔ:l]

Did Tom Canty never feel troubled about the poor little rightful prince who had treated him so kindly, and flown out with such hot zeal to avenge him upon the insolent sentinel at the palace gate? Yes; his first royal days and nights were pretty well sprinkled with painful thoughts about the lost prince, and with sincere longings for his return and happy restoration to his native rights and splendors. But as time wore on, and the prince did not come, Tom's mind became more and more occupied with his new and enchanting experiences, and by little and little the vanished monarch faded almost out of his thoughts; and finally, when he did intrude upon them at intervals, he was become an unwelcome specter, for he made Tom feel guilty and ashamed. Tom's poor mother and sisters traveled the same road out of his mind. At first he pined for them, sorrowed for them, longed to see them; but later, the thought of their coming some day in their rags and dirt, and betraying him with their kisses, and pulling him down from his lofty place and dragging him back to penury and degradation and the slums, made him shudder. At last they ceased to trouble his thoughts almost wholly. And he was content, even glad; for, whenever their mournful and accusing faces did rise before him now, they made him feel more despicable than the worms that crawl. At midnight of the 19th of February, Tom Canty was sinking to sleep in his rich bed in the palace, guarded by his loyal vassals, and surrounded by the poms of royalty, a happy boy; for to-morrow was the day appointed for his solemn crowning as king of England. At that same hour, Edward, the true king, hungry and thirsty, soiled and draggled, worn with travel, and clothed in rags and shreds — his share of the results of the riot — was wedged in among a crowd of people who were watching with deep interest certain hurrying gangs of workmen who streamed in and out of Westminster Abbey, busy as ants; they were making the last preparation for the royal coronation.

CHAPTER XXXI (Глава тридцать первая)

The Recognition Procession (Коронационная процессия)

WHEN Tom Canty awoke the next morning (когда Том Кэнти проснулся следующим утром; *to awake*), the air was heavy (воздух был тяжелым) with a thunderous murmur (от громоподобного гула голосов; *thunder* — *гром*); all the distances were charged with it (все дали были насыщены им). It was music to him (это была музыка для него); for it meant (ибо это означало) that the English world was out (что весь английский мир был снаружи = на улице) in its strength (в своей силе = во всей своей силе) to give loyal welcome to the great day (чтобы верно приветствовать этот великий день; *welcome* — *приветствие*).

Presently Tom found himself once more the chief figure (вскоре Том нашел себя = оказался снова главной фигурой; *to find* — *найти*) in a wonderful floating pageant (в чудесной плывущей процессии) on the Thames (на Темзе); for by ancient custom (ибо по древнему обычаю) the 'recognition procession' (коронационное шествие; *recognition* — *признание*) through London (через Лондон) must start from the Tower (должно начинаться от Тауэра), and he was bound thither (и он направлялся туда; *bound* — *направляющийся*).

When he arrived there (когда он прибыл туда), the sides of the venerable fortress (стены этой почтенной крепости) seemed suddenly rent (казалось, вдруг треснули; *to seem* — *казаться*) in a thousand places (в тысяче мест), and from every rent (и из каждой трещины) leaped a red tongue of flame (вырывался красный язык пламени) and a white gush of smoke (и белый клуб дыма); a deafening explosion followed (оглушительный взрыв последовал; *deaf* — *глухой*; *to deafen* — *оглушать*), which drowned (который потопил = в котором потонули) the shoutings of the multitude (крики множества = толпы), and made the ground tremble (и заставил землю задрожать); the flame-jets, the smoke, and the explosions (струи пламени, дым и взрывы) were repeated over and over again (повторялись снова и снова) with marvelous celerity (с поразительной

быстротой), so that in a few moments (так что через несколько секунд) the old Tower disappeared (старый Тауэр исчез) in the vast fog of its own smoke (в бескрайнем тумане своего собственного дыма), all but the very top of the tall pile (весь, кроме самой верхушки высокой башни; *pile* — куча, груда; *огромное здание*) called the White Tower (называемой Белой башней); this, with its banners (она, со своими флагами), stood out above the dense bank of vapor (выделялась над плотным берегом из пара) as a mountain peak projects above a cloud-rack (как горный пик возвышается над грядой облаков).

Tom Canty, splendidly arrayed (Том Кэнти, великолепно одетый), mounted a prancing war-steed (взобрался на статного боевого скакуна), whose rich trappings (чья богатая сбруя) almost reached to the ground (почти доставала до земли); his 'uncle,' the Lord Protector Somerset (его «дядя», лорд-протектор Сомерсет), similarly mounted (так же взобравшийся /на коня/; *similarly* — подобно, аналогично; *to mount* — подниматься; садиться /на лошадь/), took place in his rear (занял место позади него); the King's Guard formed (королевская гвардия выстроилась) in single ranks (в одну шеренгу) on either side (с каждой стороны), clad in burnished armor (одетая в начищенные до блеска доспехи); after the Protector followed a seemingly interminable procession (за протектором последовала, казалось, бесконечная процессия) of resplendent nobles (блистательных дворян) attended by their vassals (сопровождаемых их слугами); after these came the lord mayor and the aldermanic body (после них прошли лорд-мэр и совет старейшин города; *alderman* — ольдермен, *старейшина*; *body* — тело, организация), in crimson velvet robes (в малиновых бархатных мантиях), and with their gold chains (и с золотыми цепями) across their breasts (поперек груди); and after these the officers and members of all the guilds of London (а после них — чиновники и члены всех гильдий Лондона), in rich raiment (в богатых одеждах), and bearing the showy banners (и несущие пестрые знамена) of the several corporations (нескольких корпораций). Also in the procession (также в этой процессии), as a special guard of honor (как специальная почетная стража) through the city (через город), was the Ancient

and Honorable Artillery Company (была древняя и почетная артиллерийская рота) — an organization (организация) already three hundred years old at that time (уже с 300-летней историей в то время: «300 лет старая»), and the only military body in England (и единственное воинское подразделение в Англии) possessing the privilege (обладающее привилегией) (which it still possesses in our day (которой она все еще обладает в наши дни) of holding itself independent (держат себя независимой) of the commands of Parliament (от приказов парламента). It was a brilliant spectacle (это было блистательное зрелище), and was hailed (и /эта рота/ приветствовалась) with acclamations all along the line (восклицаниями вдоль всего пути), as it took its stately way (пока она брала свой торжественный путь = шла) through the packed multitudes of citizens (через скученные толпы горожан). The chronicler says (хроникер сообщает), 'The king (король), as he entered the city (когда он вошел в город), was received by the people with prayers (был принят людьми с молитвами), welcomings, cries, and tender words (приветствиями, криками и ласковыми словами), and all signs which argue (и всеми знаками, которые доказывают) an earnest love of subjects (неподдельную любовь подданных) toward their sovereign (к своему суверену); and the king (а король), by holding up his glad countenance (обращая свое довольное лицо; *to hold up* — *держат высоко*) to such as stood afar off (к таким, которые стояли далеко; *to stand* — *стоять*), and most tender language to those (а ласковейший язык = слова к тем) that stood nigh his Grace (кто стоял близ его Милости), showed himself no less thankful (выказал себя не менее благодарным) to receive the people's good will (за то, чтобы принять добрую волю людей) than they to offer it (чем они — чтобы предложить ее). To all that wished him well (всем, которые желали ему добра), he gave thanks (он дарил благодарность). To such as bade (такому, который восклицал; *to bid* — *объявлять, предлагать*) "God save his Grace (Боже, храни его милость)," he said in return (он говорил в ответ), "God save you all (Бог да хранит вас всех)!" and added that (и добавлял, что) "he thanked them (он благодарит их) with all his heart (всем своим сердцем = от всего сердца)."

Wonderfully transported were the people (чудесно взволнованы были люди) with the loving answers and gestures of their king (ласковыми ответами и поступками: «жестами» своего короля).'

pageant [ˈpæɡənt], parliament [ˈpɑ:ləmənt], argue [ˈɑ:gju:]

WHEN Tom Canty awoke the next morning, the air was heavy with a thunderous murmur; all the distances were charged with it. It was music to him; for it meant that the English world was out in its strength to give loyal welcome to the great day.

Presently Tom found himself once more the chief figure in a wonderful floating pageant on the Thames; for by ancient custom the 'recognition procession' through London must start from the Tower, and he was bound thither.

When he arrived there, the sides of the venerable fortress seemed suddenly rent in a thousand places, and from every rent leaped a red tongue of flame and a white gush of smoke; a deafening explosion followed, which drowned the shoutings of the multitude, and made the ground tremble; the flame-jets, the smoke, and the explosions were repeated over and over again with marvelous celerity, so that in a few moments the old Tower disappeared in the vast fog of its own smoke, all but the very top of the tall pile called the White Tower; this, with its banners, stood out above the dense bank of vapor as a mountain peak projects above a cloud-rack.

Tom Canty, splendidly arrayed, mounted a prancing war-steed, whose rich trappings almost reached to the ground; his 'uncle,' the Lord Protector Somerset, similarly mounted, took place in his rear; the King's Guard formed in single ranks on either side, clad in burnished armor; after the Protector followed a seemingly interminable procession of resplendent nobles attended by their vassals; after these came the lord mayor and the aldermanic body, in crimson velvet robes, and with their gold chains across their breasts; and

after these the officers and members of all the guilds of London, in rich raiment, and bearing the showy banners of the several corporations. Also in the procession, as a special guard of honor through the city, was the Ancient and Honorable Artillery Company — an organization already three hundred years old at that time, and the only military body in England possessing the privilege (which it still possesses in our day) of holding itself independent of the commands of Parliament. It was a brilliant spectacle, and was hailed with acclamations all along the line, as it took its stately way through the packed multitudes of citizens. The chronicler says, 'The king, as he entered the city, was received by the people with prayers, welcomings, cries, and tender words, and all signs which argue an earnest love of subjects toward their sovereign; and the king, by holding up his glad countenance to such as stood afar off, and most tender language to those that stood nigh his Grace, showed himself no less thankful to receive the people's good will than they to offer it. To all that wished him well, he gave thanks. To such as bade "God save his Grace," he said in return, "God save you all!" and added that "he thanked them with all his heart." Wonderfully transported were the people with the loving answers and gestures of their king.'

In Fenchurch Street (на улице Фенчерч) a 'fair child (белокурый ребенок), in costly apparel (в дорогом наряде),' stood on a stage (встал на помост) to welcome his majesty to the city (чтобы встретить его величество (при входе) в город). The last verse of his greeting (последняя строфа его приветствия) was in these words (была в таких словах):

Welcome, O King (добро пожаловать, о король)! as much as hearts can think (так много как = насколько сердца могут помыслить);

Welcome again (добро пожаловать снова), as much as tongue can tell (насколько язык может сказать) —

Welcome to joyous tongues (приветствие радостным языкам), and hearts that will not shrink (и сердцам, которые не отступят);

God thee preserve (Бог да хранит тебя), we pray (мы молимся), and wish thee ever well (и желаем тебе вечного добра).

The people burst forth in a glad shout (люди разразились радостным криком; *to burst forth* — *прорваться*: «*взорваться вперед*»), repeating with one voice (повторяя в один голос) what the child had said (/то/, что ребенок сказал). Tom Canty gazed abroad (Том Кэнти посмотрел вдаль) over the surging sea (на вздымающееся море; *to surge*) of eager faces (возбужденных лиц), and his heart swelled with exultation (и его сердце наполнилось ликованием); and he felt that the one thing (и он почувствовал, что единственной вещью) worth living for (ради которой стоит жить: «достойной жизни для») in this world (в этом мире) was to be a king (было быть королем), and a nation's idol (и кумиром народа). Presently he caught sight (вскоре он поймал вид = заметил; *to catch* — *ловить*), at a distance (на расстоянии), of a couple of his ragged (пары его оборванных) Offal Court comrades (товарищей по Тупику Отбросов) — one of them (один из них) the lord high admiral in his late mimic court (лорд-адмирал при его прежнем потешном дворе), the other the first lord of the bedchamber (другой — первый лорд опочивальни) in the same pretentious fiction (в том же вычурном вымысле); and his pride swelled (и его гордость возросла) higher than ever (выше, чем когда-либо). Oh, if they could only (о, если бы только они могли) recognize him now (узнать его сейчас)! What unspeakable glory it would be (каким невыразимым триумфом это было бы), if they could recognize him (если бы они могли узнать его), and realize that the derided mock king (и понять, что осмеянный шутовской король) of the slums and back alleys (трущоб и задворков: «задних переулков») was become a real king (стал настоящим королем), with illustrious dukes and princes (с блистательными герцогами и принцами) for his humble menials (в качестве его покорных слуг), and the English world at his feet (и с английским миром у его ног)! But he had to deny himself (но он должен был отказать себе), and choke down his desire (и подавить свое желание; *to choke* — *душить, подавить(ся)*), for such a recognition (ибо такое признание) might cost more (могло бы стоить больше)

than it would come to (чем оно дало бы); so he turned away his head (так что он отвернул прочь свою голову), and left the two soiled lads (и оставил двоих грязных мальчуганов; *soil* — *грязь, земля, почва; to soil* — *пачкать, грязнить*) to go on with their shoutings and glad adulations (продолжать свои выкрики и радостные возгласы; *adulation* — *лесть*), unsuspecting (не подозревающими) of whom it was (о том, кто это был) they were lavishing them upon (на кого они изливали их = приветствия).

Every now and then (постоянно: «каждое сейчас и тогда») rose the cry (поднимался крик; *to rise* — *подниматься*), 'A largess (даров)! a largess (даров; *largess(e)* — *щедрость; щедрый дар, вознаграждение*)!' and Tom responded by scattering (и Том отвечал разбрасыванием) a handful of bright new coins (пригоршни ярких новеньких монет) abroad (далеко) for the multitude to scramble for (чтобы толпа дралась за них: «для толпы, чтобы драться за»).

The chronicler says (летописец говорит), 'At the upper end of Gracechurch Street (на верхнем конце улицы Грейсчерч), before the sign of the Eagle (перед вывеской орла), the city had erected a gorgeous arch (город воздвиг великолепную арку), beneath which was a stage (под которой были помост), which stretched from one side of the street (который протянулся с одной стороны улицы) to the other (на другую). This was a historical pageant (это была историческая картина), representing the king's immediate progenitors (представляющая ближайших предшественников короля). There sat Elizabeth of York (вот сидела Елизавета Йоркская; *to sit* — *сидеть*) in the midst of an immense white rose (в середине огромной белой розы), whose petals (чьи лепестки) formed elaborate furbelows (образовывали искусно сделанные оборки) around her (вокруг нее); by her side (рядом с ней: «у ее бока») was Henry VII (был Генрих Седьмой), issuing out of a vast red rose (выдающийся из громадной алой розы), disposed in the same manner (расположенной в такой же манере); the hands of the royal pair (руки царственной пары) were locked together (были сцеплены вместе), and the wedding-ring (и обручальное кольцо) ostentatiously displayed (демонстративно выставлены напоказ). From the red

and white roses (из алой и белой роз) proceeded a stem (тянулся стебель), which reached up to a second stage (который дотягивался вверх до второго уровня), occupied by Henry VIII (занятого Генрихом Восьмым), issuing from a red-and-white rose (выступающим из ало-белой розы), with the effigy of the new king's mother (со статуей матери нового короля), Jane Seymour (Джейн Сеймур), represented by his side (выставленной рядом с ним: «у его бока»). One branch sprang from this pair (одна ветка произрастала из этой пары), which mounted to a third stage (которая поднималась на третий уровень), where sat the effigy (где восседала статуя; *to sit* — *сидеть*) of Edward VI himself (самого Эдуарда Шестого), enthroned (усаженного на трон) in royal majesty (в королевском величии); and the whole pageant (и вся картина) was framed with wreaths of roses (была обрамлена венками из роз), red and white (алых и белых).'

idol [ˈaɪd(ə)l], menial [ˈmiːniəl], beneath [bɪˈniːθ]

In Fenchurch Street a 'fair child, in costly apparel,' stood on a stage to welcome his majesty to the city. The last verse of his greeting was in these words:

Welcome, O King! as much as hearts can think;

Welcome again, as much as tongue can tell —

Welcome to joyous tongues, and hearts that will not shrink;

God thee preserve, we pray, and wish thee ever well.

The people burst forth in a glad shout, repeating with one voice what the child had said. Tom Canty gazed abroad over the surging sea of eager faces, and his heart swelled with exultation; and he felt that the one thing worth living for in this world was to be a king, and a nation's idol. Presently he caught sight, at a distance, of a couple of his ragged Offal Court comrades — one of them the lord high admiral in his late mimic court, the other the first lord of the bedchamber in the same pretentious fiction; and his pride swelled higher than ever. Oh, if they could only recognize him now! What unspeakable glory it

would be, if they could recognize him, and realize that the derided mock king of the slums and back alleys was become a real king, with illustrious dukes and princes for his humble menials, and the English world at his feet! But he had to deny himself, and choke down his desire, for such a recognition might cost more than it would come to; so he turned away his head, and left the two soiled lads to go on with their shoutings and glad adulations, unsuspecting of whom it was they were lavishing them upon.

Every now and then rose the cry, 'A largess! a largess!' and Tom responded by scattering a handful of bright new coins abroad for the multitude to scramble for.

The chronicler says, 'At the upper end of Gracechurch Street, before the sign of the Eagle, the city had erected a gorgeous arch, beneath which was a stage, which stretched from one side of the street to the other. This was a historical pageant, representing the king's immediate progenitors. There sat Elizabeth of York in the midst of an immense white rose, whose petals formed elaborate furbelows around her; by her side was Henry VII, issuing out of a vast red rose, disposed in the same manner; the hands of the royal pair were locked together, and the wedding-ring ostentatiously displayed. From the red and white roses proceeded a stem, which reached up to a second stage, occupied by Henry VIII, issuing from a red-and-white rose, with the effigy of the new king's mother, Jane Seymour, represented by his side. One branch sprang from this pair, which mounted to a third stage, where sat the effigy of Edward VI himself, enthroned in royal majesty; and the whole pageant was framed with wreaths of roses, red and white.'

This quaint and gaudy spectacle (это необычное и пышное зрелище) so wrought upon the rejoicing people (так подействовало на радующихся людей; *wrought* — *устар. от to work* — *работать*), that their acclamations utterly smothered (что их восклицания совершенно заглушили; *to smother* — *душить, замять*) the small voice of the child (маленький = слабый голос ребенка) whose business

it was (чьим делом было) to explain the thing (разъяснить эту вещь = картину) in eulogistic rhymes (в хвалебных стихах). But Tom Canty was not sorry (но Том Кэнти не жалел об этом: «не был сожалеющим»); for this loyal uproar (ибо этот верноподданный гам) was sweeter music to him than any poetry (был сладчайшей музыкой для него, чем любая поэзия), no matter (неважно: «никакого значения») what its quality might be (каким его качество могло быть). Whithersoever Tom turned (куда бы Том не обратил) his happy young face (свое счастливое юное лицо), the people recognized the exactness (люди признавали точность) of his effigy's likeness to himself (сходства его статуи с ним самим), the flesh-and-blood counterpart (двойником из плоти и крови); and new whirlwinds of applause burst forth (и новые вихри аплодисментов взорвались; *to burst forth*: «взорваться вперед»).

The great pageant (великая процессия) moved on (двигалась дальше), and still on (и еще дальше), under one triumphal arch (под одной триумфальной аркой) after another (за другой), and past a bewildering succession (и мимо изумительной череды) of spectacular and symbolical tableaux (захватывающих и символических картин), each of which typified (каждая из которых олицетворяла) and exalted some virtue (и превозносила какую-либо добродетель), or talent, or merit (или талант, или заслугу), of the little king's (маленького короля). 'Throughout the whole of Cheapside (по всему Чипсайду), from every penthouse and window (с каждого навеса и окна), hung banners and streamers (свисали знамена и вымпелы; *to hang* — висеть); and the richest carpets (и богатейшие ковры), stuffs (материи), and cloth-of-gold (и золотая парча) tapestried the streets (устилали улицы) — specimens of the great wealth (образчики великого богатства) of the stores within (запасов внутри /этих домов/); and the splendor of this thoroughfare (и великолепие этой улицы; *thoroughfare* — оживленная улица; главная артерия /города/, главная дорога) was equaled in the other streets (было воспроизведено на других улицах; *to equal* — уравнивать), and in some even surpassed (а в некоторых даже превзойдено).'

'And all these wonders and these marvels (и все эти диковины и эти чудеса) are to welcome me (/должны/ приветствовать меня) — me (меня)!' murmured Tom Canty (пробормотал Том Кэнти).

The mock king's cheeks (щеки потешного короля) were flushed with excitement (раскраснелись от возбуждения), his eyes were flashing (его глаза сверкали), his senses swam in a delirium of pleasure (его чувства купались в исступлении удовольствия; *to swim* — *плавать*). At this point (в этот момент), just as he was raising his hand (прямо когда он поднимал свою руку) to fling another rich largess (чтобы бросить еще одну богатую милостыню), he caught sight (он поймал вид = заметил) of a pale, astounded face (бледное, изумленное лицо) which was strained forward out of the second rank of the crowd (которое было вытянуто вперед из второго ряда толпы), its intense eyes riveted upon him (его напряженные глаза прикованные к нему). A sickening consternation (тошнотворное оцепенение) struck through him (пронзило его; *to strike through*: «ударить через»); he recognized his mother (он узнал свою мать)! and up flew his hand (и вверх взлетела его рука; *to fly* — *лететь*), palm outward (ладонью наружу), before his eyes (перед его глазами) — that old involuntary gesture (этот старый произвольный жест), born of a forgotten episode (рожденный из забытого эпизода; *to bear* — *рождать*; *to forget* — *забывать*), and perpetuated by habit (и увековеченный привычкой). In an instant more (в следующий момент: «в момент больше») she had torn her way (она пробила себе путь; *to tear* — *рвать*) out of the press (из давки), and past the guards (и мимо стражников), and was at his side (и подбежала к нему: «и была у его бока»). She embraced his leg (она обхватила его ногу), she covered it with kisses (она покрыла ее поцелуями), she cried (она закричала), 'O, my child (о, мое дитя), my darling (мой дорогой)!' lifting toward him a face (поднимая к нему лицо) that was transfigured with joy and love (которое было преображенное радостью и любовью). The same instant (в то же мгновение) an officer of the King's Guard (офицер из королевской стражи) snatched her away (отхватил ее прочь = оттащил ее) with a curse (с проклятьем), and sent her reeling back (и

послал ее катящейся назад) whence she came (откуда она пришла) with a vigorous impulse from his strong arm (энергичным толчком его сильной руки). The words (слова) 'I do not know you, woman (я не знаю вас, женщина)!' were falling from Tom Canty's lips (падали с губ Тома Кэнти) when this piteous thing occurred (когда эта достойная сожаления случилась); but it smote him (но это поразило его; *to smite* — ударять) to the heart (в самое сердце) to see her treated so (увидеть, что с ней так обращаются; *to treat* — обращаться); and as she turned (и когда она повернулась) for a last glimpse of him (для последнего взгляда на него), whilst the crowd was swallowing her from his sight (пока толпа поглощала ее из его вида), she seemed so wounded (она казалась такой уязвленной), so broken-hearted (такой убитой горем: «с разбитым сердцем»), that a shame fell upon him (что стыд напал на него; *to fall* — падать) which consumed his pride to ashes (который истребил его гордость в пепел), and withered his stolen royalty (и засушило = помрачило его украденное королевское положение). His grandeurs were stricken valueless (его великолепия стали не имеющими ценности; *to strike* — бить; *value* — ценность); they seemed to fall away from him (они, казалось, отвалились от него; *to seem* — казаться) like rotten rags (как гнилые лохмотья; *to rot* — гнить).

thoroughfare [ˈTʌrɒfɛɹ], eulogistic [ju:ləˈɡɪstɪk], tableau [ˈtæbləʊ], rivet [ˈrɪvɪt]

This quaint and gaudy spectacle so wrought upon the rejoicing people, that their acclamations utterly smothered the small voice of the child whose business it was to explain the thing in eulogistic rhymes. But Tom Canty was not sorry; for this loyal uproar was sweeter music to him than any poetry, no matter what its quality might be. Whithersoever Tom turned his happy young face, the people recognized the exactness of his effigy's likeness to himself, the flesh-and-blood counterpart; and new whirlwinds of applause burst forth.

The great pageant moved on, and still on, under one triumphal arch after another, and past a bewildering succession of spectacular and symbolical tableaux, each of which typified and exalted some virtue, or talent, or merit, of the little king's. 'Throughout the whole of Cheapside, from every penthouse and window, hung banners and streamers; and the richest carpets, stuffs, and cloth-of-gold tapestried the streets — specimens of the great wealth of the stores within; and the splendor of this thoroughfare was equaled in the other streets, and in some even surpassed.'

'And all these wonders and these marvels are to welcome me — me!' murmured Tom Canty.

The mock king's cheeks were flushed with excitement, his eyes were flashing, his senses swam in a delirium of pleasure. At this point, just as he was raising his hand to fling another rich largess, he caught sight of a pale, astounded face which was strained forward out of the second rank of the crowd, its intense eyes riveted upon him, A sickening consternation struck through him; he recognized his mother! and up flew his hand, palm outward, before his eyes — that old involuntary gesture, born of a forgotten episode, and perpetuated by habit. In an instant more she had torn her way out of the press, and past the guards, and was at his side. She embraced his leg, she covered it with kisses, she cried, 'O, my child, my darling!' lifting toward him a face that was transfigured with joy and love. The same instant an officer of the King's Guard snatched her away with a curse, and sent her reeling back whence she came with a vigorous impulse from his strong arm. The words 'I do not know you, woman!' were falling from Tom Canty's lips when this piteous thing occurred; but it smote him to the heart to see her treated so; and as she turned for a last glimpse of him, whilst the crowd was swallowing her from his sight, she seemed so wounded, so broken-hearted, that a shame fell upon him which consumed his pride to ashes, and withered his stolen royalty. His grandeurs were stricken valueless; they seemed to fall away from him like rotten rags.

The procession moved on (шествие двигалось дальше), and still on (и еще дальше), through ever-augmenting splendors (через постоянно растущие красоты) and ever-augmenting tempests (и постоянно растущие бури = восклицания) of welcome (приветствия); but to Tom Canty they were (но для Тома Кэнти они были) as if they had not been (как если бы их не было). He neither saw nor heard (он и не видел, и не слышал; *to see* — *видеть*; *to hear* — *слышать*). Royalty had lost its grace and sweetness (королевское положение утратило свою привлекательность и сладость); its pomps were become a reproach (его пышность стала упреком). Remorse (угрызения совести) was eating his heart out (выедали его сердце). He said (он сказал), 'Would God I were free (пожелал бы Бог, чтобы я был свободен) of my captivity (от моего пленения)!'

He had unconsciously dropped back (он бессознательно вернулся; *to drop back* — *вернуться*: «упасть назад») into the phraseology of the first days of his compulsory greatness (к слогу первых дней своего вынужденного величия). The shining pageant still went (блистательная процессия все еще шла; *to go* — *идти*) winding like a radiant and interminable serpent (извиваясь, как сверкающая и бесконечная змея) down the crooked lanes (вдоль по искривленным улочкам) of the quaint old city (причудливого старого города), and through the huzzaing hosts (и через выкрикивающие приветствия толпы); but still the king rode (но все же король ехал; *to ride* — *ездить верхом*) with bowed head and vacant eyes (со склоненной головой и пустыми глазами), seeing only his mother's face (видя только лицо своей матери) and that wounded look in it (и тот уязвленный вид в нем).

'Largess, largess (милостыни, милостыни)!' The cry fell upon an unheeding ear (крик падал на неслышащие уши; *to fall* — *падать*).

'Long live Edward of England (да здравствует Эдуард Английский)!' It seemed as if the earth shook (казалось, как будто земля сотряслась; *to shake* — *трястись*) with the explosion (от взрыва); but there was no response (но не

было ответа) from the king (от короля). He heard it (он слышал это; *to hear* — *слышать*) only as one hears (только как кто-то слышит) the thunder of the surf (шум прибоя) when it is blown to the ear (когда он долетает до уха; *to blow* — *дуть*) out of a great distance (с большого расстояния), for it was smothered (так как он был заглушен) under another sound (под другим звуком) which was still nearer (который был еще ближе), in his own breast (в его собственной груди), in his accusing conscience (в его обвиняющей совести) — a voice which kept repeating (голос, который постоянно повторял; *to keep* — *держат*, *хранить*; *to repeat* — *повторить*) those shameful words (эти постыдные слова), 'I do not know you, woman (я не знаю вас, женщина)!'!

The words smote upon the king's soul (эти слова ударили по душе короля; *to smite* — *бить*) as the strokes of a funeral bell (как удары похоронного колокола) smite upon the soul of a surviving friend (бьют по душе оставшегося в живых друга; *to survive* — *выжить*, *пережить*) when they remind him (когда они напоминают ему) of secret treacheries (о тайных вероломствах) suffered at his hands by him (стерпленных из его рук тем) that is gone (кто ушел = умер; *to go* — *идти*, *уходить*).

New glories were unfolded (новые почести раскрывались) at every turning (на каждом повороте); new wonders (новые чудеса), new marvels (новые диковины), sprung into view (оказывались в поле зрения; *to spring* — *прыгать*); the pent clamors (потаенные грохотания) of waiting batteries (ждущих батарей) were released (были выпущены); new raptures poured (новые выражения восторга изливались) from the throats of the waiting multitudes (из глоток ожидающих толп); but the king gave no sign (но король не подавал никакого знака; *to give* — *давать*), and the accusing voice (и обвиняющий голос) that went moaning (который шел, стеля) through his comfortless breast (через его беспокойную грудь) was all the sound he heard (был всем = единственным звуком, который он слышал; *to hear* — *слышать*).

By and by (мало-помалу) the gladness in the faces of the populace (радость на лицах народа; *populace* — *простой народ*; *массы*; *толпа*; *чернь*) changed a

little (изменилась немного), and became touched (и стала тронутой = в ней появилось) with a something like solicitude or anxiety (чем-то вроде беспокойства или тревоги); an abatement in the volume of applause (снижение громкости аплодисментов) was observable too (было заметно также; *to observe* — *замечать*). The Lord Protector was quick to notice (лорд-протектор был быстр, чтобы заметить = быстро заметил) these things (эти вещи); he was as quick to detect the cause (он был так же быстр, чтобы определить причину). He spurred to the king's side (он поспешил к королю; *side* — *сторона, бок*), bent low in his saddle (склонился низко в своем седле; *to bend* — *гнуть*), uncovered (снял шляпу; *to cover* — *покрывать*; *to uncover* — *снимать*), and said (и сказал):

'My liege (мой господин), it is an ill time (это плохое = неподходящее время) for dreaming (для мечтаний). The people observe thy downcast head (люди видят твою опущенную голову), thy clouded mien (твое затуманенное выражение лица), and they take it for an omen (и они принимают это за /дурное/ предзнаменование). Be advised (будь посоветован = прими совет); unveil the sun of royalty (сними покров с солнца королевской особы; *veil* — *покрывало, завеса*), and let it shine (и дай ему воссиять) upon these boding vapors (на эти зловещие туманы), and disperse them (и рассеять их). Lift up thy face (подними вверх твое лицо), and smile upon the people (и улыбнись людям).' So saying (так говоря), the duke scattered (герцог разбросал) a handful of coins to right and left (пригорошню монет направо и налево), then retired to his place (затем вернулся на свое место). The mock king did mechanically (потешный король сделал механически) as he had been bidden (так, как его просили: «как он был попрошен»; *to bid* — *просить*). His smile had no heart in it (его улыбка не имела сердца в себе = была фальшивой), but few eyes were near enough (но немногие глаза были близкими достаточно) or sharp enough (или острыми достаточно) to detect that (чтобы заметить это). The noddings (кивки) of his plumed head (его украшенной перьями головы) as he saluted his subjects (когда он приветствовал своих подданных) were full of grace and graciousness (были

полны изящества и благосклонности); the largess which he delivered from his hand (подавание, которое он раздавал из своей руки) was royally liberal (было по-королевски щедрым); so the people's anxiety vanished (так что беспокойство людей исчезло), and the acclamations burst forth again (и восклицания раздались снова; *to burst forth*: «прорваться вперед») in as mighty a volume as before (на такой же большой громкости, как прежде).

Still once more (все же еще раз), a little before (немного = незадолго до того, как) the progress was ended (шествие было окончено), the duke was obliged (герцог был вынужден) to ride forward (проехать вперед), and make remonstrance (чтобы совершить увещевание). He whispered (он прошептал): 'O dread sovereign (о грозный суверен)! shake off these fatal humors (стряхни прочь эти губительные настроения); the eyes of the world are upon thee (глаза мира на тебе = направлены на тебя).' Then he added with sharp annoyance (затем он добавил с резким раздражением), 'Perdition catch that crazy pauper (гибель пусть схватит = черт побрал бы эту сумасшедшую нищенку)! 'twas she (это была она; 'twas = it was) that hath disturbed your Highness (которая расстроила ваше высочество).'

The gorgeous figure (великолепная фигура) turned a lusterless eye (повернула тусклый глаз = взгляд) upon the duke (на герцога), and said in a dead voice (и сказала мертвенным голосом):

'She was my mother (это была моя мать)!'

'My God (Боже мой)!' groaned the Protector (простонал протектор) as he reined his horse backward to his post (когда он направлял своего коня назад к своему месту), 'the omen was pregnant with prophecy (знамение было чревато пророчеством = этот знак предрекал будущее). He is gone mad again (он стал сумасшедшим снова)!'.

populace [ˈpɒpjʊləs], explosion [ɪksˈplɒz(ə)n], anxiety [æŋˈzaiəti], figure [ˈfɪgə]

The procession moved on, and still on, through ever-augmenting splendors and ever-augmenting tempests of welcome; but to Tom Canty they were as if they had not been. He neither saw nor heard. Royalty had lost its grace and sweetness; its pomps were become a reproach. Remorse was eating his heart out. He said, 'Would God I were free of my captivity!'

He had unconsciously dropped back into the phraseology of the first days of his compulsory greatness.

The shining pageant still went winding like a radiant and interminable serpent down the crooked lanes of the quaint old city, and through the huzzaing hosts; but still the king rode with bowed head and vacant eyes, seeing only his mother's face and that wounded look in it.

'Largess, largess!' The cry fell upon an unheeding ear.

'Long live Edward of England!' It seemed as if the earth shook with the explosion; but there was no response from the king. He heard it only as one hears the thunder of the surf when it is blown to the ear out of a great distance, for it was smothered under another sound which was still nearer, in his own breast, in his accusing conscience — a voice which kept repeating those shameful words, 'I do not know you, woman!'

The words smote upon the king's soul as the strokes of a funeral bell smite upon the soul of a surviving friend when they remind him of secret treacheries suffered at his hands by him that is gone.

New glories were unfolded at every turning; new wonders, new marvels, sprung into view; the pent clamors of waiting batteries were released; new raptures poured from the throats of the waiting multitudes; but the king gave no sign, and the accusing voice that went moaning through his comfortless breast was all the sound he heard.

By and by the gladness in the faces of the populace changed a little, and became touched with a something like solicitude or anxiety; an abatement in the volume of applause was observable too. The Lord Protector was quick to

notice these things; he was as quick to detect the cause. He spurred to the king's side, bent low in his saddle, uncovered, and said:

'My liege, it is an ill time for dreaming. The people observe thy downcast head, thy clouded mien, and they take it for an omen. Be advised; unveil the sun of royalty, and let it shine upon these boding vapors, and disperse them. Lift up thy face, and smile upon the people.'

So saying, the duke scattered a handful of coins to right and left, then retired to his place. The mock king did mechanically as he had been bidden. His smile had no heart in it, but few eyes were near enough or sharp enough to detect that. The noddings of his plumed head as he saluted his subjects were full of grace and graciousness; the largess which he delivered from his hand was royally liberal; so the people's anxiety vanished, and the acclamations burst forth again in as mighty a volume as before.

Still once more, a little before the progress was ended, the duke was obliged to ride forward, and make remonstrance. He whispered:

'O dread sovereign! shake off these fatal humors; the eyes of the world are upon thee.' Then he added with sharp annoyance, 'Perdition catch that crazy pauper! 'twas she that hath disturbed your Highness.'

The gorgeous figure turned a lusterless eye upon the duke, and said in a dead voice:

'She was my mother!'

'My God!' groaned the Protector as he reined his horse backward to his post, 'the omen was pregnant with prophecy. He is gone mad again!'

CHAPTER XXXII (Глава тридцать вторая)

Coronation Day (День коронации)

LET us go backward (позволим нам = давайте вернемся назад) a few hours (на несколько часов), and place ourselves (и расположимся) in Westminster Abbey (в Вестминстерском аббатстве), at four o'clock in the morning (в четыре часа утра) of this memorable Coronation Day (этого памятного Дня коронации). We are not without company (мы не без компании = не одиноки); for although it is still night (ибо хотя это еще ночь), we find the torch-lighted galleries (мы находим освещенные факелами галереи) already filling up with people (уже наполняющимися людьми) who are well content (которые совершенно довольны) to sit still (сидеть смирно) and wait seven or eight hours (и ждать семь или восемь часов) till the time shall come for them to see (пока время не придет для них увидеть) what they may not hope to see twice in their lives (что они не могут надеяться увидеть дважды за свои жизни) — the coronation of a king (коронацию короля). Yes, London and Westminster have been astir (да, Лондон и Вестминстер были на ногах; *astir* — находящийся в движении; взволнованный, возбужденный; на ногах, вставший с постели; *to stir* — шевелиться) ever since the warning guns boomed (прямо с тех пор, как предупредительные ружья прогремели = дали залп) at three o'clock (в три часа), and already crowds of untitled rich folk (и уже толпы нетитулованного богатого народа) who have bought the privilege (которые купили привилегию; *to buy* — купить) of trying to find sitting-room (постараться найти место для сидения; *room* — место) in the galleries (в галереях) are flocking in (сваливаются; *flock* — стадо, стая; *to flock* — стекаться; приходит толпой, собираться толпами, стаями) at the entrances (во входы) reserved for their sort (оставленные для их сорта = для таких людей, как они).

The hours drag along (часы тянутся), tediously enough (нудно достаточно). All stir has ceased for some time (все движение прекратилось на какое-то время), for every gallery has long ago been packed (так как каждая галерея давно /уже/ была заполнена). We may sit now (мы можем присесть теперь), and look and think at our leisure (и смотреть и думать на досуге; *at leisure* — на досуге; не спеша). We have glimpses (мы имеем взгляды = смотрим) here and there and

yonder (сюда и туда и вон туда), through the dim cathedral twilight (сквозь смутные сумерки собора), of portions of many galleries and balconies (на части многих галерей и балконов), wedged full with people (набитых до предела людьми), the other portions of these galleries and balconies (другие части этих галерей и балконов) being cut off (будучи отрезаны; *to cut* — *резать*) from sight (от вида = взгляда) by intervening pillars (вмешивающимися = стоящими на пути колоннами) and architectural projections (и архитектурными выступами). We have in view (мы имеем в виду = мы видим) the whole of the great north transept (целый большой северный трансепт) — empty (пустой), and waiting for England's privileged ones (и ожидающий привилегированных лиц Англии). We see also the ample area or platform (мы также видим обширную площадку или помост), carpeted with rich stuffs (устланную богатыми тканями), whereon the throne stands (на которой трон стоит). The throne occupies the center of the platform (трон занимает центр помоста), and is raised above it (и поднят над ней) upon an elevation of four steps (на высоте четырех ступенек). Within the seat of the throne (в сиденьи трона) is inclosed a rough flat rock (вложен неотесанный плоский камень) — the Stone of Scone (Сконский камень) — which many generations of Scottish kings sat on (на котором сидели многие поколения шотландских королей; *to sit* — *сидеть*) to be crowned (чтобы быть коронованными), and so it in time (и так он через какое-то время) became holy enough (стал священным достаточно) to answer a like purpose (чтобы отвечать = служить той же цели) for English monarchs (для английских монархов). Both the throne and its footstool (и трон, и его подставка для ног) are covered with cloth-of-gold (покрыты золотой парчой). Stillness reigns (тишина царит), the torches blink dully (факелы мигают тускло), the time drags heavily (время тянется тяжело = медленно). But at last the lagging daylight (но наконец медлящий дневной свет) asserts itself (заявляет о себе), the torches are extinguished (факелы погашены), and a mellow radiance suffuses the great spaces (и мягкое сияние заливает огромные пространства). All features of the noble building are distinct now (все черты благородного

здания отчетливы сейчас), but soft and dreamy (но мягки и туманны), for the sun is lightly veiled with clouds (ибо солнце слегка закрыто облаками).

leisure [ˈleɪzə], reign [reɪn], suffuse [səˈfjuːz]

LET us go backward a few hours, and place ourselves in Westminster Abbey, at four o'clock in the morning of this memorable Coronation Day. We are not without company; for although it is still night, we find the torch-lighted galleries already filling up with people who are well content to sit still and wait seven or eight hours till the time shall come for them to see what they may not hope to see twice in their lives — the coronation of a king. Yes, London and Westminster have been astir ever since the warning guns boomed at three o'clock, and already crowds of untitled rich folk who have bought the privilege of trying to find sitting-room in the galleries are flocking in at the entrances reserved for their sort.

The hours drag along, tediously enough. All stir has ceased for some time, for every gallery has long ago been packed. We may sit now, and look and think at our leisure. We have glimpses here and there and yonder, through the dim cathedral twilight, of portions of many galleries and balconies, wedged full with people, the other portions of these galleries and balconies being cut off from sight by intervening pillars and architectural projections. We have in view the whole of the great north transept — empty, and waiting for England's privileged ones. We see also the ample area or platform, carpeted with rich stuffs, whereon the throne stands. The throne occupies the center of the platform, and is raised above it upon an elevation of four steps. Within the seat of the throne is inclosed a rough flat rock — the Stone of Scone — which many generations of Scottish kings sat on to be crowned, and so it in time became holy enough to answer a like purpose for English monarchs. Both the throne and its footstool are covered with cloth-of-gold.

Stillness reigns, the torches blink dully, the time drags heavily. But at last the lagging daylight asserts itself, the torches are extinguished, and a mellow radiance suffuses the great spaces. All features of the noble building are distinct now, but soft and dreamy, for the sun is lightly veiled with clouds.

At seven o'clock (в семь часов) the first break (первый сбой) in the drowsy monotony occurs (в сонной монотонности случается); for on the stroke of this hour (ибо когда пробил этот час: «на ударе этого часа») the first peeress (первая леди) enters the transept (входит в трансепт), clothed like Solomon for splendor (одетая как Соломон — по великолепию), and is conducted to her appointed place (и препровождается на ее назначенное место; *to conduct* — *вести*) by an official (чиновником) clad in satins and velvets (одетым в атласы и бархаты), whilst a duplicate of him (пока дубликат его = другой такой же чиновник) gathers up (подбирает: «собирает вверх») the lady's long train (длинный шлейф этой дамы), follows after (идет следом: «следует за»), and, when the lady is seated (и, когда дама усаживается), arranges the train (укладывает шлейф) across her lap (у нее на коленях: «поперек ее коленей») for her (для нее). He then places her footstool (он затем располагает ее скамеечку для ног) according to her desire (согласно ее желанию), after which he puts her coronet (после чего он кладет ее диадему) where it will be convenient to her hand (где она будет подходящей для ее руки = у нее под рукой) when the time (когда время) for the simultaneous coroneting (для одновременного увенчивания) of the nobles (дворян) shall arrive (придет). By this time (к этому времени) the peeresses are flowing in (дамы втекают = заходят) in a glittering stream (сверкающим потоком), and satin-clad officials (и одетые в атлас чиновники) are flitting and glinting everywhere (порхают и вспыхивают = мечутся всюду), seating them (усаживая их) and making them comfortable (и устраивая их поудобнее; *comfortable* — *удобный, находящийся в удобстве*). The scene is animated enough now (сцена = это место оживлено достаточно теперь). There is stir and life (есть движение и жизнь), and shifting

color everywhere (и изменяющийся цвет повсюду). After a time (через некоторое время), quiet reigns again (тишина царит снова); for the peeresses are all come (так как дамы все пришли), and are all in their places (и все на своих местах) — a solid acre (добрый акр), or such a matter (или что-то вроде: «такое дело»), of human flowers (человеческих цветов), resplendent in variegated colors (блистательных в разнообразных цветах), and frosted (и заиндеветшие) like a Milky Way (как Млечный путь) with diamonds (бриллиантами). There are all ages here (есть все возрасты здесь): brown, wrinkled, white-haired (потемневшие, морщинистые, с белыми волосами) dowagers (пожилые дамы) who are able to go back (которые способны пойти назад), and still back (и еще назад), down the stream of time (вдоль течения времени), and recall the crowning of Richard III (и вспомнить коронацию Ричарда Третьего) and the troublous days (и смутные дни) of that old forgotten age (этого старого забытого века); and there are handsome (и есть красивые) middle-aged dames (дамы среднего возраста); and lovely and gracious young matrons (и милые и любезные молодые матроны); and gentle and beautiful young girls (и нежные и прекрасные молодые девушки), with beaming eyes (со светящимися глазами; *beam* — луч) and fresh complexions (и свежим цветом лица), who may possibly put on (которые, возможно, могут надеть) their jeweled coronets (свои украшенные драгоценностями диадемы) awkwardly (неловко) when the great time comes (когда великое время придет); for the matter will be new to them (так как это дело будет новым = внове для них), and their excitement (и их волнение) will be a sore hindrance (будет тяжелой помехой). Still, this may not happen (все же, это может не случиться), for the hair of all these ladies (ибо волосы всех этих дам) has been arranged with a special view (были уложены со специальной целью) to the swift and successful (для быстрого и успешного) lodging of the crown in its place (расположения короны на ее месте) when the signal comes (когда сигнал поступит).

We have seen (мы видели; *to see* — *видеть*) that this massed array of peeresses (что это великое множество знатных дам) is sown thick with diamonds (усеяно

густо бриллиантами; *to sow* — *сеять*), and we also see (и мы также видим) that it is a marvelous spectacle (что это прекрасное зрелище) — but now we are about (но теперь мы около = нам предстоит) to be astonished in earnest (быть пораженными всерьез). About nine (около девяти), the clouds suddenly break away (облака внезапно расходятся) and a shaft of sunshine (и луч солнечного света) cleaves the mellow atmosphere (рассекает жирный = плотный воздух), and drifts slowly (и течет медленно) along the ranks of ladies (вдоль рядов дам); and every rank it touches (и каждый ряд, который он затрагивает) flames into a dazzling splendor of many-colored fires (вспыхивает в ослепительном великолепии разноцветных огней), and we tingle to our finger-tips (и у нас покалывает в кончиках пальцев; *tip* — *кончик*) with the electric thrill (электрическим разрядом) that is shot through us (который послан через нас; *to shoot* — *стрелять, посылать*) by the surprise and the beauty of the spectacle (удивительностью и красотой этого зрелища)! Presently a special envoy (вскоре специальный посланец) from some distant corner of the Orient (из какого-то дальнего закоулка Востока), marching with the general body (шагая с общей группой) of foreign ambassadors (иностранных послов), crosses this bar of sunshine (пересекает эту полосу солнечного света), and we catch our breath (и мы ловим наше дыхание = затаиваем дыхание), the glory that streams and flashes (великолепие, которое струится и сверкает) and palpitates about him (и подрагивает вокруг него) is so overpowering (так всеобъемлюща); for he is crusted (ибо он покрыт) from head to heels (с головы до пят) with gems (драгоценными камнями), and his slightest movement (и его мельчайшее движение) showers a dancing radiance (изливает танцующее сияние) all around him (вокруг него).

peeress [pɪə`res], duplicate [ˈdʒu:plɪkət], sow [sau]

At seven o'clock the first break in the drowsy monotony occurs; for on the stroke of this hour the first peeress enters the transept, clothed like Solomon

for splendor, and is conducted to her appointed place by an official clad in satins and velvets, whilst a duplicate of him gathers up the lady's long train, follows after, and, when the lady is seated, arranges the train across her lap for her. He then places her footstool according to her desire, after which he puts her coronet where it will be convenient to her hand when the time for the simultaneous coroneting of the nobles shall arrive.

By this time the peeresses are flowing in in a glittering stream, and satin-clad officials are flitting and glinting everywhere, seating them and making them comfortable. The scene is animated enough now. There is stir and life, and shifting color everywhere. After a time, quiet reigns again; for the peeresses are all come, and are all in their places — a solid acre, or such a matter, of human flowers, resplendent in variegated colors, and frosted like a Milky Way with diamonds. There are all ages here: brown, wrinkled, white-haired dowagers who are able to go back, and still back, down the stream of time, and recall the crowning of Richard III and the troublous days of that old forgotten age; and there are handsome middle-aged dames; and lovely and gracious young matrons; and gentle and beautiful young girls, with beaming eyes and fresh complexions, who may possibly put on their jeweled coronets awkwardly when the great time comes; for the matter will be new to them, and their excitement will be a sore hindrance. Still, this may not happen, for the hair of all these ladies has been arranged with a special view to the swift and successful lodging of the crown in its place when the signal comes.

We have seen that this massed array of peeresses is sown thick with diamonds, and we also see that it is a marvelous spectacle — but now we are about to be astonished in earnest. About nine, the clouds suddenly break away and a shaft of sunshine cleaves the mellow atmosphere, and drifts slowly along the ranks of ladies; and every rank it touches flames into a dazzling splendor of many-colored fires, and we tingle to our finger-tips with the electric thrill that is shot through us by the surprise and the beauty of the spectacle! Presently a special envoy from some distant corner of the Orient, marching with the

general body of foreign ambassadors, crosses this bar of sunshine, and we catch our breath, the glory that streams and flashes and palpitates about him is so overpowering; for he is crusted from head to heels with gems, and his slightest movement showers a dancing radiance all around him.

Let us change (позволим нам сменить = давайте сменим) the tense for convenience (время для удобства = перейдем в прошедшее время). The time drifted along (время тянулось дальше) — one hour (один час) — two hours (два часа) — two hours and a half (два с половиной часа: «два часа и половина»); then the deep booming of artillery (затем низкий залп артиллерии) told that the king and his grand procession (оповестил, что король и его величественная процессия; *to tell* — сказать, рассказать) had arrived at last (прибыли наконец); so the waiting multitude rejoiced (и ожидающая толпа возликовала). All knew that a further delay (все знали, что дальнейшее промедление; *to know* — знать) must follow (должно воспоследовать), for the king must be prepared and robed (ибо король должен быть приготовлен и облачен) for the solemn ceremony (для торжественной церемонии); but this delay (но эта задержка) would be pleasantly occupied (была бы приятно занята) by the assembling of the peers of the realm (сбором пэров королевства) in their stately robes (в их величественных нарядах). These were conducted ceremoniously (эти = они были препровождены церемониально) to their seats (на свои места), and their coronets placed conveniently at hand (и их короны положены удобно у руки); and meanwhile the multitude in the galleries (и тем временем толпа в галереях) were alive with interest (была оживлена интересом), for most of them (ибо большая часть из них) were beholding for the first time (наблюдала в первый раз), dukes, earls, and barons (герцогов, графов и баронов), whose names had been historical (чьи имена были историческими = в истории) for five hundred years (пятьсот лет). When all were finally seated (когда все были наконец усажены), the spectacle from the galleries (представление с галерей) and all coigns of vantage (и всех выгодных для наблюдения позиций: «углов

преимущества») was complete (было завершено); a gorgeous one to look upon and to remember (роскошное одно = представление, чтобы смотреть на /него/ и запомнить).

Now the robed and mitered (теперь облаченные в рясы и митры) great heads of the church (главы церкви), and their attendants (и их прислужники), filed in upon the platform (вышли шеренгой на помост; *to file in* — *в(ы)ходить шеренгой*) and took their appointed places (и заняли свои назначенные места; *to take* — *брать*); these were followed by the Lord Protector (за ними последовали лорд-протектор: «они были сопровождены лордом-протектором») and other great officials (и другими высокопоставленными чиновниками), and these again (а эти опять = в свою очередь) by a steel-clad (одетым в сталь) detachment of the Guard (отрядом стражи).

There was a waiting pause (была ожидающая пауза); then, at a signal (затем, по сигналу), a triumphant peal of music (триумфальный трезвон музыки) burst forth (раздался: «взорвался вперед»), and Tom Canty (и Том Кэнти), clothed in a long robe of cloth-of-gold (одетый в длинную мантию из золотой парчи), appeared at a door (появился в дверях), and stepped upon the platform (и взошел на помост). The entire multitude rose (целая = вся толпа поднялась; *to rise* — *подниматься*; *multitude* — *множество*; *толпа*), and the ceremony of the Recognition ensued (и церемония коронации: «признания» последовала). Then a noble anthem (тогда благородный гимн) swept the Abbey with its rich waves of sound (наполнил Аббатство своими богатыми волнами звука; *to sweep* — *охватить*); and thus heralded and welcomed (и, таким образом представленный и приветствуемый; *to herald* — *возвещать*), Tom Canty was conducted to the throne (Том Кэнти был подведен к трону). The ancient ceremonies went on (древние церемонии проходили; *to go on* — *происходить*) with impressive solemnity (с впечатляющей величественностью), whilst the audience gazed (пока публика глазела); and as they drew nearer and nearer to completion (и пока они подходили ближе и ближе к завершению), Tom Canty grew pale, and still paler (Том Кэнти становился бледным и еще бледнее; *to*

grow — *расти, становиться*), and a deep and steadily deepening woe (*и глубокое и неуклонно углубляющееся горе*) and despondency (*и отчаяние*) settled down upon his spirits (*опустились на его дух*) and upon his remorseful heart (*и на его раскаявшееся сердце; remorse* — *раскаяние, угрызение совести*).

At last the final act (*наконец последний акт*) was at hand (*приблизился: «был у руки»*). The Archbishop of Canterbury (*Архиепископ Кентерберийский*) lifted up the crown of England (*поднял корону Англии*) from its cushion (*с ее подушки*) and held it out (*и протянул ее; to hold out* — *протянуть: «держат наружу»*) over the trembling mock king's head (*над головой дрожащего потешного короля*). In the same instant (*в то же мгновение*) a rainbow radiance (*радужное сияние*) flashed along the spacious transept (*вспыхнуло вдоль просторного трансепта*); for with one impulse (*ибо в едином порыве*) every individual in the great concourse of nobles (*каждый человек в великом сборище дворян*) lifted a coronet (*поднял корону*) and poised it (*и стал держать ее*) over his or her head (*над своей: «его или ее» головой*) — and paused in that attitude (*и замер в этом положении*).

multitude [ˈmʌltɪtjuːd], vantage [ˈvɑːntɪdʒ], entire [ɪnˈtaɪə], remorse [rɪˈmɔːs]

Let us change the tense for convenience. The time drifted along — one hour — two hours — two hours and a half; then the deep booming of artillery told that the king and his grand procession had arrived at last; so the waiting multitude rejoiced. All knew that a further delay must follow, for the king must be prepared and robed for the solemn ceremony; but this delay would be pleasantly occupied by the assembling of the peers of the realm in their stately robes. These were conducted ceremoniously to their seats, and their coronets placed conveniently at hand; and meanwhile the multitude in the galleries were alive with interest, for most of them were beholding for the first time, dukes, earls, and barons, whose names had been historical for five

hundred years. When all were finally seated, the spectacle from the galleries and all coigns of vantage was complete; a gorgeous one to look upon and to remember.

Now the robed and mitered great heads of the church, and their attendants, filed in upon the platform and took their appointed places; these were followed by the Lord Protector and other great officials, and these again by a steel-clad detachment of the Guard.

There was a waiting pause; then, at a signal, a triumphant peal of music burst forth, and Tom Canty, dothed in a long robe of cloth-of-gold, appeared at a door, and stepped upon the platform. The entire multitude rose, and the ceremony of the Recognition ensued.

Then a noble anthem swept the Abbey with its rich waves of sound; and thus heralded and welcomed, Tom Canty was conducted to the throne. The ancient ceremonies went on with impressive solemnity, whilst the audience gazed; and as they drew nearer and nearer to completion, Tom Canty grew pale, and still paler, and a deep and steadily deepening woe and despondency settled down upon his spirits and upon his remorseful heart.

At last the final act was at hand. The Archbishop of Canterbury lifted up the crown of England from its cushion and held it out over the trembling mock king's head. In the same instant a rainbow radiance flashed along the spacious transept; for with one impulse every individual in the great concourse of nobles lifted a coronet and poised it over his or her head — and paused in that attitude.

A deep hush pervaded the Abbey (глубокое молчание наполнило Аббатство). At this impressive moment (в этот впечатляющий момент), a startling apparition (пугающий = страшный призрак) intruded upon the scene (вторгся на место действия) — an apparition observed by none (призрак, не замеченный никем) in the absorbed multitude (в поглощенной /церемонией/ толпе), until it suddenly appeared (пока он внезапно не появился), moving up the great central aisle

(двигаясь вдоль большого центрального нефа). It was a boy (это был мальчик), bareheaded (с непокрытой головой; *bare* — голый; *head* — голова), ill shod (плохо обутый; *to shoe* — обувать), and clothed in coarse plebeian garments (и одетый в грубую плебейскую одежду) that were falling to rags (которая разваливалась на лохмотки). He raised his hand with a solemnity (он поднял свою руку с торжественностью) which ill comported (которая плохо согласовывалась) with his soiled and sorry aspect (с его грязным и жалким видом), and delivered this note of warning (и произнес это предупреждение: «знак предупреждения»):

'I forbid you (я запрещаю вам) to set the crown of England (возлагать корону Англии) upon that forfeited head (на эту утраченную = шальную голову). I am the king (я король)!'

In an instant (в одно мгновение) several indignant hands (несколько негодующих рук) were laid upon the boy (были положены на = схватили мальчика; *to lay* — класть); but in the same instant Tom Canty (но в то же мгновение Том Кэнти), in his regal vestments (в своих королевских одеждах), made a swift step forward (сделал стремительный шаг вперед) and cried out in a ringing voice (и вскричал звонким голосом):

'Loose him and forbear (отпустите его и воздержитесь = не троньте его)! He is the king (он король)!'

A sort of panic of astonishment (что-то вроде панического удивления) swept the assemblage (охватило собрание; *to sweep* — охватить), and they partly rose (и они отчасти встали = привстали; *to rise* — встать) in their places (на своих местах) and stared in a bewildered way (и уставились озадаченно) at one another (друг на друга) and at the chief figures in this scene (и на главных фигур = персонажей этого действия), like persons who wondered (как люди, которые интересовались = не знали) whether they were awake (были ли они бодрствующими) and in their senses (и в чувстве), or asleep and dreaming (или спящими и видящими сон). The Lord Protector was as amazed as the rest (лорд-протектор был так же поражен, как остальные), but quickly recovered himself

(но быстро пришел в себя) and exclaimed in a voice of authority (и воскликнул голосом властным: «власти»):

'Mind not his Majesty (не обращайтесь внимания на его величество), his malady is upon him again (его болезнь на нем = поразила его снова) — seize the vagabond (хватайте этого бродягу)!'

He would have been obeyed (ему бы повиновались), but the mock king stamped his foot and cried out (но потешный король топнул ногой и вскричал):

'On your peril (под страхом смерти: «на твою гибель»)! Touch him not (не трогайте его), he is the king (он король)!'

The hands were withheld (руки убраны; *to withhold* — *удерживать*); a paralysis fell upon the house (паралич пал на все здание; *to fall* — *надать*), no one moved (никто не двигался), no one spoke (никто не говорил); indeed, no one knew (действительно, никто не знал; *to know* — *знать*) how to act or what to say (как действовать или что говорить), in so strange and surprising an emergency (при таком странном и удивительном событии). While all minds were struggling (пока все умы изо всех сил старались) to right themselves (привести мысли: «себя» в порядок; *to right* — *исправить, привести в порядок*), the boy still moved steadily forward (мальчик все еще двигался неуклонно вперед), with high port and confident mien (с высокой = гордой осанкой и уверенным выражением лица); he had never halted from the beginning (он ни разу не остановился с самого начала /пути/; *never* = *никогда, ни разу, так и не*); and while the tangled minds (а пока запутавшиеся = озадаченные умы) still floundered helplessly (все еще барахтались беспомощно), he stepped upon the platform (он ступил на помост), and the mock king ran with a glad face to meet him (и потешный король побежал с радостным лицом встретить его; *to run* — *бежать*); and fell on his knees before him and said (и пал на колени перед ним и сказал; *to fall* — *надать*):

'Oh, my lord the king (о, мой господин король), let poor Tom Canty be first (позволь бедному Тому Кэнти быть первым) to swear fealty to thee (чтобы поклясться верным = присягнуть на верность тебе), and say (и сказать) "Put on

thy crown (надень свою корону) and enter into thine own again (и войди в твое собственное снова = верни себе свое)!"

The Lord Protector's eye fell sternly (глаз = взгляд лорда-протектора пал строго) upon the new-comer's face (на лицо вновь прибывшего; *new* — *новый*; *to come* — *приходить*); but straightway the sternness vanished away (но тут же эта строгость исчезла прочь), and gave place to an expression of wondering surprise (и уступила место выражению сомневающегося удивления). This thing happened also (эта вещь случилась также) to the other great officers (с остальными великими чиновниками). They glanced at each other (они взглянули друг на друга), and retreated a step (и отступили на шаг) by a common and unconscious impulse (по общему и бессознательному побуждению). The thought in each mind was the same (мысль в каждой голове: «уме» была та же самая): 'What a strange resemblance (какое разительное сходство)!'

The Lord Protector reflected a moment or two (лорд-протектор поразмышлял секунду-другую) in perplexity (в озадаченности), then he said (затем он сказал), with grave respectfulness (с важной почтительностью):

'By your favor, sir (с вашего одобрения, сэра), I desire to ask certain questions which (я желаю задать некоторые вопросы, которые; *to ask* — *спрашивать*) —

'I will answer them, my lord (я отвечу на них, милорд).'

The duke asked him many questions about the court (герцог задал ему много вопросов о дворе), the late king (покойном короле), the prince, the princesses (принце, принцессах). The boy answered them correctly (мальчик ответил на них правильно) and without hesitating (и без колебания; *to hesitate* — *колебаться, медлить*). He described the rooms of state in the palace (он описал парадные комнаты во дворце; *state* — *парадность, государство*), the late king's apartments (апартаменты покойного короля), and those of the Prince of Wales (и принца Уэльского: «эти» = *апартаменты*).

It was strange (это было странно); it was wonderful (это было удивительно); yes, it was unaccountable (да, это было необъяснимо; *to account* — *отчитываться, давать отчет*) — so all said that heard it (так все сказали, которые слышали это). The tide was beginning to turn (дела начинал оборачиваться = к лучшему; *tide* — *дела, время, прилив*), and Tom Canty's hopes to run high (а надежды Тома Кэнти — возрастать: «бежать высоко»), when the Lord Protector shook his head and said (когда лорд-протектор покачал головой и сказал; *to shake* — *трясти*):

'It is true it is most wonderful (это верно, что это совершенно поразительно) — but it is no more than our lord the king likewise can do (но это не больше, чем наш повелитель король также может сделать).' This remark (это замечание), and this reference to himself, as still the king (и это упоминание себя как все еще короля), saddened Tom Canty (опечалило Тома Кэнти), and he felt his hopes crumbling from under him (и он почувствовал свои надежды крошащимися из-под него = как надежды рушатся; *to feel* — *чувствовать*). 'These are not *proofs* (это не доказательства),' added the Protector (добавил регент).

scene [si:n], plebeian [plə`bi:ən], withhold [wɪθ`hquld]

A deep hush pervaded the Abbey. At this impressive moment, a startling apparition intruded upon the scene — an apparition observed by none in the absorbed multitude, until it suddenly appeared, moving up the great central aisle. It was a boy, bareheaded, ill shod, and clothed in coarse plebeian garments that were falling to rags. He raised his hand with a solemnity which ill comported with his soiled and sorry aspect, and delivered this note of warning:

'I forbid you to set the crown of England upon that forfeited head. I am the king!'

In an instant several indignant hands were laid upon the boy; but in the same instant Tom Canty, in his regal vestments, made a swift step forward and cried out in a ringing voice:

'Loose him and forbear! He is the king!'

A sort of panic of astonishment swept the assemblage, and they partly rose in their places and stared in a bewildered way at one another and at the chief figures in this scene, like persons who wondered whether they were awake and in their senses, or asleep and dreaming. The Lord Protector was as amazed as the rest, but quickly recovered himself and exclaimed in a voice of authority:

'Mind not his Majesty, his malady is upon him again — seize the vagabond!'

He would have been obeyed, but the mock king stamped his foot and cried out:

'On your peril! Touch him not, he is the king!'

The hands were withheld; a paralysis fell upon the house, no one moved, no one spoke; indeed, no one knew how to act or what to say, in so strange and surprising an emergency. While all minds were struggling to right themselves, the boy still moved steadily forward, with high port and confident mien; he had never halted from the beginning; and while the tangled minds still floundered helplessly, he stepped upon the platform, and the mock king ran with a glad face to meet him; and fell on his knees before him and said:

'Oh, my lord the king, let poor Tom Canty be first to swear fealty to thee, and say "Put on thy crown and enter into thine own again!"'

The Lord Protector's eye fell sternly upon the new-comer's face; but straightway the sternness vanished away, and gave place to an expression of wondering surprise. This thing happened also to the other great officers. They glanced at each other, and retreated a step by a common and unconscious impulse. The thought in each mind was the same: 'What a strange resemblance!'

The Lord Protector reflected a moment or two in perplexity, then he said, with grave respectfulness:

'By your favor, sir, I desire to ask certain questions which —'

'I will answer them, my lord.'

The duke asked him many questions about the court, the late king, the prince, the princesses. The boy answered them correctly and without hesitating. He described the rooms of state in the palace, the late king's apartments, and those of the Prince of Wales.

It was strange; it was wonderful; yes, it was unaccountable — so all said that heard it. The tide was beginning to turn, and Tom Canty's hopes to run high, when the Lord Protector shook his head and said:

'It is true it is most wonderful — but it is no more than our lord the king likewise can do.' This remark, and this reference to himself, as still the king, saddened Tom Canty, and he felt his hopes crumbling from under him.

'These are not *proofs*,' added the Protector.

The tide was turning very fast now (дела оборачивались очень быстро сейчас; *tide* — прилив и отлив), very fast, indeed (очень быстро действительно) — but in the wrong direction (но в неправильную сторону); it was leaving poor Tom Canty stranded on the throne (этот прилив оставлял бедного Тома Кэнти выброшенным на трон; *stranded* — выброшенный на берег), and sweeping the other out to sea (и уносил другого в открытое море: «наружу в море»). The Lord Protector communed with himself (лорд-протектор посовещался сам с собой) — shook his head (покачал головой; *to shake* — тряссти) — the thought forced itself upon him (мысль навязывала себя ему = неотступно преследовала его), 'It is perilous to the state and to us all (это губительно для государства и для нас всех; *peril* — опасность; риск, угроза), to entertain so fateful a riddle as this (заниматься такой фатальной/зловещей загадкой, как эта); it could divide the nation (она может расколоть народ; *to divide* — разделить) and undermine the throne (и подорвать трон).' He turned and said (он повернулся и сказал):

'Sir Thomas, arrest this (сэр Томас, арестуйте этого) — No, hold (нет, погодите)!' His face lighted (его лицо прояснилось), and he confronted (и он посмотрел пристально на) the ragged candidate (оборванного претендента) with this question (с таким вопросом):

'Where lieth the Great Seal (где лежит Великая Печать)? Answer me this truly (ответь мне это истинно), and the riddle is unriddled (и загадка разрешена); for only he (ибо только он = тот) that was Prince of Wales (который был принцем Уэльским) *can* so answer (может так ответить)! On so trivial a thing hang a throne and a dynasty (от такой пустячной вещи висят = зависят трон и династия)!'

It was a lucky thought, a happy thought (это была удачная мысль, счастливая мысль). That it was so considered (то, что она была сочтенной таковой) by the great officials (высокопоставленными чиновниками) was manifested by the silent applause (было выражено молчаливым одобрением) that shot from eye to eye (которое стреляло = устремлялось из взора во взор; *to shoot* — *стрелять, кидать*) around their circle (по их кругу) in the form of bright approving glances (в форме ярких одобряющих взглядов; *to approve* — *одобрять*). Yes, none but the true prince (да, никто кроме настоящего принца) could dissolve the stubborn mystery (мог бы разрешить нелегкую: «упрямую» загадку) of the vanished Great Seal (пропавшей Великой Печати) — this forlorn little impostor (этот жалкий маленький самозванец) had been taught his lesson well (был научен своему уроку хорошо; *to teach* — *учить кого-либо*), but here his teachings must fail (но здесь его уроки должны спасовать), for his teacher himself (ибо его учитель сам) could not answer *that* question (не мог бы ответить на этот вопрос) — ah, very good, very good indeed (ах, очень хорошо, очень хорошо в самом деле); now we shall be rid (теперь мы будем избавлены) of this troublesome and perilous business (от этого беспокойного и опасного дела) in short order (живо: «в коротком порядке»)! And so they nodded invisibly (и поэтому они кивнули незаметно) and smiled inwardly with satisfaction (и улыбнулись внутренне = про себя с удовлетворением), and looked to see (и

предвкушали увидеть) this foolish lad (этого глупого мальчика) stricken with a palsy of guilty confusion (пораженного оцепенением виноватого смущения; *to strike* — *бумь*). How surprised they were, then (как удивлены они были, тогда), to see nothing of the sort happen (увидеть, что ничего подобного не случилось) — how they marveled (как они поразились) to hear him answer up promptly (услышать, как он отвечает без запинки), in a confident and untroubled voice (уверенным и необеспокоенным голосом), and say (и говорит):

'There is naught in this riddle (нет ничего в этой загадке) that is difficult (что является сложным).' Then, without so much as a by-your-leave to anybody (затем, без церемоний: «без так много, как с-вашего-разрешения кому-либо»), he turned and gave this command (он повернулся и отдал этот приказ), with the easy manner of one (в легкой манере человека: «одного») accustomed to doing such things (привыкшего делать подобные вещи): 'My Lord St. John (милорд Сент-Джон), go you to my private cabinet in the palace (идите в мой личный кабинет в этом дворце) — for none knoweth the place better than you (ибо никто не знает это место лучше, чем вы) — and, close down to the floor (и близко внизу у пола), in the left corner remotest from the door (в левом углу самом дальнем от двери) that opens from the antechamber (которая открывается от передней), you shall find in the wall (вы найдете в стене) a brazen nail-head (медную шляпку гвоздя; *nail* — *гвоздь*; *head* — *голова, шляпка*); press upon it (нажмите на нее) and a little jewel closet (и маленький ящичек для драгоценностей; *jewel* — *драгоценный камень, сокровище*) will fly open (распахнется: «разлетится открытым») which not even you do know of (о котором даже вы не знаете) — no, nor any soul else in all the world but me (нет, и ни одна душа больше во всем мире, кроме меня) and the trusty artisan (и надежного мастера) that did contrive it for me (который разработал/придумал его для меня). The first thing that falleth under your eye (первая вещь, которая попадет тебе на глаза; *to fall* — *падать*; *under* — *под*) will be the Great Seal (будет Великая Печать) — fetch it hither (принеси ее сюда).'

All the company wondered at this speech (все собрание удивилось этой речи), and wondered still more (и удивилось еще больше) to see the little mendicant pick out this peer (увидеть, как этот маленький попрошайка выбрал: «взял наружу» этого лорда) without hesitancy or apparent fear of mistake (без колебания или заметного страха ошибки), and call him by name (и назвал его по имени) with such a placidly convincing air (с таким безмятежно убедительным видом; *to convince* — *убеждать*) of having known him all his life (/словно/ он знал его всю свою жизнь). The peer was almost surprised into obeying (лорд был почти удивлен в послушание = так удивился, что чуть не послушался). He even made a movement as if to go (он даже сделал движение, как если бы идти), but quickly recovered his tranquil attitude (но быстро восстановил свою спокойную позу) and confessed his blunder with a blush (и выдал свой промах краской = покраснел). Tom Canty turned upon him (Том Кэнти повернулся к нему) and said, sharply (и сказал резко):

'Why dost thou hesitate (почему ты колеблешься; *dost* — *устар. делаешь*)? Hast not heard the king's command (разве ты не слышал приказ короля; *hast* = *have thou*)? Go (иди)!'

The Lord St. John made a deep obeisance (лорд Сент-Джон отвесил глубокий поклон) — and it was observed (и было замечено = заметно) that it was a significantly cautious and non-committal one (что это был весьма осторожный и ни к чему не обязывающий поклон: «один»), it not being delivered (который не предназначался: «он не будучи сделан») at either of the kings (ни одному из королей), but at the neutral ground (но нейтральному пространству: «земле») about half-way (примерно на полдороги) between the two (между двумя) — and took his leave (и удалился: «взял свой уход»).

commune [ˈkɒmjʊ:n], dynasty [ˈdɪnəsti], artisan [ɑ:tɪˈzæn], remote [riˈməʊt]

The tide was turning very fast now, very fast, indeed — but in the wrong direction; it was leaving poor Tom Canty stranded on the throne, and

sweeping the other out to sea. The Lord Protector communed with himself — shook his head — the thought forced itself upon him, 'It is perilous to the state and to us all, to entertain so fateful a riddle as this; it could divide the nation and undermine the throne.' He turned and said:

'Sir Thomas, arrest this — No, hold!' His face lighted, and he confronted the ragged candidate with this question:

'Where lieth the Great Seal? Answer me this truly, and the riddle is unriddled; for only he that was Prince of Wales *can* so answer! On so trivial a thing hang a throne and a dynasty!'

It was a lucky thought, a happy thought. That it was so considered by the great officials was manifested by the silent applause that shot from eye to eye around their circle in the form of bright approving glances. Yes, none but the true prince could dissolve the stubborn mystery of the vanished Great Seal — this forlorn little impostor had been taught his lesson well, but here his teachings must fail, for his teacher himself could not answer *that* question — ah, very good, very good indeed; now we shall be rid of this troublesome and perilous business in short order! And so they nodded invisibly and smiled inwardly with satisfaction, and looked to see this foolish lad stricken with a palsy of guilty confusion. How surprised they were, then, to see nothing of the sort happen — how they marveled to hear him answer up promptly, in a confident and untroubled voice, and say:

'There is naught in this riddle that is difficult.' Then, without so much as a by-your-leave to anybody, he turned and gave this command, with the easy manner of one accustomed to doing such things: 'My Lord St. John, go you to my private cabinet in the palace — for none knoweth the place better than you — and, close down to the floor, in the left corner remotest from the door that opens from the antechamber, you shall find in the wall a brazen nail-head; press upon it and a little jewel closet will fly open which not even you do know of — no, nor any soul else in all the world but me and the trusty artisan

that did contrive it for me. The first thing that falleth under your eye will be the Great Seal — fetch it hither.'

All the company wondered at this speech, and wondered still more to see the little mendicant pick out this peer without hesitancy or apparent fear of mistake, and call him by name with such a placidly convincing air of having known him all his life. The peer was almost surprised into obeying. He even made a movement as if to go, but quickly recovered his tranquil attitude and confessed his blunder with a blush. Tom Canty turned upon him and said, sharply:

'Why dost thou hesitate? Hast not heard the king's command? Go!'

The Lord St. John made a deep obeisance — and it was observed that it was a significantly cautious and non-committal one, it not being delivered at either of the kings, but at the neutral ground about half-way between the two — and took his leave.

Now began a movement (теперь началось движение; *to begin* — *начинаться*) of the gorgeous particles of that official group (разноцветных/ярких частичек этой придворной группы; *gorgeous* — *пышный, великолепный*) which was slow, scarcely perceptible (которое было медленным, едва заметным), and yet steady and persistent (и все же устойчивым и постоянным) — a movement such as is observed in a kaleidoscope (движение такое, как наблюдается в калейдоскопе) that is turned slowly (который крутится медленно), whereby the components of one splendid cluster (вследствие чего части одного прекрасного скопления) fall away (распадаются) and join themselves to another (и соединяются в другой) — a movement which (движение, которое), little by little (мало-помалу), in the present case (в настоящем случае), dissolved the glittering crowd (рассеяло сверкающую толпу) that stood about Tom Canty (которая стояла вокруг Тома Кэнти; *to stand* — *стоять*) and clustered it together again (и собрала ее вместе снова) in the neighborhood of the new-comer (в соседстве = рядом с новоприбывшим). Tom Canty stood almost alone (Том Кэнти стоял почти

один). Now ensued a brief season (теперь последовало короткое время) of deep suspense and waiting (глубокого беспокойства и ожидания) — during which (в течение которого) even the few faint-hearts (даже немногие малодушные люди) still remaining near Tom Canty (все еще остававшиеся около Тома Кэнти) gradually scraped together courage (постепенно наскребли храбрости) enough to glide (достаточно /для того, чтобы/ скользнуть = незаметно перейти), one by one (один за другим), over to the majority (к большинству). So at last Tom Canty (так что наконец Том Кэнти), in his royal robes and jewels (в своей королевской мантии и драгоценных камнях), stood wholly alone (стоял совсем один; *to stand* — *стоять*) and isolated from the world (и отделенный от мира), a conspicuous figure (заметная фигура), occupying an eloquent vacancy (занимающая красноречивую пустоту).

Now the Lord St. John was seen returning (вот лорд Сент-Джон был увиден возвращающимся; *to see* — *видеть*). As he advanced up the mid-aisle (пока он продвигался по среднему нефу) the interest was so intense (любопытство было таким напряженным) that the low murmur of conversation (что тихое бормотание разговоров) in the great assemblage (в великом собрании) died out (замерло) and was succeeded by a profound hush (и было сменено = сменилось глубоким молчанием), a breathless stillness (бездыханной тишиной), through which his footfalls (в которой его шаги) pulsed with a dull and distant sound (отдавались глухим и отдаленным звуком). Every eye was fastened upon him (каждый глаз = взгляд был прикован к нему; *to fasten* — *прикреплять*) as he moved along (пока он двигался вперед). He reached the platform (он достиг помоста), paused a moment (выждал секунду), then moved toward Tom Canty with a deep obeisance (затем двинулся к Тому Кэнти с глубоким поклоном), and said (и сказал):

'Sire, the Seal is not there (сир, Печати нет там)!'

A mob does not melt away from the presence of a plague-patient (толпа не рассасывается быстрее от соседства зачумленного; *to melt* — *таять*) with more haste (с большей поспешностью) than the band of pallid and terrified

courtiers (чем это сборище бледных и испуганных царедворцев) melted away from the presence of the shabby little claimant of the Crown (разбежалось от соседства жалкого маленького претендента на Корону; *to claim* — *требовать; предъявлять требования; заявлять о своих правах на что-либо*). In a moment he stood all alone (через секунду он стоял совсем один; *to stand* — *стоять*), without a friend or supporter (без единого друга или сторонника), a target upon which was concentrated a bitter fire (мишень, на которой был сосредоточен мучительный огонь) of scornful and angry looks (презрительных и сердитых взглядов). The Lord Protector called out fiercely (лорд-протектор вскричал свирепо):

'Cast the beggar into the street (выкиньте этого попрошайку на улицу), and scourge him through the town (и прогоните его по всему городу плетью: «прохлещите его через город») — the paltry knave is worth no more consideration (этот презренный плут не заслуживает дальнейшего размышления; *worth* — *достойный*)!'

Officers of the guard sprang forward to obey (стражники ринулись вперед, чтобы подчиниться = исполнить приказ), but Tom Canty waved them off (но Том Кэнти отстранил их жестом; *to wave* — *махать рукой; off* — *прочь*) and said (и сказал):

'Back (назад)! Whoso touches him (кто бы ни тронул его) perils his life (рискует своей жизнью)!'

The Lord Protector was perplexed in the last degree (лорд-протектор был озадачен в последней = высшей степени). He said to the Lord St. John (он сказал лорду Сент-Джону):

'Searched you well (искали ли вы хорошо)? — but it boots not (но не поможет) to ask that (спрашивать об этом). It doth seem passing strange (это действительно кажется: «делает казаться» чрезвычайно странным). Little things, trifles (мелочи, пустяки), slip out of one's ken (выскальзывают из чьего-либо вида = теряются), and one does not think it matter for surprise (и человек не считает это делом = поводом для удивления); but how a so bulky thing (но

как такая крупная вещь) as the Seal of England (как Печать Англии) can vanish away (может исчезнуть) and no man be able (и никто не способен) to get track of it again (найти ее следа снова) — a massy golden disk (массивного золотого диска) —'

Tom Canty, with beaming eyes (Том Кэнти, с сияющими глазами), sprang forward and shouted (бросился вперед и крикнул):

'Hold, that is enough (стойте, этого достаточно)! Was it round (была она круглая)? — and thick (и толстая)? — and had it letters and devices graved (и имела ли она буквы и гербы, выгравированные = были ли буквы и гербы выгравированы) upon it (на ней)? — Yes (да)? Oh, now I know what this Great Seal is (о, теперь я знаю, что эта Великая Печать есть = что это такое) that there's been such worry and pother about (вокруг которой было такое беспокойство и волнение; *about* — *вокруг, около*)! An ye had described it to me (если бы вы описали ее мне), ye could have had it three weeks ago (вы могли бы получить ее три недели назад). Right well I know (очень хорошо я знаю) where it lies (где она лежит); but it was not I that put it there (но это был не я, кто положил ее туда) — first (первым).'

'Who, then, my liege (кто тогда, мой господин)?' asked the Lord Protector (спросил лорд-протектор).

'He that stands there (он = тот, кто стоит там) — the rightful king of England (законный король Англии). And he shall tell you himself (и он скажет вам сам) where it lies (где она лежит) — then you will believe (тогда вы поверите) he knew it (что он знал это; *to know* — *знать*) of his own knowledge (из его собственного знания = сам). Bethink thee, my king (вспомни, мой король) — spur thy memory (пришпорь свою память) — it was the last, the very last thing (это была последняя, самая последняя вещь) thou didst that day (которую ты сделал в тот день) before thou didst rush forth from the palace (прежде чем ты ринулся прочь из дворца), clothed in my rags (одетый в мои лохмотья), to punish the soldier that insulted me (чтобы наказать солдата, который обидел меня).'

kaleidoscope [kə`laidəskɒp], suspense [səs`pens], pother [ˈpɒðə]

Now began a movement of the gorgeous particles of that official group which was slow, scarcely perceptible, and yet steady and persistent — a movement such as is observed in a kaleidoscope that is turned slowly, whereby the components of one splendid cluster fall away and join themselves to another — a movement which, little by little, in the present case, dissolved the glittering crowd that stood about Tom Canty and clustered it together again in the neighborhood of the new-comer. Tom Canty stood almost alone. Now ensued a brief season of deep suspense and waiting — during which even the few faint-hearts still remaining near Tom Canty gradually scraped together courage enough to glide, one by one, over to the majority. So at last Tom Canty, in his royal robes and jewels, stood wholly alone and isolated from the world, a conspicuous figure, occupying an eloquent vacancy.

Now the Lord St. John was seen returning. As he advanced up the mid-aisle the interest was so intense that the low murmur of conversation in the great assemblage died out and was succeeded by a profound hush, a breathless stillness, through which his footfalls pulsed with a dull and distant sound. Every eye was fastened upon him as he moved along. He reached the platform, paused a moment, then moved toward Tom Canty with a deep obeisance, and said:

'Sire, the Seal is not there!'

A mob does not melt away from the presence of a plague-patient with more haste than the band of pallid and terrified courtiers melted away from the presence of the shabby little claimant of the Crown. In a moment he stood all alone, without a friend or supporter, a target upon which was concentrated a bitter fire of scornful and angry looks. The Lord Protector called out fiercely: 'Cast the beggar into the street, and scourge him through the town — the paltry knave is worth no more consideration!'

Officers of the guard sprang forward to obey, but Tom Canty waved them off and said:

'Back! Whoso touches him perils his life!'

The Lord Protector was perplexed in the last degree. He said to the Lord St. John:

'Searched you well? — but it boots not to ask that. It doth seem passing strange. Little things, trifles, slip out of one's ken, and one does not think it matter for surprise; but how a so bulky thing as the Seal of England can vanish away and no man be able to get track of it again — a massy golden disk —'

Tom Canty, with beaming eyes, sprang forward and shouted:

'Hold, that is enough! Was it round? — and thick? — and had it letters and devices graved upon it? — Yes? Oh, now I know what this Great Seal is that there's been such worry and pother about! An ye had described it to me, ye could have had it three weeks ago. Right well I know where it lies; but it was not I that put it there — first.'

'Who, then, my liege?' asked the Lord Protector.

'He that stands there — the rightful king of England. And he shall tell you himself where it lies — then you will believe he knew it of his own knowledge. Bethink thee, my king — spur thy memory — it was the last, the very last thing thou didst that day before thou didst rush forth from the palace, clothed in my rags, to punish the soldier that insulted me.'

A silence ensued (тишина последовала), undisturbed by a movement or a whisper (ненарушаемая ни движением, ни шепотом), and all eyes were fixed upon the new-comer (и все глаза были устремлены на новопришедшего), who stood (который стоял; *to stand* — *стоять*), with bent head (со склоненной головой; *to bend* — *склонять*) and corrugated brow (и сморщенным лбом), groping in his memory (нащупывая в своей памяти) among a thronging multitude of valueless recollections (среди несметного множества бесполезных воспоминаний; *to*

throng — *толпиться*) for one single little elusive fact (один единственный маленький ускользающий факт), which found (который, будучи найден; *to find* — *найти*), would seat him upon a throne (посадил бы его на трон) — unfound (не найденный), would leave him as he was (оставил бы его как он был = в том же состоянии), for good and all (навсегда) — a pauper and an outcast (нищим и отверженным). Moment after moment passed (секунда за секундой проходила) — the moments built themselves into minutes (секунды выстраивались в минуты; *to build* — *строить*) — still the boy struggled silently on (и все еще мальчик боролся молча дальше), and gave no sign (и не подавал никакого знака; *to give* — *давать*). But at last he heaved a sigh (но наконец он испустил вздох), shook his head slowly (покачал головой медленно; *to shake* — *трясти*), and said (и сказал), with a trembling lip (с дрожащей губой) and in a despondent voice (и унылым голосом):

'I call the scene back (я вспоминаю эту сцену: «призываю назад») — all of it (всю ее) — but the Seal hath no place in it (но Печать не имеет места в ней).' He paused (он помедлил), then looked up (затем взглянул вверх), and said with gentle dignity (и сказал с мягким достоинством), 'My lords and gentlemen (милорды и джентльмены), if ye will rob your rightful sovereign (если вы лишите вашего законного властителя) of his own (его собственного = того, что ему принадлежит) for lack of this evidence (за отсутствием этого свидетельства) which he is not able to furnish (которое он не способен предоставить), I may not stay ye (я не могу остановить вас), being powerless (будучи бессильным). But (но) —'

'O folly, O madness, my king (о, безумие, о, сумасшествие, мой король)!' cried Tom Canty, in a panic (вскричал Том Кэнти в панике), 'wait (подожди)! — think (подумай)! Do not give up (не сдавайся; *to give up* — *сдаваться*)! — the cause is not lost (дело не проиграно; *to lose* — *проигрывать*)! Nor shall be, neither (и не будет = проиграно)! List to what I say (слушай, что я говорю) — follow every word (следи за каждым словом) — I am going to bring that morning back again (я собираюсь воскресить то утро в памяти снова:

«принести назад»), every hap just as it happened (каждый случай — прямо как он случился). We talked (мы беседовали) — I told you of my sisters, Nan and Bet (я рассказал тебе о моих сестрах, Нэн и Бет; *to tell* — *рассказывать*) — ah, yes, you remember that (ах да, ты помнишь это); and about mine old grandma (и о моей старой бабке) — and the rough games of the lads of Offal Court (и о грубых играх мальчишек из Тупика отбросов) — yes, you remember these things also (да, ты помнишь эти вещи тоже); very well (очень хорошо), follow me still (следуй за мной дальше = слушай), you shall recall everything (ты вспомнишь все). You gave me food and drink (ты дал мне еды и питья; *to give* — *давать*), and did with princely courtesy send away the servants (и с королевским благородством отослал слуг; *to send away* — *посылать прочь*), so that my low breeding (чтобы мое низкое происхождение) might not shame me before them (не могло опозорить меня перед ними) — ah, yes, this also you remember (ах да, это тоже ты помнишь).'

As Tom checked off his details (пока Том отмечал свои детали), and the other boy nodded his head (а другой мальчик кивал головой) in recognition of them (в признание их = признавая их), the great audience and the officials (великая публика и чиновники) stared in puzzled wonderment (глазели в озадаченном изумлении); the tale sounded like true history (этот рассказ звучал, как истинная история), yet how could this impossible conjunction (но как могла эта невозможная связь) between a prince and a beggar boy (между принцем и мальчиком-нищим) have come about (возникнуть; *to come about* — *происходить, случаться*)? Never was a company of people so perplexed (никогда не была компания людей так озадачена), so interested (так заинтересована), and so stupefied, before (и так ошарашена прежде).

'For a jest, my prince (для шутки, мой король), we did exchange garments (мы обменялись одеждами). Then we stood before a mirror (затем мы встали перед зеркалом; *to stand* — *стоять*); and so alike were we (и так похожи мы были) that both said it seemed (что оба сказали, что показалось) as if there had been no change made (будто не было никакой перемены совершено) — yes, you

remember that (да, ты помнишь это). Then you noticed (потом ты заметил) that the soldier had hurt my hand (что солдат повредил мою руку) — look (взгляни)! here it is (вот она), I cannot yet even write with it (я не могу еще даже писать ей), the fingers are so stiff (пальцы такие негибкие). At this your Highness sprang up (при этом ваше высочество вскочили), vowing vengeance (давая обет отмщения) upon that soldier (этому солдату), and ran toward the door (и побежали к двери; *to run* — бежать) — you passed a table (вы пробежали мимо стола) — that thing you call the Seal (та вещь, которую вы называете Печатью) lay on that table (лежала на том столе; *to lie* — лежать) — you snatched it up (вы подхватили ее: «схватили вверх») and looked eagerly about (и осмотрелись напряженно: «усердно» вокруг), as if for a place (как будто в поисках места) to hide it (чтобы спрятать ее) — your eye caught sight of (ваш взор поймал вид = увидел; *to catch* — ловить) —'

'There, 'tis sufficient (вот, этого достаточно)! — and the dear God be thanked (и добрый Бог да будет возблагодарен)!' exclaimed the ragged claimant (воскликнул оборванный претендент), in a mighty excitement (в сильном возбуждении). 'Go, my good St. John (иди, милорд Сент-Джон) — in an arm-piece of the Milanese armor (в рукавице миланского панциря) that hangs on the wall (что висит на стене), thou'lt find the Seal (ты найдешь Печать)!'

'Right, my king (верно, мой король)! Right (верно)!' cried Tom Canty (вскричал Том Кэнти); '*now* the scepter of England is thine own (теперь скипетр Англии твой собственный); and it were better for him (и было бы лучше для него = для того) that would dispute it (кто вздумал бы оспорить это) that he had been born dumb (чтобы он родился немым)! Go, my Lord St. John (иди, милорд Сент-Джон), give thy feet wings (дай своим ногам крылья)!'

brow [brau], elusive [i`lu:siv], vengeance [ˈvenGəns]

A silence ensued, undisturbed by a movement or a whisper, and all eyes were fixed upon the new-comer, who stood, with bent head and corrugated brow,

groping in his memory among a thronging multitude of valueless recollections for one single little elusive fact, which found, would seat him upon a throne — unfound, would leave him as he was, for good and all — a pauper and an outcast. Moment after moment passed — the moments built themselves into minutes — still the boy struggled silently on, and gave no sign. But at last he heaved a sigh, shook his head slowly, and said, with a trembling lip and in a despondent voice:

'I call the scene back — all of it — but the Seal hath no place in it.' He paused, then looked up, and said with gentle dignity, 'My lords and gentlemen, if ye will rob your rightful sovereign of his own for lack of this evidence which he is not able to furnish, I may not stay ye, being powerless. But —'

'O folly, O madness, my king!' cried Tom Canty, in a panic, 'wait! — think! Do not give up! — the cause is not lost! Nor *shall* be, neither! List to what I say — follow every word — I am going to bring that morning back again, every hap just as it happened. We talked — I told you of my sisters, Nan and Bet — ah, yes, you remember that; and about mine old grandma — and the rough games of the lads of Offal Court — yes, you remember these things also; very well, follow me still, you shall recall everything. You gave me food and drink, and did with princely courtesy send away the servants, so that my low breeding might not shame me before them — ah, yes, this also you remember.'

As Tom checked off his details, and the other boy nodded his head in recognition of them, the great audience and the officials stared in puzzled wonderment; the tale sounded like true history, yet how could this impossible conjunction between a prince and a beggar boy have come about? Never was a company of people so perplexed, so interested, and so stupefied, before.

'For a jest, my prince, we did exchange garments. Then we stood before a mirror; and so alike were we that both said it seemed as if there had been no change made — yes, you remember that. Then you noticed that the soldier had hurt my hand — look! here it is, I cannot yet even write with it, the

fingers are so stiff. At this your Highness sprang up, vowing vengeance upon that soldier, and ran toward the door — you passed a table — that thing you call the Seal lay on that table — you snatched it up and looked eagerly about, as if for a place to hide it — your eye caught sight of —'

'There, 'tis sufficient! — and the dear God be thanked!' exclaimed the ragged claimant, in a mighty excitement. 'Go, my good St. John — in an arm-piece of the Milanese armor that hangs on the wall, thou'lt find the Seal!'

'Right, my king! right!' cried Tom Canty; '*now* the scepter of England is thine own; and it were better for him that would dispute it that he had been born dumb! Go, my Lord St. John, give thy feet wings!'

The whole assemblage (целое = все собрание) was on its feet now (было на своих ногах = вскочило на ноги сейчас), and well-nigh (и почти: «хорошенько-близко») out of its mind with uneasiness (без ума: «из ума» от беспокойства), apprehension (испуга), and consuming excitement (и снедающего возбуждения). On the floor and on the platform (на полу и на помосте) a deafening buzz (оглушающий гул) of frantic conversation burst forth (эмоционального разговора раздался: «прорвался»; *to burst forth* — *прорваться*: «взорваться вперед»), and for some time (и какое-то время) nobody knew anything (никто не знал чего-либо; *to know* — *знать*) or heard anything (ни слышал чего-либо; *to hear* — *слышать*) or was interested in anything (ни был заинтересован в чем-либо) but what his neighbor (кроме /того/, что его сосед) was shouting into his ear (кричал ему в ухо), or he was shouting into his neighbor's ear (или он кричал в ухо своего соседа). Time (время) — nobody knew (никто не знал) how much of it (сколько его) — swept by unheeded and unnoted (проносились незамечаемое и незамеченное; *to sweep by* — *проноситься мимо*). At last a sudden hush (наконец внезапное молчание) fell upon the house (пало на здание), and in the same moment (и в тот же момент) St. John appeared upon the platform (Сент-Джон появился на помосте) and held the Great Seal aloft in his hand (и держал Великую Печать высоко в своей руке; *to hold* — *держат*).

Then such a shout went up (затем такой крик поднялся; *to go up* — *подняться*: «идти вверх»)!

'Long live the true king (да здравствует истинный король)!'

For five minutes the air quaked (в течение пяти минут воздух содрогался) with shouts and the crash of musical instruments (от криков и грохота музыкальных инструментов), and was white with a storm of waving handkerchiefs (и был белым от бури развевающихся платков); and through it all (и все это время: «через это все») a ragged lad (оборванный мальчуган), the most conspicuous figure in England (самая заметная фигура в Англии), stood, flushed (стоял, покрасневший; *to stand* — *стоять*) and happy and proud (и счастливый, и гордый), in the center of the spacious platform (в центре этого просторного помоста), with the great vassals of the kingdom (с великими вассалами королевства) kneeling around him (колени преклоненными вокруг него).

Then all rose (затем все встали; *to rise* — *вставать*), and Tom Canty cried out (и Том Кэнти прокричал):

'Now, O my king (теперь, о, мой король), take these regal garments back (возьми эти королевские одежды назад), and give poor Tom, thy servant (и отдай бедному Тому, твоему слуге), his shreds and remnants again (его лохмотья и обрезки опять).'

The Lord Protector spoke up (лорд-протектор воскликнул; *to speak up* — *высказаться*: «говорить вверх»):

'Let the small varlet be stripped and flung into the Tower (пусть этот маленький негодяй будет раздет и брошен в Тауэр; *to fling* — *бросать*).'

But the new king (но новый король), the true king, said (настоящий король, сказал):

'I will not have it so (я этого не потерплю: «я не буду иметь этого так»). But for him (если бы не он) I had not got my crown again (я бы не получил мою корону снова; *to get* — *получать*) — none shall lay a hand upon him (никто не положит руку на него) to harm him (чтобы повредить ему). And as for thee (а что до тебя), my good uncle (мой добрый дядя), my Lord Protector (милорд Регент),

this conduct of thine (это поведение твое) is not grateful toward this poor lad (не благодарно по отношению к этому бедному мальчику), for I hear (ибо я слышу = знаю) he hath made thee a duke (что он сделал тебя герцогом; *to make* — *делать*)' — the Protector blushed (регент покраснел) — ' yet he was not a king (а он не был королем); wherefore (по каковой причине), what is thy fine title worth now (чего твой высокий титул стоит сейчас; *worth* — *достойный*)? To-morrow you shall sue to me (завтра ты будешь просить меня), *through him* (через него), for its confirmation (о его подтверждении), else no duke (иначе не герцогом), but a simple earl (но простым графом), shalt thou remain (ты останешься).'

Under this rebuke (под этим выговором), his grace the Duke of Somerset (его милость герцог Сомерсетский) retired a little (отошел немного) from the front (от переднего края) for the moment (на минутку). The king turned to Tom (король повернулся к Тому), and said, kindly (и сказал добро):

'My poor boy (мой бедный мальчик), how was it (как было это = как вышло так) that you could remember (что ты смог вспомнить) where I hid the Seal (где я спрятал Печать; *to hide* — *прятать*) when I could not remember it myself (когда я не мог вспомнить это сам)?'

'Ah, my king, that was easy (ах, мой король, это было легко), since I used it divers days (ибо я использовал ее в разные дни = не раз).'

'Used it (использовал ее) — yet could not explain (и не мог объяснить) where it was (где она была)?'

'I did not know (я не знал, что) it was *that* they wanted (она была тем, чего они хотели). They did not describe it, your majesty (они не описали ее, ваше величество).'

'Then how used you it (тогда как же использовал ты ее)?'

The red blood began to steal up into Tom's cheeks (красная кровь начала заливать щеки Тома; *to steal up* — *подкраситься*), and he dropped his eyes (и он опустил глаза) and was silent (и был тих = замолчал).

'Speak up, good lad (говори же, добрый паренек), and fear nothing (и не бойся ничего),' said the king (сказал король). 'How used you the Great Seal of England (как использовал ты Великую Печать Англии)?'

Tom stammered a moment (Том запинаясь секунду), in a pathetic confusion (в трогательном смущении), then got it out (затем произнес это; *to get* — *произнести*):

'To crack nuts with (чтобы колоть орехи /ею/)!'

Poor child (бедное дитя), the avalanche of laughter that greeted this (лавина смеха, которая встретила это = это признание), nearly swept him off his feet (почти снесла его с ног; *to sweep* — *мести*). But if a doubt remained in any mind (но если сомнение оставалось в какой-либо голове: «уме») that Tom Canty was not the king of England (что Том Кэнти не был королем Англии) and familiar with the august appurtenances of royalty (и знакомым с августейшими принадлежностями королевской власти), this reply disposed of it utterly (этот ответ разделался с ним = этим сомнением совершенно).

Meantime the sumptuous robe of state (в это время роскошная парадная мантия) had been removed from Tom's shoulders (была перемещена с плеч Тома) to the king's (на /плечи/ короля), whose rags were effectively hidden from sight (чьи лохмотья были удачно спрятаны от взглядов; *to hide* — *прятать*) under it (под ней). Then the coronation ceremonies were resumed (затем коронационные церемонии были возобновлены); the true king was anointed (истинный король был миропомазан) and the crown set upon his head (и корона — возложена на его голову), whilst cannon thundered the news to the city (пока пушка прогрохотала эту новость городу), and all London seemed to rock with applause (и весь Лондон, казалось, сотрясся от рукоплесканий).

handkerchief [ˈhæŋkətʃi:f], conspicuous [kənˈspɪkjʊəs], confusion [kənˈfju:Z(ə)n]

The whole assemblage was on its feet now, and well-nigh out of its mind with uneasiness, apprehension, and consuming excitement. On the floor and on the

platform a deafening buzz of frantic conversation burst forth, and for some time nobody knew anything or heard anything or was interested in anything but what his neighbor was shouting into his ear, or he was shouting into his neighbor's ear. Time — nobody knew how much of it — swept by unheeded and unnoted. At last a sudden hush fell upon the house, and in the same moment St. John appeared upon the platform and held the Great Seal aloft in his hand. Then such a shout went up!

'Long live the true king!'

For five minutes the air quaked with shouts and the crash of musical instruments, and was white with a storm of waving handkerchiefs; and through it all a ragged lad, the most conspicuous figure in England, stood, flushed and happy and proud, in the center of the spacious platform, with the great vassals of the kingdom kneeling around him.

Then all rose, and Tom Canty cried out:

'Now, O my king, take these regal garments back, and give poor Tom, thy servant, his shreds and remnants again.'

The Lord Protector spoke up:

'Let the small varlet be stripped and flung into the Tower.'

But the new king, the true king, said:

'I will not have it so. But for him I had not got my crown again — none shall lay a hand upon him to harm him. And as for thee, my good uncle, my Lord Protector, this conduct of thine is not grateful toward this poor lad, for I hear he hath made thee a duke' — the Protector blushed — 'yet he was not a king; wherefore, what is thy fine title worth now? To-morrow you shall sue to me, *through him*, for its confirmation, else no duke, but a simple earl, shalt thou remain.'

Under this rebuke, his grace the Duke of Somerset retired a little from the front for the moment. The king turned to Tom, and said, kindly:

'My poor boy, how was it that you could remember where I hid the Seal when I could not remember it myself?'

'Ah, my king, that was easy, since I used it divers days.'

'Used it — yet could not explain where it was?'

'I did not know it was *that* they wanted. They did not describe it, your majesty.'

'Then how used you it?'

The red blood began to steal up into Tom's cheeks, and he dropped his eyes and was silent.

'Speak up, good lad, and fear nothing,' said the king. 'How used you the Great Seal of England?'

Tom stammered a moment, in a pathetic confusion, then got it out:

'To crack nuts with!'

Poor child, the avalanche of laughter that greeted this, nearly swept him off his feet. But if a doubt remained in any mind that Tom Canty was not the king of England and familiar with the august appurtenances of royalty, this reply disposed of it utterly.

Meantime the sumptuous robe of state had been removed from Tom's shoulders to the king's, whose rags were effectively hidden from sight under it. Then the coronation ceremonies were resumed; the true king was anointed and the crown set upon his head, whilst cannon thundered the news to the city, and all London seemed to rock with applause.

CHAPTER XXXIII (Глава тридцать третья)

Edward as King (Эдуард в качестве короля)

MILES HENDON was picturesque enough (Майлс Хендон был живописным достаточно) before he got into the riot on London Bridge (прежде чем он забрался в беспорядок на Лондонском мосту; *to get* — *забираться*) — he was more so (он был более так = стал еще более живописным) when he got out of it

(когда он выбрался из него). He had but little money (он имел лишь немного денег) when he got in (когда он забрался внутрь), none at all when he got out (никаких совсем, когда он выбрался наружу). The pickpockets had stripped him (карманники обчистили его) of his last farthing (от его последнего фартинга). But no matter (но неважно), so he found his boy (лишь бы он отыскал своего мальчика; *to find* — *найти*). Being a soldier (будучи солдатом), he did not go at his task (он не принялся за свою задачу) in a random way (случайным образом = наобум), but set to work (но принялся за работу; *to set* — *приниматься*), first of all (прежде всего), to arrange his campaign (чтобы организовать свою кампанию = составить план кампании).

What would the boy naturally do (что бы мальчик естественно = скорее всего делал)? Where would he naturally go (куда бы он скорее всего пошел)? Well (ну) — argued Miles (рассудил Майлс) — he would naturally go to his former haunts (он бы скорее всего пошел в свои прежние места; *haunt* — *излюбленное место, убежище, логово*), for that is the instinct of unsound minds (ибо это инстинкт нездоровых умов), when homeless and forsaken (когда (они) бездомны и покинуты), as well as of sound ones (так же как и здоровых /умов/). Whereabouts were his former haunts (где же были его прежние прибежища)? His rags (его лохмотья), taken together with the low villain (вместе с низким негодяем; *to take* — *брать*) who seemed to know him (который, казалось, знал его; *to seem* — *казаться*) and who even claimed to be his father (и который даже заявлял быть его отцом = что он его отец), indicated that his home (указывало /на то/, что его дом) was in one or other (был в одном или другом) of the poorest and meanest districts of London (из беднейших и самых захудалых районов Лондона). Would the search for him be difficult (были бы поиск его трудным), or long (или долгим)? No, it was likely (нет, он был вероятен) to be easy and brief (оказаться простым и недолгим). He would not hunt for the boy (он не станет охотиться за мальчиком), he would hunt for a crowd (он станет охотиться за толпой); in the center of a big crowd (в центре большой толпы) or a little one (или маленькой /толпы/), sooner or later (рано

или поздно: «скорее или позже») he should find his poor little friend, sure (он должен найти своего бедного маленького друга, точно); and the mangy mob (а паршивая толпа) would be entertaining itself (развлекалась бы; *to entertain* — *развлекать*) with pestering and aggravating the boy (тем, чтобы донимать и изводить мальчика), who would be proclaiming himself king (который бы провозглашал себя королем), as usual (как обычно). Then Miles Hendon would cripple some of those people (затем Майлс Хендон отделал бы некоторых из этих людей; *to cripple* — *увечить*), and carry off his little ward (и унес бы прочь своего маленького подопечного), and comfort and cheer him with loving words (и успокоил бы и приободрил бы его любящими словами), and the two (и эти двое = они) would never be separated any more (никогда бы не были разделены больше).

So Miles started on his quest (так что Майлс пустился на свои поиски). Hour after hour (час зв часом) he tramped through back alleys (он бродил по задним = глухим переулкам) and squalid streets (и убогим улочкам), seeking groups and crowds (ища группы и толпы), and finding no end of them (и находя их без конца: «никакого конца их»), but never any sign of the boy (но никогда ни признака мальчика). This greatly surprised him (это чрезвычайно удивило его), but did not discourage him (но не обескуражило его). To his notion (по его мнению), there was nothing the matter with his plan of campaign (дело было не в его плане кампании; *nothing* — *ничего*; *matter* — *дело*); the only miscalculation about it (единственный просчет в нем = в плане) was that the campaign was becoming a lengthy one (было /то/, что кампания становилась продолжительной), whereas he had expected it to be short (в то время как он ожидал ее быть короткой = что она будет короткой).

When daylight arrived at last (когда дневной свет пришел наконец), he had made many a mile (он сделал = прошел много миль; *many a mile* = *many miles* (*устар.*)), and canvassed many a crowd (и опросил много толп), but the only result was (но единственным результатом было) that he was tolerably tired (что он был довольно-таки уставшим), rather hungry, and very sleepy (весьма

голодным и очень сонным). He wanted some breakfast (он хотел какой-нибудь завтрак), but there was no way to get it (но не было способа получить его). To beg for it (выпрашивать его) did not occur to him (не пришло ему в голову; *to occur* — случаться, приходить на ум); as to pawning his sword (что до /того, чтобы/ заложить свой меч), he would as soon have thought (он бы так скоро = скорее подумал; *to think* — думать) of parting with his honor (о том, чтобы расстаться со своей честью); he could spare some of his clothes (он мог бы обойтись без части своей одежды) — yes, but one could (но один мог = можно было) as easily find a customer for a disease as for such clothes (так же легко найти покупателя на болезнь, как на такую одежду).

haunt [h0:nt], rather [ˈra:ðə], disease [diˈzi:z]

MILES HENDON was picturesque enough before he got into the riot on London Bridge — he was more so when he got out of it. He had but little money when he got in, none at all when he got out. The pickpockets had stripped him of his last farthing.

But no matter, so he found his boy. Being a soldier, he did not go at his task in a random way, but set to work, first of all, to arrange his campaign.

What would the boy naturally do? Where would he naturally go? Well — argued Miles — he would naturally go to his former haunts, for that is the instinct of unsound minds, when homeless and forsaken, as well as of sound ones. Whereabouts were his former haunts? His rags, taken together with the low villain who seemed to know him and who even claimed to be his father, indicated that his home was in one or other of the poorest and meanest districts of London. Would the search for him be difficult, or long? No, it was likely to be easy and brief. He would not hunt for the boy, he would hunt for a crowd; in the center of a big crowd or a little one, sooner or later he should find his poor little friend, sure; and the mangy mob would be entertaining itself with pestering and aggravating the boy, who would be proclaiming

himself king, as usual. Then Miles Hendon would cripple some of those people, and carry off his little ward, and comfort and cheer him with loving words, and the two would never be separated any more.

So Miles started on his quest. Hour after hour he tramped through back alleys and squalid streets, seeking groups and crowds, and finding no end of them, but never any sign of the boy. This greatly surprised him, but did not discourage him. To his notion, there was nothing the matter with his plan of campaign; the only miscalculation about it was that the campaign was becoming a lengthy one, whereas he had expected it to be short.

When daylight arrived at last, he had made many a mile, and canvassed many a crowd, but the only result was that he was tolerably tired, rather hungry, and very sleepy. He wanted some breakfast, but there was no way to get it. To beg for it did not occur to him; as to pawning his sword, he would as soon have thought of parting with his honor; he could spare some of his clothes — yes, but one could as easily find a customer for a disease as for such clothes.

At noon he was still tramping (в полдень он все еще бродил) — among the rabble (среди сброда) which followed after the royal procession now (который следовал за королевской процессией теперь); for he argued (ибо он рассудил) that this regal display (что это королевское выступление) would attract his little lunatic powerfully (привлекло бы его маленького безумца мощно). He followed the pageant (он следовал за процессией) through all its devious windings (по всем ее хитроумным изгибам) about London (по Лондону), and all the way to Westminster and the Abbey (и вплоть до Вестминстера и Аббатства). He drifted here and there (он бродил здесь и там) among the multitudes (среди толп) that were massed in the vicinity (которые скапливались поблизости) for a weary long time (в течение изматывающего долгого времени), baffled and perplexed (сбитый с толку и озадаченный), and finally wandered off (и наконец забрел далеко: «убрел прочь») thinking, and trying to contrive some way (думая и пытаясь выдумать какой-нибудь способ) to better his plan of campaign

(улучшить свой план кампании). By and by (мало-помалу), when he came to himself (когда он пришел к себе = в себя) out of his musings (из своих размышлений), he discovered that the town was far behind him (он обнаружил, что город оказался далеко за ним) and that the day was growing old (и что день становился старым = клонился к закату). He was near the river (он был близ реки), and in the country (и в сельской местности); it was a region of fine rural seats (это был район роскошных деревенских усадеб) — not the sort of district (не такой сорт местности) to welcome clothes like his (чтобы радушно принять одежду вроде его = как у него).

It was not at all cold (не было совсем холодно); so he stretched himself (так что он растянулся) on the ground in the lee of a hedge (на земле под сенью изгороди; *lee* — *укрытие, подветренная сторона*) to rest and think (чтобы отдохнуть и подумать). Drowsiness presently began (сонливость вскоре начала; *to begin* — *начать*) to settle upon his senses (оседать на его чувства); the faint and far-off boom of cannon (слабый и отдаленный залп пушки) was wafted to his ear (был донесен до его уха), and he said to himself (и он сказал себе), 'The new king is crowned (новый король коронован),' and straightway fell asleep (и сразу же заснул: «упал спящим»); *to fall* — *падать*). He had not slept or rested, before (он не спал и не отдыхал прежде; *to sleep* — *спать*), for more than thirty hours (в течение больше чем тридцати часов). He did not wake again (он не проснулся снова) until near the middle of the next morning (до почти середины следующего утра).

He got up, lame (он поднялся, хромым; *to get up* — *вставать*), stiff (затекший), and half famished (и полуголодный; *half* — *половина*; *to famish* — *проголодаться*), washed himself in the river (умылся в реке), stayed his stomach (утолил свой желудок) with a pint or two of water (пинтой-другой воды), and trudged off toward Westminster (и устало потащился к Вестминстеру) grumbling at himself (ворча на себя) for having wasted so much time (за то, что потратил столько времени). Hunger helped him to a new plan now (голод помог ему к новому плану теперь = подсказал ему новый план); he would try (он

попробовал бы) to get speech with old Sir Humphrey Marlow (поговорить: «получить речь» со старым сэром Хамфри Марло) and borrow a few marks (и одолжить несколько марок), and (и) — but that was enough of a plan (но это было достаточно от плана = это уже был достаточный план) for the present (пока что: «для настоящего времени»); it would be time enough (будет времени достаточно) to enlarge it (увеличить = доработать его) when this first stage should be accomplished (когда этот первый этап будет окончен).

Toward eleven o'clock (к одиннадцати часам) he approached the palace (он приблизился к дворцу); and although a host of showy people were about him (и, хотя толпа блестящих людей была вокруг него), moving in the same direction (двигаясь в том же направлении), he was not inconspicuous (он не был незаметен) — his costume took care of that (его костюм позаботился об этом; *to take care* — *позаботиться о чем-то*: «взять заботу»). He watched these people's faces narrowly (он наблюдал за лицами этих людей пристально), hoping to find a charitable one (надеясь найти доброжелательное лицо: «одно») whose possessor might be willing (чей обладатель мог бы быть желающим = согласился бы) to carry his name (донести его имя = доложить о нем) to the old lieutenant (старому лейтенанту) — as to trying (что до того, чтобы попытаться) to get into the palace himself (попасть во дворец самому), that was simply out of the question (это было просто вне вопроса = об этом и речи быть не могло).

Presently our whipping-boy (вскоре наш мальчик для битья; *to whip* — *пороть /хлыстом, кнутом/*) passed him (прошел мимо него), then wheeled about (затем обернулся; *about* — *вокруг*) and scanned his figure well (и рассмотрел его внешность хорошо), saying to himself (говоря себе), 'An that is not the very vagabond (если это не тот самый бродяга) his majesty is in such a worry about (о котором его величество так беспокоится: «в таком беспокойстве»; *about* — *о*), then am I an ass (тогда я осел) — though belike I was that before (хотя похоже, что я был им прежде). He answereth the description to a rag (он отвечает описанию до лоскутка) — that God should make two such (чтобы Бог сделал двух таких), would be to cheapen miracles (значило бы обесценивать

чудеса), by wasteful repetition (расточительным повторением). I would I could contrive an excuse (я хотел бы, чтобы я мог придумать предлог) to speak with him (заговорить с ним).'

lunatic [ˈlu:nətik], waft [wa:ft], repetition [repiˈtiʃ(ə)n]

At noon he was still tramping — among the rabble which followed after the royal procession now; for he argued that this regal display would attract his little lunatic powerfully. He followed the pageant through all its devious windings about London, and all the way to Westminster and the Abbey. He drifted here and there among the multitudes that were massed in the vicinity for a weary long time, baffled and perplexed, and finally wandered off thinking, and trying to contrive some way to better his plan of campaign. By and by, when he came to himself out of his musings, he discovered that the town was far behind him and that the day was growing old. He was near the river, and in the country; it was a region of fine rural seats — not the sort of district to welcome clothes like his.

It was not at all cold; so he stretched himself on the ground in the lee of a hedge to rest and think. Drowsiness presently began to settle upon his senses; the faint and far-off boom of cannon was wafted to his ear, and he said to himself, 'The new king is crowned,' and straightway fell asleep. He had not slept or rested, before, for more than thirty hours. He did not wake again until near the middle of the next morning.

He got up, lame, stiff, and half famished, washed himself in the river, stayed his stomach with a pint or two of water, and trudged off toward Westminster grumbling at himself for having wasted so much time. Hunger helped him to a new plan now; he would try to get speech with old Sir Humphrey Marlow and borrow a few marks, and — but that was enough of a plan for the present; it would be time enough to enlarge it when this first stage should be accomplished.

Toward eleven o'clock he approached the palace; and although a host of showy people were about him, moving in the same direction, he was not inconspicuous — his costume took care of that. He watched these people's faces narrowly, hoping to find a charitable one whose possessor might be willing to carry his name to the old lieutenant — as to trying to get into the palace himself, that was simply out of the question.

Presently our whipping-boy passed him, then wheeled about and scanned his figure well, saying to himself, 'An that is not the very vagabond his majesty is in such a worry about, then am I an ass — though belike I was that before. He answereth the description to a rag — that God should make two such, would be to cheapen miracles, by wasteful repetition. I would I could contrive an excuse to speak with him.'

Miles Hendon saved him the trouble (Майлс Хендон сэкономил ему заботы = усилия); for he turned about, then (ибо он обернулся тогда), as a man generally will (как любой человек обычно будет = сделает) when somebody mesmerizes him (когда кто-нибудь гипнотизирует его) by gazing hard at him from behind (глазезя пристально на него сзади); and observing a strong interest in the boy's eyes (и, видя сильный интерес в глазах мальчика), he stepped toward him and said (он шагнул к нему и сказал):

'You have just come out from the palace (вы только что вышли из дворца); do you belong there (ты оттуда: «принадлежишь к там»)?'

'Yes, your worship (да, ваша милость).'

'Know you Sir Humphrey Marlow (знаешь ли ты сэра Хамффри Марло)?'

The boy started, and said to himself (мальчик вздрогнул и сказал себе), 'Lord (Господи)! mine old departed father (мой старый почивший отец)!' Then he answered, aloud (затем он ответил вслух), 'Right well, your worship (очень хорошо, ваша милость).'

'Good (хорошо) — is he within (он внутри)?'

'Yes (да),' said the boy; and added, to himself (сказал мальчик и добавил, про себя: «к себе»), 'within his grave (внутри своей могилы).'

Might I crave your favor (могу ли я просить о вашей любезности) to carry my name to him (донести мое имя ему), and say I beg (и сказать, что я молю) to say a word in his ear (сказать слово ему на ухо)?'

'I will despatch the business (я разберусь с этим делом) right willingly (весьма охотно), fair sir (любезный сэр).'

'Then say Miles Hendon, son of Sir Richard (тогда скажите, что Майлс Хендон, сын сэра Ричарда), is here without (здесь снаружи) — I shall be greatly bounden to you (я буду очень обязан вам; *to bind* — *вязать*), my good lad (мой милый юноша).'

The boy looked disappointed (мальчик выглядел разочарованным) — 'the king did not name him so (король не назвал его так),' he said to himself (он сказал себе) — 'but it mattereth not (но это не имеет значения), this is his twin brother (это его брат-близнец), and can give his majesty (и /он/ может сообщить его величеству) news of t'other Sir-Odds-and-Ends (новости о том, другом сэре Оборванце), I warrant (я ручаюсь).'

So he said to Miles (так что он сказал Майлсу), 'Step in there a moment, good sir (зайдите вон туда на секунду, добрый сэр), and wait (подождите) till I bring you word (пока я не принесу вам слово = ответ).'

Hendon retired to the place indicated (Хендон удалился к месту указанному) — it was a recess (это было углубление) sunk in the palace wall (сделанное в дворцовой стене; *to sink* — *рыть, утонуть*), with a stone bench in it (с каменной скамейкой в нем) — a shelter for sentinels in bad weather (укрытие для часовых в плохую погоду). He had hardly seated himself (он едва уселся) when some halberdiers (когда какие-то алебардщики), in charge of an officer (под началом офицера), passed by (прошли мимо). The officer saw him (офицер увидел его; *to see* — *видеть*), halted his men (остановил своих людей), and commanded Hendon to come forth (и приказал Хендону выйти). He obeyed (он повиновался), and was promptly arrested as a suspicious character (и

был живо арестован как подозрительная личность) prowling within the precincts of the palace (шатающаяся в окрестностях дворца). Things began to look ugly (вещи = дела начинали выглядеть паршиво). Poor Miles was going to explain (бедный Майлс собирался объяснить), but the officer roughly silenced him (но офицер грубо заткнул его), and ordered his men to disarm him and search him (и приказал своим людям разоружить его и обыскать его).

'God of his mercy grant (Бог в Его милости да позволит) that they find somewhat (чтобы они нашли что-нибудь),' said poor Miles (сказал бедный Майлс); 'I have searched enow (я искал достаточно), and failed (и потерпел неудачу), yet is my need greater than theirs (а это — моя нужда больше, чем их = мне это нужно больше, чем им).'

Nothing was found but a document (ничего не было найдено, кроме одного документа; *to find* — *найти*). The officer tore it open (офицер вскрыл его: «разорвал его открытым»; *to tear* — *рвать*), and Hendon smiled when he recognized the 'pot-hooks' (и Хендон улыбнулся, когда он признал «закорючки») made by his lost little friend (сделанные его потерянным маленьким другом; *to make* — *делать*; *to lose* — *терять*) that black day at Hendon Hall (в тот черный день в Хендон-холле). The officer's face grew dark (лицо офицера потемнело; *to grow* — *становиться, расти*) as he read the English paragraph (пока он читал английский абзац; *to read* — *читать*), and Miles blenched to the opposite color (а Майлс бледнел в противоположный цвет) as he listened (пока он слушал).

'Another new claimant of the crown (еще один новый претендент на корону)!' cried the officer (вскричал офицер). 'Verily they breed like rabbits to-day (взаправду, они плодятся как кролики сегодня). Seize the rascal, men (хватайте этого негодяя, солдаты), and see ye keep him fast (и смотрите, держите его крепко) while I convey this precious paper within (пока я передам эту драгоценную бумагу внутрь) and send it to the king (и пошлю ее королю).

mesmerize [ˈmezməraɪz], carry [ˈkæri], suspicious [səsˈpɪʃəs], character [ˈkærəktə]

Miles Hendon saved him the trouble; for he turned about, then, as a man generally will when somebody mesmerizes him by gazing hard at him from behind; and observing a strong interest in the boy's eyes, he stepped toward him and said:

'You have just come out from the palace; do you belong there?'

'Yes, your worship.'

'Know you Sir Humphrey Marlow?'

The boy started, and said to himself, 'Lord! mine old departed father!' Then he answered, aloud, 'Right well, your worship.'

'Good — is he within?'

'Yes,' said the boy; and added, to himself, 'within his grave.'

Might I crave your favor to carry my name to him, and say I beg to say a word in his ear?'

'I will despatch the business right willingly, fair sir.'

'Then say Miles Hendon, son of Sir Richard, is here without — I shall be greatly bounden to you, my good lad.'

The boy looked disappointed — 'the king did not name him so,' he said to himself — 'but it mattereth not, this is his twin brother, and can give his majesty news of t'other Sir-Odds-and-Ends, I warrant.' So he said to Miles, 'Step in there a moment, good sir, and wait till I bring you word.'

Hendon retired to the place indicated — it was a recess sunk in the palace wall, with a stone bench in it — a shelter for sentinels in bad weather. He had hardly seated himself when some halberdiers, in charge of an officer, passed by. The officer saw him, halted his men, and commanded Hendon to come forth. He obeyed, and was promptly arrested as a suspicious character prowling within the precincts of the palace. Things began to look ugly. Poor Miles was going to explain, but the officer roughly silenced him, and ordered his men to disarm him and search him.

'God of his mercy grant that they find somewhat,' said poor Miles; 'I have searched enow, and failed, yet is my need greater than theirs.'

Nothing was found but a document. The officer tore it open, and Hendon smiled when he recognized the 'pot-hooks' made by his lost little friend that black day at Hendon Hall. The officer's face grew dark as he read the English paragraph, and Miles blanched to the opposite color as he listened.

'Another new claimant of the crown!' cried the officer. 'Verily they breed like rabbits to-day. Seize the rascal, men, and see ye keep him fast while I convey this precious paper within and send it to the king.'

He hurried away (он поспешил прочь), leaving the prisoner in the grip (оставив пленника в хватке = в руках) of the halberdiers (алебардщиков).

'Now is my evil luck ended at last (теперь моя злая удача = судьба закончена наконец),' muttered Hendon (пробормотал Хендон), 'for I shall dangle at a rope's end (ибо я буду болтаться на конце веревки) for a certainty (определенно), by reason of that bit of writing (по причине этого письма; *bit* — кусочек; *writing* — писание). And what will become of my poor lad (а что станет с моим бедным мальчиком)! — ah, only the good God knoweth (ах, только добрый Бог знает).'

By and by (вскоре) he saw the officer coming again (он увидел офицера, приходящего снова; *to see* — видеть), in a great hurry (в великой спешке); so he plucked his courage together (так что он собрал /все/ свое мужество; *together* — вместе), purposing to meet his trouble (намереваясь встретить свою беду) as became a man (как подобало человеку; *to become* — подобать). The officer ordered the men to loose the prisoner (офицер приказал солдатам отпустить пленника) and return his sword to him (и вернуть его меч ему); then bowed respectfully (затем поклонился почтительно), and said (и сказал):

'Please you, sir (соблаговолите, сэр), to follow me (последовать за мной).'

Hendon followed, saying to himself (Хендон последовал, говоря себе), 'An I were not travelling to death and judgment (если бы я не шествовал к смерти и судилищу), and so must needs economize in sin (и поэтому должен непременно

экономить на грехах = совершать их поменьше), I would throttle this knave (я бы придушил этого мерзавца) for his mock courtesy (за его издевательскую любезность).'

The two traversed a populous court (эти двое пересекли многолюдный двор), and arrived at the grand entrance of the palace (и пришли к величественному входу во дворец), where the officer (где офицер), with another bow (с еще одним поклоном), delivered Hendon into the hands (передал Хендона в руки) of a gorgeous official (разодетого придворного), who received him with profound respect (который принял его с глубоким уважением) and led him forward through a great hall (и повел его вперед через огромный холл; *to lead* — *вести*), lined on both sides (обрамленный с обеих сторон; *to line* — *выстроиться в линию*) with rows of splendid flunkies (рядами надменных лакеев) (who made reverential obeisance (которые отвешивали почтительные поклоны) as the two passed along (пока двое проходили мимо), but fell into death-throes of silent laughter (но давились от бесшумного смеха: «падали в предсмертную агонию бесшумного смеха»; *to fall* — *надать*) at our stately scarecrow (при виде нашего представительного пугала; *to scare* — *пугать*; *crow* — *ворона*) the moment his back was turned (в тот момент, когда его спина была повернута = у него за спиной)), and up a broad staircase (и вверх по широкой лестнице), among flocks of fine folk (через толпы утонченного люда), and finally conducted him to a vast room (и наконец провел его в обширную комнату), clove a passage for him (проложил путь: «проход» для него; *to cleave* — *прорезывать, прокладывать путь*) through the assembled nobility of England (через собранную знать Англии), then made a bow (затем отвесил поклон), reminded him to take his hat off (напомнил ему снять свою шляпу), and left him standing in the middle of the room (и оставил его стоящим в середине комнаты; *to leave* — *оставлять*), a mark for all eyes (мишень для всех взглядов: «глаз»), for plenty of indignant frowns (для множества негодующих нахмуренных взглядов), and for a sufficiency of amused and

derisive smiles (и для достаточного количества веселых: «позабавленных» и насмешливых улыбок).

Miles Hendon was entirely bewildered (Майлс Хендон был совершенно ошеломлен). There sat the young king (вон сидел молодой король; *to sit* — *сидеть*), under a canopy of state (под пышным балдахином), five steps away (в пяти шагах: «пять шагов прочь»), with his head bent down and aside (с головой, склоненной вниз и в сторону; *to bend* — *склонять*), speaking with a sort of human bird of paradise (говорящий с какой-то человеческой райской птицей = с человеком, разряженным в пух и прах; *sort* — *сорт, разновидность*) — a duke, maybe (герцогом, может быть); Hendon observed to himself (Хендон заметил себе) that it was hard enough to be sentenced to death in the full vigor of life (что это было достаточно тяжело — быть приговоренным к смерти в полном расцвете жизни), without having this peculiarly public humiliation added (и без того, чтобы получить это излишне публичное унижение добавленным = вдобавок). He wished the king would hurry about it (он желал, чтобы король поторопился с этим) — some of the gaudy people near by were becoming pretty offensive (некоторые из расфуфыренных людей поблизости становились весьма агрессивными). At this moment the king raised his head slightly (в этот момент король поднял свою голову немного) and Hendon caught a good view of his face (и Хендон поймал хороший вид его лица = хорошо рассмотрел его лицо; *to catch* — *ловить*). The sight nearly (это зрелище почти) took his breath away (взяло его дыхание прочь = чуть не лишило его дыхания; *to take* — *взять*)! He stood gazing at the fair young face (он стоял, уставясь на прекрасное молодое лицо; *to gaze* — *пристально глядеть; вглядываться; уставиться*) like one transfixed (как прикованный к месту); then presently ejaculated (затем, вскоре, воскликнул):

'Lo, the lord of the Kingdom of Dreams and Shadows on his throne (чу, властелин Королевства Снов и Теней на своем троне)!

He muttered some broken sentences (он бормотал какие-то ломаные предложения; *to break* — *ломать*), still gazing and marveling (все еще глаза и

изумляясь); then turned his eyes around and about (затем обратил свой взор: «глаза» вокруг), scanning the gorgeous throng and the splendid saloon (осматривая пеструю толпу и великолепный зал), murmuring (бормоча), 'But these are *real* (но эти = они настоящие) — verily these are *real* (поистине они настоящие) — surely it is not a dream (точно это не сон).'

He stared at the king again (он уставился на короля снова) — and thought (и подумал; *to think* — думать), 'Is it a dream (сон ли это)?... or is he the veritable sovereign of England (или он подлинный суверен Англии), and not the friendless poor Tom o' Bedlam (а не одинокий: «без друзей» бедный Том из Бедлама) I took him for (за которого я его держал; *to take* — брать) — who shall solve me this riddle (кто разгадает мне эту загадку)?'

A sudden idea flashed in his eye (внезапная мысль вспыхнула в его глазу), and he strode to the wall (и он пошел к стене; *to stride* — шагать), gathered up a chair (взял стул; *to gather* — собирать), brought it back (принес его назад; *to bring* — приносить), planted it on the floor (поставил его на пол), and sat down in it (и уселся на нем; *to sit down* — садиться: «сесть вниз»)!

A buzz of indignation broke out (гул гнева раздался; *to break out* — разразиться), a rough hand was laid upon him (грубая рука была положена на него; *to lay* — класть), and a voice exclaimed (и какой-то голос воскликнул): 'Up (встань: «вверх»), thou mannerless clown (ты, невоспитанный клоун; *manners* — /хорошие/ манеры)! — wouldst sit in the presence of the king (ты собираешься сидеть в присутствии короля)?'

The disturbance attracted his majesty's attention (это возмущение спокойствия привлекло внимание его величества), who stretched forth his hand (который протянул вперед свою руку) and cried out (и вскричал):

'Touch him not (не трогайте его), it is his right (это его право)!'

The throng fell back (толпа подалась назад: «упала»; *to fall* — падать), stupefied (ошеломленная; *to stupefy* — притуплять; лишать чувствительности; приводить в оцепенение; изумлять, поражать;

ошеломлять). The king went on (король продолжил; *to go on* — *продолжать*: «идти дальше»):

'Learn ye all, ladies, lords and gentlemen (узнайте вы все, леди, лорды и джентльмены), that this is my trusty and well-beloved servant Miles Hendon (что это мой доверенный и возлюбленный слуга Майлс Хендон), who interposed his good sword (который вмешался: «вставил между» своим добрым мечом) and saved his prince from bodily harm (и спас своего принца от телесного вреда) and possible death (и возможной смерти) — and for this he is a knight (и за это он — рыцарь), by the king's voice (по голосу = решению короля). Also learn (также знайте), that for a higher service (что за еще более высокую службу), in that (/закрывающуюся/ в том, что) he saved his sovereign stripes and shame (он спас своего суверена от порки и позора), taking these upon himself (приняв их на себя), he is a peer of England (он — пэр Англии), Earl of Kent (граф Кентский), and shall have gold and lands (и получит золото и земли) meet for the dignity (соответствующие этому титулу). More (более того) — the privilege which he hath just exercised (привилегия, которой он только что воспользовался; *to exercise* — *осуществить, проявить*) is his by royal grant (его = принадлежит ему по королевского дару); for we have ordained (ибо мы предписали) that the chiefs of his line (чтобы главы его рода) shall have and hold the right (имели и удерживали право) to sit in the presence of the majesty of England henceforth (сидеть в присутствии величества = короля Англии с сего времени), age after age (век за веком), so long as the crown shall endure (так долго, как корона будет длиться). Molest him not (не досаждайте ему).'

judgment [ˈGAGmənt], vigor [ˈvɪgə], clown [klaun]

He hurried away, leaving the prisoner in the grip of the halberdiers.

'Now is my evil luck ended at last,' muttered Hendon, 'for I shall dangle at a rope's end for a certainty, by reason of that bit of writing. And what will become of my poor lad! — ah, only the good God knoweth.'

By and by he saw the officer coming again, in a great hurry; so he plucked his courage together, purposing to meet his trouble as became a man. The officer ordered the men to loose the prisoner and return his sword to him; then bowed respectfully, and said:

'Please you, sir, to follow me.'

Hendon followed, saying to himself, 'An I were not travelling to death and judgment, and so must needs economize in sin, I would throttle this knave for his mock courtesy.'

The two traversed a populous court, and arrived at the grand entrance of the palace, where the officer, with another bow, delivered Hendon into the hands of a gorgeous official, who received him with profound respect and led him forward through a great hall, lined on both sides with rows of splendid flunkies (who made reverential obeisance as the two passed along, but fell into death-throes of silent laughter at our stately scarecrow the moment his back was turned), and up a broad staircase, among flocks of fine folk, and finally conducted him to a vast room, clove a passage for him through the assembled nobility of England, then made a bow, reminded him to take his hat off, and left him standing in the middle of the room, a mark for all eyes, for plenty of indignant frowns, and for a sufficiency of amused and derisive smiles.

Miles Hendon was entirely bewildered. There sat the young king, under a canopy of state, five steps away, with his head bent down and aside, speaking with a sort of human bird of paradise — a duke, maybe; Hendon observed to himself that it was hard enough to be sentenced to death in the full vigor of life, without having this peculiarly public humiliation added. He wished the king would hurry about it — some of the gaudy people near by were becoming pretty offensive. At this moment the king raised his head slightly and Hendon caught a good view of his face. The sight nearly took his breath away! He stood gazing at the fair young face like one transfixed; then presently ejaculated:

'Lo, the lord of the Kingdom of Dreams and Shadows on his throne!'

He muttered some broken sentences, still gazing and marveling; then turned his eyes around and about, scanning the gorgeous throng and the splendid saloon, murmuring, 'But these are *real* — verily these are *real* — surely it is not a dream.'

He stared at the king again — and thought, 'Is it a dream?... or is he the veritable sovereign of England, and not the friendless poor Tom o' Bedlam I took him for — who shall solve me this riddle?'

A sudden idea flashed in his eye, and he strode to the wall, gathered up a chair, brought it back, planted it on the floor, and sat down in it!

A buzz of indignation broke out, a rough hand was laid upon him, and a voice exclaimed:

'Up, thou mannerless clown! — wouldst sit in the presence of the king?'

The disturbance attracted his majesty's attention, who stretched forth his hand and cried out:

'Touch him not, it is his right!'

The throng fell back, stupefied. The king went on:

'Learn ye all, ladies, lords and gentlemen, that this is my trusty and well-beloved servant, Miles Hendon, who interposed his good sword and saved his prince from bodily harm and possible death — and for this he is a knight, by the king's voice. Also learn, that for a higher service, in that he saved his sovereign stripes and shame, taking these upon himself, he is a peer of England, Earl of Kent, and shall have gold and lands meet for the dignity. More — the privilege which he hath just exercised is his by royal grant; for we have ordained that the chiefs of his line shall have and hold the right to sit in the presence of the majesty of England henceforth, age after age, so long as the crown shall endure. Molest him not.'

Two persons (два человека), who, through delay (которые, из-за задержки; *through* — *через*), had only arrived from the country during this morning (только лишь прибыли из деревни в течение этого утра), and had now been in this room

only five minutes (и теперь были в этой комнате только пять минут), stood listening to these words (стояли, слушая эти слова) and looking at the king (и глядя на короля), then at the scarecrow (затем на пугало), then at the king again (затем на короля снова), in a sort of torpid bewilderment (в оцепенелом удивлении). These were Sir Hugh and the Lady Edith (это были сэр Хью и леди Эдит). But the new earl did not see them (но новый граф не видел их). He was still staring at the monarch (он все еще глядел на монарха), in a dazed way (пораженно), and muttering (и бормоча):

'Oh, body o' me (о, Боже мой)! This my pauper (это мой нищий)! This my lunatic (это мой безумец)! This is he whom I would show (это он = тот, кому я хотел показать) what grandeur was (что такое великолепие), in my house of seventy rooms (в моем доме с семидесятью комнатами) and seven and twenty servants (и двадцатью семью слугами)! This is he who had never known aught (это он = тот, который никогда не знал ничего: «чего-либо») but rags for raiment (кроме лохмотьев в качестве одеяния), kicks for comfort (пинков в качестве ласки), and offal for diet (и отбросов в качестве пропитания)! This is he whom I adopted (это он = тот, кого я принял, как сына) and would make respectable (и хотел сделать приличным)! Would God (пожелал бы Бог) I had a bag (чтобы у меня был мешок) to hide my head in (чтобы спрятать мою голову в /нем/)!'

Then his manners suddenly came back to him (затем его манеры внезапно пришли назад = вернулись к нему; *to come* — *приходить*), and he dropped upon his knees (и он упал на колени), with his hands between the king's (со своими руками между /рук/ короля), and swore allegiance (и поклялся в верности; *to swear* — *клясться*) and did homage (и поблагодарил: «сделал почтение») for his lands and titles (за свои земли и титулы). Then he rose (затем он поднялся; *to rise* — *подниматься*) and stood respectfully aside (и встал уважительно в стороне; *to stand* — *стоять*), a mark still for all eyes (мишень все еще для всех глаз) — and much envy, too (и для большой зависти также).

Now the king discovered Sir Hugh (теперь король обнаружил сэра Хью), and spoke out (и воскликнул; *to speak out* — *воскликнуть*), with wrathful voice (гневым голосом; *wrath* — *гнев, ярость; глубокое возмущение*) and kindling eye (и горящим взором; *to kindle* — *зажигать, разжигать /пламя, костер/*): 'Strip this robber of his false show and stolen estates (отберите у этого разбойника его показной блеск и ворованное имущество; *to strip* — *раздеть; отнять*), and put him under lock and key (и посадите его под замок и ключ) till I have need of him (пока я не буду иметь нужды в нем = пока он мне не понадобится; *need* — *нужда*).'

The late Sir Hugh was led away (бывший сэр Хью был уведен прочь; *to lead* — *вести*).

There was a stir at the other end of the room now (было оживление на другом конце комнаты сейчас); the assemblage fell apart (собрание раздалось в стороны; *to fall apart* — *распадаться, развалиться: «упасть в стороны»*), and Tom Canty, quaintly but richly clothed (и Том Кэнти, причудливо, но богато одетый), marched down (прошагал), between these living walls (между этими живыми стенами), preceded by an usher (сопровожаемый швейцаром). He knelt before the king (он опустился на колени перед королем; *to kneel* — *становиться на колени*), who said (который сказал):

'I have learned the story (я узнал историю) of these past few weeks (этих последних нескольких недель), and am well pleased with thee (и я весьма порадован = доволен тобой). Thou hast governed the realm (ты управлял королевством) with right royal gentleness and mercy (с надлежащими королевской мягкостью и милосердием). Thou hast found thy mother (ты нашел свою мать; *to find* — *найти*) and thy sisters again (и своих сестер снова)? Good (хорошо); they shall be cared for (о них позаботятся; *to care for* — *заботиться о ком-либо*) — and thy father shall hang (а твой отец будет висеть = повешен), if thou desire it (если ты желаешь этого) and the law consent (и закон согласится). Know, all ye that hear my voice (знайте, вы все, кто слышит мой голос), that from this day (что с этого дня), they that abide (они = те, кто

обитают) in the shelter of Christ's Hospital (под кровом Христового странноприимного дома) and share the king's bounty (и разделяют щедрость короля), shall have their minds and hearts fed (получат свои умы и сердца накормленными; *to feed* — *кормить*), as well as their baser parts (также как и их более низкие части); and this boy shall dwell there (и этот мальчик будет обитать там), and hold the chief place (и занимать главное место) in its honorable body of governors (в его почетном коллективе управителей), during life (в течение жизни = пожизненно). And for that he hath been a king (и за то, что = и так как он был королем), it is meet (подобает) that other than common observance (чтобы другой, нежели общий почет = особый почет) shall be his due (причитался бы ему; *due* — *то, что причитается*); wherefore, note this his dress of state (и поэтому заметьте это его парадное одеяние), for by it he shall be known (ибо по нему он будет узнан = его будут узнавать; *to know* — *знать*), and none shall copy it (и никто не должен копировать его); and wheresoever he shall come (и куда бы он ни пришел), it shall remind the people (это будет напоминать людям) that he hath been royal (что он был царственным = королем), in his time (в свое время), and none shall deny him (и никто не откажет ему) his due of reverence (в причитающемся ему почтении; *reverence* — *почтение*) or fail to give him salutation (и не преминет дать = произнести ему приветствие). He hath the throne's protection (он имеет протекцию трона), he hath the crown's support (он имеет поддержку короны), he shall be known (он будет известен; *to know* — *знать*) and called by the honorable title (и (будет) называем почетным титулом) of the King's Ward (Королевского Подопечного).'

The proud and happy Tom Canty rose (гордый и счастливый Том Кэнти встал; *to rise* — *встать*) and kissed the king's hand (и поцеловал руку королю), and was conducted from the presence (и был уведен от его величества). He did not waste any time (он не потратил зря никакого времени), but flew to his mother (но кинулся к своей матери; *to fly* — *летать*), to tell her and Nan and Bet all about it (рассказать ей и Нэн и Бет все об этом) and get them to help him (и

убедить/заставить их помочь ему) enjoy the great news (насладиться великой новостью = разделить с ними радость).

allegiance [ə`li:Gəns], wrath [ra:θ], governor [ˈgʌv(ə)nə]

Two persons, who, through delay, had only arrived from the country during this morning, and had now been in this room only five minutes, stood listening to these words and looking at the king, then at the scarecrow, then at the king again, in a sort of torpid bewilderment. These were Sir Hugh and the Lady Edith. But the new earl did not see them. He was still staring at the monarch, in a dazed way, and muttering:

'Oh, body o' me! This my pauper! This my lunatic! This is he whom I would show what grandeur was, in my house of seventy rooms and seven and twenty servants! This is he who had never known aught but rags for raiment, kicks for comfort, and offal for diet! This is he whom I adopted and would make respectable! Would God I had a bag to hide my head in!'

Then his manners suddenly came back to him, and he dropped upon his knees, with his hands between the king's, and swore allegiance and did homage for his lands and titles. Then he rose and stood respectfully aside, a mark still for all eyes — and much envy, too.

Now the king discovered Sir Hugh, and spoke out, with wrathful voice and kindling eye:

'Strip this robber of his false show and stolen estates, and put him under lock and key till I have need of him.'

The late Sir Hugh was led away.

There was a stir at the other end of the room now; the assemblage fell apart, and Tom Canty, quaintly but richly clothed, marched down, between these living walls, preceded by an usher. He knelt before the king, who said:

'I have learned the story of these past few weeks, and am well pleased with thee. Thou hast governed the realm with right royal gentleness and mercy.

Thou hast found thy mother and thy sisters again? Good; they shall be cared for — and thy father shall hang, if thou desire it and the law consent. Know, all ye that hear my voice, that from this day, they that abide in the shelter of Christ's Hospital and share the king's bounty, shall have their minds and hearts fed, as well as their baser parts; and this boy shall dwell there, and hold the chief place in its honorable body of governors, during life. And for that he hath been a king, it is meet that other than common observance shall be his due; wherefore, note this his dress of state, for by it he shall be known, and none shall copy it; and wheresoever he shall come, it shall remind the people that he hath been royal, in his time, and none shall deny him his due of reverence or fail to give him salutation. He hath the throne's protection, he hath the crown's support, he shall be known and called by the honorable title of the King's Ward.'

The proud and happy Tom Canty rose and kissed the king's hand, and was conducted from the presence. He did not waste any time, but flew to his mother, to tell her and Nan and Bet all about it and get them to help him enjoy the great news.

CONCLUSION (Заключение)

Justice and Retribution (Справедливость и воздаяние)

WHEN the mysteries (когда загадки) were all cleared up (были все прояснены), it came out (вышло наружу = выяснилось; *to come* — *приходить*), by confession of Hugh Hendon (по признанию Хью Хендона), that his wife had repudiated Miles (что его жена отреклась от Майлса) by his command (по его приказу) that day at Hendon Hall (в тот день в Хендон-холле) — a command assisted and supported (по приказу, поддержанному; *to assist* — *помогать*; *to support* — *поддерживать*) by the perfectly trustworthy promise (совершенно

правдоподобным обещанием) that if she did not deny (что если бы она не отрицала) that he was Miles Hendon (что он Майлс Хендон), and stand firmly to it (и стояла бы твердо на этом), he would have her life (он бы взял ее жизнь = лишил бы ее жизни); whereupon she said take it (на что она сказала — бери ее), she did not value it (она не ценила ее) — and she would not repudiate Miles (и она бы не стала отвергать Майлса); then her husband said (тогда ее муж сказал) he would spare her life (что он пощадит ее жизнь), but have Miles assassinated (но прикажет убить Майлса)! This was a different matter (это было другое дело); so she gave her word and kept it (так что она дала свое слово и сдержала его; *to give* — *давать*; *to keep* — *держат*, *хранить*).

Hugh was not prosecuted (Хью не был судим) for his threats (за свои угрозы) or for stealing his brother's estates and title (или за кражу владений и титула своего брата; *to steal* — *красть*), because the wife and brother (потому что жена и брат) would not testify against him (не хотели свидетельствовать против него) — and the former (а первой = жене) would not have been allowed to do it (не было бы позволено сделать это), even if she had wanted to (даже если бы она хотела). Hugh deserted his wife (Хью оставил свою жену) and went over to the continent (и сбежал на континент; *to go over* — *сбегать*), where he presently died (где он вскоре умер); and by and by the Earl of Kent married his relict (и через некоторое время граф Кентский женился на его вдове). There were grand times and rejoicings at Hendon village (были великие времена и радости в деревне Хендон) when the couple paid their first visit to the Hall (когда эта пара заплатила = нанесла свой первый визит в Холл; *to pay* — *платить*).

Tom Canty's father was never heard of again (об отце Тома Кэнти больше никогда не слышали: «отец Тома Кэнти не был никогда слышан о снова»; *to hear* — *слышать*).

The king sought out the farmer (король разыскал фермера; *to seek out* — *отыскать*) who had been branded and sold as a slave (который был клеймен и продан как раб; *to sell* — *продавать*), and reclaimed him from his evil life (и вытащил его из его злой жизни) with the Ruffler's gang (в шайке атамана), and

put him in the way of a comfortable livelihood (и поставил его на путь спокойного дохода; *to put* — *ставить, класть*).

He also took that old lawyer out of prison (он также вытащил того старого адвоката из тюрьмы; *to take out* — *вытащить: «взять наружу»*) and remitted his fine (и простил его штраф). He provided good homes (он предоставил хорошие дома) for the daughters of the two Baptist women (дочерям двух баптисток) whom he saw burned at the stake (которых он видел сожженными у столба), and roundly punished the official (и хорошенько наказал официала = судью церковного суда) who laid the undeserved stripes (который обрушил незаслуженную порку; *to lay* — *класть*) upon Miles Hendon's back (на спину Майлса Хендона).

He saved from the gallows the boy (он спас от виселицы мальчика) who had captured the stray falcon (который поймал заблудившегося ястреба), and also the woman who had stolen the remnant of cloth from a weaver (и также женщину, которая украла отрез ткани у ткача; *to steal* — *красть*); but he was too late (но он был слишком поздним = опоздал) to save the man who had been convicted (чтобы спасти человека, который был приговорен) of killing a deer in the royal forest (за убийство оленя в королевском парке).

He showed favor to the justice (он выказал милость судье) who had pitied him (который пожалел его) when he was supposed to have stolen a pig (когда его обвиняли в краже поросенка: «когда он был предполагаем украсть поросенка»), and he had the gratification of (и он имел вознаграждение в том, чтобы) seeing him grow in the public esteem (видеть, как он растет в общественном мнении) and become a great and honored man (и становится большим и уважаемым человеком).

desert [dɪˈzɜ:t], couple [kʌpl]

WHEN the mysteries were all cleared up, it came out, by confession of Hugh Hendon, that his wife had repudiated Miles by his command that day at

Hendon Hall — a command assisted and supported by the perfectly trustworthy promise that if she did not deny that he was Miles Hendon, and stand firmly to it, he would have her life; whereupon she said take it, she did not value it — and she would not repudiate Miles; then her husband said he would spare her life, but have Miles assassinated! This was a different matter; so she gave her word and kept it.

Hugh was not prosecuted for his threats or for stealing his brother's estates and title, because the wife and brother would not testify against him — and the former would not have been allowed to do it, even if she had wanted to. Hugh deserted his wife and went over to the continent, where he presently died; and by and by the Earl of Kent married his relict. There were grand times and rejoicings at Hendon village when the couple paid their first visit to the Hall.

Tom Canty's father was never heard of again.

The king sought out the farmer who had been branded and sold as a slave, and reclaimed him from his evil life with the Ruffler's gang, and put him in the way of a comfortable livelihood.

He also took that old lawyer out of prison and remitted his fine. He provided good homes for the daughters of the two Baptist women whom he saw burned at the stake, and roundly punished the official who laid the undeserved stripes upon Miles Hendon's back.

He saved from the gallows the boy who had captured the stray falcon, and also the woman who had stolen the remnant of cloth from a weaver; but he was too late to save the man who had been convicted of killing a deer in the royal forest.

He showed favor to the justice who had pitied him when he was supposed to have stolen a pig, and he had the gratification of seeing him grow in the public esteem and become a great and honored man.

As long as the king lived (так долго, как король жил = всю свою жизнь) he was fond of (он любил: «был любящим») telling the story of his adventures (рассказывать историю своих приключений), all through (целиком: «всю через»), from the hour that the sentinel (с того часа, когда часовой) cuffed him away from the palace gate (отогнал его прочь от дворцовых ворот; *to cuff* — *бить*) till the final midnight (до последней: «финальной» полуночи) when he deftly mixed himself into a gang of hurrying workmen (когда он ловко смешался с ватагой спешащих рабочих; *to mix* — *смешивать*) and so slipped into the Abbey (и так проскользнул в Аббатство) and climbed up (и забрался вверх) and hid himself in the Confessor's tomb (и спрятался в гробнице Исповедника; *to hide* — *прятать(ся)*), and then slept so long (и затем проспал так долго; *to sleep* — *спать*), next day (на следующий день), that he came within one of missing the Coronation altogether (что он чуть не пропустил коронацию совсем: «что он пришел в пределы одного от того = близко к тому, чтобы пропустить коронацию совсем»). He said that the frequent rehearsing of the precious lesson (он говорил, что частое повторение этого драгоценного урока) kept him strong (хранило его сильным = поддерживало его) in his purpose (в его намерении) to make its teachings yield benefits to his people (заставить его уроки принести плоды его народу); and so, while his life was spared (и поэтому, пока его жизнь была пощажена = покуда он был жив) he should continue to tell the story (он бы продолжал рассказывать эту историю), and thus keep its sorrowful spectacles fresh in his memory (и так хранить ее печальные картины свежими в его памяти) and the springs of pity replenished in his heart (и источники сострадания полными: «пополненными» в его сердце).

Miles Hendon and Tom Canty were favorites of the king (Майлс Хендон и Том Кэнти были любимцами короля), all through his brief reign (все время его короткого правления: «все через его короткое правление»), and his sincere mourners (и его искренними плакальщиками = искренне скорбели о нем) when he died (когда он умер). The good Earl of Kent had too much good sense (добрый граф Кентский имел слишком много благоразумия: «хорошего

разума») to abuse his peculiar privilege (чтобы злоупотреблять своей особой привилегией); but he exercised it twice (но он воспользовался ею дважды) after the instance we have seen of it (после того случая, который мы видели) before he was called from the world (прежде чем он был призван из мира); once at the accession of Queen Mary (однажды при восшествии на престол королевы Марии), and once at the accession of Queen Elizabeth (и однажды при восшествии на престол королевы Елизаветы). A descendant of his (один потомок его) exercised it (воспользовался ею) at the accession of James I (при восшествии на престол Якова Первого). Before this one's son (прежде чем этого = его сын) chose to use the privilege (выбрал = решил воспользоваться этой привилегией; *to choose* — *выбирать*), near a quarter of a century had elapsed (почти четверть века прошла), and the 'privilege of the Kents' had faded out (и «привилегия Кентов» испарилась) of most people's memories (из памяти большинства людей); so, when the Kent of that day (так что, когда Кент того времени) appeared before Charles I and his court (появился перед Карлом Первым и его двором) and sat down in the sovereign's presence (и уселся в присутствии суверена; *to sit down* — *усесться*: «сесть вниз») to assert and perpetuate (чтобы заявить о и увековечить) the right of his house (это право своего дома), there was a fine stir, indeed (был настоящий переполох, действительно)! But the matter was soon explained (но это дело было вскоре разъяснено) and the right confirmed (и право — подтверждено). The last earl of the line (последний граф в этом роду) fell in the wars (пал в войнах; *to fall* — *пасть*) of the Commonwealth (Английской республики = времен революции; *the Commonwealth of England* — *Английская республика, существовавшая в 1649-1660 гг.*) fighting for the king (сражаясь за короля), and the odd privilege (и эта странная привилегия) ended with him (закончилась с ним).

Tom Canty lived to be a very old man (Том Кэнти дожил до того, чтобы быть очень старым человеком), a handsome, white-haired old fellow (красивым, седовласым старцем), of grave and benignant aspect (величавой и милостивой/кроткой наружности). As long as he lasted (так долго, как он

прожил = всю его жизнь; *to last* — *сохраняться, длиться*) he was honored (он был уважаем); and he was also revered (и он был также почитаем), for his striking and peculiar costume (ибо его удивительный и особенный костюм) kept the people reminded (напоминал людям: «держал людей напоминовенными») that 'in his time he had been royal' (что «в свое время он был королем»); so, wherever he appeared (так что, где бы он ни появился) the crowd fell apart (толпа расступалась; *to fall apart* — *развалиться: «падать в стороны»*), making way for him (делая путь для него), and whispering, one to another (и шепча, один другому), 'Doff thy hat (сними шляпу), it is the King's Ward (это Королевский Подопечный)!' — and so they saluted (и они приветствовали /его/), and got his kindly smile in return (и получали его доброжелательную улыбку в ответ) — and they valued it, too (и они ценили ее, конечно; *too* — *тоже*), for his was an honorable history (ибо это была благородная история). Yes, King Edward VI lived only a few years (да, король Эдуард Шестой прожил лишь несколько лет), poor boy (бедный мальчик), but he lived them worthily (но он прожил их достойно). More than once (более чем однажды = не раз), when some great dignitary (когда какой-нибудь великий сановник), some gilded vassal of the crown (какой-нибудь раззолоченный вассал короны), made argument (спорил; *argument* — *спор, доказательства*) against his leniency (против его снисходительности), and urged that some law (и настаивал, что какой-нибудь закон) which he was bent upon amending (который он = король был склонен изменить; *to bend* — *склоняться; to amend* — *исправить, улучшить*) was gentle enough for its purpose (был /и без того/ достаточно мягким для своей цели), and wrought no suffering or oppression (и не причинял никакого страдания или притеснения) which any one need mightily mind (о котором кому-либо надо было серьезно беспокоиться; *to need* — *нуждаться; to mind* — *возражать, иметь что-либо против*), the young king turned the mournful eloquence of his great compassionate eyes (юный король оборачивал скорбное красноречие своих больших сострадательных глаз) upon him (на него) and answered (и отвечал):

'What dost *thou* know of suffering and oppression (что знаешь ты о страдании и угнетении)! I and my people know (я и мой народ знаем), but not thou (но не ты).'

The reign of Edward VI was a singularly merciful one (правление Эдуарда Шестого было редкостно милосердным) for those harsh times (для тех жестоких времен). Now that we are taking leave of him (теперь, когда мы покидаем его: «берем уход от него») let us try (постараемся: «позволим нам постараться») to keep this in our minds (хранить это в своей памяти), to his credit (на его добрую память = для его хорошей репутации).

rehearse [ri'hɜ:s], yield [ji:ld], leniency [ˈli:niənsɪ]

As long as the king lived he was fond of telling the story of his adventures, all through, from the hour that the sentinel cuffed him away from the palace gate till the final midnight when he deftly mixed himself into a gang of hurrying workmen and so slipped into the Abbey and climbed up and hid himself in the Confessor's tomb, and then slept so long, next day, that he came within one of missing the Coronation altogether. He said that the frequent rehearsing of the precious lesson kept him strong in his purpose to make its teachings yield benefits to his people; and so, while his life was spared he should continue to tell the story, and thus keep its sorrowful spectacles fresh in his memory and the springs of pity replenished in his heart.

Miles Hendon and Tom Canty were favorites of the king, all through his brief reign, and his sincere mourners when he died. The good Earl of Kent had too much good sense to abuse his peculiar privilege; but he exercised it twice after the instance we have seen of it before he was called from the world; once at the accession of Queen Mary, and once at the accession of Queen Elizabeth. A descendant of his exercised it at the accession of James I. Before this one's son chose to use the privilege, near a quarter of a century had elapsed, and the 'privilege of the Kents' had faded out of most people's memories; so, when the

Kent of that day appeared before Charles I and his court and sat down in the sovereign's presence to assert and perpetuate the right of his house, there was a fine stir, indeed! But the matter was soon explained and the right confirmed. The last earl of the line fell in the wars of the Commonwealth fighting for the king, and the odd privilege ended with him.

Tom Canty lived to be a very old man, a handsome, white-haired old fellow, of grave and benignant aspect. As long as he lasted he was honored; and he was also revered, for his striking and peculiar costume kept the people reminded that 'in his time he had been royal'; so, wherever he appeared the crowd fell apart, making way for him, and whispering, one to another, 'Doff thy hat, it is the King's Ward!' — and so they saluted, and got his kindly smile in return — and they valued it, too, for his was an honorable history.

Yes, King Edward VI lived only a few years, poor boy, but he lived them worthily. More than once, when some great dignitary, some gilded vassal of the crown, made argument against his leniency, and urged that some law which he was bent upon amending was gentle enough for its purpose, and wrought no suffering or oppression which any one need mightily mind, the young king turned the mournful eloquence of his great compassionate eyes upon him and answered:

'What dost thou know of suffering and oppression! I and my people know, but not thou.'

The reign of Edward VI was a singularly merciful one for those harsh times. Now that we are taking leave of him let us try to keep this in our minds, to his credit.